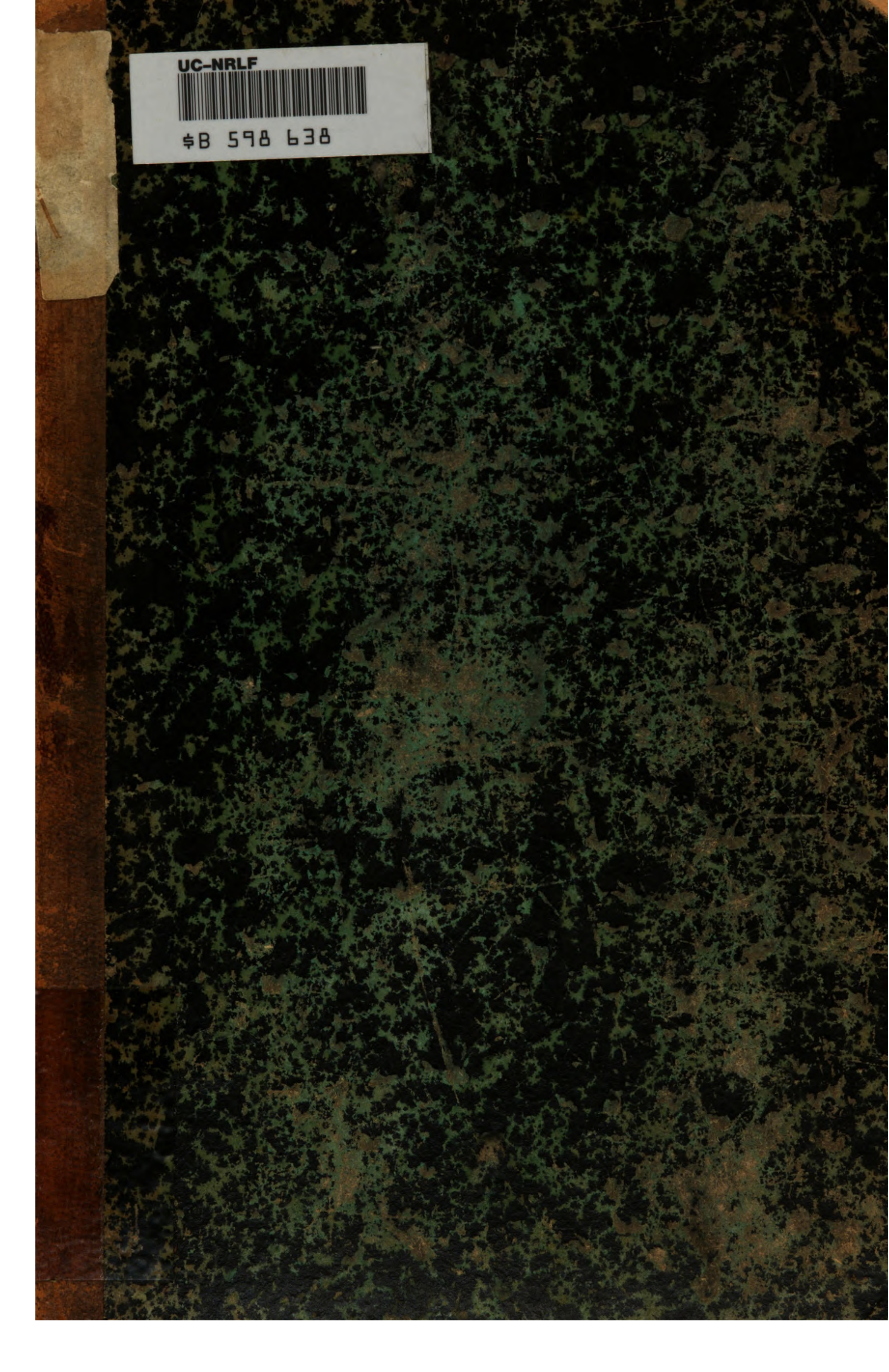
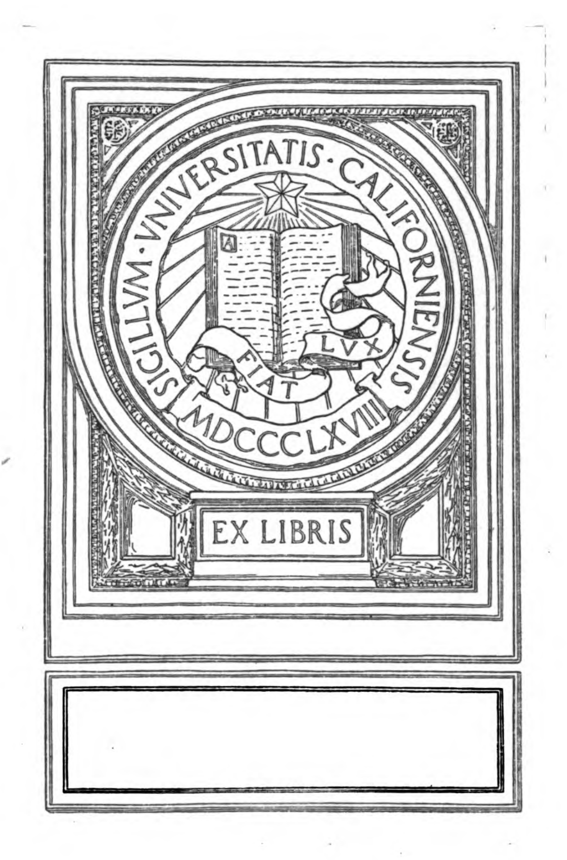

UC-NRLF
$B 598 638

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ V-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

СОДЕРЖАНІЕ

Годъ V-й. **№ 1-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

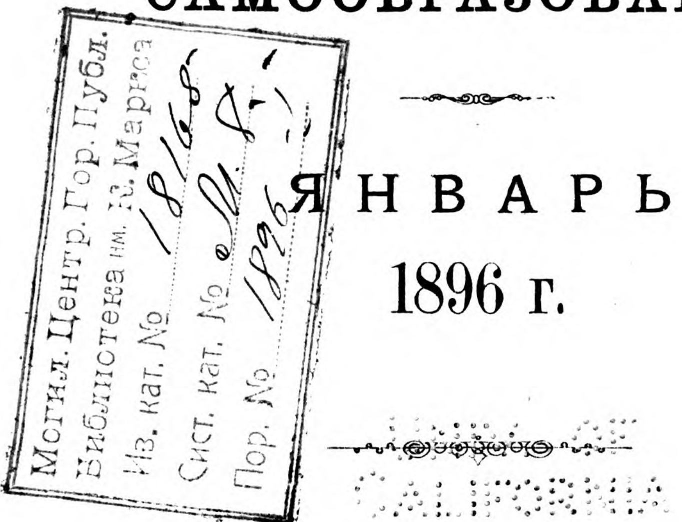
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

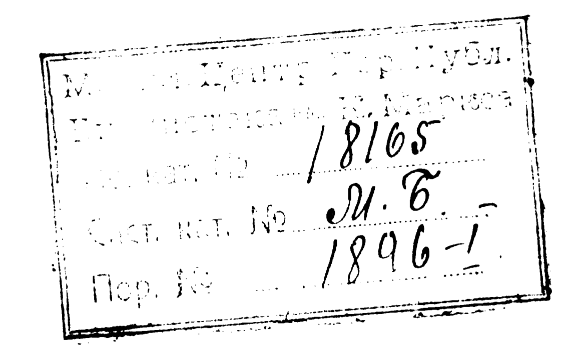

ЯНВАРЬ
1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 21-го декабря 1895 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Когда на правой сторонѣ дороги показались высокія фабричныя трубы, Машу Честюнину охватило какое-то еще неиспытанное жуткое чувство. Эти трубы говорили о близости Петербурга, того Петербурга, гдѣ она уже не будетъ по провинціальному „Машей“, а превратится въ оффиціальную „Марью Честюнину“. Ей казалось теперь, что не она мчится на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги въ завѣтную для всей учащейся молодежи столицу, а что Петербургъ летитъ на встрѣчу къ ней. Страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ вызывалъ неопредѣленную тоску по томъ, что осталось *тамъ*, далеко-далеко. Теперь она рѣшительно всѣмъ чужая, никто ея больше не знаетъ, никому до нея нѣтъ никакого дѣла, и жуткое чувство молодого одиночества все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее. Она боялась расплакаться и отвернулась къ окну, чтобы никто не видѣлъ ея лица. Въ моменты нервнаго настроенія на нее нападала какая-то чисто бабья плаксивость, за что она ненавидѣла себя отъ чистаго сердца, а сейчасъ въ особенности. Ея волненіе усиливалось еще больше отъ молодого задорнаго хохота, доносившагося съ сосѣдней скамьи, гдѣ сидѣлъ бѣлокурый студентъ съ узенькими сѣрыми глазками и дѣвушка-студентка. Молодые люди, видимо, чувствовали себя прекрасно, болтали всю дорогу и смѣялись, потому что были молоды. Честюниной казалось, что студентъ хохочетъ какъ-то неестественно и только притворяется, что ему весело,

и она почувствовала къ нему завистливую антипатію. Вѣроятно, онъ очень глупый, потому что серьезные люди не будутъ такъ смѣяться. И остальная публика третьяго класса, кажется, раздѣляла это мнѣніе, потому что всѣ оглядывались на хохотавшаго студента и смотрѣли на него злыми глазами.

— Экъ его разбираетъ!..—ворчалъ сѣденькій благообразный старичокъ, сидѣвшій напротивъ Честюниной.—Даже противно слушать...

Этотъ старичокъ тоже не нравился Честюниной, потому что цѣлую ночь мѣшалъ ей спать своимъ храпѣньемъ, охами и шепотомъ какихъ-то молитвъ. Ей почему-то казалось, что онъ не добрый, хотя старичокъ нѣсколько разъ пробовалъ съ ней заговаривать.

— Сударыня, вы откуда изволите ѣхать?

— Изъ Сузумья...

— Извините, пожалуйста: что же это такое будетъ, т.-е. это самое Сузумье?

— Уѣздный городъ...

— Такъ-съ... А позвольте узнать, какой губерніи?

Честюнина назвала одну изъ далекихъ восточныхъ губерній, и старичокъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой, точно она ѣхала, по меньшей мѣрѣ, съ того свѣта.

— Такъ-съ... Значитъ, въ Питеръ? Очень хорошо... А позвольте узнать, по какимъ такимъ дѣламъ?

— Учиться...

— Такъ-съ... Въ гимназію, значитъ?

— Нѣтъ, я гимназію кончила, а ѣду поступить на медицинскіе курсы.

Старичокъ посмотрѣлъ на нее какими-то оторопѣлыми глазами и съ раздраженіемъ спросилъ:

— Значитъ, мертвецовъ будете рѣзать?

— Да...

Отвѣтъ, видимо, не удовлетворилъ любопытнаго старца. Онъ что-то пошепталъ про себя, угнетенно вздохнулъ и спросилъ уже другимъ тономъ:

— Позвольте спросить, сударыня, а какъ же, напримѣръ, родители? Я говорю къ тому, что ежели бы моя собственная дочь... Да ни въ жисть!.. Помилуйте, молодая дѣ-

вушка, которая и понимать-то ничего не должна, и, вдругъ, этакая мерзость... тьфу!

Старичокъ даже зашипѣлъ отъ злости и благочестиво плюнулъ по адресу волновавшей его мерзости.

— Такъ какъ же, напримѣрно, родители?—приставалъ онъ.—Этакую даль отпущаютъ одну одинешеньку...

— Что же тутъ страннаго? Какъ видите, никто до сихъ поръ не съѣлъ меня...

— Нѣтъ, я такъ полагаю, что ваши родители померли...

— Отецъ, дѣйствительно, умеръ, а мать жива...

— Изъ чиновниковъ?

— Да...

— И состояніе оставилъ родитель?

— Мама получаетъ пенсію...

— Братья есть?

— Одинъ братъ въ Москвѣ въ университетѣ, а другой въ гимназіи.

Этотъ допросъ начиналъ раздражать Честюнину, и дѣвушка начала придумывать, какъ бы оборвать нахальнаго старика. Но ему, видимо, пришла какая-то новая мысль, и онъ спросилъ прежнимъ заискивающимъ тономъ:

— А можетъ быть, у васъ есть въ Питерѣ богатые родственники?..

— Есть дядя. Онъ служитъ въ министерствѣ...

— Генералъ?

— Право, не знаю... Кажется, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Богатый?

— И этого не знаю... Я его никогда не видала и ѣду въ Петербургъ въ первый разъ.

— Такъ-съ... Ну, это совсѣмъ другое дѣло, ежели есть дядя и притомъ въ чинѣ штатскаго генерала. Вы, значитъ, прямо къ нему?

— Не знаю, право. Очень можетъ быть...

— Конечно, къ нему, хотя и говорится пословица, что деревенская родня, какъ зубная боль. Вы ужъ извините меня, сударыня, а надо пряменько говорить... Совсѣмъ вы молоды и, можно сказать такъ, что какъ есть ничего не понимаете, а дядя-то ужъ все понимаетъ. У меня три такихъ знакомыхъ

штатскихъ генерала есть... Аккуратно живутъ и держатъ себя весьма сосредоточенно.

Навязчивый старичокъ совершенно успокоился и сосредоточилъ все свое вниманіе на хохотавшемъ студентѣ, но потомъ неожиданно обернулся къ Честюниной и проговорилъ:

— А по нашему, по необразованному, лучше бы было, ежели бы вы, сударыня, остались въ своемъ Сузумьѣ да, напримѣръ, замужъ дѣвичьимъ дѣломъ. Куда аккуратнѣе бы вышло, и мамынкѣ спокойнѣе бы не въ примѣръ, а то теперь вотъ какъ, поди, старушка-то думаетъ... Можетъ, у старушки-то и женишокъ былъ свой на примѣтѣ? Что же, дѣло житейское...

Послѣднее замѣчаніе вдругъ сконфузило дѣвушку, такъ что она даже покраснѣла. Любопытный старецъ смотрѣлъ на нее улыбавшимися глазами и покачивалъ головой. Впрочемъ, поѣздъ уже подходилъ къ Петербургу, и разговоръ прекратился самъ собой.

— Эти вонъ трубы-то—это все фабрики по Невѣ,— объяснялъ старичокъ, связывая подушку въ узелъ.—И столько этихъ фабрикъ... А вонъ тамъ дымитъ Обуховскій заводъ. Пушки льютъ...

Дѣвушка молчала, охваченная опять волненіемъ. Она вся точно сжалась и чувствовала себя такой маленькой-маленькой. Весь вагонъ поднялся на ноги, и всѣ торопливо собирали свои пожитки, до веселаго студента включительно. Честюнина наблюдала за всѣми и думала, что вотъ этихъ всѣхъ кто-нибудь ждетъ, кто-нибудь будетъ ихъ встрѣчать и радоваться этой встрѣчѣ, и только она одна составляетъ печальное исключеніе. Вопросъ о томъ, остановиться у дяди или нѣтъ, все еще оставался нерѣшеннымъ.

— Слава тебѣ, Господи, — вслухъ молился старичокъ, крестясь на купола Александро-Невской лавры.—Вотъ мы и дома, сударыня... Счастливо оставаться.

Поѣздъ уже замедлялъ ходъ. По сторонамъ мелькали пустые вагоны, а потомъ точно выплыла станціонная платформа, на которой стояли кучки ожидавшей публики и бѣгали въ синихъ блузахъ и бѣлыхъ передникахъ посыльные. Кто-то махалъ на платформѣ шапкой, слышались радостныя восклицанія и поднималась суматоха разъѣзда. Честюнина дожда-

лась, пока выйдутъ другіе—вѣдь ей некуда было торопиться, и вышла почти послѣдней. Платформа быстро очищалась отъ публики, и оставалось всего нѣсколько человѣкъ, очевидно, никого не дождавшихся. Они пытливо оглядывали каждаго запоздавшаго пассажира, который выходилъ изъ вагона, и провожали его глазами. Когда Честюнина тащила свой сакъвояжъ и разные дорожные узелки, къ ней подошелъ красивый молодой человѣкъ и проговорилъ:

— Простите, вы не m-lle Честюнина?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ дѣвушку и она вся вспыхнула.

— Да, я...

— Имѣю честь рекомендоваться: вашъ двоюродный братъ Евгеній Васильевичъ Анохинъ.

— Ахъ, очень, очень рада... Какъ это вы узнали меня?

— Очень просто: по вашимъ узелкамъ. Сейчасъ видно провинціалку. Я такъ и мутерхенъ сказалъ... У насъ комната приготовлена для васъ. Да... Папа вчера получилъ письмо отъ вашей maman, а я сегодня и поѣхалъ встрѣчать.

— Вотъ какая мама... А я еще просила ее ничего не писать обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ, очень благодарна вамъ за вниманіе... мнѣ совѣстно...

— Помилуйте, Марья Гавриловна. Позвольте мнѣ ваши узелки... Эй, человѣкъ!..

Анохинъ имѣлъ совсѣмъ петербургскій видъ, какъ опредѣлила его Честюнина про себя. Какой-то весь приглаженный и вылощенный, точно сейчасъ сорвался съ модной картинки. И говорилъ онъ чуть въ носъ, смѣшно растягивая слова. Молодое красивое лицо съ темными усиками и темными глазами было самоувѣренно, съ легкимъ оттѣнкомъ вѣжливаго нахальства. Рядомъ съ нимъ дѣвушка почувствовала себя самой непростительной провинціалкой, начиная съ помятой дорогой касторовой шляпы и кончая несчастными провинціальными узелками. Она еще разъ смутилась, чувствуя на себѣ экзаменовавшій ее съ ногъ до головы взглядъ петербургскаго брата. Онъ, дѣйствительно, осматривалъ ее довольно безцеремонно. Одѣта совсѣмъ по провинціальному, какъ не одѣвается даже горничная Даша, а личико съ большими наивными голубыми глазами, мягкимъ дѣтскимъ носомъ

и свѣжимъ ртомъ ничего себѣ, хоть куда. „Дѣвица съ ноготкомъ",—опредѣлилъ братецъ провинціальную сестрицу.— „Вотъ этакія бѣлокурыя барышни склонны въ особенности къ трагедіи... „Я твоя на вѣки, а, впрочемъ, въ смерти моей прошу никого не обвинять". Очень понимаемъ... Папахенъ, кажется, ошибся".

Пока артельщикъ получалъ багажъ, Анохинъ болталъ самымъ непринужденнымъ образомъ и нѣсколько разъ очень мило съострилъ, такъ что Честюнина не могла не улыбнуться. Анохинъ замѣтилъ, что она очень мило улыбалась, какъ всѣ люди, которыя смѣются рѣдко.

— А знаете, Марья Гавриловна, я долженъ васъ предупредить относительно одной тайны... Да, да, настоящая тайна! Вчера получено было письмо отъ вашей maman, а сегодня утромъ другое... гм... И знаете, адресъ написанъ мужской рукой, немного канцелярскимъ почеркомъ. Моя мутерхенъ великій знатокъ по этой части и сразу надулась... Вы не смущайтесь и сдѣлайте видъ, что ничего не замѣчаете. Я всегда такъ дѣлаю... На всякій случай счелъ своимъ долгомъ предупредить васъ.

Дѣвушка, однако, смутилась еще разъ и даже опустила глаза, какъ горничная.

— Вѣроятно, отъ брата изъ Москвы...—точно оправдывалась она.

— Конечно, отъ брата. И я такъ же объяснилъ мутерхенъ... О, мутерхенъ величайшій изъ дипломатовъ и у насъ происходятъ постоянныя стычки на этой почвѣ. У меня масса непріятностей именно изъ-за писемъ...

Когда артельщикъ принесъ дешевый чемоданчикъ и простой мѣшокъ, сконфузился уже молодой человѣкъ. Во-первыхъ, онъ пріѣхалъ на собственномъ извозчикѣ, а во-вторыхъ, швейцаръ Григорій сдѣлаетъ такую презрительную рожу... Только мужики на заработки идутъ съ такими мѣшками. Впрочемъ, нужно быть немножко демократомъ, когда имѣешь провинціальную сестрицу. Ахъ, эти провинціалы, ничего-то они не понимаютъ: какой-нибудь дурацкій дорожный мѣшокъ, и все погибло. Можно себѣ представить положеніе папахена, который выдавалъ племянницу чуть не за милліонершу. Молодой человѣкъ понялъ, что папахенъ этимъ маневромъ хо-

тѣлъ подкупить мамахенъ, сдѣлавшую кислое лицо при первомъ извѣстіи о ѣдущей провинціалкѣ-племянницѣ, и по пути ввелъ въ заблужденіе родного сына. Развѣ бы онъ поѣхалъ встрѣчать на вокзалъ, если бы по молодости лѣтъ не увлекся мыслью о родственныхъ богатствахъ. Впрочемъ, все равно...

— Ефимъ изъ пятой линіи! — громко выкрикивалъ на подъѣздѣ артельщикъ.

Подалъ извозчикъ-лихачъ, замѣтно покосившійся на проклятый мѣшокъ, сунутый ему въ ноги. Накрапывалъ назойливый осенній дождь, и всѣ зданія казались особенно мрачными.

— Я забылъ извиниться предъ вами за нашу милую петербургскую осень,—весело шутилъ Анохинъ, когда лихачъ выѣхалъ на Знаменскую площадь.—Ефимъ, по Невскому! Я хочу васъ поразить лучшей петербургской улицей, Марья Гавриловна... Только вотъ дождь портитъ впечатлѣніе.

На площади они встрѣтили того старичка, который донималъ Честюнину своей пытливостью. Онъ несъ на спинѣ какой-то тюкъ и раскланялся съ „барышней“. Анохинъ черезъ плечо посмотрѣлъ на нее и только приподнялъ плечи въ знакъ удивленія. Она замѣтила это движеніе и улыбнулась.

II.

Невскій проспектъ не произвелъ на Честюнину впечатлѣнія, больше того—онъ совсѣмъ не оправдалъ того представленія, которое сложилось по описаніямъ въ книгахъ. Улица какъ улица. Большіе дома, большіе магазины, большое движеніе, а „блестящаго“ и поражающаго какъ есть ничего. Вотъ Исаакіевскій соборъ другое дѣло. Поразила дѣвушку только одна красавица Нева, точно налитая въ гранитныхъ берегахъ. Васильевскій Островъ уже напоминалъ провинціальный губернскій городъ.

Швейцаръ Григорій встрѣтилъ гостью съ изысканной любезностью настоящаго столичнаго хама. Въ Сузумьѣ былъ единственный швейцаръ въ женской гимназіи, и Честюнина смотрѣла съ дѣтскимъ любопытствомъ на эту новую для нея породу людей.

— Вы пройдете въ свою комнату,—диктовалъ Анохинъ, когда они поднимались по лѣстницѣ въ третій этажъ.—Горничная Даша подастъ вамъ умыться... Вы съ ней построже, Марья Гавриловна.

— Я не умѣю...

— Учитесь. А мутерхенъ выйдетъ къ завтраку...

Горничная Даша, красивая, но съ какимъ-то преждевременно увядшимъ лицомъ, встрѣтила гостью съ величавымъ презрѣніемъ, особенно когда на сцену появился знаменитый мѣшокъ и провинціальные узелки. Квартира была большая и парадныя комнаты поражали Честюнину своей показной роскошью. Отведенная ей комната, впрочемъ, отличалась спартанской простотой, и это даже обрадовало гостью, напомнивъ оставленную дома приличную нищету. Вездѣ было тихо, точно весь домъ вымеръ. Даша тоже величественно молчала и демонстративно положила мѣшокъ на письменный столъ. Честюнина ничего ей не сказала, и сама перенесла его въ уголъ.

— Не прикажите ли чего-нибудь, барышня?—спросила Даша, улыбающимися глазами глядя на мужскіе дешевенькіе серебряные часы, которые гостья положила на письменный столъ—такихъ часовъ даже швейцаръ Григорій не будетъ носить.

— Рѣшительно ничего не нужно... Я привыкла все дѣлать сама.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Барыня Елена Ѳедоровна выдутъ къ завтраку ровно въ двѣнадцать часовъ. У насъ ужъ такъ заведено.

Оставшись одна, Честюнина подошла къ окну, и долго смотрѣла на столичный дворъ, походившій на пропасть. Со дна этой пропасти поднимался какой-то особенно тяжелый воздухъ. Впрочемъ, она еще на улицѣ почувствовала его — отдавало помойной ямой и какой-то подвальной гнилью. Умывшись безъ помощи Даши, она съ особенной тщательностью занялась своимъ туалетомъ, а прибирая волосы, нѣсколько разъ улыбнулась. Навѣрно петербургскій братецъ теперь волнуется за нее, потому что мутерхенъ произведетъ ей настоящій экзаменъ. Къ сожалѣнію, самое нарядное черное шер-

стяное платье изъ дешевенькаго кашемира оказалось смятымъ, носки ботинокъ порыжѣли, а волосы походили на солому.

Когда она была готова, въ дверяхъ послышался осторожный стукъ.

— Войдите...

Вошелъ Анохинъ, быстро оглядѣлъ ее и остался, кажется, доволенъ. Онъ подалъ ей письмо и, глядя на свои золотые часы, предупредилъ:

— Остается ровно полчаса до завтрака... У насъ это въ родѣ священнодѣйствія.

Онъ уже хотѣлъ уходить, какъ замѣтилъ лежавшіе на столѣ часы.

— Марья Гавриловна, ради Бога, не надѣвайте этихъ несчастныхъ часовъ, а то мутерхенъ увидитъ, и крышка.

— Это часы моего папы, и я ими очень дорожу...

— Я понимаю ваши чувства, но вы не знаете мутерхенъ...

Когда молодой человѣкъ вышелъ, Честюнина поняла, что ей здѣсь не жить. Ее начинали давить самыя стѣны. Хороша должно быть эта мутерхенъ, предъ которой трепещетъ цѣлый домъ. Да и всѣ хороши. Впрочемъ, петербургскій братецъ, должно быть, очень добрый человѣкъ и хлопочетъ отъ чистаго сердца. О папахенъ никто ничего не говоритъ— значитъ, онъ въ полномъ загонѣ.

Письма она не стала читать, а только мелькомъ взглянула на адресъ. Ей почему-то показалось обиднымъ опредѣленіе этого крупнаго и твердаго мужского почерка „канцелярскимъ", хотя петербургская мутерхенъ и угадала. Рѣшивъ не оставаться здѣсь, дѣвушка успокоилась. Что ей за дѣло до этой мутерхенъ... По пути она вспомнила веселаго бѣлокураго студента, который, навѣрно, ужъ не испытываетъ подобныхъ глупыхъ волненій. Боже мой, какое счастье имѣть свой уголокъ, самый крошечный уголокъ, гдѣ можно было бы чувствовать себя самой собой, и только. Неужели въ такомъ громадномъ городѣ не найдется такого уголка? Вѣдь, наконецъ, живутъ же крысы и мыши...

Наступили роковые двѣнадцать часовъ. Даша уже ждала гостью въ полутемномъ корридорѣ и молча повела ее черезъ залъ въ столовую, обставленную съ какой-то трактирной роскошью. Честюнина больше не смущалась и довольно сво-

одно отрекомендовалась „мутерхенъ",которая снизошла до того, что поцѣловала ее въ лобъ. Анохинъ наблюдалъ эту сцену представленія и остался доволенъ провинціалкой. Ничего, для перваго раза не вредно... Мутерхенъ была среднихъ лѣтъ женщина, недавно еще очень красивая, но состарившаяся раньше времени, благодаря сидячей жизни и привычкѣ плотно покушать. Оставались красивыми черные злые глаза и маленькія холеныя ручки.

— Базиль будетъ такъ радъ...—повторяла Елена Ѳедоровна. — У него, вообще, родственныя чувства сильно развиты. Да...

— Мутерхенъ, я, кажется, вполнѣ унаслѣдовалъ эту родственную шишку,—попробовалъ съострить Анохинъ.

— Фи, какъ ты вульгарно выражаешься, Эженъ!..

— Я, мутерхенъ, говорю по френологіи. Есть такая наука...

Елена Ѳедоровна не удостоила отвѣта это оправданіе и вообще больше не считала нужнымъ обращать вниманіе на сына. Честюнину удивило больше всего то, что она завтракала отдѣльно. Даша подала ей куриную котлетку, потомъ какой-то бульонъ, сметану, яйца и какао. Гостья только потомъ узнала, что мутерхенъ находится на положеніи вѣчной больной и ѣстъ отдѣльно. Собственно завтракъ былъ очень простъ, и дѣвушка съ большимъ удовольствіемъ съѣла два ломтя говядины изъ вчерашняго супа и цѣлую порцію горячаго картофеля въ мундирѣ.

— Вамъ придется, Мари—позвольте мнѣ васъ такъ называть?—да, придется измѣнить нѣкоторыя провинціальныя привычки,—тянула Елена Ѳедоровна.—Это уже общая судьба всѣхъ провинціаловъ... Но вы не стѣсняйтесь: въ свое время все будетъ.

— Мутерхенъ, я по этой части могу быть профессоромъ...

— Тѣмъ болѣе, что нынѣшняя молодежь, какъ курсистки, бравируютъ пренебреженіемъ къ условнымъ мелочамъ,—тянула мутерхенъ:—да, бравируютъ, забывая, что онѣ прежде всего и послѣ всего женщины... Я, конечно, понимаю, что это просто молодой бунтъ и что со временемъ все пройдетъ. Повѣрьте, Мари, что изъ настоящихъ буянокъ выйдутъ, можетъ быть, еще болѣе чопорныя дамы, чѣмъ тѣ, надъ которыми онѣ сейчасъ смѣются. Говорю все это впередъ, искренне желая вамъ

добра... Напримѣръ, Базиль, совсѣмъ этого не понимаетъ, онъ даже сочувствуетъ, но вы этимъ не увлекайтесь, потому что онъ все-таки мужчина и ничего не понимаетъ.

Этими наставленіями завтракъ былъ отравленъ, и Честюнина едва дождалась, когда онъ кончится. Но обѣдъ превзошелъ и завтракъ. Къ шести часамъ явился самъ домовладыка. Это былъ высокій, полный господинъ за пятьдесятъ лѣтъ съ какимъ-то необыкновенно чисто выбритымъ лицомъ, точно его крахмалили и гладили утюгóмъ. Сѣдые баки котлетами придавали оффиціально-строгій видъ. Старикъ очень обрадовался племянницѣ, обнялъ ее и разцѣловалъ прямо въ губы.

— Вылитая сестра Анна Васильевна!—повторялъ онъ.— Вотъ именно такой она была, когда выходила замужъ... Боже мой, сколько прошло времени!...

Расчувствовавшись, старикъ еще разъ обнялъ дѣвушку и опять поцѣловалъ. Онъ только потомъ спохватился и сразу какъ-то растерялся. „Папахену влетитъ", весело думалъ Эженъ.

За обѣдомъ старикъ проявлялъ усиленные признаки полной независимости, но у него это какъ-то не выходило. Чувствовалась дѣланность тона и какая-то скрытая фальшь. Честюниной сдѣлалось жаль выбивавшагося изъ всѣхъ силъ старика, хотя она и не могла понять, въ чемъ дѣло. Мутерхенъ зловѣще промолчала все время и не сводила съ мужа глазъ, точно очковая змѣя.

— Ну, какъ мать?—въ десятый разъ спрашивалъ старикъ.—Вотъ такая же была снѣгурочка... Мы съ ней ужасно бѣдствовали въ юности и жили душа въ душу. И все-таки, хорошее было время, Маша... Говорятъ, что старикамъ свойственно смотрѣть въ розовомъ свѣтѣ на свою юность, но, право, я дорого заплатилъ бы... да, заплатилъ бы...

— Чтобы вернуться къ дѣтству?—подхватила мутерхенъ.— Но, кажется, за это особенно дорого не придется платить... Только необходимо отличить дѣтство отъ ребячества.

Обѣдъ закончился новой исторіей. Въ столовую вошла молоденькая дѣвушка, некрасивая, но съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ.

— Рекомендую,—обратилась мутерхенъ къ гостьѣ:—моя

дочь, Екатерина Васильевна, которая до сихъ поръ еще не знаетъ, что мы обѣдаемъ ровно въ шесть часовъ и что заставлять себя ждать, по меньшей мѣрѣ, невѣжество...

— Мама, да я совсѣмъ не хочу ѣсть, — оправдывалась дѣвушка, здороваясь съ гостьей. — Я только-что отъ подруги, гдѣ былъ кофе и чудные пирожки, а я отъ всего на свѣтѣ готова отказаться, кромѣ пирожковъ. Вѣдь знаю, что ты будешь меня бранить, мама, знаю, и все-таки ѣмъ...

— И все-таки не хорошо, Катя, — съ дѣланной строгостью замѣтилъ отецъ. — Порядокъ въ жизни прежде всего...

Эта Катя сразу понравилась Честюниной. Какъ-то она рѣшительно ни на кого не походила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было пріятно чувствовать, что она въ одной комнатѣ съ вами. Что-то такое жизнерадостное смотрѣло этими умными темными глазами, простое и чуть-чуть властное. Она подсѣла къ гостьѣ, оправила по пути ей воротничокъ, съѣхавшій немного на сторону и заговорила такимъ тономъ, точно онѣ вчера разстались:

— Васъ зовутъ Машей? Вотъ и отлично... Я люблю это имя и съ удовольствіемъ промѣняла бы на свое. Вы на курсы? Еще лучше... Моя мечта поступить на курсы, но мама почему-то не хочетъ. А я все-таки поступлю...

— Это будетъ тогда, когда я умру, — добавила мутерхенъ. — Кажется, вамъ, Катерина Васильевна, не придется долго ждать...

— У насъ мысль о смерти царитъ надо всѣмъ, — объясняла гостьѣ Катя. — Право... Можно подумать, что мы живемъ на кладбищѣ. Милая мама, вы только напрасно себя разстраиваете... Всѣ будемъ жить, пока не умремъ. Это здѣсь такъ принято...

Обѣдъ, наконецъ, кончился, и Катя увела гостью къ себѣ въ комнату, обставленную очень нарядно, но съ ясными слѣдами безпорядочнаго характера хозяйки. Катя долго держала гостью за обѣ руки, что-то соображая про себя, а потомъ проговорила серьезно:

— Мы будемъ на ты... да? И смѣшно было бы сестрамъ церемониться... Давай поцѣлуемся!.. Только я тебя должна предупредить, что я рѣшительно никого не люблю... Никого! Признаться сказать, я даже и себя не люблю, потому что,

если бы отъ меня зависѣло, я себя устроила нѣсколько иначе... Во-первыхъ, женщина, по моему, должна быть бѣлокурой. Вотъ такая, какъ ты, съ такой же чудной косой и дѣтскими глазами.

Дѣвушка не переставала болтать и въ то же время разсматривала сестру, какъ невиданнаго звѣря. Честюнина почувствовала себя вдругъ такъ просто и легко, точно цѣлый вѣкъ была знакома съ этой милой Катей. А Катя болтала и болтала безъ умолку. Папа хорошій и добрый, но совершенно безхарактерный, и Женька, къ несчастью, весь въ него. Мама кажется строгой и придирчивой, но это только такъ, для папы. Она немного помѣшана на томъ, чтобы все было, „какъ въ лучшихъ домахъ“, а это отъ того, что мама изъ богатой, хотя и раззорившейся, семьи. Женька самый отчаянный шелопай, хотя мама въ немъ души не чаетъ и готова для него на все. Вообще, скучно... Послѣднее заключеніе вышло немного неожиданно и очень смѣшно.

— Меня мама никогда не любила, и я ей очень благодарна за это,—докончила Катя свою семейную хронику.— Когда я была маленькой, то очень обижалась и даже плакала, а теперь благодарю. Никого не нужно любить, потому что отъ этого всѣ несчастія... Поэтому я рѣшила, что никогда-никогда не пойду замужъ.

Потомъ Катя потащила гостью осматривать всю квартиру, комментируя каждую вещь.

— Такъ, кисленькая чиновничья роскошь, Маша... Ну, для чего всѣ эти драпировки, поддѣланныя подъ настоящія дорогія матеріи? для чего эта мебель, которая точно притворяется въ какомъ-то неизвѣстномъ стилѣ? Единственная вещь, которую я люблю—это рояль...

Катя сѣла за рояль и съ шикомъ съиграла какой-то блестящій вѣнскій вальсъ. Она училась въ консерваторіи, но дальше вальсовъ дѣло не шло. Оборвавъ какой-то самый модный вальсъ на половинѣ, Катя потащила гостью въ кабинетъ къ отцу.

— Старикъ очень тебя ждалъ... Онъ у насъ самый чувствительный человѣкъ въ домѣ.

Распахнувъ портьеру, Катя остановилась. Въ кабинетѣ, видимо, разыгрывалась тяжелая семейная сцена. Старикъ

ходилъ по комнатѣ съ краснымъ отъ волненія лицомъ, а мутерхенъ сидѣла на диванѣ въ вызывающей позѣ.

— Господи, что же я такого сдѣлалъ?!...—спрашивалъ старикъ, дѣлая трагическій жестъ.—Вѣдь она мнѣ не чужая..

Катя спустила портьеру и шепнула:

— Пусть старики поссорятся...

Честюнина поняла только одно, что старики ссорятся именно изъ-за нея, и ей опять сдѣлалось грустно и тяжело.

III.

Вмѣстѣ съ провинціальной гостьей въ чопорную чиновничью квартиру дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анохина ворвались совсѣмъ новыя мысли и чувства. Генеральша сейчасъ же послѣ обѣда устроила мужу жестокую семейную сцену,—сцену по всѣмъ правиламъ искусства.

— Какъ это мило: облапить и цѣловаться прямо въ губы!—старалась говорить она вполголоса.—Можетъ быть, у васъ тамъ, въ деревнѣ, нѣсколько сотъ такихъ племянницъ, и вы всѣхъ ихъ будете цѣловать? Это можетъ сдѣлать нашъ швейцаръ Григорій, дворникъ, кухонный мужикъ... Наконецъ, вы забываете, что у васъ есть взрослая дочь.

Генералъ не возражалъ, не оправдывался, а только вздыхалъ и умоляюще смотрѣлъ на разгнѣванное домашнее божество. Онъ былъ полонъ такихъ хорошихъ мыслей и чувствъ, а тутъ какая-то глупая сцена. Много такихъ сценъ онъ перенесъ на своемъ вѣку, но именно эта ему показалась особенно обидной,—онъ почувствовалъ себя чужимъ въ собственномъ домѣ. Всѣ чужіе—и жена, и сынъ, и даже дочь, которую онъ любилъ больше всѣхъ. Еще разъ онъ пережилъ то неравенство, которое внесла въ домъ его собственная жена. Она считала себя главной виновницей всей его карьеры и настоящаго чиновничьяго благополучія, потому что онъ, человѣкъ безъ связей и протекцій, затерялся бы въ толпѣ другихъ министерскихъ чиновниковъ, и только она, настоящая генеральская дочь, вывела его на настоящую дорогу. Его провинціальное прошлое тщательно скрывалось и было всегда для Елены Ѳедоровны самымъ больнымъ мѣстомъ, какъ какой-то первородный грѣхъ. Никто не зналъ, чего стоило

Анохину его превосходительство. Да, ему завидовали всѣ сослуживцы, а онъ все чаще и чаще начиналъ думать, что все это чиновничье величіе было лично для него величайшей ошибкой.

Елена Θедоровна, конечно, уже знала все черезъ горничную Дашу, т.-е. знала и о мѣшкѣ, и объ узелкахъ провинціальной родственницы, и на этомъ построила цѣлый обвинительный актъ.

— Это какая-то богомолка...—язвила она.—Мнѣ совѣстно передъ швейцаромъ. А глупый Эженъ имѣлъ еще неосторожность ѣхать встрѣчать ее на вокзалѣ. Конечно, онъ добрый мальчикъ, но дѣлать подобныя глупости все-таки нехорошо. Вѣдь вы выдавали свою сестру за милліонершу....

— Я дѣйствительно говорилъ, что у нея есть свои средства...

— Какая-то несчастная пенсія!..

— У нея собственный домъ въ Сузумьѣ, потомъ послѣ мужа остались средства, что мнѣ хорошо извѣстно.

— Все это одна комедія!.. Вы вводите въ нашу семью какихъ-то салопницъ...

— Не салопницъ, а порядочныхъ людей. Да...

Василій Васильевичъ вдругъ разгорячился и наговорилъ женѣ дерзостей, чего еще никогда съ нимъ не случалось. Онъ покраснѣлъ и сильно размахивалъ руками.

— По вашему, Елена Θедоровна, Маша—салопница, а по моему—это хорошая дѣвушка-труженица. Да, именно, труженица... Я былъ бы счастливъ, если бы у меня была такая дочь.

— Значитъ, и Катя нехороша?

— А что такое Катя, по вашему? Петербургская барышня, и больше ничего. У нея въ головѣ концерты да оперы, да первыя представленія, да пикники—развѣ я не понимаю, что она такое? А твой Эженъ, говоря откровенно, просто шелопай... Да, да, шелопай! Еще одинъ шагъ, и готовъ червонный валетъ. Конечно, имъ дико видѣть настоящую серьезную дѣвушку... Посмотри, какое у нея чудное лицо—простое, какое-то чистое, красивое внутренней красотой.

— Боже мой, до чего я дожила!—стонала генеральша.

Увлекшись, генералъ наговорилъ много лишняго, и когда спохватился—было уже поздно. Генеральша приняла угнетенный видъ и молча вышла изъ кабинета. Это еще была первая сцена, закончившаяся полнымъ разрывомъ. Обыкновенно генералъ вымаливалъ себѣ прощеніе, унижался и покупалъ примиреніе самой дорогой цѣной.

Цѣлый день былъ испорченъ. Елена Ѳедоровна заперлась въ своей спальнѣ, какъ въ неприступной крѣпости, и не вышла къ вечернему чаю. Генералъ съѣздилъ въ какую-то коммиссію, вернулся поздно и узналъ отъ Даши, что генеральша больна и не желаетъ никого видѣть.

— Э, все равно!—рѣшилъ про себя Василій Васильевичъ.

Онъ тоже заперся въ своемъ кабинетѣ и тоже не желалъ никого видѣть. Господи, вѣдь можно же хоть разъ въ жизни быть самимъ собой и только самимъ собой! Въ минуты маленькихъ домашнихъ революцій онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, а сейчасъ былъ даже радъ этому. Въ послѣднее время у него все чаще и чаще появлялась нервная безсонница, и онъ впередъ зналъ, что сегодня не уснетъ до самаго утра. Была приготовлена домашняя работа, но она не шла на умъ. Оставалось ходить по кабинету до головокруженія.

— Что же, я сказалъ правду,—думалъ онъ вслухъ.— И пора сказать... Развѣ я не вижу и не понимаю, что дѣлается кругомъ? Семья дармоѣдовъ—и больше ничего... Другіе, которые не могутъ жить дармоѣдами, завидуютъ намъ. Чего же больше? Ха-ха... Миленькая семейка...

Старикъ шагалъ по своему кабинету, какъ часовой у гауптвахты, и съ тоской думалъ, что неужели это воинствующее настроеніе покинетъ его и онъ опять будетъ унижаться, чтобы вымолить у жены позорное примиреніе. Онъ впередъ презиралъ себя...

Появленіе племянницы подняло въ душѣ петербургскаго статскаго генерала далекое прошлое.

Родился и выросъ онъ въ Сузумьѣ, въ бѣдной чиновничьей семьѣ. Онъ теперь видѣлъ эту семью черезъ десятки лѣтъ... Видѣлъ труженика отца, вѣчно занятаго службой, суроваго и болѣзненнаго, видѣлъ вѣчно озабоченную домашними дѣлами мать, женщину простую, но съ здоровымъ природнымъ умомъ. Чего стоило старикамъ выучить его въ гим-

назіи, а потомъ отправить въ университетъ. У него была всего одна сестра Анюта, которую онъ очень любилъ. Дѣвочка получила самое скромное домашнее образованіе, потому что тогда женскихъ гимназій еще не было, и только дочери дворянъ могли учиться въ институтахъ. Боже мой, какъ все это было давно и, вмѣстѣ, точно вчера... Уѣзжая въ Петербургъ поступать въ университетъ, Анохинъ меньше всего думалъ о томъ, что видитъ отца въ послѣдній разъ. Молодость думаетъ только о себѣ... Ему больше всего жаль было сестру, которая такъ горько плакала при разставаньи. Онъ былъ уже на третьемъ курсѣ, когда отецъ умеръ. Но родное Сузумье было за тридевять земель, такъ что онъ не могъ даже пріѣхать на похороны. Пришлось самому зарабатывать хлѣбъ и тянуть тяжелую лямку. Съ матерью онъ увидался только по окончаніи курса. Въ это лѣто вышла и Анюта замужъ за маленькаго чиновника канцеляріи губернатора, перешедшаго впослѣдствіи на земскую службу. Умерла и мать, и Анохинъ ни разу не былъ въ родномъ гнѣздѣ, откладывая поѣздку туда годъ за годомъ, а потомъ затянула служба, явилась своя семья и свои заботы. Съ Сузумьемъ отношенія поддерживались только рѣдкими письмами сестры. У нея были уже свои дѣти, потомъ эти дѣти учились въ гимназіяхъ, но онъ никого не видалъ. Племянница Маша явилась живымъ эхомъ далекаго прошлаго, и генералъ въ послѣдній разъ переживалъ его и провѣрялъ имъ свою настоящую жизнь. И ему начинало казаться, что въ его чиновничьемъ благополучіи было что-то неладное, что онъ прожилъ всю жизнь въ какомъ-то пустомъ мѣстѣ и что, главное, не умѣлъ дать дѣтямъ настоящаго воспитанія. Для чего онъ вообще жилъ, работалъ, хлопоталъ, и чѣмъ потомъ дѣти помянутъ его, когда его не будетъ на свѣтѣ? А вотъ племянница Маша—другое дѣло... Она съ собой принесла въ столицу такую хорошую молодую заботу, жажду знанія и способность трудиться. Да, эта будетъ работать, а его дѣти шалопайничать... Старику страстно хотѣлось, обнять вотъ эту хорошую Машу и разсказать ей все, всю свою жизнь, и научить ее, чтобы она такъ никогда не жила.

Честюнина тоже не спала, хотя и устала съ дороги страшно. Ее взволновало полученное письмо. Какъ хорошо

она знала этотъ „канцелярскій почеркъ"... Письмо было распечатано только вечеромъ, когда дѣвушка ложилась спать. Это была ея первая ночь въ столицѣ, начало новой жизни. Прежде всего она поняла, что сдѣлала громадную ошибку, остановившись у дяди, хотя въ этомъ и не была виновата. Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное чопорной генеральшей, нѣсколько сгладилось, благодаря Катѣ. Она такъ мило болтала и была такая добрая.

— Ты не оставайся у насъ жить,—откровенно совѣтовала Катя, забравшись вечеромъ въ комнату гостьи.—Папа добрый и къ мамѣ можно привыкнуть, а только у насъ ужасно скучно. Всѣ мрутъ отъ скуки... То-ли дѣло, если ты устроишься по студенчески, Маша.

— Я тоже думаю, что будетъ лучше.

— Откровенно говоря, я завидую тебѣ. А совѣтую переѣзжать потому, что тогда буду бывать у тебя. Будетъ молодежь, разговоры, шумъ... Я ужасно люблю спорить. Со всѣми готова спорить... Видишь, я хлопочу, главнымъ образомъ, о себѣ и не скрываю этого. По праздникамъ ты будешь пріѣзжать къ намъ... Поѣдемъ какъ-нибудь въ оперу.

Оставшись одна, Честюнина, наконецъ, распечатала письмо и прочла его нѣсколько разъ, причемъ на лицѣ у нея отъ волненія появился румянецъ.

„Милая Маруся",—писалъ „канцелярскій" почеркъ.—„Адресую тебѣ письмо на твоего дядю... Можетъ быть, это не совсѣмъ тактично, но, каюсь, не могъ выдержать. Когда ты уѣхала, меня охватила такая страшная тоска и такое малодушіе, точно я похоронилъ тебя. Сознаю, что все это глупо и съ извѣстной точки зрѣнія даже смѣшно, но не могу удержаться. Каяться такъ каяться: когда шелъ на свою службу въ земскую управу, нарочно сдѣлалъ крюкъ и прошелъ мимо твоей школы... На твое мѣсто поступила уже другая учительница, Наташа Горкина, которая раньше служила помощницей въ четвертой школѣ. Славная дѣвушка, а мнѣ обидно, что она заняла твое мѣсто. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно оставалось незанятымъ, что уже совсѣмъ глупо. Однимъ словомъ, разыгрался самый непростительный эгоизмъ. На службѣ я почти ничего не дѣлалъ, такъ что нашъ членъ управы, Ефимовъ, только покосился на меня,—ты знаешь, онъ вообще

не благоволитъ ко мнѣ и радъ всякому случаю придраться. Впрочемъ, теперь для тебя все это неинтересно и слишкомъ далеко. Не буду... Вечеромъ не утерпѣлъ и завернулъ къ Аннѣ Васильевнѣ, подъ предлогомъ взять книгу. Старушка очень обрадовалась мнѣ—она, кажется, догадывается... Мы сидѣли въ угловой комнатѣ и пили чай. Все до послѣдней мелочи напоминало тебя, и мнѣ хотѣлось плакать, какъ мальчишкѣ. Дверь въ твою комнату была закрыта, и мнѣ все время казалось, что вотъ-вотъ ты выйдешь. Я даже раза два оглянулся, что не ускользнуло отъ вниманія Анны Васильевны. Мнѣ было жаль и себя, и ее, и казалось, что мы сдѣлали какую-то ошибку. Я убѣжденъ, что и она думала тоже самое, хотя прямо этого, конечно, и не высказывала. Для нея я все-таки только хорошій знакомый, а въ сущности чужой... Да, тяжело и грустно и я отвожу душу за этимъ письмомъ. Гдѣ-то ты теперь? среди какихъ людей? какія твои первыя впечатлѣнія? думаешь ли о насъ—боюсь напомнить о собственной особѣ. Съ другой стороны, не могу скрыть нѣкоторой зависти... Кажется, взялъ бы да и полетѣлъ на крыльяхъ въ Петербургъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на тебя... Кстати, ты забыла оставить мнѣ свой петербургскій адресъ, т. е. адресъ твоего дяди, и я его добывалъ отъ Анны Васильевны обманнымъ способомъ. Совралъ, грѣшный человѣкъ, что ты просила выслать какую-то книгу... Старушка, кажется, опять догадалась, хотя и сдѣлала видъ, что забывать книги людямъ свойственно. Я уже сказалъ, что... Нѣтъ, я долженъ высказаться прямо, и ты можешь меня презирать за мой неисчерпаемый эгоизмъ. Да, я раскаиваюсь, что отпустилъ тебя... Вижу твое негодующее лицо, чувствую, что ты презираешь меня, но вѣдь геройство не обязательно даже по уложенію о наказаніяхъ. Да, я тебя впередъ ревную ко всему и ко всѣмъ—къ тѣмъ людямъ, съ которыми ты будешь встрѣчаться, къ той комнатѣ, въ которой ты будешь жить, къ тому воздуху, которымъ ты будешь дышать. Я желалъ бы быть и этими новыми людьми, и этой новой комнатой, и этимъ новымъ воздухомъ, даже мостовой, по которой ты будешь ходить... Подумай хорошенько, отнесись безпристрастно и ты поймешь, что я правъ. Вѣдь ждать цѣлыхъ пять лѣтъ... Мало-ли что можетъ случиться? Впереди цѣлая

вѣчность... Одинъ день—и то вѣчность, не то что пять лѣтъ. Моя ариѳметика отказывается служить, и знаю только одно, что я несчастный, несчастный, несчастный

твой навсегда Андрей Нестеровъ".

Честюнина нѣсколько разъ перечитала это посланіе, поцѣловала его и спрятала въ дорожную сумочку.

— Милый... хорошій...—шептала она.—Какой онъ хорошій, Андрюша... Если бы онъ зналъ. какъ мнѣ-то скучно!

Дѣвушка, не смотря на усталость, долго не могла заснуть. Прошлое мѣшалось съ настоящимъ, а съ завтрашняго дня начнется будущее. Да, будущее... Она закрывала глаза и старалась представить себѣ тѣхъ людей, съ которыми придется имѣть дѣло. Вотъ теперь она никого не знаетъ и ея никто не знаетъ, а потомъ, день за днемъ, возникнутъ и новыя знакомства, и дружба, и ненависть. Гдѣ-то уже есть и эти будущіе враги, и будущіе друзья... Еще утромъ сегодня семья дяди не существовала для нея, а сейчасъ она уже всѣхъ знаетъ и со всѣми опредѣлились извѣстныя отношенія. Дядя ее любитъ, т. е., вѣрнѣе, любитъ въ ней свою сестру, тетка ненавидитъ, какъ всѣ жоны ненавидятъ мужнину родню, шелопай Эженъ—ни то, ни сё, для Кати она любопытная новинка и т. д. Ахъ, какой смѣшной этотъ Андрюша! Оставалось только накапать въ письмо слезъ, какъ дѣлаютъ институтки. Какъ онъ смѣшно пишетъ... Мама, конечно, догадается, если онъ будетъ повторять вѣчную исторію о забытой книгѣ. Право, смѣшной... А если бы можно было устроить его гдѣ-нибудь на службу въ Петербургѣ? Вѣдь дядя могъ бы это сдѣлать, если бы захотѣлъ... Впрочемъ, Андрюша самъ не пойдетъ: онъ помѣшанъ на своемъ земствѣ.

Она заснула, почему-то думая о давешнемъ пытливомъ старичкѣ, который постепенно превратился въ веселаго студента и принялся хохотать тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

IV.

Утромъ генеральша пила свой какао въ постели, поэтому за утреннимъ чаемъ собралась въ столовой только молодежь, а потомъ пришелъ Василій Васильевичъ. Онъ былъ блѣденъ и въ глазахъ чувствовалась тревога.

— Сегодня на службу, Маша?—спрашивалъ онъ, цѣлуя племянницу въ лобъ.—Хорошее дѣло, голубчикъ... Отъ души тебѣ завидую.

— Папа, зачѣмъ ты ее зовешь Машей?—замѣтила Катя.— Это что-то вульгарное... Машами зовутъ горничныхъ да кошекъ. Я буду называть ее Марусей...

— Нѣтъ, лучше называй Машей,—отвѣтила Честюнина, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть.—Марусей ее называлъ только Андрей.—Дома меня всегда называли Машей и я привыкла къ этому имени.,.

Катя съузила глаза и засмѣялась. Она поняла, въ чемъ дѣло. Дядя молча пилъ чай, сравнивая дочь и племянницу. Сегодня дочь уже не казалась ему такой дурной. Дѣвушка какъ дѣвушка, а выйдетъ замужъ—будетъ доброй и хорошей женой. Старикъ который разъ тревожно поглядывалъ на входившую Дашу, ожидая приглашенія въ спальню, но Даша молчала и онъ чувствовалъ себя виноватымъ все больше и больше.

— Мари, я васъ провожу въ медицинскую академію,— предлагалъ Эженъ, закручивая свои усики.—Вы позволите мнѣ быть вашимъ Виргиліемъ?

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—остановила его Катя.— Я сама поѣду провожать Маню... У меня даже есть знакомый въ академіи. Кажется, онъ профессоръ или что-то въ этомъ родѣ... Однимъ словомъ, устроимся и безъ васъ, тѣмъ болѣе, что женщина должна быть вполнѣ самостоятельна, а двѣ женщины въ особенности.

— Не смѣю утруждать своимъ вниманіемъ, mesdames... Одинъ маленькій совѣтъ: когда поѣдете, возьмите моего Ефима. Онъ стоитъ на углу. Впрочемъ, виноватъ, можетъ быть изъ принципа вы желаете ѣхать на скверномъ извозчикѣ?..

— Пожалуйста, побереги свое остроуміе, потому что оно сегодня еще можетъ тебѣ пригодиться.

Когда дѣвушки собрались ѣхать, Василій Васильевичъ обнялъ Машу и перекрестилъ ее по-отечески.

— Съ Богомъ, моя хорошая...

Когда дѣвушки вышли на подъѣздъ, Катя заявила швейцару:

— Найди намъ самаго скllернаго извозчика... Понимаешь? И чтобы экипажъ непремѣнно дребезжалъ... Я сегодня желаю быть демократкой.

Когда швейцаръ ушелъ, Катя весело захохотала и проговорила:

— А какъ я тебя подвела давеча за чаемъ, Маша? Это *онъ* тебя называетъ Марусей? Да?.. Вѣдь и письмо было тоже отъ *него?* Пожалуйста, не отпирайся... Это даже въ порядкѣ вещей, если Маргарита ѣдетъ на медицинскіе курсы, то Фаусту остается только писать письма. Я вотъ никакъ не могу влюбиться, а у васъ, провинціалокъ, это даже очень просто... Каждая гимназистка шестого класса уже непремѣнно влюблена... Это просто отъ скуки, Маша... Впрочемъ, я не прочь испытать нѣжныя чувства, но какъ-то ничего не выходитъ. Прошлую зиму за мной ухаживалъ одинъ офицеръ гвардеецъ и немножко мнѣ нравился, но очень ужъ занятъ собственнымъ величіемъ, и дѣло разошлось. Я какъ-то не понимаю великихъ людей, потому что они мнѣ напоминаютъ бронзовые памятники... На вещи, голубушка, нужно смотрѣть прямо.

Дрянной извозчикъ былъ найденъ, и Катя торжествовала. Она вообще умѣла быть заразительно веселой. Всю дорогу, пока ѣхали черезъ Васильевскій Островъ, а потомъ черезъ Тучковъ мостъ, она болтала безъ умолку. Петербургская Сторона еще больше напомнила Честюнной родную провинцію, и она страшно обрадовалась, когда увидѣла первый маленькій деревянный домикъ, точно встрѣтила хорошаго стараго знакомаго. Въ семидесятыхъ годахъ, когда происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, Петербургская Сторона только еще начинала застраиваться многоэтажными домами, было много пустырей и еще больше скверныхъ деревянныхъ домишекъ, кое-какъ закрашенныхъ снаружи. Второе, что обрадовало Честюнину, это Александровскій паркъ, мимо котораго повезъ ихъ извозчикъ. Ей почему-то представлялось, что въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ деревьевъ, а тутъ почти цѣлый лѣсъ. Въ Сузумьѣ не было такого парка. По дорожкамъ бѣгали дѣти, на зеленыхъ скамейкахъ отдыхали пѣшеходы, гулялъ какой-то старичокъ, таскавшій одну ногу—однимъ словомъ, жить еще можно. День былъ свѣтлый, хотя съ моря и поддувало свѣжимъ вѣтеркомъ.

— Послушай, Маша, мы сегодня же будемъ и квартиру искать,—предложила Катя.—Найдемъ крошечную-крошечную конурку, чтобы было слышно все, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, чтобы хозяйка квартиры была грязная и чтобы непремѣнно воняло изъ кухни капустой... Я ненавижу капусту, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могли никогда любить.

По Самсоніевскому мосту переѣхали на Выборгскую Сторону. Массивныя зданія клиники Вилліе произвели на Катю дурное впечатлѣніе, и она сразу присмирѣла.

— Знаешь, мнѣ кажется, что меня непремѣнно привезутъ когда-нибудь вотъ въ эти клиники и непремѣнно зарѣжутъ,—сообщила она упавшимъ голосомъ.—Я не выношу никакой физической боли, а тутъ царство всевозможныхъ ужасовъ. Ванька, дребезжи поскорѣе...

Ванька, дѣйствительно, могъ удовлетворить по части дребезжанья и тащился съ убійственной медленностью. Прошелъ чуть не часъ, пока онъ остановился у подъѣзда низенькаго каменнаго флигеля, гдѣ былъ входъ въ правленіе. По тротуарамъ быстро шли группы студентокъ, и Катя занималась тѣмъ, что старалась угадать новичковъ.

— Вонъ, это навѣрно поповна,—говорила она.—Посмотри, какъ она колѣнками работаетъ... А это наша петербургская барынька, цирлихъ-манирлихъ и не тронь меня.

Въ правленіе нужно было пройти по длинному каменному корридору, по которому шагали группы студентовъ. Первымъ встрѣтился вчерашній веселый сосѣдъ и Честюнина невольно улыбнулась. Катя нечаянно задѣла его локтемъ и студентъ замѣтилъ довольно грубо:

— Барышня, извините, что вы меня толкнули...

— Ахъ, виновата, что не достаточно сильно... Кстати, какъ намъ пройти къ ученому секретарю?

Студентъ молча ткнулъ пальцемъ впередъ.

— Вотъ еще невѣжа...—ворчала Катя, оглядываясь.—Мнѣ такъ и хотѣлось спросить, въ какой онъ конюшнѣ воспитывался.

— Пожалуйста, Катя, тише...—упрашивала Честюнина.

— Э, пустяки... Я сегодня хочу быть равноправной. Какъ онъ смѣлъ называть меня барышней? Хочешь, я сейчасъ вернусь и наговорю ему дерзостей...

— Катя, пожалуйста...

— Хорошо. Обрати вниманіе: только для тебя дарую жизнь этому невѣжливому мужчинѣ. Такъ и быть, пусть существуетъ на благо отечества...

У входа въ кабинетъ ученаго секретаря дѣвушкамъ пришлось подождать. Честюнина начала волноваться. Вѣдь это былъ рѣшительный шагъ, о которомъ она мечтала столько лѣтъ. Ея торжественному настроенію мѣшала только безпокойная Катя, сейчасъ же завязавшая споръ съ какой-то курсисткой мрачнаго вида.

Почему-то Честюнина очень волновалась, входя въ пріемную ученаго секретаря, точно отъ этого господина зависѣла вся ея судьба. Но дѣло обошлось такъ быстро и такъ просто, что она даже осталась недовольна. Онъ принялъ молча ея прошеніе, осмотрѣлъ бумаги и сказалъ всего одну фразу:

— Хорошо. Потомъ объявятъ, кто принятъ...

Онъ даже не взглянулъ на новую курсистку, точно вошла и вышла кошка.

Катя ходила по корридору съ самымъ вызывающимъ видомъ и тоже удивилась, что Честюнина такъ скоро вернулась.

— Подождемъ немного...— шепнула она.—Ужасно интересно посмотрѣть, а тебѣ даже поучительно.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ студенты-медики ходили безъ формы. Многіе щеголяли въ излюбленныхъ студенчествомъ высокихъ сапогахъ и расшитыхъ малороссійскихъ сорочкахъ. Вообще преобладали довольно фантастическіе костюмы. Студентки одѣвались однообразнѣе. Темныя платья придавали немного больничный видъ этимъ молодымъ дѣвичьимъ лицамъ. Честюниной понравились эти дѣвушки, собравшіяся сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Красивыхъ лицъ было немного, но этотъ недостатокъ выкупался серьезнымъ выраженіемъ. Большинство составляли труженицы, пріѣхавшія сюда на послѣдніе гроши. Это была одна семья, спаянная однимъ общимъ чувствомъ, и Честюнина почувствовала себя дома. Вонъ эта худенькая дѣвушка въ очкахъ навѣрно хорошая, и вотъ та—да всѣ хорошія, если разобрать.

Катя вдругъ притихла и больше не бунтовала. Она даже потихоньку отцѣпила какой-то яркій бантъ и спрятала его

въ карманъ. Бѣлокурый студентъ продолжалъ шагать по корридору и поглядывалъ на Катю злыми глазами.

— Вотъ человѣкъ, которому, кажется, нечего дѣлать,— проговорила Катя довольно громко, такъ что студентъ не могъ не слышать.

Онъ остановился, хотѣлъ что-то сказать, но только презрительно пожалъ плечами. Честюнина разсказала, что онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ней и что это очень веселый молодой человѣкъ. Этого было достаточно, чтобы Катя остановила его.

— Милостивый государь, не знаете ли вы гдѣ-нибудь маленькой комнатки? Я подозрѣваю, что вы уже второй годъ на томъ же курсѣ и должны знать...

Студентъ добродушно засмѣялся.

— Вы почти правы, милостивая государыня... У меня переэкзаменовка по гистологіи. А что касается комнаты, то могу рекомендовать. По Самсоніевскому проспекту... Да вотъ я вамъ напишу адресъ.

— Покорно благодаримъ...

— Во дворѣ, вторая лѣстница направо, четвертый этажъ. Тамъ есть свободная комната для одной...

Дѣвушки поблагодарили и отправились разыскивать квартиру по этому адресу. Самсоніевскій проспектъ былъ въ двухъ шагахъ, и онѣ пошли пѣшкомъ. Катя храбро шагала черезъ грязную мостовую и сейчасъ же запачкала себѣ подолъ платья— она не привыкла ходить пѣшкомъ.

— А студентикъ славный,—болтала Катя.—Я съ удовольствіемъ поспорила бы съ нимъ... Онъ ужасно походитъ на молоденькаго пѣтушка.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРЁЗА.

(Изъ Виктора Гюго).

Унесемся скорѣй
Отъ земли, отъ людей
Въ міръ далекій, иной,
Полный тайны, нѣмой!..

—

Наши кони—мечты...
Въ нихъ живительный свѣтъ...
Въ нихъ любви, красоты,
Первой страсти расцвѣтъ...

—

Имъ тотъ путь нипочемъ...
Блещетъ мѣсяцъ на немъ,
Да въ лазури одни
Звѣздъ мерцаютъ огни...

—

Улетимъ же скорѣй!..
Мракъ ужъ рощи одѣлъ;
Другъ ночей, соловей
Звонко пѣсню запѣлъ.

—

Не услышалъ-ли онъ
Тѣхъ цѣпей чудный звонъ,
Что, случайной судьбой,
Насъ сковали съ тобой!?..

—

Вотъ ночной вѣтерокъ
По вѣтвямъ пробѣжалъ—

И листу ужъ листокъ
О любви прошепталъ...

—

О, скорѣе!.. Молю!..
Не дождемся-ли мы,
Что лѣса и холмы—
Всѣ зашепчутъ „люблю"!?..

—

...Кони рвутся, дрожатъ,
На дыбы поднялись...
И ужъ мчатся, летятъ
Въ безпредѣльную высь...

—

Мчимся мы... Намъ луна
Шлетъ лучистый привѣтъ...
Насъ зари пелена
Въ свой окутала свѣтъ...

—

Звѣзды яркой толпой
Насъ все дальше влекутъ
И улыбкой нѣмой
Въ міръ свой тайный зовутъ...

—

Мы летимъ, мы плывемъ,
Сномъ исполнясь живымъ...
Мы разскажемъ о немъ
Только звѣздамъ ночнымъ...

А. Мейснеръ.

МОЗГЪ И МЫСЛЬ.

(Критика матеріализма).

Прив.-доц. Г. Челпанова.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ подвергнуть критическому разсмотрѣнію матеріалистическое ученіе, поскольку оно примѣняется къ душевнымъ явленіямъ. Я убѣжденъ, что мое намѣреніе критиковать матеріализмъ вызоветъ у моихъ читателей различное отношеніе. Одни изъ нихъ навѣрно скажутъ: «да стоитъ-ли критиковать матеріализмъ, ученіе, которое давнымъ-давно опровергнуто философіей; едва-ли въ наше время найдется кто-нибудь, кто сталъ бы серьезно поддерживать это ученіе; уже давно минули тѣ времена, когда можно было увлекаться ученіями *Фохта*, *Молешотта*, *Бюхнера!*» Но другіе читатели, и гораздо большая часть ихъ, отнесутся совсѣмъ иначе: «Какъ,—воскликнутъ они,—развѣ матеріализмъ не есть послѣднее слово науки, развѣ можно считать несправедливымъ ученіе, которое въ своихъ объясненіяхъ пользуется лишь тѣмъ, что естественныя науки доказали неопровержимо; матеріализму же принадлежитъ честь освобожденія насъ отъ разныхъ туманныхъ метафизическихъ ученій, которыя учатъ чему-то такому, что мало понятно, да при томъ же находятся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ наукъ естественныхъ. Мы должны торжествовать, что матеріализмъ побѣдилъ метафизику и вывелъ насъ на чисто научный путь толкованія душевныхъ явленій!»

Я думаю, что ни тѣ, ни другіе изъ моихъ читателей не правы. Не правы тѣ, которые утверждаютъ, что матеріалистическое ученіе не имѣетъ больше никакихъ послѣдователей: матеріализмъ, вслѣдствіе своей простоты и удобопонятности, всегда будетъ пользоваться признаніемъ тѣхъ, которые, вмѣсто научно-философскихъ данныхъ, будутъ руководствоваться обыденными представленіями,—онъ всегда будетъ оставаться философіей не-философовъ. Что ка-

сается второй группы читателей, то имъ я долженъ заявить, что матеріализмъ вовсе не есть послѣднее слово науки, а обладаетъ такою же древностью, какъ и сама философія, и что *матеріалистическое ученіе о душѣ вовсе не есть наука, а метафизика*, какъ и всѣ другія ученія о природѣ души.

Такъ какъ послѣднее положеніе, будучи совсѣмъ несогласно съ обычно распространенными взглядами, можетъ показаться непонятнымъ, то я постараюсь разъяснить его, показавъ въ общихъ чертахъ, какая разница между *наукой* и *метафизикой*, каковъ предметъ одной и другой, и чѣмъ предметъ одной отличается отъ предмета другой.

Обыкновенно, разница эта выражается такимъ образомъ, что наука изучаетъ *явленія*, а метафизика—*сущность* явленій. Психологія, напримѣръ, какъ наука, занимается излѣдованіемъ душевныхъ явленій, доступныхъ нашему внутреннему чувству, а та часть психологіи, которая собственно относится къ метафизикѣ, занимается изслѣдованіемъ сущности душевныхъ явленій, или природы души. Психологія, какъ наука, занимается излѣдованіемъ послѣдовательности и сосуществованія явленій, она можетъ только описывать, классифицировать явленія; она не можетъ изслѣдовать того, что въ философіи называется *ноуменомъ*, т. е. высшаго и недоступнаго для опыта принципа, *души*, *субстанціи*, *причины* душевныхъ явленій; она можетъ имѣть цѣлью только описаніе явленій.

Задача метафизики опредѣлять, такъ сказать, *сверхъопытныя* качества вещей, задача науки опредѣлять взаимозависимость явленій. Нѣкоторые метафизики предполагаютъ, что то, что мы воспринимаемъ посредствомъ чувствъ, не есть истинно существующее, а только кажущееся бытіе, феноменъ, а позади явленій есть реально существующее, *источникъ* явленій, которое именно и есть то, что философы называютъ *субстанціей*. На эту разницу между сущностью и явленіями указываютъ обманы нашихъ чувствъ. Такъ, мы говоримъ, что предметы нашихъ чувствъ, поскольку намъ ихъ показываетъ внѣшнее чувство, суть простые *феномены*; *цвѣтъ*, *звукъ*, *теплота*, *вкусъ* не существуютъ дѣйствительно внѣ нашего ощущенія, хотя бы даже они и указывали на что-либо истинно существующее. Если охладить одну руку и нагрѣвать другую, а затѣмъ обѣ погрузить въ сосудъ съ водою, то одной рукой мы будемъ ощущать холодъ, а другой теплоту. Отсюда слѣдуетъ, что изъ внѣшняго воспріятія мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что вещи таковы въ дѣйствительности, какими онѣ намъ кажутся.

Нѣкоторые метафизики говорили: «мы должны признать субстанцію, если мы признаемъ *измѣненія* вещей; мы должны признать, что позади вещей существуетъ *нѣчто*, *что этой смѣнѣ не подлежитъ*». Природа, по замѣчанію древнѣйшихъ греческихъ философовъ, обнаруживаетъ всюду измѣненіе, движеніе и превращеніе воспринимаемаго. *Смѣна* и *превращеніе* вещей указываетъ на существованіе чего-то *постояннаго*. Это постоянное единое, которое они считаютъ *первоначальнымъ* въ отличіе отъ того, что *потомъ возникаетъ*, они считаютъ *существеннымъ* въ отличіе отъ скоропреходящихъ состояній. Это различіе выражаетъ старое слово *элементъ*, то единое, изъ котораго состоятъ всѣ вещи, изъ котораго онѣ, какъ изъ первоначальнаго, созидаются и въ который онѣ въ концѣ концовъ переходятъ, такъ что, между тѣмъ какъ сущность остается неизмѣнной, вещи изъ нея состоящія измѣняются. Такимъ элементомъ одинъ философъ признавалъ *воду*, другой *воздухъ*, третій *огонь*, четвертый *землю*. Въ такомъ видѣ эта идея о неизмѣнной субстанціи была у древнихъ философовъ; хотя она впослѣдствіи и видоизмѣнялась, но по существу осталась тою же самою.

Но можно ли познать эту сущность? Въ этомъ вопросѣ между философами возникаетъ рознь. Одни изъ нихъ говорятъ, что эти субстанціи существуютъ на самомъ дѣлѣ позади вещей, что ихъ можно и познать, а другіе, именно *позитивисты* (отрицатели метафизики), говорятъ, что сомнительно, чтобы эти субстанціи, или вещи въ себѣ, какъ ихъ еще называютъ, существовали, а если онѣ и существуютъ, то познать ихъ мы никоимъ образомъ не можемъ, потому что все то, что мы познаемъ, мы познаемъ лишь постольку, поскольку оно *дѣйствуетъ на наши органы чувствъ*, а дальше мы ничего не знаемъ. По ихъ мнѣнію, вещи извѣстны намъ только лишь въ томъ отношеніи, въ какомъ онѣ производятъ извѣстныя впечатлѣнія на наши чувства, и все познанное нами приводится именно къ этимъ впечатлѣніямъ. Сущность же вещей можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто *неизвѣстное*, и это *неизвѣстное нѣчто есть предположеніе*, *лишенное очевидности*.

И такъ, слѣдовательно, мы приходимъ къ тому положенію, что одни философы признаютъ субстанцію вещей, и познаніе ея считаютъ своею главною задачей, а другіе полагаютъ, что эта субстанція познана быть не можетъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, которые изъ философовъ правы, я перейду къ другому весьма важному вопросу, въ значительной мѣрѣ уясняющему для насъ отношеніе между наукой и метафизикой.

Если мы признаемъ ту точку зрѣнія, что метафизика имѣетъ своей цѣлью изслѣдованіе субстанціи вещей самихъ въ себѣ, т. е. вещей такъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, независимо отъ того, какъ мы ихъ воспринимаемъ, или даже какъ мы ихъ воспринимать не можемъ, то окажется, что даже обыкновенно признанная матеріалистическая философія на самомъ дѣлѣ есть метафизика, потому что она занимается именно изслѣдованіемъ *сущности вещества.* Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ матеріалистическое ученіе, какъ оно обыкновенно признается. «*Міръ состоитъ изъ атомовъ и пустого пространства*». «Въ этомъ положеніи, говоритъ *А. Ланге* *),—согласуются матеріалистическія системы древняго и новаго времени, какъ ни различно видоизмѣнялось постепенно понятіе атома, какъ ни различны теоріи о возникновеніи пестрой и богатой вселенной изъ такихъ простыхъ элементовъ». Но что такое это атомистическое ученіе, наука или метафизика?

Бюхнеръ, одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей современнаго матеріализма, считаетъ атомы новѣйшаго времени открытіемъ естествознанія, тогда какъ атомы древнихъ, по его словамъ, были «произвольными умозрительными представленіями». «Атомы древнихъ были философскими категоріями или вымыслами; атомы новѣйшихъ ученыхъ суть открытія естествовѣдѣнія». На самомъ же дѣлѣ Бюхнеръ совсѣмъ не правъ: атомистика и нынѣ еще то же, чѣмъ она была въ древней философіи. Еще и нынѣ она не потеряла своего метафизическаго характера, и уже въ древности она составляла вмѣстѣ и естественно-научную гипотезу для объясненія наблюдаемыхъ процессовъ природы.

Чтобы убѣдиться въ такомъ характерѣ матеріалистическаго ученія, разсмотримъ, что такое матерія и атомы.

Матерія, говорятъ, наполняетъ или занимаетъ пространство. Это наполненіе можно себѣ представить или *непрерывнымъ*, такъ что въ пространствѣ не останется ни одного пустого мѣста, или *прерывающимся* пустыми промежутками. Слѣдовательно, матерію можно представить однимъ предметомъ, распростертымъ по всему пространству, или же множествомъ частицъ въ пространствѣ. Если представлять матерію состоящею изъ частицъ, то ихъ можно представить или *физическими недѣлимыми* частичками (атомами), или *геометрическими точками.* Первое ученіе (атомизмъ), провозглашенное впервые Демокритомъ (греческимъ философомъ), имѣло по-

---

*) Исторія матеріализма. Спб. 1881—1883, т. II.

слѣдователей и въ новой философіи. Оно слишкомъ наглядно и общеизвѣстно, чтобы на немъ стоило останавливаться. Гораздо меньшая наглядность принадлежитъ второй теоріи, по которой матерія состоитъ изъ *непротяженныхъ геометрическихъ точекъ.*

Это ученіе предложилъ одинъ ученый іезуитъ, жившій въ серединѣ восемнадцаго столѣтія, *Босковичъ.* Именно онъ предполагалъ, что послѣдніе элементы матеріи суть недѣлимыя точки безъ протяженности, но окруженныя сферами притягательной и отталкивательной силы, соотнѣтственно разстоянію этихъ точекъ до извѣстныхъ предѣловъ. Послѣдователями его явились *Амперъ*, *Фарадей*, *Тиндаль*, *Коши* и многіе другіе физики. Въ недавнее время *Пфейльшриккеръ* предположилъ, что подобныя недѣлимыя точки, служащія центрами притягательныхъ силъ, или. какъ онъ ихъ называетъ, *кинеты*, взаимно проницаемы одна для другой, такъ что они, взаимно притягиваясь, проходятъ одна сквозь другую, вслѣдствіе чего устанавливается между ними колебательное движеніе, отчего въ концѣ концовъ и появляются тѣла. Знаменитый англійскій физикъ, *Вильямъ Томсонъ*, предполагаетъ, что всѣ матеріальныя тѣла состоятъ изъ атомовъ, недѣлимыхъ, не потому, что они тверды, а отъ того, что «атомы суть безконечно малыя вращающіяся кольца или замкнутые въ себѣ вихри несжимаемой, нетрущейся жидкости, которую предполагаютъ однородной и совершенной». Эти кольца похожи на кольца дыма, выпускаемаго изо рта искусными курильщиками. Ихъ нельзя ни разсѣчь, ни разорвать. Матерія, изъ которой они образуются, сплошь наполняетъ пространство.

Но изъ всѣхъ воззрѣній современныхъ физиковъ для насъ особенный интересъ представляетъ взглядъ пражскаго физика, *Маха.* «Атомы, по его мнѣнію, не могутъ имѣть никакихъ чувственныхъ свойствъ: отдѣльный атомъ не свѣтитъ, не издаетъ звуковъ, онъ ни твердъ, ни мягокъ и не представляетъ протяженности. Атомистическій міръ есть міръ математическихъ точекъ, и матерія, вѣроятно, существуетъ въ пространствѣ не нашемъ, не эвклидовскомъ, не трехъ измѣреній». Если мы сравнимъ всѣ эти гипотезы о матеріи, лежащей въ основѣ тѣлъ, то для насъ сдѣлается очевиднымъ, что онѣ суть лишь субъективныя построенія.

Никто атомовъ никогда не наблюдалъ и наблюдать не можетъ, ибо наблюденію подлежатъ массы, а не эти воображаемыя существа. Если бы мы увидѣли, напр., атомъ, положимъ, въ микроскопѣ, то онъ тотчасъ превратился бы для насъ въ массу, въ тѣло, и пересталъ бы быть атомомъ.

Атомъ не *дѣйствительная* вещь или существо, а только лишь

продуктъ нашего *представленія*. «Атомистическое ученіе,—говоритъ *Менделѣевъ*,—наукою должно быть принимаемо только какъ пріемъ, подобный тому пріему, который употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую линію разбиваетъ на множество прямыхъ, и только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно допускать справедливость атомной гипотезы».

Представленіе атомовъ, въ такомъ смыслѣ понимаемое, *Тэтъ* называетъ математической фикціей, крайне удобной въ нѣкоторыхъ случаяхъ для физикоматематическихъ изслѣдованій. Точно также смотритъ на атомы и англійскій философъ *Бэнъ*.

Изъ только что сказаннаго, очевидно, *атомы нужны намъ только для того, чтобы олицетворить неизмѣнную сущность вещества, и, слѣдовательно, съ ними нельзя встрѣтиться въ мірѣ явленій, въ мірѣ безпрерывныхъ перемѣнъ* *). Атомизмъ современной науки весь основанъ на убѣжденіи, что сзади дѣйствительно наблюдаемыхъ нами измѣнчивыхъ тѣлъ скрывается внѣ всякаго опыта ихъ истинная неизмѣняемая сушность. Эта сущность остается навсегда за предѣлами доступныхъ для насъ воспріятій, какъ бы ни были изощрены наши чувства. А уже изъ этого обнаруживается метафизическій характеръ основной атомистической предпосылки.

И такъ, матеріализмъ допущеніемъ сверхъопытныхъ атомовъ дѣлается теоріей умозрительной, или что тоже—метафизикой.

Такой характеръ этого ученія производитъ то, что его ставятъ, по справедливости, на ряду съ другими метафизическими ученіями **). По ученію метафизиковъ-спиритуалистовъ, существуетъ духовная субстанція, т. е. та сущность, которая скрывается за явленіями и составляетъ причину ихъ; метафизики-матеріалисты признаютъ матеріальную субстанцію (т. е., какъ мы видѣли, атомъ).

Теперь въ зависимости отъ того, какую субстанцію мы признаемъ лежащею въ основѣ міровыхъ явленій, мы будемъ или *спиритуалистами*, или *матеріалистами*, или *монистами*. Если, по нашему мнѣнію, существуетъ въ мірѣ только одна духовная субстанція,а матеріальная субстанція есть только видимость, то мы *спиритуалисты*. Если мы допускаемъ, что въ мірѣ есть только одна матеріальная субстанція, то мы *матеріалисты*. Если мы признаемъ,

---

*) Ученіе о матеріи см. *Ланге*. Ист. Мат. II. 162—200. *Введенскій*. Опытъ построенія матеріи. Спб. 1888. Его же, Къ вопросу о строеніи матеріи, Ж. М. Н. П. 1890. № 7 и 8. *Тэтъ*. Свойства матеріи. *Остроумовъ*. О физіологическомъ методѣ въ психологіи. 1886.

**) Такъ, напр., Гельмгольцъ въ своей рѣчи «О мышленіи въ медицинѣ», предостерегая слушателей отъ увлеченія матеріализмомъ, называетъ его «метафизической гипотезой».

что въ мірѣ есть одна и другая субстанція, то мы *дуалисты*. Наконецъ, если мы признаемъ одну субстанцію, изъ которой происходятъ и матеріальныя, и духовныя явленія, то можно сказать, что мы *монисты*.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній я позволю себѣ изложить краткую *исторію и развитіе* матеріалистическаго ученія. Я говорю, что намѣренъ изложить исторію и развитіе матеріалистической доктрины, но слово «развитіе» по отношенію къ матеріалистическому ученію можетъ быть приложено только въ несобственномъ смыслѣ, потому что на самомъ дѣлѣ ученіе это оказывается удивительно коснымъ. Не взирая на тѣ громадные успѣхи естествознанія, какіе видѣлъ XIX-й вѣкъ, ученіе матеріалистовъ нашего времени въ существенныхъ чертахъ остается почти тождественнымъ матеріализму въ его древнѣйшей формѣ. О матеріализмѣ можно сказать, словами *Альб. Ланге* *), что онъ «такъ же древенъ, какъ и философія, но не древнѣе. Естественное пониманіе предметовъ, которое господствуетъ въ древнѣйшіе періоды культурно-историческаго развитія, постоянно бываетъ подвержено противорѣчіямъ дуализма. Первые опыты освободиться отъ этихъ противорѣчій, объять міръ въ цѣломъ и подняться надъ обыкновенною видимостью чувствъ, ведутъ уже въ область философіи и уже при первыхъ попыткахъ встрѣчается матеріализмъ». Систематическую форму это ученіе пріобрѣтаетъ у греческаго философа *Демокрита*, жившаго въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Демокритъ считалъ чувственныя качества только видимостью. «Сладкое имѣетъ только *кажущееся* существованіе, такое же существованіе имѣютъ тепло, холодъ, цвѣта, *въ дѣйствительности же не существуетъ ничего, кромѣ атомовъ и пустого пространства*». Такъ какъ для него непосредственно данное ощущеніе имѣло въ себѣ нѣчто обманчивое, то онъ придавалъ *размышленію* бо́льшее значеніе въ дѣлѣ познанія, чѣмъ непосредственному воспріятію при помощи *чувствъ*. Атомы, изъ которыхъ состоятъ всѣ вещества, безконечны въ числѣ и безконечно различны по формѣ. Различіе всѣхъ предметовъ зависитъ отъ различія ихъ атомовъ въ числѣ, величинѣ, формѣ и порядкѣ; качественнаго различія атомовъ не существуетъ. Атомы не имѣютъ «внутренняго состоянія», они дѣйствуютъ другъ на друга только посредствомъ давленія и удара. *Душа состоитъ изъ мелкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня*. Эти атомы суть самые подвижные, и отъ ихъ движенія, проникающаго черезъ все тѣло, происходятъ явленія жизни, и въ частности всѣ явленія психической жизни.

---

*) Ук. соч. т. I.

Слѣдовательно, *душа для Демокрита есть особенное вещество на ряду съ другими веществами.* Разумность онъ разсматривалъ, какъ явленіе, происходящее изъ механическаго свойства извѣстныхъ атомовъ въ ихъ отношеніи къ другимъ *).

Я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что Демокритъ духовныя явленія объясняетъ изъ механическихъ свойствъ атомовъ, а всякія внутреннія состоянія совсѣмъ устраняетъ, т. е., другими словами,—онъ не признаетъ никакихъ духовныхъ состояній, потому что, по его мнѣнію, въ мірѣ ничего, кромѣ атомовъ, не существуетъ.

Отъ изложенія ученій *Эпикура*, *Лукреція*, *Гоббеса*, *Гассенди* я отказываюсь, потому что они составляютъ лишь видоизмѣненія ученія Демокрита. Ближе всего къ современному матеріализму стоитъ французскій матеріализмъ прошлаго столѣтія, такъ какъ и доказательства его почти тѣ же, что и въ современномъ матеріализмѣ. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ ученіе *Ламеттри*, автора книги «Человѣкъ—машина» **). Въ своей «Естественной исторіи души», послѣ того какъ онъ посредствомъ самонаблюденія въ лихорадочномъ состояніи пришелъ къ тому результату, что всѣ *духовныя функціи суть только свойство нашихъ тѣлесныхъ особенностей*, слѣдствіе нашей организаціи,—онъ не видитъ никакой необходимости допускать особое существо—душу. Слѣпые, глухонѣмые даютъ ему въ руки доказательство того, какъ всѣ представленія возникаютъ изъ чувствъ: человѣкъ, осужденный съ дѣтства на полное одиночество, дѣлается какъ бы совершенно безъ души, и это показываетъ, что духъ не есть что-либо само по себѣ существующее, потому что онъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы развиваться изъ себя. Всѣ ощущенія приходятъ къ намъ отъ чувствъ, а чувства связаны съ мозгомъ, мѣстомъ ощущеній, посредствомъ нервовъ. Въ нервныхъ трубочкахъ движется жидкость, esprit animal, жизненный духъ. Стало быть, не возникаетъ никакого ощущенія, если не вызывается измѣненія въ его органѣ, посредствомъ котораго возбуждаются жизненные духи, которые затѣмъ приводятъ ощущеніе къ душѣ, а отсюда дѣлается выводъ, что *то, что чувствуетъ, должно быть также матеріальнымъ.* Затѣмъ Ламеттри приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ несомнѣннымъ образомъ *зависимость духовныхъ явленій отъ физическихъ.* Различные темпераменты, основывающіеся на физическихъ причинахъ, опредѣляютъ характеръ человѣка.

Въ болѣзняхъ душа то помрачается, то, можно сказать, раздваивается, то разсѣевается въ безуміи. Выздоровленіе безумнаго

*) О немъ см. Ланге, Ист. Матер., т. I, стр. 1—26.

**) См. Ланге, ук. соч. т. I, стр. 297—322.

создаетъ умнаго человѣка. Самый великій геній часто бываетъ глупъ, и гдѣ тогда всѣ тѣ прекрасныя знанія, пріобрѣтенныя съ такимъ большимъ трудомъ? Англійская нація, кушающая полусырое и кровяное мясо, получила, повидимому, свою дикость отъ такой пищи,—дикость, которой можно противудѣйствовать только воспитаніемъ. Эта дикость порождаетъ въ душѣ гордость, злобу, презрѣніе къ другимъ націямъ и другіе недостатки характера, подобно тому, какъ грубая пища дѣлаетъ умъ лѣнивымъ и неповоротливымъ. Какой-нибудь вздоръ, маленькая фибра, что-нибудь, чего не въ состояніи открыть самая тонкая анатомія, могла бы сдѣлать изъ Эразма и Фонтенэля двухъ дураковъ. *Такова зависимость духовныхъ явленій отъ тѣлесныхъ.*

И такъ, по ученію матеріалистовъ, оказывается, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ атомовъ и ихъ соединеній, нѣтъ ничего, кромѣ матеріальнаго начала; что ощущеніе или вообще душевная дѣятельность есть не что иное, какъ движеніе вещества, какъ движеніе матеріальныхъ элементовъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ ученіе Демокрита, такъ и французскихъ матеріалистовъ *) прошлаго столѣтія сходятся между собою, съ тою только разницею, что эти послѣдніе снабжаютъ свое основное положеніе большимъ количествомъ доказательствъ, заимствованныхъ въ естественныхъ наукахъ, метафизическій же принципъ остается одинъ и тотъ же.

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло у современныхъ матеріалистовъ. Многіе, мало знакомые съ исторіей философіи, думаютъ, что возникновеніе матеріализма находится въ связи съ ходомъ развитія естественныхъ наукъ; но это мнѣніе на самомъ дѣлѣ неосновательно. Главная причина возрожденія матеріализма въ новѣйшее время заключается въ томъ, что философія начала нынѣшняго столѣтія слишкомъ пренебрегала тѣми данными, которыя вырабатывала наука, пускалась въ слишкомъ произвольныя построенія, такъ что довѣріе и къ самой философіи, и къ методу, употреблявшемуся ею, было утрачено. Извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Германіи метафизика *Фихте*, *Шеллинга* и *Гегеля* имѣла громадный успѣхъ, извѣстно также, что методъ, которымъ пользовалась эта философія, былъ спекулятивный, и результаты, полученные посредствомъ него, не внушали рѣшительно никакого довѣрія, да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было довѣряться философіи, которая становилась въ полнѣйшее противорѣчіе съ наукой!

Гегель, который имѣлъ такое крупное, и, мы бы сказали, во многихъ отношеніяхъ благотворное вліяніе на европейскую мысль,

---

*) Главнѣйшіе изъ нихъ *Бруссэ*, *Гольбахъ*, *Кабанисъ*, *Ламеттри*.

быть поняты каждымъ образованнымъ человѣкомъ, не стоютъ, по нашему мнѣнію, тѣхъ типографскихъ чернилъ, которыя употреблены на нихъ. Что ясно мыслится, можетъ быть и сказано создалъ натурфилософію, противорѣчіе которой съ естественными науками было поразительно *). «Въ эту эпоху,—говоритъ *Жанэ* **)—господство философіи было столь велико, что она присвоила себѣ право отзываться съ величайшимъ презрѣніемъ объ эмпирическихъ возраженіяхъ. Если упрекали въ томъ, что философія не могла объяснять частностей, *Мишле*, философъ школы Гегеля, съ высоты своего величія отвѣчалъ, что подобныя объясненія не выше, но ниже знанія».

Натурфилософія метафизиковъ вызывала величайшее презрѣніе у современниковъ. *Гёте*, геніальный поэтъ, и въ тоже время выдающійся ученый, видѣлъ громадный вредъ спекулятивнаго метода въ наукѣ. «Вотъ ужъ 20 лѣтъ,—говоритъ онъ,—какъ въ Германіи господствуетъ трансцендентная философія, что покажется весьма смѣшнымъ, когда обратятъ на это вниманіе».

Конечно, при такихъ условіяхъ нѣмецкая мысль должна была устремиться къ построенію міровоззрѣнія на болѣе положительныхъ данныхъ. Для этого послужили физіологія и вообще естественныя науки, остававшіяся въ сторонѣ во время господства спекулятивной философіи.

Люди науки, въ особенности представители естествознанія, стали относиться съ глубокимъ презрѣніемъ къ спекулятивному методу. Бюхнеръ говоритъ: «Мы будемъ избѣгать всякаго философскаго пустословія, которымъ блещетъ философія, заслуживающая справедливаго отвращенія къ ней ученыхъ и неученыхъ читателей. Прошло то время, когда было въ ходу ученое пустословіе, философское шарлатанство и умственное фиглярство». Онъ отрицаетъ мнимую новизну нѣмецкой философіи. «Наши новѣйшіе философы,—говоритъ онъ,—любятъ подогрѣвать намъ старое кушанье подъ новымъ названіемъ, какъ послѣднее изобрѣтеніе философской кухни». «Въ самой природѣ философіи лежитъ то, что она есть общее умственное достояніе. Философскія разсужденія, которыя не могутъ

*) Вотъ одинъ образчикъ этой натурфилософіи. Извѣстно, что неподвижныя звѣзды были для Гегеля не небесными тѣлами, а лишь «абстрактными свѣтовыми точками», «свѣтовою сыпью, такъ же мало заслуживающею удивленія, какъ шолуди у человѣка». Онъ приравнивалъ ихъ къ фосфоресценціи моря; извѣстно, что у него планеты выбросили изъ себя солнце, что земля совершеннѣйшая изъ планетъ потому, что у нея есть спутникъ, тогда какъ Юпитеру не помогаютъ въ этомъ ни мало и четыре спутника. Другіе примѣры въ этомъ же родѣ смотри *Риль*. Теорія науки и метафизики. М. 1887 г., стр. 142—9.

**) Le materialisme contemporain. 1888, стр.

ясно и безъ обиняковъ». Таково было *всеобщее* отношеніе къ философіи.

Начало этому движенію естественныхъ наукъ противъ спекулятивной философіи было положено физіологомъ *Молешоттомъ*, вслѣдъ за которымъ пошли *Фохтъ* и *Бюхнеръ*. Философская система, предложенная ими взамѣнъ системъ, предшествовавшихъ, былъ матеріализмъ, основанный на наукѣ, положительномъ знаніи и опытѣ.

Первое сочиненіе, въ которомъ изложено ученіе матеріализма—книга Молешотта подъ заглавіемъ: «Круговоротъ жизни» (Kreislauf des Lebens), вышла въ 1852 году *). Это собраніе писемъ его къ знаменитому химику—Либиху, о главныхъ предметахъ философіи: о душѣ, безсмертіи, свободѣ. Мы разсмотримъ только тѣ главы этого сочиненія, которыя касаются вопроса объ отношеніи душевныхъ явленій къ тѣлеснымъ, и прежде всего вопросъ о сущности *силы* и объ отношеніи ея къ *матеріи*.

Его основное положеніе сводится къ формулѣ: «*Нѣтъ силы безъ вещества, нѣтъ вещества безъ силы*». Это положеніе направлено противъ философскихъ ученій, которыя признавали возможнымъ существованіе *силъ* отдѣльно отъ матеріи,—силъ, которыя могли бы оказывать воздѣйствіе на матерію. По мнѣнію Молешотта, «сила не есть какой-либо движущій богъ, не есть какая-либо сущность вещей, отдѣлимая отъ матеріальной основы, она есть неотдѣлимое отъ вещества, отъ вѣчности ему присущее свойство». Съ другой стороны матерія совершенно немыслима безъ какихъ-либо силъ, которыя собственно сводятся къ свойствамъ вещества.

«Сущность вещей,—говоритъ онъ,—есть сумма ихъ свойствъ, а сущность всѣхъ свойствъ есть сила» **).

Съ вопросомъ объ отношеніи души къ тѣлу въ тѣсной связи находится вопросъ о такъ называемой *жизненной силѣ*. По ученію прежнихъ натуръ-философовъ, для того, чтобы вещество, входящее въ составъ организмовъ, могло получить жизнь, нужно, чтобы особенная *сила*, которую они называли *жизненной*, присоединилась къ веществу. Всѣ естествоиспытатели согласны въ томъ, что между разнообразными веществами природы есть рѣзкое различіе, которое позволяетъ дѣлить ихъ на два огромные класса, на *органическія* и *неорганическія*. Прежде думали, что изъ элементовъ неорганической природы искусственнымъ, химическимъ

*) Послѣднее пятое дополненное изданіе вышло въ 1877—1887 году. Книга эта вышла въ нѣсколькихъ изданіяхъ и на русскомъ языкѣ, но съ очень большими пропусками.

**) т. II послѣдн. нѣм. изд. с. 584.

путемъ нельзя составить органическихъ соединеній, что всѣ подобныя соединенія предполагаютъ уже *живой* организмъ, и въ этомъ-то находили различіе между тѣлами органическими и неорганическими. Либихъ, напр., заявляетъ: неорганическія соединенія (минералы) образовались вслѣдствіе дѣйствія химическаго сродства; но самый способъ ихъ сплоченія, а, слѣдовательно, ихъ форма и свойства зависѣли отъ внѣшнихъ постороннихъ причинъ, содѣйствовавшихъ ихъ образованію, именно отъ высоты температуры. Совершенно подобнымъ же образомъ причиною, обусловливающею форму и свойства химическихъ соединеній, совершающихся въ организмѣ, служатъ свѣтъ, теплота и преимущественно жизненная сила: послѣдняя опредѣляетъ, какъ число атомовъ, которые соединяются, такъ и способъ ихъ расположенія. Мы можемъ составить кристаллъ квасцовъ изъ его элементовъ—сѣры, кислорода, калія и аллюминія, потому что до извѣстной степени мы можемъ свободно располагать ихъ химическимъ сродствомъ, равно какъ теплородомъ и распорядкомъ частицъ; но крахмальнаго зерна нельзя составить изъ его элементовъ, такъ какъ *сплоченію ихъ въ свойственную крахмальному зерну форму содѣйствовала жизненная сила, которая не подчинена нашей волѣ въ такой мѣрѣ, какъ теплота, свѣтъ, сила тяжести и проч.*

Но въ то время, когда Молешоттъ писалъ свою книгу, различіе между веществами органическими и неорганическими уже нужно было считать неосновательнымъ, по крайней мѣрѣ отчасти, потому что *химіи во многихъ случаяхъ удалось изъ чисто неорганическихъ элементовъ произвести вещества органическія*, напр., муравьиную кислоту, мочевину, щавелевую кислоту и другія органическія вещества.

«Если, — говоритъ Молешоттъ, — мы органическія вещества искусственнымъ способомъ можемъ создать изъ основныхъ веществъ, то очевидно, что *органическія и организованныя вещества происходятъ изъ неорганическихъ основныхъ веществъ и неорганическихъ соединеній*». Сила, которая не была бы связана съ веществомъ, которая, свободно витая надъ веществомъ, могла бы по произволу съ нимъ соединяться, есть совершенно нелѣпое представленіе. Азоту, углероду, водороду и кислороду, сѣрѣ и фосфору—ихъ свойства присущи отъ вѣчности. Поэтому, свойства вещества, когда оно входитъ въ составъ растеній и животныхъ, не измѣняются. Допущеніе особенной жизненной силы, для объясненія жизненныхъ процессовъ, совсѣмъ неосновательно: ихъ можно объяснить свойствами матеріи, присущими ей отъ вѣка.

«Жизненная сила, какъ и жизнь, есть не что иное, какъ результатъ сложнаго взаимодѣйствія физическихъ и химическихъ силъ.

Прежнія представленія о жизненной силѣ можно свести на глубоко коренящуюся наклонность представлять причину ряда явленій, связь которыхъ кажется уму загадочной, въ формѣ какой-либо личности»*).

Кто говоритъ о жизненной силѣ, тотъ поставленъ въ необходимость допускать *силу безъ вещества*. Но сила безъ матеріальнаго носителя есть совершенно безмысленное представленіе. Единственное основное различіе между органической и неорганической матеріей состоитъ въ томъ, что органическое вещество обладаетъ болѣе сложнымъ строеніемъ. *Какъ только вещество достигаетъ опредѣленной степени сложности, тотчасъ съ организированной формой начинается жизнь.*

Жизнь совсѣмъ не есть продуктъ какой-нибудь особенной силы, она, скорѣе можно сказать, есть *форма движенія вещества*, основывающаяся на скрытыхъ свойствахъ его и обусловливаемая своеобразными явленіями движенія, какія въ веществѣ вызываютъ вода и воздухъ, электричество и механическое сотрясеніе, теплота и т. п. Такъ называемыя *силы* суть: тѣла, обладающія теплотой, электрически возбужденныя вещества, колеблющіяся тѣла, свѣтовыя волны, звуковыя волны, однимъ словомъ, все, что производитъ движеніе посредствомъ движенія.

Движеніями же вещества Молешоттъ объясняетъ и происхожденіе *сознанія*, *мысли* и вообще душевныхъ явленій.

Мозгъ человѣка превосходитъ мозгъ животныхъ богатствомъ жировъ, содержащихъ фосфоръ. *Безъ фосфора, жира и воды не существуетъ мысли* **).

Если кто-нибудь хочетъ доказать существованіе пропасти между природой и духомъ тѣмъ, что невозможно объяснить *рожденіе* мысли посредствомъ опредѣленнаго *движенія* частичекъ нашего мозга, тотъ забываетъ, что такая же невозможность должна быть признана и въ другихъ явленіяхъ природы. О расположеніи частицъ въ желѣзной палкѣ, которую электрическій токъ намагничиваетъ, въ мѣдной проволокѣ, которую электризуетъ магнитъ или электрическій токъ, о молекулярномъ движеніи, которое производитъ отклоненіе магнитной стрѣлки, мы знаемъ такъ же мало, какъ и о

---

*) l. c. 598.

**) Первоначально эту мысль Молешоттъ формулировалъ иначе. Онъ говорилъ: «Безъ фосфора нѣтъ мысли — Ohne Phosphor kein Gedanke». Но ему возражали, что въ такомъ же смыслѣ можно было бы сказать, — «безъ бѣлковины нѣтъ мысли», «безъ кали, безъ крови, безъ воды нѣтъ мысли» (См. Liebmann Analysis der Wirklichkeit. 1880, стр. 529). Тогда Молешоттъ этой мысли придалъ ту форму, въ которой мы ее приводимъ, но эта форма также неудовлетворительна, какъ и прежняя, потому что не только фосфоръ, жиръ и вода обусловливаютъ возможность мысли, но еще и тысячи другихъ причинъ, которыя всѣ нужно было бы перечислить.

состоянiи мозга, который чувствуетъ и мыслитъ. Мы описываемъ разнообразныя воздѣйствiя электрическихъ и магнетическихъ матерiальныхъ воздѣйствiй; мы надѣемся когда-нибудь открыть тотъ *внутреннiй* процессъ, то *расположенiе* мельчайшихъ частицъ матерiи, теперь же мы описываемъ только результатъ, не подвергая сомнѣнiю, что дѣйствующiя причины связаны съ металлами и съ жидкостями, съ земнымъ шаромъ и съ его матерiальными продуктами, и вовсе мы не призываемъ для объясненiя какихъ-либо электрическихъ или магнетическихъ духовъ *).

Даже больше. Мы. собственно, относительно дѣятельности мозга имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнiя, чѣмъ относительно магнита, притягивающаго желѣзо. Потому что, между тѣмъ какъ въ желѣзѣ, которое магнетизируется, мы, кромѣ притяженiя желѣза, не воспринимаемъ никакихъ другихъ явленiй, которыя давали бы намъ указанiя относительно расположенiя его частицъ,—въ мозгу, когда онъ мыслитъ, мы можемъ съ полною опредѣленностью указать тѣ измѣненiя, которыя онъ претерпѣваетъ въ себѣ и вызываетъ въ тѣлѣ. *Мысль есть движенiе, перемѣщенiе мозгового вещества*; мозговая дѣятельность есть такое же необходимое и неотдѣлимое свойство мозга, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ сила присуща матерiи, какъ внутреннiй необнаруживающiйся признакъ. Такъ же невозможно, чтобы неповрежденный мозгъ не мыслилъ, какъ невозможно, чтобы мысль принадлежала другому веществу, а не мозгу **).

Всѣ процессы въ нервной системѣ, возбужденiе, распространенiе его воздѣйствiя, сужденiе, волевое возбужденiе имѣютъ опредѣленную *скорость*, тѣмъ меньшую, чѣмъ сложнѣе процессъ. *Мышленiе* есть *протяженный процессъ*, и именно тѣмъ болѣе протяженный, чѣмъ болѣе онъ сложенъ. Но то, что для своего совершенiя требуетъ времени, связано съ временемъ, оно можетъ существовать только лишь черезъ посредство *передвиженiя* и именно мельчайшихъ частицъ. Во времени движутся мельчайшiя частицы, слѣдовательно, оно совершается черезъ посредство движенiя. Оно не можетъ быть извлечено изъ окружающей матерiальной массы безъ того, чтобы не прекратить своего существованiя. *Оно поэтому само матерiально*, но движется такимъ своеобразнымъ способомъ, что за нимъ слѣдуютъ тѣ явленiя, которыя обыкновенно называются духовными; они не возникаютъ безъ матерiи, не существуютъ безъ матерiи, не могутъ быть восприняты безъ матерiи ***).

«Пропасть, которая нѣкогда отдѣляла вѣсомыя вещества отъ невѣсомыхъ, была не больше, чѣмъ та, которая еще и въ на-

*) l. c. 601 и д.

**) l. c. 601—603.

***) l. c. 604.

стоящее время усматривается между протяженностью тѣлъ и непротяженностью душевной дѣятельности».

«Въ научномъ смыслѣ, величайшее пріобрѣтеніе нашего столѣтія это открытіе, что теплота есть форма движенія [1]). То ученіе, что теплота есть мѣра движенія, что поднятіе тяжести требуетъ количество теплоты, соотвѣтствующее высотѣ поднятія и величинѣ тяжести, что препятствія, которыя противустоятъ какому-либо движенію, не утрачиваютъ ни одной части своей силы, превращаются въ форму движенія, которую мы называемъ теплотой, основывается на той же самой почвѣ созерцанія природы, на какой покоится то положеніе, что «*мышленіе есть форма движенія*».

Вотъ общее философское содержаніе книги Молешотта, которая надѣлала много шуму въ Германіи и вызвала поворотъ въ общественномъ мнѣніи въ пользу матеріалистической философіи.

Продолжателемъ его идей явился другой извѣстный физіологъ *Карлъ Фохтъ* [2]), который объ отношеніи мысли къ мозгу въ своихъ «Физіологическихъ письмахъ» говоритъ слѣдующее: «Я полагаю, что каждый естествоиспытатель при сколько-нибудь послѣдовательномъ размышленіи, придетъ къ тому убѣжденію, что *всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевной дѣятельности, суть только отправленія мозгового вещества* или, выражаясь нѣсколько грубѣе, что *мысль находится почти въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени* [3]). Принимать душу, для которой головной мозгъ служитъ инструментомъ, которымъ она работаетъ по произволу— затруднительно. Въ такомъ случаѣ мы должны были бы принять для каждаго отправленія нашего организма особенную душу, и при такомъ множествѣ безтѣлесныхъ душъ, управляющихъ отдѣльными отправленіями, мы никогда не могли бы понять нашу жизнь. Отправленіе тѣла повсюду обусловливается формою и матеріею, и каждая часть тѣла, имѣющая особенное устройство необходимо должна имѣть и особенное отправленіе».

Самымъ популярнымъ изъ всѣхъ писателей матеріалистической школы нужно признать *Бюхнера*, автора книги «Kraft und Stoff», которая выдержала 18 изданій [4]) и всегда считалась настольной книгой матеріализма. Если бы спросили, чѣмъ объясняется такой

[1]) См. статью Готлиба Адлера «*О свойствахъ матеріи*», «М. Б.» 1895 г, іюнь. *Прим. ред.*

[2]) См. «Карлъ Фохтъ», ст. В. Агафонова, «М. Б.» 1895 г., сентябрь. *Прим. ред.*

[3]) Эту мысль мы находимъ у одного писателя конца прошлаго столѣтія Кабаниса. Онъ уподобляетъ отношеніе психическихъ явленій къ мозгу отношенію выдѣленій къ выдѣляющимъ органамъ: «*Мысль есть выдѣленіе мозга*»

[4]) Первое изданіе вышло въ 1855 г.

громадный успѣхъ этой книги (насколько объ этомъ можно судить по количеству изданій), то на этотъ вопросъ отвѣтить не легко. Нужно думать, что причина лежитъ въ условіяхъ культурно-историческихъ, которыя можно было бы въ двухъ словахъ такъ характеризовать: полное недовѣріе къ умозрительной философіи и проистекающее вслѣдствіе этого поклоненіе авторитету научной мысли. Матеріализмъ всегда выступалъ подъ знаменемъ науки и этимъ, разумѣется, всегда привлекалъ къ себѣ неопытные умы. Наконецъ, достоинства книги, заключающіяся въ томъ, что она написана просто, доступно и интересно; факты, которые приводитъ Бюхнеръ, весьма любопытны: они заимствованы у научныхъ авторитетовъ съ цѣлями философскими, именно доказать справедливость матеріалистическаго ученія; а такъ-какъ къ тому же она задается цѣлью рѣшить основные вопросы *жизни*, *души*, *безсмертія* и т. п., то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Германіи, напр., ее читаютъ даже рабочіе, какъ это можно судить по существованію дешеваго народнаго изданія.

Его ученіе формулируется слѣдующей фразой: «*Нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы*». Свою книгу онъ начинаетъ цитатой изъ Молешотта *): «Сила не есть какой-либо богъ, дающій толчокъ матеріи, она не есть сущность вещей, отдѣленная отъ матеріальной основы, она не есть свойство, отдѣлимое отъ вещества, но свойство отъ вѣчности ему присущее». «Матерія не есть телѣга, въ которую можно было бы припречь или отпречь силы, подобно лошадямъ». «Матерія вѣчно обладаетъ извѣстными свойствами. Частичка желѣза остается всегда одной и тою же вещью, все равно, пробѣгаетъ ли она въ метеорномъ камнѣ вселенную, дребезжитъ ли въ колесѣ локомотива по желѣзнымъ рельсамъ или циркулируетъ въ кровяномъ шарикѣ въ вискахъ поэта. *Эти свойства вѣчны*».

Затѣмъ Бюхнеръ приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ сочиненій самыхъ знаменитыхъ современныхъ натуралистовъ, доказывающія положенія, что «нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы».

«Только суевѣріе и невѣжество прошлыхъ вѣковъ могло считать возможнымъ существованіе въ природѣ силъ, которыя дѣйствовали бы *независимо* отъ вещества, между тѣмъ, какъ въ настоящее время подобныя возможности совершенно изгнаны изъ науки. Ничто не можетъ дать намъ основанія допустить дѣйствительное существованіе какой-либо силы, кромѣ тѣхъ свойствъ, измѣненій или движеній, которыя мы воспринимаемъ въ матеріи и которыя мы называемъ *силами*. Познаніе ихъ другимъ путемъ **) есть невозмож-

*) Цитировано по 17-му изд. Leipz. 1892 г., стр. 1—2.

**) Т. е. если они не находятся въ связи съ матеріей.

ность. Представимъ себѣ электричество, магнетизмъ, тяжесть, теплоту, химическое сродство и т. п. *безъ тѣлъ*, въ которыхъ мы наблюдали проявленіе этихъ силъ, или безъ тѣхъ матеріальныхъ частицъ, взаимное отношеніе которыхъ именно и есть причина этихъ явленій, тогда у насъ не осталось бы ничего, кромѣ пустого понятія, слова, которое можетъ служить лишь къ тому, чтобы наглядно намъ представлять извѣстный классъ или рядъ явленій матеріи».

«Дѣйствительное понятіе о томъ, что такое силы сами по себѣ или чѣмъ могла бы быть сила безъ матеріи, такъ же ускользаетъ отъ насъ, какъ понятіе о томъ, чѣмъ могло бы быть вещество безъ силъ. Поэтому, мы, собственно, не можемъ говорить объ электричествѣ, но только лишь о веществѣ, находящемся въ электрическомъ состояніи. Тѣ, которые говорятъ о внѣміровой или сверхестественной творческой силѣ, которая создала міръ изъ самой себя или изъ ничего, становятся въ противорѣчіе съ первымъ и самымъ простымъ основоположеніемъ, доказываемымъ опытомъ и философскимъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности: *ни сила не можетъ создать* матеріи, ни матерія силы, потому что мы видѣли, что раздѣльное существованіе обѣихъ невозможно эмпирически, да и немыслимы логически».

Затѣмъ у Бюхнера слѣдуютъ главы, своимъ названіемъ указывающія на ихъ содержаніе: «Безсмертіе матеріи», «Безсмертіе силы», «Безконечность матеріи», «Значеніе матеріи», «Неизмѣнность законовъ природы» и т. п. Мы не станемъ излагать содержанія этихъ главъ, а перейдемъ къ интересующему насъ вопросу объ отношеніи мысли къ мозгу, по ученію Бюхнера. Замѣтимъ, что свойство *движенія* матеріи является весьма существеннымъ въ глазахъ Бюхнера. «Для современнаго естествознанія говоритъ онъ, обоснованіе движенія есть его собственная задача и его предметъ есть все то, что можетъ быть *сведено на движеніе*, движущаяся, или находящаяся въ движеніи матерія есть его первое и послѣднее слово или, по крайней мѣрѣ, должно быть таковымъ».

Главу о *мозгѣ* и *душѣ* онъ предваряетъ слѣдующими тремя эпиграфами: «*Душа* и *общая сумма живыхъ дѣйствующихъ нервныхъ клѣтокъ* живого существа, а, слѣдовательно, и человѣка суть для непредубѣжденнаго естествоиспытателя совершенно покрывающіяся понятія. Внѣ нервныхъ клѣтокъ не существуетъ никакой души, въ бѣлковинѣ нервныхъ клѣтокъ заключена тайна души» (Брюль). «Душа есть мозгъ, находящійся въ дѣятельности, и ничего больше» (Бруссе). «Отъ матеріи мы возвышаемся къ духу черезъ посредство мозга» (Туттле). «Что мозгъ, или тотъ органъ, который заполняетъ внутренность черепа, который представляетъ изъ себя на ряду съ печенью самый объемистый и

вмѣстѣ съ этимъ относительно самый обильный кровью изъ всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла, есть *органъ мышленія*, воли и чувства, и что послѣднее безъ перваго немыслимо,—есть истина, которая едва ли покажется сомнительной какому-либо врачу или физіологу. Наука, ежедневный опытъ и масса самыхъ убѣдительныхъ фактовъ съ необходимостью приводятъ къ этому убѣжденію. Мозгъ есть сѣдалище мысли и органъ мысли, его величина, его форма, развитіе, способъ его сложенія и образованія или образованія его отдѣльныхъ частей находится въ опредѣленномъ отношеніи къ величинѣ и силѣ исходящихъ отъ него психическихъ или духовныхъ дѣятельностей».

«Для насъ кажется безразличнымъ, говоритъ онъ далѣе, какимъ образомъ возможно представленіе о томъ, *какъ душевныя явленія возникаютъ изъ матеріальныхъ* комбинацій или дѣятельностей мозгового вещества. Достаточно знать, что *существуетъ неразрывная связь между духомъ и матеріей* *). Слово душа есть ни что иное, какъ собирательное понятіе или общее выраженіе для всей совокупности дѣятельности мозга и его отдѣльныхъ частей или органовъ, совершенно такъ, какъ слово «дыханіе» есть коллективное понятіе для дѣятельности органовъ дыханія или слово «пищевареніе» для дѣятельности пищеварительныхъ органовъ».

Глава подъ названіемъ «*Мысль*» опять предваряется эпиграфами, которымъ авторъ, очевидно, вполнѣ сочувствуетъ: «*Мысль есть движеніе матеріи*» (Молешоттъ). «Подобно тому, какъ цвѣтъ относится къ свѣтовымъ колебаніямъ, звукъ къ колебаніямъ упругихъ жидкостей, такъ относится мысль къ нервно-электрическимъ колебаніямъ мозговыхъ волоконъ» (Гушке).

Въ самомъ началѣ главы Бюхнеръ указываетъ на то, что онъ не согласенъ съ приведеннымъ нами выше выраженіемъ Карла Фохта. «Даже при самомъ безпристрастномъ разсмотрѣніи, мы не въ состояніи, — говоритъ онъ, — найти аналогію или *дѣйствительное сродство между выдѣленіемъ желчи* и тѣмъ процессомъ, *посредствомъ котораго мысль созидается въ мозгу*. Желчь есть вещество осязаемое, вѣсомое и видимое; сверхъ того, это—отбросъ, который тѣло выдѣляетъ изъ себя; мысль же или же мышленіе совсѣмъ не есть выдѣленіе или отбросъ, но это есть дѣятельность или *движеніе веществъ*, или соединеній веществъ, опредѣленнымъ способомъ располагающихся въ мозгу. Тайна мышленія заключается не въ мозговыхъ веществахъ, какъ таковыхъ, но въ особенномъ *способѣ ихъ соединенія и ихъ взаимодѣйствія для одной опредѣленной цѣли. Мышленіе, поэтому, должно быть раз-*

*) Мы увидимъ далѣе, что это вовсе не все равно.

сматриваемо, какъ особая форма общаго движенія природы, которое для вещества центральныхъ нервныхъ элементовъ такъ же характеристично, какъ движеніе сокращенія мускульной субстанціи или движеніе свѣта міровому эфиру, или какъ явленіе магнетизма магниту; поэтому, мысль не есть матерія, но она *матеріальна* въ томъ смыслѣ, что является обнаруженіемъ матеріальнаго субстрата, отъ котораго она такъ же мало отдѣлима, какъ сила отъ матеріи, или, другими словами, своеобразное обнаруженіе своеобразнаго матеріальнаго субстрата совершенно такъ, какъ теплота, свѣтъ, электричество неотдѣлимы отъ ихъ субстратовъ».

«Психическая дѣятельность есть не что иное, и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *распространеніе движенія, происходящаго отъ внѣшнихъ впечатлѣній, между клѣтками мозговой корки*. Ибо мышленіе безъ чувственнаго содержанія не существуетъ. Слова: «духъ», «душа», ощущеніе, воля, жизнь, не обозначаютъ никакихъ сущностей, никакихъ дѣйствительныхъ вещей, но только лишь *свойства* способности, дѣятельности живой субстанціи или результаты (дѣятельности) субстанцій, которыя обоснованы на матеріальныхъ формахъ существованія».

«Какъ извѣстно, Вольтеръ сравниваетъ душу съ пѣніемъ соловья, которое происходитъ до тѣхъ поръ, пока маленькая органическая машина, его производящая, живетъ и находится въ дѣятельности, и прекращается съ прекращеніемъ этой дѣятельности. Это же самое сравненіе можетъ быть примѣнено ко всякой машинѣ, созданной руками человѣка. Если какая-либо паровая машина производитъ какую-либо работу, или если часы показываютъ время, то это есть также результатъ ихъ дѣятельности, какъ *мысль есть результатъ того сложнаго механизма матеріальнаго комплекса, который мы называемъ мозгомъ*. Но такъ же мало, какъ сущность паровой машины состоитъ въ томъ, что она производитъ паръ, или часовъ, что они посредствомъ своего движенія производятъ теплоту, такъ же мало сущность мозгового механизма состоитъ въ томъ, что онъ образуетъ теплоту или то крайне незначительное количество жидкой субстанціи, которое находится во внутреннихъ полостяхъ мозга. Онъ не производитъ никакихъ веществъ подобно печени или почкамъ, но дѣятельность, которая является цвѣтомъ всякой земной организаціи *). Разъ доказано, что *мысль неразрывно связана съ опредѣленными матеріальными движеніями, то уже достаточно простого указанія на вели-*

*) Этимъ Бюхнеръ хочетъ сказать, что онъ не согласенъ съ Фохтомъ, по мнѣнію котораго, мысль есть выдѣленіе, но самъ все-таки приходитъ къ признанію *матеріальности* мысли.

кій и недопускающій исключенія законъ сохраненія или безсмертія силы, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что мысль или психическая дѣятельность вообще есть только форма или способъ проявленія того великаго общаго движенія природы, которое поддерживаетъ вѣчное круговращеніе силъ и которое обнаруживается то въ видѣ механической, то въ видѣ электрической или духовной силы. «Будетъ-ли обмѣнъ матеріи, безпрестанно совершающійся въ нашемъ тѣлѣ и поддерживаемый употребляемыми нами пищевыми средствами, доставлять силу дровосѣку, которую онъ расходуетъ при помощи своихъ мускуловъ, или ученому, мыслителю, поэту—силу, которая въ его мозгу созидаетъ мысли,—на самомъ дѣлѣ оказывается вполнѣ тождественнымъ, только форма или дѣйствіе различно, смотря по различію органовъ».

«Нервная сила, нервная дѣятельность равнозначна съ превращеніемъ электричества, и нервъ есть одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, существующихъ въ природѣ аппаратовъ, которые предназначены къ тому, чтобы напряженныя силы переводить въ живыя или въ движеніе. Это онъ дѣлаетъ такимъ образомъ, что, вслѣдствіе химическихъ процессовъ, происходящихъ внутри его, освобождаетъ электричество, и затѣмъ это освобожденное электричество превращаетъ въ нервную дѣятельность. Но такъ какъ эта дѣятельность состоитъ, главнымъ образомъ, въ созиданіи ощущеній и воли, и такъ какъ всякая психическая дѣятельность развивается изъ ощущеній, получаемыхъ черезъ нервы отъ впечатлѣній внѣшняго міра, то мы находимся на порогѣ познанія, которое можетъ намъ показать несомнѣннымъ *выведеніе всякаго психическаго дѣйствія изъ общихъ источниковъ силы природы и подчиненіе его подъ великій законъ сохраненія энергіи*». Здѣсь психическую силу Бюхнеръ отождествляетъ съ другими физическими силами, существующими въ природѣ.

Не существуетъ никакой мысли безъ мозга; *духовная дѣятельность есть функція или дѣятельность мозговаго вещества.*

Такъ какъ мышленіе по Бюхнеру, слѣд., есть такая же *сила* какъ электричество, свѣтъ и т. д., и такъ какъ оно, подобно этимъ послѣднимъ, *неразрывно связано съ матеріей*, то нужно было бы предположить, что *матерія обладаетъ способностью мыслить* И дѣйствительно, Бюхнеръ это утверждаетъ. «Какая имѣется у насъ основательная причина,—говоритъ онъ,—отрицать то положеніе, что матерія можетъ мыслить? Никакой, кромѣ понятія, которое вслѣдствіе впечатлѣній спиритуалистическаго воспитанія, сдѣлалось уже нашей второй природой». По этому поводу уже Ламеттри говорилъ: «если кто-либо спрашиваетъ, можетъ-ли матерія.

мыслить, то дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что онъ какъ бы хочетъ знать, можетъ ли матерія часы считать?» Конечно, матерія такъ же мало мыслитъ, какъ мало считаетъ часы, но она дѣлаетъ и то, и другое, коль скоро она вступитъ въ такія *соединенія* или состоянія, изъ которыхъ возникаетъ мышленіе или счетъ часовъ. Объ этомъ говорилъ также Фридрихъ Великій: «Я знаю, что я оживленное матеріальное существо, которое имѣетъ органы и мыслитъ, откуда я заключаю, что оживленная матерія можетъ мыслить совершенно такъ же, какъ она обладаетъ свойствомъ быть электрической».

Отсюда мы, ради послѣдовательности, должны были бы заключить, что *послѣдніе элементы вещества, атомы, обладаютъ* способностью мышленія, разумѣется, принимая оговорку Бюхнера, что они обладаютъ мышленіемъ не такимъ, какимъ обладаемъ мы. Но Бюхнеръ не соглашается съ тѣмъ, что *атому*, этому послѣднему элементу матеріи, *присуще сознаніе*. А эта мысль представляется для насъ въ высокой мѣрѣ важной, потому что она показываетъ, что Бюхнеръ, не взирая на всѣ противорѣчія (которыя мы впослѣдствіи приведемъ), является однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей матеріализма. «Ни въ коемъ случаѣ,—говоритъ онъ,—мы не можемъ *атому*, какъ таковому, приписать ощущеніе, но только лишь *комплексамъ атомовъ* при опредѣленныхъ состояніяхъ или условіяхъ. Какъ и какимъ образомъ эти комплексы, нервныя клѣтки или, выражаясь совсѣмъ общо, матерія начинаетъ созидать или производить ощущеніе или сознаніе, для нашей цѣли это совершенно безразлично, *для насъ вполнѣ достаточно знать, что это на самомъ дѣлѣ такъ*».

Это признаніе потому важно, что имъ Бюхнеръ ясно показываетъ, что мысль порождается соединеннымъ дѣйствіемъ множества атомовъ. Слѣдовательно, атому, какъ таковому, мышленіе вовсе не присуще; а такъ какъ взаимодѣйствіе между атомами возможно только лишь при условіи ихъ *движенія*, то мы такимъ образомъ приходимъ къ основному матеріалистическому положенію, что *мысль есть продуктъ движенія вещества* *).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Съ этимъ интересно сравнить взглядъ физіолога *Болля*. «Эфирныя волны, которыя возбуждаютъ глазъ, продолжаются въ колебаніяхъ нервовъ, не для того, чтобы *создать* представленіе, но для того, чтобы *быть* представленіемъ». Здѣсь мысль прямо отождествляется *съ движеніемъ вещества*.

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ ІУДЫ.

Пер. съ французскаго **Т. Криль**.

Іуда долго стоялъ неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ далъ смертельный поцѣлуй Іисусу. Онъ слѣдилъ взоромъ за отрядомъ, увлекавшимъ Сына Человѣческаго въ Іерусалимъ. Въ кровавомъ свѣтѣ факеловъ и фонарей, съ пиками и обнаженными мечами исчезала вдали эта печальная процессія, молчаливо и поспѣшно, какъ шайка ночныхъ грабителей, исчезала и исчезла. Тогда Іуда спокойно завернулся въ свой длинный красный плащъ и, съ лицемъ, обращеннымъ въ сторону города, ждалъ.

Было больше полуночи. Луна озаряла голубоватымъ свѣтомъ безплодныя поля, башни и укрѣпленія священнаго города. Смутный, грозный гулъ подымался вверхъ, къ площади храма. Крики совы раздавались въ пустынѣ. Громадная летучая мышь задѣла своимъ холоднымъ крыломъ щеку Іуды. Онъ закрылъ голову полой плаща.

Онъ все ждалъ. Но вотъ онъ вдругъ обернулся съ радостнымъ волненіемъ къ входу въ садъ, вышелъ изъ тѣни и бросился навстрѣчу человѣку, который, казалось, искалъ кого-то во мракѣ Геѳсимана. Это былъ старый еврей, съ длинной, бѣлой бородой, сгорбленный, опирающійся на палку— казначей первосвященника, приближавшійся нетвердыми шагами. Онъ далъ Іудѣ подойти, бросилъ ему кожаный кошелекъ и затѣмъ удалился быстрѣе, чѣмъ пришелъ.

— И скверному псу бросаютъ кость поласковѣе,—пробормоталъ Іуда.

Онъ поднялъ кошелекъ и улыбнулся. Кошелекъ былъ тяжелъ и издавалъ пріятный для слуха звонъ. Іуда выбѣжалъ изъ рощи и открылъ его при свѣтѣ луны. Въ первую минуту блескъ серебра какъ будто ослѣпилъ его. Но онъ скоро при-

нялся пересчитывать монеты, пробовалъ вѣсъ каждой изъ нихъ на ладони правой руки и долго съ безпокойствомъ разсматривалъ одну монету, на которой изображеніе Цезаря слегка стерлось.

— Это Августъ,—сказалъ онъ,—покойный Цезарь. Я предпочитаю другія монеты, Тиверія, совсѣмъ новыя. Священники исполнили свое обѣщаніе. Это хорошо.

Онъ спряталъ кошелекъ за поясъ и направился къ Іерусалиму. Онъ чувствовалъ себя легко, онъ считалъ себя счастливымъ. Чтобы вполнѣ успокоиться, онъ вызывалъ въ памяти коварныя увѣщанія Каіафы въ вечеръ позорнаго торга. Вѣдь онъ предалъ пророка, который предвѣщалъ гибель закона и презиралъ Моисея. Ложнаго царя Израиля, Лже-Мессію, который прогонялъ торговцевъ изъ храма Соломона и закрывалъ для богатыхъ Царство Небесное! Онъ, скромный Искаріотъ, онъ славно отмстилъ за Бога, за Давида, за Римъ. И въ этотъ самый день, когда солнце освѣтитъ мученія Христа, истинный народъ Божій—левиты, садукеи, книжники, фарисеи и Пилатъ, гордый намѣстникъ Цезаря, будутъ привѣтствовать въ его лицѣ свершителя великаго дѣла.

— Имя мое,—думалъ онъ,—будетъ жить такъ же долго, какъ имена Іакова, Даніила и Иліи!

* * *

Онъ проникъ въ безмолвный и мрачный городъ; думая, что въ этотъ часъ Каіафа допрашиваетъ Іисуса, онъ направился ко дворцу первосвященника. Издали онъ увидѣлъ освѣщенныя окна; на терассахъ вдоль портиковъ двигались взадъ и впередъ тѣни. На переднемъ дворѣ виднѣлся красноватый свѣтъ. Улица была пустынна. Пропѣлъ пѣтухъ.

— Близокъ разсвѣтъ,—сказалъ Іуда.

Онъ остановился въ воротахъ. Посреди двора пылалъ большой костеръ. Одинъ изъ двѣнадцати, Петръ, сидѣлъ на скамьѣ и грѣлъ руки, разговаривая съ молодой служанкой. Петръ, казалось, былъ и очень раздраженъ, и очень несчастливъ. Онъ говорилъ громко и сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Поистинѣ, клянусь тебѣ, нѣтъ, я не знаю этого человѣка!

Пѣтухъ пропѣлъ вторично.

Служанка ушла. Петръ умолкъ и погрузился въ печальное раздумье. Онъ не слышалъ, какъ Іуда приблизился къ костру. Изъ преторіи Каіафы доносился глухой шумъ, прерываемый долгими промежутками молчанія, слышны были то

звуки гнѣвнаго и презрительнаго голоса, то серьезная и кроткая рѣчь, заставлявшая дрожать и по-дѣтски плакать галилейскаго рыбака, думавшаго, что, кромѣ него, никого нѣтъ во дворѣ.

И вотъ пѣтухъ пропѣлъ въ третій разъ.

Петръ содрогнулся, испустилъ крикъ ужаса, поднялъ голову и всталъ. И оба апостола, отступникъ и предатель, очутились лицомъ къ лицу. Но взоръ Петра былъ такъ ужасенъ, онъ такъ рѣшительно взялся за мечъ, что Іуда, дрожа отъ страха, отступилъ къ воротамъ дома первосвященника.

Долго бродилъ онъ вокругъ храма, ограда котораго открывалась лишь при восходѣ солнца. Онъ хотѣлъ теперь же выбрать мѣсто во внѣшнихъ галлереяхъ зданія, гдѣ онъ откроетъ лавку торговца золотомъ. Священники дадутъ ему, конечно, удобное мѣсто, и скоро прекрасныя монеты Египта, Греціи, Италіи, Азіи будутъ протекать черезъ его пальцы. Тогда онъ будетъ смѣяться надъ всѣми этими голодными бродягами, влюбленными въ бѣдность и покаяніе, надъ своими прежними сотоварищами по нищетѣ, надъ учениками Человѣка, который долженъ умереть. Уже нѣсколько левитовъ подъ наблюденіемъ раввина отворяли рѣшетки храма. Іуда подошелъ къ нимъ увѣренными шагами человѣка, который входитъ въ свой собственный домъ, съ улыбкой, съ привѣтливымъ жестомъ руки. Но священникъ сдвинулъ брови, протянулъ руку и преградилъ ему путь.

— Остановись и уходи. Законъ воспрещаетъ нечистому существу входить въ священныя сѣни. Уходи. Въ эту ночь тебѣ вручили тридцать сребренниковъ, плату за кровь: твой трудъ вознагражденъ. Уходи, иначе я прогоню тебя, какъ прелюбодѣя, идолопоклонника или убійцу.

* * *

Іуда удалился изъ храма. На этотъ разъ онъ направлялся къ судилищу Пилата. Римляне отнесутся къ нему мягче, чѣмъ священники, они даже защитятъ его противъ коварства синагоги. Эти раввины—фанатики, ему просто жаль ихъ. Онъ знаетъ, что въ глубинѣ души колѣно Левія продолжаетъ поклоняться золотому тельцу, какъ и во времена Моисея. Когда они увидятъ, какъ Искаріотъ, кліэнтъ намѣстника, осыпанный милостями Цезаря, накопитъ громадныя богатства, наполнитъ свои магазины золотыми и шелковыми тканями, слоновой костью, драгоцѣнными камнями, азіатскими благовоніями, какъ потомъ онъ будетъ перепродавать ихъ за доро-

гую цѣну Риму, тогда они будутъ уважать его и льстить ему, будутъ каждый день воскурять у ногъ его фиміамъ, похищенный у ихъ Іеговы.

И, радуясь своимъ горделивымъ и ненасытнымъ мечтамъ, Іуда всю дорогу отвѣчалъ вызывающими взглядами на презрительное любопытство членовъ синагоги, книжниковъ и фарисеевъ, которые издали указывали на него пальцами, а вблизи съ отвращеніемъ сторонились отъ его тѣни, какъ отъ чего-то нечистаго. Онъ ускорилъ шаги, привлеченный шумомъ большой толпы, и вдругъ на поворотѣ улицы очутился передъ ужасающей сценой.

Разнузданная толпа стучала въ стѣны дворца Пилата; чернь Іерусалима и Іудеи: воры, падшія женщины, клятвопреступники, фальшивые монетчики, разбойники, сошедшіе съ своей горы, человѣкоубійцы и преступники, вырвавшіеся изъ своихъ притоновъ, всѣ они съ горящими глазами протягивали руки къ проконсулу и кричали:

— Варраву! Варраву! отдай намъ Варраву!

Пилатъ стоялъ съ обнаженной головой среди галлереи изъ тяжелыхъ порфировыхъ колоннъ, окруженный свитой и главными священниками. Онъ былъ въ бѣлой тогѣ и бросалъ толпѣ слова, которыхъ Іуда не могъ разслышать. И каждый разъ, когда римскій начальникъ открывалъ ротъ, крики ужаснаго сброда усиливались:

— Варраву! Варраву!

Іуда вмѣшался въ толпу. Тамъ онъ встрѣтилъ друзей, которые кланялись ему; убійцы и падшія женщины посылали ему привѣтствія. Когда онъ пробрался въ первые ряды, къ самому порогу дворца, онъ почувствовалъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаетъ, охватываетъ страшная буря общей злобы: изъ тысячи грудей вырывался одинъ крикъ, ужасный крикъ:

— Распни его! Распни его!

Пилатъ грустный, смущенный, вошелъ въ преторію; за нимъ послѣдовала его свита. На галлереѣ остался только одинъ молодой центуріонъ; онъ стоялъ между двумя колоннами и наблюдалъ толпу. Передъ нимъ старый законникъ съ благородной осанкой лихорадочно развертывалъ и съ какой-то странной тревогой читалъ книгу великихъ пророковъ. Постепенно ярость народа улеглась, онъ смутно почувствовалъ, что во внутренности дворца свершалось мрачное дѣло. Вдругъ священникъ увидѣлъ апостола въ красномъ плащѣ, онъ прошепталъ нѣсколько словъ центуріону, и тотъ, въ свою

очередь, обратилъ взоръ на Искаріота; на лицѣ его ясно выразилось отвращеніе, и онъ быстро удалился.

Тогда тяжелая дверь, украшенная бронзою, отворилась медленно и торжественно. Пилатъ вновь появился передъ порфировой колоннадой; мертвенное молчаніе воцарилось на улицѣ. Въ полумракѣ сѣней, пошатываясь, поддерживаемый двумя солдатами, съ лицомъ, залитымъ кровавыми слезами, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, съ тростью въ рукѣ, съ пурпуровымъ лоскутомъ, связаннымъ узломъ на груди, шелъ Іисусъ, направляясь къ избранному народу Божію.

Изумленная, безмолвная толпа смотрѣла на приближающійся окровавленный призракъ. Іуда въ ужасѣ отвратилъ лицо. Пилатъ наклонился впередъ и рукой, на которой блестѣлъ перстень, служившій печатью для приказовъ Цезаря, онъ указалъ Назарянина и произнесъ звучнымъ голосомъ:

— Вотъ человѣкъ!

И снова прогремѣлъ ужасный крикъ черни, болѣе яростный и повелительный:

— Распни его! Распни его!

Нѣкоторыя женщины разразились рыданіями, одинъ бѣсноватый обнималъ статую Тиверія и кричалъ:

— Горе ему! Горе Іерусалиму! Горе Богу! Горе мнѣ!

Центуріонъ во главѣ стражи проконсула, съ копьемъ на перевѣсъ, грубо разогналъ толпу и очистилъ проходъ для печальной процессіи. Іуда прятался за своихъ сосѣдей, чтобы не встрѣтиться глазами съ Іисусомъ, но одинъ изъ воиновъ Пилата ударилъ его своимъ мечемъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ? издѣваться надъ страданіями еврейскаго Пророка или оскорблять своимъ присутствіемъ величіе Рима? Наши боги презираютъ измѣнниковъ. Уходи отсюда, ищи какого-нибудь уединеннаго убѣжища, гдѣ бы ты могъ скрыть свой позоръ!

* * *

Іуда шелъ среди толпы, которая окружала со всѣхъ сторонъ римскую стражу. Многіе изъ этихъ людей, только-что требовавшихъ Варраву, поняли слова центуріона. Іуда уловилъ насмѣшливыя замѣчанія, сказанныя шепотомъ и дышавшія враждой; изъ осторожности онъ замедлилъ шагъ и свернулъ въ пустынный переулокъ.

— Неужели всѣ смотрятъ на меня, какъ на зачумленнаго?—подумалъ онъ.

Тогда онъ рѣшилъ вернуться домой и тамъ спокойно об-

думать настоящее и будущее. Но случайно онъ наткнулся на группу женщинъ и юношей и испугался ихъ взглядовъ. Онъ узналъ тѣхъ мальчиковъ, которые три дня тому назадъ усыпали цвѣтами и зелеными вѣтвями путь при торжественномъ въѣздѣ въ Іерусалимъ и пѣли:

— Осанна! Сынъ Давида, помилуй насъ! Осанна!

Онъ измѣнилъ направленіе и пошелъ къ городскимъ укрѣпленіямъ. Но мальчики слѣдовали за нимъ, осыпая проклятіями его имя. Онъ пошелъ быстрѣе и чувствовалъ, что они бѣгутъ за нимъ съ криками угрозы. Онъ вышелъ на площадь рынка, гдѣ толпились крестьяне и пастухи, пришедшіе въ это утро изъ селеній Галилеи.

— Іуда! Іуда!—кричали мальчики.

— Іуда!—отвѣчали галилеяне.

— Смерть ему! Смерть ему!

Онъ бросился бѣжать подъ градомъ камней, опустивъ голову, подбирая складки плаща; его травили собаками, онъ чувствовалъ, что земля уходитъ изъ-подъ его ногъ, что онъ погибнетъ ужасной смертью и что прежде всего у него отнимутъ его тридцать сребренниковъ. Вдругъ онъ очутился передъ широко открытыми воротами Іерусалима. Въ порывѣ отчаянія онъ бросился подъ ихъ своды. Римскіе стражники, думая, что мятежный народъ бѣжалъ къ Голгоѳѣ, чтобы отнять у палачей царя іудеевъ, направили копья на толпу и остановили ее.

Іуда бѣжалъ по полямъ, залитымъ свѣтомъ; онъ бѣжалъ по каменистой долинѣ, по руслу потоковъ, по обнаженнымъ гребнямъ холмовъ. Онъ бѣжалъ на удачу то въ сторону горъ, то по направленію къ морю, то къ Тиверіадѣ, то къ Самаріи, то къ Виѳлеему, то къ Содому. Одна мысль, одна ужасная мысль овладѣла имъ: онъ погибъ; его, вѣрнаго слугу Цезаря и Моисея, преслѣдовали какъ бѣшенаго звѣря; гдѣ найдетъ онъ безопасное убѣжище на сегодняшній день, гдѣ будетъ онъ скрываться завтра, всю жизнь?

Около полудня онъ сѣлъ подъ тѣнь утеса и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что, не смотря на его долгое бѣгство, зловѣщія стѣны Іерусалима возвышались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Потомъ онъ увидѣлъ на вершинѣ холма, подлѣ самаго города, отрядъ римскихъ всадниковъ, дальше показалась группа людей, женщинъ и дѣтей въ траурѣ, наконецъ, большая толпа народа. Это была какая-то странная и неясная картина, на которую онъ смотрѣлъ почти безсозна-

тельно. Но вотъ, выше копій и касокъ римлянъ, на фонѣ голубого неба поднялись три креста, и на каждомъ изъ нихъ висѣлъ человѣкъ, пригвожденный по рукамъ и ногамъ. Іуда узналъ Голгофу. На самомъ высокомъ крестѣ, склонивъ голову, увѣнчанную терновымъ вѣнцомъ, умиралъ Христосъ. И когда римскіе всадники направились обратно въ Іерусалимъ, предатель увидѣлъ у ногъ Царя Іудейскаго женщину на колѣняхъ, а вокругъ креста учениковъ и дѣтей, простертыхъ ницъ на землѣ.

Это зрѣлище нѣсколько смягчило его страданія, и онъ пріободрился. Пилатъ отмстилъ за него. Онъ вспомнилъ, что многіе пророки претерпѣли еще больше его гоненій со стороны народа, презрѣнья со стороны священниковъ, жестокостей со стороны начальниковъ. Нѣкоторые заплатили даже кровью за свою ревность къ дѣлу Божію. Онъ уйдетъ изъ Іудеи, осыпанный оскорбленіями, но живой и съ туго набитымъ кошелькомъ. Его не удастся распилить между двумя досками, какъ Исаію. И, повернувшись спиной къ неблагодарной синагогѣ, онъ зашагалъ по направленію къ Іоппіи. Но вдругъ страшный вихрь пролетѣлъ по небу, по холмамъ и долинамъ, солнце померкло, почти погасло, темное облако спустилось надъ Іерусалимомъ; молнія раздробила скалу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Искаріота; а тамъ, озаренные багрянцемъ молній, три креста, казалось, росли и двигались, трое распятыхъ, казалось, приближались къ предателю съ протянутыми впередъ окровавленными руками, съ остановившимися глазами.

Обезумѣвъ отъ ужаса, Іуда бросился на землю и закрылся плащемъ.

* * *

Онъ приподнялся уже вечеромъ. Мертвенная тишина царила во всемъ мірѣ. Онъ не осмѣливался взглянуть въ сторону Голгофы. Великое молчаніе природы пугало его. Ему хотѣлось встрѣтить кого-нибудь, услышать звукъ человѣческаго голоса, увидѣть проблескъ сочувствія на человѣческомъ лицѣ. Онъ пошелъ назадъ къ Іерусалиму и сѣлъ у края дороги, измученный усталостью.

Скоро въ небесной синевѣ зажглись звѣзды, и сквозь дымку голубоватаго тумана луна озарила равнину печальнымъ свѣтомъ. По дорогѣ изъ города послышался стукъ посоха о камни, и вдругъ появилась тѣнь. Какой-то человѣкъ шелъ очень быстро, нагнувшись впередъ, будто убѣгая

отъ проклятія. Въ полусвѣтѣ пустыни рисовалась рука его, дѣлавшая большіе взмахи палкой съ выраженіемъ отчаянной рѣшимости. Путникъ прошелъ мимо Іуды, не останавливаясь.

— Агасферъ!—воскликнулъ апостолъ,—Агасферъ!

Человѣкъ ничего не отвѣтилъ и пошелъ быстрѣе. Іуда бросился за нимъ бѣгомъ, умоляя его:

— Агасферъ! позволь мнѣ слѣдовать за тобой! Я пойду всюду, куда ты пойдешь, гдѣ ты будешь отдыхать, тамъ отдохну и я. Я буду твоимъ слугою, твоимъ рабомъ, твоимъ вѣрнымъ псомъ. Не покидай меня одного среди ночи!

— Я иду слишкомъ далеко, въ Сирію, въ Египетъ, въ глубь Азіи, на край свѣта; я иду въ Римъ. Я никогда не буду отдыхать; я уже никогда болѣе не буду спать. Я не проявилъ состраданія къ Іисусу и я буду искупать свою жестокость вѣчнымъ скитаніемъ безъ цѣли, безъ надежды. Но на мнѣ нѣтъ крови этого праведника. И, предупреждаю тебя, Іуда, я раздавлю ногой всякую ехидну, которая попадется мнѣ на пути.

Скиталецъ скрылся во мракѣ. Іуда слѣдилъ, какъ исчезала тѣнь вѣчнаго изгнанника; онъ долго прислушивался къ ослабѣвающему стуку желѣзной палки. Потомъ онъ снова робко приблизился къ Іерусалиму. Онъ зналъ, что возлѣ городской стѣны, на днѣ оврага, было нѣсколько лачугъ, гдѣ ютились преступники и жалкіе отверженцы. Быть можетъ, въ одной изъ этихъ хижинъ онъ найдетъ друга и убѣжище до восхода солнца.

* * *

Сквозь щели одной изъ дверей проникалъ свѣтъ. Іуда вглядѣлся и узналъ въ человѣкѣ, сидѣвшемъ передъ лампой, злодѣя, приводившаго въ трепетъ всю Іудею, разбойника, котораго Пилатъ отдалъ народу — Варраву. Онъ постучалъ. Дверь отворилась.

— Варрава! Я измученъ. Я озябъ, я голоденъ, мнѣ страшно! Позволь мнѣ провести эту ночь у твоего очага!

Разбойникъ стоялъ въ дверяхъ своего дома. Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ съ зловѣщимъ смѣхомъ:

— Ты хочешь обезчестить Варраву? Если я приму тебя, какъ гостя, завтра въ Іерусалимѣ мой народъ побьетъ меня каменьями. Нѣтъ! Слушай Іуда: я убилъ пять или шесть евреевъ и двухъ римскихъ всадниковъ, я укралъ много золота въ храмѣ изъ сундуковъ первосвященника, я оторвалъ золотую полосу отъ Скиніи Завѣта, за прикосновеніе къ ко-

торой грозитъ смерть, но я никогда не предавалъ человѣка, я никогда не поставлялъ жертвъ палачамъ. Я скорѣе задушу тебя своими руками, чѣмъ позволю тебѣ переступить порогъ моего жилища. Если тебя клонитъ сонъ—Голгофа недалеко отсюда; ты можешь спокойно спать, прислонивъ голову къ кресту твоего Господа, и никто въ эту ночь, даже самъ дьяволъ, не осмѣлится потревожить тебя тамъ!

И Іуда побрелъ далѣе, то скрываясь подъ стѣнами укрѣпленій, то пробираясь среди виноградниковъ и оливковыхъ рощъ. Оскорбленіе Варравы было для него слишкомъ тяжелымъ ударомъ. До сихъ поръ Богъ Іисуса выставлялъ противъ него благородныхъ враговъ: храмъ, Римъ, ученики, народъ, проклятый Іудей, прошедшій мимо, все это было еще сносно; но этотъ убійца, который прогналъ его отъ своего жилища! Оскорбленіе было слишкомъ жестоко и орудіе слишкомъ презрѣнно!

И ненависть его къ Назарянину возрастала до чудовищныхъ размѣровъ. Во всемъ его позорѣ виноватъ этотъ Распятый. Ему было пріятно, что онъ Его предалъ; онъ съ ужасной улыбкой вспоминалъ о тѣхъ страданіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Онъ перебиралъ въ умѣ раны отъ бичеванія, пощечины слугъ Пилата, иглы терноваго вѣнца, гвозди креста.

Тогда ему пришла въ голову горькая мысль, что мученикъ, столь драгоцѣнный міру, былъ отданъ въ когти синагоги за слишкомъ незначительную плату.

— Онъ стоилъ, по меньшей мѣрѣ, 100 динаріевъ,—пробормоталъ Іуда, —священники жестоко обманули меня.

Онъ погрозилъ кулакомъ небу, сверкавшему звѣздами. Его жгли жажда и лихорадка, онъ направился къ группѣ деревьевъ, съ надеждой найти подъ сѣнью ихъ какой-нибудь источникъ воды. Вѣтеръ тихо вздыхалъ среди листвы. Іуда почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Вдругъ онъ испустилъ дикій крикъ утопающаго, и упалъ ня колѣни, какъ бы подъ ударомъ невидимой руки. Онъ узналъ оливковое дерево, то дерево, подъ которымъ въ прошлую ночь онъ далъ въ присутствіи вооруженныхъ воиновъ смертельный поцѣлуй Сыну Человѣческому.

Онъ на колѣняхъ выползъ изъ Геѳсиманскаго сада, потомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, пустился бродить по пустынѣ. Онъ ни о чемъ болѣе не думалъ, ни на что не надѣялся, онъ желалъ только встрѣтить низверженнаго

ангела—сатану и тронуть его своимъ безграничнымъ отчаяніемъ.

Вдали двѣ пальмы протягивали свои тонкія вѣтви надъ водоемомъ, затерявшимся среди полей. Это былъ колодезь Іакова, святая вода котораго была освящена однимъ словомъ Іисуса. Іуда не имѣлъ силы отогнать отъ себя это великое воспоминаніе. Онъ тяжело опустился на край колодца. На цѣпи не висѣло ведра, и онъ перегнулся черезъ бортъ, чтобы освѣжить свое пылающее лицо водяною прохладой.

* * *

Между пальмами скользнула, какъ легкій призракъ, молодая дѣвушка, вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ; нѣжная и хрупкая, она держала обнаженной рукой на правомъ плечѣ глиняную амфору. Іуда приподнялъ свое горящее лицо и произнесъ едва слышнымъ голосомъ:

— Я жажду!

Молодая дѣвушка содрогнулась отъ ужаса, какъ будто увидѣвъ передъ собой опаснаго звѣря.

— Я жажду!—повторилъ онъ.

— И Онъ также, Пророкъ, котораго ты предалъ, воскликнулъ на крестѣ: „Я жажду!“, а римляне протянули ему на остріѣ копья губку, смоченную въ уксусѣ.

Она погрузила амфору на дно водоема и вынула ее оттуда наполненною чистой водой, капли которой, падая, сверкали, какъ драгоцѣнные камни.

Іуда молчалъ. Онъ дрожалъ въ присутствіи этого ребенка. Его высохшія губы тянулись къ свѣжей водѣ.

Она склонилась къ нему, прелестная въ своей тихой грусти.

— Возьми,—сказала она,—ради любви къ Іисусу, возьми и пей!

И, когда онъ напился, она снова поставила амфору на правое плечо, и удалилась вся бѣлая, облитая ласковымъ свѣтомъ звѣздъ.

Въ этотъ мигъ въ мрачную душу Іуды проникла какъ бы волна свѣта. Быстрымъ взглядомъ измѣрилъ онъ всю бездну своего паденія, своего злодѣянія. Это было—внезапное, убійственное потрясеніе для его сознанія. Кротость молодой дѣвушки открыла ему ту тайну, въ которую онъ никогда не вѣрилъ, и ужасъ при мысли, что онъ оскорбилъ Бога, охватилъ его сердце.

— Кто же этотъ Распятый,—сказалъ онъ,—который рукою ребенка пролилъ бальзамъ милосердія на мою голову?

Онъ долго просидѣлъ на краю колодца Iакова. Одна и та же мысль постоянно возвращалась къ нему; она не приносила ему утѣшенiя, — напротивъ, она доставляла ему безграничное страданiе. Прямо передъ нимъ, на пригоркѣ, стояла высохшая смоковница, и притча Господа смутно встала въ его памяти. Внезапно онъ подбѣжалъ къ дереву, бросилъ на землю красный плащъ, высыпалъ на него 30 сребренниковъ, и, развязавъ завязки своего тюрбана, онъ повѣсился на самой толстой вѣтви безплодной смоковницы.

У ногъ мертваго апостола плащъ казался большимъ кровавымъ пятномъ. Шакалъ легъ на него и проспалъ до зари. Когда наступило блѣдное утро, огромный коршунъ съ красноватыми крыльями сталъ высоко въ небѣ описывать круги надъ зловѣщимъ деревомъ.

Изъ «Revue de Paris». **E. Gebhart.**

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго.**

24 мая. Гамбургъ.

Масса пыли — вотъ единственное впечатлѣніе, какое до сихъ поръ произвелъ на меня Гамбургъ. Ни малѣйшаго слѣда той казарменной публичной эстетики, которая такъ всевластно распростерлась надъ прусскими городами: практичная администрація, составленная не изъ бюрократовъ, а изъ купцовъ, знаетъ очень хорошо, что красота—вещь крайне невыгодная, ибо поглощаетъ капиталы и не приноситъ доходовъ. А потому, вмѣсто одного центральнаго вокзала, въ городѣ множество мелкихъ и грязныхъ вокзаловъ, какіе не рѣдкость встрѣтить и у насъ на второстепенныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Еще одна особенность вольнаго города. Вмѣсто полицейской опеки, неразрывно связанной съ каждымъ прусскимъ уголкомъ, исполненіе множества обязанностей предоставлено вниманію и самопомощи обывателей. Желѣзнодорожные поѣзда мчатся по улицѣ, шлагбаумъ опускается лишь въ немногихъ мѣстахъ, кое-гдѣ однѣ надписи призываютъ къ осторожности. Ребятишки шныряютъ по рельсамъ въ то время, какъ приближается локомотивъ, пассажиры вскакиваютъ и выскакиваютъ почти на ходу, глазъ мой, съ трудомъ отыскавъ въ толпѣ «охранителя общественнаго спокойствія», напрасно силится открыть въ немъ слѣды личнаго достоинства, которые проистекали бы изъ сознанія, что безъ него погибъ бы весь родъ человѣческій. Подвижный торговый капитализмъ сломалъ оковы берлинской отеческой опеки!

Измученный ночнымъ путешествіемъ и бѣготней съ утра по конторамъ, я проспалъ цѣлый день. Изъ утренняго осмотра я извлекъ лишь ту пользу, что узналъ о существованіи двухъ раз-

личныхъ Гамбурговъ, чуждыхъ другъ другу: одного—Гамбурга людей зажиточныхъ, утопающаго въ зелени, съ парками, съ широкими, чистыми улицами, другого—грязнаго, тѣснаго, пропитаннаго гнилымъ запахомъ, съ домами въ нѣсколько этажей, похожими на нагроможденныя другъ на друга клѣтки. Кто видѣлъ одинъ городъ и не осмотрѣлъ другого, тотъ составитъ себѣ совершенно превратное понятіе о Гамбургѣ. А вѣдь какъ легко можетъ случиться со всякимъ заѣзжимъ, что простой случай увлечетъ его въ одну сторону и раскроетъ передъ нимъ лишь часть цѣлаго! Между тѣмъ оба города живутъ различною жизнью, различно мыслятъ и, въ особенности со времени холеры, одинъ изъ нихъ является вражескимъ станомъ по отношенію къ другому. Вѣдь «Pfeffersack» и *) не задумались принести своихъ противниковъ въ жертву свирѣпствовавшей эпидеміи и не вынули изъ муниципальной шкатулки ни единаго гроша имъ на помощь!

Лишь поздно вечеромъ предпринялъ я путешествіе по городу или, вѣрнѣе, по одному изъ городовъ, по тому Гамбургу, который былъ очагомъ холеры и всегда является убѣжищемъ труда, связаннаго съ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Съ вокзала Klosterthor я сразу попадаю въ узкіе переулки, представляющіе какъ бы собраніе древностей. Дома въ нѣсколько аршинъ шириною, зато неимовѣрной вышины, тѣснятся другъ къ другу. Каждый домъ по внѣшнему виду отличается отъ другого, что производитъ странное впечатлѣніе на глазъ, привыкшій къ казарменной простотѣ и шаблонному однообразію новыхъ кварталовъ. Эти старые грязные переулки, окна во всю стѣну, словно въ теплицѣ, эти разнообразныя, но неизмѣнно стрѣльчатыя крыши, неправильныя постройки — все это какъ-то теплѣе, сердечнѣе говоритъ моему воображенію, нежели ряды новомодныхъ домовъ. Индивидуальность явно проглядываетъ въ этомъ старосвѣтскомъ пепелищѣ, оригинальная, пестрая, быть можетъ, неотесанная, но съ человѣческимъ сердцемъ...

Гнѣздо авантюристской Ганзы въ настоящее время является мѣстопребываніемъ труда—въ этомъ отношеніи оно не измѣнило, по крайней мѣрѣ, стародавней традиціи; но потомки пресловутыхъ патриціевъ выселились изъ тѣсныхъ переулковъ и опошлѣли подъ вліяніемъ капиталистическаго шаблона. На улицахъ шумно. Толпы тружениковъ высыпали теперь изъ душныхъ горницъ на свѣжій воздухъ—какая иронія! атмосфера, полная сажи и пыли, можетъ

*) «Pfeffersack», мѣшокъ съ перцемъ, прозвище крупныхъ буржуа въ Гамбургѣ. *Перев.*

еще называться свѣжей! Мѣстами трудно протиснуться, тамъ и сямъ изъ кабаковъ доносится пронзительная музыка, здѣсь обсуждаетъ что-то небольшая толпа, дальше—другая, третья, десятая... У одного я замѣчаю большую книжку въ рукахъ: возлѣ него нѣсколько подростковъ безъ сюртуковъ, въ громадныхъ сѣрыхъ шляпахъ. Это самоучка - лекторъ! Сидитъ онъ на крутой лѣсенкѣ и въ полусвѣтѣ что-то громко читаетъ. Повсюду газеты. Стало быть, не одна только холера ютится въ старомъ, грязномъ, запущенномъ Гамбургѣ гордой Ганзы! Я стараюсь приблизиться къ какой нибудь кучкѣ. Ухо мое ловитъ отдѣльныя слова—распущеніе рейхстага, новые выборы... Въ серединѣ интеллигентный мужчина, безъ сюртука и въ громадной шляпѣ, живо обсуждаетъ что-то. Иду дальше. На углу — группа молодежи, рѣшительная, смѣлая, въ такихъ же сѣрыхъ шляпахъ—повидимому, такой уборъ тѣсно связанъ съ этими переулками. Слышу какое-то сквернословіе — подростокъ съ испитымъ лицомъ ругаетъ своего «пфефферзака».

Среди этого стана, напоминающаго сеймъ, среди взрывовъ жалобъ, ненависти и отголосковъ кабацкой оргіи, разсыпалась человѣческая мелюзга. Надо идти осторожно, ибо на панели узкой улицы то и дѣло можно наступить на малютку, ползающаго еще на четверинкахъ, или задѣть локтемъ маленькую дѣвочку, прислушивающуюся къ жалобамъ отцовъ или къ разговорамъ о парламентѣ. Къ свободѣ дѣтей я привыкъ уже въ Берлинѣ: улица—это ихъ салонъ, ихъ объѣзжаетъ извозчичья пролетка, внимательно обходитъ прохожій. Въ Гамбургѣ, этомъ недавнемъ очагѣ холеры, свобода дѣтей еще больше. Кажется, пузыри вотъ-вотъ влѣзутъ на шею «охранителю спокойствія», сорвутъ съ него каску, и онъ будетъ стоять беззащитный передъ лицомъ расхрабрившихся малышей - гражданъ. «Не было у насъ въ дѣтствѣ такой свободы», говоритъ мой спутникъ-нѣмецъ: «если бы мы съ младенчества привыкли къ такой смѣлости, нашему Михелю *) теперь нечего было бы такъ бороться противъ милитаризма».

Ночь прерываетъ мое путешествіе. Съ сожалѣніемъ покидаю я закоулки стараго Гамбурга.

25 мая. На Каналѣ.

Мы оставляемъ за собою на поверхности воды широкую полосу исчезающую гдѣ-то тамъ, въ невидимой дали. Посреди этой полосы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода впадаетъ въ углубленіе, обра-

---

*) Прозвище нѣмца. *Перев.*

зующееся позади парохода, тянется зеленоватая лента; по краямъ ея пѣнится зыбь. Полоса эта кажется сотканною на безконечной основѣ въ одномъ поясѣ изъ рядовъ бѣлыхъ нитей. Тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ млечнаго пути, тянущагося по нашимъ слѣдамъ, вздымается бѣлый гребень и, падая внизъ, разсыпается словно брызгами молока. Это вспѣнилась волна. Опять взглядъ возвращается къ пути, взбаламученному нами. Тамъ далеко, среди правильно сотканныхъ швовъ пѣны усѣлась неправильная группа бѣлыхъ точекъ. Ужъ не вздымающіяся ли волны прорвали сотканную изъ пѣны полосу? Бѣлыя, нѣжныя точки подымаются кверху, летятъ надъ бѣлоснѣжною зыбью, исчезаютъ въ ней, снова выплываютъ и все приближаются. Это чайки. Отъ Соутгамптона насъ сопровождаетъ цѣлая ихъ стая. Кто-то бросилъ съ палубы кусокъ хлѣба—вся стая падаетъ въ воду и долго ищетъ корма. Можно подумать, что чайки плаваютъ по водѣ, хотя онѣ только носятся надъ нею.

Намъ сопутствуютъ берега Англіи. Иногда мы ѣдемъ такъ близко, что можно различить окна въ домахъ и дорожки на покатостяхъ; иногда же опять удаляемся отъ берега, мгла словно кисеей заотилаетъ наготу скалъ и красоту рощъ. Море дышетъ жизнью, по всѣмъ направленіямъ мчатся корабли, пароходы, рыбачьи лодки. Иногда проносится мимо яхта прогуливающагося по морю богатаго англичанина. Около миніатюрной паровой машины возится легко одѣтая семья, даже молодыя «misses» не остаются праздными и помогаютъ мужчинамъ. По сравненію съ нашимъ великаномъ, яхта кажется орѣховой скорлупой. Волна, созданная нами, подхватываетъ утлую паровую ладью, прокатываетъ ее на своемъ гребнѣ и бросаетъ внизъ. Зальетъ ее! Нѣтъ, яхта выплываетъ, словно играя съ морскою стихіей. «Ladies» и «misses» машутъ намъ издали на прощанье платками, джентльмены приподымаютъ шляпы. Разстояніе увеличивается, яхта исчезаетъ изъ глазъ, одна лишь черная труба свидѣтельствуетъ о томъ, что она движется гдѣ-то на поверхности водъ.

Послѣ Соутгамтона на суднѣ выступилъ на сцену національный вопросъ. До сихъ поръ «Колумбію» наполняли одни лишь нѣмцы, въ послѣднемъ портѣ прибыли англичане. Отличить ихъ не трудно: вся ихъ одежда, отъ ботинокъ до шапки, принаровлена къ путешествію. Держатся они всѣ вмѣстѣ. Они молча дѣлаютъ другъ другу указанія, какъ слѣдуетъ держаться на морѣ, отыскали неизвѣстные намъ уголки, снесли туда кресла, читаютъ, спорятъ, играютъ въ шахматы или въ карты. Когда нѣмцы начинаютъ пѣть хоромъ, англичане собираются въ качествѣ зри-

телей, обмѣниваются другъ съ другомъ громкими замѣчаніями, безцеремонно смотрятъ въ бинокли, словно глядятъ на звѣрей въ звѣринцѣ.

Нѣмецъ свысока относится къ нашему брату. Впрочемъ, не всѣ держатъ себя одинаково, все зависитъ отъ того, къ какой партіи принадлежитъ данное лицо Свободомыслящій холодно, но вѣжливо поклонится вамъ издали, націоналъ-либералъ (двуногое млекопитающее, по большей части, почтенныхъ размѣровъ) повернется къ вамъ спиной, если только не почувствуетъ, что пріѣзжій благороднаго происхожденія—разумѣется, въ современномъ смыслѣ, т. е. имѣетъ за себя достаточную денежную рекомендацію. Тогда онъ станетъ скакать, какъ песъ на заднихъ лапкахъ, подлизывающійся изъ за кусочка сахара. Не знаю, какъ сталъ бы держать себя юнкеръ, такъ какъ мнѣ не приходилось имѣть дѣла съ чисто-нѣмецкими «фон'ами»; что же касается до жалкихъ ихъ подражателей изъ Познани, то на нихъ нельзя смотрѣть серьезно: всякія копіи всегда имѣютъ характеръ поддѣлокъ. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что у чисто нѣмецкаго «фон'а», насколько онъ сохранилъ еще въ себѣ старинную рыцарскую грубость и презрѣніе къ маммонѣ, выраженіе лица будетъ болѣе человѣческое, чѣмъ у городского выскочки... Англичане относятся къ нѣмцамъ, особенно націоналъ-либеральнаго пошиба, совершенно такъ же, какъ нѣмцы относятся къ нашимъ землякамъ. Сынъ же воинствующаго Vaterland'а просто не знаетъ, какъ и плясать передъ этимъ высшимъ созданіемъ. Кое-кто изъ нѣмцевъ постоянно возобновляетъ попытки какъ-нибудь проникнуть въ общество англичанъ, подходитъ къ нимъ, дѣлаетъ замѣчанія по-англійски, но отъ него отдѣлываются либо молчаніемъ, либо малозначущими «yes», и, наконецъ, онъ теряетъ терпѣніе и отступаетъ...

Теплый, тихій вечеръ. Мы проѣзжаемъ мимо двойного морского фонаря на островѣ Сцилли. Скоро распростимся навсегда съ европейскимъ континентомъ и очутимся въ открытомъ морѣ: воды Сѣвернаго моря и Канала нельзя еще принимать за настоящее море. Желаніе увидѣть океанъ столпило всѣхъ на палубѣ. Мы подаемъ сигналы. При помощи разноцвѣтнаго огня мы дали знать сторожу маяка на островѣ Сцилли, какъ мы называемся—пусть онъ доложитъ всему міру, что такой-то пароходъ счастливо миновалъ самую опасную часть пути и въ такой-то часъ пустился на необозримую водную поверхность.

Но никто не поставилъ границъ между каналомъ и океаномъ. То тотъ, то другой изъ пассажировъ, потерявъ надежду узрѣть

океанъ, отправляется въ свою каюту. На палубѣ образуется много пустыхъ мѣстъ. Я сижу на верху и пытаюсь проникнуть взоромъ въ таинственную темноту ночи и въ безпредѣльныя водныя пространства. Странное чувство овладѣваетъ человѣческимъ существомъ. «Море» глубоко и широко, и вотъ поглотитъ оно тебя, и никто не узнаетъ, въ какомъ мѣстѣ ты перешелъ изъ одной безконечности въ другую... Не страхъ это—совсѣмъ нѣтъ! да и не радость также, а скорѣе нѣчто похожее на экстазъ, въ состояніи котораго истинные поклонники нирваны сбрасываютъ съ себя оковы бытія. Блаженствомъ наполняетъ тебя мысль, что вотъ ты помѣришься съ таинственнымъ пространствомъ, которое сегодня улыбается, а завтра, быть можетъ, задрожитъ и заволнуется подъ тобою. Это страхъ передъ безграничной неопредѣленностью, соединенный съ томленіемъ по ней.

29 мая. Въ открытомъ морѣ.

Вотъ уже три дня, какъ мы на океанѣ. Кругомъ пустынно, даже на далекомъ горизонтѣ не мелькаетъ конецъ корабля. Чайки покинули насъ. Не смотря на тишину, волны высоко вздымаются и кудрявятъ бѣгущую за пароходомъ водную ленту. Цѣлыми часами силюсь понять технику морской краски и вибраціи волнъ. Поверхность имѣетъ одинъ видъ, если смотрѣть па нее противъ солнца, и другой, если взглядъ скользитъ по направленію лучей дневного свѣтила. Если небо нахмурится, отблескъ снова получается иной. Море не всегда одинаково дѣйствуетъ на нервы: самосознаніе мало-по-малу уходитъ вглубь и засыпаетъ, какъ у индусскаго факира, который, находясь въ пассивномъ экстазѣ, освобожденный отъ страстей, желаній, наконецъ, отъ всякихъ мыслей, все-таки чувствуетъ, что еще живетъ при каждомъ шепотѣ и трепетѣ природы. Стихійно, безсознательно, рождается склонность къ мистицизму съ оттѣнкомъ пантеизма. При видѣ этой безпредѣльной, голубой, волнующейся поверхности васъ охватываетъ блаженство. Но подъ этимъ покоемъ скрывается безпрерывная угроза опасности. Никто не знаетъ, когда она обрушится, когда гнѣвъ заклокочетъ въ груди воднаго великана. Мысль часто возвращается къ этому предмету и даже начинаетъ жаждать гула бури.

Изъ моря выплыла отвага викинговъ. Житель материка съумѣетъ быть смѣлымъ, когда опасность наступила. Человѣкъ моря ожидаетъ опасности смѣло, болѣе того—спокойно. Я думаю, есть натуры, рожденныя для моря, которымъ тоскливо и тѣсно на континентѣ, Я лично знаю людей, которые душевно и даже

физически страдали во время пребыванія въ Швейцаріи съ ея разнообразнымъ, тѣснымъ горизонтомъ. Ими овладѣвала тоска, переходившая въ нервную боль въ груди, апатія давила ихъ. Ихъ исцѣлялъ видъ равнины, и это раскрывало имъ причины подобнаго состоянія. Чтобы находить наслажденіе въ общеніи съ моремъ, надо обладать особымъ складомъ духа и чувствъ. Навѣрно, есть такіе люди. Случай обыкновенно открываетъ имъ глаза на ихъ призваніе, иногда же они умираютъ, не успѣвъ ни разу побывать среди своей стихіи.

Море должно быть сердечнымъ товарищемъ для всѣхъ, кто не бѣжитъ отъ счастья, не надѣясь, однако, завернуть въ его пристань.

Я взялъ изъ небольшой пароходной библіотеки Байрона и наслаждаюсь лирическими изліяніями, вплетенными въ мелодію величія и безконечности моря. Въ полудремотѣ, вздрагивая при непрестанномъ движеніи волнъ и вглядываясь въ безпредѣльное морское пространство, я начинаю понимать тоску, которая вылилась изъ души поэта такимъ великолѣпнымъ аккордомъ, какъ прощаніе Чайльдъ-Гарольда:

«For pleasures past J have no grief
Nor perils gahtering near
My greatest grief is that J leave
No thing thaf claims a tear» *).

30 мая. Въ открытомъ морѣ.

Небо заволокло тучами, море приняло оловянный оттѣнокъ, волны вздымаются, нашъ пароходъ слегка подскакиваетъ. Палуба сдѣлалась всецѣло достояніемъ англичанъ; нѣмцевъ совсѣмъ не видно, они борются со своею участью въ каютахъ. Шумъ и смѣхъ раздаются на опустѣвшей палубѣ. Англичане выставили небольшой колышекъ, придѣланный къ досчечкѣ; человѣкъ десять, иные уже сѣдовласые, другіе еще безъ всякихъ признаковъ растительности, забавляются метаніемъ небольшихъ обручей. Веревочный обручъ долженъ, падая, повиснуть на колышкѣ. Лишь одинъ разъ изъ двадцати кому-нибудь удается достигнуть этого.

Кучка играющихъ растетъ, лица разгораются, то одинъ, то другой вынимаетъ бумажникъ. Пари слѣдуютъ за пари. Всѣмъ распоряжается пятидесятилѣтній мужчина, сильный и интеллигент-

---

*) Не жаль мнѣ дней счастья въ родной сторонѣ,
Не гнусь я при видѣ грозы,
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Сронить ни единой слезы. (Перев. Минаева).

ный. Смѣхъ, шутки, остроты. Кто-нибудь ловко нанизываетъ на колышекъ одинъ обручъ за другимъ, потомъ со смѣхомъ обходитъ проигравшихъ пари и собираетъ шиллинги. Изъ сдержанныхъ джентльменовъ англичане превратились въ толпу веселыхъ шалуновъ. Они показываютъ другъ другу языки, одинъ отъ радости кувыркается, не смотря на свои сѣдые волосы. Прислуга звонкомъ приглашаетъ къ обѣду—англичане не обращаютъ на это вниманія, смѣются и продолжаютъ биться объ закладъ. Игра эта происходитъ уже не въ первый разъ; нѣмцы не принимаютъ въ ней никакого участія: пьютъ пиво, играютъ въ карты или увиваются около дамъ.

30 мая. На водахъ сѣвернаго теченія.

Холодъ пронизывающій, волны доходятъ уже до нижней палубы. Мы переплываемъ теченіе, отводящее воды изъ Сѣвернаго океана, и находимся сравнительно недалеко отъ Ньюфаундлэндскихъ ледниковъ. Около пяти часовъ мы видѣли издали ледяную гору, дальнозоркіе же моряки различали еще и другую. Надъ водою носятся птицы; мичманъ увѣряетъ, что въ волнахъ видитъ китовъ. Вскорѣ мы подъѣзжаемъ къ судамъ, занимающимся ловлей ихъ. Одно судно такъ близко къ намъ, что стоитъ только протянуть руку, чтобы достать его. Мы кричимъ: «ура!» Никто намъ не отвѣчаетъ: вся команда носится на челнахъ по поверхности океана. Они встрѣчаются намъ по пути—это утлыя ладьи, въ которыхъ не можитъ помѣститься больше пяти человѣкъ. Дальше виднѣется другое, третье китобойное судно, команды ихъ также носятся по волнамъ на челнахъ. Никогда мы не видимъ всѣхъ ихъ одновременно. Вотъ волна подхватила одинъ изъ челновъ, несетъ его на своемъ хребтѣ, свергаетъ внизъ—вода скрыла его отъ нашихъ взоровъ. Кажется, будто море извергаетъ изъ пучины своей маріонетокъ и опять поглощаетъ ихъ.

Англичане безраздѣльно владѣютъ палубой. Теперь я могу отлично наблюдать особенность ихъ культуры. Никогда не встрѣчалъ я пожилыхъ людей съ такою дѣтскою впечатлительностью. Играютъ, напр., въ обручи, и кто-то, чуть-ли не въ десятый разъ въ теченіе одного часа, объявляетъ о близости китовъ. Всѣ чуть ли не въ десятый разъ бросаютъ игру, толпятся у барьера, кричатъ, смотрятъ въ бинокли. Потомъ всякій вынимаетъ дорожную записную книжку, глядитъ на часы и отмѣчаетъ, что въ такомъ-то часу кричалъ «ура» въ честь кита, быть можетъ, фиктивнаго. Появится ли верхушка мачты на горизонтѣ,—то же самое любопытство, то же оживленіе, то же записываніе въ книжку. Часовъ

около двѣнадцати капитанъ объявляетъ, подъ какой широтой и долготой мы находимся и на вывѣшенной картѣ отмѣчаетъ это мѣсто особымъ значкомъ. Англичане всѣ срисовали эту карту и начертили на ней нашъ путь. То тотъ, то другой дѣлаетъ усиліе, чтобы письменно выразить свою мысль—грызетъ карандашъ или вертитъ въ рукѣ автоматическое перо; вотъ онъ ужъ собрался что-то записать, но въ послѣднюю минуту колеблется и снова грызетъ злополучное орудіе письма. Во время концерта, который длится около двухъ часовъ, онъ не успѣлъ написать и полъ-странички. Это записыванье—не одна только формальность, не этикетъ,— видно, что человѣкъ вкладываетъ въ это дѣло свою душу.

Въ ихъ играхъ обнаруживается та же страстность. Сегодня они выдумали новую игру. Двое взялись за концы веревки и принялись вращать ее: веревка сначала касается пола, потомъ каждая ея точка описываетъ круги и опускается снова внизъ. Вся штука состоитъ въ томъ, чтобы перескочить черезъ веревку въ тотъ моментъ, когда она коснется земли. Это вовсе не легко, такъ какъ быстрота вращенія вполнѣ зависитъ отъ лицъ, держащихъ концы веревки. И старъ, и младъ скачутъ черезъ веревку, болѣе или менѣе неловкіе награждаются не особенно деликатными ударами по лицу, и все это среди остротъ, закладовъ и сопровождающаго ихъ подсчитыванія пенсовъ. Какая-то «miss» одерживаетъ побѣду; она прыгаетъ съ безупречной ловкостью, слегка приподнявъ юбку, и искусно предупреждаетъ всѣ хитрыя штуки тѣхъ, кто держитъ веревку.

31 мая, рано утромъ.

Въ воздухѣ тепло и влажно. Стоитъ такой густой туманъ, что даже на близкомъ разстояніи глазъ не можетъ пронизать его. Дуетъ сильный вѣтеръ, пригоняя къ намъ волны. Никакая кисть не изобразитъ этого зрѣлища, отличительная черта котораго— движеніе. Насколько хватаетъ глазъ—вездѣ тянутся валы, тамъ и сямъ прерываемые поднимающеюся пѣной, равномѣрно удаленные другъ отъ друга, и всѣ, словно армія во время атаки, идутъ на насъ. Движутся они по удивительно изогнутой поверхности.

Ни разу еще пароходъ не плясалъ такъ сильно. На палубѣ остается только человѣкъ десять—видно, что это истинныя натуры моря. Опершись о перила, они вмѣстѣ съ пароходомъ падаютъ внизъ и подымаются вверхъ, привѣтствуя громкими криками восторга каждое болѣе сильное паденіе или подъемъ. Огромное наслажденіе трепетать такъ и жить заодно съ разъярившейся стихіей.

Завтра въ это время мы будемъ уже въ портѣ.

2 іюня. Nawaik, N. J.

Странное впечатлѣнія произвела на меня сначала Америка— въ высшей степени непріятное. Грязь, пыль — нѣтъ, нашей немытой родинѣ нечего стыдиться своихъ грязныхъ мѣстечекъ, она не послѣдняя въ этомъ отношеніи на землѣ! Вездѣ на главныхъ улицахъ—кучи мусору, какъ въ нашихъ закоулкахъ. Крайне запущены также значительныя площади земли вдоль желѣзнодорожныхъ линій. Въ Германіи каждый клочекъ подвергается тщательному уходу, здѣсь же на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ пустыри. По всему видно, что здѣсь человѣкъ для эксплуатаціи имѣетъ въ своемъ распоряженіи щедрыя и богатыя силы природы, и что ему не приходится трудиться надъ обработкой болѣе или менѣе плохой почвы. Поэтому полотно желѣзной дороги и проходитъ мѣстами по пустырямъ. Нѣтъ, мы ошиблись: и пустырь пошелъ въ дѣло, такъ какъ на всемъ пространствѣ, какое только можетъ обхватить глазъ, онъ заставленъ огромными заборами или, точнѣе, цѣлыми лѣсами рекламъ. Отдѣльныя буквы иногда величиною съ меня, и, не смотря на быструю ѣзду, я легко могу прочесть въ окна вагона, о чемъ гласятъ рекламы. Рекламы попадаются намъ на каждомъ шагу. Входя въ вокзалъ, мы топчемъ ихъ ногами на ступеняхъ, мы усматриваемъ ихъ на крышахъ сельскихъ домиковъ, на фабричныхъ трубахъ, на подпорахъ мостовъ.

Дома тамъ не имѣютъ нашихъ покатыхъ, острыхъ крышъ, а слѣдовательно, и чердаковъ для сушки бѣлья. Для этой цѣли американецъ придумалъ другое средство. Вездѣ, на большихъ дворахъ, торчатъ столбы, и на высотѣ каждаго этажа отъ столба къ столбу протянуты подвижныя веревки. Хозяйка изъ окна развѣшиваетъ бѣлье на веревкѣ, прикрѣпляетъ его, чтобы оно не упало, и передвигаетъ посредствомъ особаго приспособленія. Повсюду, куда ни взглянешь, развѣваются такія бѣлыя знамена. Не скажу, чтобы это зрѣлище имѣло особенную прелесть, но оно превосходно гармонируетъ съ мусорными корзинами, разставленными по троттуару.

3 іюня. New-York.

Поѣздъ мчитъ меня по «elevator railroad», т. е. верхней желѣзной дорогѣ, пересѣкающей Нью-Іоркъ, съ невѣдомою нашимъ поѣздамъ быстротою. По одной сторонѣ улицы возвышается на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга рядъ столбовъ, вродѣ нашихъ фонарныхъ; инженерное искусство съ поразительной смѣлостью перекинуло черезъ нихъ короткія шпалы—каждый столбъ на верху развѣтвляется на двое и обхватываетъ шпалу своими

желѣзными тисками. По другой сторонѣ улицы тянется совершенно такой же рядъ столбовъ: тамъ пробѣгаетъ теперь рядъ вагоновъ въ противоположномъ направленіи. Черезъ каждыя нѣсколько минутъ мы останавливаемся, нѣсколько десятковъ пассажировъ выходитъ, столько же входитъ, и все это происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на мѣстахъ остановокъ трамваевъ въ Варшавѣ.

Мы мчимся на высотѣ перваго, по нашему второго этажа, по горизонтально положенной лѣстницѣ — лучшаго сравненія подыскать невозможно. Теперь мы уже почти за городомъ — улицы здѣсь только-что возникаютъ. Лѣстница пробѣгаетъ на высотѣ четвертаго этажа да еще извивается въ видѣ буквы S. Неужели мы поѣдемъ по этой отчаянной дорогѣ? Да, мы ѣдемъ по ней и притомъ съ такою же скоростью.

Я ѣду по «Avenue» — будемъ американцами и замѣнимъ это длинное выраженіе болѣе краткимъ и удобнымъ: «Ave № 9». Передо мною непрерывный рядъ казармъ, совершенно одинаковой архитектуры, одинаковаго кирпичнаго цвѣта. Такой шаблонности и въ такомъ большомъ масштабѣ мнѣ не случалось еще видѣть въ Европѣ. Красныя стѣны, узкія окна, одна и та же архитектура все это производитъ угнетающее впечатлѣніе. Мысль моя поневолѣ сверлитъ эти стѣны, проникаетъ внутрь домовъ, ищетъ тамъ человѣческой души и старается разгадать, какъ эта родственная мнѣ душа, отлитая въ каждомъ человѣкѣ на особый ладъ, должна чувствовать себя въ этомъ наводненіи шаблона, гдѣ даже храмы и вмѣстилища искусства такіе же дома безъ всякой оригинальности. Мысль бѣжитъ оттуда, натолкнувшись на нѣчто чуждое себѣ. Можно ли предположить въ этомъ морѣ казарменности какое-нибудь оригинальное существо, которое такъ же отличалось бы мощью и своеобразностью отъ своихъ сосѣдей, какъ дома любого средневѣкового переулка отличались другъ отъ друга? И не знаю почему, среди звона колокольчиковъ желѣзной дороги, проложенной надъ рядами однообразныхъ домовъ, въ этомъ царствѣ шаблона, гдѣ человѣкъ за наемную плату живетъ въ чужихъ стѣнахъ, все время мысль моя возвращается къ спиритизму. Кажется, только теперь я понялъ сущность всѣхъ разговоровъ съ духами посредствомъ вращающихся столиковъ, — разговоровъ безъ единой крупицы мистическаго восторга; кумушки завязываютъ сношеніе съ «великой тайной», словно съ какой-нибудь сосѣдкой, съ которой можно цѣлыми часами тараторить о цѣнѣ мяса. Всѣ прочіе кварталы Нью-Іорка отличаются такимъ же казарменнымъ характеромъ. «Down-town» слагается изъ улицъ, различно расположен-

ныхъ; каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе, и въ этомъ отчасти скрывается исторія этой части города. «Broadway» своимъ названіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что когда-то она была самой широкой артеріей городскаго движенія, «Bowery» — названа такъ, благодаря своей выгнутой формѣ. Но верхній, новый городъ умалчиваетъ о своемъ прошломъ, ибо не имѣетъ его. Нью-Іоркъ въ этомъ мѣстѣ выросталъ очень быстро. Человѣкъ заранѣе набрасывалъ схемы для будущаго своего мѣстопребыванія и, за отсутствіемъ исторіи, которая окрестила бы улицы такъ или иначе, призвалъ на помощь логику. По направленію съ юга на сѣверъ онъ провелъ длинныя, равномѣрныя линіи, «avenues», обозначилъ ихъ либо цифрами: «Ave 1,... 12», либо буквами: «Ave A,... D». На нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольку тысячъ домовъ. Перпендикулярно къ этимъ линіямъ онъ провелъ множество болѣе короткихъ (на картѣ ихъ больше 200) и каждую опять назвалъ цифрами. Это «streets 1, 10... 100». Каждую изъ streets, улицъ, подраздѣлилъ онъ еще на восточную и западную. Адресъ гласитъ кратко: 164 E. Str. 95, т.-е. домъ подъ номеромъ 164, на восточной сторонѣ 95-ой улицы. При каждомъ пересѣченіи такой улицы съ «Ave» номера домовъ начинаются съ новой сотни. Однимъ словомъ, все подогнано къ одному и тому же образцу. Однако же, я охотно прощаю подобную шаблонность; я готовъ даже согласиться на какую угодно простоту, лишь бы она сберегала непроизводительную затрату силъ и тѣмъ самымъ дѣлала бы болѣе возможнымъ разцвѣтъ внутренняго разнообразія. Схема же улицъ является такого рода упрощеніемъ. Черезъ десять минутъ внимательнаго изученія я могу оріентироваться въ пространствѣ, гдѣ живетъ около милліона человѣческихъ головъ. Чтò бы тамъ ни было, схема эта остается тѣмъ, что она есть: живымъ, или, лучше сказать, мертвымъ доказательствомъ шаблонности современной жизни. Въ умѣ моемъ выплываетъ старый Гамбургъ съ его закопченными стѣнами, изогнутыми въ странныя, но всегда своеобразныя и оригинальныя формы. Это двѣ различныя эпохи исторіи человѣчества! Тамъ, на лонѣ старой Ганзы, у производителя было свое собственное имя, и онъ заботился о томъ, чтобы дѣло его рукъ славило своего творца. Здѣсь, среди этихъ улицъ, которыя при крещеніи получили имена, взятыя изъ азбуки и изъ руководства по ариѳметикѣ, въ лабиринтѣ какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга зданій, я чувствую, что нахожусь среди твореній безымянной человѣческой толпы, что фабрика, лишенная индивидуализма, наложила свой отпечатокъ даже на улицы и дома, на окна и двери, на задвижки и занавѣски.

Вездѣ реклама! Въ Нью-Іоркѣ и въ Бруклинѣ нѣсколько сотенъ станцій верхней желѣзной дороги; къ каждой станціи ведутъ лѣстницы въ нѣсколько десятковъ ступеней. На вертикальной сторонѣ каждой ступени прибита довольно большая, эмальированная, металлическая досчечка, предлагающая какой-то порошокъ для печенья. Принимая во вниманіе обиліе станцій и лѣстницъ, мы не ошибемся, считая, что число такого рода табличекъ сто тысячъ! Если бы мнѣ когда-нибудь понадобилась эта специя, я машинально рѣшилъ бы купить ее у данной фирмы. Въ числѣ рекламъ на крышахъ, на стѣнахъ, на лѣсахъ вдоль загородной желѣзной дороги, замѣчаю также газеты. Издательство газеты въ Америкѣ сбросило съ себя всякіе идеологическіе покровы, въ какіе любятъ еще наряжаться въ старой Европѣ. Это—«business» (гешефтъ), ничѣмъ не отличающійся отъ производства порошка для печенья. Ба! да не только публицистическія каѳедры оказываются убѣжищемъ гешефта! Изъ окна городского поѣзда желѣзной дороги я вижу громадную афишу—объявленіе какого-то храма о томъ, что нигдѣ не бываетъ такого великолѣпнаго богослуженія. Обязанности священника сдѣлались за моремъ такою же профессіей, какъ у насъ адвокатура или медицинская помощь. A propos. Проходя по Ave 5, я увидѣлъ за оградой дѣтскую гвардію въ голубыхъ мундирахъ. Нѣсколько дѣтей шло впереди и изо всей силы били въ барабанъ, одинъ несъ знамя, а прочіе двигались сомкнутой шеренгой съ ружьями на плечахъ. Меня удивилъ этотъ дѣтскій милитаризмъ, явно разсчитанный на эффектъ. Любопытство мое возрасло, когда я замѣтилъ между батальонами нѣсколько старыхъ вѣдьмъ — таково было мое первое впечатлѣніе! — одѣтыхъ въ черное, съ капюшонами на головѣ, съ опущенными на лицо вуалями. Гвардія вышла изъ сада, перешла черезъ улицу и съ барабаннымъ боемъ стала обходить вокругъ сосѣдняго храма великолѣпной постройки. Надпись на воротахъ: «Catholic orphan house» (Католическій сиротскій домъ) вывела меня изъ невѣдѣнія. Все это была реклама, разсчитанная на приманку толпы, въ особенности же на привлеченіе молодого поколѣнія! Вѣдь дѣти такъ льнутъ къ мундирамъ, ружьямъ, барабанамъ, маршамъ! Когда-то вѣдь посредствомъ парадовъ и музыки держали въ повиновеніи парагвайское стадо...

4 іюня. Brownsville, N. Y.

Броунсвиль — еврейская колонія на разстояніи часа ѣзды отъ Нью-Іорка. По дорогѣ туда мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Бруклинъ. Число жителей этого города въ точности мнѣ неиз-

вѣстно: по переписи 1890 г. ихъ считалось 800 тысячъ. И тѣмъ не менѣе, изъ за каждаго поворота выглядываетъ еще деревня. На болѣе богатыхъ улицахъ низкіе, одноэтажные, деревянные домики, на главнѣйшихъ торговыхъ артеріяхъ — трехэтажные, но матеріалъ, въ большинствѣ случаевъ, одинъ и тотъ же — дерево. Впечатлѣніе получается странное, когда наряду съ верхними желѣзными дорогами и электрическимъ освѣщеніемъ, видишь непрерывные ряды высокихъ деревянныхъ строеній. Кучи мусору на улицахъ, часто совсѣмъ не мощеныхъ, и въ то же время электрическіе фонари. Каждая хозяйка въ опредѣленные часы дня выставляетъ на улицу передъ домомъ корзину съ мусоромъ, которая потомъ опорожняется спеціально съ этою цѣлью въ проѣзжающую телѣгу. Проходя по улицѣ около полудня, мы видимъ передъ каждымъ домомъ бочонки, ящики и корзины съ мусоромъ и кухонными отбросами.

Американцу положительно некогда украшать свой городъ. Это результатъ не врожденной нечистоплотности, а чрезвычайно быстраго развитія жизни. Грязь въ европейскихъ городахъ указываетъ на низкій уровень потребностей, американская же грязь — на быстрый прогрессъ и на чистоту. Я вполнѣ убѣждаюсь въ этомъ въ Броунсвиллѣ. Только-что провели въ открытомъ полѣ нѣсколько десятковъ артерій движенія и застроили ихъ. Не успѣли еще ни выставить на углахъ названій улицъ, ни вымостить ихъ, а потому по срединѣ—горы рухляди и камней. Однако, тротуары уже устроены, электрическіе фонари разсѣеваютъ ночной мракъ. Городское управленіе дѣлаетъ все крайне необходимое, прочее же откладываетъ на будущее. Это зрѣлище даетъ намъ какъ бы ключъ къ пониманію американской культуры. Броунсвиль—незаконченный еще городъ, какъ и весь сѣверо-американскій союзъ— незаконченная еще культура, которая не успѣваетъ еще справиться съ одними дѣлами, когда на сцену выступаютъ другія и требуютъ рѣшенія. Даже ежедневный вывозъ мусора на дѣлѣ оказывается, быть можетъ, весьма разумнымъ средствомъ. Корзины, стоящія у каждаго дома, не отличаются особенною прелестью, но вѣдь черезъ какой-нибудь часъ всѣ эти отбросы исчезнутъ въ телѣгѣ. Это ужъ, разумѣется, лучше, чѣмъ если бы они гнили гдѣ-нибудь на дворѣ, лицемѣрно скрытые отъ взоровъ прохожаго и заражая воздухъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Америка совершенно порвала съ эстетикой и лицемѣріемъ, ежедневно вывозитъ логовища бактерій и уничтожаетъ всякій источникъ скрытой заразы.

«Help yourself!» (Заботьтесь о себѣ сами!) Улицы Броунсвилля

пересѣкаются рельсами во всевозможныхъ направленіяхъ, по нимъ мчатся поѣзда. Никакихъ оградъ и шлагбаумовъ, хотя тутъ же, на тротуарахъ, играютъ кучки дѣтей!

5 іюня. New-York.

Не разъ уже подмѣчалъ я обычаи, съ перваго взгляда совсѣмъ непонятные моей европейской головѣ. Ремонтируютъ, напр., домъ; весь нижній этажъ разрушенъ, одна или двѣ стѣны совершенно вынуты и только по угламъ видны ряды кирпичей. А между тѣмъ на верхнихъ этажахъ продолжаютъ жить люди, ничуть не безпокоясь, что подъ ними разрушены стѣны! Сегодня эта загадка для меня разъяснилась. На одной улицѣ я издали увидѣлъ огромную трехъэтажную клѣтку. Это лѣса будущаго дома. Изъ приготовленныхъ извѣстнымъ образомъ желѣзныхъ жердей американцы воздвигаютъ сначала скелетъ дома, потомъ прокладываютъ въ горизонтальномъ направленіи полы, а въ вертикальномъ обшиваютъ стѣнами.

6 іюня. New-York.

У насъ, если кто-нибудь собирается въ путь, то беретъ обыкновенно газету и просматриваетъ помѣщенное на послѣдней страницѣ росписаніе поѣздовъ. Въ Америкѣ это дѣло гораздо сложнѣе, здѣшнія экономическія отношенія разрушили нашу простоту. Напрасно стали бы мы искать нѣмецкихъ «Fahrplan'овъ» или росписаній. Желѣзнодорожныя товарищества постоянно мѣняютъ росписаніе поѣздовъ, всякій общій путеводитель оказался бы устарѣлымъ прежде, чѣмъ былъ бы отпечатанъ. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣютъ отсутствіе централизаціи и конкурренція. Ничего не остается, какъ только лично отправиться на станцію и тамъ, у первоисточника, запастись необходими свѣдѣніями, т.-е., другими словами, попросить книжечку съ росписаніемъ поѣздовъ. Впрочемъ, почти на каждой изъ главнѣйшихъ улицъ, есть контора продажи билетовъ. Достаточно зайти туда и безъ спросу взять изъ шкафчика нужныя росписанія въ какомъ угодно количествѣ.

7 іюня. Brooklyn, N. Y.

«Whisker!» —такимъ прозвищемъ наградила меня толпа мальчишекъ, когда я въ ночномъ مракѣ ждалъ у пивной своего спутника, вошедшаго туда съ цѣлью разузнать дорогу. Меня окружило больше десяти уличныхъ мальчишекъ, одинъ изъ нихъ остановился предо мною, подмигивалъ и корчилъ рожи. Товарищъ мой, вернувшись, рѣшилъ, что намъ слѣдуетъ по возможности скорѣе

удалиться. Потомъ онъ признался мнѣ, что опасался града камней со стороны мальчишекъ.

Кто-то сказалъ, что демократы отличаются нетерпимостью и консерватизмомъ. До извѣстной степени это вѣрно. Не знаю, какъ составилось высокое мнѣніе объ оригинальности американца. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе однообразное! Одежда, меблировка, образъ жизни—рабски одинаковы на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Одна и та же жесткая черная шляпа въ холодное время года, одного и того же фасона соломенная шляпа въ лѣтнюю пору, одного и того же стиля мебель—если и есть какая-нибудь разница, то развѣ только въ матеріалѣ! Да и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ фабричный шаблонъ все захватилъ въ свои тиски и задушилъ оригинальность мелкаго ремесла, гдѣ даже кресла, какъ у насъ сапоги, различаются по нумерамъ. Никто, кромѣ, развѣ, пожилыхъ, не имѣетъ растительности на лицѣ. Малѣйшія нарушенія въ этомъ отношеніи строго преслѣдуются общественнымъ мнѣніемъ, исполнителемъ котораго является подростающее поколѣніе. Китайцы, а нынче и евреи, дѣлаются жертвами нетерпимости. Первымъ «loafers», т. е. уличники,—по сравненію съ которыми парижскіе уличные мальчишки представляютъ скромное стадо,—обрѣзываютъ косы на улицахъ, если только тотъ, кому угрожаетъ бѣда, не съумѣетъ откупиться. Тотъ, кто носитъ бороду, рискуетъ получить на нѣкоторыхъ улицахъ прозвище «whisker», т. е. «кудлатый», а иногда такъ прямо кто-нибудь можетъ подойти и потянуть его за бороду. Первымъ дѣломъ европеецъ, который желаетъ надолго поселиться въ чисто-американскомъ кварталѣ, долженъ нарядить свою особу по мѣстному образцу, т. е. купить себѣ такую шляпу, какую носятъ всѣ, одѣть свою дочку въ длинное, словно монашеское платьице, такъ что у малютки постоянно будутъ заплетаться ножки въ складкахъ, сбрить бороду. Особенно среди евреевъ эта болѣзнь доходитъ просто до смѣшного. Рабски копируютъ они,—я говорю о младшемъ поколѣніи,—здѣшніе обычаи, лишь бы только не узнали въ нихъ «dreener'овъ», «popcorn'овъ», «greenhorn'овъ», ибо существуетъ цѣлый лексиконъ ругательствъ, относящихся къ чужеземцу. Какъ американецъ никогда не станетъ переходить черезъ улицу иначе, какъ въ спеціально предназначенныхъ для этого мѣстахъ, такъ и не станетъ этого дѣлать никакой новый обыватель семитскаго происхожденія, только-что пріѣхавшій изъ Бреста или Супрасля. Янки не снимаетъ шляпы въ лавкѣ, не сдѣлаетъ этого и пріѣзжій...

Мѣстная пресса недавно оправдывала позорныя нападенія на

китайцевъ тѣмъ, что они своею конкурренціей подрываютъ благосостояніе рабочихъ. Однако же настоящею причиною этого была нетерпимость: пришлецъ осмѣлился имѣть иныя черты лица, носить косу и одѣваться по своему. Я увѣренъ, что, если бы сынъ неба одѣлся въ мѣстное платье, обрѣзалъ косу и надѣлъ на себя американскую шляпу, ожесточеніе было бы вполовину меньше.

8 іюня. New-York.

Передъ нами цѣлые вороха росписаній поѣздовъ. Это нѣчто достойное изученія! Многія изъ этихъ росписаній величиной съ огромный столъ. На одной сторонѣ огромнаго листа обозначено время отхода поѣздовъ, на другой помѣщена карта той мѣстности, по которой проходятъ линіи даннаго товарищества. Между таблицами движенія вплетены сообщенія о мѣстностяхъ, лежащихъ вдоль этой дороги, и изображенія прелестныхъ пейзажей. Теперь, когда Чикаго *) на языкѣ у всякаго, въ росписаніяхъ движеній мы находимъ планы этого города, виды выставки съ птичьяго полета. Для спеціальныхъ, скорыхъ поѣздовъ росписанія изданы еще изящнѣе. Существуютъ цѣлыя книжки, посвященныя описанію пресловутаго «Flyer'a» (отъ fly—летѣть), вотъ уже нѣсколько недѣль летающаго между Нью-Іоркомъ и Чикаго. На множествѣ рисунковъ изображено устройство обсерваціонныхъ вагоновъ; на планахъ указано расположеніе сидѣній и столиковъ въ вагонѣ, звонковъ и ваннъ, приведены описанія матеріала, изъ котораго сдѣланы портьеры и спинки. Европа не вѣдаетъ такой рекламы или, лучше сказать, такого рода объявленій. Разумѣется, каждая изъ соперничающихъ линій превозноситъ себя до небесъ. Одна напоминаетъ, что только она одна въ цѣломъ свѣтѣ имѣетъ въ своемъ распоряженіи четыре пути на всемъ своемъ протяженіи; другая провозглашаетъ, что проходитъ по самымъ красивымъ мѣстностямъ; третья заявляетъ, что она первая ввела въ употребленіе спальные вагоны.

Въ либеральныхъ руководствахъ политической экономіи не рѣдко встрѣчаются жалобы на обособленность средневѣковаго ремесла въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Ремесленники, занимавшіеся однимъ ремесломъ, жили рядышкомъ на одной и той же улицѣ, которая для нихъ была цѣлымъ міромъ. Современное экономическое развитіе породило отчасти аналогичныя отношенія. Въ «Down-town'ѣ»—нижнемъ городѣ,—каждая отрасль производства сплотилась въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ; на нѣсколькихъ со-

*) По случаю выставки. *Перев.*

сѣднихъ улицахъ встрѣчаемъ исключительно конторы фабрикъ, занятыхъ производствомъ машинъ, и напрасно глазъ сталъ бы искать вывѣсокъ, гласящихъ о чемъ-либо иномъ; въ другомъ мѣстѣ—оптовые склады овощей, въ третьемъ—мучные лабазы, магазины лампъ. Но въ то время, какъ въ основаніи средневѣкового цехового устройства лежала взаимная солидарность, связывавшая ремесленниковъ въ одно органическое цѣлое, здѣсь, наоборотъ, такою сплачивающею силой является конкурренція. Одинъ селится рядомъ съ другимъ, такъ какъ каждый хочетъ контролировать своихъ соперниковъ. Словно сбѣжалась стая псовъ и ворчитъ при видѣ того, какъ какой-нибудь обыватель песьяго рода грызетъ кость. Но не станемъ обманываться! Это лишь переходная фаза въ развитіи крупной промышленности. Можетъ быть, результатомъ такой же борьбы нѣкогда явилась и цеховая организація. Соперничающіе бульдоги начинаютъ теперь уже объединяться въ различные союзы,—«troost'ы» и «pool'и»,—конкурренція другъ съ другомъ замѣняется солидарнымъ выслѣживаніемъ барышей, цѣна предметовъ устанавливается одинаковая во всѣхъ конторахъ.

Редакціи газетъ не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Онѣ расположились другъ возлѣ друга, близь моста, тамъ, гдѣ ежедневно расплывается въ разныя стороны нѣсколько сотъ тысячъ людей. «World» («Міръ») помѣщается въ 13-ти-этажномъ домѣ; крыша куполообразной формы издали блеститъ на солнцѣ своей позолотой, вечеромъ же пылаетъ электрическимъ свѣтомъ. Если кто-либо станетъ еще сомнѣваться въ томъ, что изданіе газеты сдѣлалось обыкновеннымъ «business'омъ», то сразу освободится отъ такой иллюзіи, придя на улицу «Broadway». Передъ редакціями висятъ огромныя вывѣски, какъ передъ пасхальными панорамами въ Мокотовѣ *). Въ крикливыхъ и бьющихъ на эффектъ заглавіяхъ указывается содержаніе номера газеты, который скоро появится изъ-подъ печатной машины. Другая надпись объявляетъ, что газета имѣетъ столькихъ-то и столькихъ-то читателей, которые своею многочисленностью ручаются за доброкачественность печатаемаго товара. Можно свободно входить въ каждую редакцію. Пользуясь этимъ, я расположился въ редакціи «Herald'а» («Герольда»). Огромный залъ, предназначенный къ услугамъ публики, нѣсколько круглыхъ пюпитровъ, каждый на двухъ человѣкъ, чернильницы, перья, почтовая бумага, конверты. Всякій желающій входитъ, пишетъ, допустимъ, письмо на разло-

---

*) Названіе одного изъ предмѣстій Варшавы. *Перев.*

женной бумагѣ, запечатываетъ его въ конвертъ и выходитъ, не снявъ даже шляпы. На стѣнахъ замѣчаю влажные еще столбцы объявленій — номеръ газеты выйдетъ лишь черезъ два часа, но редакція уже заранѣе вывѣсила объявленія, около которыхъ тѣснится толпа ищущихъ заработка.

Около зданія почты, въ верхней части улицы «Broadway» непрерывно тянутся «offices» (конторы), занимающіяся продажей желѣздорожныхъ билетовъ. Необходимость, сплотившая разныя отрасли производства въ одной и той же мѣстности, оказала такое же вліяніе и на транспортныя агентуры. Повсюду видны рекламы, увѣряющія, что только въ данной конторѣ можно получить билеты по самой дешевой цѣнѣ. Огромныя таблицы съ разными обѣщаніями висятъ на фонаряхъ и стоятъ на тротуарѣ. Съ однимъ знакомымъ, уже нѣсколько лѣтъ живущимъ въ Нью-Іоркѣ, мы странствуемъ изъ конторы въ контору, чтобы, по возможности, дешевле и на лучшихъ условіяхъ пріобрѣсти билетъ въ Чикаго. Торгуемся отчаянно, совсѣмъ какъ въ Поцѣёвѣ *).

9 іюня. New-York.

На «Bowery». Широкая улица съ двумя рядами столбовъ верхней желѣзной дороги. Крикъ и шумъ, страшная пыль, грязь нищеты, мѣстами такая вонь, что дышать трудно. Вдоль тротуаровъ разставлены лотки съ съѣстнымъ. На солнцѣ выставлены: устрицы, омары, сыры, буттерброды; кое-кто подходитъ, беретъ закуску, кропитъ ее жидкостью подозрительнаго запаха и чистоты. Кабаки, склады всякаго старья, въ окнахъ верхнихъ этажей объявленія, что за 15 центовъ въ сутки можно снять комнату. Всѣ утратившіе способность къ систематической работѣ, аферисты, скатившіеся въ пропасть полной нищеты и не могущіе уже выкарабкаться изъ нея,—вотъ населеніе, гнѣздящееся среди этой грязи. Днемъ оно спитъ, вечеромъ аккуратно читаетъ въ газетахъ объявленія о мѣстахъ, хотя и не ходитъ искать ихъ, не вѣря, что можетъ найти какое - нибудь постоянное занятіе; ночью засѣдаетъ въ кабакахъ. Теперь только шесть часовъ. На встрѣчу мнѣ попадаются босыя, грязныя дѣти, оборванные мужчины съ заспаннымъ, апатичнымъ лицомъ, безъ всякаго слѣда энергіи.

Но даже на «Bowery» минуты нищеты услаждаются поэзіей, и въ ней человѣкъ ищетъ отдохновенія. Мнѣ думается, что здѣсь это дѣлается чаще, чѣмъ въ салонахъ, гдѣ болтающія дамы такъ

---

*) «Pociejowo»—Варшавское предмѣстье. *Перев.*

увлекаются искусствомъ и копаются въ «субтильностяхъ» того или другого произведенія. Вотъ огромная выставка отпечатанныхъ листовъ простой сѣрой бумаги, наполненныхъ стихами. «Послѣ бала», «Во мракѣ ночи», «На Bowery» — такъ звучатъ заглавія стихотвореній. Ба! Да я очутился лицомъ къ лицу съ поэзіей, можетъ быть, съ поэзіей разнузданности, о которой такъ много говоритъ Ломброзо вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ мѣщанскихъ криминологовъ. Я покупаю пару листовъ. Первое произведеніе относится къ данному кварталу. Юноша разсказываетъ, какъ онъ отправился на «Bowery», какъ потерялъ тамъ свои часы, какъ торгашъ-портной надулъ его, какъ дѣвушка, бросившаяся ему на шею, ограбила его въ отплату за его объятія. Но разнузданности—ни малѣйшаго слѣда! Напротивъ, горькая жалоба, жажда дружбы, любви, правды, раздаются со страницъ сѣрой бумаги, которая расхватывается отверженниками общества! «Ахъ, напиши письмо своей старушкѣ, когда ты очутился такъ далеко отъ нея», читаемъ мы на одномъ изъ листовъ, «въ жизни ея гораздо больше мрака, чѣмъ солнечнаго свѣта; она молится за тебя, а потому напиши ей и доставь ей этимъ удовольствіе, напиши же письмо, напиши сейчасъ же!» Кто-то другой мечтаетъ о покинутой родной хатѣ, слезы навертываются у него на глазахъ, сердце бьется надеждой, что его, вѣроятно, простятъ, когда онъ постучится въ ворота. Или возьмемъ пѣсенку маленькой дочери пьяницы. Бѣдняжка жалуется, что одинокая скитается и плачетъ въ черную ночь—мать ея умерла, а отецъ пьетъ! Она молитъ Бога, чтобы кто-нибудь изъ общества трезвости исправилъ ея отца; она была бы тогда такъ счастлива, работала бы на него, собирая милостыню, лишь бы только онъ поцѣловалъ ее... Да, эта сѣрая бумага настоящій золотой рудникъ!

Тамъ и сямъ расположились различныя миссіи, обращающія на путь истинный грѣшниковъ. Я вхожу въ одну изъ нихъ. Огромная безплатная читальня. Пюпитры для писанія. На стѣнахъ изображенія блуднаго сына. Нѣсколькими домами дальше армія спасенія приглашаетъ отверженниковъ отвѣдать ея наркотическаго снадобья: водку она замѣнила маршами, упоеніе алкоголемъ—экстазомъ толпы. Одно средство стоитъ другого: первое усыпляетъ духъ напиткомъ, другое—мыслью о спасеніи. Не тамъ создаются люди, борющіеся изъ за обидъ своихъ, — тамъ стараются выбить эти обиды изъ головы.

Различные народы расположились въ Нью Іоркѣ своими кварталами. Есть кварталы романскій, китайскій, негрскій, наконецъ еврейскій. Послѣдній обнимаетъ пространство не меньшее, чѣмъ

Налевки въ Варшавѣ, съ прилегающей къ нимъ окрестностью. Когда-то тамъ жили ирландцы; теперь евреи вытѣснили ихъ совершенно. Мнѣ пришлось побывать тамъ нѣсколько разъ, въ различное время дня, между прочимъ, и въ субботу. Одежды были праздничныя, но лавки были открыты, и торговля шла какъ нельзя лучше. Молодое поколѣніе «обамериканилось»: молодежь носитъ американскія шляпы, мужчины брѣютъ бороду, говорятъ только по-англійски, хотя и плохо. Старшіе придерживаются еще старинныхъ обычаевъ и жалуются, что дѣти ихъ безбожники. Нѣкоторыя особенности Налевокъ и здѣсь проявляются во всей полнотѣ, болѣе того, — онѣ еще пышнѣе расцвѣли на американской почвѣ, гдѣ полиція вовсе не требуетъ, чтобы дома содержались въ чистотѣ. Въ Америкѣ вездѣ на тротуарахъ стоятъ бочки съ мусоромъ; здѣсь онѣ буквально нагружены одна на другую. Можно угадывать, что въ извѣстный день готовилось въ томъ или другомъ домѣ, ибо различные запахи одуряютъ прохожаго. Грязь превосходитъ всякое вѣроятіе. На улицѣ разставлены лотки и возы, такъ что негдѣ пройти. Вездѣ толпа, кричащая и жестикулирующая и днемъ, и ночью. Къ вечеру тротуары превращаются въ салонъ: мужчины бесѣдуютъ, женщины кормятъ грудныхъ дѣтей, ребятишки играютъ, молодежь предается любви и прогуливается парами, выражая свои чувства на плохомъ англійскомъ языкѣ.

12 іюня, между Нью-Іоркомъ и Буффало.

Я въ восхищеніи отъ устройства здѣшнихъ поѣздовъ. Вагоны узкіе, но очень длинные, по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе, чѣмъ въ Европѣ. По срединѣ проходъ, по обѣимъ сторонамъ его кресла, каждое на двоихъ; они обращены передомъ къ локомотиву, такъ какъ спинки и ручки ихъ могутъ переставляться, какъ въ лѣтнихъ трамваяхъ. Сидѣнія мягкія, обитыя бархатомъ, съ удобными ручками, какъ у насъ въ первомъ классѣ. Огромныя окна сплошь выполняютъ обѣ боковыя стѣны. Въ каждомъ вагонѣ приборъ съ холодной водой для питья. Лампы ночью горятъ ярко, вагонъ покоится на рессорахъ, устраняющихъ всякую тряску. Металлическія ручки, задвижки оконъ, лампы, полъ — все сверкаетъ чистотою, невѣдомою даже германскимъ поѣздамъ.

Нигдѣ не видно ни стрѣлочниковъ съ флагами, ни шлагбаумовъ на перекресткахъ, опускаемыхъ при приближеніи поѣзда. Каждому предоставлено заботиться о самомъ себѣ. Изъ оконъ вагона замѣчаю на перекресткахъ только таблицу съ надписью: «look out for the locomotive» (глядите, не ѣдетъ ли локомотивъ); это предо-

стереженіе замѣняетъ все—и стрѣлочника, и шлагбаумъ. Къ этому предостереженію прибавлено еще другое: на нѣкоторомъ разстояніи отъ перекрестка возвышается столбъ, который гласитъ кратко: свистать! Локомотивъ свиститъ и даетъ знать о своемъ приближеніи тому, кто въ эту минуту собирается переѣзжать черезъ полотно желѣзной дороги.

Демократическія традиціи стариннаго пуританизма держатся еще очень крѣпко. Въ сферѣ земледѣльческихъ отношеній они породили особое законодательство «homestead'овъ» (земель, принадлежащихъ къ дому), которое предупреждаетъ сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ. Въ Нью-Іоркѣ скамейки въ общественныхъ садахъ раздѣлены ручками на отдѣльныя сидѣнія, такъ что никто не можетъ обидѣть другого. Тотъ же обычай сохраняется въ трамваяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Существуетъ одинъ только классъ: «Мы не вѣдаемъ ни кастъ, ни сословій, ни классовъ»—такъ издѣвается янки надъ Старымъ Свѣтомъ. Однако, не напрасно существуютъ въ Америкѣ обладатели милліардовъ. Демократической формулѣ они придали иное содержаніе! Поѣздъ, въ которомъ я ѣду, состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ вагоновъ. Каждый пассажиръ заплатилъ одно и то же за билетъ, но болѣе богатый еще кое-что добавилъ, а потому пользуется спальнымъ вагономъ. Днемъ это обыкновенный вагонъ, ночью же сидѣнія превращаются въ постели. Есть еще вагонъ-салонъ, которымъ можетъ пользоваться лишь тотъ, кто еще кое-что доплатилъ, впрочемъ, немного. Тамъ къ его услугамъ кресла на одну особу, столики съ газетами, читальня. Быть можетъ, въ моемъ поѣздѣ ѣдетъ еще частный вагонъ, находящійся въ распоряженіи одного только семейства. Если бы я ѣхалъ по Гудзоновой линіи, то позади шелъ бы обсерваціонный вагонъ, вродѣ вагона-салона, половина котораго, за исключеніемъ только потолка и пола, слагается изъ огромныхъ цѣльныхъ стеклянныхъ рамъ. Весь пейзажъ окружающей мѣстности находится передъ пассажиромъ, какъ на ладони. Въ то время, какъ я, подобно улиткѣ, не выхожу изъ одного вагона, другіе прогуливаются по всему поѣзду, высыпаются на креслѣ, убиваютъ время чтеніемъ газетъ въ салонѣ, наслаждаются видами въ обсерваціонномъ помѣщеніи, и я долженъ признаться, что передъ глазами проносятся роскошные ландшафты, такъ какъ мы взбираемся на возвышенность, окаймляющую большія озера.

И, тѣмъ не менѣе, номинально существуетъ только одинъ классъ...

13 іюня. Buffalo, N. Y.

На вокзалѣ ожидаетъ меня мой давнишній товарищъ по университету, практикующій въ настоящее время въ качествѣ врача въ

Буффало. Вокзалъ небольшой, грязный, тѣсный, словно хлѣвъ, хотя ни одну изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ нельзя сравнивать съ данной линіей, а Буффало своимъ богатствомъ, по крайней мѣрѣ, вдесятеро превосходитъ Варшаву. Такого рода роскошь считается здѣсь мотовствомъ. Сквозь толпу мы кое-какъ добираемся до повозки, которая стоитъ привязанная далеко на улицѣ. Собственникъ оставилъ повозку съ лошадью безъ всякой опеки почти на четверть часа среди толкотни людской толпы и экипажей, среди города, въ которомъ жителей столько же, какъ въ Варшавѣ. И, тѣмъ не менѣе, никто не укралъ ея! То же дѣлаетъ другой и десятый, вездѣ стоятъ экипажи, охраняемые такимъ образомъ, т.-е. вовсе не охраняемые. По дорогѣ намъ надо побывать въ одной конторѣ, толпа мѣшаетъ намъ доѣхать. Мы опять оставляемъ лошадь безъ всякаго присмотра, и когда я недоумѣваю, какъ поступить мнѣ съ моимъ пледомъ, знакомый мой съ улыбкой бросаетъ его въ повозку. Мы ѣдемъ съ полчаса. Грязныя, закоптѣлыя зданія одинаковой архитектуры — вотъ какой видъ имѣетъ торговый кварталъ, значительно, впрочемъ, опустѣвшій къ вечеру. Желѣзныя дороги вездѣ пересѣкаютъ площади и улицы, никакіе шлагбаумы не предостерегаютъ публику. Всякій думай о себѣ! Безъ конца тянутся широкія асфальтовыя улицы, небольшіе одноэтажные деревянные домики разбросаны среди зелени. Улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, и одинъ перекрестокъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на другой. Все путается и мѣшается въ памяти, которая, утомленная однообразіемъ, наконецъ засыпаетъ.

15 іюня, «Niagara Talls», N. Y.

Только одна минута пути отдѣляетъ меня отъ водопада! Отъ запаха воды кружится голова, грудь дышетъ свободно послѣ вони Буффало, глазъ, увлеченный движеніемъ нагроможденныхъ другъ на друга каскадовъ, бѣжитъ туда, далеко за журчащей водой, къ самымъ отдаленнымъ обрывамъ, которые купаются внизу въ синихъ водахъ рѣки и слегка затемнены нѣжною мглой—это водяная пыль поднимается между мною и окрестностью, брызжа изъ подъ основанія водопада. Гулъ и громъ, словно отъ тысячи мельницъ. Еще нѣсколько шаговъ. Взбудораженная поверхность изгибается и исчезаетъ, вода изъ темносѣрой дѣлается на перегибѣ болѣе свѣтлой, линія, раздѣляющая оба цвѣта, вырисовывается рѣзко и рельефно. Бѣлая пыль бьетъ снизу клубами, словно кто-то въ глубинѣ у нашихъ ногъ варитъ чародѣйскія зелья. Водопадъ какъ разъ передъ нами! Мы еще не видимъ его, но чувствуемъ по всему этому треску, гулу, облакамъ водяной пыли, огромнымъ клу-

бамъ пѣны тамъ, далеко на рѣкѣ. Мы подходимъ къ периламъ и устремляемъ наши взоры внизъ. Обломки красныхъ гранитовъ дымятся, словно кто то льетъ потоки воды на раскаленный камень, надъ нами, въ облакахъ водяной пыли, повисла и дрожитъ радуга; сквозь нее проглядываетъ и зеленѣетъ поверхность рѣки, которую пароходъ бороздитъ прямо по направленію къ водопаду. Сверху спускается громадныхъ размѣровъ бѣлая простыня — она кажется неподвижной.

Мы стоимъ передъ американскимъ рукавомъ Ніагары *).

Канатная желѣзная дорога довозитъ насъ до основанія обрыва, туда, гдѣ съ незапамятныхъ временъ неподвижно стоятъ на стражѣ огромные граниты. Тропинка, высѣченная на хребтѣ ихъ, ведетъ насъ къ водопаду. Чѣмъ ближе мы подходимъ, тѣмъ она становится болѣе скользкою и вѣроломною. Дождикъ орошаетъ насъ со всѣхъ сторонъ сверху, снизу, съ боковъ. Нѣтъ, это не дождикъ, — вся атмосфера пропитана влажнымъ порошкомъ, необычайно мелкимъ, словно выходящимъ изъ самаго тонкаго пульверизатора. Мы идемъ все дальше по скользкой скалѣ, пока пути намъ не преградили огромные отвѣсные граниты; облака водяной пыли несутся на насъ и обдаютъ насъ проливнымъ дождемъ, ноги не въ силахъ удержаться на предательской красной поверхности. Мы отступаемъ и направляемся къ пристани, гдѣ «Дѣва пыли» нетерпѣливыми свистками приглашаетъ насъ на свою палубу.

Облекшись въ непромокаемые плащи, мы движемся на ея палубѣ по направленію къ облаку, которое лобзаетъ стопы американскаго водопада. Водяная пыль освѣжаетъ насъ, въ полуденный зной грудь жадно глотаетъ ее. Мелкій порошокъ превращается въ... Я опять беру карандашъ въ руки. Пыль обратилась въ проливной дождь, ураганъ рветъ съ головы капюшонъ, холодъ охватилъ меня. Теперь мы уже миновали американскій рукавъ. Я приглядываюсь къ клубамъ воды, брызжущимъ изъ гранитовъ. Мы только слегка коснулись ихъ, а они уже наградили насъ ливнемъ. А все-таки еще глубже подъ покровомъ мглы, черезъ граниты перекинуты мостки, которые смѣло врѣзываются въ рѣчную поверхность и исчезаютъ изъ виду въ ея складкахъ. Солнце

*) Знаменитый Ніагарскій водопадъ состоитъ изъ двухъ рукавовъ — одного, называемаго просто американскимъ водопадомъ, низвергающагося съ высоты 52 метровъ, и другого, называемаго по формѣ своей «Подковой» и падающаго съ высоты 54 метровъ. Рукава эти образуются вслѣдствіе раздѣленія русла рѣки Ніагары на двое Козлинымъ островомъ, лежащимъ до начала паденія. *Переводч.*

печетъ, отъ насъ подымается паръ. «Дѣва» слегка колышется на волнахъ. Мы ѣдемъ по направленію къ канадскому водопаду. По сравненію съ этимъ гудящимъ и клокочущимъ адомъ водяной пыли, ливень, испытанный нами близь его американской сестрицы, кажется намъ игрушкой. Пароходъ качается все сильнѣе и сильнѣе, и самыя разнообразныя стихіи играютъ съ нами. Солнце печетъ насъ, водяная пыль орошаетъ насъ, волны насъ подбрасываютъ, гулъ оглушаетъ, вѣтеръ срываетъ капюшонъ и развѣваетъ плащъ. А между тѣмъ мы не приблизились даже къ первымъ клубамъ облака! Что же будетъ дальше? Нетерпѣніе раздражаетъ нервы. Въѣздъ нашъ тянется ужъ что-то очень долго,— да нѣтъ, мы удаляемся! «Дѣва» подвезла насъ и показала намъ преддверіе воднаго ада, а теперь мы улепетываемъ... Съ обрывовъ свѣшивается роскошная растительность. На страшной высотѣ виднѣется нѣсколько паутинныхъ нитей — это висячій мостъ, за нимъ глазъ замѣчаетъ еще вторую и третью пару подобныхъ сѣтокъ. Это еще мосты, истинные шедевры инженернаго искусства. По одному изъ нихъ въ настоящую минуту мчится на всѣхъ парахъ поѣздъ.

На канадскомъ берегу я обсыхаю послѣ экскурсіи на «Дѣвѣ пыли». Жара страшная, лишь нѣсколрко смягчаемая освѣжающими дуновеніями влажнаго вѣтра. Капли пота смѣшиваются съ водой, которую я не успѣлъ еще стряхнуть съ себя. Поднимаюсь вверхъ по крытой дорогѣ. Всякій разъ, какъ выхожу изъ подъ навѣса скалы на открытый поворотъ, я на разстояніи полумили чувствую движеніе воздушнаго тока, вызванное паденіемъ воды.

На канадскомъ берегу расположенъ паркъ Викторіи. Мертвый проводникъ мой объясняетъ мнѣ, какую площадь занимаетъ этотъ паркъ. Эти мелочи не останавливаютъ на себѣ вниманія. Всякіе счеты являются какъ бы оскорбленіемъ этой роскошной растительности, которая окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ и которая распускается подъ непрерывной росой водопада и подъ солнцемъ, проникающимъ сквозь водяную пыль, разносимую на крыльяхъ вѣтра. У входа дорогу заграждаетъ мнѣ таблица. Одинъ изъ параграфовъ гласитъ, что входъ въ паркъ воспрещается лицамъ въ нетрезвомъ видѣ, приносящимъ съ собою крѣпкіе напитки. Только рѣчная полоса отдѣляетъ насъ отъ Соединенныхъ Штатовъ, а между тѣмъ напрасно стали бы мы искать тамъ подобной материнской опеки. «Не изображай изъ себя невиннаго юношу въ опасныхъ мѣстахъ», — вотъ единственное тамошнее предостереженіе. Автоматическія ворота отмѣчаютъ, что кто-то преступилъ порогъ парка, другія, по всей вѣроятности, запишутъ нашъ

выходъ или когда-нибудь, при окончательномъ счетѣ, укажутъ, что какое-нибудь безымянное человѣческое существо вошло туда и уже больше не выходило...

Запахъ цвѣтовъ одуряетъ меня, зной печетъ, отъ водопадовъ доходитъ гулъ вмѣстѣ съ водяною пылью. «Конская подкова» (такое названіе носитъ канадскій водопадъ) открывается во всемъ своемъ великолѣпіи. Мнѣ видны только края «Подковы», середину заслонила пыль, которая столбами валитъ снизу вверхъ и образуетъ цѣлыя облака. Рѣка, до паденія имѣвшая зеленоватый оттѣнокъ, теперь выплывъ, изъ подножія «Подковы», становится бѣлою. Можно подумать, что природа сотворила чудо, обративъ воду въ молоко, которое кипитъ и пѣнится. Карандашъ отказывается служить, еще возможно изобразить на бумагѣ силу американскаго водопада, но немыслимо дать понятіе о мощи водопада канадскаго. Въ хаосѣ частностей теряется духъ цѣлаго. Водопадъ, лежащій на американской сторонѣ, утратилъ часть своей прелести и грозности. За мостомъ, на разстояніи какой-нибудь версты, я замѣчаю черные клубы дыма чудовищнаго вида, которые какъ-то странно отдѣляются отъ снѣжной бѣлизны, разстилающейся подо мною. Взоръ съ отвращеніемъ убѣгаетъ отъ этой грязи, опускается внизъ вмѣстѣ съ водой, скользитъ по молочной поверхности, потомъ по зеленовато-голубой, усѣянной грязно-желтыми пятнами пѣны. Какой-то предметъ отклоняетъ мои взоры и привлекаетъ ихъ къ себѣ — онъ поднимается и падаетъ, фыркаетъ черными клубами дыма на снѣжную пучину и старается добраться до снѣжной котловины. Поразительный контрастъ! Это «Дѣва пыли» жаждетъ въѣхать на воды бѣлѣющаго ада.—Жаждетъ?—сущая пародія! Вѣдь заранѣе же знаетъ, что не подъѣдетъ. И, однако, пассажиры обманываются и тѣшатъ себя надеждой...

На гранитахъ, у меня подъ ногами, вонъ тамъ далеко, далеко въ пропасти, окутанныя легкою дымкою, мелькаютъ передо мною человѣческія фигуры въ желтыхъ одеждахъ. Это туристы. спустившіеся къ «Каменному столу».

Въ желтомъ непромокаемомъ одѣяніи стою я у подножія канадскаго обрыва. Только что побывалъ въ пещерѣ подъ лѣвымъ берегомъ «Подковы». Замѣтивъ, что одно мѣсто ниспадающей простыни нѣсколько темнѣе, пришли къ заключенію, что толщина ея здѣсь не особенно значительна. Въ твердой скалѣ просверлили длинный корридоръ и въ концѣ его пробили окно, которому водная стѣна замѣняетъ стекло.

Я спускаюсь съ гранита на гранитъ и стою совершенно одинъ

на обрывѣ. Вода совсѣмъ молочнаго цвѣта. Съ крайней скалы я гляжу на мощь кипѣнія рѣки, когда столбы и полосы ея снова соединились въ одномъ ложѣ. Волна бѣжитъ за волною, дико ударяется о гранитныя оковы, оттаскиваетъ и опять напираетъ. Нѣсколько футовъ высоты отдѣляютъ меня отъ вспѣнившейся пучины—я различаю всякій тонъ ея рева. Общество, съ которымъ я ѣхалъ на подъемной машинѣ, давно уже покинуло меня; теперь оно возвращается съ «Каменнаго стола» и кричитъ мнѣ, чтобы я шелъ туда осторожнѣе. Совѣтъ этотъ выводитъ меня изъ оцѣпенѣнія; я отправляюсь по скользкимъ тропинкамъ, гдѣ нѣкогда ползали стада ужей. Теперь они изгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ. Тропинка вьется по скалѣ вверхъ, сбѣгаетъ внизъ, перекидывается, съ помощью мостиковъ, съ гранита на гранитъ и становится все опаснѣе, все ближе подходитъ къ одному боку «Подковы». Между скалами пѣнятся кипящіе рукава, которыми вода, разбившись о скалы, вливается въ общее русло. Посреди водяной пыли возвышается «Каменный столъ». При ливнѣ и вихрѣ направляюсь я подъ выступъ скалы. Надо мною бушуетъ настоящій ураганъ, который гонитъ меня съ открытаго мѣста, обдаетъ водой и оглушаетъ шумомъ. Я хватаюсь за перила лѣстницы, ведущей къ «Каменному столу», но кто-то сталкиваетъ меня внизъ и подкашиваетъ ноги, руки судорожно хватаются за ступени. Я борюсь за каждый шагъ. Наконецъ, поднимаю голову, хочу осмотрѣться, но не вижу ничего среди потоковъ воды и вихря. Съ одного бока ниспадаетъ одинокій, случайный столбъ воды, съ другого—воетъ млечная котловина, извергая тысячи брызгъ изъ своей пасти. Ужасъ охватываетъ меня, я прячу голову и удаляюсь, убѣгая подъ ближайшую скалу. Однако, и тутъ вода брызжетъ отовсюду, но что значитъ этотъ дождь по сравненію съ недавнимъ столкновеніемъ моимъ съ разъяренными стихіями! Я отдыхаю на скользкомъ уступѣ гранита. Прежніе путешественники, которые безъ всякихъ мостковъ и лѣстницъ вскарабкивались на «Каменный столъ», оставили преданіе о томъ, что какая-то сила, — должно быть нечистая, — заграждала имъ путь до тѣхъ поръ, пока они не приносили ей жертвы. Они бросали внизъ камешекъ, и сила эта исчезала... Меня охватываетъ желаніе побывать на этомъ заколдованномъ гранитѣ или, лучше сказать, на его обломкахъ, ибо часть его обрушилась въ пучину. Я возвращаюсь по дорогѣ, по которой только-что такъ позорно улепетывалъ, вскарабкиваюсь, опять высовываю голову—вихрь чуть не срываетъ ея. Вода брызжетъ и хлещетъ; небо, рѣка и водопадъ слились въ одно цѣлое: трудно сказать, гдѣ начинаются однѣ стихіи и кончаются другія.

Площадь «Стола» лишь въ нѣсколько футовъ, она слегка наклонна. Нога стоитъ на ней не твердо. ...Звоню на подъемную машину. Въ ожиданіи, пока она опустится, я разсматриваю окружающую меня мѣстность. «Каменный столъ» краснѣетъ вдали, среди облаковъ вьюги. Но какой скромный видъ имѣетъ это мѣсто по сравненію съ болѣе отдаленными клубами, которые, въ свою очередь, являются лишь мелкой пылью по сравненію съ адомъ, бушующимъ въ серединѣ «Подковы»! Полный отваги, поднимаюсь я на верхъ. При выходѣ моемъ съ машины, подходитъ ко мнѣ фотографъ и предлагаетъ сняться. Полотно съ клубами водяной пыли уже приготовлено, остается только усѣсться передъ нимъ... Я на-скоро просматриваю поданныя мнѣ фотографіи: улыбающіяся изъ-подъ капюшоновъ лица свидѣтельствуютъ о самодовольствѣ туристовъ: они будутъ хвастаться, что заглянули въ пасть Ніагары, а фотографія послужитъ для нихъ неопровержимымъ доказательствомъ. О, суета суетъ!

Я только-что прочелъ описаніе экспропріаціи Ніагары, этого гудящаго грома, какъ гласитъ ея индѣйское названіе. Едва появившись на этой территоріи, бѣлый человѣкъ тотчасъ же опоясалъ ее вѣнцомъ земельныхъ участковъ, составлявшихъ частную собственность. Какой-то патріотъ, который за услуги, оказанныя отечеству, получилъ право пожелать болѣе десяти акровъ земли въ какомъ угодно мѣстѣ, выбралъ ихъ на Козлиномъ островѣ. Такимъ образомъ, тотъ, кто желалъ добраться до тѣхъ мѣстъ, откуда открывался болѣе широкій видъ на грозную стихію, долженъ былъ платить дань этимъ современнымъ рыцарямъ большой дороги. Обдирали, однако же, не бѣдняковъ. Эксплуатація опорожняла карманы разочарованныхъ господъ, страдающихъ сплиномъ, которые, не смотря на свой чайльдъ-гарольдизмъ, дрожали за каждый грошъ, вынимаемый изъ кошелька. Неудовольствіе, которое безъ этого покорно дремало бы сотни лѣтъ, стало взывать о мщеніи къ государству. Къ правительству Соединенныхъ Штатовъ поступаетъ петиція со множествомъ подписей, между прочимъ Леббока, Карлейля, Рёскина. Американскіе милліонеры съ тою же цѣлью составляютъ лигу, «стоющій сотни милліоновъ» Вандербильтъ агитируетъ въ пользу экспропріаціи владѣтелей и національзаціи окрестностей водопада. Клопамъ, гнѣздившимся на сотнѣ акровъ, бросили три милліона рублей отступного и въ 1883 году, въ присутствіи огромной толпы народа, объявили Ніагару собственностью всего человѣчества...

...Вхожу на висячій мостъ, въ верстѣ разстоянія отъ «Подковы» соединяющій оба берега рѣки. Передо мною во всемъ своемъ

великолѣпіи водопадъ, громадный, бѣлоснѣжный, бушующій, омывающій стопы свои въ кипящемъ молокѣ. Съ другой стороны зрѣлище прямо противное. Изъ обрывовъ выростаютъ грязныя кирпичныя постройки, изъ середины ихъ возносятся къ чистому небу еще болѣе грязныя трубы, изъ которыхъ клубами валитъ черная сажа, соединяющаяся въ одно громадное грязное облако. Снѣжная бѣлизна водопада и грязь промышленности, вольныя силы свободной природы и сфера эксплуатаціи! А изъ-подъ фабрикъ, черезъ отверстія, пробуравленныя въ скалѣ, брыжжетъ цѣлый рядъ мелкихъ водопадовъ, такихъ же бѣлоснѣжныхъ, какъ и великая мать ихъ, отъ лона которой они отдѣлены. Человѣкъ-капиталистъ укралъ у великаго потока нѣсколько водныхъ нитей, заперъ ихъ въ каналѣ, заставилъ вертѣть колеса на фабрикѣ и оказывать себѣ содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія состоянія. Слухъ улавливаетъ звукъ паденія этихъ сиротъ—они словно стонутъ, что силу ихъ, нѣкогда ничѣмъ не стѣсненную, запрягли въ ярмо, что поработили свободное движеніе, нѣкогда подчинявшееся однимъ лишь законамъ тяготѣнія. Я сочувствую имъ, какъ живымъ существамъ. Развѣ эпоха всеобщаго торгашества не впрягла вибрацій моего мозга въ такого рода утаптывающую машину, развѣ не принудила она меня выносить на рынокъ каждое впечатлѣніе, которое я охотно сохранилъ бы для самого себя? Ряды фабрикъ съ дымящимися трубами кажутся кузницей дьявола, который хочетъ запятнать чистоту природы. И дѣйствительно, тамъ сокрыты подобныя намѣренія! Эксплуататоръ, распоряжающійся въ этихъ казематахъ не только человѣческимъ духомъ, но и красотами матери-природы, знаетъ очень хорошо, что можно раздробить на такихъ сиротъ всю Ніагару. Если бы онъ отнялъ хоть одинъ дюймъ наклона у «гудящаго грома», то украденная, такимъ образомъ, у природы живая сила была бы больше доставляемой въ совокупности всѣми двигателями на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Безплатный двигатель! Какъ онъ поднялъ бы ренту и какъ уничтожилъ бы всѣхъ конкуррентовъ на всемірномъ рынкѣ! Вандербильтъ и другіе милліонеры вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ соблазняютъ правительство Соединенныхъ Штатовъ отдать имъ только одинъ дюймъ, они соглашаются взять хоть сотую его часть! Отъ такой бездѣлицы не оскудѣетъ великанъ, не уменьшится его величіе, не исчезнетъ его прелесть! Такъ вотъ ради чего денежные тузы нарушили священное право собственности и вымели мелкихъ червей изъ окрестностей водопада... Они получили концессію, основали акціонерное товарищество съ капиталомъ въ 10.000.000 долларовъ, сотни наемныхъ рабочихъ оканчиваютъ туннель, который

урветъ у рѣки часть ея пучины, замѣнивъ ее электричествомъ или двигателемъ сгущеннаго воздуха. Электричество будетъ перенесено въ грязный Буффало, гдѣ оно, между прочимъ, будетъ разсѣявать ночной мракъ. Техники работаютъ надъ перенесеніемъ его въ болѣе отдаленныя мѣста; нѣсколько сотъ тысячъ рублей награды ожидаетъ того, кто разрѣшитъ эту задачу. Ніагара проявляла свою энергію въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ, дикая, вольная, смѣлая, пока не наступила, наконецъ, эпоха зашибателей деньги̇, которые всюду суютъ свой носъ. Запрягутъ они ее для освѣщенія мусорныхъ ямъ и укромныхъ уголковъ, для сверленія дырявыхъ зубовъ филистера и для поджариванья ему ростбифовъ и пуддинговъ. Въ путеводителѣ находимъ увѣреніе, что «лишь тогда», т. е. когда Ніагара замѣнится порабощенными полосами живой силы, «мы будемъ чувствовать, что землю опоясываетъ живая гирлянда, которая дрожитъ и топчетъ по нашему приказанію, что ее окружаетъ вѣнецъ напряженной энергіи, принужденной, однако, къ правильной пульсаціи». Разумомъ признаешь, что, лишившись нѣсколькихъ потоковъ, Ніагара не утратитъ своей прелести, но жаль, что даже эта частица ея пойдетъ на чужую сторону служить капиталу.

«Пещера вѣтровъ» — это такой уголокъ, гдѣ человѣкъ всего глубже проникаетъ въ лоно водопада. Туда ведутъ мостки, которые я видѣлъ среди водяныхъ брызговъ съ «Дѣвы пыли». При благопріятномъ вѣтрѣ извнутри пещеры можно видѣть радугу въ формѣ замкнутаго круга, иногда даже двѣ радуги. Но это самая опасная часть экскурсіи на Ніагару, лишь нѣсколько человѣкъ на сто предпринимаетъ ее. Съ проводникомъ—безъ него обойтись невозможно—подъ прикрытіемъ выступа скалы, мы доходимъ до мостковъ и окунаемся въ облако водяной пыли. Ливень гораздо хуже того, который столкнулъ меня съ «Каменнаго стола». Мостки переброшены съ гранита на гранитъ надъ бушующими потоками, извиваются вокругъ скалъ и, наконецъ, вдаются въ свободное пространство между двумя столбами низвергающейся рѣки. Проводникъ беретъ меня за руку, ибо во мракѣ я ничего не вижу. «И разверзлись хляби небесныя», и Эолъ, прибавимъ мы, выпустилъ всѣ вѣтры. Гулъ оглушающій, я не слышу, что́ говоритъ мой чичероне, изъ словъ его я понялъ только протяжное «look at» (поглядите сюда). Я хочу смотрѣть — вода заливаетъ мнѣ глаза. Мостки обрываются, и мы очутились въ темной пещерѣ, которая свиститъ, воетъ, хлещетъ. Мой руководитель тащитъ меня все дальше по этой пропасти, ноги мои утопаютъ въ холодной водѣ по щиколки, свободною рукою я нащупываю скользкую скалу,

грудь моя дрожитъ, какъ подъ душемъ. Въ двухъ, трехъ, самое большее въ десяти футахъ, вода низвергается съ всесокрушающей силой въ пучину, глубины которой никто не измѣрялъ. Закрытыми глазами ничего не видишь, а сознаніе того, что ты зависишь отъ милости другого, уничтожаетъ всякую прелесть этого момента. Я желалъ бы остаться на нѣкоторое время посреди этого гула и дождя, прижавшись къ скалѣ, но проводникъ тащитъ меня, говорить же не стоитъ — все равно не услышитъ. Нога натыкается на ступени—одну, другую, третью. Пройдя подъ низвергающеюся стѣною, я выхожу изъ пещеры плечами къ водопаду!..

Мой чичероне проситъ дать ему что-нибудь. Ежедневно онъ сопровождаетъ внизъ больше десяти человѣкъ; иныхъ приходится ему обхватывать руками, такъ какъ они теряютъ сознаніе, а между тѣмъ онъ не получаетъ отъ предпринимателя и десятой части дохода. Вѣдь одежда, въ которую наряжаютъ туристовъ, не составляетъ и сотой доли барыша, между тѣмъ какъ «Пещера вѣтровъ» гудитъ даромъ и даромъ даетъ впечатлѣнія.

Я брожу по островамъ, которые расположились на срединѣ рѣки между водопадами и доходятъ до самаго перегиба. Я былъ на всѣхъ «Сестрахъ», осматривалъ «Братца», съ часъ уже разгуливаю по Козлиному и по Лунному острову. Вездѣ мосты повисли надъ потоками, которыми вода подготовляется къ гигантскому скачку, осуществляемому ниже. На выдающихся изъ рѣки камняхъ, въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ перегиба, торчатъ колоды деревьевъ, принесенныя потокомъ. Островки являются букетами зелени, но среди листвы затесались непонятнымъ образомъ какіе-то клочки бумаги. То развѣсили свои рекламы содержатели гостинницъ крупнаго разбора, думая, быть можетъ, что этимъ увеличили красоту природы! Мостки тянутся вплоть до гранитовъ, торчащихъ возлѣ перегиба надъ бездной; отсюда можно устремить взоръ въ низвергающуюся катаракту надъ сáмой бездной. Инженерное искусство вездѣ проложило дороги и самыя опасныя мѣста сдѣлало доступными даже для самой робкой горлинки, для самаго трусливаго подорожника *). Ни одинъ хребетъ подводной скалы, обнажившійся надъ зеркаломъ рѣки, не остался нетронутымъ. Не такой видъ имѣли эти мѣста лѣтъ десять съ небольшимъ тому назадъ! Тогда посѣщеніе этихъ мѣстъ, которыя я теперь обозрѣваю съ такими удобствами, было дѣломъ опаснымъ. И все-таки былъ человѣкъ, который и въ тѣ времена такъ полюбилъ Ніа-

*) Подорожникъ—довольно трусливая, прожорливая и тупая птица, составляющая переходную ступень отъ воробьевъ къ жаворонкамъ. *Перев.*

гару, что избралъ ее своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ — одинъ изъ того поколѣнія, которое Байронъ заколдовалъ мелодіей своего слова. Трезвая эстетическая критика, которая воспиталась въ трезвой (читай: трусливой) школѣ мѣщанской разсудочности, осыпаетъ презрѣніемъ духовныхъ дѣтей этого поэта, усматриваетъ въ нихъ исключительно погоню за юбкой, всклокоченные волосы и растегнутую рубашку, забывая о томъ, что эти люди первые вняли стонамъ Эллады и первые покраснѣли отъ стыда за униженіе Италіи. Одинъ изъ этого племени авантюристовъ, потомокъ богатаго англійскаго рода, поселился одинокій на этихъ гранитахъ, быть можетъ, въ ожиданіи того времени, когда въ человѣческихъ сердцахъ пробудится жизнь. Днемъ и ночью, въ ясную погоду и въ ненастье скитался онъ здѣсь, далекій отъ людей, что-то писалъ и сжигалъ, купался въ каскадахъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перегиба, свѣшивался, прямо надъ нимъ съ гранитовъ, всѣмъ своимъ существомъ упивался опасностью. Ніагара, въ свою очередь, пріютила этого отшельника въ своихъ глубинахъ. Преданіе дало ему прозвище «пустынника водопадовъ». Нѣсколько выше, передъ первымъ порогомъ, который пересѣкаетъ всю рѣку, утлыя ладьи контрабандистовъ перевозили темною ночью тайно добытый товаръ. Рѣдкая смѣлость, всегда, впрочемъ, неразлучная съ промысломъ бандитовъ...

А теперь? Развѣ фотографіи самодовольныхъ лицъ, окруженныхъ водяною пылью, не отражаютъ лучше всего души тѣхъ толпъ, которыя, какъ черви, цѣлыми массами топчутъ острова и обрывы? Кто изъ нихъ отважился бы безъ мостковъ, проводниковъ и свѣдѣній о прошлыхъ попыткахъ, первый разгадать тайну «Пещеры вѣтровъ»? Да и къ чему имъ это дѣлать, отвѣчаетъ Санхо-Панчо, когда все для нихъ доступно, благодаря инженерному искусству— для этого надо быть Донкихотомъ! Это сущая правда, но правда и то, что удобства жизни, какъ ржа желѣзо, разрушаютъ энергію характера и твердость воли. Скитающихся рыцарей становится все меньше и меньше, а съ ними исчезаютъ не одни только ребяческія похожденія, но и одинъ изъ рычаговъ прогресса.

Измученный хожденіемъ въ теченіе долгихъ часовъ, отдыхаю на скамейкѣ на Козлиномъ островѣ. Какъ разъ подъ этимъ мѣстомъ, у основанія обрыва, вьется тропинка, ведущая въ «Пещеру вѣтровъ». Брошенный сверху камень угрожаетъ опасностью прохожему. Это принимаетъ въ разсчетъ рука законодателя, которая предупреждаетъ подобную шалость чисто американскимъ способомъ. Таблица гласитъ: «stone, thrown over the bank, may fall upon persons below» (т. е. камень, брошенный сверху, можетъ упасть

на лицъ, находящихся внизу). Коротко и сжато, но, тѣмъ не менѣе, этого оказывается достаточно!

По правдѣ сказать, я недоволенъ всею экскурсіей. Пытаешься воскресить въ памяти общую картину, но напрасно. Выплываютъ только обрывки: то водяная пыль «Каменнаго стола», то тотъ или другой столбъ воды, то видъ того или другого мѣста. Жалкіе обломки! Я пожиралъ Ніагару, какъ голодный, получившій кусокъ хлѣба и отъ голоду не имѣющій времени насладиться его вкусомъ. Чувствую, что необходимо болѣе продолжительное пребываніе на водопадѣ, чтобы обрывки уложились въ цѣльную мозаику, что я уѣзжаю съ хаосомъ отдѣльныхъ впечатлѣній. Я былъ на Ніагарѣ, но въ то же время словно и не былъ, ибо нѣтъ ея въ моемъ представленіи. Хоть я и могу пробыть здѣсь еще нѣсколько часовъ, но не имѣю охоты оставаться. Бѣгу съ ближайшимъ поѣздомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ БЕЗСЛОВЕСНАЯ.

I.

Глухая полночь. Спитъ въ сугробахъ снѣга барская усадьба. Точно бунты какого-нибудь сложеннаго товара подъ этими сугробами лежатъ, и караулитъ ихъ ночной сторожъ, старый, лѣтъ восьмидесяти, высокій отставной солдатъ, Немальцевъ. Ударилъ въ чугунную доску, и несется далеко тоскливый звукъ удара.

Проснется въ своей каморкѣ въ барскомъ домѣ старая Анна, слушаетъ и смотритъ на дочку свою, красавицу, спящую Лизу: играетъ лампадка на молодомъ лицѣ; сны, какъ думы, пробѣгаютъ по немъ—спокойные, тихіе...

— Спи, Царица Небесная съ тобой, насыпай силушку,— думаетъ Анна,—спи, пока молода, пока старость не нагрянула: скучная, пустая, съ длинными да безсонными ночами...

И опять бьетъ Немальцевъ въ чугунную доску, и замираютъ тоскливо удары въ усадьбѣ, въ полѣ, въ темномъ просвѣтѣ, откуда выглядываетъ зарѣчный лѣсъ. Черныя тучи спустились къ землѣ, еще бѣлѣе кажется снѣгъ и далеко видно отъ него въ настороживщейся тишинѣ.

Тихо и глухо кругомъ, и выше кажется и точно растетъ въ темной ночи высокая фигура старика.

У чугунной доски скамья,—присѣлъ на нее сторожъ и мурлычитъ что-то. Маленькій кудластый песикъ плетется къ нему, виляя хвостомъ. Положилъ мордочку на колѣни старику и смотритъ ему въ глаза: точно вспоминаетъ что-то или жалѣетъ, что уходятъ годы хозяина и его кудластаго песика годы... такъ и пройдутъ они всѣ—тѣни земли—и безслѣдно исчезнутъ гдѣ-то тамъ, въ темной ночи.

— Пса... пса...—тихо, ласково шепчетъ старикъ и внимательно смотритъ въ глаза пёсика, словно вотъ-вотъ заговоритъ съ нимъ пёсикъ.

Но только взвизгнетъ да вильнетъ нетерпѣливо и плотнѣе прижмется мордочкой пёсикъ.

II.

Вся жизнь назади, вся, какъ на ладони, и всю помнитъ ее старикъ.

Помнитъ, какъ росъ онъ вонъ въ той деревушкѣ, что пріютилась тамъ, у горы, и спитъ теперь въ ворохахъ соломы, занесенная снѣгомъ.

Тѣ же лачужки, то же житье, а можетъ, и хуже... Такъ же, какъ и теперешніе, и онъ парнишкой околачивался, бывало, въ тятькиномъ картузѣ: пачкался въ лужахъ, сушился на привольномъ солнышкѣ, шарилъ по задамъ дворовъ и бѣгалъ въ зарѣчный лѣсъ по ягоды да по грибы. Отецъ за вихры дралъ, мать подзатыльниками угощала,—ревѣлъ тогда онъ, а потомъ съ горя уплеталъ краюху чернаго хлѣба.

Мать умерла. Мачиха новая ужъ не матерью была, и плакалъ, бывало, Лукашка, забившись гдѣ-нибудь на задахъ, мать родную вспоминая.

Подросъ—работа пошла: лѣтомъ отцу помогалъ въ пашнѣ да бороньбѣ, хлѣбъ жалъ, а зимой изъ зарѣчнаго лѣсу дрова возилъ въ городъ. Теперь какой это лѣсъ? Пеньки одни. Помнитъ онъ тогдашній лѣсъ. Стояли зеленыя ели до неба, опушенныя снѣгомъ, а между ними березки нѣжныя, голыя дрогнули отъ лютаго холода. И казался не лѣсъ то, а какое-то царство заколдованное или городъ, слышался временами точно звонъ колокольный оттуда, изъ волшебной пустоты зеленаго бора.

Выросъ Лукьянъ. Откуда взялся ростъ высокій, ширина въ плечахъ, смотритъ голубыми глазами и точно самъ стыдится, что такой молодой и статный онъ.

Кто крѣпостнымъ родился, а онъ изъ вольной семьи. Пришло время по ревизскимъ сказкамъ солдатчину отбывать Лукьяну; повезъ отецъ парня въ городъ. Представилъ зачетную квитанцію за сына и освободили его, было, отъ солдатчины.

Этого только и ждали въ семьѣ: тутъ же, какъ вернулись домой, еще до заговѣнь, и свадьбу сыграли. Крестьянскую свадьбу не долго сыграть: съѣздилъ Лукьянъ въ сосѣднюю деревню, поглядѣлъ разъ на вольную солдатскую дочку, молодую Ирину, а во второй разъ увидѣлъ ее ужъ въ церкви, когда подъ вѣнцомъ рядомъ обоихъ поставили.

Только пріѣхали изъ-подъ вѣнца домой, только сѣли, было, за гарной, свадебный столъ, какъ входитъ въ избу старшина:

— Скорѣй одѣвайся: ошибка вышла... Тебѣ въ солдаты..

Такъ изъ-за гарного стола и ушелъ Лукьянъ на двадцатипятилѣтнюю службу, ушелъ отъ молодой жены, отъ родныхъ полей, отъ зарѣчнаго лѣса.

Сперва въ Саратовъ угнали. Выломали тамъ изъ него николаевскаго солдата и отправили въ Бутырскій полкъ на Кавказъ, вмѣстѣ съ другомъ его, Степаномъ Петровичемъ.

На Кавказѣ Степанъ Петровичъ въ фельдфебеля выскочилъ, а Лукьянъ Васильевичъ дослужился до нашивокъ.

Усядутся они, бывало, со Степаномъ Петровичемъ, оба тихіе, степенные, по службѣ исправные, гдѣ-нибудь на бережку синяго моря и разговариваютъ другъ съ другомъ.

Степанъ Петровичъ бобыль и разсказываетъ ему Лукьянъ Васильевичъ о своей сторонѣ, о братьяхъ, отцѣ, о молодой женѣ Иринѣ.

— Вотъ, Лукьянъ Васильевичъ, доживемъ свой срокъ,— жить къ тебѣ прійду,—скажетъ Степанъ Петровичъ.

— Что жъ, милости просимъ, Степанъ Петровичъ, рады будемъ... вó какъ примемъ.

III.

Крымская война началась.

Бутырскій полкъ отправился въ Севастополь. По камнямъ верстъ по восьмидесяти уходили въ день.

Въ Севастополь пришли пóздно вечеромъ и прямо на южную сторону. Тогда только начинали укрѣплять городъ.

Ведетъ ихъ провожатый казакъ: идутъ за нимъ солдаты и смотрятъ, все мѣшки, да мѣшки.

— Это видно овесъ для конницы, что-ли, припасенъ,— толкуютъ между собой солдаты.

Кончились мѣшки, а казакъ провожатый скачетъ, догоняетъ баталіоннаго и кричитъ ему:

— Ваше высокородіе, за крѣпость ушли.

Смотрятъ солдатики: какая же такая крѣпость, гдѣ она?

— Да вотъ эти самые мѣшки и крѣпость, — говоритъ казакъ.

Смѣшно всѣмъ: ну, и крѣпость!

Тутъ и на ночевку устроились: такъ безъ хлѣба и легли.

Утромъ проснулись: нѣтъ хлѣба. Солнце ужъ высоко поднялось,—нѣтъ хлѣба. Скучно безъ хлѣба.

Заглянулъ, наконецъ, каптенармусъ въ палатку,—важный, форменный.

— Хлѣбъ получать!

Повеселѣли сразу солдатики.

Повелъ Немальцевъ своихъ съ мѣшками за каптенармусомъ. Вдругъ съ моря, — жи-и, — черное что-то въ крышу влетѣло.

— Это что? галки что ль?—спрашиваетъ Немальцевъ.

А каптенармусъ идетъ впереди,—жирный животъ впередъ, въ одной рукѣ карандашъ, въ другой—бумага, и говоритъ:

— Будетъ тебѣ галка, какъ хватитъ... бомба это.

„Вотъ она какая бомба“, думаетъ Немальцевъ.

Еще одна пролетѣла, другая, третья...

Вдругъ какъ щелкнетъ гдѣ-то близко, близко...

Смотритъ Немальцевъ: лежитъ уже каптенармусъ на землѣ,—такъ и лежитъ такой же важный, какъ и шелъ, лицомъ къ землѣ: въ одной рукѣ карандашъ, въ другой—бумажка... прямо въ голову щелкнуло и лопнула голова, какъ спѣлый арбузъ, и залѣпила мозгами солдатиковъ, что шли за нимъ съ мѣшками для хлѣба.

— Вотъ тебѣ и жизнь!—говоритъ одинъ.

— Вотъ тебѣ и хлѣбъ!—говоритъ другой.

Прибѣжали съ носилками, подобрали и унесли убитаго.

И пошло день за днемъ все то же: днемъ въ траншеяхъ, ночью на окопахъ.

И растутъ вмѣсто мѣшковъ одинъ за другимъ грозные валы севастопольскихъ бастіоновъ.

А непріятель все палитъ да палитъ: двадцать девять дней

безъ перерыву... Городъ весь въ развалины обратился. Въ улицу попадетъ бомба: такъ и выроетъ яму.

Видѣлъ Немальцевъ, какъ флотъ потопили.

Только и остался пароходъ „Владиміръ", грузы въ гавани съ одного берега на другой перевозилъ.

Привязались солдаты къ фельдфебелю: по службѣ не то, что строгъ, а прямо не допуститъ до оплошности,—все во время въ каждомъ и усмотритъ, и убережетъ. А внѣ службы не было лучшаго совѣтника: вникнетъ, растолкуетъ, а бѣда придетъ и—выручитъ. Съ виду молодой, красивый, бравый. Въ обращеніи простъ, только устанетъ когда, или если озабоченъ, тогда становится неразговорчивъ, отвѣчаетъ коротко, нехотя, а самъ смотритъ и точно не видитъ того, съ кѣмъ говоритъ, или думаетъ о чемъ-нибудь далекомъ, далекомъ.

Приходитъ какъ-то фельдфебель и говоритъ:

— Походъ: на три дня одежу, провизію бери...

— Степанъ Петровичъ, куда жъ это?—спросилъ Немальцевъ.

— Лукьянъ Васильевичъ, куда жъ это?—отвѣтилъ ему Степанъ Петровичъ,—откуда я знаю?

4-го августа, передъ сраженьемъ на Черной рѣчкѣ, говоритъ фельдфебель Немальцеву:

— Сонъ какой мнѣ нынче приснился, Лукьянъ Васильевичъ. Будто стоимъ мы въ Саратовѣ и успенская просвирня—помнишь?—меня блинами угощаетъ... И такъ изъ-подъ нихъ и фырчитъ масло... горячіе, вкусные, такъ и фырчитъ, а я ѣмъ... И что значитъ этотъ сонъ, и не знаю.

— Къ письму это, Степанъ Петровичъ,—говоритъ Немальцевъ.

Заглянулъ Степанъ Петровичъ ему въ глаза и говоритъ раздумчиво:

— Въ томъ-то и дѣло, что письма я никакого не получалъ.

Плохо пришлось въ тотъ день бутырцамъ. Непріятельскія ружья не чета были нашимъ, изъ кремневыхъ передѣланнымъ ружьямъ: на сто саженей улетали изъ нашего пули, а у непріятелей были такія ружья, что и не видно еще ихъ, а ужъ наши отъ ихъ выстрѣловъ валятся.

Повели Бутырскій полкъ въ атаку. Валится народъ.

Полковникъ кричитъ:

— Братцы, добѣжимъ скорѣй, да въ рукопашную!

Добѣжали... Взяли первую линію... на вторую пошли... Но такой огонь открылъ непріятель, точно весь адъ на встрѣчу полетѣлъ.

Батальонный повернулся-было, поднялъ руку,—сказать, вѣроятно, что-то хотѣлъ,—и свалился, какъ подкошенный... Ротный свалился... Полковника ужъ пронесли на носилкахъ. Кричитъ товарищу, полковнику другого полка:

— Прими полкъ мой...

Два оберъ-офицера изъ всего состава офицеровъ полка осталось.

А оттуда еще сильнѣе огонь: духу не переведешь, какъ градомъ сыпятъ пули и картечь: солдаты кучами валятся и нѣтъ ходу впередъ.

Слышатъ играетъ горнистъ отступленіе, и бросились всѣ, кто какъ зналъ, назадъ.

Изъ всего полка тысяча триста только человѣкъ возвратилось.

Не возвратился фельдфебель.

Выстроили полкъ, смотритъ рота: нѣтъ фельдфебеля Степана Петровича.

Не радъ и жизни Немальцевъ: что съ нимъ? Убитъ, раненъ, въ плѣнъ попалъ?

Ночь пришла. Стали вызывать охотниковъ—раненыхъ собирать. Вызвался и Немальцевъ, думаетъ: „не дастъ-ли Господь разыскать фельдфебеля?"

Ползутъ... ночь темная...

— Братцы, вы?

Бросились: фельдфебель!

Лежитъ, бокъ распоротый... Въ памяти еще...

Разсказалъ, какъ французы къ нему подходили: „что, руссъ, раненъ?" — Раненъ. — „Не хорошо". Виноградной водки ему оставили, сухарей.

Слушаютъ охотники фельдфебеля, а время идетъ...

Говоритъ Степану Петровичу офицеръ:

— Что жъ теперь дѣлать? Не жилецъ вѣдь ты, голубчикъ... Взять тебя—другого, который жилъ бы еще, не унесемъ.

Слушаютъ солдаты, потупились. Слушаетъ Степанъ Петровичъ, вздохнулъ, на минуту закрылъ глаза и говоритъ:

— Идите съ Богомъ... вѣрно, не жилецъ я больше, ваше благородіе... идите, другихъ спасайте, а мнѣ ужъ недолго...

Попрощались съ нимъ солдаты и поползли отъ него.

Прощается Лукьянъ Васильевичъ.

— Сонъ-то вотъ онъ, что значитъ, Лукьянъ Васильевичъ...

— Ахъ, голубчикъ, Степанъ Петровичъ, какъ же оставить тебя? Не могу я...

— Иди, иди...—строго говоритъ фельдфебель,—что ты?

И глядитъ Степанъ Петровичъ вслѣдъ товарищамъ: неслыхать ужъ ихъ... Только темная ночь, послѣдняя страшная ночь его на землѣ, смотритъ на него отовсюду.

Кончилась севастопольская кампанія. Еще семь лѣтъ послужилъ Немальцевъ и по красному билету чрезъ 15 лѣтъ домой собрался.

Передъ самымъ уже уходомъ ѣдетъ какъ-то разъ съ ротнымъ Немальцевъ, и говоритъ ему ротный.

— Немальцевъ, женись на моей горничной... Ты молодецъ, она, видишь самъ—какая.

Повернулся къ нему съ козелъ Немальцевъ и говоритъ:

— Я вѣдь, ваше высокоблагородіе, женатъ.

— Что ты врешь?

— Такъ точно.

— Да вѣдь въ спискахъ ты холостъ?

— Не могу знать, а только, что я женатъ: Ириной и прозывается жена моя. И разсказалъ ему все Немальцевъ.

Говоритъ ротный ему:

— Да ты что жъ? только часъ и видѣлъ свою жену?

— Такъ точно.

— Такъ вѣдь старуха она теперь...

— Какую Господь далъ.

IV.

Привелъ, наконецъ, Господь „удостовѣрить“ свою Ирину.

Честно прожила, честно встрѣтила послѣ пятнадцатилѣтней разлуки своего мужа Ирина.

*

Только годъ съ небольшимъ и отдохнулъ отъ трудовъ и походовъ Немальцевъ. А тамъ опять угнали его на польскую войну. Родила ему двухъ сыновей Ирина.

Тяжело было подыматься въ новый походъ.

Тяжело ли, легко—знаетъ Богъ да Немальцевъ—николаевскій солдатъ.

Пошелъ и еще пять лѣтъ тянулъ лямку: спасибо, Севастопольская кампанія помогла,—мѣсяцъ за годъ пошелъ,—пять лѣтъ меньше.

По второму призыву только по вольной волѣ на театръ военныхъ дѣйствій шли.

На войну не пожелалъ идти Немальцевъ, и назначили его въ резервный батальонъ въ Псковѣ обучать новобранцевъ.

Сталъ и Немальцевъ старшимъ. Дѣло онъ свое хорошо зналъ, былъ исправенъ по службѣ, новобранцевъ не обижалъ, объяснялъ толково и такъ и думалъ, что, Богъ дастъ, шутя его служба пройдетъ.

Однако, не вышло такъ.

Сталъ каптенармусъ не додавать новобранцамъ муки. Сказали Немальцеву о томъ новобранцы. Онъ къ каптенармусу. Тотъ туда, сюда:

— Курковъ, дескать, поломали они на пятнадцать рублей, ну и приказано изъ довольства удерживать.

— Первое, говоритъ Немальцевъ, 300 человѣкъ по фунту въ день, такъ тутъ что жъ такое пятнадцать рублей за курки? Два дня и квитъ. Второе — и курки-то старые вѣдь резервисты поломали.

Молчитъ каптенармусъ, а Немальцевъ и говоритъ ему:

— Какъ хотите, а грѣхъ все-таки на вашей душѣ съ ротнымъ будетъ.

Каптенармусъ ротному разсказалъ и сталъ тотъ на Немальцева коситься.

А тутъ и со старыми резервистами вышла исторія. Пристали они къ артельщикамъ, почему пища плоха? Артельщики туда, сюда: надо оправдаться,—и сказали, что ротному отпускается масло, крупа, мясо. Вышелъ бунтъ. „Какъ такъ? ротному не полагается довольствоваться изъ котла,—ему пищевые особо отпускаютъ,—не давать“. Дежурный какъ разъ Немальцевъ.

Приходитъ деньщикъ отъ ротнаго: несетъ бутылку для масла, мѣшечки для крупы, мяса. Немальцевъ объясняетъ ему: такъ и такъ, рота не желаетъ больше отпускать.

Такъ ни съ чѣмъ и ушелъ деньщикъ. Ротный только спросилъ его: „кто дежурный". Вечеромъ приходитъ Немальцевъ съ рапортомъ: столько-то здоровыхъ, столько-то больныхъ, столько на довольствіи было.

Только вошелъ и началъ было, а ротный: „пошелъ вонъ!" Повернулъ направо кругомъ Немальцевъ и маршъ за дверь!

Еще больше сталъ коситься ротный на него. Еще больше старается по службѣ Немальцевъ. По службѣ привязаться нельзя, другимъ донялъ.

Потребовали въ Варшаву 700 новобранцевъ, а съ ними четырехъ старыхъ унтеръ-офицеровъ.

— Немальцевъ! Къ майору.

Пошелъ Немальцевъ. Встрѣчаетъ своего ротнаго: такъ и такъ, требовали? Покраснѣлъ ротный, отвернулся: „иди,— говоритъ, къ новому майору". Приходитъ Немальцевъ къ майору, который принимать отрядъ назначенъ.

— Ну, что жъ, Немальцевъ,—говоритъ ему майоръ,— ротный тебя назначилъ въ Варшаву.

— Воля ваша,—говоритъ Немальцевъ.

— Да, какже тутъ быть? вѣдь ты призывной, — тебя противъ воли нельзя посылать?

— Не могу знать.

— Сердитъ, что ли, на тебя ротный?

— Не могу знать.

— Если сердитъ, дойметъ вѣдь онъ тебя, если не пойдешь.

— Такъ точно.

— Пойдешь ужъ развѣ?

— Что жъ,—говоритъ Немальцевъ—за Царемъ служба, а за Богомъ правда не пропадетъ: пойду.

— Такъ вотъ что, Немальцевъ, ты уже распишись, что по доброй волѣ идешь.

Расписался.

Такъ нежданно-негаданно попалъ опять на войну Немальцевъ.

Принялъ новый майоръ солдатъ, выстроилъ ихъ во фронтъ и спрашиваетъ ротнаго:

— Хочу я къ роднымъ заѣхать, — кому команду довѣрить?

Ротный изъ-подлобья смотритъ и говоритъ:

— Сдайте Немальцеву.

— Можно на него положиться?

— Можно вполнѣ.

Повелъ въ Варшаву команду Немальцевъ. На ночевку разбросается отрядъ: гдѣ за семь верстъ, гдѣ за пять, всѣхъ въ одно мѣсто не уложишь вѣдь. А тутъ унтеръ докладываетъ ему: такъ и такъ, солдатики вещи продаютъ казенныя.

Какъ разъ и майоръ ужъ пріѣхалъ тогда отъ родныхъ. Докладываетъ ему Немальцевъ:

— Не иначе, говоритъ, что надо у нихъ все лишнее отобрать, да въ тюки и на подводы, а въ Варшавѣ раздать.

— У меня, говоритъ, денегъ не припасено для этого.

Такъ и осталось это дѣло.

Пришли въ Варшаву. Майоръ сѣлъ на извозчика и въ городъ. Крикнулъ только:

— Я артиллерійскихъ сдавать ѣду.

Тутъ подъѣзжаетъ адъютантъ.

— Гдѣ вашъ майоръ?

— Уѣхалъ артиллерійскихъ, — говоритъ Немальцевъ, — сдавать.

— Сегодня подъ вечеръ, — говоритъ адъютантъ, — приходи за приказаніемъ ко мнѣ.

— Ваше высокоблагородіе, а вы гдѣ изволите проживать?

— Найдешь! Языкъ до кабака доводитъ.

Сѣлъ на извозчика и укатилъ.

Туда, сюда бросился Немальцевъ. Посовѣтовали ему въ штабъ бѣжать. Кое-какъ разыскалъ штабъ. Попросилъ тамъ писарька одного:

— Какой, дескать, адъютантъ назначенъ насъ принимать?

Говоритъ писарь:

— Стоитъ онъ во дворцѣ Замойскаго.

— А гдѣ это?

— Ну, ужъ это на улицахъ ищи.

Вышелъ Немальцевъ на улицу: темнѣетъ, а онъ безъ тесака, какъ разъ ночной обходъ схватитъ. Спросилъ куда и ай-да бѣжать. Разыскалъ адъютанта, говоритъ тотъ ему:

— Завтра въ 9 часовъ утра генералъ будетъ смотрѣть отрядъ. Увѣдомь своего майора.

Поворотился Немальцевъ, направо кругомъ, вышелъ на улицу и думаетъ: „гдѣ я своего майора искать теперь буду?“

Побѣжалъ по гостиницамъ. А ночь, военный обходъ, что ни шагъ: „стой!“ Объяснитъ Немальцевъ имъ и дальше.

Разыскалъ. Уже утро. Опять бѣда: нѣтъ дома.

Сѣлъ и ждетъ Немальцевъ.

Солнце ужъ взошло, когда пріѣхалъ майоръ.

— Что тебѣ?

— Въ 9 часовъ смотръ назначенъ.

— Хорошо,—ступай...

Отправился къ отряду Немальцевъ. Только поспѣлъ построить людей, уже девять часовъ; катитъ генералъ съ тѣмъ самымъ адъютантомъ. А майора нѣтъ. Подъѣхалъ, поздоровался.

Выступилъ Немальцевъ, отрапортовалъ.

— Гдѣ твой майоръ?

— Артиллерійскихъ сдаетъ.

А адъютантъ говоритъ:

— Со вчерашняго дня все сдаетъ.

Помолчалъ генералъ и пошелъ по фронту. Плохо: у кого только торба пустая вмѣсто вещей... Другіе и шинели, и мундиры вымѣняли. Одинъ перевязалъ сапогъ мочалой, чтобъ подошва не отвалилась,—только на паперть его.

— Это что жъ такое?

— Такъ и такъ,—докладываетъ Немальцевъ.

— А ты чего смотрѣлъ?

Ушла душа Немальцева въ пятки: молчитъ. Адъютантъ говоритъ:

— Обоихъ ихъ съ майоромъ подъ судъ надо отдать.

Екнуло сердце у Немальцева: прощай нашивки, прощай отставка... А тамъ Ирина съ двумя дѣтьми колотится.

Смотритъ генералъ на Немальцева внимательно, строго.

— Ну, говоритъ, а еслибъ ты велъ отрядъ, ты что бы сдѣлалъ, чтобы воспретить имъ продажу казенныхъ вещей?

Что бы онъ сдѣлалъ? Онъ отобралъ бы вещи, да въ тюки ихъ, а въ Варшавѣ получай. Такъ и доложилъ Немальцевъ.

— А они бы тебя, говоритъ, не послушались.

— Никакъ нельзя,—говоритъ Немальцевъ,—потому что съ этапныхъ пунктовъ я бы потребовалъ сейчасъ помощь, и потому должны повиноваться.

Посмотрѣлъ на него генералъ и ничего не сказалъ. Потомъ подходитъ къ солдатику, у котораго сапогъ мочалкой перевязанъ, и говоритъ ему:

— Ну, а ты, голубчикъ, на что надѣялся, продавая казенныя вещи?

— На смерть надѣюсь, ваше превосходительство, — говоритъ солдатъ,—такъ, что порѣшилъ я за Царя и отечество голову свою сложить, и потому въ одѣяніи больше не нуждаюсь.

Усмѣхнулся генералъ и говоритъ:

— Сколько тутъ такихъ въ отрядѣ?

Говоритъ Немальцевъ:

— Семьдесятъ три.

— Ну, такъ вотъ что... Этихъ, такъ какъ они порѣшили головы свои посkладывать, въ передовой отрядъ, въ Ломжу, а ты тоже съ ними. Не умѣлъ досмотрѣть за вещами, можетъ, досмотришь, чтобъ слово свое исполнили. А вины вашей я все-таки не снимаю: тамъ ужъ какъ полковникъ, который васъ будетъ принимать въ томъ отрядѣ, хочетъ —есть запасныя вещи—выведетъ въ расходъ, а нѣтъ: его дѣло.

Попалъ, наконецъ, и на войну Немальцевъ.

Только ужъ это не Севастопольская была. За все время такъ и не видѣлъ Немальцевъ непріятельскихъ войскъ.

Кочевали изъ деревни въ деревню, дѣлали облавы въ лѣсахъ, въ деревняхъ, въ клетяхъ.

Разъ спитъ Немальцевъ въ избѣ съ восемью солдатами, девятый, часовой, за дверями. Подкрались повстанцы и прирѣзали часоваго.

Окна выбили и палятъ въ избу, гдѣ солдаты. Поджались солдаты ближе къ окну, держатъ ружья наготовѣ: и имъ встать нельзя, и тѣ въ нихъ попасть не могутъ. Смотрятъ: лѣзетъ въ окно коса, другая: норовятъ косами поймать кого-

нибудь. А тѣмъ временемъ подоспѣли другіе солдаты, изъ другихъ избъ, всѣхъ повстанцевъ переловили.

Кончилась война. Доживаетъ службу Немальцевъ. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ сильнѣй тоска по дому.

Вышелъ приказъ восьмнадцатилѣтнихъ сроковъ отпускать домой.

А Немальцевъ двадцати-пяти-лѣтній уже доживаетъ. Обидно стало ему.

Пошелъ онъ къ ротному, проситъ отпустить его.

— Поговорю я съ полковникомъ, только врядъ ли!

— А сколько ему осталось?—спрашиваетъ полковникъ.

— Шесть мѣсяцевъ.

— О чемъ тамъ толковать!

Пришелъ, наконецъ, и Немальцева службѣ конецъ. Вызвали всѣхъ ихъ, отслужившихъ, въ полковую канцелярію.

Вонъ онѣ, лежатъ у писаря тѣ бѣлыя бумажечки, на которыхъ отставка ихъ прописана. Вызываетъ писарь по очереди и раздаетъ ихъ.

А Немальцева отставку припряталъ для шутки.

Кончили. Стоитъ Немальцевъ ни живъ, ни мертвъ.

— Тебѣ что?—спрашиваетъ писарь.

— Какъ что? Отставку.

— Нѣтъ твоей отставки...

Все выдержалъ громадный до потолка Немальцевъ, а какъ увидѣлъ, что нѣтъ его отставки, зашатался.

— Есть, есть... Я пошутилъ...

Пули не свалили, а шуткой чуть не убили человѣка.

Смѣются писаря.

Отошелъ Немальцевъ, взялъ отставку,—Богъ съ вами,— и пошелъ на далекую родину.

V.

Думалъ опять, было, удостовѣрить свою Ирину, да не то судилъ ему Богъ: умерла Ирина... ждала, все ждала мужа, двухъ мѣсяцевъ только и не дожила до прихода.

Годъ прошелъ: сгорѣлъ ветхій домикъ Немальцева.

Выросли дѣти. Одного въ солдаты угнали, другой въ холеру умеръ. Ничего не осталось у старика. Только вотъ служба дозорная осталась, да кудластый песикъ, что человѣческими глазами глядитъ, да слушаетъ, точно понимаетъ...

Скоро разсвѣтъ. Устало бредетъ старикъ. Снова бьетъ онъ въ чугунную доску, и дрожатъ протяжные звуки, и уносятся въ темную даль.

Н. Гаринъ.

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

У всякой эпохи культурной европейской исторіи есть свой весьма опредѣленный девизъ, выражающій излюбленныя стремленія современной мысли и настроенія, по крайней мѣрѣ, большинства современнаго общества.

Такимъ девизомъ для среднихъ вѣковъ была католическая *религія* и ея дѣтище—папское *богословіе*, въ прошломъ вѣкѣ—просвѣщенная *критика* старины и преданій и ея оружіе—*философія*, въ наше время на каждомъ шагу и при всякомъ случаѣ повторяются слова—*положительная наука*.

Это значитъ: знаніе, безусловно свободное отъ всякихъ идей и чувствъ, не имѣющихъ строжайшей основы въ наблюдаемой и очевидной дѣйствительности.

Предъ такимъ правиломъ одинаково теряютъ кредитъ и папская воля, и вольтеровская философія, потому что и римскія буллы, и книги энциклопедистовъ руководятся извѣстными *общими идеями*, правда, совершенно различнаго порядка, но одинаково неподлежащими научному опыту. И въ глазахъ настоящаго положительнаго ученаго философъ XVIII вѣка такой же метафизикъ, какъ и Альбертъ Великій. Путемъ естествознанія одинаково нельзя доказать ни папской непогрѣшимости, ни принципа гуманности.

Положенія, столь опредѣленныя и общепризнанныя, повидимому, разъ навсегда должны бы покончить съ разнаго рода «бездоказательными увлеченіями» и «стихійными заблужденіями», а главное должны бы устранить малѣйшее вмѣшательство воображенія, вѣры, «ортодоксальной тенденціи»—во всѣ науки и въ томъ числѣ въ исторію.

Повидимому, такъ дѣло и идетъ. Многія привлекательнѣйшія историческія преданія безжалостно развѣнчиваются, лишаются всякаго поэтическаго благоуханія и романтической таинственности и въ литературѣ, и въ политикѣ.

Старецъ Гомеръ превращается въ нарицательное слово, Вильгельмъ Телль—въ миѳъ, Жанна Даркъ—въ патологическое явле-

ніе. И на мѣсто вдохновеннаго слѣпца, великаго патріота и «божественной» дѣвы выступаетъ другой, всюду одинъ и тотъ же герой—смутный, безъимянный, хотя и могучій—*народъ*, *нація*.

Исторія рѣшительно не хочетъ быть аристократкой, и это, можно думать, вполнѣ соотвѣтствуетъ вкусамъ времени. Исторія также намѣрена навсегда порвать всѣ старыя связи съ поэзіей, сказкой, легендой, стать вполнѣ новой положительной наукой.

Но... Всегда появляется это *но* и въ человѣческихъ дѣлахъ, и еще чаще въ человѣческихъ идеалахъ. Даже хуже. Чѣмъ идеалъ выше и стремительнѣе, тѣмъ больше появляется этихъ досадныхъ *но*, будто напоминая человѣчеству о стародавней «зависти боговъ».

Такъ и въ наше время. Съ одной стороны—жестокая, неумолимая критика, холодная, проницательная наука, съ другой—длиннѣйшій рядъ *но*. Чего только здѣсь нѣтъ — и буддизмъ, и декадентство, и мистицизмъ, и чуть не пророческое ясновидѣніе и бѣснованіе.

Скажутъ, все это не касается науки: это область, совершенно ей чуждая, область инстинкта, воображенія, вообще безсознательнаго...

Но, во-первыхъ, почему же эта область именно въ наше время до такой степени громко заявляетъ о себѣ, будто издѣваясь надъ разумомъ и знаніемъ? А потомъ, злополучное *но* успѣло пробраться уже прямо во владѣнія науки и съ каждымъ днемъ производитъ здѣсь настоящія опустошенія.

Трудно и вообразить, сколько усилій потратилъ нашъ вѣкъ, чтобы исторіи придать силу и характеръ науки. И имена тружениковъ все самыя блестящія, начиная съ Огюста Конта и Бокля и кончая Ранке и Тэномъ. Все было, кажется, рѣшено и установлено: *безпристрастіе*, а если возможно, то и безстрастіе, *документальность*, доходящая до фанатизма, до поисковъ за мельчайшей запиской дипломата и домашнимъ счетомъ мелочнаго торговца, *положительность*, превращающая историческую личность въ простую зоологическую особь, и историческое событіе пріурочивающая къ полицейскому отношенію.

Все это отнюдь не преувеличенія, все это—и въ особенности данныя зоологіи и полиціи—лежатъ въ основѣ историческихъ трудовъ положительнѣйшихъ историковъ, въ родѣ Тэна.

И вотъ, въ нѣдрахъ такой исторіи и подъ перомъ самыхъ современныхъ историковъ возникаетъ нѣчто менѣе всего положительное, возникаетъ прямо *легенда*. Такъ именуется странное дѣтище на языкѣ самихъ родителей.

Предметъ легенды—*личность* и направленіе легенды—самое *аристократическое* и *антинаціональное*. По поводу Вильгельма Телля и Жанны Даркъ исторія легко согласилась усвоить демократическія идеи вѣка, и почти уничтожила личный героизмъ рядомъ съ «условіями эпохи и среды», какъ любятъ выражаться положительные историки. Но когда вопросъ коснулся отнюдь не патріота, не народнаго вождя и не освободителя націй, а великаго завоевателя, точнѣе, въ результатѣ просто великаго воителя,—гордая и свободолюбивая демократка исторія покорно склонила свою ученую голову и провозгласила его «единственнымъ въ мірѣ геніемъ», «сверхчеловѣческимъ умомъ», «превосходящимъ всѣ извѣстные и даже вѣроятные размѣры»: у него «необъятный мозгъ», «наводящая ужасъ воля»...—эпитеты, несравненно болѣе рѣшительные и лирическіе, чѣмъ даже въ стихотвореніяхъ Лермонтова, Байрона, Гейне. И мы беремъ эту характеристику у писателя, *не считающаго* себя лично, непризнаннаго и другими, за поклонника героя. Онъ—историкъ, все время чувствуетъ подъ собой *положительную науку*, и пишетъ настоящую поэму, даже съ обращеніемъ къ сверхестественнымъ силамъ *). Можно представить, что же дѣлается съ откровенными обожателями, невольными или вольными «творцами» исторіи!..

Не проходитъ мѣсяца, раздается ихъ вдохновенный голосъ, и черта за чертой слагается *золотая легенда*—*la légende dorée*, по выраженію одного изъ сказателей. Можно потеряться въ волнахъ этой восторженной мелодіи, какъ бы однообразна ни была ея тема и фальшивъ ея тонъ.

Мы и не станемъ погружаться въ это море. Въ заключеніе нашего разсказа мы возьмемъ типичнѣйшихъ и наболѣе вліятельныхъ представителей новѣйшей ученой поэзіи, и ихъ будетъ намъ вполнѣ достаточно, чтобы опредѣлить смыслъ легенды и психологію ея слагателей.

А теперь обратимся къ самому герою и къ источникамъ, ему современнымъ. Ихъ множество: маршалы, министры, дипломаты, фрейлины, писатели, даже простые смертные — всѣ брались за перо съ цѣлью передать потомству свои впечатлѣнія и свой судъ о человѣкѣ, наполнявшемъ своей славой весь культурный и даже некультурный міръ. Руководителями мы возьмемъ прежде всего *самого героя*, его литературныя произведенія и письма и непремѣнно изъ того періода, когда власть и политика на міровой

---

*) Taine *Les. orog. de la Fr. Contemp. Le regime moderne.* I, pp. 5, 41, 42, 44, 49, 61 etc.

сценѣ еще не успѣли разрушить гармоніи между мыслью и словомъ, фактомъ и исторіей. Потомъ, призовемъ въ свидѣтели преимущественно людей, *безусловно расположенныхъ въ пользу героя*, его братьевъ, его спутниковъ и поклонниковъ даже въ паденіи и въ изгнаніи. Дальше *товарищей* раннихъ лѣтъ героя и позже *сотрудниковъ* въ эпоху власти. Изъ остальныхъ очевидцевъ мы предпочтемъ тѣхъ, кто, *по несомнѣнному культурному и нравственному развитію, по доказанной высотѣ пониманія историческихъ событій и непосредственному источнику свѣдѣній*—можетъ быть допущенъ въ качествѣ свидѣтеля и даже судьи. Наконецъ, верховнымъ судьей у насъ будутъ *ясные, въ полномъ смыслѣ историческіе факты*, въ ихъ чистѣйшемъ видѣ.

Можетъ быть, и при такихъ условіяхъ мы не достигнемъ истины. Но мы глубоко убѣждены, что возможный идеалъ исторіи заключается не столько въ *положительной истинѣ*, сколько въ *искреннемъ стремленіи къ ней.*

I.

Наполеоне Буонапарте.

Двадцатаго іюня 1792 года, въ Парижѣ, въ королевской резиденціи—Тюльери—происходила слѣдующая сцена. Громадная толпа народа окружала дворецъ, загромождала лѣстницы и входы во внутренніе покои, бѣшено шумѣла и грозила оружіемъ. У открытаго окна въ креслѣ, поставленномъ на столъ, сидѣлъ Людовикъ XVI и на вопли черни отвѣчалъ отрицательно одной и той же, едва внятной, но твердой фразой. Уже не впервые смиреннѣйшій государь и добродушнѣйшій человѣкъ являлся искупительной жертвой революціонной бури, и на этотъ разъ вся правда — нравственная и юридическая—была на его сторонѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ король присягнулъ конституціи, и теперь рѣшился воспользоваться правомъ, которое было предоставлено ему закономъ, — не утвердилъ нѣкоторыхъ рѣшеній представительнаго собранія. Въ парижскихъ предмѣстьяхъ, только что вкусившихъ головокружительнаго напитка вольностей, не хотѣли знать ни о правахъ монарха, ни объ обязанностяхъ народа,— и деспотически требовали отмѣны королевской воли....

Долго и напрасно бушевала толпа.... Вдругъ кто-то поднялъ на пику якобинскую шапку и протянулъ ее къ королю. Тотъ взялъ и надѣлъ ее на голову. Другой рабочій, видя изнеможеніе короля отъ духоты и волненій, — подалъ ему бутылку вина, — и король

не отказался — освѣжиться демократическимъ напиткомъ. — Рукоплесканія и крики торжества загремѣли въ отвѣтъ на это несказанное зрѣлище.

Оно было жесточайшей трагедіей для несчастнаго монарха, и, несомнѣнно, среди самой ликующей толпы въ эту минуту не одно сердце сжалось чувствомъ невольнаго состраданія. Но между зрителями оказался человѣкъ, не испытывавшій ни торжества, ни жалости. Увидѣвъ Бурбона въ уборѣ санкюлота, онъ воскликнулъ съ явнымъ презрѣніемъ:

— Che coglione!

Это значило: какой глупецъ Людовикъ XVI, разговаривающій съ своими подданными! И человѣкъ, издавшій восклицаніе, не замедлилъ здѣсь же объяснить своему товарищу, какъ бы онъ заговорилъ въ подобномъ случаѣ.

Грозная рѣчь менѣе всего соотвѣтствовала внѣшности зрителя. Прежде всего, очевидно, это былъ не французъ: восклицаніе указывало на итальянское происхожденіе, видъ, съ какимъ онъ слѣдилъ за потрясающей сценой, свидѣтельствовалъ о презрительномъ равнодушіи къ смыслу и результату событія. Небольшой ростъ, крайне тщедушное тѣло, болѣзненно-блѣдное, будто изможденное голодомъ лицо, рѣзкія, неловкія, подчасъ смѣшныя движенія—ничего парижскаго, мало даже культурно - европейскаго, и въ тоже время—форма французскаго артиллерійскаго поручика...

Въ толпѣ никто не заинтересовался страннымъ незнакомцемъ, хотя восклицаніе было произнесено довольно громко. Но если бы кто-нибудь обратился къ офицеру даже съ самыми простыми вопросами—на счетъ его имени, службы, пребыванія въ Парижѣ, получилъ бы немало странныхъ отвѣтовъ, — и ни одного опредѣленнаго.

По документамъ значилось: *Nabulion, Nabulione*, *Napoleoné Napolioné*, фамилія — также документально — *Buonaparté*, *Bonaparté*,—и нигдѣ—*Napoléon Bonaparte*. Тщедушный поручикъ носилъ множество именъ, но ни одно изъ нихъ пока еще не было именемъ будущаго «императора французовъ». Мало этого. Ни одного изъ названныхъ именъ не знали ни католическій календарь, ни католическія житія святыхъ, и у поручика, такимъ образомъ, совершенно не имѣлось «дня ангела». Этотъ день, какъ и одно опредѣленное имя, также будетъ созданъ только въ лучшемъ будущемъ, когда самъ папа вмѣшается въ дѣло и откроетъ новаго святого. Тогда окончательно станетъ извѣстно свѣту и время появленія на свѣтъ великаго человѣка. А пока — это вопросъ совершенно темный, но не лишенный интереса, хотя бы для товарищей поручика.

Они знаютъ, — *Napoleoné* привезенъ во Францію съ острова Корсики своимъ отцомъ, Карло Буонапарте. Отецъ утверждалъ, будто мальчикъ родился 15-го августа 1769 года и, слѣдовательно, имѣлъ право поступить въ Бріеннскую школу на казенный счетъ— весной 1779, когда еще ему не было *десяти* лѣтъ. Таковы были условія поступленія. Но потомъ въ военномъ министерствѣ оказался актъ, по которому тотъ же ребенокъ родился *7 января 1768 года*, еще позже, генералъ Бонапартъ, вступая въ бракъ съ Жозефиной Богарнэ, назвалъ днемъ своего рожденія *5-е февраля 1768 года* и, наконецъ, Наполеонъ I—предложилъ папѣ освятить *15 августа 1769 года.*

Откуда же такая путаница!

Объясняется она просто и для Наполеона Бонапарта въ высшей степени знаменательно. У Карло, корсиканскаго небогатаго дворянина, старшій сынъ — *Іосифъ* — родился въ 1768 году, вторымъ былъ Наполеоне. *Іосифъ* росъ мальчикомъ, въ высшей степени кроткимъ и семья предназначала его въ духовное званіе. *Nabulion*, напротивъ, являлъ всѣ добродѣтели корсиканской натуры, не имѣлъ ничего общаго съ добродушнымъ, легкомысленнымъ эпикурейцемъ отцомъ и усвоилъ всѣ черты матери — необыкновенно энергичной хозяйки, мужественной патріотки и до безумія бережливой скопидомки. Только изумительная красота Летиціи Буонапарте не перешла къ сыну; во всемъ остальномъ они всю жизнь являлись совершенными корсиканцами.

На островѣ борьба партій — кровная потребность, безконечный эгоистическій и крайне жестокій спортъ. Корсиканецъ не знаетъ никакихъ принциповъ, никакихъ гражданскихъ и политическихъ порядковъ, никакихъ общихъ нравственныхъ обязательствъ. Интересы личности, семьи, рода, безпощадная вендетта до седьмого поколѣнія, ненависть къ порядку и суду во имя мести, — таковы основы корсиканскаго быта. Нѣкоторыми изъ этихъ основъ—напримѣръ, вендеттой и междоусобицами — восхищался Наполеонъ даже на островѣ св. Елены [1]), и всего восемь лѣтъ назадъ французскій путешественникъ изображалъ Корсику во всей ея первобытной красотѣ [2]). Оказывалось, французы съ начала нынѣшняго вѣка истратили на управленіе островомъ чистыхъ *французскихъ* денегъ около милліарда и въ результатѣ— «полуварварская страна, по которой бродятъ шестьсотъ бандитовъ».

Что же было во время дѣтства и молодости Наполеона?

---

[1]) *Mémorial de Sainte-Helène par le C-te de Las Cases.* Paris 1842, I, 600

[2]) *Bourbe. En Corse.* Paris 1887, chap. XIII.

Madame

Его мать съ наслажденіемъ принимала участіе въ бандитскихъ экспедиціяхъ, даже въ интересномъ положеніи отлично скакала на лошади, въ теченіи двадцатилѣтняго замужества родила тринадцать человѣкъ дѣтей, дожила до восьмидесяти семи лѣтъ, видѣвъ своихъ сыновей—оборванными сорванцами, отчаянными «борцами за существованіе», монархами и, наконецъ, изгнанниками и узниками.

Она первая должна была разсказать юному Набуліону разныя исторіи изъ корсиканскихъ нравовъ, въ особенности громкія романическія трагедіи, заронить искру того островитянскаго патріотизма, который на склонѣ лѣтъ заставлялъ развѣнчаннаго императора восторженно вспоминать «родную землю», даже «запахъ ея почвы». Этотъ запахъ, увѣрялъ Наполеонъ, онъ могъ распознать съ закрытыми глазами....

Второй сынъ Карло былъ, несомнѣнно, будущій воинъ. Онъ самъ впослѣдстьіи любилъ разсказывать о своихъ дѣтскихъ задаткахъ будущаго завоевателя.

«Я былъ задира и шалунъ; я никого не боялся, билъ одного, царапалъ другого, являлся ужасомъ для всѣхъ. Особенно доставалось брату Іосифу. Я его побью, искусаю, изругаю и успѣю нажаловаться на него же раньше, чѣмъ онъ опомнится...»

Карьера, слѣдовательно, намѣчалась сама собой, и отецъ поспѣшилъ воспользоваться только-что совершившимся присоединеніемъ Корсики къ Франціи, заявилъ себя горячимъ французскимъ патріотомъ съ самыми вѣрными разсчетами на казенное воспитаніе дѣтей, перемѣнилъ документы о рожденіи, заручился покровительствомъ губернатора острова, большого друга г-жи Буонапарте, и привезъ обоихъ сыновей во Францію [3]).

Будущій повелитель Франціи едва зналъ нѣсколько французскихъ словъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ научился кое-какому разговору, но до самаго консульства, т. е. почти до тридцатипятилѣтняго возраста смѣшивалъ такія слова, какъ, напримѣръ, *session* и *section*, *armistice* и *amnistie*, point *culminant* и point *fulminant*. Что касается матери, впослѣдствіи *Madame Mère*, эта до самой смерти говорила на самомъ странномъ діалектѣ,—начала словъ французскія, окончанія итальянскія, или *jou* вмѣсто *je*, *hourouse* вмѣсто *heureuse*. *Madame* необыкновенно горячо заботилась о титулахъ, и сына упорно называла *Emperour*...

Но для г-жи Буонапарте эти недостатки не стоили никакихъ лишеній. Совершенно иначе съ ея сыномъ. Уже въ начальной

---

[3]) M-me Rémusat. *Mémoires*. Излож. *В. Евр.* 1880, іюнь, 152.

школѣ онъ долженъ безпрестанно отражать нападки товарищей, совершенно не признававшихъ корсиканскихъ доблестей и безпощадно издѣвавшихся надъ маленькимъ дикаремъ. Въ Бріеннѣ дѣло пошло несравненно хуже. Наполеоне оказался здѣсь совершенно одинокимъ. Его сразу встрѣтили прозвищемъ *paille au nez*. Это было издѣвательствомъ надъ его именемъ. Еще больнѣе оскорбляли насмѣшки надъ его бѣдностью, неуклюжестью, корсиканской дикостью... Десятилѣтній ребенокъ попадаетъ въ положеніе затравленнаго волченка.

У него нѣтъ друзей. Онъ почти всегда одинъ, у него во дворѣ школы намѣченъ излюбленный уголокъ, онъ сидитъ здѣсь молчаливый и угрюмый по цѣлымъ часамъ, будто въ оборонительномъ положеніи. Горе тому, кто посягнетъ на его владѣніе: онъ тогда начинаетъ отбиваться съ яростью накипѣвшей злобы. «Меня совсѣмъ не любили въ школѣ»,—прибавлялъ Наполеонъ, разсказывая всѣ эти подробности [4]).

Но еще менѣе любилъ товарищей самъ разсказчикъ. Одному изъ нихъ Бурріенну, впослѣдствіи спутнику его славы, онъ высказывалъ откровенно свою ненависть къ *французамъ*, грозилъ надѣлать имъ впослѣдствіи всякаго зла [5]). Всѣ его любовныя мечты сосредоточены на родномъ островѣ, на его героѣ Паоли, на родной семьѣ. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ станетъ сочинять планы отнять Корсику у Франціи; несомнѣнно, эти планы волнуютъ душу школьника въ его одинокомъ углу. Во время революціи онъ напишетъ къ Паоли письмо, исполненное пламеннымъ негодованіемъ на порабощеніе Корсики. Именно революція и разгорячитъ мечты Буонапарте о свободѣ родины [6]). Именно по этой причинѣ онъ будетъ вѣчно стремиться въ Аяччо въ моменты самыхъ страшныхъ опасностей для Франціи со стороны внѣшнихъ враговъ. Даже на тронѣ у него не разъ сорвется презрительное слово о націи, на своей крови воздвигшей его величіе. «*Vous autres Français*»—будетъ невольнымъ восклицаніемъ *иностранца*.

И за что бы могъ молодой корсиканецъ полюбить людей, ежеминутно наносившихъ жесточайшія обиды его самолюбію? Отецъ его представилъ документъ, свидѣтельствовавшій дворянское происхожденіе Буонапарте, но чего стоило это корсиканское дворянство предъ гербами маленькихъ французскихъ шевалье? М-me Летиція была отличная хозяйка, умѣла копить франки даже въ по-

---

[4]) M-me Rémusat, *В. Е.* іюнь, 651.

[5]) Bourrienne. *Mémoires*. I, 33.

[6]) Письмо къ Paoli. Chateaubriand. Mémoires d'outre-tombe. Bruxelles 1849, III, 106. Jung, *Bonaparte et son temps*. I, 195.

ложеніи *Madame Mère*, но что̀ значили ея сбереженія предъ феодальными богатствами будущихъ сеньёровъ Кастри, Комминжей? Маленькій Наполеоне очень умный и отважный мальчикъ, но развѣ эти качества, въ глазахъ графовъ и маркизовъ, не были просто дерзостью и даже преступленіемъ черни?

Философская литература XVIII-го вѣка очень любила изображать эгоизмъ и сословное самовластіе въ дѣтяхъ знатныхъ баръ, и сама жизнь давала ей безчисленное множество драматическихъ мотивовъ въ приключеніяхъ какого-нибудь деревенскаго мальчишки Кола̀, молочнаго брата и сверстника высокороднаго Фанфана. Но литература обыкновенно въ лицѣ Кола̀ стремилась воплощать незлобіе и чувствительность, вліяющія даже на несовершеннолѣтнихъ деспотовъ. Наполеоне не былъ созданъ для подобной назидательной роли. Въ его жилахъ текла кровь, воспитанная вѣковыми вендеттами, и даже учителя невольно всматривалась въ этотъ не по-дѣтски твердый, пристальный взоръ. Величайшая язва стараго порядка зажгла въ дѣтскомъ сердцѣ истинно-революціонную ненависть униженнаго демократа. Недаромъ впослѣдствіи Наполеонъ съ презрѣніемъ будетъ отвергать всевозможныя изслѣдованія о генеалогіи Бонапартовъ. Австрійскій императоръ, вынужденный отдать свою дочь самодѣльному цезарю, вздумаетъ утѣшать себя высоко-благороднымъ, даже владѣтельнымъ происхожденіемъ своего грознаго зятя. Бонапартъ отвѣтитъ смѣхомъ на эти претензіи и заявитъ, что, вмѣсто всякихъ предковъ, онъ хотѣлъ бы быть Рудольфомъ Габсбургскимъ своей фамиліи [7]). Въ другомъ случаѣ онъ просто отвернется отъ досужихъ, но неумѣлыхъ льстецовъ, не раздѣлявшихъ глубочайшаго убѣжденія императора: его *я* и его шпага сто̀ятъ всѣхъ гербовъ во всемъ мірѣ [8]).

Двѣнадцатилѣтній Наполеоне не умѣлъ молчать о своихъ страданіяхъ: эта черта останется у него до могилы, только не всегда его жалобы будутъ такъ горды и благородны, какъ именно въ военной Бріеннской школѣ.

Пятаго апрѣля 1781 года онъ писалъ отцу:

«Мой отецъ! Если вы или мои покровители не даютъ мнѣ средствъ съ бо̀льшимъ почетомъ содержать себя въ домѣ, гдѣ я живу, то лучше возьмите меня къ себѣ, и немедленно. Мнѣ надоѣло выказывать свою нищету, видѣть улыбки дерзкихъ школьниковъ, которые только и превосходятъ меня богатствомъ, потому что нѣтъ никого среди нихъ, кто бы во сто разъ не былъ ниже меня по благороднымъ чувствамъ, воодушевляющимъ меня».

---

[7]) *Mémorial* I, 51.

[8]) Ibid.

Все письмо написано въ такомъ тонѣ; въ концѣ говорится о лишеніяхъ и даже объ отчаяніи.

Нервы юнаго корсиканца, очевидно, возбуждены до послѣдней степени. Но отецъ не въ силахъ помочь. Тогда Наполеоне находитъ случай пожаловаться покровителю своей семьи, и уже не на денежную нужду, а на несправедливое, по его мнѣнію, наказаніе за ссору съ товарищемъ... Полная противоположность отцу. Тотъ не знаетъ покоя, пристраивая свое многочисленное потомство, подаетъ прошенія, обиваетъ пороги переднихъ, пишетъ даже сонетъ въ честь главнаго благодѣтеля, считаясь въ то же время авторомъ противорелигіозныхъ стихотвореній.

За то для отца-Буонапарте жизнь течетъ сравнительно весело, а сынъ уже въ 15—16 лѣтъ кажется одновременно и мученикомъ, и героемъ. Его лицо — желто, даже черно, взглядъ необыкновенно быстръ, тонкія губы нервно сжаты, какія-то жгучія думы волнуютъ все существо юноши. Думы эти, повидимому, очень далеки отъ школы и школьнаго ученья. По крайней мѣрѣ, Наполеоне по-прежнему пишетъ безграмотно, но содержаніе писемъ еще энергичнѣе и исключительно практическое, посвящено заботамъ о семьѣ, основательнымъ доводамъ и неотразимымъ требованіямъ, чтобы Іосифъ шелъ въ духовное званіе: «онъ могъ бы сдѣлаться епископомъ!...» Іосифъ не послушался, — но для насъ любопытенъ этотъ повелительный тонъ и подавляющая логика въ житейскихъ вопросахъ. Воля, пониманіе жизни, какъ безпощадной борьбы, ненависть къ старымъ привиллегіямъ и презрѣніе къ личному ничтожеству, полное отсутствіе сердечныхъ привязанностей помимо семьи;—съ такимъ душевнымъ запасомъ явился Наполеоне доканчивать свое военное образованіе въ Парижскую школу.

Парижъ могъ только умножить и упрочить этотъ запасъ. Наполене не чувствовалъ склонности къ современнымъ философскимъ идеямъ. Въ Бріеннской школѣ преподаваніе было весьма плохое, въ Парижской какая угодно учебная система неизбѣжно разбивалась о твердыни аристократическаго быта привиллегированныхъ питомцевъ. Буонапарте обратилъ вниманіе отнюдь не на преподаваніе, менѣе всего — на науку, а занялся исключительно практическими и нравственными вопросами. Умственное развитіе въ высшемъ смыслѣ слова для него будто не существуетъ. Съ этой точки зрѣнія онъ впослѣдствіи будетъ судить сначала Парижъ, потомъ Францію и, наконецъ, всю Европу. Это — точка зрѣнія почти первобытнаго народа, сравнительно нравственнаго и органически-крѣпкаго, съ самыми ограниченными культурными потребностями,—народа, совершенно чуждаго общихъ идей, и

общечеловѣческихъ интересовъ. Это точка зрѣнія здраваго мѣщанскаго смысла. Въ семьѣ Буонапарте философскими идеями считалось, напримѣръ, оберегапіе деревьевъ отъ козъ! Именно по такому поводу молодой Наполеоне выдерживалъ бурныя сцены съ своимъ дядей. Наполеоне былъ самымъ умнымъ и даровитымъ членомъ этой семьи, но и онъ въ понятіяхъ о философіи могъ подняться надъ своими родичами только *количественно*, а не *качественно*, т. е. преслѣдовать идеи на неизмѣримо болѣе обширномъ поприщѣ, чѣмъ островъ Корсика, столь же мало отдавая въ нихъ отчета, какъ и дядя архидіаконъ.

Наполеоне, едва вступивъ въ парижскую школу, уже сочиняетъ записку о распущенности воспитанниковъ. Въ авторѣ, несомнѣнно, говорило сильное личное чувство, но это не мѣшало запискѣ быть вполнѣ правдивой. Авторъ рекомендовалъ лишить будущихъ воиновъ права держать у себя прислугу, принудить ихъ самихъ чистить платье, сапоги, и вообще подвергнуть ихъ военной дисциплинѣ.

Эти слова—*военное воспитаніе*, *дисциплина* — магическія въ устахъ Бонапарта. Въ нихъ заключается вся тайна его грядущей власти надъ Франціей и почти всей Западной Европой. Вопросъ, вездѣ ли и всегда примѣнимъ такой способъ управлять людьми, нѣтъ ли другихъ путей общественнаго блага и государственнаго порядка, — для Наполеона не существуетъ. Съ начала карьеры до самой смерти онъ безпрестанно повторяетъ, что онъ — солдатъ, и его подданые, — *всѣ безъ исключенія*, должны быть подвергнуты—до преклонной старости—военнымъ распорядкамъ. Послѣднимъ идеаломъ государственной мудрости императора будетъ *военная классификація*—classement militaire—всей французской націи, отъ десятилѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста. Мы увидимъ, — даже наполеоновскіе совѣтники, въ сущности безмолвные исполнители его воли, отступили предъ страшнымъ призракомъ всепоглощающей казармы [10])...

Школу будущій цезарь окончилъ весьма не блистательно,— 42-мъ изъ 58. Но зато отзывы его воспитателей крайне любопытны и, очевидно, — справедливы. Говорится о большомъ прилежаніи Наполеоне, о его любви къ чтенію, о математическихъ и географическихъ способностяхъ. Это—относительно умственныхъ способностей. Нравственныя мы отчасти знаемъ: «Онъ молчаливъ, любитъ уединенье, своенравенъ, надмененъ, въ высшей степени эгоистиченъ (extrêmement porté à l'égoisme), энергиченъ въ от-

---

[10]) Roederer. *Mém.* III, 536. *Mémorial.* I, 449, 723.

вѣтахъ, быстръ и суровъ въ возраженіяхъ, у него много самолюбія, честолюбивъ и—*aspirant à tout*».

Послѣднее замѣчаніе—самое знаменательное. Въ семнадцать лѣтъ Наполеоне уже сумѣлъ выказать свою неукротимую стремительность къ завоеваніямъ на житейскомъ поприщѣ, и стремительность, очевидно, безразличную къ понятіямъ о долгѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ: *крайній эгоизмъ* не мирится съ этими идеями. Предъ нами въ сущности весь Бонапартъ; не достаетъ только единственственной *третьей* черты. Она будетъ результатомъ первыхъ двухъ, и въ свою очередь, наложитъ рѣзкую печать на личность великаго удачника: это—необыкновенно быстрая побѣда надъ людьми и обстоятельствами, безпримѣрная въ культурномъ мірѣ власть, пріобрѣтенная съ классической, цезарской легкостью.

Впрочемъ, о какомъ долгѣ и о какихъ отношеніяхъ могъ помышлять молодой офицеръ? Правда, онъ учился на королевскій счетъ, носитъ французскую форму, но здѣсь и кончаются всѣ его связи съ Франціей. Связи—исключительно внѣшнія. Другихъ не могли воспитать ни школа, ни товарищи, ни учителя, ни общество. Любимымъ авторомъ Наполеоне въ Парижской школѣ является Руссо. Извѣстно вѣдь, — женевскій философъ совершеннѣйшимъ европейскимъ народомъ считалъ именно корсиканцевъ и даже предсказывалъ, что они въ недалекомъ будущемъ изумятъ весь міръ. Философъ былъ далекъ, конечно, отъ мысли, что виновникомъ этого изумленія будетъ не народъ собственно, а сынъ представителя корсиканскаго дворянства. Руссо также считалъ корсиканцевъ націей, наиболѣе способной къ идеальному государственному строю. На этотъ разъ, въ рѣчахъ философа не было ни капли практическаго смысла, но подобныя заявленія, конечно, весьма льстили воображенію читателя-корсиканца.

Въ положеніи Наполеоне-школьника и офицера много общаго съ страдальческой жизнью Руссо. То же одиночество, та же злоба на счастливцевъ, на легкомысленное, развращенное общество; то же чувство полной нравственной и даже національной отчужденности. Идеи Руссо о равенствѣ и свободѣ совершенно не входили въ душу Наполеоне. Онъ, по собственному заявленію, рѣшительно не понималъ ихъ. И, несомнѣнно, фантастическія мечты философа о первобытномъ состояніи сыграли свою роль въ органическомъ отвращеніи Бонапарта къ «идеологіи и метафизикѣ».

Но у Руссо было и многое другое, прежде всего — страстныя декламаціи противъ французскаго общества, особенно противъ парижанъ, чувствительныя изліянія героевъ и героинь, не призна-

ваемыхъ и гонимыхъ жестокой, безнравственной средой. Этими страницами зачитывался юный корсиканецъ: такъ хорошо онѣ отвѣчали его личнымъ настроеніямъ, его личной судьбѣ.

О чтеніяхъ Руссо мы слышимъ очень долго, вплоть до консульства. А отголоски узнаемъ немедленно съ той самой минуты, когда Буонапарте попадаетъ въ парижское общество. Его письма не что иное, какъ знаменитая корреспонденція несчастнаго любовника Юліи: недаромъ *Новая Элоиза* будетъ сопровождать генерала Бонапарта даже къ пирамидамъ, и дастъ ему, вѣроятно, не одну тему для супружеской переписки съ Жозефиной.

Неоцѣненный вдохновитель,—Руссо для гарнизоннаго французскаго офицера! И какого офицера! настоящее—самое прозаическое, перекочевка изъ одного провинціальнаго города въ другой, жалованье, едва позволяющее ѣсть одинъ разъ въ день... Буонапарте самъ варитъ свой супъ, экономитъ по 4 су на бѣльѣ, самъ чиститъ платье, не имѣетъ возможности пойти въ кафе. Съ нимъ живетъ его братъ Луи; отецъ ихъ умеръ, и Буонапарте рѣшилъ облегчить заботы матери. Императоръ французовъ и король Голландіи въ недалекомъ будущемъ—живутъ теперь на три франка и пять сантимовъ въ день.

Необходимо измыслить какой-нибудь заработокъ, и Наполеоне бросается въ литературу. Подъ вліяніемъ Руссо онъ принимается за исторію Корсики, ищетъ покровительства у знаменитаго философа и историка Рейналя, посылаетъ ему для отзыва начало своего труда, проситъ книгъ. Письмо написано въ такомъ стилѣ и по такой орѳографіи, что уже само по себѣ давало вполнѣ точное представленіе о литературныхъ талантахъ артиллерійскаго офицера. Достаточно одной фразы, оканчивающей просьбу на счетъ книгъ:

«*Jentend* votre reponse pour vous envoyer *l'argent à quoi* cela montera»...

Изъ проекта ничего не могло выйти, да и самъ Буонапарте напалъ на него съ голода. Но молодость беретъ свое. Нужда и одиночество—ея величайшіе мучители. Они нестерпимо терзаютъ сердце самолюбиваго и гордаго юноши. Ему не съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ; у него по прежнему нѣтъ друзей,—и вотъ въ минуты отчаянія, накипѣвшей желчи, Буонапарте бросаетъ на бумагу «тоску своей души».

«Всегда одинокій среди людей, я возвращаюсь домой, чтобы помечтать наединѣ съ самимъ собой и отдаться во власть глубочайшей меланхоліи». И мысль о смерти начинаетъ манить его. Предъ нимъ проходятъ воспоминанія дѣтства, онъ чувствуетъ

горячій приливъ любви къ родинѣ, къ семьѣ... Но онъ далеко отъ нихъ, и нѣтъ ему ни въ чемъ утѣщенія. Не лучше ли умереть?

Но Буонапарте слишкомъ высоко цѣнитъ свою личность, чтобы при мысли о своихъ мученіяхъ забыть первоисточникъ ихъ, презрѣнныхъ людей, все тѣхъ же французовъ. Непосредственно послѣ раздумья о самоубійствѣ слѣдуютъ грозныя обвинительныя рѣчи противъ поработителей Корсики; онъ готовъ «вонзить мечъ въ сердце тирана» своей родины, и, оказывается, вся тягота его жизни происходитъ отъ необходимости жить съ людьми, совершенно «удаленными отъ природы», т. е по нравамъ столь же непохожими на него, корсиканца, какъ свѣтъ луны не походитъ на блескъ солнца.

Логическій выводъ — отправиться на дорогой островъ, попытаться освободить его. И вотъ предъ нами странное явленіе, возможное только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Буонапарте безпрестанно беретъ отпуски, не является въ сроки, испрашиваетъ отсрочки, и въ результатѣ изъ девяноста девяти мѣсяцевъ службы онъ дѣйствительно служитъ только *сорокъ одинъ мѣсяцъ*. За эту службу онъ получаетъ чинъ французскаго генерала въ то время, когда отпусками онъ пользуется *противъ* Франціи, беретъ ихъ въ самыя для нея критическія минуты, напримѣръ, въ сентябрѣ 1791 года, въ сентябрѣ слѣдующаго года, когда странѣ со всѣхъ сторонъ грозитъ иноземное вторженіе.

А въ это время на Корсикѣ Буонапарте составляетъ заговоры, пишетъ манифесты и прокламаціи, становится во главѣ шаекъ и партій... Все это возможно благодаря революціоннымъ смутамъ во Франціи. Паоли сначала привѣтствуетъ молодого соотечественника, не видитъ въ немъ ничего «современнаго»; «онъ человѣкъ Плутарха!..» Но на Корсикѣ не бываетъ продолжительнаго согласія между вождями, — Буонапарте вскорѣ ссорится съ героемъ и окончательно объявляетъ себя сторонникомъ Франціи...

Когда-то, гораздо раньше, дядя Набуліона высказалъ еще болѣе любопытное сужденіе о своемъ племянникѣ, чѣмъ Паоли. Пораженный способностью мальчика лгать, онъ предсказалъ ему власть надъ міромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ самъ Наполеонъ.

И дѣйствительно со стороны французскаго офицера требовался громадный талантъ въ этомъ направленіи, чтобы не быть разстрѣляннымъ за корсиканскіе подвиги.

Эти подвиги любопытны еще въ другомъ смыслѣ. Они доказываютъ, что честолюбіе Буонапарте въ самый разгаръ революціи отнюдь не искало пищи во Франціи. Оно ограничивалось Кор-

сикой, и не будь у Наполеона соперника въ родѣ Паоли, исторія, вѣроятно, знала бы еще одного великаго корсиканскаго героя, и только. Наполеона I-го не существовало бы. Самъ Бонапарте впослѣдствіи сознавался, что у него не было никакихъ плановъ относительно Франціи. Только близкое знакомство съ революціонными правителями и психологіей парижской толпы открыло ему глаза.

До какой степени мало онъ сознавалъ въ себѣ будущаго цезаря, доказываетъ его упорное пристрастіе къ литературѣ. Болѣе странную наклонность трудно и представить у человѣка подобнаго закала. А между тѣмъ, даже на Корсикѣ онъ продолжаетъ сочинять, и на этотъ разъ даже въ беллетристическомъ жанрѣ.

Пишется сказка *La masque prophète* [11]). Содержаніе ея по истинѣ пророческое для автора. Одинъ восточный пророкъ, необыкновеннаго краснорѣчія и величественной внѣшности, объявилъ себя посланникомъ неба, пріобрѣлъ множество поклонниковъ и царствовалъ надъ ними неограниченно. Но жестокая болѣзнь поразила пророка и обезобразила его лицо. Тогда онъ надѣлъ маску,— по его словамъ, затѣмъ, чтобы не слѣпли люди отъ сіянія его лика. Все шло по старому, и пророкъ разсчитывалъ, что энтузіазмъ поклонниковъ не угаснетъ до конца. Но вдругъ онъ проигрываетъ одну битву, и его все могущество готово рухнуть. Тогда пророкъ собираетъ своихъ вѣрныхъ и объявляетъ: ему во время молитвы былъ голосъ, обѣщавшій всѣмъ его друзьямъ богатства, а врагамъ гибель. Этотъ голосъ, будто бы, повелѣлъ также вырыть рвы, наполнить ихъ известью и бочками съ воспламеняющимися жидкостями. Все исполнено. Пророкъ устраиваетъ пиршество, отравляетъ своихъ друзей виномъ. Стаскиваетъ ихъ тѣла во рвы, зажигаетъ бочки и самъ бросается въ огонь. А поклонники его увѣровали, что онъ взятъ на небо съ своими вѣрными.

Авторъ заключаетъ отъ себя: «Этотъ примѣръ невѣроятенъ. До чего можетъ довести жажда славы!»

Не надо особенной догадливости, чтобы въ этомъ произведеніи увидѣть необыкновенно тонкую аллегорію собственной біографіи автора. Подобной аллегоріи, конечно, авторъ не имѣлъ въ виду, но были же нравственные мотивы, вдохновившіе девятнадцатилѣтнему артиллерійскому офицеру именно эту исторію. Впослѣдствіи у генерала Бонапарта разовьется сильнѣйшее пристрастіе къ востоку, т. е. къ его грандіознымъ военнымъ эпопеямъ, легендарнымъ пророкамъ и деспотамъ. Отъ императора Наполеона

---

[11]) Перепечатана у Jung'а I, 115.

мы услышимъ не разъ глубокое сожалѣніе, что судьба опредѣлила ему подвизаться въ тѣсной, маловѣрной Европѣ... *Пророческая маска* является, слѣдовательно, своего рода предчувствіемъ. Пророкъ Гакемъ—*демонъ* наполеоновской молодости, геній его мечтательныхъ сновъ и невольной тоски по власти и славѣ.

Это—поэзія. Буонапарте не перестаетъ заниматься и прозой, и не менѣе интересной. У этого оригинальнаго автора всякое слово въ строку, всякая фраза—своего рода психологическая драгоцѣнность.

Доканчивается исторія Корсики и всего за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи возникаетъ планъ разсужденія о королевской власти.

Авторъ знаетъ о предстоящихъ генеральныхъ штатахъ и обнаруживаетъ самыя радикальныя убѣжденія. По его мнѣнію, европейскіе государи—узурпаторы и почти всѣ заслуживаютъ сверженія. Очевидно, и Людовикъ XVI не долженъ избѣжать своей участи. Съ другой стороны — *Исторія Корсики* должна служить памфлетомъ противъ французскихъ властителей на островѣ. Какъ разъ во время преобразованія генеральныхъ штатовъ въ національное собраніе, т. е. въ минуту несомнѣннаго революціоннаго движенія Франціи, Буонапарте пишетъ письмо въ Лондонъ къ Паоли, молитъ его покровительства своему труду, осыпаетъ французовъ жесточайшими упреками, заявляетъ полнѣйшую преданность свою и своей семьи—корсиканскому революціонеру, горячо называя свое поведеніе *законнымъ*.

Отвѣтъ Паоли не соотвѣтствовалъ лихорадочному тону письма, и авторъ *Исторіи Корсики* рѣшилъ искать покровителя въ совершенно противоположной сторонѣ, въ лицѣ министра финансовъ Неккера. Слѣдовало, конечно, передѣлать сочиненіе. Пока это происходитъ, въ Парижѣ популярность Неккера исчезаетъ, Бастилія взята и основныя привилегіи старой монархіи уничтожены.

Тогда *Наполеонъ* Буонапарте (такъ онъ теперь подписывается) рѣшается устроить собственную революцію. Слѣдуетъ рядъ его путешествій въ Аяччо и одновременно—литературныя произведенія на самыя идиллическія темы.

Первое написано на конкурсъ, объявленный Ліонской академіей, и носитъ заглавіе: *Какія истины и какія чувства важнѣе всего внушать людямъ для ихъ счастья?*

Языкъ, по прежнему, изумительно варварскій. Вотъ фраза въ духѣ Руссо, но въ чисто корсиканскомъ стилѣ:

«C'était principalement par le spectacle du fort de la vertu que les Lacedemoniens sentaient».

Идеи—сплетеніе радикализма и все того же мѣщанскаго идеализма, процвѣтавшаго подъ кровомъ m-me Летиціи. Восторги предъ Тацитомъ,—тѣмъ самымъ историкомъ, котораго Наполеонъ I будетъ преслѣдовать, какъ личнаго врага, ненависть къ тираннамъ: «тамъ нѣтъ людей, гдѣ короли—государи», восклицаетъ авторъ. А дальше такая философія:

«Безъ женщинъ нѣтъ ни здоровья, ни счастья... Счастье не что иное, какъ жизнь, сообразная съ организаціей... Наша животная организація имѣетъ необходимыя потребности — ѣсть, спать, производить потомство. Пища, жилище, одежда, женщина — безусловно необходимы для счастья».

Еще дальше — идеи Руссо о собственности, выходки противъ богачей, похвала геніальнымъ людямъ, создавшимъ прогрессъ вопреки деспотамъ и темницамъ Бастиліи.

Очевидно, при случаѣ Буонапарте понималъ почти *всего* Руссо и съ идеями равенства, умѣлъ даже говорить нѣчто отъ себя, хотя и подъ вліяніемъ учителя,—о «меланхоліи природы», сожалѣть тѣхъ несчастныхъ, кого никогда не волновало «электричество натуры».

Авторъ зналъ, что и когда писать, но, къ сожалѣнію, *форма* писанія была ужъ слишкомъ оригинальная и модныя идеи Руссо принимали болѣе чѣмъ наивный видъ въ устахъ диссертанта. Тысяча пятьсотъ ливровъ—призъ академіи—миновали Наполеона.

И врядъ ли когда подобный призъ получилъ бы этотъ историкъ, философъ, новеллистъ, даже поэтъ [12]). Мы будемъ имѣть случай познакомиться съ его общими разсужденіями въ самый зрѣлый возрастъ и убѣдимся, что это была не его сфера. Много реторики и ни одной плодотворной или оригинальной идеи. Математикъ и географъ Парижской школы до самой смерти не сдѣлался ни политикомъ—въ широкомъ культурномъ смыслѣ слова, ни проницательнымъ цѣнителемъ чужой умственной дѣятельности.

Немного спустя пишется еще болѣе любопытное сочиненіе—*Діалогъ о любви.*

Мы знаемъ мысли Боунапарте о супружескомъ счастьѣ. Онъ не забывалъ рисовать его, даже размышляя о самоубійствѣ. Семейные инстинкты —расовая корсиканская черта, и Наполеоне, вскорѣ по выходѣ изъ школы, поглощенъ планами женитьбы. Но поручикъ имѣлъ слишкомъ мало данныхъ на успѣхъ у женщинъ. Только слава и власть могли впослѣдствіи смягчить парижскихъ красавицъ. А до тѣхъ поръ его женщины не балуютъ. Такъ онъ самъ разсказывалъ уже на островѣ св. Елены.

---

[12]) Приписываемый ему мадригалъ у Шатобріана, *О. С.* III, 114.

Совершенно напротивъ. Тщетно старается юный артиллеристъ выучиться танцовать во время службы въ провинціи, любезничаетъ съ дамами,—онъ кажется имъ просто смѣшнымъ. Его худощавая фигура, бѣдно и неизящно одѣтая, съ тонкими ногами, въ огромныхъ сапогахъ, стяжали ему прозвище—*chat botté*, *котъ въ сапогахъ*. И дѣти въ знакомыхъ семействахъ, не стѣсняясь, привѣтствуютъ этимъ прозвищемъ будущаго цезаря. Кромѣ того, питаясь по цѣлымъ днямъ однимъ молокомъ, трудно было съ достаточной энергіей измышлять комплименты и слѣдить за изяществомъ манеръ [13]).

Естественно, Наполеонъ не могъ быть очень высокаго мнѣнія о любви и о женщинахъ при такихъ обстоятельствахъ, и *Діалогъ* несомнѣнно, одинъ изъ криковъ боли и гнѣва, столь многочисленныхъ въ эту скорбную эпоху странствій.

Авторъ прямо отъ своего лица заявляетъ: «Я болѣе чѣмъ отрицаю существованіе любви, я считаю ее вредной обществу, личному счастью людей. Наконецъ, я вѣрю, что любовь причиняетъ болѣе зла, чѣмъ добра, и со стороны Провидѣнія было бы благодѣяніемъ—спасти насъ отъ нея и освободить людей».

Наполеонъ рѣдко разсуждалъ спокойно. Нервная дрожь немедленно охватывала его, лишь только онъ принимался развивать какую-либо мысль. И въ приведенныхъ словахъ чувствуется эта дрожь, и она была вполнѣ искренняя.

Много лѣтъ спустя императоръ разсказывалъ о своей *первой* любви. Ему было около 5—6 лѣтъ. Онъ учился въ пансіонѣ для дѣвочекъ и, по его словамъ, былъ недуренъ собой. Вмѣстѣ съ нимъ училась маленькая Джакометта, ребенокъ очаровательной красоты. Наполеоне гулялъ только съ ней, всегда подъ руку. Школьники, поголовно влюбленные въ красавицу, жестоко преслѣдовали счастливую парочку, сложили даже цѣлую пѣсню, и привѣтствовали этой пѣснью героя. Всякій разъ поднималась страшная драка. Влюбленный хватался за палки и камни и яростно бросался на толпу, какъ бы она многочисленна ни была.

То же страстное чувство бьется и подъ мундиромъ поручика,—и даже генерала,—до того самаго времени, когда власть, завоеванная съ молніеносной быстротой и неожиданностью, — окончательно исцѣлитъ могущественнаго цезаря отъ романтическихъ порывовъ и мѣщанскихъ томленій — и навсегда избавитъ его отъ женскихъ жестокостей...

Теперь пока еще порывы очень сильны. Буонапарте явно ста-

---

[13]) *Mémoires de la duchesse d'Abrantès*, I. 112.

рается писать стилемъ Руссо, даже опровергая его идеи. Таковы—*Размышленія объ естественномъ состояніи*. Они не предназначались для посторонней публики, и авторъ откровенно высказываетъ совершенно другое представленіе о первобытномъ состояніи, чѣмъ у Руссо. И на этотъ разъ мысль яснѣе, форма изящнѣе,—можетъ быть, именно потому, что авторъ говоритъ отъ себя, искренне, не старается искусственной реторикой прикрыть отсутствіе убѣжденія и вѣры.

По его мнѣнію, чувства и разумъ врождены человѣческой природѣ, также и общественный инстинктъ: слѣдовательно, дикій, одиноко бродящій, лишенный слова—естественный человѣкъ Руссо—фантастическія сказки.

Придетъ время, когда Наполеонъ опять обратится къ Руссо и у стараго любимаго автора найдетъ несравненно болѣе нужныя для себя мысли. Поручикъ-романтикъ и цезарь-законодатель—дѣтища одной и той же поэзіи и мудрости.

Наполеонъ, странствующій по французскимъ гарнизонамъ и безпрестанно навѣщающій Корсику, не можетъ, конечно, представить такого совпаденія. Всѣ его грезы о славѣ и власти сосредоточиваются на Аяччо. Во Франціи онъ — республиканецъ, отнюдь не менѣе «убѣжденный» и, главное, не болѣе «сознательный», чѣмъ и всѣ другіе читатели *Общественнаго договора*, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ. Это значитъ—у него въ душѣ нѣтъ ни одного чувства въ пользу короля. Необыкновенно на видъ стройное и красивое зданіе республики Руссо должно казаться его математическому уму несравненно привлекательнѣе, чѣмъ уродливыя феодальныя наслоенія старой монархіи, наконецъ, идея равенства будто нарочно была разсчитана на людей, подобныхъ Наполеону: сознаніе громадныхъ личныхъ силъ среди самовластія привиллегированнаго ничтожества.

Но все это — идеи и настроенія чисто отрицательнаго характера.

Спросите того же самаго Наполеона на счетъ его положительнаго идеала,—у него не окажется не только точнаго и яснаго отвѣта, а просто—никакого. Громадное большинство французовъ стремилось передѣлать строй своего отечества на основаніи самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ теорій, не имѣя ни малѣйшаго представленія о *практикѣ* высшаго государственнаго управленія, сочиняло конституціи по рецептамъ Руссо, больного, хотя подчасъ и геніальнаго поэта-мечтателя, желчнаго отшельника и теоретическаго фанатика, по рецептамъ Монтескьё—пріятнаго собирателя бытовыхъ и историческихъ курьезовъ, англомана,

адвоката, барона, острослова и уже послѣ всего этого — политическаго мыслителя...

Это была работа, восторженно горячая, предпринятая съ самыми лучшими намѣреніями, но роковымъ образомъ осужденная на безвременную архивную смерть—не только исторіей и жизнью, но и самыми основными законами и свойствами человѣческой природы.

Таковъ результатъ предпріятій французскихъ законодателей. Чего же послѣ этого стоила «умственная политика» Бонапарта, если бы она даже и существовала?

Французскіе представители отлично знали литературу XVIII вѣка, и не только французскую, многіе изъ нихъ видали лично порядки другихъ европейскихъ странъ, сами были администраторами и судьями... А Бонапартъ такъ на Руссо и остановился, да и на этого то философа онъ попалъ, вѣроятно, по поводу Корсики. Онъ не прочелъ даже какъ слѣдуетъ Монтескьё, едва слышалъ объ Адамѣ Смитѣ, не былъ знакомъ съ основной книгой своего времени—словаремъ Бэйля и объ общественныхъ вопросахъ имѣлъ самое смутное представленіе, вѣрнѣе—никогда о нихъ не думалъ. Впослѣдствіи, онъ просто отвергнетъ даже существованіе подобныхъ вопросовъ и при всякомъ случаѣ станетъ обнаруживать сильнѣйшее отвращеніе къ соціальнымъ и культурно - историческимъ идеямъ. Мы увидимъ,—столкновеніе съ парижскими «идеологами» какъ нельзя болѣе могло утвердить его въ этомъ чувствѣ. Но знаменательно, что съ самаго начала, по натурѣ, Наполеону чужда громадная и важнѣйшая область интересовъ цивилизованнаго человѣчества. Можетъ, именно здѣсь съ особенной яркостью сказалась корсиканская раса великаго воина.

Трудно сказать, сколько времени Буонапарте оставался бы въ области провинціальныхъ разсужденій и корсиканскихъ революцій. Достовѣрно одно—онъ никакъ не могъ добровольно разстаться съ приключеніями въ своей отчизнѣ, — и постоянно пропускалъ сроки отпусковъ. То же произошло и въ началѣ 1792 года.

Въ маѣ Буонапарте явился въ столицу въ первый разъ послѣ выхода изъ школы, и явился по необходимости, числясь въ отставкѣ, лишенный средствъ къ жизни и разсчитывая исключительно на снисходительность военнаго министерства.

II.

Наполеонъ Бонапартъ.

Мы встрѣтили нашего героя въ толпѣ предъ Тюльери въ самый трагическій моментъ злополучнаго 20-го іюня, когда весь Парижъ дрожалъ и волновался подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ, но одинаково глубокихъ и сильныхъ личныхъ страстей и политическихъ стремленій.

Какія же чувства и идеи принесъ въ столицу ея будущій повелитель?

Объ идеяхъ, мы видѣли, врядъ ли можетъ быть рѣчь, если подъ идеями разумѣть опредѣленный политическій и общественный символъ. Буонапарте — и по натурѣ, и по національности, и по воспитанію—менѣе всего былъ приспособленъ къ такого рода нравственному капиталу.

Другое дѣло—*чувства*.

На парижской улицѣ главныя роли играли два героя—дворъ и народъ. Представительное собраніе, сравнительно съ этими силами, оставалось въ тѣни и съ теченіемъ времени должно было все дальше отступать предъ стихійнымъ натискомъ демагоговъ и предмѣстій. Буонапарте пришлось лично видѣть самыя бурныя сцены великой драмы. Послѣ двадцатаго іюня онъ присутствуетъ при еще болѣе страшныхъ событіяхъ — 10-го августа, когда дворецъ былъ взятъ народомъ, Людовикъ XVI заключенъ въ тюрьму, и часъ монархіи пробилъ...

Кто во всемъ мірѣ могъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ событіямъ?

Оказывается, могъ нѣкто: все тотъ же Буонапарте.

Къ участи Людовика XVI онъ долженъ былъ относиться, по меньшей мѣрѣ, спокойно: во-первыхъ, какъ самый мятежный сынъ только-что завоеванной, но отнюдь не замиренной колоніи, потомъ, въ качествѣ французскаго подданнаго при старой монархіи, онъ не видѣлъ достаточно широкихъ путей для своего честолюбія и, наконецъ, высшая политика Буонапарте пока была связана все-таки съ Корсикой: скоро онъ еще разъ возьметъ отпускъ на островъ и только послѣ окончательной неудачи — стать первымъ въ отечествѣ—онъ перевезетъ свою семью во Францію и примется здѣсь искать счастья.

Оставался народъ.

Здѣсь настроеніе Буонапарте вполнѣ опредѣленно: презрѣніе. Онъ научился этому чувству на той же Корсикѣ; среди непре-

станныхъ междоусобицъ и мятежей онъ привыкъ смотрѣть на толпу просто какъ на цѣль для выстрѣловъ. Кромѣ того, была чисто психологическая причина. Ее необыкновенно мѣтко опредѣлилъ самъ Буонапарте. Ему казалось просто противоестественнымъ неуваженіе людей въ блузахъ къ людямъ въ мундирахъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Отсюда — приведенное нами восклицаніе и разсужденіе: по адресу короля—*coglione*, по адресу народа—*canaille*.

Эти выраженія вполнѣ характеризуютъ «политику» Буонапарте въ самый разгаръ революціи. А дѣятельность его окончательно дорисовываетъ картину.

Онъ прибылъ въ Парижъ хлопотать о зачисленіи въ армію. Средствъ у него нѣтъ, за обѣдомъ онъ ѣстъ порцію по 6 су, и, естественно, помышляетъ о разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, напримѣръ, о наймѣ домовъ подъ квартиры, о скупкѣ конфискованныхъ имуществъ, вообще о «какой-нибудь полезной спекуляціи», какъ выражается его товарищъ [14]). Онъ бродитъ по парижскимъ улицамъ въ качествѣ любопытнаго зрителя или странствующаго принца, и ждетъ благопріятной погоды...

Наблюденія его за парижскими дѣятелями въ эту эпоху въ высшей степени любопытны. Мы невольно начинаемъ различать шумъ приближающагося цезаризма.

Въ іюлѣ Буонапарте пишетъ Іосифу о революціонерахъ:

«Тѣ, кто идутъ во главѣ—жалкіе люди. Увидѣвъ все это вблизи, надо сознаться, что врядъ ли стоитъ труда хлопотать о добромъ расположеніи народовъ. Ты знаешь исторію Аяччо, — исторія Парижа точь-въ-точь та же самая. Можетъ быть, люди здѣсь даже ничтожнѣе, злѣе, болѣе склонны къ клеветѣ и злословію. Надо видѣть вещи вблизи, чтобы понять, что̀ такое энтузіазмъ и что французскій народъ—народъ старый, безъ предразсудковъ и безъ правилъ».

Дальше изображается эгоизмъ и полнѣйшая неразборчивость въ средствахъ со стороны политиковъ. Ихъ «необычайно низкое интригантство» производитъ на автора письма совершенно неожиданное впечатлѣніе. Онъ мечтаетъ имѣть хотя бы тысячи 4—5 ренты, отказаться отъ всякой карьеры и зажить счастливымъ семьяниномъ.

Письмо оканчивается настоятельнымъ совѣтомъ семьѣ соблюдать во всемъ умѣренность.

На Буонапарте не произвелъ впечатлѣнія даже народный

---

14) Bourrienne I, 27.

энтузіазмъ по поводу объявленія войны Австріи. Презрѣніе къ революціи, очевидно, предрѣшило въ глазахъ опальнаго офицера всѣ другіе вопросы. И все-таки онъ совершенно напрасно писалъ брату на счетъ идиллическаго отшельничества. Именно самое роковое событіе — низверженіе Людовика XVI — и спасло Буонапарте: онъ не только снова принятъ въ армію, но даже съ повышеніемъ въ чинъ капитана. Правда, онъ просилъ подполковника, но ужъ это было слишкомъ, хотя бы въ періодъ величайшей государственной смуты. Ему отказали, но за то дали отпускъ.

Это — послѣдній... Буонапарте ничего не удалось сдѣлать на родинѣ, помечталъ онъ только въ нѣдрахъ семьи—о путешествіи въ Индію, о превращеніи въ набоба, о богатомъ приданомъ для сестеръ. Но судьба готовила мечтателю нѣчто, несравненно болѣе блестящее.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ, и капитанъ превратился въ генерала.

Какъ и почему?.. Впослѣдствіи Наполеонъ свои *неудачи* объяснялъ *фатальнымъ* стеченіемъ обстоятельствъ, никогда не сознаваясь въ личныхъ ошибкахъ. Счетъ *фатальностямъ* слѣдовало бы начать съ осады Тулона. На островѣ св. Елены Наполеонъ изображалъ въ самыхъ жалкихъ краскахъ французскаго генерала —начальника арміи, а его собственная роль оказывалась ослѣпительной. На самомъ дѣлѣ передъ осадой онъ написалъ свое послѣднее литературное произведеніе — *Le Souper de Beaucaire*, гдѣ очень хвалебно отзывался о томъ же самомъ генералѣ, а потомъ онъ командовалъ лишь артиллеріей фланга и въ современныхъ документахъ его имя упомянуто всего одинъ разъ. Производство въ генералы не соотвѣтствовало этимъ даннымъ, и нисколько не прославило имени Буонапарте. Даже въ слѣдующемъ году отцы упрекали дѣтей, зачѣмъ они состоятъ при никому невѣдомомъ генералѣ Буонапарте [15]).

Дѣло въ томъ, что чины отнюдь не зависѣли отъ военнаго начальства. Представительное собраніе, засѣдавшее въ Парижѣ, управляло Франціей при помощи своихъ коммиссаровъ. При Тулонѣ коммиссарами были—землякъ Буонапарте и братъ Робеспьера, въ эту эпоху всемогущаго диктатора. Буонапарте вступилъ съ ними въ дружескія отношенія, отдалъ имъ на просмотръ свой *Souper de Beaucaire*, вообще обнаружилъ большіе таланты на гражданскомъ поприщѣ. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, виновникомъ своей карьеры онъ называлъ третьяго коммиссара—Гаспарэна [16]).

---

[15]) Lévy. *Napoléon intime*. Paris 1893. p. 48.

Почему?—Отвѣтъ весьма характеренъ.

Все зависѣло, конечно, отъ Робеспьера. Но девятое термидора прекратило власть диктатора, погибъ и его братъ. Возникла Директорія—новые боги, и генералъ Бонапартъ заявилъ, что онъ также вонзилъ бы кинжалъ въ грудь тирана, т. е. младшаго Робеспьера... [17]).

Слишкомъ скорая и явная любезность по адресу новыхъ владыкъ.

Но теперь уже Буонапарте не тоскуетъ о мѣщанскомъ счастьѣ! Правда, ему живется по прежнему плохо: генеральскій чинъ не принесъ ему никакихъ матеріальныхъ благъ; напротивъ, пришлось даже посидѣть въ тюрьмѣ за старую дружбу съ якобинцами. Но зато сообразительный и наблюдательный корсиканецъ за два года много увидѣлъ и многому научился. Имъ по временамъ овладѣваетъ горькое раздумье, неугомонная натура требуетъ дѣятельности, вмѣсто Индіи, онъ теперь серьезно намѣренъ отправиться въ Турцію артиллерійскимъ инструкторомъ... Но почему же онъ ни за что не соглашается присоединиться къ войскамъ на французскихъ границахъ и упорно сидитъ въ Парижѣ, хотя за неповиновеніе его опять отставляютъ? Это, впрочемъ, пустая игра, и такъ думаетъ, очевидно, самъ преступникъ: иначе онъ не сталъ бы рисковать.

Онъ весь полонъ предчувствіями, а подчасъ—и вполнѣ опредѣленными планами. Его звѣзда начинаетъ всходить, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что видитъ эту звѣзду даже въ полдень... Въ 1795 году она не была такъ ярка, но сплошной темной ночи уже не было надъ головой полуголоднаго, крайне невзрачнаго генерала.

Такъ его описываютъ и дамы, и мужчины. Онъ бродитъ по Парижу «неуклюжей и неровной походкой», его длинные волосы дурно напудрены, дурно причесаны; руки—худощавы и черны; перчатки онъ считаетъ лишнимъ расходомъ, сапоги дурно сшиты и дурно вычищены [18]).

Это—дамскія впечатлѣнія.

Для мужчинъ онъ—«молодой человѣкъ съ худымъ и синеватымъ лицомъ, сгорбленный, хрупкій и болѣзненный».

Его видятъ нерѣдко въ пріемныхъ министровъ и депутатовъ. Иногда онъ не входитъ къ нимъ, останавливается у двери, очевидно, стѣсняясь ролью просителя.

Естественно, подчасъ ему становится тяжело и горько. Тогда

---

[17]) Письмо у Jung'а. *O. C.* II, 4451

[18]) *M-me d'Abrantès* I, 179.

онъ пишетъ брату меланхолическія изреченія, въ родѣ «жизнь—легкій сонъ, который пропадаетъ безслѣдно...»

Слѣдовательно, и лишенія также сонъ?

Именно такова должна быть мысль молодого генерала. И иной быть не можетъ. Послушайте, что́ онъ пишетъ брату здѣсь же рядомъ съ пессимистическими изліяніями.

Вотъ когда ему пригодилась *Новая Элоиза*. Директорія ничѣмъ не уступаетъ временамъ Людовика XV: ея удовольствія еще откровеннѣе и безконечно смѣшнѣе.

Буонапарте—цѣломудренный, сдержанный, испытавшій нужду и всяческія заботы, является истиннымъ Іереміей среди новаго Вавилона.

Едва прошло шесть лѣтъ со дня собранія генеральныхъ штатовъ—и какая перемѣна! Революціонный потокъ унесъ все выдающееся, сильное, даровитое, вѣрующее. Одни покинули родину, другіе ушли ее защищать въ армію, третьи сложили головы на гильотинѣ, четвертые — затаили дыханіе и стушевались со сцены. Въ воздухѣ носятся усталость, разочарованіе и болѣе всего—жгучая жажда порядка и спокойствія во что бы то ни стало.

Воображеніе, перепуганное страшными событіями, смѣшиваетъ самыя разнородныя понятія ради спокойствія. Свобода звучитъ якобинствомъ, конституція—междоусобицей, народъ—терроромъ.

Послѣ паденія Робеспьера кровопролитіе во имя патріотизма и гражданской благонамѣренности прекратилось, но стѣсненное чувство, запуганность, тайная ненависть къ революціонной политикѣ остались у всѣхъ, кто дорожитъ жизнью и личнымъ благосостояніемъ. Можно было думать, что вулканъ притихъ только на время и съ часу на часъ должно послѣдовать новое изверженіе.

И страхъ предъ будущими катастрофами вполнѣ естественъ и логиченъ. Годы революціи доказали, что̀ значило практическое осуществленіе идеаловъ главнѣйшаго революціоннаго учителя—Руссо. Война во имя всеобщаго равенства была войной не только противъ старой Франціи, а противъ самой природы, противъ исконныхъ законовъ, управляющихъ жизнью нашей планеты. Реформы во имя античной республики, во имя народа-законодателя были самымъ безпощаднымъ нарушеніемъ историческихъ основъ французской исторіи и вопіющимъ насиліемъ надъ національнымъ и нравственнымъ характеромъ французскаго народа.

Кто изъ десятковъ милліоновъ населенія вѣковой монархической страны могъ подойти подъ мѣрку древняго спартанца, и вчерашній вѣрноподданный короля и вассалъ своего сеньёра могъ ли сегодня, во мгновеніе ока, превратиться въ Брута и Катона? А

между тѣмъ, этого именно превращенія требовали самые пламенные и самые энергическіе преобразователи.

Очевидно, возникалъ деспотизмъ, неизмѣримо страшнѣйшій и нетерпимѣйшій, чѣмъ королевская власть, и путь равенства и античной доблести ежеминутно готовъ былъ превратиться въ инквизиціонный застѣнокъ.

Терроръ это и доказалъ.

Въ высшей степени наивно смотрѣть на якобинцевъ, какъ на выродковъ человѣческой природы, на кровожадныхъ звѣрей, совершавшихъ казни ради самихъ казней. Несомнѣнно, жестокіе инстинкты въ эпоху смутъ просыпаются у многихъ людей, въ мирное время, повидимому, безобидныхъ и уживчивыхъ. Но это—отдѣльныя единицы, преступныя по натурѣ. При террорѣ, разумѣется, подвизалось не мало такого сорта скрытыхъ преступниковъ, готовыхъ кандидатовъ на галеры, предававшихся дикимъ инстинктамъ подъ покровомъ патріотизма и независимо отъ какихъ бы то ни было теорій.

Но рядомъ съ ними дѣйствовали патріоты совершенно другого закала. Изъ исторіи извѣстно, что большинство жесточайшихъ инквизиторовъ лично были людьми добродѣтельными и высокопочтенными. Это безусловно признано новѣйшей наукой, и между тѣмъ, даже воображеніе содрогается отъ мукъ и казней еретиковъ!

Муки и казни совершались во имя искреннѣйшаго убѣжденія, во имя крайняго религіознаго идеализма, какъ его понимала римская церковь.

То же самое и съ якобинствомъ, только вмѣсто папскихъ буллъ, здѣсь повелѣвалъ *Общественный договоръ*, отнюдь не менѣе деспотическій и жестокій. Изъ этой злополучной книги самымъ логическимъ путемъ вытекала новая кровавая инквизиція и неограниченная власть *одного человѣка* надъ личностью и жизнью другихъ людей.

Робеспьеръ и впослѣдствіи генералъ Бонапартъ могли провозгласить себя диктаторами и первосвященниками, т. е. присвоить власть надъ совѣстью, жизнью и собственностью согражданъ, оставаясь вполнѣ вѣрными *духу* и *буквѣ* философіи Руссо.

Женевскій фолософъ, представивъ идеальный строй республики, нарисовалъ образъ *законодателя*. Это — по истинѣ нѣчто сверхестественное, демоническое въ образѣ человѣка. Законодатель—не поучаетъ и не доказываетъ, онъ изрекаетъ: «увлекаетъ безъ насилія и убѣждаетъ безъ доказательствъ». Онъ можетъ измѣнить самую человѣческую природу. У него—авторитетъ, неизмѣримо болѣе высокій, чѣмъ всѣ человѣческія средства и силы.

Однимъ словомъ, если перевести это на историческій языкъ, предъ нами будетъ никто иной, какъ тотъ же римскій первосвященникъ, неотразимый, непогрѣшимый, недоступный.

Это—одинъ идеалъ всесовершеннаго деспота-законодателя.

Но у Руссо есть и другой, — *деспота-правителя*, и на этотъ разъ даже два идеала.

Во-первыхъ, вообще не всякое государство способно усвоить законы свободы, какъ ихъ понимаетъ Руссо: самъ авторъ знаетъ только одинъ народъ, предназначенный для этого счастья—корсиканцевъ. Другіе, слѣдовательно, осуждены на рабство. Во-вторыхъ, идеальный порядокъ *Общественнаго договора*, по мнѣнію философа, возможенъ только въ очень небольшихъ государствахъ: только здѣсь всѣ граждане могутъ быть законодателями и правителями,—чѣмъ обширнѣе страна, тѣмъ энергичнѣе должна быть власть, а такою можетъ быть только власть одного человѣка. Наконецъ, Руссо рѣшительно заявляетъ, что жить по его высшимъ идеямъ могутъ только *боги*.

Очевидный выводъ изъ всего этого—Франція *не создана* для идеаловъ философа — по всѣмъ даннымъ: французы слишкомъ цивилизованны, ихъ государство слишкомъ велико и они, конечно, не боги. Остается власть одного правителя. Этого требуетъ исторія, нравственность и политическое состояніе французовъ, и все— *на основаніи сочиненія Руссо*.

Дальше философъ подскажетъ и какова должна быть власть монарха. Это второй идеалъ—скорѣе религіозный, чѣмъ политическій.

Руссо устанавливаетъ догматы гражданской религіи, и за нарушеніе ихъ грозитъ смертью. Догматы и судъ въ рукахъ все того же правителя. Опять, слѣдовательно, папа и притомъ эпохи глубокихъ среднихъ вѣковъ.

Вотъ Руссо—спеціально французскій, т. е. въ силу вещей возможный на почвѣ великой старой монархической державы.

И факты съ неумолимой логикой подтвердили эти выводы. Со дня сверженія Людовика XVI, съ каждымъ часомъ все выше и выше выросталъ призракъ *законодателя* «Общественнаго договора», т. е. диктатора-первосвященника. Уже Робеспьеръ выполнялъ программу: учреждалъ культъ Верховнаго Существа и направлялъ гильотину на всѣхъ, кто, по его мнѣнію, нарушалъ гражданскіе и религіозные догматы.

Робеспьеръ погибъ... Почему? Отнюдь не за свою тираннію и не потому, что его свергли свободомыслящіе и принципіальные республиканцы. Робеспьеру просто недоставало практическихъ та-

лантовъ правителя и главное—у него не было вооруженной силы. Впослѣдствіи генерала Бонапарта будутъ называть *Робеспьеромъ на лошади—Robespierre à cheval*—и это не только остроумно, но и совершенно справедливо съ политической точки зрѣніи.

Робеспьеръ былъ созданъ *силой обстоятельствъ*, и онъ именно, а не другой, потому что онъ больше всѣхъ обладалъ теоретическимъ фанатизмомъ и съ инквизиторской послѣдовательностью проводилъ идеи учителя. Этого было довольно для пріобрѣтенія власти, но для удержанія и утвержденія ея требовалось, помимо логическаго натиска, матеріальная сила подавлять чужія страсти и оберегать свое мѣсто диктатора.

Тѣ же обстоятельства создали и генерала Бонапарта, и Наполеона I.

Мы знаемъ, — на счетъ Франціи у него не было никакого плана. По его словамъ, только вечеромъ послѣ сраженія при Лоди, т. е. во время итальянскаго похода, онъ окончательно сознaлъ, что надъ нимъ горитъ звѣзда могучей власти.

«Въ этотъ день я въ первый разъ взглянулъ на себя не какъ на простого генерала, а какъ на человѣка, призваннаго вліять на судьбу народа. Я видѣлъ себя на страницахъ исторіи».

Этотъ день десятое мая 1796 года. Рѣка Адда была Рубикономъ, по крайней мѣрѣ, для политическихъ плановъ Бонапарта.

Мы не знаемъ, въ какой день подобное преобразованіе совершилось съ Робеспьеромъ, но оно было,—это несомнѣнно.

Грозный диктаторъ явился въ генеральные штаты скромнымъ, пугливымъ, даже трепещущимъ депутатомъ. Дома, въ своей провинціи, онъ, подобно Боунапарте, занимался литературой, зачитывался Руссо, писалъ весьма чувствительные мадригалы. Но въ палатѣ его сначала никакъ не могли заставить говорить. Онъ сознавался, что чувствовалъ «дѣтскій страхъ» и прямо дрожалъ,—приближаясь къ трибунѣ...

И этотъ смѣшной провинціалъ въ какихъ-нибудь три года выростетъ въ неограниченнаго повелителя—и въ представительномъ собраніи, и въ парижскихъ предмѣстьяхъ!

Это—тоже звѣзда, и въ своемъ родѣ стоитъ бонапартовской.

Правда, Робеспьеръ не носилъ въ себѣ задатковъ геніальнаго полководца, но онъ за то и не чувствовалъ корсиканскаго презрительнаго равнодушія къ французской революціи. Его теоретическій азартъ на первое время сослужилъ ему такую же службу, какъ и военные таланты Буонапарте.

Но важно не это собственно, а головокружительное возвышеніе людей, совершенно не имѣющихъ въ виду этого возвышенія и даже, повидимому, мало склонныхъ къ нему.

Личность является здѣсь будто утлымъ челномъ, который подбрасывается на страшную высоту бушующимъ моремъ.

И мы видѣли—это явленіе было совершенно естественнымъ даже по революціонной *теоріи* Руссо.

Еще естественнѣе оно было по *практическимъ* условіямъ революціонныхъ событій.

Исторія французской революціи—цѣлая эпопея, подчасъ величественная и неизмѣнно бурная и грозная. Но это только по *событіямъ*, точнѣе—по стихійному размаху. Припомните *личностей*, *героевъ*,—вы будете поражены несоотвѣтствіемъ людскихъ силъ величію событій. Пересмотрите списки депутатовъ всѣхъ революціонныхъ собраній, вы и десятка не насчитаете сильныхъ оригинальныхъ именъ. Въ началѣ Мирабо, потомъ нѣкоторые жирондисты, наконецъ, Дантонъ—и только. И опять всмотритесь даже въ этихъ *избранныхъ*. Жирондисты — блестящіе ораторы, но истинные герои слова, симпатичные, честные; все это отнюдь не довершаетъ политическаго дѣятеля, да еще въ революцію. Мирабо—съ блескомъ краснорѣчія соединяетъ волю, но у него нѣтъ нравственнаго авторитета, его всѣ знаютъ за одного изъ вѣрнѣйшихъ поклонниковъ эпикурейской морали, и притомъ въ самой необузданной формѣ. То же самое и Дантонъ: у этого даже неизвѣстно, гдѣ кончаются революціонные принципы и начинается простой разгулъ широкой натуры.

Но даже и эти люди быстро гибнутъ одинъ за другимъ. Богиня равенства будто косой равняетъ всѣ шероховатости на политической, общественной и даже литературной сценѣ. На эшафотъ или въ тюрьму идутъ одновременно Верньо, Лавуазье, Кондорсе, Шенье. Остаются тѣ, у кого головы не поднимаются выше самаго скромнаго уровня, кто не возбуждаетъ даже вниманія, не только сильныхъ чувствъ.

Послѣ гибели Робеспьера остается одноцвѣтная, дѣйствительно ровная толпа. Нѣтъ ни талантовъ, ни энергіи, нѣтъ даже реторическаго жара и театральной смѣлости,—типично-французскихъ добродѣтелей. Но что̀ еще важнѣе, весь политическій интересъ сосредоточивается на одной органической потребности — жить сегодня въ полной увѣренности за завтрашній день. Жизнь, простой жизненный процессъ получаетъ вдругъ громадную цѣнность: будто общество, пережившее терроръ, вышло изъ тюрьмы на свѣтъ солнца.

Въ такомъ состояніи Буонапарте находитъ Парижъ, и его собственное положеніе несравненно выгоднѣе робеспьеровскаго: вмѣсто жирондистовъ и Дантона, предъ нимъ—Директорія.

Чтò она изъ себя представляла—пусть разскажетъ самъ генералъ, усердно странствовавшій по Парижу и посѣщавшій салоны директоровъ

Онъ сообщаетъ свои впечатлѣнія брату Іосифу и, чтò въ высшей степени любопытно, о французахъ и ихъ столицѣ онъ все время говоритъ, какъ объ иностранцахъ и городѣ, совершенно ему чуждомъ. Часто къ общему пренебрежительному тону примѣшивается легкій юморъ, на какой только способенъ сынъ Корсики.

«Ce grand peuple»... читаемъ мы, и невольно припоминаемъ любимую остроту по сю сторону Рейна «Cette *grande* nation!».

Буонапарте пораженъ роскошью парижанъ: это какой-то волшебный сонъ!

Въ Парижѣ сосредоточено все, что дѣлаетъ жизнь пріятной. Генералъ, при всей серьезности своего положенія, не можетъ даже сосредоточиться... Женщины повсюду—въ театрахъ, на прогулкахъ, въ библіотекахъ, даже въ кабинетахъ ученыхъ. Мужчины только и бредятъ ими и живутъ для нихъ. Это—по истинѣ женское царство. О террорѣ всѣ забыли и думать, какъ о тяжеломъ сновидѣніи.

Буонапарте при видѣ этого блеска еще глубже долженъ чувствовать свои лишенія. Его поношенный мундиръ, испитое лицо и дикость манеръ невольно выдѣляютъ его изъ веселой беззаботной толпы. Что дѣлать? Остается пристать къ какому-нибудь убѣжищу и сдѣлать все возможное.

А возможно многое. «Этотъ великій народъ предается удовольствіямъ», и во всемъ Парижѣ, можетъ быть, одинъ только исключенный изъ службы генералъ вдумывается въ окружающую жизнь и рѣшаетъ задачи будущаго.

«Робеспьеръ погибъ, Баррасъ игралъ роль; надо же мнѣ было опереться на кого-нибудь и на что-нибудь».

Такъ выражался Наполеонъ много лѣтъ спустя.

И онъ нашелъ опору именно въ Баррасѣ.

Мы слышали о «великомъ народѣ», каковы же были его правители? Три года назадъ, по мнѣнію Буонапарте, они являли изъ себя низкихъ интригановъ и безпринципныхъ эгоистовъ. Пронесся терроръ,—и на сценѣ пять «директоровъ».

Баррасъ—главный изъ нихъ—«не обладалъ совершенно ораторскимъ талантомъ, совсѣмъ не былъ привыченъ къ работѣ... Онъ сдѣлалъ свой домъ блестящимъ, имѣлъ охоту и проживалъ очень много... По выходѣ изъ Директоріи у него осталось большое состояніе. Онъ не скрывалъ этого... У него не было никакихъ опредѣленныхъ представленій объ общественномъ управленіи».

Другой директоръ мнилъ себя творцомъ новой религіи — *теофилантропіи*, мечталъ стать оффиціальнымъ первосвященникомъ. и Наполеонъ, много лѣтъ спустя разсказывалъ о забавномъ ужинѣ: «первосвященникъ»—угощалъ нашего генерала съ цѣлью превратить его въ апостола своей религіи... Самый достойный изъ директоровъ Карно — честный, талантливый военный администраторъ, но безъ широкой иниціативы, и одинаково усердно служившій при директоріи, консульствѣ и имперіи.

Вообще — наибольшая добродѣтель, если только вообще директорамъ были свойственны добродѣтели—честность и аккуратность, и «никакого военнаго таланта», не забываетъ прибавить Наполеонъ по поводу одного изъ нихъ.

Но этого мало. Директоры немедленно по вступленіи въ должность, сдѣлали себя посмѣшищемъ всего Парижа.

Значилась все-таки республика, оффиціальныя лица носили античные костюмы, даже дамы старались одѣваться на манеръ олимпійскихъ богинь, и вдругъ директоры заводятъ у себя дворы по образцу Людовика XIV, устанавливаютъ пріемные часы для стараго монархическаго дворянства, сторонятся республиканцевъ, бывшихъ своихъ товарищей, какъ людей дурного тона, требуютъ отъ окружающихъ строжайшаго соблюденія этикета, какъ это всегда бываетъ съ мѣщанами во дворянствѣ.

На всѣ подобныя затѣи требовались большія деньги, и на директоровъ налетаетъ рой разнаго рода хищниковъ: подрядчиковъ, поставщиковъ, биржевыхъ игроковъ и просто авантюристовъ. Мѣста продаются съ аукціона нисколько не хуже, чѣмъ при старомъ порядкѣ, и для довершенія сходства—милыя красавицы заправляютъ милостями и политикой властителей.

Все это мы знаемъ отъ самого Наполеона [20]). M-me Сталь, полнѣйшая противоположность Буонапарте въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ, разсказываетъ буквально то же самое, смѣется надъ королевскими замашками республиканскихъ правителей, краснорѣчиво описываетъ полное разстройство финансовъ и внутренняго управленія, рѣзко клеймитъ деспотизмъ новой республики [21]).

Чтобы однимъ словомъ изобразить принципъ и практику директорскихъ порядковъ, достаточно назвать—*Фуше*. Бывшій якобинецъ, судья Людовика XVI, теперь министръ полиціи, имъ онъ долго будетъ также при имперіи, перейдетъ и къ Людовику XVIII, т.-е. пройдетъ

---

[20]) *Mémorial*. I, 669 etc.

[21]) *Oeuvres compl.* Bruxelles 1830. XIII, 97, 147.

всѣ поприща отъ террора до бурбонской монархіи, и нигдѣ ни на минуту не потеряется и не споткнется. Соперникомъ въ этомъ искусствѣ у него будетъ только одинъ человѣкъ—Талейранъ. Мы еще встрѣтимся съ этими господами. Пока подвизается со всею энергіей якобинца Фуше и жесточайшими и хитрѣйшими способами преслѣдуетъ журналистику и литературу, въ одинъ день уничтожаетъ одиннадцать газетъ противоположныхъ направленій, по собственной охотѣ беретъ на себя цензуру театральныхъ пьесъ, первый открываетъ гоненія на m-me Сталь, вообще усердствуетъ гораздо больше, чѣмъ этого хотятъ сами правители. Такъ онъ будетъ работать всю жизнь, гдѣ только потребуется крутая расправа съ писателями, книгопродавцами, издателями, вообще съ мыслью и словомъ. И онъ найдетъ себѣ помощниковъ именно среди крайнихъ республиканцевъ. У Наполеона покорнѣйшими слугами будутъ *сто тридцать одинъ* цареубійца, т.-е. члены собранія, осудившаго Людовика XVI на смерть, а одинъ изъ самыхъ яростныхъ—Бареръ—примется строчить доносы, пасквили, панегирики за деньги изъ императорской полиціи.

На вопросъ, какъ Бареръ, при своемъ азартѣ, могъ уцѣлѣть во время революціи, Наполеонъ отвѣтитъ: по своему ничтожеству и безпринципности. Такой отвѣтъ—смертный и справедливый приговоръ надъ громаднымъ большинствомъ гражданъ - правителей послѣ террора [22]).

Развѣ послѣ этого генералъ Бонапартъ не имѣлъ основаній повторять свое любимое разсужденіе о политической и нравственной непригодности французовъ для свободы, и его мысль, будто революціонное поколѣніе производило или деспотовъ, или рабовъ—подтверждается всецѣло разсказами г-жи Сталь [23]). Ея же никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ единомысліи со своимъ безпощаднымъ врагомъ.

На вершинахъ государства водворилась мутная вода и ловилъ здѣсь рыбу, кто только хотѣлъ и могъ. Наполеонъ на островѣ св. Елены разсказывалъ въ высшей степени знаменательный эпизодъ съ присяжнымъ авторомъ революціонныхъ конституцій, съ аббатомъ Сійэсомъ. Уже во время консульства законодатель и бывшій директоръ, оставшись вдвоемъ съ первымъ консуломъ въ залѣ присутствія, указалъ ему таинственно на коммодъ, когда-то собственность Людовика XVI, и спросилъ, сколько, по его мнѣнію, стоитъ эта вещь? Бонапартъ не понималъ, тогда Сійэсъ отвѣ-

---

[22]) *Mémorial*. II, 683.
[23]) *Mémorial*. II, 401.

тилъ: въ коммодѣ заперто 800,000 франковъ, и это только остатокъ отъ очень оригинальной кассы. Ее устроили директора и каждый бралъ изъ нея извѣстную долю, выходя въ отставку. Теперь Сійэсъ предлагалъ подѣлить деньги между нимъ и Бонапартомъ. Консулъ отказался, и Сійэсъ поспѣшилъ взять себѣ 600.000, а другому директору отдалъ всего 200.000. Этотъ обидѣлся, поднялъ-было вопросъ о передѣлежкѣ, Бонапартъ принужденъ былъ предупредить: если дѣло станетъ гласнымъ, онъ конфискуетъ ихъ добычу въ пользу казны [24])...

Наполеонъ свое далеко не гражданское поведеніе, очевидно, считалъ въ данномъ случаѣ безупречнымъ: можно судить, на какомъ уровнѣ стояла вообще республиканская нравственность при директоріи!

Существовала еще другая сила — военная, армія, доблестно сражавшаяся на границахъ. Ей и предстояло рѣшить вопросъ не только о внѣшней, но и о внутренней участи Франціи. Буонапарте, наблюдая правительственные порядки и общественное настроеніе, совершенно логично пришелъ къ мысли: «Чтобы управлять— надо быть военнымъ; хорошо управляютъ только въ шпорахъ и сапогахъ»... И эта мысль не его открытіе. Уже не одинъ генералъ пытался предвосхитить лавры цезаря, и еще въ то время, когда поручикъ Буонапарте читалъ Руссо и разсуждалъ о любви. Но плодъ пока не успѣлъ созрѣть: требовалось полнѣйшее опустошеніе въ рядахъ энергичныхъ дѣятелей и паническій ужасъ предъ якобинствомъ. Тогда оставалось, по собственному выраженію Наполеона, наклониться и подобрать на землѣ корону Франціи.

Повторится исторія, давно извѣстная міру, со временъ римскихъ тріумвировъ. Буонапарте сначала увѣнчаетъ себя лаврами Марса, а потомъ на тотъ же вѣнокъ надѣнетъ корону.

И лучшимъ помощникомъ его будетъ не кто иной, какъ Баррасъ—въ качествѣ директора и любителя новѣйшихъ Діанъ.

Первое мѣсто среди этихъ богинь занимаетъ г-жа Талльенъ, извѣстная міру и исторіи подъ именемъ *Notre Dame de Thermidor*. Въ сущности не Баррасъ директоръ, а эта красавица въ кисейномъ костюмѣ, въ золотомъ поясѣ, съ браслетами выше локтя, въ короткихъ, завитыхъ волосахъ бархатистаго оттѣнка, въ великолѣпной ярко-красной кашемировой шали. Даже женщины не могутъ безъ восторга смотрѣть на новаго генія французской свободы. Помимо всѣхъ прелестей, геній одаренъ истинно ангельской добротой и всегда готовъ помочь ищущему...

---

[24]) *Mém.* I, 775—776.

Буонапарте и направилъ всѣ свои военные и дипломатическіе таланты на этотъ пунктъ. Рѣшивъ «опереться» на Барраса, генералъ быстро вошелъ въ роль домашняго друга въ пышномъ салонѣ директора. *Notre Dame* звала его не иначе, какъ *notre petite général*: у нея оказались свои маленькіе планы на молодого воина. Баррасъ имѣлъ, повидимому, всѣ резоны способствовать этимъ планамъ.

При г-жѣ Талльенъ состояла въ качествѣ подруги дама лѣтъ тридцати двухъ—трехъ, вдова недавно казненнаго генерала Богарнэ и только-что сама сидѣвшая въ тюрьмѣ, причемъ сынъ ея, будущій принцъ Евгеній, находился въ ученьи у столяра, а дочь, будущая королева голландская — у бѣлошвейки [25]). Г-жа Богарнэ также «оперлась» на побѣдителей Робеспьера, и опора оказалась необыкновенно практичной. Предъ нами письма вдовы; изъ нихъ мы узнаемъ, что Баррасъ не имѣлъ обыкновенія *ей* отказывать въ протекціяхъ и любезностяхъ, и будущая императрица, Жозефина, очевидно, раздѣляла съ г-жей Талльенъ высокое назначеніе—быть предстательницей за нуждающихся и несчастныхъ предъ Директоріей. Въ Парижѣ на этотъ счетъ выражались гораздо откровеннѣе... Вообще Жозефина слыла *очень доброй* дамой, по лукавому выраженію брата Наполеона, Луціана.

Этотъ Луціанъ также бывалъ на вечерахъ Директоріи и видѣлъ обѣихъ подругъ: предъ г-жей Талльенъ Жозефина рѣшительно тускнѣла. Луціанъ, ослѣпленный «Калипсо» Барраса, едва замѣтилъ будущую родственницу. Она рѣшительно терялась въ блестящей свитѣ красавицъ, окружавшихъ директора. Правда, ея происхожденіе—креолки, сообщало ей нѣкоторую внѣшнюю оригинальность, особую нѣгу и грацію, но возрастъ и полнѣйшее нравственное ничтожество рѣшительно осуждали ее на задній планъ.

Генералъ былъ другого мнѣнія. Впослѣдствіи онъ самъ очень подробно разсказывалъ о знакомствѣ съ Жозефиной, придавая исторіи наивный романтическій характеръ. Будто вдова вскружила ему голову похвалами его военнымъ талантамъ, Баррасъ это замѣтилъ, предложилъ свое сватовство, чтобы упрочить положеніе «одинокаго» генерала и снабдить его «апломбомъ».

Выходитъ,—Жозефина сама влюбилась въ Буонапарте, а тотъ горячо отозвался на ея страсть.

На самомъ дѣлѣ сватовство происходило совершенно иначе. Опять изъ тѣхъ же писемъ Жозефины мы узнаемъ, что она во-

---

[25]) *Mém.* I, 577.

все не любитъ «маленькаго генерала», даже боится его военныхъ замашекъ и необыкновенныхъ всестороннихъ познаній.

Да, бѣдной Жозефинѣ генералъ казался энциклопедистомъ,—тотъ генералъ, который, по свидѣтельству преданнѣйшаго ему человѣка, не зналъ основныхъ фактовъ французской исторіи даже на тронѣ!..[26]). Но дѣло объясняется просто.

Нѣсколько лѣтъ спустя въ салонѣ перваго консула произошло несказанное событіе. Одна изъ дамъ произнесла имя *Шекспира* и заявила, что читала небольшое сочиненіе Монтескье о римлянахъ. Бонапартъ воскликнулъ: «Чортъ возьми, да вы ученая женщина!..» Но больше всего смутилъ публику Шекспиръ. Героиня разсказываетъ:

«Это длинное англійское имя, сорвавшееся у меня съ языка, произвело нѣкоторую сенсацію на нашу галлерею эполетъ, внимательную и безмолвствующую... Какая эрудиція! Сколько дней мнѣ пришлось мученіемъ искупать эффектъ, произведенный мною совсѣмъ нечаянно!. » [27]).

Послѣ этого понятны изумленія Жозефины. Другой публикѣ, дѣйствительно просвѣщенной, ученость Бонапарта являлась совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, хотя, — мы увидимъ ниже, — не было человѣка, болѣе способнаго ко всякаго рода шарлатанству и эффекту.

Но все-таки не ученость и не страшные взоры генерала побѣдили Жозефину. «Баррасъ, — пишетъ она, — завѣряетъ, что если я выйду замужъ за генерала, онъ дастъ ему мѣсто главнокомандующаго итальянской арміей».

Луціанъ съ своей стороны прибавляетъ:

«Эта женщина... плѣнила моего брата на столько, что онъ желаетъ жениться на ней. Правда, Баррасъ беретъ на себя приданое, которое состоитъ въ санѣ главнокомандующаго итальянской арміей».

Вотъ, слѣдовательно, ключъ къ браку генерала Буонапарте и къ рѣшительному шагу на его цезарскомъ пути.

У жениха были конкурренты, между прочимъ, изъ богатаго купечества. Шпага рѣшила вопросъ въ пользу генерала.

Тринадцатаго вандемьера, т.-е. 4-го октября, Буонапарте, по приглашенію Барраса, пушками подавилъ роялистское возстаніе; на слѣдующій день, членъ представительнаго собранія, Фреронъ, давнишній другъ генерала и въ особенности его сестры Полины, чудной красавицы, заявилъ о подвигѣ съ трибуны, Баррасъ так-

---

[26]) C-te de Las Cases. *Mém.* II, 283.

[27]) M-me Ремюза. *Ib.*, іюнь, 662.

же взывалъ о наградахъ для Буонапарте, и вчерашній генералъ не у дѣлъ, въ нѣсколько дней превращается въ главнокомандующаго внутренней арміей. Это происходитъ 25-го октября, а 27-го мы читаемъ записочку Жозефины такого содержанія.

«Вы не являетесь больше взглянуть на любящую васъ подругу; вы ее совершенно покинули, вы неправы, потому что она нѣжно къ вамъ привязана.

«Приходите завтра завтракать со мной; мнѣ нужно видѣть васъ и поговорить съ вами о вашихъ дѣлахъ.

«До свиданія, другъ мой. Обнимаю васъ.

Вдова Богарнэ».

Это слишкомъ сильно для человѣка, уже два раза потерпѣвшаго неудачу въ сватовствѣ. Искушенный супружескимъ счастьемъ Іосифа съ дочерью мыльнаго торговца, онъ адресовался къ сестрѣ его жены, и былъ отвергнутъ. Потомъ въ Парижѣ, ища солиднаго положенія и «апломба», сдѣлалъ предложеніе г-жѣ Пермонъ, вдовѣ, знакомой ему еще съ Корсики..Но ему заявили, что неудобно дамѣ выходить замужъ за молодого человѣка, годнаго ей въ сыновья... Да, дѣйствительно, женщины «не баловали» будущаго цезаря, и мы легко вѣримъ, что партія съ Жозефиной, бывшей супругой маркиза и очень важнаго революціоннаго дѣятеля, льстила его самолюбію помимо «приданаго». Съ другой стороны, день вандемьера обнаружилъ очень важное обстоятельство: у республики не оказалось въ столицѣ ни одного способнаго и надежнаго генерала. Гражданскіе принципы столь же были сомнительны и подъ военными мундирами, какъ и подъ римскими тогами. Самымъ вѣрнымъ защитникомъ порядка являлся опальный генералъ, нѣсколько времени назадъ едва избѣгшій военнаго суда. Измѣны республикѣ зрѣли въ Парижѣ. Даже въ сердцахъ героевъ, бившихся на границахъ, было несравненно болѣе военнаго мужества и французскаго патріотизма,—чѣмъ стойкихъ республиканскихъ чувствъ. *У республики не было гражданъ*, хотя у Франціи были храбрые воины, а въ Парижѣ—нѣсколько конституцій и множество законодателей. Буонапарте столь же легко досталась побѣда надъ генералами и солдатами, какъ и надъ блузниками 4-го октября.

И обратите вниманіе—какая побѣда и какими средствами!

Седьмого марта Буонапарте былъ утвержденъ главнокомандующимъ итальянской арміей, девятаго произошла его свадьба по странному документу. Получая генеральство отъ якобинцевъ, Буонапарте заявилъ себя *non noble*, хотя въ военную Бріеннскую школу онъ могъ поступить только какъ *noble* и это было удосто-

вѣрено документомъ. Теперь онъ указывалъ другой день своего рожденія—*7-е февраля 1768 года*. Невѣста уменьшила свой возрастъ, по крайней мѣрѣ, на пять лѣтъ, подчистивъ цифру въ метрическомъ свидѣтельствѣ. Но зато въ брачной бумагѣ *Буонапарте* превращался теперь въ *Бонапарта*, дѣлалъ уступку французскому языку и въ письмѣ къ Директоріи новый главнокомандующій говорилъ о своемъ бракѣ: «это новая связь, привязывающая меня къ отечеству, это лишній залогъ моей твердой рѣшимости видѣть мое счастье только въ республикѣ».

Salut et fraternité.

Не лишена наивности эта стремительная поспѣшность, по случаю свадьбы, завѣрять отечество и республику въ вѣрности. Тому, кто чувствовалъ бы себя французомъ по природѣ и республиканцемъ по убѣжденіямъ, врядъ ли пришла бы на умъ подобная идея.

Два дня спустя, счастливый мужъ летѣлъ къ итальянской арміи. По любопытной игрѣ судьбы, для галльскаго цезаря Италія должна была сыграть ту самую роль, какую Галлія когда-то сыграла для итальянскаго.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

I.

Чешская школьная Мàтица.

Если вамъ, читатель, придется побывать въ Прагѣ или въ какомъ-нибудь другомъ чешскомъ городѣ, то ваше вниманіе будетъ непремѣнно привлечено слѣдующимъ характернымъ обстоятельствомъ. Повсюду—въ ресторанахъ, кофейняхъ, кондитерскихъ, всякихъ магазинахъ, разъ только ихъ хозяинъ чехъ,—вы увидите висящій на самомъ видномъ мѣстѣ, оправленный въ изящную раму, большой листъ бумаги, снабженный какой-то надписью и украшенный виньетками и орнаментаціей въ чешскомъ стилѣ.

Когда вы обратитесь къ владѣльцу одного изъ такихъ заведеній съ вопросомъ, что обозначаетъ эта бумага, то замѣтите, что онъ обиженъ вашимъ невѣжествомъ. Онъ окинетъ васъ съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ и, только убѣдившись, что вы иностранецъ, отвѣтитъ, горделиво пріосаниваясь:

— Это дипломъ «Чешской школьной Мàтицы»! Всякій, кто соберетъ на «Мàтицу» сто гульденовъ, получаетъ такой дипломъ...

Не успѣли вы еще оправиться отъ канфуза, какъ онъ ужъ протягиваетъ вамъ красную копилку, предлагая пожертвовать пару крейцеровъ «на Мàтицу».

Вы опускаете въ копилку нѣсколько мелкихъ монетъ и стараетесь узнать, что представляетъ эта «Мàтица», въ пользу которой собирается, повидимому, столько денегъ. Когда вы узнаете, что такое «Чешская школьная Мàтица», какой характеръ имѣетъ ея дѣятельность, какова ея роль въ жизни чешскаго народа и каковы ея заслуги — вы поймете, что гордость, съ которой говоритъ о ней каждый чехъ вовсе не лишена основанія.

Судьба не благопріятствовала чешскому народу въ его исторической жизни. Уже въ XV столѣтіи его начинаютъ постигать

бѣдствія, которыя надолго затормозили правильный ходъ его культурнаго развитія. Бѣлогорское пораженіе 1620 г. нанесло чехамъ страшный ударъ, отъ котораго они до сихъ поръ еще не смогли совершенно оправиться. Все чешское дворянство или погибло, или принуждено было покинуть родной край. Его мѣсто заняли нѣмецкіе феодалы, появившіеся въ Чехіи вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ, который овладѣлъ наслѣдіемъ Пшемыславичей. Болѣе тридцати тысячъ чешскихъ семействъ покинуло Чехію, а ихъ мѣсто заняли отовсюду нахлынувшіе нѣмцы. Всякія проявленія культурной дѣятельности чеховъ были убиты. Тридцатилѣтняя война окончательно уничтожила благосостояніе чешской земли, а ея населеніе уменьшилось съ 2.000.000 до 700.000! Чехія была отдана въ жертву нѣмецкимъ чиновникамъ и іезуитамъ, которые дѣлали все, чтобы уничтожить и самую память о томъ, что въ земляхъ короны св. Вацлава жилъ когда-то высококультурный чешскій народъ. Еженедѣльно на площадяхъ чешскихъ городовъ пылали яркіе костры. Это іезуиты жгли чешскія книжки. Чешскіе города переполнились нѣмцами, такъ что и тѣ немногіе чехи, которые уцѣлѣли отъ всякихъ погромовъ, въ концѣ концовъ онѣмечились...

Къ концу XVIII столѣтія ни чешскихъ дворянъ, ни чешскаго мѣщанства, ни чешскаго образованнаго класса не существовало. Чешскую національность сохранилъ только крестьянинъ, на котораго высшіе классы смотрѣли, какъ на рабочій скотъ, и котораго, поэтому, и не старались германизировать.

Однако, наступило время, когда и мужикъ былъ признанъ человѣкомъ. Реформы Іосифа II призвали къ самостоятельной жизни и чешскаго крестьянина. И вотъ, изъ среды крестьянства выходятъ люди, которые начинаютъ работать на поприщѣ родной культуры, начинаютъ развивать чешскую литературу, естественный ходъ развитія которой былъ прерванъ жестокой рукой историческихъ событій; мало-по-малу появляется чешскій образованный классъ, который, не теряя связи съ роднымъ народомъ, готовитъ для него лучшую будущность...

Здѣсь не мѣсто передавать исторію чешскаго возрожденія, описывать, какимъ образомъ народъ, котораго не только враги, но и друзья приговорили къ смерти *), пробудился къ новой жизни и занимаетъ въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ среди

*) Такъ, напр., извѣстный аббатъ Іосифъ Добровскій занимался филологическими изслѣдованіями чешскаго языка только съ тою цѣлью, чтобы хоть какая-нибудь память осталась объ языкѣ, обреченномъ, по его мнѣнію, на вѣчную погибель.

культурныхъ членовъ европейской семьи народовъ. Чешскій народъ возродился; однако, ему уже никогда не залѣчить тѣхъ тяжелыхъ ранъ, которыя ему нанесла трехсотлѣтняя неволя!

Если мы возьмемъ въ руки этнографическую карту нѣкогда чисто-чешскихъ провинцій: Чехіи, Моравіи и Силезіи, — мы сразу же увидимъ, каковъ результатъ вѣкового преобладанія нѣмцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поймемъ, какой опасности подвергается чешскій народъ еще и въ настоящее время. Нѣмцы оттѣснили его отъ горъ, лишая его такимъ образомъ естественныхъ границъ. Нѣмецкій элементъ окружаетъ чеховъ съ трехъ сторонъ. Только на востокѣ (гдѣ чехи соприкасаются съ поляками и словаками), имъ не угрожаетъ денаціонализація. Нѣмецкое море все подвигается. Оно уже залило совершенно чешскую часть Силезіи (опавское княжество) и готовится отрѣзать Моравію отъ собственной Чехіи. Нѣмцы идутъ впередъ во всеоружіи германской культуры, обладая всѣми ея могущественными средствами борьбы: печатью, школой, литературой. Нѣмецкій элементъ подвигается со всѣхъ сторонъ, стараясь поглотить и уничтожить самый западный форпостъ славянскаго міра.

Чтобы бороться успѣшно съ такимъ врагомъ, нужно было употребить тѣ же средства, которыми онъ былъ силенъ, т.-е. съ врагомъ, побивающимъ своей культурой, нужно было бороться культурными средствами, — литературой, печатью, школой.

Вотъ въ этой-то культурной борьбѣ «Общество школьной Мàтицы» и играетъ выдающуюся, если не главную, роль.

Нѣмцы употребляютъ всѣ средства, чтобы германизировать чешскій народъ. При нѣмецкихъ школахъ существуютъ спеціальныя стипендіи для дѣтей чешскихъ родителей. Чешскія дѣти изъ бѣдныхъ семей, посѣщающія нѣмецкую школу, получаютъ даромъ завтракъ и обѣдъ, одежду, обувь, книжки и всѣ учебныя пособія. Для нихъ устраиваются елки и базары на Рождество, гулянья и увеселительныя экскурсіи во время каникулъ и т. д.

Фабрикантъ - нѣмецъ, нанимая чешскаго рабочаго, нерѣдко ставитъ ему въ условіе, чтобы его дѣти посѣщали не чешскую, а нѣмецкую школу. Зажиточный нѣмецъ всегда заботится о томъ, чтобы дѣти его чешской прислуги не попали въ чешскую школу. А такъ какъ нѣмцы въ Чехіи по большей части люди зажиточные, и, кромѣ того, пользующіеся всякою поддержкою со стороны австрійскаго правительства, то парализировать ихъ дѣятельность крайне трудно.

Нужно было противодѣйствовать имъ въ границахъ возможности, т.-е. слѣдовало постараться, чтобы вездѣ, гдѣ чехамъ угро-

жаетъ опасность денаціонализаціи, существовали чешскія школы; чтобы родители, желающіе и могущіе посылать своихъ дѣтей въ чешскую школу, не были принуждены отдавать ихъ въ нѣмецкую, за неимѣніемъ первой *). Поэтому, нужно было позаботиться, чтобы вездѣ на окраинахъ чешской этнографической территоріи, затѣмъ въ городахъ и селахъ, въ которыхъ чехи представляютъ меньшинство и поэтому не могутъ требовать постройки собственной школы на общественныя средства,—были основаны чешскія школы, которыя предохраняли бы чешскихъ дѣтей отъ онѣмеченія.

Вотъ этой-то цѣлью и задалось «Общество чешской школьной Мàтицы», основанное въ 1880 году по иниціативѣ нѣсколькихъ чешскихъ учителей гимназіи.

«Общество чешской школьной Мàтицы», начиная свою дѣятельность, было убѣждено, что весь чешскій народъ придетъ ему на помощь, и оно не ошиблось. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего существованія «Общество» собрало 804.000 гульденовъ. Доходъ одного пятаго года равнялся 149.794 гульденамъ. Этотъ капиталъ былъ употребленъ на содержаніе тридцати трехъ дѣтскихъ пріютовъ, двадцати трехъ школъ и двухъ гимназій, причемъ педагогическій персоналъ, занимающійся въ школахъ «Общества», состоялъ изъ ста пятидесяти трехъ лицъ.

По мѣрѣ развитія дѣятельности «Мàтицы», ея доходы постоянно увеличивались. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и расходы.

Въ 1890 году «Мàтица» праздновала десятилѣтнюю годовщину своего основанія. Общая сумма собранныхъ въ теченіе этихъ десяти лѣтъ денегъ равнялась 1.578.685 гульд., расходъ же дошелъ до 1.367.800 гул. Въ одиннадцатомъ году своего существованія «Мàтица» содержала одну гимназію, тридцать три народныхъ школы и тридцать три дѣтскихъ пріюта. Одна гимназія и пятнадцать народныхъ школъ, основанныхъ «Мàтицей», перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія **), а семь школъ приняли подъ свое покровительство другія благотворительныя учрежденія. Учительскій персоналъ «Мàтицы» достигъ двухсотъ пятнадцати человѣкъ.

До 1895 года «Общество» собрало болѣе 2.500.000 гульденовъ, а число его членовъ равняется въ настоящее время 25.000.

---

*) Въ Чехіи, какъ и во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, посѣщеніе школъ обязательно для каждаго ребенка.

**) Въ Австріи можно требовать, чтобы министерство народнаго просвѣщенія приняло на свой счетъ частную школу, если окажется, что она необходима населенію, т.-е. посѣщается узаконеннымъ числомъ учениковъ.

Если мы вспомнимъ, что всѣхъ чеховъ по самой оптимистической *чешской* статистикѣ немногимъ болѣе пяти милліоновъ, что чехи не имѣютъ ни богатыхъ аристократовъ, ни крупныхъ землевладѣльцевъ, то намъ невольно придетъ въ голову вопросъ, откуда же почерпаетъ «Мȧтица» такія громадныя суммы на удовлетвореніе своихъ потребностей?

Только познакомившись ближе съ чешской жизнью, съ готовностью чеха пожертвовать послѣдній крейцеръ на всякое національное учрежденіе, мы поймемъ, на какія средства содержится «Общество чешской школьной Мȧтицы».

«Школьная Мȧтица»—это учрежденіе общенаціональное, лишенное всякой партійной окраски. И консервативный старочехъ, и либеральный младочехъ, и клерикалъ, и соціалъ-демократъ одинаково заботятся объ интересахъ дорогой для каждаго чешскаго сердца «Мȧтицы». Не слѣдуетъ думать, чтобы «Матицу» поддерживалъ только интеллигентный слой чешскаго общества. Успѣхъ этого учрежденія принимается близко къ сердцу каждымъ чехомъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, къ какой бы сферѣ онъ ни принадлежалъ. На «Мȧтицу» даютъ средства и ремесленники, и рабочіе, и крестьяне. Особенно много жертвуютъ именно послѣдніе *).

И покидая свою отчизну, эмигрируя изъ Чехіи, чехъ не забываетъ свою «Мȧтицу». Ежегодно получаетъ она тысячи гульденовъ изъ Америки, Австраліи, Россіи, Лондона, Вѣны и другихъ мѣстностей, гдѣ живутъ чешскіе переселенцы.

Чеха, не пожертвовавшаго ничего въ пользу «Мȧтицы», трудно представить себѣ. Нѣтъ буквально ни одного чеха, нѣтъ ни одного чешскаго учрежденія, которое не считало бы своимъ долгомъ поддерживать «Мȧтицу». «Мȧтицу» субсидируетъ и пражскій ландтагъ, и всѣ городскія думы, въ которыхъ большинство гласныхъ чехи, и всякіе чешскіе банки, сберегательныя кассы и т. п. учрежденія. Нѣтъ ни одного публичнаго или частнаго, семейнаго торжества, которое не принесло бы «Мȧтицѣ» извѣстнаго дохода.

Чехи пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы увеличить фондъ ея. На всѣхъ митингахъ, общественныхъ собраніяхъ и т. д. кто-нибудь изъ присутствующихъ добровольно принимаетъ на себя роль сборщика. По окончаніи любой политической сходки, вы непремѣнно наткнетесь у выхода на господина, который протягиваетъ вамъ шляпу, говоря:

---

*) Чешскій крестьянинъ стоитъ въ культурномъ отношеніи очень высоко. Между чешскими крестьянами почти нѣтъ безграмотныхъ. Почти всѣ они выписываютъ газеты и журналы, и спеціальная народная литература уже потеряла въ Чехіи raison d'être.

— На «Мàтицу».

На балахъ, раутахъ и т. д. собираютъ пожертвованія дамы.

Нѣкоторые способы сбора пожертвованій на «Мàтицу» дѣлаютъ честь изобрѣтательности чеховъ.

Вы сидите, напр., въ какомъ-нибудь ресторанѣ и наблюдаете слѣдующую сцену. Изъ компаніи, расположившейся за однимъ изъ столовъ, встаетъ кто-нибудь и, поднимая кверху сигару, заявляетъ:

— Продается сигара съ публичнаго торга на «Матичку»! Цѣна два крейцера; кто больше?

На минуту все въ ресторанѣ затихаетъ, а затѣмъ въ разныхъ углахъ зала раздаются крики:

— Три!

— Четыре!

— Пять! и т. д,

Владѣлецъ сигары переходитъ отъ стола къ столу, собирая въ шляпу крейцеры. Аукціонъ продолжается, обыкновенно, довольно долго, публикой овладѣваетъ увлеченіе, и, наконецъ, кто-нибудь получаетъ грошовую сигару, цѣна которой успѣла, между тѣмъ, дойти до двухъ-трехъ гульденовъ. Вырученныя отъ аукціона деньги съ надписью «На школьную Мàтицу» опускаются въ кружку, какихъ десятки тысячъ разбросаны по разнымъ чешскимъ общественнымъ учрежденіямъ и торговымъ заведеніямъ Чехіи, Моравіи и Силезіи.

Не считая правильныхъ взносовъ членовъ, «Мàтица» получаетъ ежегодно большое количество пожертвованій по нѣскольку сотенъ гульденовъ.

Въ жизни каждаго интеллигентнаго чеха существуетъ масса случаевъ, которые ознаменовываются обязательными пожертвованіями въ пользу «Школьной Мàтицы». Это начинается чуть ли не съ самаго появленія чеха на свѣтъ. На его крестинахъ, обыкновенно, собирается между гостями извѣстная сумма, которую отправляютъ въ канцелярію «Мàтицы». Когда ребенокъ-чехъ поступаетъ въ школу,—его родители, желая ознаменовать этотъ торжественный фактъ его жизни, жертвуютъ на «Матицу» нѣсколько гульденовъ. Переходя изъ класса въ классъ, ученики собираютъ изъ своихъ сбереженій (стоившихъ иногда не одного недоѣденнаго завтрака) небольшую сумму на «Мàтицу».

Во многихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ ученики собирали въ теченіе года столько денегъ, что могли получить дипломъ «основателей», выдаваемый каждому, кто пожертвовалъ minimum сто гульденовъ. Такой дипломъ вѣшали, обыкновенно, въ классѣ, и онъ переходилъ изъ класса въ классъ вмѣстѣ съ учениками, при чемъ каждый годъ прибавлялось по одному новому диплому.

Въ настоящее время правительствомъ запрещено ученикамъ собирать пожертвованія въ пользу «Матицы». Теперь только оканчивающіе гимназію и получающіе аттестатъ зрѣлости сразу собираютъ нѣсколько десятковъ гульденовъ. Въ младшихъ классахъ эти пожертвованія собираются тайно, причемъ запрещеніе, какъ это обыкновенно бываетъ, только усиливаетъ агитацію въ пользу «Матицы».

Молодой человѣкъ, заказывая визитныя карточки, печатаетъ ихъ на спеціальныхъ картонныхъ листкахъ, украшенныхъ эмблемой «Матицы» и издаваемыхъ ею же. Доходъ отъ продажи этихъ карточекъ идетъ въ пользу «Матицы».

Такъ какъ «Матица» издаетъ свою спеціальную почтовую бумагу и конверты, то и любовныя записочки молодежи обоего пола приносятъ нѣкоторый доходъ національному учрежденію.

Женясь, чехъ разсылаетъ приглашенія на свадьбу, отпечатанныя опять-таки на бланкахъ, издаваемыхъ «Матицей». Во время свадебнаго пира гости собираютъ деньги для пріобрѣтенія т. н. «свадебнаго матичнаго диплома», который долженъ украшать гостиную новобрачныхъ.

Даже смерть чеха приноситъ «Матицѣ» доходъ. Во-первыхъ, почти каждый чехъ отказываетъ въ своемъ завѣщаніи какую-нибудь, хотя бы небольшую, сумму въ пользу «Школьной Матицы». Затѣмъ, многіе вѣнки, которые родственники, друзья и знакомые покойника возлагаютъ на его гробъ, изящно сдѣланы изъ бѣлыхъ билетиковъ, продаваемыхъ «Матицей», перемѣшанныхъ съ зелеными листьями.

Очень часто при процессахъ тяжущіеся, желая покончить дѣло миромъ, жертвуютъ по нѣскольку гульденовъ въ пользу «Матицы». Выручкой отъ проигранныхъ пари, въ большинствѣ случаевъ, пользуется та же «Школьная Матица». Иногда адвокаты, защищая какое-нибудь дѣло, отдаютъ гонораръ «Матицѣ». То же самое дѣлаютъ и врачи.

Въ окнѣ канцеляріи «Матицы» въ Прагѣ, по Фердинандовой улицѣ (пражскій Невскій), существуетъ отверстіе, въ которое опускаются доброхотныя пожертвованія. Это окно приноситъ въ иной мѣсяцъ по нѣскольку сотъ гульденовъ дохода.

У нѣкоторыхъ чеховъ собираніе пожертвованій въ пользу «Матицы» переходитъ въ какую-то манію.

Во всей Чехіи пользуется большой популярностью пражскій ресторанъ, извѣстный подъ названіемъ «U Fleku». Въ этомъ ресторанѣ ежедневно собирается громадная масса посѣтителей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ слоямъ чешскаго общества,

начиная съ профессоровъ университета и литераторовъ и кончая студентами, ремесленниками и торговцами. Между ежедневными посѣтителями ресторана «U Fleku» одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ сапожникъ Билекъ. Каждый вечеръ встрѣтите вы его тамъ сидящимъ за кружкой пильзнера, покуривающимъ сигару и весело болтающимъ съ пріятелями.

Съ наступленіемъ девяти часовъ Билекъ поднимается со своего мѣста, беретъ подносъ и отправляется обходить гостей. Онъ останавливается передъ каждымъ изъ нихъ,—все одно, знакомъ ли онъ съ нимъ или нѣтъ, — протягивая ему подносъ. Каждый посѣтитель даетъ minimum одинъ крейцеръ и, спустя десять минутъ, Билекъ возвращается на свое мѣсто, считаетъ собранные крейцеры и передаетъ ихъ въ кассу, ключи отъ которой хранятся у двоихъ изъ гостей, ежедневно у другихъ.

Повторяя свой обходъ каждый день, сапожникъ Билекъ собралъ уже такимъ образомъ болѣе *пятнадцати тысячъ* гульденовъ.

Почти каждый чешскій авторъ, издавая свои произведенія, считаетъ прямой обязанностью пожертвовать въ пользу «Школьной Мàтицы» нѣсколько, а иногда и нѣсколько десятковъ экземпляровъ. «Мàтица» продаетъ ихъ, а вырученныя деньги идутъ въ ея кассу. Кромѣ того, въ Чехіи появляется много книжекъ и брошюръ, чистая прибыль отъ продажи которыхъ идетъ въ пользу «Школьной Мàтицы».

Сама «Матица» продаетъ, кромѣ бумаги, конвертовъ и визитныхъ карточекъ, еще и спички посредствомъ автоматовъ, разставленныхъ по площадямъ, улицамъ и въ садахъ Праги и другихъ чешскихъ городовъ. Въ пользу «Мàтицы» идетъ весь доходъ съ пражскаго катка.

Чешскій фибрикантъ и торговецъ старается получить отъ «Матицы» такъ называемую привилегію. Привилегія эта состоитъ въ томъ, что они имѣютъ право снабдить свой товаръ подписью: «въ пользу чешской школьной Мàтицы». Хотя промышленникъ и долженъ заплатить «Мàтицѣ» за пріобрѣтеніе такой привилегіи иногда довольно значительную сумму, однако, онъ ничего не теряетъ и даже еще выигрываетъ, потому что каждый чехъ съ бóльшей охотой покупаетъ товаръ, снабженный подобной подписью.

Большой доходъ приносятъ «Мàтицѣ» ежегодно устраиваемые въ ея пользу театральныя представленія, концерты, лекціи, балы, рауты, маскарады, базары, загородныя экскурсіи съ музыкой, лоттереи и т. д.

Ежегодно, 28 сентября, въ день смерти покровителя чешскаго народа св. Вацлава, по всей Чехіи собираются усиленно пожер-

твованія на такъ называемый «святовацлавскій даръ Матицѣ» До сихъ поръ въ этотъ день собрано болѣе ста тысячъ гульденовъ. Двѣ чешскія національные выставки—такъ называемая юбилейная 1891 года и этнографическая—1895 г. не мало содѣйствовали увеличенію капиталовъ «Школьной Матицы».

Въ различныхъ пунктахъ этихъ выставокъ помѣщались большія красивыя стеклянныя копилки «Матицы», куда посѣтители опускали деньги. Любопытно, что въ этихъ копилкахъ появлялись рядомъ съ деньгами и лотерейные билеты и даже серьги, кольца, броши и браслеты. На этнографической выставкѣ былъ построенъ спеціальный павильонъ, въ которомъ любопытные посѣтители могли видѣть милліонъ крейцеровъ, сложенный изъ одних крейцеровыхъ монетъ. Плата за входъ въ этотъ павильонъ шла въ пользу «Матицы».

Пріѣзжавшіе на выставку депутаты отъ различныхъ чешскихъ городовъ привозили съ собою иногда значительныя суммы на «Матицу».

Одно время «Школьная Матица» издавала свой спеціальный календарь подъ редакціей двухъ самыхъ выдающихся чешскихъ поэтовъ: Ярослава Врхлицкаго и Святополка Чеха.

Органомъ «Матицы» является мѣсячникъ «Viestnik ustrzedni Matice Szkolske», въ которомъ печатается отчетъ о дѣятельности этого общества и распредѣленіи получаемыхъ ею пожертвованій.

Дѣятельность «Школьной Матицы» развивается съ каждымъ годомъ, и нѣмцы сами сознаются, что имъ невозможно съ ней бороться *). Подъ вліяніемъ «Матицы» и галиційскіе поляки основали подобное общество, которое въ теченіе трехлѣтняго своего существованія собрало болѣе 70.000 капитала, основало само нѣсколько школъ, помогло нѣсколькимъ десяткамъ сельскихъ общинъ построить школы и, такимъ образомъ, противодѣйствуетъ германизаціи польскихъ дѣтей въ Силезіи и западной части Галиціи.

Л. Василевскій.

---

*) См. Mittheilungen des Deutshen Schulvereines. Wien. 1894.

РАЗВИТІЕ ПРОФЕССІЙ.

Перев. съ англійскаго Т. К—ль.

Введеніе.

Трудно указать черты, общія всѣмъ профессіональнымъ группамъ и въ то же время отличающія ихъ отъ прочихъ группъ, на какія распадается общество. Намъ будетъ легче составить себѣ объ этомъ правильное представленіе, когда мы разсмотримъ функціи данныхъ группъ при самомъ ихъ возникновеніи.

Всѣ онѣ въ томъ или другомъ отношеніи поддерживаютъ жизнь общества и его членовъ; поддержаніе жизни общества—организма безсознательнаго, есть первая ближайшая цѣль ихъ, или, лучше сказать, средство къ достиженію дальнѣйшей цѣли—поддержанія жизни отдѣльныхъ членовъ общества—организмовъ сознательныхъ.

Первая функція и по времени, и по значенію ея есть охраненіе племенной или національной жизни—защита общества отъ нападенія враговъ. Для достиженія этой цѣли возникаетъ прежде всего нѣкоторое упорядоченіе жизни. Стѣсненіе свободы индивидуальныхъ дѣйствій необходимо для успѣшнаго веденія войны, что обусловливаетъ повиновеніе военачальнику или предводителю. Когда, послѣ побѣды, временный предводитель превращается въ постояннаго вождя, внутренняя жизнь общества получаетъ такое устройство, которое отвѣчаетъ цѣлямъ войны. Вслѣдъ за обезпеченіемъ отъ внѣшнихъ враговъ, являются заботы о защитѣ гражданъ другъ отъ друга. Законы, устанавливаемые первоначально побѣдоноснымъ предводителемъ, получаютъ послѣ его смерти еще большую силу, какъ внушенія, приписываемыя его духу. Такимъ образомъ, къ власти живого короля и его слугъ присоединяется мало-по-малу власть умершаго короля и его слугъ. Одновременно съ увеличеніемъ средствъ охраненія и упорядоченія жизни растутъ и средства поддержанія ея. Сначала пища, одежда и жилище добываются каждымъ для себя, затѣмъ они становятся предметомъ обмѣна и

вмѣстѣ съ этимъ развивается рядъ мѣръ, которыя значительно облегчаютъ матеріальное обезпеченіе всѣхъ членовъ общества. Въ чемъ же должна состоять дальнѣйшая работа общества, послѣ того какъ достигнуты безопасность, порядокъ и матеріальное обезпеченіе жизни? Она должна состоять въ расширеніи жизни, и дѣйствительно, къ этому стремятся всѣ вообще профессіи. Очевидно,—когда докторъ утоляетъ боль, вправляетъ вывихнутые члены, излѣчиваетъ болѣзнь и предотвращаетъ преждевременную смерть, онъ увеличиваетъ сумму жизни. Музыкальные композиторы и исполнители, а также преподаватели музыки и танцевъ увеличиваютъ наши эмоціи и такимъ образомъ увеличиваютъ интенсивность жизни. Поэты эпическіе, лирическіе и драматическіе, также какъ и актеры, вызываютъ каждый по своему пріятныя ощущенія и, слѣдовательно, увеличиваютъ интенсивность жизни. Историкъ и литераторъ отчасти вліяютъ на насъ своими произведеніями, а главное, возбуждаютъ въ насъ интересъ сообщаемыми фактами или создаваемыми образами и такимъ путемъ вызываютъ подъемъ духа, слѣдовательно—увеличиваютъ интенсивность жизни. Хотя мы не можемъ сказать про юристовъ, что они идутъ непосредственно къ той же цѣли, но и они, помогая гражданамъ защищаться противъ незаконныхъ посягательствъ, содѣйствуютъ ихъ благополучію, а слѣдовательно, увеличиваютъ интенсивность жизни. Различныя примѣненія къ практикѣ научныхъ открытій, рзнообразные умственные интересы, которые возбуждаетъ человѣкъ науки, и всеобщее просвѣщеніе, которому онъ содѣйствуетъ, все это служитъ къ увеличенію жизни. Учитель, сообщая знанія или занимаясь воспитаніемъ своего ученика, дѣлаетъ его болѣе способнымъ исполнять ту или другую работу и успѣшно бороться за свое существованіе, и въ то же время онъ открываетъ ему возможность пользоваться разнообразными наслажденіями,—въ обоихъ случаяхъ онъ увеличиваетъ интенсивность его жизни. Наконецъ, всякій, кто занимается пластическими искусствами—живописецъ, скульпторъ и архитекторъ—возбуждаетъ своими произведеніями пріятныя ощущенія эстетическаго характера, т. е. увеличиваетъ интенсивность жизни.

Какимъ же путемъ возникаютъ всѣ эти профессіи? Изъ какой первичной соціальной ткани дифференцируются они,—говоря языкомъ эволюціонистовъ? Признавая общую истину, доказанную многочисленными примѣрами въ «Основахъ соціологіи», что всякое соціальное учрежденіе происходитъ вслѣдствіе дифференцированія сравнительно однородной массы, мы должны изслѣдовать, въ какой части этой массы зародились профессіональныя учрежденія.

На этотъ вопросъ можно дать одинъ только опредѣленный от-

вѣтъ: зародыши профессіональной дѣятельности замѣчаются въ самыхъ первобытныхъ политико-религіозныхъ учрежденіяхъ; когда эти учрежденія распадаются на политическія съ одной стороны и религіозныя съ другой, зародышъ профессіональной дѣятельности сохраняется и окончательно развивается преимущественно въ религіозныхъ учрежденіяхъ. Въ первобытныхъ соціальныхъ группахъ на войнѣ появляется временный военачальникъ, и тамъ, гдѣ войны случаются часто, онъ превращается въ постояннаго предводителя; успѣшное веденіе войны требуетъ повиновенія ему, а когда его власть окончательно утвердится, это повиновеніе, ограниченное первоначально войною, распространяется на мирное время и содѣйствуетъ упорядоченію общественной жизни. Когда, подъ начальствомъ какого-либо предводителя, племя его покоряетъ другія племена, эти племена стараются всячески умилостивить его, и его собственное племя все больше и больше удивляется и подчиняется ему; вслѣдствіе господствующаго повсюду культа душъ умершихъ, предводитель обладаетъ послѣ смерти еще большею властью, чѣмъ при жизни,—припомнивъ всѣ эти факты, мы поймемъ, какимъ образомъ могло произойти это явленіе, что поклоненіе, какимъ пользуются предводители при жизни, продолжается, а иногда и усиливается послѣ ихъ смерти. Первобытные народы представляютъ себѣ жизнь на томъ свѣтѣ совершенно подобною жизни на этомъ. Поэтому, какъ живому предводителю доставляютъ пищу и напитки, такъ и на могилу его приносятъ жертвы и дѣлаютъ возліянія. Когда онъ былъ живъ, ему приносили въ даръ животныхъ—и на могилѣ его приносятъ въ жертву такихъ же животныхъ. Если это былъ король съ большимъ штатомъ придворныхъ и для поддержанія его двора требовалось много скота, то для продовольствія его души и душъ его приближенныхъ приносятся цѣлыя гекатомбы воловъ и барановъ. Если онъ былъ людоѣдъ, ему и при жизни, и послѣ смерти приносятся человѣческія жертвы, и кровь ихъ выливается на его могильный холмъ или на алтарь, который представляетъ собою могильный холмъ. Если на этомъ свѣтѣ у него были слуги, то предполагается, что онъ нуждается въ нихъ и на томъ,—поэтому, часто ихъ убиваютъ на его похоронахъ, т. е. посылаютъ вслѣдъ за нимъ. Если женщины его гарема не умерщвляются на его могилѣ (что также часто случается), то въ его храмѣ, обыкновенно, содержатъ посвященныхъ ему дѣвушекъ. Посѣщенія его для засвидѣтельствованія ему почтенія превращаются со временемъ въ путешествія на его могилу или въ его храмъ; подарки, приносимые къ подножію его трона, замѣняются дарами, возлагаемыми на его гроб-

ницу. Колѣнопреклоненія, паданье ницъ, обнаженіе той или другой части тѣла и другія формы почитанія совершаются въ его присутствіи,—и тѣ же обряды сопровождаютъ поклоненіе ему въ его храмѣ. Его прославляютъ хвалами при жизни—и такими же, если не большими, хвалами послѣ смерти. Пляска, служившая раньше непроизвольнымъ выраженіемъ радости въ его присутствіи, пріобрѣтаетъ характеръ церемоніи, и эта же церемонія соблюдается какъ знакъ почтенія къ его душѣ. То же самое можно сказать и о музыкѣ: и инструментальная, и вокальная, она равно исполняется, какъ передъ живымъ, тамъ и передъ умершимъ вождемъ.

Если нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій и обрядовъ, служащихъ одновременно знаками политическаго вѣрноподданства и религіознаго поклоненія, сходны съ нѣкоторыми профессіональными дѣйствіями, то, очевидно, — эти послѣднія имѣютъ двойной корень и въ политическихъ, и въ религіозныхъ учрежденіяхъ. Точно также очевидно, что, по мѣрѣ дифференціаціи этихъ двухъ областей, религіозная развивается шире и полнѣе; это зависитъ, во-первыхъ, отъ того, что значеніе, приписываемое умершему существу, постоянно возрастаетъ; во-вторыхъ, отъ того, что поклоненіе ему не ограничивается однимъ какимъ-либо мѣстомъ, а распространяется на многія мѣстности. Вмѣстѣ съ религіозными учрежденіями, развивается и связанная съ ними профессіональная дѣятельность.

Мы указали различныя проявленія этой дѣятельности, связанныя съ обѣими областями—политической и религіозной.

Принесеніе жертвъ, какъ видимому, такъ и невидимому обожествленному предводителю имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлью поддержаніе жизни, въ другихъ—увеличеніе ея интенсивности; восхваляемому существу стараются доставить наслажденія посредствомъ хвалебныхъ рѣчей, пѣсенъ и разныхъ эстетическихъ удовольствій. Естественно, всѣ эти обряды, какъ, напримѣръ, хвалебныя рѣчи, гимны, драматическія представленія, а также скульптурныя и живописныя изображенія въ храмахъ,—развиваются одновременно съ тѣмъ сословіемъ, которое постоянно служитъ обожествленному вождю—съ жречествомъ.

Вторая причина, почему всѣ профессіи, какъ упомянутыя нами, такъ и остальныя, напримѣръ, юридическая, учительская и т. п., имѣютъ религіозное происхожденіе,—заключается въ томъ, что классъ жрецовъ по необходимости превосходитъ всѣ остальные классы знаніями и умственнымъ развитіемъ.

Знаніе природы, искусство и опытность даютъ первобытнымъ жрецамъ или лѣкарямъ вліяніе надъ ихъ согражданами; эти же

черты продолжаютъ отличать ихъ и тогда, когда въ дальнѣйшей стадіи развитія ихъ жреческій характеръ болѣе специализируется. Ихъ вліяніе, какъ жрецовъ, возрастаетъ, когда они совершаютъ дѣла и поступки, далеко превышающія силы и разумѣніе народа; поэтому, у нихъ постоянно есть стимулъ достигать высшихъ ступеней культуры и умственнаго превосходства, необходимаго для той дѣятельности, которую мы относимъ къ разряду профессіональной.

Безспорно, классъ жрецовъ, которому другіе классы доставляютъ средства къ жизни, становится мало-по-малу самымъ празднымъ. Освобожденые отъ необходимости работать ради поддержанія существованія, жрецы могутъ посвящать свою энергію и свой досугъ тому умственному труду и тѣмъ спеціальнымъ упражненіямъ, которыя необходимы для профессіональной дѣятельности.

Изложивъ эти общія соображенія о природѣ происхожденія профессіональной дѣятельности, мы перейдемъ къ выясненію тѣхъ фактовъ, которые представляетъ историческое развитіе различныхъ профессій.

Врачи и хирурги.

Мы говорили выше, что среди дикихъ народовъ трудно установить различіе между жрецомъ и врачемъ, такъ какъ обязанности того и другого соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ. Приведемъ нѣкоторые факты въ подтвержденіе этой мысли. По словамъ Гумбольдта, «караибскіе маррири въ одно и то же время были жрецами, кудесниками и врачами». У тупійцевъ «такъ называемые, пайи были одновременно знахарями, кудесниками и жрецами». Переходя отъ Южной Америки къ Сѣверной, мы читаемъ: «Каррьеры очень мало знакомы съ лѣчебными свойствами травъ. Жрецъ или шаманъ бываетъ у нихъ одновременно и врачемъ». Шулькрафтъ разсказываетъ, что у дакотовъ «жрецъ является въ одно и то же время предсказателемъ и врачемъ». Въ Азіи мы находимъ точно такое же тѣсное соединеніе обоихъ занятій. У племени бадаговъ въ Южной Индіи «курумбасы занимаются лѣченьемъ и, кромѣ того, исполняютъ роль священниковъ на свадьбахъ и похоронахъ». У болѣе сѣверныхъ народовъ мы встрѣчаемъ то же явленіе. «Въ Монголіи очень много мѣстныхъ врачей и это по большей части ламы. Свѣтскія лица очень рѣдко присоединяютъ медицину къ другимъ своимъ занятіямъ, большинство же врачей принадлежитъ къ духовному сословію».

То же самое явленіе имѣетъ мѣсто и на другомъ великомъ материкѣ. Такъ, относительно экваторіальной Африки Ридъ сообщаетъ, что человѣкъ-фетишъ является тамъ одновременно врачемъ, жрецомъ и колдуномъ. Такого же рода факты находимъ мы въ изслѣдованіяхъ Молльена, Алльена и Томсона относительно племени джагофовъ и еггарадевъ.

Эти примѣры (желающіе могутъ найти гораздо большее количество ихъ въ «Соціологіи» того же автора) ясно показываютъ, что соединеніе обѣихъ профессій въ одномъ лицѣ было нормальнымъ явленіемъ въ первобытныхъ обществахъ.

Причина этого соединенія заключается въ томъ, что какъ первобытный жрецъ, такъ и первобытный врачъ, оба одинаково имѣли дѣло съ существами, которыя считались сверхъестественными. Этимъ богамъ и демонамъ приписывались различныя качества: одни изъ нихъ были враждебны человѣку, другіе, по большей части, милостивы, но иногда, подъ вліяніемъ гнѣва, способны насылать различныя бѣдствія.

Первобытный врачъ имѣлъ дѣло съ злыми духами, которые, по понятіямъ дикарей, являлись причиной всѣхъ несчастій вообще и болѣзней въ частности; больныхъ онъ лѣчилъ иногда при помощи естественныхъ средствъ, но въ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ тому или иному способу заклинанія. Такъ, чиппевасы, по словамъ Китинга, «при лѣченіи употребляютъ гораздо чаще разнаго рода заклинанія, чѣмъ подходящія къ дѣлу средства». У племени куткасовъ «страданія и болѣзни, происходящія отъ естественныхъ причинъ, объясняются или отсутствіемъ, или ненормальмымъ состояніемъ души, а также вліяніемъ злыхъ духовъ; все лѣченіе направляется къ тому, чтобы водворить душу въ ея прежнее мѣсто и смягчить разгнѣванныхъ духовъ». Объ оканагонахъ разсказываютъ: «у нихъ, также какъ и вездѣ, въ случаѣ, если болѣзнь принимаетъ серьезный и загадочный оборотъ, медицинское лѣченіе тотчасъ прекращается, и на сцену выступаетъ знахарь съ своими чарами».

Слѣдствіемъ такой вѣры въ сверхъестественное происхожденіе болѣзней являются разнообразные обычаи. У кароновъ «врачъ за извѣстную плату открываетъ, какой духъ причинилъ болѣзнь и какимъ приношеніемъ можно смягчить его гнѣвъ». Ароканскій врачъ приводитъ себя въ дѣйствительное или притворное состояніе изступленія, во время котораго онъ, по убѣжденію присутствующихъ, находится въ общеніи съ духами. Придя въ себя, онъ объявляетъ, «въ чемъ состоитъ болѣзнь и гдѣ она гнѣздится. Затѣмъ онъ жметъ и растираетъ больное мѣсто до тѣхъ поръ,

пока ему не удастся извлечь предметъ, причинившій болѣзнь, который онъ торжественно показываетъ окружающимъ. Этимъ предметомъ бываетъ обыкновенно паукъ, жаба или какое-нибудь пресмыкающееся, которое онъ передъ тѣмъ тщательно скрылъ у себя въ одеждѣ».

По словамъ Еллиса, врачи Таити, дѣйствующіе также въ качествѣ жрецовъ и заклинателей, получаютъ отъ больныхъ извѣстное вознагражденіе, причемъ часть его считается собственностью боговъ; такой обычай основывается на убѣжденіи, что дары могутъ смягчить гнѣвъ боговъ, причинившихъ болѣзнь. Такую же ассоціацію идей находимъ мы и у болѣе культурнаго народа— монголовъ. «Они, какъ говоритъ Гильмуръ, рѣдко отдѣляютъ лѣченіе отъ молитвъ и предпочитаютъ врача изъ духовенства, потому что онъ можетъ сразу исполнять обѣ обязанности — онъ даетъ больному лѣкарство и въ то же время совершаетъ надъ нимъ религіозные обряды».

Такимъ образомъ, понятно, почему жрецъ можетъ исполнять обязанности врача. Если болѣзнь произошла не вслѣдствіе гнѣва божества, то ее приписываютъ демонамъ, обитающимъ въ человѣкѣ. Изгнать их возможно двумя средствами: или сдѣлать, чтобы ихъ обиталище, т.-е. тѣло человѣка, стало для нихъ невыносимымъ, или призвать на помощь болѣе могущественныхъ духовъ, которые могутъ удалить ихъ.

Но, кромѣ этого, лѣченіе во многихъ случаяхъ состояло изъ соединенія естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ. То обстоятельство, что первобытный врачъ употреблялъ средства, дѣйствующія физически и химически, заставляетъ, повидимому, считать его предшественникомъ современныхъ врачей. Но это совершенно невѣрно: тѣ средства, которыя теперь мы считаемъ естественными, не признавались за естественныя людьми того времени. Дѣйствія, производимыя растеніями и ихъ продуктами на тѣло человѣка, приписывались духамъ, живущимъ въ растеніи. Такимъ образомъ, первобытный врачъ или колдунъ, видѣвшій повсюду дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, сходится съ современнымъ врачемъ лишь въ употребленіи нѣкоторыхъ однородныхъ средствъ, но никакъ не въ своемъ понятіи объ этихъ средствахъ.

Врачъ обязанъ своимъ происхожденіемъ скорѣе всего жрецу, который старается умилостивлять духовъ, а не бороться съ ними.

Существованіе знахарей характеризуетъ собой небольшое, неразвитое общество,—жрецъ появляется съ возникновеніемъ крупнаго соціальнаго тѣла и правильно установленнаго правительства. Первоначально обязанность поклоняться душамъ родителей и дру-

гихъ членовъ семьи лежала на всѣхъ родственникахъ и, такимъ образомъ, жреческія функціи распредѣлялись между многими лицами. Затѣмъ эта обязанность перешла къ старшему въ родѣ, а съ установленіемъ прочной, наслѣдственной власти вождя, находящійся въ живыхъ вождь долженъ былъ приносить жертвы душѣ умершаго вождя, причемъ иногда онъ совершалъ эту церемонію въ присутствіи народа. Такимъ образомъ возникло оффиціальное жречество. Постепенно общественная группа увеличивается въ объемѣ, вслѣдствіе смѣшенія съ покоренными племенами; власть вождя, превратившагося въ короля, распространяется на различныя подвластныя ему группы; для управленія этими подвластными народами посылаются намѣстники, которые выполняютъ обряды того культа, котораго придерживается племя завоевателей; отсюда ведетъ свое начало жреческое сословіе, которое превращается мало-по-малу въ касту и дѣлается проводникомъ господствующей религіи; оно же, по причинамъ, на которыя мы указывали выше, становится вообще носителемъ культуры.

Эта культура, развиваясь все болѣе и болѣе, приноситъ большее знакомство съ медицинскими пріемами, которые постепенно утрачиваютъ свой сверхъестественный характеръ. Древнія цивилизаціи даютъ намъ много примѣровъ подобнаго перехода. Масперо разсказываетъ намъ о древнихъ египтянахъ: «Врачеватели раздѣляются у нихъ на разныя категоріи. Одни вѣрятъ въ колдовство и дѣйствуютъ исключительно талисманами и магическими формулами. Другіе употребляютъ лѣкарственныя средства, они изучаютъ свойства растеній и минераловъ и съ точностью опредѣляютъ время, когда ихъ слѣдуетъ приготовлять и употреблять. Лучшіе врачи тщательно избѣгаютъ исключительнаго примѣненія того или другого метода. Они одинаково прибѣгаютъ какъ къ лѣкарственнымъ средствамъ, такъ и къ заклинаніямъ, смотря по больному. Они бываютъ въ большинствѣ случаевъ въ то же время и жрецами».

Одновременно съ этимъ прогрессомъ идетъ и дифференціація занятій. Среди низшихъ классовъ духовенства появляются «пастофоры, которые занимаются медициной».

Въ извѣстіяхъ, относящихся къ Вавилону и Ассиріи, дѣло представляется не на столько яснымъ. Вотъ что говоритъ Ленорманъ о халдеяхъ: «Интересно, что великая книга о магіи, отрывки которой нашелъ сэръ Раулинсонъ, распадается на три части, соотвѣтствующія въ точности тремъ классамъ халдейскихъ врачей, перечисляемымъ въ книгѣ Даніила рядомъ съ астрологами и прорицателями (каздимъ и газримъ): *картумины*, или заклина-

тели, *гакамины*, или врачи, и *азафины*, или богословы». Профессоръ Сэйсъ приводитъ подобные же примѣры. «Въ Ассиріи и Вавилонѣ,—говоритъ онъ,—издавна существовало званіе врача. Правда, большинство народа въ случаѣ болѣзни прибѣгало къ религіознымъ чарамъ и церемоніямъ, а самую болѣзнь приписывало не естественнымъ причинамъ, а навожденію демоновъ; но число просвѣщенныхъ людей, обращавшихся охотнѣе къ помощи врача съ его лѣкарствами, чѣмъ къ помощи заклинателя или жреца съ ихъ чарами—постоянно возрастало».

Изъ этихъ цитатъ видно, что сословіе врачей выдѣлилось, какъ часть изъ жреческаго сословія.

У евреевъ наблюдается то же явленіе, которое мы встрѣчаемъ у ихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. «Медицина у евреевъ, какъ и у большинства древнихъ народовъ,—говоритъ Готье,—долго сохраняла жреческій характеръ; врачами были исключительно левиты... У древнѣйшихъ народовъ Азіи, каковы, наприм.; индусы и персы, искусство лѣченія находилось также въ рукахъ жрецовъ».

Позднѣе эта связь начинаетъ ослабѣвать, и врачъ постепенно отдѣляется отъ священника. Такъ, мы читаемъ въ книгѣ Премудрости Іисуса, сына Сирахова: «Сынъ мой! въ болѣзни твоей не будь небреженъ, но молись Господу, и онъ исцѣлитъ тебя. Оставь грѣховную жизнь и исправь руки твои и отъ всякаго грѣха очисти сердце. Вознеси благоуханіе и изъ семидала памятную жертву, и сдѣлай приношеніе тучное, какъ бы уже умирающій. И дай мѣсто врачу, ибо и его создалъ Господь, и да не удаляется онъ отъ тебя, ибо онъ нуженъ». (Книга Премудрости XXXVIII, 9—13).

Дрэперъ приводитъ подобные же факты: «Въ талмудической литературѣ мы находимъ указанія на переходный періодъ медицины: сверхъестественное какъ бы сливается съ естественнымъ, религіозное смѣшивается съ научнымъ. Такъ, раввинъ излѣчиваетъ больныхъ чисто религіознымъ обрядомъ возложенія рукъ, и въ то же время припадки лихорадки объясняются естественною, хотя и ошибочною причиною, а параличъ заднихъ ногъ животнаго совершенно правильно приписывается давленію опухоли на спинной мозгъ».

Что касается индусовъ, исторія которыхъ представляетъ постоянную смѣну правительствъ и религій, то мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о происхожденіи у нихъ профессіи врача. Всѣ разсказы сводятся, однако, къ тому, что медицина имѣетъ божественное происхожденіе, очевидно, черезъ посредство жреческаго сословія. Во введеніи къ «Каракѣ» говорится, что знаніе меди-

цины косвеннымъ образомъ перешло отъ Брамы къ Индрѣ. «Барадвая научился ему отъ Индры и сообщилъ его шести Риши, въ числѣ которыхъ находился Агниваза». Соединеніе медицинской профессіи съ обязанностями священника подтверждается словами Гунтера, что «національная астрономія и медицина Индіи обязаны своимъ возникновеніемъ требованіямъ національнаго культа». Это соединеніе продолжается и во времена буддизма. «Наука изучалась въ главныхъ центрахъ буддистской цивилизаціи; таковъ, напримѣръ, былъ монашескій университетъ въ Наландѣ, близъ Гайи».

У грековъ наблюдается тотъ же ходъ развитія медицинской профессіи. «Наука медицины была божественнаго происхожденія, и врачи отчасти продолжали считаться потомками Асклепія. Многія семьи или роды, называвшіеся Асклепіадами,—пишетъ Гротъ,—посвящали себя изученію и практикѣ медицины. Они жили по близости храмовъ Асклепія, къ которому больные и страждущіе прибѣгали за исцѣленіемъ, и считали этого бога не только объектомъ своего культа, но и своимъ дѣйствительнымъ родоначальникомъ». Позднѣе ихъ профессія получаетъ свѣтскій характеръ. «Связь профессіи врачей съ жречествомъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Послѣ ея окончательнаго отдѣленія, въ ней самой возникаютъ подраздѣленія, какъ въ отношеніи занятій (фармація, хирургія и т. д.), такъ и по отношенію лицъ, которыя посвящаютъ себя этимъ занятіямъ».

Въ первыя времена римской исторіи, когда не было еще отдѣльнаго медицинскаго класса, болѣзни приписывались сверхъестественнымъ причинамъ, а способъ лѣченія состоялъ въ принесеніи жертвъ. Считалось, что болѣзни посылались особымъ божествомъ, и вслѣдствіе этого приносились жертвы Фебрису, Мефитису, Оссипагѣ и Карнѣ. Одинъ изъ тибрскихъ острововъ, который имѣлъ прежде своего бога-цѣлителя, сдѣлался центромъ культа Эскулапа; этого бога призывали во времена эпидемій. И такъ, очевидно, что и въ Римѣ врачеваніе соединялось первоначально съ обязанностями священника. Но здѣсь нормальный ходъ эволюціи былъ нарушенъ посторонними вліяніями. Покоренные народы, которые славились дѣйствительнымъ или мнимымъ искусствомъ въ медицинѣ, поставляли Риму своихъ врачей, которые долгое время находились въ зависимости отъ знатныхъ домовъ. «Врачи и хирурги были, по большей части, рабами или вольноотпущенниками», говорится у Гуля и Конера. Медицинская профессія, при началѣ своего самостоятельнаго развитія, была иностраннаго происхожденія. «Въ 535 году въ Римѣ поселился великій

греческій врачъ, пелопонесецъ Архагатусъ, и пріобрѣлъ такую славу своими хирургическими операціями, что государство назначило ему отъ себя жилище и даровало право гражданства; съ этого времени врачи массами стали стекаться въ Римъ. Эта профессія— одна изъ самыхъ выгодныхъ въ Римѣ, сдѣлалась монополіей иностранцевъ» (Моммсенъ).

Въ виду полной противоположности между христіанствомъ и язычествомъ, можно бы думать, что первобытное смѣшеніе священнической и медицинской профессій исчезнетъ, какъ только христіанство окончательно утвердится. На самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Первые христіане устраивали много госпиталей и надзоръ за ними поручался, обыкновенно, священнику; такъ, въ Александріи въ патріаршество Өеофила начальникомъ госпиталя былъ св. Исидоръ; въ Константинополѣ св. Зотикъ, а послѣ него св. Самсонъ.

По поводу замѣны языческихъ медицинскихъ учрежденій христіанскими, мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: «Разрушеніе школъ Асклепія не сопровождалось никакими мѣрами къ упроченію профессіональнаго образованія. Благодаря этому, суевѣрія и обманы постоянно возрастали въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ и въ концѣ концовъ всюду распространилась вѣра въ чудодѣйственное вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ». Правильнѣе было бы сказать, что языческія представленія о болѣзни и ея лѣченіи воскресли въ умахъ народа. По словамъ Шпренгеля, послѣ VI в. медицина находилась почти исключительно въ рукахъ монаховъ. Въ VII вѣкѣ высшее духовное начальство нашло, что занятіе медициной мѣшаетъ монахамъ исполнять ихъ религіозныя обязанности и стало запрещать имъ это занятіе; такое запрещеніе издано Латеранскимъ соборомъ 1123 года, Реймскимъ 1131 года, и новымъ Латеранскимъ 1139 года. Но, несмотря на это, обычай продолжалъ существовать еще цѣлыя столѣтія, какъ во Франціи, такъ, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ. Повидимому, только съ изданіемъ папской буллы, разрѣшавшей врачамъ жениться, занятіе медициной стало понемногу переходить въ руки свѣтскихъ лицъ. По словамъ Уортона, «врачамъ парижскаго университета не было разрѣшено вступать въ бракъ вплоть до 1452 года».

Въ Англіи мы видимъ тѣ же явленія. Въ 1456 году медицина до извѣстной степени находилась еще въ рукахъ духовенства. При Генрихѣ VIII духовенство имѣло большое вліяніе на медицинскую практику, что доказывается слѣдующимъ эдиктомъ, изданнымъ въ третій годъ царствованія этого короля. «Всякому лицу, живущему въ Лондонѣ или на семь миль въ окружности, воспрещается прак-

тиковать въ качествѣ врача или хирурга безъ экзамена и разрѣшенія отъ лондонскаго епископа или декана собора св. Павла, установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованнаго факультетомъ; внѣ этихъ границъ—безъ разрѣшенія мѣстнаго епископа или генеральнаго викарія, которое свидѣтельствуется тѣмъ же порядкомъ».

Право присуждать медицинскіе дипломы до самаго начала XIX вѣка оставалось за архіепископомъ Кентерберійскимъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что отдѣленіе духовнаго врача отъ тѣлеснаго, которое возникаетъ у дикихъ племенъ при переходѣ на болѣе высокую степень цивилизаціи, достигло лишь постепенно своего полнаго развитія въ христіанской Европѣ

Нѣкоторыя вѣрованія и взгляды первобытныхъ народовъ оказывали весьма долго вліяніе на медицинскую практику. Первобытный врачъ, приписывавшій причину болѣзни присутствію демона, всячески старался сдѣлать для него непріятнымъ пребываніе въ тѣлѣ человѣка; съ этой цѣлью онъ пугалъ своего паціента, причинялъ ему боль, заставлялъ его принимать разныя отвратительныя снадобья, производилъ передъ нимъ сильный шумъ, корчилъ страшныя гримасы, подвергалъ больного дѣйствію невыносимаго жара, заставлялъ нюхать самые противные запахи и глотать самыя противныя вещи, какія только можно придумать. Изъ вышеприведеннаго отрывка Экклезіаста видно, что подобные взгляды долго держались даже у полуцивилизованныхъ евреевъ. Можно привести множество примѣровъ того, что не только въ средніе вѣка, но и въ гораздо болѣе близкую къ намъ эпоху, степень дѣйствительности лѣкарства измѣрялась въ глазахъ многихъ степенью его отвратительности: чѣмъ отвратительнѣе лѣкарство, тѣмъ вѣрнѣе оно дѣйствуетъ. Монтень, подсмѣиваясь надъ врачами своего времени, увѣряетъ, что они прописываютъ больнымъ разныя снадобья, вродѣ слѣдующаго: смѣшать лѣвую ногу черепахи, испражненія слона, печень крота и толченый экскрементъ крысы. На этой же теоріи основанъ рецептъ, помѣщенный въ «Сокровищницѣ анатоміи» Викарія (1641): примите 5 ложекъ выдѣленій ребенка-идіота. Ею же объясняются многія повѣрья: напр.: «эпилепсія излѣчивается, если больной напьется воды изъ черепа убитаго или выпьетъ крови убійцы», что головная боль проходитъ, если употреблять высушенную и истолченную въ порошокъ пленку, покрывающую черепъ. Веревка или щепка отъ висѣлицы, на которой былъ повѣшенъ преступникъ, также считалась цѣлебнымъ средствомъ. Въ наше время среди необразованныхъ и неразвитыхъ людей господствуютъ тѣ же понятія. Они неразрывно соединяютъ представленіе объ отвратительномъ вкусѣ лѣкарствъ съ его цѣлеб-

нымъ свойствомъ и недовѣрчиво относятся ко всякому пріятному на вкусъ лѣкарству.

Какъ при эволюціи органической, такъ и при соціальной эволюціи со всѣми ея подраздѣленіями, вторичныя дифференціаціи всегда сопровождаютъ первоначальную. Въ то время, какъ медицина выдѣляется изъ сферы дѣятельности духовенства, въ ней самой возникаютъ подраздѣленія. Первымъ изъ нихъ было дѣленіе на врачей и хирурговъ. Процессъ этотъ шелъ различными путями и прослѣдить его особенно трудно потому, что въ послѣднее время обѣ профессіи, вмѣсто того, чтобы еще больше раздѣлиться, начали снова сливаться въ одно. Врачъ-практикъ соединяетъ въ своемъ лицѣ обѣ профессіи и лѣчитъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ болѣзней. Многіе врачи прямо получаютъ дипломъ доктора медицины и хирургіи. Соединяясь вмѣстѣ, профессіи эти въ то же время болѣе рѣзко отдѣляются отъ другихъ подчиненныхъ имъ отраслей труда. До послѣдняго времени не только хирургъ приготовлялъ самъ необходимые ему медикаменты, но многіе врачи имѣли свои аптеки и даже лабораторіи; это обыкновеніе до сихъ поръ еще сохранилось въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ. Теперь врачи и хирурги, практикующіе въ городахъ, предоставляютъ эту часть своихъ занятій аптекарямъ и дрогистамъ.

Это кажущееся несоотвѣтствіе съ законами эволюціи исчезнетъ, если мы обратимся къ болѣе раннимъ эпохамъ. Различіе между врачемъ и хирургомъ возникаетъ не въ силу дифференціаціи—оно намѣчается уже при самомъ возникновеніи медицины. Какъ медицина, такъ и хирургія, обѣ имѣли своей задачей лѣчить болѣзни тѣла, но одна изъ нихъ занималась болѣзнями, которыя происходили отъ сверхъестественныхъ причинъ, другая же такими, которыя возникали естественнымъ путемъ—первая объясняла болѣзнь присутствіемъ въ человѣкѣ злыхъ духовъ, вторая имѣла дѣло съ поврежденіями, причиненными человѣку другими людьми, животными и неодушевленными предметами. Понятно, почему въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о древнихъ цивилизаціяхъ мы находимъ ясный слѣдъ различія между этими отраслями медицины. «Браминъ былъ врачемъ, но низкій ручной трудъ, который составляетъ часть этой профессіи, не могъ исполняться чистымъ браминомъ; во избѣжаніе этого затрудненія, въ ранній періодъ исторіи была образована новая каста, происшедшая отъ одного изъ потомковъ Брамы и дочери Вайшіи».

Въ Египтѣ раздѣленіе профессій существовало еще до христіанской эры. Арабы, повидимому, систематически различали медицину, хирургію и фармацію, какъ три отдѣльныя профессіи.

Что касается грековъ, то у нихъ не было подобнаго раздѣленія. «Греческій врачъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хирургомъ, и онъ же занимался приготовленіемъ лѣкарствъ. Принимая въ соображеніе отрывочность тѣхъ фактовъ, которые мы имѣемъ о жизни первобытныхъ обществъ, мы легче можемъ вывести заключеніе о томъ, насколько различались между собою обѣ медицинскія профессіи въ средневѣковой Европѣ. Въ средніе вѣка центромъ всей тогдашней культуры были монастыри и монашескіе ордена, слѣдовательно, обѣ профессіи находились въ вѣдѣніи духовенства и монаховъ; значитъ, въ началѣ V вѣка хирургія не была еще отдѣльной отраслью медицины. Однако, духовныя лица воздерживались отъ занятій хирургіей и ограничивались только наблюденіемъ надъ серьезными операціями, которыя исполнялись ихъ помощниками. Причиной этого было, повидимому, то обстоятельство, что духовенству воспрещалось пролитіе крови, и такимъ образомъ оно не имѣло права дѣйствовать операціоннымъ ножомъ. По всей вѣроятности, это же обстоятельство вызвало появленіе свѣтскихъ врачей, которые получали образованіе въ монастырскихъ школахъ и потомъ поступали на службу большихъ городовъ въ качествѣ цирюльниковъ-хирурговъ. Эта дифференціація была, по всей вѣроятности, ускорена папскими эдиктами, запрещавшими духовнымъ лицамъ занятіе медициной вообще; явился компромиссъ, по которому духовныя лица сохранили право прописывать лѣкарства, но предоставили всю хирургическую практику людямъ свѣтскимъ.

Вмѣстѣ съ основной дифференціацей, ходъ которой нѣсколько затемнился въ силу указанныхъ причинъ, внутри каждаго подраздѣленія появляются новыя дифференціаціи. Нѣкоторыя изъ нихъ возникаютъ и обозначаются на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія. Въ древней Индіи «цѣлая спеціальная отрасль медицины была посвящена ринопластикѣ, которая занималась исправленіемъ обезображенныхъ ушей и носовъ и придѣлываніемъ новыхъ». Существованіе подобной спеціализаціи подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что «въ сочиненіяхъ древнихъ хирурговъ описано не менѣе ста двадцати семи хирургическихъ инструментовъ». Въ санскритскій періодъ «число медицинскихъ сочиненій и авторовъ было чрезвычайно велико. Первыя были посвящены изложенію системъ, охватывающихъ всю область науки, или спеціальнымъ изслѣдованіямъ по отдѣльнымъ вопросамъ».

Тѣ же явленія встрѣчаемъ мы и въ древнемъ Египтѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Геродотъ: «Медицина раздѣляется у нихъ на отдѣльныя отрасли; каждый врачъ лѣчитъ только одну какую-либо болѣзнь и не касается остальныхъ; такимъ образомъ,

въ странѣ существуетъ множество врачей, одни лѣчатъ болѣзни глазъ, другіе—болѣзни головы, зубовъ, внутренностей, третьи—болѣзни, не имѣющія опредѣленнаго мѣста».

У грековъ очень долго не существовало раздѣленій между медициной и хирургіей, но впослѣдствіи «искусство лѣченія распалось на отдѣльныя отрасли, появились окулисты, дантисты и т. п.». Средніе вѣка даютъ въ этомъ отношеніи лишь отрывочныя свѣдѣнія, но за то наша эпоха представляетъ очевидныя доказательства того, что процессъ раздѣленія труда между медиками сильно подвинулся впередъ. Въ настоящее время мы имѣемъ, напримѣръ, врачей, которые лѣчатъ почти исключительно болѣзни легкихъ, другіе—болѣзни сердца, третьи—разстройства нервной системы или пищеваренія, четвертые—накожныя болѣзни и т. п. У насъ существуютъ госпитали, куда принимаются больные только съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ видомъ болѣзни. То же самое можно сказать и о хирургахъ. Кромѣ окулистовъ и отіатровъ, есть знаменитые операторы мочевого пузыря, прямой кишки или яичниковъ; нѣкоторые хирурги славятся искусствомъ лѣчить переломы и вывихи; я не говорю уже о, такъ называемыхъ, костоправахъ, которые часто пользуются даже большимъ успѣхомъ, чѣмъ лица, оффиціально принадлежащія къ профессіи.

Согласно съ нормальнымъ ходомъ эволюціи, дифференціація сопровождается, въ свою очередь, интеграціей. Уже съ самаго начала обнаруживается стремленіе къ объединенію лицъ, занимающихся медициной. Возникаютъ учрежденія, гдѣ они сообща обучаются своему искусству—появляются ассоціаціи всѣхъ лицъ, занимающихся медициной. Въ Александріи «храмъ Сераписа служилъ госпиталемъ, куда принимались больные; туда былъ открытъ доступъ лицамъ, занимающимся медициной, чтобы они могли на практикѣ изучать болѣзни, совершенно такъ же, какъ это дѣлается теперь въ подобныхъ учрежденіяхъ».

Въ Римѣ, съ установленіемъ культа Эскулапа, наука стала преподаваться въ храмахъ, посвященныхъ этому богу. Вь началѣ среднихъ вѣковъ медицинская наука развивалась въ монастыряхъ—этихъ центрахъ тогдашней образованности, подобно тому, какъ въ наше время она сосредоточивается въ университетахъ. Позднѣе въ Италіи возникли учрежденія для подготовленія врачей, какъ, напр., Салернская медицинская школа въ 1140 г. Во Франціи въ концѣ XIII в. корпорація хирурговъ имѣла свою собственную коллегію по примѣру медицинскихъ факультетовъ. Послѣ этой интеграціи хирурги исключили изъ своей среды цирульниковъ, которымъ было воспрещено совершать операціи и

оставлено только право перевязывать раны. Въ Англіи постепенно происходила такая же группировка. Лондонскіе цирульники-хирурги ввели у себя корпоративное устройство при Эдуардѣ IV. Въ XV в. была основана медицинская школа. «Она получила право выдавать дипломы врачамъ,—право, принадлежавшее раньше епископу». Въ царствованіе Карла I въ Лондонѣ и на 7 миль въ окружности запрещено было заниматься хирургіей лицамъ, которыя не выдержали экзаменъ при корпораціи цирульниковъ и хирурговъ. Указомъ Георга II изъ корпораціи были исключены хирурги и основана королевская коллегія хирурговъ. Такимъ образомъ, въ эту эпоху интеграція сдѣлала значительные успѣхи. Въ то же самое время въ различныхъ мѣстахъ основывались медицинскія школы для подготовленія къ испытанію въ подобныхъ медицинскихъ корпораціяхъ, а это, въ свою очередь, способствовало успѣхамъ интеграціи. Госпитали, разсѣянные по всему королевству, сдѣлались разсадниками клиническаго изученія болѣзней, причемъ нѣкоторые существовали при коллегіяхъ, другіе отдѣльно. Новымъ средствомъ интеграціи явились медицинскіе журналы, выходящіе то еженедѣльно, то ежемѣсячно. Они способствуютъ взаимному общенію медицинскихъ образовательныхъ учрежденій, корпорацій и вообще всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ профессіи.

Прежде чѣмъ кончить эту главу, отмѣтимъ еще два факта. Одинъ изъ нихъ есть фактъ дифференціаціи: нѣкоторые профессора анатоміи и физіологіи стали заниматься біологіей. Изученіе человѣческой жизни привело ихъ къ изученію жизни вообще. И замѣчательно, что эта спеціальность, не имѣющая, повидимому, никакого отношенія къ медицинской профессіи, на самомъ дѣлѣ, расширяя пониманіе жизни человѣка, содѣйствуетъ успѣхамъ медицины. Другой фактъ заключается въ томъ, что какъ только оффиціально признанные медики соединились въ корпорацію, у нихъ явилась вражда къ медикамъ, стоящимъ внѣ корпораціи. Они преслѣдуютъ, какъ еретиковъ, всѣхъ лицъ, осмѣливающихся лѣчить безъ надлежащаго диплома, всѣхъ химиковъ и дрогистовъ, отпускающихъ лѣкарства безъ рецепта врача. Это доказываетъ тенденцію профессіи — достигнуть еще болѣе рѣзко опредѣленной интеграціи.

Изъ «Popular Science Monthly». Гербертъ Спенсеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

День за днемъ ускользаетъ несмѣло,
Ночи стелютъ свой черный покровъ.
Снова полночь нѣмая приспѣла,
Слышенъ бой колокольныхъ часовъ.

Гулкій звукъ разростается, стонетъ,
Заунывнымъ призывомъ звучитъ,
И въ застывшемъ безмолвіи тонетъ,—
И пустынная полночь молчитъ.

Мѣдный говоръ такъ долго тянулся,
Что, казалось, не будетъ конца,—
И какъ будто вдали улыбнулся
Милый очеркъ родного лица.

И забылся весь ужасъ изгнанья,
Засвѣтился родимый очагъ,
Но мгновенно настало молчанье,
Неоглядный раскинулся мракъ.

Дверь открылась—и снова замкнулась,
Лучъ блеснулъ—и его не видать.
И безсильно въ груди шевельнулось
То, чему не бывать, не бывать.

К. Бальмонтъ.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

I.

— Ну, все кончено, слава Богу!

Молодой человѣкъ, проговорившій эти слова, откинулся отъ окна кареты, но не сѣлъ спокойно на мѣсто, а быстро повернулся, приподнялъ подушечку, закрывавшую заднее окошко ландо, привсталъ, чтобы удобнѣе смотрѣть сквозь него, и при этомъ оперся рукой о плечо своего спутника. Пока лошади быстро уносили ихъ впередъ, онъ увидѣлъ черезъ окошечко на широкой улицѣ Маркетъ Мальфорда, толпу, продолжавшую кричать и махать шляпами, отблескъ полудюжины факеловъ на лицахъ и движущихся фигурахъ, закрытые магазины на обѣихъ сторонахъ улицы, неправильныя очертанія крышъ и трубъ, рисовавшихся на зимнемъ небѣ, и вдали маленькій фонарь на башнѣ новой ратуши.

— Я удивляюсь, что лошади не взбѣсились,—сказалъ его спутникъ.—Гнѣдая кобыла ужъ начала горячиться. Хорошо, что мы велѣли поднять верхъ, становится очень холодно. Не лучше-ли вамъ сѣсть?

И лордъ Фонтеной сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая сбросить руку съ своего плеча.

Тотъ, кому принадлежала эта рука, бросился на свое мѣсто, пробормотавъ какое-то извиненіе, снялъ шляпу и вздохнулъ съ видомъ утомленія. Въ ту же секунду выраженіе разочарованія смѣнило улыбку, съ которою онъ бросалъ послѣдній взглядъ на толпу.

— Все отлично! Но, знаете, чего хочется послѣ всей этой исторіи: нравственной ванны! Сколько лжи наговорилъ я за послѣднія три недѣли, сколько всякой ерунды! Я положительно чувствую себя грязнымъ! Хуже всего то, что сколько вы послѣ ни чистите свою душу, нѣчто на ней останется!

Онъ взялъ папиросу слегка дрожащей рукой и закурилъ ее у своего сосѣда. У того было худощавое, длинное лицо и очень красивые волоса; на видъ онъ казался лѣтъ на 10 старше своего собесѣдника.

— Конечно, останется,—отвѣчалъ этотъ послѣдній.—Теперь всѣ очень слѣдятъ за тѣмъ, чтобы депутаты исполняли обѣщанія, которыя даютъ на выборахъ. Я не слыхалъ никакой ерунды. Вообще, насколько мнѣ извѣстно, наша партія ерунды не говоритъ, мы это предоставляемъ министерству!

Сэръ Джоржъ Тресседи,—такъ звали младшаго собесѣдника,—пожалъ плечами. Губы его все еще дрожали подъ вліянемъ нервнаго возбужденія. Но когда карета покатилась вдоль темныхъ заборовъ и фонари ея стали освѣщать мокрыя, но, не смотря на ноябрь, еще зеленыя вѣтви деревьевъ, къ нему понемногу возвратилось полуциническое самообладаніе. Результатъ выборовъ округа Маркетъ Мальфордъ, въ Западной Мерсіи, былъ объявленъ въ этотъ день въ третьемъ часу послѣ жаркой выборной борьбы; въ качествѣ кандидата, одержавшаго побѣду, хотя весьма слабымъ большинствомъ, онъ съ балкона отеля «Сѣрой Собаки» говорилъ рѣчь шумѣвшей толпѣ, прошелъ черезъ обычную церемонію выпряганья лошадей и торжественной ѣзды на людяхъ по улицамъ города и теперь возвращался съ своимъ помощникомъ и предводителемъ партіи, лордомъ Фонтеной, въ большой торійскій домъ, изъ котораго ихъ провожали сегодня утромъ и гдѣ была главная штабъ-квартира Тресседи въ теченіе выборной кампаніи.

— Видали-ли вы кого-нибудь до того разстроеннымъ, какъ Берроусъ?—спросилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ. — Клянусь св. Георгомъ, непріятное положеніе! Онъ навѣрно считалъ свое дѣло выиграннымъ! Онъ такъ много сдѣлалъ для округа, онъ пользуется вліяніемъ на рудокоповъ. Вдругъ является какой-то проклятый незнакомецъ, и семнадцать шальныхъ голосовъ все перевертываютъ! Онъ едва могъ заставить себя пожать мнѣ руку. Мнѣ такъ онъ очень понравился, а вамъ какъ?

Лордъ Фонтеной кивнулъ головой.

— Судя по его рѣчамъ, это умный человѣкъ,—замѣтилъ онъ равнодушно, — но такого рода умы слѣдуетъ держать подальше отъ парламента, вотъ и все. Мнѣ жаль, что вы чувствуете нѣкоторое угрызеніе совѣсти, совершенно излишнее въ данномъ случаѣ, увѣряю васъ. Въ настоящее время или Берроусъ и подобные ему должны быть побиты, или вы и вамъ подобные. На этотъ разъ побитъ Берроусъ, хотя только 17 голосами, и я говорю, слава Богу! — Онъ опустилъ на минуту окно и выбросилъ окурокъ.

Тресседи ничего не отвѣчалъ. Но снова выраженіе полу-печальное, полу-задумчивое нагнало морщины на его гладкій, бѣлый, почти юношескій лобъ, окаймленный прядями густыхъ красивыхъ волосъ; остальная часть лица его казалась сильно загорѣлой, точно вслѣдствіе путешествій или жизни на открытомъ воздухѣ. Носъ и ротъ, хотя не красивые, были не велики и тонко очерчены, а длинный, острый, слегка выдавшійся подбородокъ, заставлялъ его враговъ утверждать, что онъ похожъ на тѣ безчисленные портреты Филипа IV Веласкеза и подражателей Веласкеза, которые наполняютъ всѣ галлереи Европы. Можетъ быть, въ его подбородкѣ и было нѣчто Гагсбургское, но, несомнѣнно, вся остальная физіономія его, дышавшая умомъ и живостью, была вполнѣ современной.

Собесѣдники замолчали; карета катилась по холмистой мѣстности, слабо освѣщенной звѣздами. Тамъ и сямъ возвышались земляныя насыпи съ высокими трубами и зданіями, тѣснившимися на нихъ или около нихъ; очевидно, они въѣзжали въ районъ угольныхъ копей; огоньки, мерцавшіе низко надъ землей, показывали, что эта мѣстность густо населена.

Вдругъ карета въѣхала въ деревню и Тресседи выглянулъ изъ окна.

— Смотрите-ка, Фонтеной, какая толпа! Вы думаете, они уже знаютъ? Что это значитъ! Грегсонъ повезъ насъ по другой дорогѣ!

Лордъ Фонтеной опустилъ окно и узналъ маленькую деревеньку углекоповъ Баттаджъ.

— Зачѣмъ вы повезли насъ этой дорогой, Грегсонъ?—спросилъ онъ у кучера.

Кучеръ, лондонецъ, повернулся и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Я побоялся ѣхать черезъ Марраби, милордъ; я думалъ, что тамъ народъ волнуется; теперь я вижу, что и здѣсь неспокойно.

Дѣйствительно, ему пришлось остановить лошадей. По всей деревенской улицѣ съ одного конца до другого толпились рудокопы, только-что вернувшіеся съ работы. Фонтеной сразу замѣтилъ, что результатъ выборовъ здѣсь извѣстенъ. Люди стояли большими толпами, разсуждали и спорили, видимо сильно возбужденные; замѣтивъ хорошо извѣстную имъ ливрею кучера, они бросились къ каретѣ новаго депутата. Нѣкоторые изъ рабочихъ уже разошлись по домамъ; услышавъ шумъ колесъ и говоръ, они снова выскочили на улицу. Поднялся ревъ, крики, брань, и карета была окружена разъяренною толпою.

— Убирайтесь вонъ, жирные паразиты, вонъ!—кричалъ какой-

то молодой парень, хватаясь за ручку дверецъ съ того бока, гдѣ сидѣлъ лордъ Фонтеной.—Мы скоро расправимся со всѣми вами! Кто васъ просилъ соваться къ намъ въ Мальфордъ, чортъ васъ подери!

— Намъ не надо такихъ депутатовъ, какъ вы!—кричалъ другой, тыкая пальцемъ на Трессеци.—Смотрите на него! онъ даже ходить не можетъ! его тащатъ въ каретѣ, несчастнаго калѣку! Работали вы когда-нибудь, въ жизни хоть одинъ день, а? Вонъ какія у меня руки! Это руки честнаго человѣка! Правда, братцы?

Въ толпѣ раздался одобрительный смѣхъ, поднялся цѣлый лѣсъ махавшихъ рукъ, выставлявшихъ на видъ свои мозоли.

Джоржъ спокойно опустилъ окно кареты и выставилъ голову. Онъ бросилъ нѣсколько шутливыхъ замѣчаній людямъ, стоявшимъ подлѣ экипажа; двое или трое отвѣтили ему. Но большинство лицъ сохраняло сердитое, угрожающее выраженіе, и лошадей тѣснили со всѣхъ сторонъ.

— Поѣзжайте, Грегсонъ,—приказалъ Фонтеной, высовываясь изъ окна.

— Если меня пустятъ, милордъ,—отвѣчалъ Грегсонъ, блѣдный отъ страха, поднимая кнутъ.

Лошади рванулись впередъ, въ толпѣ раздался крикъ, три или четыре человѣка, стоявшіе передъ лошадьми, были отброшены прочь, но вдругъ послышались восклицанія другого рода.

— Берроусъ! Берроусъ ѣдетъ! Да здраствуетъ Берроусъ!

Нѣсколько позади ихъ, около поворота улицы, Тресседи увидѣлъ приближавшуюся телѣжку, въ которой сидѣли два человѣка. Ее сразу окружила шумная толпа, и одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней пожималъ руки направо и налѣво.

Джоржъ, смѣясь, спряталъ голову въ карету.

— Какая драматическая сцена! Они остановили нашихъ лошадей и вдругъ является Берроусъ! — Фонтеной пожалъ плечами. — Надѣюсь, теперь они насъ пропустятъ. Берроусъ усмиритъ ихъ.

— Что ты тамъ такое бармочешь, провалъ тебя возьми!—закричалъ какой-то рослый человѣкъ, вскакивая на подножку кареты и потрясая чернымъ кулакомъ передъ самымъ лицемъ.—Для чего ты сунулся, куда тебя не спрашивали? Намъ *его* нужно было, мы для него старались. Здѣсь округъ рабочихъ, мы *вправѣ* выбирать своего человѣка. Слышишь, что ли?

— Вамъ бы надобно было набрать для него лишнихъ 17 голосовъ,—спокойно проговорилъ Джоржъ, засунувъ руки въ карманы.—Вѣдь это все равно, что война; въ слѣдующій разъ, можетъ

быть, вы побѣдите. Послушайте, скажите вашимъ товарищамъ, чтобы они пропустили насъ. Мы сегодня рано выѣхали изъ дому и очень хотимъ ѣсть. Ахъ, обратился онъ къ Фонтеною, — вотъ и Берроусъ пріѣхалъ!

Фонтеной повернулся и увидѣлъ, что телѣжка стоитъ рядомъ съ ихъ экипажемъ и что одинъ изъ ѣхавшихъ въ ней стоитъ на подножкѣ и держится за ея бочокъ.

Это былъ высокій, стройный человѣкъ; онъ заглянулъ въ карету и на Тресседи, высовывавшагося изъ окна, и въ эту минуту свѣтъ уличнаго фонаря освѣтилъ его красивое лицо, блѣдное отъ усталости и волненія.

— Теперь, друзья мои,—сказалъ онъ, поднимая руки и обращаясь къ толпѣ,—пустите сэра Джоржа обѣдать домой. Онъ насъ побѣдилъ, но, насколько мнѣ извѣстно, онъ боролся честно, я не говорю о томъ, что дѣлали нѣкоторые его друзья. Я ѣду домой поѣсть чего-нибудь и выспаться. Я страшно усталъ. Но если кто-нибудь изъ васъ зайдетъ въ клубъ, часовъ въ 8, мы тамъ поговоримъ о сегодняшнихъ выборахъ. А теперь, прощайте, сэръ Джоржъ. Въ другой разъ мы васъ побѣдимъ, будьте увѣрены. Отойдите, братцы, пропустите!

Эти послѣднія слова относились къ людямъ, державшимъ лошадей. И они, и вся толпа сразу послушались его.

Карета поѣхала дальше, сопровождаемая бранью и насмѣшками всей деревни, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, высыпавшихъ на улицу.

— Должно быть, этотъ Грегсонъ недавно здѣсь, — досадливо проговорилъ Фонтеной, когда они выѣхали изъ деревни.—Вѣрно Уаттоны только-что взяли его; съ какой стати онъ вмѣсто Марраби поѣхалъ на Баттаджъ.

— Развѣ Баттаджъ въ какихъ-нибудь особенныхъ отношеніяхъ съ Берроусомъ? Я что-то забылъ.

— Конечно. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ вѣсовщикомъ на шахтѣ Акме, а потомъ они его сдѣлали секретаремъ рабочаго союза здѣшняго округа.

— Такъ вотъ отчего они устроили мнѣ такую горячую встрѣчу двѣ недѣли тому назадъ! Помню теперь! Когда много дѣлъ въ головѣ, поневолѣ что-нибудь забудешь. Да, надобно сознаться, этотъ Берроусъ задастъ намъ съ вами не мало работы!

Тресседи откинулся въ уголъ и зѣвнулъ. Фонтеной засмѣялся.

— На будущій годъ будетъ опять большая стачка,—сказалъ онъ сурово, — стачка должна быть, на сколько я понимаю дѣло. Тогда Берроусъ всѣмъ намъ задастъ работу!

— Пусть себѣ,—равнодушно проговорилъ Тресседи, надвигая

шляпу на глаза. — Мнѣ все равно, кто меня побѣдитъ на будущихъ выборахъ, Берроусъ или кто другой, только бы мнѣ теперь дали поспать.

Однако, оказалось, что ему не такъ легко уснуть. Его пульсъ все еще сильно бился вслѣдствіе волненій цѣлаго дня и возбужденія только-что пережитой сцены. Передъ нимъ мелькали разныя событія послѣдняго полугода его жизни, разныя сцены во время выборной кампаніи и разныя сцены другого рода, разыгрывавшіяся въ томъ деревенскомъ домѣ, куда возвращался и онъ, и Фонтеной.

Но онъ старался притворяться спящимъ. Ему хотѣлось только одного, чтобы Фонтеной не говорилъ съ нимъ. Но отъ Фонтеноя не легко было избавиться: какъ только Джоржъ сдѣлалъ первое безпокойное движеніе подъ пледомъ, который натянулъ на себя, такъ его сосѣдъ прервалъ молчаніе.

— Скажите кстати, какъ вамъ понравилась моя записка о биллѣ Максвеля?

Джоржъ безпокойно задвигался и что-то пробормоталъ. Фонтеной, ни мало не смущаясь, началъ длинное разсужденіе о какихъ-то частностяхъ фабричнаго закона и говорилъ такимъ однообразнымъ тономъ, что Тресседи чувствовалъ безконечную скуку.

Онъ минуты двѣ глядѣлъ на говорившаго полузакрытыми глазами. Такъ вотъ предводитель его партіи, человѣкъ, который сдѣлалъ его депутатомъ Маркетъ Мальфорда.

Восемь лѣтъ тому назадъ, когда Джоржъ Тресседи поступилъ въ коллегію Кристчёрчъ, онъ нашелъ, что это заведеніе, гдѣ ученыя занятія процвѣтали весьма умѣренно, было полно воспоминаніями о «Дикѣ Фонтеноѣ». И какими воспоминаніями, Господи, Боже мой! Впослѣдствіи на всякихъ скачкахъ, большихъ и малыхъ, въ разныхъ клубахъ, въ театрахъ, на всякихъ общественныхъ увеселеніяхъ юноша имѣлъ возможность наблюдать своего старшаго собрата и часто восхищаться имъ. Самъ онъ не имѣлъ желанія идти по стопамъ Фонтеноя. У него былъ другой характеръ и онъ пошелъ другой дорогой. Но онъ видѣлъ что-то оригинальное въ той беззавѣтности или, лучше сказать, въ томъ упорствѣ, съ какимъ Фонтеной принялся за собственное раззореніе, и эта оригинальность увлекала его воображеніе. Года три съ половиной тому назадъ, когда Тресседи въ послѣдній разъ видѣлъ Фонтеноя передъ началомъ своего большаго путешествія на востокъ, онъ недоумѣвалъ, что случится съ «Дики» во время его отсутствія. Старшіе сыновья перовъ, обыкновенно, не попадаютъ въ рабочіе дома; но существуютъ нѣкоторыя аристократи-

ческіе суррогаты этихъ домовъ, весьма мало пріятные, и Джорджъ былъ увѣренъ, что Фонтеною не избѣжать ихъ.

А теперь — не прошло еще и четырехъ лѣтъ!—и вотъ Дики Фонтеной сидитъ и разсуждаетъ о скучныхъ статьяхъ чисто техническаго закона, горло его охрипло отъ рѣчей, произнесенныхъ за послѣднія три недѣли, глаза стали впалыми вслѣдствіе тревогъ и усиленной работы; онъ создатель и предводитель политической партіи, которая не существовала, когда Тресседи уѣзжалъ изъ Англіи, а теперь надѣется добиться власти. Какая странная перемѣна и судьбы, и характера! Тресседи задумался надъ ними въ полуснѣ; но усталость многихъ дней взяла свое. Даже собесѣдникъ его былъ принужденъ признать, что онъ неподходящій слушатель. Лордъ Фонтеной пересталъ говорить, но когда, всякій разъ, вслѣдствіе толчка кареты, Джорджъ открывалъ глаза, онъ видѣлъ рядомъ съ собою широкоплечую фигуру, сидящую все въ той же позѣ, прямую и неутомимую, все съ тѣмъ же недовольнымъ, полупрезрительнымъ выраженіемъ губъ и глазъ.

— Ну, выходите, Тресседи! Мы пріѣхали! — Эти слова Фонтеной произнесъ съ какимъ-то злобнымъ раздраженіемъ. Теперь онъ отрицалъ отдыхъ для себя, не любилъ видѣть, когда и другіе предавались ему. Джорджъ, въ послѣднюю минуту крѣпко уснувшій, вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и сталъ хвататься за пледы и свертки, лежавшія въ каретѣ.

Карета стояла подъ коллонадой Мальфордъ-гоуза и сквозь большія двери дома, открытыя на внутреннюю мраморную лѣстницу, лились цѣлые потоки свѣта. Джорджъ, выйдя изъ экипажа, окончательно проснулся и передалъ слугѣ вещи, которыя держалъ въ рукахъ; въ эту минуту въ домѣ поднялся сильный шумъ. Цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ, мужчинъ, привѣтствовавшихъ его криками, женщинъ, рукоплескавшихъ и смѣявшихся—сбѣжала къ нему съ лѣстницы. Его окружили, обнимали, хлопали по спинѣ, и, наконецъ, торжественно ввели въ домъ.

— Ведите его, — кричалъ радостный голосъ,— и пожалуйста отойдите, дайте его матери подойти къ нему.

Смѣющаяся толпа отступила, и Джорджъ, щурясь отъ свѣта, радостный и сконфуженный, очутился въ объятіяхъ необыкновенно оживленной и моложавой дамы съ бѣлокурыми локончиками, съ фигурой и лицомъ семнадцатилѣтней дѣвушки.

— Ахъ ты мой дорогой, большой, глупый мальчикъ! — говорила леди тоненькимъ голоскомъ и съ увлеченіемъ тоже 17 лѣтъ.— Ты выбранъ, ты добился-таки! Ну, если бы ты не былъ выбранъ, я бы такъ разсердилась, что не стала бы говорить съ

тобой. А я знаю, это бы тебя огорчило, ты вѣдь любишь свою маму! Господи, какой онъ холодный!

И она снова набросилась на него, осыпала его маленькими отрывистыми поцѣлуями, на минуту отходила, чтобы полюбоваться имъ, и затѣмъ съ новымъ восторгомъ бросалась къ нему; наконецъ, терпѣніе Джоржа лопнуло и онъ удержалъ ее сильной рукой.

— Ну, мама, довольно... А что, наши давно пріѣхали?—спросилъ онъ у улыбающагося молодого человѣка, стоявшаго, заложивъ руки въ карманы, подлѣ героя дня и съ интересомъ слѣдившаго за всѣмъ происходившимъ.

— Съ полчаса тому назадъ. Они говорили, что вамъ трудно пробраться сквозь толпу. Мы не ожидали, что вы такъ рано пріѣдете.

— А что головная боль миссъ Сьювель? Она знаетъ обо мнѣ?

Выраженіе глазъ молодого человѣка, глядѣвшаго на Тресседи, слегка измѣнилось.

— О да, она знаетъ, — отвѣчалъ онъ. — Какъ только наши пріѣхали, миссисъ Уаттонъ пошла и сказала ей. Она не выходила къ завтраку.

— Миссисъ Уаттонъ пришла и сказала *мнѣ*, гадкій человѣкъ! — вскричала леди, которую Джоржъ называлъ мамой, хлопая говорившаго вѣеромъ по рукѣ. — Мать всегда должна быть на первомъ планѣ, помните это, особенно, когда она такая калѣка, какъ я, и не можетъ ѣхать собственными глазами видѣть торжество своего дорогого любимца. Я все разсказала миссъ Сьювель.

Она наклонила голову на бокъ и лукаво глядѣла на сына. Ея нарядное платье — произведеніе извѣстнаго парижскаго мастера—было такъ сшито, что открывало болѣе, чѣмъ слѣдовало, шею, на которой красовалась нитка крупнаго жемчуга. Поясъ empire обрисовывалъ ея изящную талію; вся фигура ея дѣлала большую честь ея горничной и, надо сознаться, ея годамъ. Джоржъ слегка покраснѣлъ при словахъ матери и хотѣлъ отойти отъ нея, но его захватилъ хозяинъ дома, сквайръ Уаттонъ, краснорѣчичивый и добродушный старый джентльменъ, который порядочно надоѣлъ ему въ ратушѣ своими рукопожатіями и поздравленіями, а теперь готовился снова повторить ихъ. Леди Тресседи присоединилась къ нему съ своими восторгами, прочіе гости дома собрались вокругъ нихъ, и герой дня еще разъ скрылся изъ виду среди всей этой кричащей и смѣющейся толпы, по крайней мѣрѣ изъ вида молодого человѣка, который нѣсколько отошелъ отъ остальныхъ.

— Желалъ бы я знать, когда она соизволитъ сойти внизъ,— говорилъ онъ самому себѣ, задумчиво разсматривая свои сапоги. — Конечно, она изъ пустого каприза не поѣхала въ Мальфордъ, она хотѣла сдѣлать на зло.

— Пожалуйста, пустите меня погрѣться,—сказалъ, наконецъ, Тресседи, освобождаясь отъ своихъ мучителей и подходя къ топившемуся камину, около котораго стоялъ молодой человѣкъ. — Куда дѣлся Фонтеной?

— Онъ выпилъ чашку чаю и тотчасъ же пошелъ писать письма, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, котораго звали Байль; — онъ и Маркса взялъ съ собой. (Марксъ былъ частнымъ секретаремъ лорда Фонтеноя). Джоржъ Тресседи съ неудовольствіемъ махнулъ рукой.

— Это нелѣпо. Онъ не даетъ себѣ ни часу отдыха. Если онъ воображаетъ, что я стану такъ же мучиться, какъ онъ, онъ скоро пожалѣетъ, что помогъ мнѣ вступить въ парламентъ. Я весь промерзъ и усталъ, какъ собака. Я пойду и возьму горячую ванну передъ обѣдомъ.

Но онъ не уходилъ, а продолжалъ грѣть руки передъ огнемъ и поглядывать на галлерею, которая окружала большую залу. Байль что-то болталъ о разныхъ инцидентахъ выборовъ, Джоржъ отвѣчалъ ему наудачу. Онъ, дѣйствительно, казался усталымъ, лицо его выражало безпокойство и неудовольствіе,

Но вотъ въ группѣ молодыхъ людей и дѣвушекъ, стоявшихъ среди залы, раздалось восклицаніе:

— А, вотъ и Летти! Свѣжа, какъ роза!

Джоржъ быстро повернулся. Байль замѣтилъ, что онъ выпрямился и въ глазахъ его блеснулъ огонь.

Молодая дѣвушка медленно спускалась по большой лѣстницѣ, которая вела въ залу. На ней было надѣто мягкое черное платье съ голубымъ поясомъ и голубая ленточка на шеѣ; во всемъ костюмѣ было что-то дѣтское, что очень шло къ ея округленнымъ формамъ, ея вьющимся волосамъ и ея ручкѣ, скользившей по мраморнымъ periламъ. Она спускалась молча, улыбаясь, медленно ступая съ одной ступеньки на другую, не обращая вниманія на полунасмѣшливыя, полудружескія привѣтствія общества. Ея блестящіе глаза перебѣгали съ одного лица на другое, отъ смѣющейся компаніи, стоявшей около лѣстницы, къ Тресседи, не отходившему отъ огня.

Въ ту минуту, когда она ступила на послѣднюю ступеньку, Тресседи счелъ нужнымъ подбросить въ огонь еще полѣно, хотя печка была биткомъ набита.

Миссъ Сьювель направилась прямо къ новому члену парламента и протянула ему руку.

— Я очень рада, сэръ Джоржъ; позвольте мнѣ поздравить васъ.

Джоржъ положилъ полѣно и съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на свои руки.

— Мнѣ очень жаль, миссъ Сьювель, но до меня неудобно дотрогиваться. Надѣюсь, вашей головѣ лучше.

Миссъ Сьювель кротко опустила руку, бросила на него взглядъ, который нельзя было назвать кроткимъ, и спокойно отвѣчала:

— О, моя голова слушается меня. Видите, я захотѣла васъ поздравить, и пришла.

— Вижу,—отвѣчалъ онъ съ легкимъ поклономъ.—Надѣюсь, когда я заболѣю, мои болѣзни будутъ такъ же послушны. Вамъ разсказала мать?

— Мнѣ не надо было никакихъ разсказовъ,—все такъ же спокойно отвѣчала она.—Я знала, что все кончится хорошо.

— Значитъ, вы знали то, чего, кромѣ Бога, никто не зналъ.— Я прошелъ всего 17-ю голосами.

— Да, я слышала. Я очень пожалѣла Берроуса.

Она поставила ногу на каминную рѣшетку, приподняла одной рукой платье, а другою слегка облокотилась на доску камина. Вся поза ея была въ высшей степени граціозна, и тонкій пѣвучій голосъ ея, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ складу ея ротика, повидимому, всегда готоваго смѣяться, но рѣдко смѣявшагося искренно.

На ея замѣчаніе по поводу Берроуса, Тресседи улыбнулся.

— Мой пророческій духъ не обманулъ меня,—сказалъ онъ,— я зналъ, что вы будете жалѣть Берроуса.

— Да, конечно. Развѣ же это не тяжело для него. Вѣдь, вы не станете отрицать, что вамъ хорошо подготовили дорожку?

— Конечно, нѣтъ, я этимъ горжусь.

Онъ окинулъ взглядомъ комнату. Остальная часть общества, смѣясь и перешептываясь, отошла отъ нихъ. Нѣкоторые люди уже пошли одѣваться. Мужчины отправились въ маленькую библіотеку и курильную комнату, дверь которой выходила въ залу. Сквайръ, усѣвшись въ спокойное кресло, погрузился въ чтеніе мѣстной газеты и послѣднихъ извѣстій о выборахъ.

Довольный своимъ осмотромъ, Тресседи заложилъ руки въ карманы и прислонился къ камину съ тѣмъ, чтобы не терять изъ виду ни малѣйшаго движенія миссъ Сьювель.

— Вы всегда оказываете своимъ друзьмъ такъ же мало сим-

патіи, какъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, миссъ Сьювель?—спросилъ онъ, когда глаза ихъ встрѣтились.

Она сдѣлала маленькую гримаску.

— Какъ! я была добра, какъ ангелъ! — сказала она, толкая ногою высунувшееся полѣно.

Джоржъ засмѣялся.

— Очевидно, наши понятія объ ангелахъ такъ же различны, какъ и всѣ остальныя. Отчего вы не пріѣхали и не присутствовали на баллотировкѣ, вѣдь, вы мнѣ обѣщали?

— У меня болѣла голова, сэръ Джоржъ.

Онъ отвѣтилъ легкимъ поклономъ, какъ будто оффиціально признавая приведенную ею причину.

— А позвольте спросить, въ которомъ часу началась ваша головная боль?

— Дайте вспомнить,—засмѣялась она;—кажется, тотчасъ послѣ завтрака.

— Да, если память мнѣ не измѣняетъ,—она началась сразу послѣ нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній о капитанѣ Аддисонѣ?

Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой съ безучастнымъ видомъ.

— Да,—задумчиво проговорила Летти,—это было странное совпаденіе, не правда-ли?

Съ минуту они оба молчали. Затѣмъ, она разсмѣялась самымъ заразительнымъ смѣхомъ.

— Знаете ли,—сказала она, положивъ руку ему на плечо, — знаете ли, что вы пренесносный и пренеразумный человѣкъ? Мы съ вами отлично ладили, всю недѣлю вмѣстѣ веселились, и вдругъ вы вздумали дѣлать невѣжливыя замѣчанія о моихъ друзьяхъ, да еще при всѣхъ! Вы, пожалуй, готовы совѣтовать тетушкѣ Уаттонъ, какъ ей держать меня въ рукахъ! Вы мнѣ надѣлали ужасныхъ непріятностей; мнѣ и въ недѣлю не исправить того, что вы натворили. А вы воображаете, что я это приму съ кротостью овечки! Ну-ка посмотрите, похожа-ли я на овечку?

Все это время она держала его крѣпко за руку и ея хорошенькое личико, оживленное веселостью и лукавствомъ, было такъ близко къ его лицу, что на минуту онъ почувствовалъ страстное желаніе разцѣловать его. Но желаніе быстро исчезло. Онъ познакомился съ Летти Сьювель три недѣли тому назадъ. Онъ не былъ ея женихомъ, даже не думалъ объ этомъ. Хватанье за руки и все прочее—это были обычныя манеры Летти Сьювель.

Вмѣсто того, чтобы поцѣловать ее, онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Я никого не видалъ такого гордаго и упрямаго, какъ вы,—

проговорилъ онъ.—Я разсказалъ вамъ просто нѣсколько фактовъ изъ жизни человѣка, котораго вы не знаете, а я знаю, и вы за это дуетесь цѣлый день, не исполняете обѣщанія пріѣхать въ Мальфордъ, и браните меня.

Она подняла брови и отняла руку.

— Неужели вы не понимаете, что я не могла не сердиться и была сердита? Мнѣ, конечно, было страшно скучно сидѣть наверху, хотя я написала длиннѣйшее письмо подругѣ, и все объ васъ, я все подробно описала; теперь мнѣ, пожалуй, придется немного смягчить нѣкоторыя вещи. Однако, вы, кажется, не намѣрены одѣваться къ обѣду?

Джоржъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на часы.

— Мы будемъ одни? Гостей не ждутъ?

— Пріѣдутъ нѣкоторые «мѣстные», ради торжественнаго случая. Я знаю, что жена священника пріѣдетъ; она сняла фасонъ съ одной моей кофточки и хочетъ узнать, не разсердилась ли я.

Джоржъ засмѣялся.

— Бѣдные люди!

— Я, навѣрно, буду не любезна съ ней,—сказала Летти, играя цвѣткомъ на каминѣ.—Мнѣ противно видѣть женщинъ, которыя не умѣютъ порядочно одѣться. Однако, мнѣ пора позаботиться о своемъ туалетѣ.

Теперь пришла его очередь удержать ее за руку.

— Вы сердитесь? — спросилъ онъ, наклоняясь къ ней. Его блестящіе сѣрые глаза не казались болѣе усталыми.

— За что? За то, что вы выбраны?

Она весело разсмѣялась. Онъ выпустилъ ея руку. Она взяла подъ руку дочь хозяина, миссъ Флоренсу Уаттонъ, которая въ эту минуту шла по залѣ, и онѣ вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, причемъ она бросила на него торжествующій взглядъ сверху. Джоржъ слѣдилъ за ними глазами, пока онѣ не скрылись. Выраженіе его лица не было ни сердито, ни нѣжно. Онъ глядѣлъ съ насмѣшливымъ самодовольствомъ, какъ будто и самъ также игралъ роль, хотя къ его самодовольству примѣшивалась нѣкоторая доля тревоги

II.

Джоржъ Тресседи сошелъ къ обѣду слишкомъ поздно и нашелъ хозяйку въ очень дурномъ расположеніи духа. Миссисъ Уаттонъ была крупная властолюбивая женщина, которая рѣдко считала нужнымъ скрывать свое неудовольствіе противъ когонибудь или чего-нибудь.

Джоржъ поспѣшилъ умилостивить ее обычными извиненіями: онъ думалъ, что еще рано, его часы отстаютъ и т. п. Миссисъ Уаттонъ, которая въ этотъ великій день видѣла въ новомъ членѣ торжество самыхъ дорогихъ своихъ принциповъ, приняла эти извиненія сначала сухо, но вскорѣ смягчилась.

— Ахъ, негодный мальчикъ! негодный лгунишка! — проговорилъ чей-то шаловливый голосъ подъ ухомъ Тресседи. — Рано! скажите пожалуйста! Я, вѣдь, видѣла, что ты дѣлалъ! Какъ стыдно!

И леди Тресседи отскочила отъ сына, смѣясь черезъ плечо, своей обычной манерой. На ней было надѣто легкое бѣлое платье на темно-красномъ шелковомъ чахлѣ. Шея и плечи ея были открыты до послѣдней возможности, а румяны на ея щекахъ лежали слишкомъ густымъ слоемъ, что съ ней рѣдко случалось. Джоржъ поспѣшилъ отвернуться отъ нея и заговорилъ съ мадамъ Фонтеной.

— Какъ глупа эта женщина!—думала миссисъ Уаттонъ, слѣдя суровымъ взглядомъ за своею гостьею.— Она навѣрно заставитъ Джоржа возненавидѣть себя, а между тѣмъ, ей надобно, чтобы онъ заплатилъ ея долги, иначе выйдетъ скандалъ. Что! Обѣдъ? Джонъ, подайте руку леди Тресседи. Гардингъ, веди, пожалуйста, миссисъ Гаукинсъ! — она указала своему второму сыну на леди въ черномъ, чопорно сидѣвшую на диванѣ. — Мистеръ Гаукинсъ возьметъ Флоренсу, сэръ Джоржъ,—она указала рукой на миссъ Сьювель. — А вы, лордъ Фонтеной, должны дать руку мнѣ; остальные идите съ кѣмъ хотите.

Молодые люди, по большей части, кузены и кузины, смѣясь, исполнили это приказаніе, а сэръ Джоржъ протянулъ руку миссъ Сьювель.

— Мнѣ жаль васъ,—сказалъ онъ, пока они шли въ столовую.

— О, я знала, что сегодня моя очередь,— чопорно отвѣчала Летти.—Вчера вы вели Флори, а третьяго дня тетю Уаттонъ.

Джоржъ спокойно усѣлся на стулѣ и повернулся къ своей дамѣ.

— Не посовѣтуете ли вы, прежде всего, какъ мнѣ поступать, чтобы не вызвать у васъ опять головную боль? Послѣ сегодняшняго утра я чувствую, что не могу жить своимъ умомъ, что мнѣ нужны указанія.

— Хорошо,—сказала Летти серьезно,—рѣшимъ сначала, о чемъ мы можемъ говорить прежде всего. Напримѣръ, вы можете говорить о миссисъ Гаукинсъ.

Она сдѣлала едва замѣтный знакъ, и, слѣдуя ея указанію, взглядъ его упалъ на худощавую женщину, сидѣвшую противъ

нихъ; ея кавалеръ, Гардингъ Уаттонъ, фешенебельный и весьма самоувѣренный молодой человѣкъ, почти не обращалъ на нее вниманія.

Джоржъ посмотрѣлъ на нее.

— Это мнѣ не нравится,—сказалъ онъ рѣзко. — Къ тому же о ней и говорить нечего.

— О, напротивъ,—отвѣчала Летти, и лукавый огонекъ зажегся въ ея карихъ глазахъ,—я могу говорить о ней цѣлыхъ двадцать минутъ. На ней надѣто мое платье.

— Я его не узналъ,—отвѣчалъ Джоржъ, продолжая пристально смотрѣть на леди.

— Это бы не бѣда, — тѣмъ же серьезнымъ тономъ продолжала Летти,—если бы миссисъ Гаукинсъ, снявъ фасоны съ моихъ платьевъ, не считала своимъ долгомъ читать мнѣ нотаціи. Если бы я осуждала какую-нибудь барышню, я бы не стала подсылать свою няню къ ея горничной за выкройками.

— Я замѣчаю,—вы очень спокойно относитесь къ ея осужденію.

— Безчувственно, хотите вы сказать. Да, это мое несчастіе. Я всегда чувствую себя гораздо разумнѣе, чѣмъ тѣ люди, которые осуждаютъ.

— Значитъ, сегодня утромъ вы считали меня глупымъ?

— О, нѣтъ! Только... видите ли, я *знала*, что я знаю лучше васъ. Я была благоразумна и...

— О, не кончайте,—быстро перебилъ Джоржъ,—и не воображайте, что я когда-нибудь еще дамъ вамъ хорошій совѣтъ.

— Неужели?

Ея насмѣшливый взглядъ бросилъ ему вызовъ, который онъ принялъ, повидимому, твердо. Между тѣмъ, въ головѣ его вертѣлась фраза, которую одна знакомая ему дама сказала о своей лучшей пріятельницѣ: «Ея душа? Ея душа, другъ мой, это пустой хаосъ!» Эти слова, съ насмѣшкой думалъ онъ, могли служить отличнымъ опредѣленіемъ его собственныхъ чувствъ. Онъ не могъ убѣдить себя, что его чувства къ миссъ Сьювель серьезны, хотя сознавалъ, что способенъ иногда на безразсудный поступокъ, напримѣръ, когда на ней было надѣто то прелестное розовое платье, въ которомъ она была въ этотъ вечеръ, или когда она принимала тотъ милый дерзкій тонъ, который такъ шелъ къ ней именно въ эту минуту. Все это время въ душѣ его раздавался какой-то холодный и критическій голосъ, осуждавшій ее. Черезъ 10 лѣтъ, говорилъ онъ самому себѣ, она потеряетъ всю теперешнюю миловидность. Да, но, все-таки, маленькая граціозная фигурка ея, ея

движенія, легкія, какъ воздухъ, изящный вкусъ ея туалетовъ— все это заставляетъ забывать нѣкоторые недостатки въ чертахъ ея лица и въ его выраженіи, и большинство мужчинъ находитъ ее ослѣпительно-прелестной и обаятельной. Во всякомъ случаѣ, въ своемъ кругу Летти никогда не имѣла недостатка ни въ друзьяхъ и поклонникахъ, ни въ разнаго рода развлеченіяхъ; всѣ вообще находили—хотя сама она имѣла сильныя доказательства противнаго,—что она въ состояніи добиться всего, чего сильно захочетъ. Ей хотѣлось,—всѣ окружающіе очень скоро угадали это,— заполонить молодого Джоржа Тресседи. И ей это удалось. Даже въ эти послѣдніе тревожные дни всѣмъ было очевидно, что сердце его дѣлится между нею и выборами, причемъ перевѣсъ скорѣе на ея сторонѣ. Что касается *степени* ея успѣха, это было пока дѣло темное, въ особенности для нея самой и для него.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ вечеръ онъ не могъ оторваться отъ нея. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ заговаривать съ своей сосѣдкой слѣва, дѣвочкой, только что сошедшей со школьной скамьи; ея благородное лицо обѣщало, что черезъ три года она превзойдетъ Летти Сьювелъ какъ красотой, такъ и всѣмъ остальнымъ. Но это не удавалось ему. Послѣ утомленія и волненій цѣлаго дня, онъ, въ видѣ реакціи, стремился просто повеселиться. Онъ снова возвращался къ Летти, и они болтали и спорили, обмѣниваясь мнѣніями о людяхъ, театрѣ и книгахъ или, лучше сказать, подъ прикрытіемъ этихъ темъ о разныхъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ любви, — обычное начало сближенія между мужчиной и женщиной. Проницательные сѣрые глаза миссисъ Уаттонъ не разъ устремлялись на нихъ, и она скрывала улыбку за вѣеромъ, а лордъ Фонтеной поглядывалъ на нихъ серьезно и неодобрительно.

Между тѣмъ, всю первую половину обѣда, стулъ прямо противъ Тресседи оставался пустымъ. Онъ предназначался для старшаго сына хозяевъ, и мать объяснила лорду Фонтеною, что его нѣтъ дома, что «онъ, по обыкновенію, гдѣ-нибудь въ приходѣ».

Но когда подали фазановъ, дверь изъ гостиной отворилась, и въ комнату тихо вошелъ худощавый темноволосый молодой человѣкъ. Онъ безъ всякаго шума сѣлъ на свое мѣсто, съ улыбкой поклонившись Джоржу и своимъ сосѣдямъ, и шепотомъ приказалъ лакею подать себѣ то кушанье, какое стояло на столѣ.

— Глупости Эдвардъ!—громкимъ голосомъ заявила мать его съ верхняго конца стола;—пожалуйста, не дѣлай себя смѣшнымъ. Моррисъ, принесите мистеру Эдварду зайца и баранину.

Вновь прибывшій кротко поднялъ брови, улыбнулся и покорился.

— Гдѣ вы были, Эдвардъ?—спросилъ Тресседи.—Я не видалъ васъ послѣ конца выборовъ.

— Я былъ на репетиціи. На будущей недѣлѣ приходское попечительство даетъ концертъ, и я на немъ распорядителемъ.

— Эти концерты всегда бываютъ очень не хороши,—заявила миссъ Уаттонъ рѣзко.

Эдвардъ Уаттонъ пожалъ плечами. У него было очень пріятное, но нѣсколько робкое выраженіе лица, которому противорѣчилъ огонь энтузіазма и отваги, вспыхивавшій по временамъ въ его глазахъ.

— Тѣмъ болѣе нужны репетиціи,—отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ, надѣюсь, на этотъ разъ дѣло пойдетъ не дурно.

— Эдвардъ принадлежитъ къ числу людей, — сказала миссъ Уаттонъ вполголоса лорду Фонтеною — которые думаютъ, что можно пріобрѣсти симпатіи народа,—простонародья—пожимая имъ руку, показывая имъ картинки и распѣвая съ ними «Мессію». У меня въ прежнее время были такія же идеи. Они у всякаго бываютъ. Это все равно, что корь. Но разумные люди бросаютъ ихъ.

— Благодарю, мама, — проговорилъ Уаттонъ, кланяясь съ улыбкой.

Леди Тресседи прервала свой разговоръ со сквайромъ на другомъ концѣ стола, чтобы послушать, что говорятъ другіе. Она болтала очень быстро рѣзкимъ, аффектированнымъ голосомъ и дѣлала при этомъ такіе свободные жесты и такъ близко придвигала свое лицо къ его лицу, что нервный, чопорный сквайръ каждую минуту боялся, какъ бы она не выткнула ему глаза. Онъ почувствовалъ значительное облегченіе, когда увидѣлъ, что ея вниманіе обратилось въ другую сторону.

— Что это? М. Эдвардъ проповѣдуетъ свой радикализмъ? — спросила она, надѣвая золотое пенснэ.—Свой милый, гадкій радикализмъ? Ахъ, мы вѣдь всѣ знаемъ, гдѣ М. Эдвардъ заразился имъ.

За столомъ раздался смѣхъ. Гардингъ Уаттонъ смѣялся громче всѣхъ.

— На прошлой недѣлѣ Эгерія была у него по сосѣдству,—сказалъ онъ, обращаясь къ леди Тресседи.—Эдвардъ ѣздилъ къ ней. Послѣ этого онъ сталъ членомъ двухъ новыхъ обществъ и заказалъ шесть новыхъ книгъ по рабочему вопросу.—Эдвардъ слегка покраснѣлъ, но продолжалъ спокойно ѣсть свой обѣдъ, не выказывая другихъ знаковъ смущенія.

— Если вы говорите о леди Максвель, — сказалъ онъ добродушно,—то я, право, жалѣю тѣхъ изъ васъ, кто съ ней незнакомъ.

Онъ поднялъ свою красивую голову и окинулъ общество вызы-

вающимъ взглядомъ, который очень шелъ къ нему, но очень не понравился его матери.

— Ну ужъ эта *женщина*!—вскричала миссъ Уаттонъ, махнувъ рукой.—Какъ вамъ кажется,—обратилась она къ лорду Фонтеной, строгимъ голосомъ,—не правда ли, она виновата въ половинѣ тѣхъ нелѣпостей, какія дѣлаетъ наше милое министерство въ послѣдніе два года?

Полупрезрительная улыбка скользнула по усталому лицу Фонтеноя.

— По моему, напрасно дѣлать изъ леди Максвель козла отпущенія. Они сами виноваты въ своихъ глупостяхъ.

— И потомъ, можно ли сказать объ англійскихъ министрахъ что-нибудь хуже того, что ими руководитъ женщина? — проговорилъ М. Уаттонъ съ другого конца стола.—Въ наше время это было совершенно немыслимо. Извини, моя дорогая, извини,—быстро прибавилъ онъ, взглянувъ на жену.

Летти посмотрѣла на Джоржа и закрылась платкомъ, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Миссисъ Уаттонъ была недовольна.

— Очень многіе англійскіе кабинетъ-министры подчинялись женщинамъ во всѣ времена,—сухо проговорила она,—и никто ихъ за это не осуждалъ. Но дѣло въ томъ, что въ прежнее время всякій зналъ свое мѣсто. Женщины соблазняли—и всѣ находили это естественнымъ,—ради пользы своихъ мужей, братьевъ, сыновей. Онѣ старались добиться чего-нибудь для кого-нибудь, и добивались. Теперь онѣ соблазняютъ—какъ эта леди Максвель—ради того, что онѣ называютъ «дѣломъ», и это-то погубитъ нашу націю.

Эдвардъ Уаттонъ энергично протестовалъ противъ слова соблазняли, но его мать и братъ настаивали на этомъ словѣ, и присутствующіе громко поддержали ихъ. Леди Тресседи старалась вставить въ разговоръ свои собственныя замѣчанія, махала вѣеромъ, называла всѣхъ полуименами и обращалась ко всѣмъ съ разными личными намеками. Но одинъ только Эдвардъ Уаттонъ иногда вѣжливо или съ улыбкой отвѣчалъ ей; остальные не обращали на нее вниманія. Они были поглощены важнымъ дѣломъ: травили несогласнаго съ ними и непокорнаго члена своего общества и въ эту минуту не могли заниматься ничѣмъ другимъ.

— Я навѣрно увижу знаменитую леди недѣли черезъ двѣ,— сказалъ Джоржъ миссъ Сьювель подъ общій гулъ голосовъ.— Странно, я до сихъ поръ никогда не видалъ ея.

— Кого? леди Максвель?

— Да, вѣдь вы помните, меня четыре года не было въ

Англіи. Она, кажется, была въ Лондонѣ за годъ до моего отъѣзда, но я нигдѣ съ ней не встрѣчался.

— Предсказываю вамъ, что она вамъ очень понравится,—рѣшительнымъ голосомъ произнесла Летти. — По крайней мѣрѣ, со мною это всегда случается, когда тётя Уаттонъ кого-нибудь бранитъ. Я уже не могу находить этого человѣка дурнымъ, хотя и стараюсь.

— Позвольте мнѣ замѣтить, что у меня совсѣмъ не такой характеръ! Я человѣкъ—и мнѣніе друзей всегда оказываетъ на меня вліяніе.

Онъ повернулся къ ней, чтобы лучше видѣть дѣйствіе своихъ словъ.

— О, вы совершенно напрасно выставляете себя такимъ кроткимъ созданіемъ!—сказала Летти, качая головой.—Напротивъ, вы самый упрямый человѣкъ въ свѣтѣ, вы все возвращаетесь къ одному и тому же, вы никакъ не хотите признать себя побѣжденнымъ.

— Побѣжденнымъ? — съ удивленіемъ спросилъ Джоржъ;—головною болью? Ну, это еще небольшая бѣда. Надѣюсь, въ другой разъ я буду счастливѣе. Вы, кажется, намѣрены оставить безъ малѣйшаго вниманія ту массу фактовъ, которые я вамъ сообщилъ сегодня утромъ о капитанѣ Аддисонѣ.

— Я буду добра къ вамъ и постараюсь забыть ихъ. А теперь слушайте тетушку Уаттонъ! Это ваша обязанность. Тетушка Уаттонъ привыкла, чтобы ея слушали, а вы не слышали ее сто разъ прежде, какъ я.

Дѣйствительно, миссисъ Уаттонъ разсказывала на своемъ концѣ стола что-то, что видимо сильно возбуждало ее. Презрѣніе и ненависть придавали энергичное выраженіе головѣ и лицу ея, которыя и безъ того были довольно характерны. Они были крупныхъ размѣровъ, но далеко не пошлыя. Головной уборъ изъ старыхъ кружевъ шелъ къ ея волнистымъ полусѣдымъ волосамъ, и она носила его съ сознаніемъ собственнаго достоинства; рука ея, лежавшая на столѣ, была велика и толста, но сильна и красива. М-съ Уаттонъ была и казалась тираномъ, но умнымъ тираномъ.

— Одинъ изъ ихъ бруншайрскихъ сосѣдей,—говорила она, — разсказывалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, какія удивительныя вещи дѣлаются въ Мемгорѣ. Она получила въ наслѣдство это Мемгорское имѣніе—послѣднія слова были обращены къ молодому Байлю, который, какъ, сравнительно, новый знакомый, могъ не знать всѣмъ извѣстныхъ фактовъ—раззоренное имѣніе, приносившее тысячи двѣ въ годъ. Какъ только она вышла замужъ, она тотчасъ же посе-

лила тамъ какого-то соціалиста изъ самаго беззастѣнчиваго сорта. Этотъ господинъ не медля установилъ то, что они называютъ «правильную плату» всѣмъ рабочимъ, въ сущности двойную плату противъ нормальной, силой заставилъ фермеровъ выдавать ее и раздражилъ всѣхъ сосѣдей. Прежде это была спокойнѣйшая мѣстность въ свѣтѣ, теперь она все поставила вверхъ дномъ. Конечно, когда она вышла замужъ за 30.000 дохода, она можетъ позволять себѣ такія маленькія забавы; но другіе люди, которые живутъ доходами съ земли, просто не знаютъ, что дѣлать.

— Она мнѣ говорила, что вообще эта система приноситъ очень хорошіе результаты,—сказалъ Эдвардъ Уаттонъ; сильная краска на лицѣ одна показывала, какъ его раздражаютъ эти постоянныя нападки матери,—и что Максвель, по всей вѣроятности, примѣнитъ ее и въ своихъ имѣніяхъ.

Миссисъ Уаттонъ всплеснула руками.

— Какимъ идіотомъ сталъ этотъ человѣкъ! Пока онъ не женился, онъ былъ совершенно разумнымъ существомъ. А теперь она водитъ его за носъ, и министерство пляшетъ по его дудкѣ, потому что онъ имѣетъ большое вліяніе въ палатѣ лордовъ.

— Хуже всего то,—сказалъ Гардингъ съ непріятнымъ смѣхомъ,—что, если бы она не была красивой женщиной, ея вліяніе было бы вдвое меньше. Она пользуется своей красотой самымъ непозволительнымъ образомъ.

— Я увѣренъ, что это совершенно несправедливо,—съ жаромъ возразилъ Эдвардъ Уаттонъ и сердито посмотрѣлъ на брата.

Джоржъ Тресседи вмѣшался въ разговоръ. Онъ очень любилъ Эдварда Уаттона и терпѣть не могъ Гардинга.

— Она въ самомъ дѣлѣ такая красавица?—спросилъ онъ, наклоняясь впередъ и обращаясь къ хозяйкѣ. М-съ Уаттонъ сдѣлала презрительную гримасу и ничего не отвѣчала.

— Одинъ старый дипломатъ говорилъ мнѣ какъ-то,—произнесъ лордъ Фонтеной холодно и нехотя, точно, эта тема разговора была ему непріятна, что — по его мнѣнію—она самая красивая женщина, какую онъ видалъ въ Лондонѣ послѣ леди Блессингтонъ.

— Леди Блессингтонъ! Господи, Боже! Леди Блессингтонъ!— воскликнула леди Тресседи съ особеннымъ удареніемъ. — Какое несчастное сравненіе, не правда ли? Не многія женщины найдутъ пріятнымъ, что ихъ считаютъ преемницами леди Блессингтонъ.

— Во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ красоты,—сказалъ Эдвардъ Уаттонъ съ неудовольствіемъ,—это сравненіе было бы дѣйствительно смѣшно.

Гардингъ пожалъ плечами и, покачиваясь на стулѣ, шепнулъ на ухо скромному молодому человѣку, сидѣвшему съ нимъ рядомъ:

— Я такъ думаю, что графъ д'Орсей—это только вопросъ времени. Конечно, этого нельзя говорить Эдварду.

Гардингъ читалъ мемуары и считалъ себя высоко образованнымъ человѣкомъ. Молодой человѣкъ, къ которому онъ обратился, не читалъ ничего печатнаго, кромѣ извѣстій о скачкахъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое леди Блессингтонъ и графъ д'Орсей; онъ улыбнулся какъ-то неопредѣленно и ничего не отвѣчалъ.

— Дорогая моя,—жалобнымъ голосомъ проговорилъ сквайръ,—мнѣ кажется, здѣсь очень жарко, не правда ли?

Среди молодежи раздался сдержанный смѣхъ, многимъ изъ нихъ уже давно надоѣлъ этотъ вѣчный семейный споръ. М. Уаттонъ, никогда ничего не понимавшій, посмотрѣлъ на всѣхъ вопросительно. М-съ Уаттонъ соблаговолила понять его намекъ и встала изъ за стола.

Когда перешли въ гостиную, миссисъ Уаттонъ сочла своею обязанностью удѣлить десять минутъ разговора исключительно о дѣлахъ прихода миссисъ Гаукинсъ, которая, какъ жена священника, занимала опредѣленное оффиціальное мѣсто въ обществѣ Мальфордъ-гауза, совершенно независимое отъ своихъ личныхъ качествъ. Миссисъ Гаукинсъ была женщина простая, самоувѣренная, ни мало не интересная для миссисъ Уаттонъ, никогда не потрудившейся взглянуть на нея съ другой точки зрѣнія, не только какъ на особу, мужъ которой состоялъ на службѣ въ приходѣ сквайра. Ради ея званія, ей слѣдовало оказывать вѣжливость, уваженіе, и ей оказывали ихъ. Увы! этого было недостаточно для м-съ Гаукинсъ, питавшей весьма честолюбивые замыслы, которымъ мѣшала ея сильная застѣнчивость, отсутствіе свѣтскихъ манеръ и ея ограниченные доходы. Какъ только 10 минутъ прошли и миссисъ Уаттонъ, сильно интересовавшаяся политикой и не считавшая нужнымъ церемониться съ женой викарія, погрузилась въ чтеніе вечернихъ газетъ, принесенныхъ лакеемъ,—м-съ Гаукинсъ подсѣла къ Летти Сьювель. Она выразила ей свою благодарность, сердечную благодарность за выкройки, которыя дала ея горничная.

— Развѣ она вамъ дала выкройки?—сказала Летти, поднимая брови.—Скажите, пожалуйста! А я и не знала!

И ея взглядъ холодно скользнулъ по костюму м-съ Гаукинсъ, представлявшему доморощенную копію того изящнаго туалета, который былъ въ этотъ вечеръ надѣтъ на миссъ Сьювель. М-съ Гаукинсъ покраснѣла.

— Я строго наказывала нянѣ, чтобы она непремѣнно спросила у васъ позволенія. Но моя няня и ваша горничная, кажется, окон-

чательно подружились. По правдѣ сказать, моя няня очень можетъ заниматься шитьемъ, когда у нея на рукахъ всего одинъ 4-лѣтній ребенокъ, но въ здѣшнемъ глухомъ мѣстѣ неоткуда добыть новыхъ фасоновъ. Во всякомъ случаѣ, я бы никогда не рѣшилась безъ вашего позволенія.

Смѣсь гордости и ложнаго стыда дѣлали ея голосъ и манеры весьма непривлекательными. Летти поддалась тому же чувству, которое заставляетъ мальчиковъ отрывать крылья у мухъ.

— Помилуйте, я очень рада!—произнесла она равнодушнымъ тономъ. — Это такъ пріятно, когда можно шить свои вещи дома! Ваша няня просто кладъ.

Все время она внимательно разглядывала всѣ дурно сдѣланные швы, всѣ неправильности въ отдѣлкѣ этого доморощеннаго произведенія искусства. Слухъ жены викарія, всегда до болѣзненности чуткій именно въ этой гостиной, ловилъ оскорбительную ноту во всякомъ словѣ дѣвушки. Ею овладѣло сильное негодованіе и она рѣшила постоять за себя.

— Вы отсюда поѣдете еще къ кому-нибудь гостить? — спросила она.

— Да, въ два или въ три мѣста, — отвѣчала Летти, простодушно поднимая глаза на свою собесѣдницу. До сихъ поръ она сидѣла, наклонивъ голову, и ласкала собаку м-съ Уаттонъ, сѣраго абердинскаго террьера, который смотрѣлъ на нее совершенно равнодушно.

— Вы, кажется, бо̀льшую часть времени проводите въ гостяхъ, не правда ли?

— Да, пожалуй, что такъ,—согласилась Летти.

— Не находите ли вы, что это страшная потеря времени? Вѣдь вамъ, я думаю, некогда заняться ничѣмъ серьезнымъ? Мнѣ бы это ужасно надоѣло.—М-съ Гаукинсъ засмѣялась, желая показать, что просто шутитъ.

Летти подняла маленькую ручку, чтобы скрыть зѣвокъ, который былъ, тѣмъ не менѣе, довольно замѣтенъ.

— Неужели?—спросила она тономъ уже прямо дерзкимъ.— Эвелина, посмотри на эту собаку. Не напоминаетъ она тебѣ мистера Байля?

Она обращалась съ этими словами къ красивой 16-лѣтней дѣвушкѣ, той самой, которая за обѣдомъ сидѣла по лѣвую руку Джоржа Тресседи; взявъ горсть розовыхъ листочковъ, осыпавшихся съ букета стоявшаго сзади нея, она бросила ихъ на собаку, подзывая ее къ себѣ. Вмѣсто того, чтобы подойти къ ней, собака улеглась на коврѣ, положила морду на переднія лапы и пристально глядѣла на нее, точно стерегла ее.

— Она никогда не ласкается къ тебѣ, Летти, какъ это странно,—смѣясь, сказала Эвелина и погладила собаку.

— Не бѣда, другія собаки ласкаются. Видѣли вы очаровательнаго чернаго шпица леди Артуръ? Она обѣщала подарить мнѣ такого же.

Между кузинами завязалась болтовня о ихъ деревенскихъ сосѣдяхъ, по большей части богатыхъ аристократахъ, о которыхъ м-съ Гаукинсъ не знала ничего или очень мало. Эвелина Уаттонъ, отличавшаяся добрыми, великодушными инстинктами, всячески старалась ввести въ разговоръ жену викарія. Летти твердо рѣшила устранять ее. Она прислонилась къ спинкѣ софы, болтала самымъ веселымъ образомъ, бѣлизна ея щекъ и шеи выдѣлялись на красномъ фонѣ мебели, скрещенныя ножки ея показывали пару прелестныхъ маленькихъ туфель съ пряжками изъ стразъ. Она сіяла драгоцѣнными камнями, какъ только можетъ сіять молодая дѣвушка,—болѣе чѣмъ прилично молодой дѣвушкѣ, по мнѣнію м-съ Гаукинсъ. Она вся съ головы до ногъ была довольство, привлекательность, торжество успѣхомъ,—только ея привлекательность предназначалась не для м-съ Гаукинсъ и ей подобныхъ.

Жена священника сидѣла на стулѣ, вытянувшись и краснѣя, оставивъ всякую попытку вмѣшиваться въ разговоръ, но въ душѣ страшно обиженная. Она, къ сожалѣнію, не могла презирать Летти, такъ какъ для самой себя всего больше желала именно того, чѣмъ обладала Летти. Но въ ея душѣ копошилась не просто зависть. Когда Летти была хорошенькой дѣвочкой въ коротенькихъ платьицахъ, жена викарія, бывшая на 6 лѣтъ старше ея, открыла ей свое сердце и всячески старалась заслужить любовь племянницы м-съ Уаттонъ. Было время, когда онѣ называли другъ друга «Мэджи» и «Летти», даже когда Летти уже начала «выѣзжать». Теперь всякій разъ, когда м-съ Гаукинсъ пыталась назвать ее по имени, языкъ отказывался повиноваться ей; она даже сама стала считать это неприличною фамильярностью. Между тѣмъ Летти съ каждымъ пріѣздомъ въ Мальфордъ все рѣшительнѣе отстранялась отъ своего прежняго друга, и имя Мэджи никогда болѣе не произносилось.

Мужчины, занятые разговорами о разныхъ инцидентахъ выборной кампаніи и сплетнями по поводу ея, засидѣлись очень долго въ столовой. Когда они, наконецъ, перешли въ гостиную, Джоржъ Тресседи сдѣлалъ еще разъ попытку завести разговоръ съ кѣмъ-нибудь другимъ, не съ Летти, и опять безуспѣшно.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы поразсказали мнѣ что-нибудь о миссъ Сьювель,—сказалъ лордъ Фонтеной на ухо м-съ Уаттонъ.

Онъ нѣсколько времени молча сидѣлъ подлѣ нея на софѣ, повидимому занятый вечерними газетами, которыя м-съ Уаттонъ уступила ему.

М-съ Уаттонъ подняла голову, взглянула туда, куда были устремлены его глаза,—на маленькій диванчикъ въ углу комнаты, и на лицѣ ея мелькнуло выраженіе отчасти удовольствія, отчасти нетерпѣнія.

— Летти? О, Летти моя племянница, дочь моего брата, Вальтера Сьювеля изъ Гельбека. Они живутъ въ Іоркширѣ. Братъ наслѣдовалъ послѣ отца маленькое имѣніе съ очень неопредѣленнымъ доходомъ. Я часто удивляюсь, изъ какихъ средствъ они такъ одѣваютъ дѣвочку. Впрочемъ, она съ самыхъ малыхъ лѣтъ всегда дѣлала, что хотѣла. Мой бѣдный братъ боленъ вотъ уже десять лѣтъ, и ни онъ, ни жена его—ахъ, какая глупая женщина! — М-съ Уаттонъ энергичнымъ движеніемъ рукъ и глазъ призвала небо въ свидѣтели справедливости своихъ словъ, — нисколько не заботятся пристроить Летти. У нея есть еще сестра, маленькое, нѣжное, молчаливое существо, она ухаживаетъ за родителями. О, Летти не глупа; я увѣрена, что не глупа. Вы, кажется, безпокоитесь о сэръ Джоржѣ? Напрасно. Она со всѣми ведетъ себя точно также.

Простодушная тетушка продолжала нѣсколько времени разговоръ въ томъ же тонѣ, полунасмѣшливомъ, полуснисходительномъ. Въ концѣ концовъ безпокойство лорда Фонтеноя не улеглось. Онъ переселился въ Мальфордъ-гоусъ передъ самой баллотировкой, а всю недѣлю выборной кампаніи провелъ въ другомъ мѣстѣ округа. Теперь въ этотъ вечеръ, послѣ побѣды, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ будто ему готовится пораженіе, благодаря неожиданно всплывшему факту, и это приводило его въ уныніе.

Когда пришло время идти спать, Летти осталась въ гостиной дольше прочихъ лэди, подъ предлогомъ уборки разныхъ своихъ вещицъ, такъ что когда Джоржъ Тресседи взялъ свѣчу, чтобы посвѣтить ей въ галлереѣ, они очутились одни.

На него вдругъ напала странная молчаливость, такъ что, принимая подсвѣчникъ изъ его рукъ, она пристально взглянула на него. Его тонкая, но мужественная, высокая фигура и выразительное лицо нравились ей. Можетъ быть, онъ нѣсколько простоватъ—она считала его такимъ, но, во всякомъ случаѣ, изященъ и очень веселаго характера.

— Я думаю, вы устали до смерти,—сказала она ему.—Что вы не идете спать?

Она говорила совершенно свободно, какъ женщина, привыкшая

давать совѣты знакомымъ мужчинамъ ради ихъ же пользы. Джоржъ засмѣялся.

— Усталъ? Нисколько. Я былъ уставши передъ обѣдомъ. Послушайте, миссъ Сьювель, мнѣ хочется предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Предлагайте.

— Вѣдь вы не хотите испортить мнѣ сегодняшній торжественный день? Скажите, вы раскаиваетесь въ своей головной боли?

Они смотрѣли другъ на друга, смѣхъ игралъ въ ихъ глазахъ, но въ его глазахъ къ этому смѣху примѣшивалось настойчивое желаніе.

— Прощайте, сэръ Джоржъ, — проговорила она, протягивая ему руку.

Онъ удержалъ эту руку.

— Раскаиваетесь?—еще разъ спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Ей нравилось ихъ взаимное положеніе, и она не дѣлала попытки измѣнить его.

— Спросите у меня черезъ мѣсяцъ, когда я буду имѣть доказательства справедливости вашихъ обвиненій.

— Вы, значитъ, допускаете, что это былъ только предлогъ?

— Я ничего не допускаю,—весело проговорила она,—я просто защищала своего друга.

— Да, оскорбляя и обижая другого друга. Будетъ вамъ пріятно, если я скажу, что мнѣ было очень грустно, когда я васъ не видѣлъ сегодня днемъ въ Мальфордѣ?

— Я отвѣчу вамъ на это завтра, -- теперь слишкомъ поздно! Пожалуйста, отпустите мою руку.

Онъ не послушался и они дошли до самой лѣстницы, держась за руки, причемъ она его тянула.

— Джоржъ! — раздался рѣзкій, дребезжащій голосъ сверху.

Джоржъ поднялъ голову и увидѣлъ мать. Онъ и Летти отскочили другъ отъ друга. Летти быстро вбѣжала на лѣстницу и исчезла.

— Что вамъ, мама?—нетерпѣливо спросилъ Джоржъ.

— Приди, пожалуйста, сюда.

Онъ вошелъ наверхъ и нашелъ лэди Тресседи нѣсколько взволнованной, но аффектированной, какъ всегда.

— О, Джоржъ! было такъ темно! Я не видѣла, я не знала... Джоржъ, не можешь ли ты удѣлить мнѣ полчаса времени завтра послѣ завтрака, мнѣ надобно поговорить съ тобой. О, Джоржъ, мой милый, мой дорогой мальчикъ! Твоя бѣдная мама все понимаетъ!

Она положила одну руку на его плечо и другою подняла свой

вѣеръ и указала ему шаловливымъ движеніемъ въ ту сторону, куда ушла Летти.

Джоржъ поспѣшилъ освободиться.

— Конечно, я готовъ переговорить съ вами, мама. Что касается остальнаго, я не знаю, что вы подразумѣваете. Но, пожалуйста, позвольте мнѣ идти спать. Я такъ усталъ, что не въ состояніи ни о чемъ разговаривать сегодня. Доброй ночи!

Лэди Тресседи удалилась въ свою комнату, улыбаясь, но съ тревогой въ душѣ.

— Она его поймала!—говорила она сама себѣ.—Безстыдная, маленькая кокетка! Нельзя сказать, чтобы это было особенно выгодно для меня. Но, можетъ быть, это расположитъ его къ щедрости, если... если я съумѣю вести свою игру.

Между тѣмъ Летти Сьювель пришла въ свою тихую, роскошную спальню и позвала горничную помочь раздѣться. Горничная ушла, исполнивъ свои обязанности, и молодая госпожа ея долго сидѣла у камина и раздумывала; она старалась выяснить себѣ общее положеніе своихъ дѣлъ, свои желанія, намѣренія другихъ людей, свою цѣль и шансы достиженія ея. Мысленно она разбирала всѣ эти различные вопросы обстоятельно и дѣловито. Летти привыкла къ подобнаго рода анализу своихъ дѣлъ, и это значительно способствовало выработкѣ изъ нея самостоятельной личности, подобно тому, какъ самоанализъ другого рода способствуетъ выработкѣ нравственности у людей другого сорта.

Она съ удовольствіемъ сознавала, что чувствуетъ настоящее волненіе. Джоржъ Тресседи затронулъ ея чувства, раздражилъ ея нервы больше,—да, она сознавалась въ этомъ самой себѣ,—больше, чѣмъ кто-нибудь другой, больше, чѣмъ всѣ остальные. Она мысленно перебирала этихъ остальныхъ, и перебирала съ презрѣніемъ. А между тѣмъ, несомнѣнно, очень немногія дѣвушки ея званія и данной мѣстности больше нея пользовались жизнью, очень немногія имѣли столько приключеній. Мать никогда ни въ чемъ не стѣсняла ее, а сама она никогда не смущалась тѣмъ, «что скажутъ». Танцы, пикники, прогулки при лунѣ; жаркое соперничество съ болѣе красивыми дѣвушками и удовольствіе затмить ихъ; дерзкое обращеніе съ мужчинами, которые не интересовались ею, и милая привѣтливость съ тѣми, кто интересовался—обо всемъ этомъ было пріятно вспоминать. Она не могла упрекнуть себя въ томъ, что не воспользовалась какимъ-либо шансомъ, какимъ-либо случаемъ получить то, чего ей въ данное время хотѣлось.

А между тѣмъ, да, все это надоѣло ей! ей надоѣло оставаться незамужней дѣвушкой, надоѣло пользоваться всѣми выго-

дами своего положенія. Она пріѣхала въ Мальфордъ-гоусъ въ уныломъ настроеніи, чѣмъ и объясняется, отчасти, ея обращеніе съ миссисъ Гаукинсъ. Въ прошломъ году ей открывалась возможность выйти выгодно замужъ за одного изъ богатыхъ сосѣдей. Она всѣми силами старалась объ этомъ и потерпѣла неудачу, неудачу при самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Бракъ состоялся, но вышла замужъ не Летти Сьювель, а одна изъ ея молоденькихъ сосѣдокъ.

Сегодня въ первый разъ она могла думать объ этомъ спокойно, даже съ улыбкой. Въ ней были оскорблены только тщеславіе и честолюбіе, а сегодня эти чувства нашли полное удовлетвореніе и успокоеніе.

Конечно, это будетъ не особенно выгодный бракъ, если онъ состоится. Все, что тетушка Уаттонъ знала о Тресседи, было давно извѣстно ея племянницѣ. Самъ Тресседи очень откровенно отвѣчалъ на ловкіе вопросы Летти. Она знала почти все, что хотѣла знать. Несомнѣнно, Фертъ было далеко не первостепенное имѣніе а когда начались волненія этихъ противныхъ углекоповъ, его доходы, какъ владѣльца копей, стали гораздо меньше, чѣмъ были при его отцѣ,—вѣроятно, тысячи три-четыре въ годъ, можетъ быть, въ хорошіе года нѣсколько больше. Это было не очень много.

Но,—она закрыла глаза руками,—онъ былъ аристократиченъ, она это отлично замѣчала. Его вездѣ примутъ съ радостью.

— А мы не аристократы, въ этомъ все дѣло. Мы люди неважные, незамѣтные. И мнѣ было очень трудно подняться надъ своей средой. Тетя Уаттонъ была очень счастлива, что нашла себѣ такого мужа. На самомъ дѣлѣ она заставила дядю Уаттонъ жениться на себѣ; но это было очень ловко съ ея стороны, и папа говоритъ, что никто другой не съумѣлъ бы этого сдѣлать.

Ей пріятно было вспоминать ухаживанье Тресседи, и лицо ея сіяло отъ удовольствія. «Капитанъ Аддисонъ! Какъ бы онъ посмѣялся, если бы зналъ, какое употребленіе я сдѣлала изъ его имени и его несмѣлаго ухаживанья. Но онъ никогда не узнаетъ. А, вѣдь, сэръ Джоржъ въ самомъ дѣлѣ обидѣлся, въ самомъ дѣлѣ приревновалъ!» Она разсмѣялась тихимъ смѣхомъ полнаго удовольствія.

Да, она рѣшилась. Со вздохомъ отбросила она всѣ другія, болѣе низкія, мечты. Надобно помнить, что у нея нѣтъ важнаго имени и совсѣмъ нѣтъ денегъ. Надобно смотрѣть фактамъ въ лицо. Джоржъ Тресседи введетъ ее въ другую общественную среду, болѣе высокую, чѣмъ та, къ которой она принадлежала.

Она говорила самой себѣ, что всегда интересовалась парламентомъ, политикой и выдающимися личностями. Почему же ей не имѣть въ этомъ мірѣ такого же успѣха, какой она имѣла въ Гельбекскомъ обществѣ? О, навѣрно, она будетъ имѣть успѣхъ!

Его мать, глупая, раскрашенная старая лэди, представляла несомнѣнно значительный минусъ, и тетя Уаттонъ говоритъ, что она безумно расточительна и раззоритъ Тресседи, если все будетъ идти, какъ теперь. Тѣмъ болѣе необходимо спасти его. Летти плотнѣе закуталась въ свой хорошенькій бѣленькій пеньюаръ и утвердилась въ мысли, что матерей такого рода можно и слѣдуетъ держать въ уздѣ.

Необходимо, конечно, имѣть домъ въ городѣ, но не на Уарвинъ-скверѣ, гдѣ у Тресседи былъ домъ, который прежде отдавался въ наемъ, а теперь былъ въ распоряженіи сера Джоржа. Этотъ домъ годится, пожалуй, для лэди Тресседи, если она въ состояніи будетъ содержать его, когда сынъ ея женится и приметъ на себя другія обязательства.

Летти позволила себѣ увлечься мечтами о будущей жизни въ Лондонѣ: молодой членъ парламента, близкій другъ и protégé лорда Фонтеноя, жена молодого члена, прокладывающая себѣ путь въ знатное общество, прелестные праздники въ Фёртѣ.

Все это было превосходно! Но какіе же факты даютъ ей право надѣяться? Она подперла рукой свой маленькій подбородокъ и силилась припомнить всѣ эти факты. Конечно, онъ очень заинтересованъ, очень увлеченъ. Она наблюдала за нимъ, когда онъ старался удаляться отъ нея, широкая улыбка раскрыла ея губы, при воспоминаніи о ея торжествѣ, когда онъ внезапно возвращался къ ней и снова поддавался ея обаянію. Она находила, что у него характеръ ровный, спокойный, но онъ способенъ легко впадать въ уныніе. Въ ея обществѣ, впрочемъ, онъ никогда не казался унылымъ.

Однако, ничего еще не рѣшено. Все, что было между ними, можетъ самымъ легкимъ образомъ обратиться въ ничто, если, да, если она не приметъ надлежащихъ мѣръ. Онъ не новичекъ, и она также; онъ навѣрно имѣлъ множество любовныхъ исторій, это видно по его манерѣ. Такого рода мужчины всегда способны передумать, отступить, особенно когда они подозрѣваютъ, что ихъ ловятъ, преслѣдуютъ.

Ей казалось, она была почти увѣрена, что завтра у него наступитъ реакція, можетъ быть, именно по тому, что его мать застала ихъ вмѣстѣ. Завтра утромъ ему это будетъ непріятно, непріятно снова начинать то, на чемъ онъ остановился сегодня.

Безъ большого такта и ловкости все зданіе можетъ разрушиться, какъ карточный домикъ. Хватитъ ли у нея мужества разыгрывать неприступную, воздвигнуть преграды на его пути?

Было около полуночи, когда Летти подняла наконецъ голову и позвонила въ колокольчикъ, проведенный въ комнату ея горничной, но позвонила тихонько, чтобы не разбудить другихъ.

— Если Грайеръ заснула, она должна проснуться—вотъ и все.

Черезъ двѣ или три минуты вошла растрепанная горничная, потревоженная въ своемъ первомъ снѣ, и спросила, не больна ли барышня.

— Нѣтъ, Грайеръ; но я хотѣла сказать вамъ, что передумала и не останусь здѣсь до субботы. Я уѣзжаю завтра утромъ съ поѣздомъ 9 ч. 30 м. Закажите прежде экипажъ, а потомъ ужъ принесите мнѣ завтракъ, но только пораньше.

Горничная, ужасаясь при мысли о чемоданахъ, которые ей придется укладывать такъ спѣшно, осмѣлилась представить свои возраженія.

— Пустяки, вы можете позвать здѣшнюю горничную и она поможетъ вамъ,—рѣшительнымъ голосомъ проговорила миссъ Сювель.—Дайте ей за это, сколько хотите. А теперь идите и ложитесь, Грайеръ. Мнѣ жаль, что я васъ разбудила; у васъ такой сонный видъ, точно у совы.

Послѣ этого она долго стояла неподвижно, сложивъ руки, и глядѣлась въ большое трюмо.

— Летти уѣхала съ 9-часовымъ поѣздомъ—проговорила она громко, улыбаясь и сама подсмѣиваясь своимъ мыслямъ.—Боже мой! Какъ неожиданно! Какъ удивительно! Да, но это похоже на нее. Гм... Онъ долженъ будетъ написать мнѣ письмо, потому что я напишу ему вѣжливую записочку съ просьбой возвратить книгу, которую я ему дала. О, я надѣюсь, тетя Уаттонъ и его мать до смерти надоѣдятъ ему!

Она разразилась веселымъ смѣхомъ; затѣмъ, зачесавъ всю массу своихъ хорошенькихъ волосъ на одну сторону, она начала подкалывать ихъ на ночь: ея пальцы работали такъ же быстро, какъ ея мысли, а мысли строили одинъ за другимъ разные остроумные планы на случай слѣдующаго свиданія съ Джоржемъ Тресседи.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ФИНЛЯНДСКАЯ ВЫСШАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА.

(Замѣтка объ экскурсіи въ Финляндію).

— Хотите видѣть интересное образовательное учрежденіе финновъ, именно—высшую народную школу въ Финляндіи?

Предложеніе было слишкомъ соблазнительно, чтобы пренебречь имъ, и въ назначенный день, компаніей въ нѣсколько человѣкъ, мы выѣхали изъ Петербурга съ девятичасовымъ поѣздомъ по Финляндской желѣзной дорогѣ, а въ началѣ двѣнадцатаго были на одной изъ ближнихъ станцій, не доѣзжая Выборга. Нѣсколько финновъ-извозчиковъ окружили насъ, предлагая на какомъ-то смѣшанномъ нарѣчіи свои услуги. При помощи бывшаго съ нами финляндца, владѣющаго русскимъ языкомъ, мы скоро объяснились съ ними и быстро покатили на низенькихъ саночкахъ въ деревню, гдѣ находится высшая народная школа—цѣль нашей поѣздки. Не прошло и получаса, какъ мы уже подъѣзжали къ одноэтажному, сѣрому деревянному дому, съ очень большими окнами, въ которомъ помѣщается школа.

Насъ встрѣтилъ директоръ школы, человѣкъ лѣтъ 35-ти, невысокаго роста, бѣлокурый, съ серьезнымъ, оживленнымъ лицомъ. Мы объяснили ему цѣль нашего пріѣзда, мотивируя ее тѣмъ, что типъ такихъ народныхъ образовательныхъ учрежденій совершенно неизвѣстенъ у насъ. Любезно, хотя и нѣсколько сдержанно, директоръ разрѣшилъ намъ осмотрѣть все, что мы найдемъ интереснымъ, и пригласилъ прежде всего зайти въ классъ, гдѣ въ ту минуту происходила спѣвка хора. Классъ, большой и высокій, съ 5-ю громадными окнами, былъ увѣшанъ кругомъ географическими картами, портретами и бюстами финскихъ ученыхъ и писателей.

Какъ оказалось, мы пріѣхали въ день окончанія занятій передъ рождественскими каникулами, и ученики разучивали пѣсни къ школьному празднику, который долженъ былъ состояться вечеромъ. Учащіеся всѣ были въ сборѣ — 38 человѣкъ, изъ нихъ 20 мужчинъ и 18 дѣвушекъ, большею частью юная молодежь, лѣтъ 18—20. Самому старшему, какъ мы узнали послѣ, было 27 лѣтъ.

Вообще, въ такія школы принимаются всѣ, прошедшіе курсъ начальной народной школы, въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, мужчины и женщины, безразлично.

Пѣніе продолжалось и послѣ нашего прихода, стройное, хотя исключительно въ унисонъ. Кромѣ нѣсколькихъ довольно однообразныхъ, большею частью заунывныхъ народныхъ пѣсенъ, спѣли еще прекрасный финскій народный гимнъ и закончили «Боже, царя храни». Кончивъ пѣніе, ученики быстро сдвинули къ стѣнамъ учебные столы и принялись очищать мѣсто для предстоящаго праздника, а мы тѣмъ временемъ стали разспрашивать директора о программѣ, ходѣ учебныхъ занятій, количествѣ учениковъ и т. п.

Чтобы познакомить насъ съ объемомъ проходимаго курса наукъ, директоръ показалъ недѣльное росписаніе уроковъ. Занятія продолжаются ежедневно, кромѣ воскресенья, съ 8 ч. утра до 6 ч. вечера; отъ 6 до 7 часовъ полагается на занятія науками, а въ промежуткѣ 3—4 часа посвящаются физическимъ работамъ. Предметовъ, входящихъ въ программу, довольно много: ежедневно читается исторія, всеобщая или родной страны, и математика; далѣе— Законъ Божій, географія всеобщая и отечественная, литература, общія свѣдѣнія по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, анатоміи, и по государственному праву. Всѣми предметами ученики занимаются въ классѣ, подъ руководствомъ самого директора, двухъ учителей и одной учительницы; внѣ-классныхъ работъ совсѣмъ не существуетъ.

Довольно важнымъ неудобствомъ для веденія занятій является почти полное отсутствіе подходящихъ учебниковъ. Ученики, поступающіе въ школу, ранѣе прошли только начальное народное училище, такъ что по всѣмъ предметамъ курса высшей школы совершенно не подготовлены. Между тѣмъ, это люди уже болѣе или менѣе взрослые, могущіе посвятить занятіямъ не больше одного года. Поэтому имъ нужны книги, съ одной стороны, менѣе подробныя, съ другой — болѣе серьезныя, чѣмъ обычные элементарные учебники. Недостатокъ подходящихъ книгъ пополняется, насколько возможно богатой коллекціей прекраснѣйшихъ учебныхъ пособій. Громадныя географическія карты, подробные ботаническіе и зоологическіе атласы тонкой заграничной работы, разнообразныя историческія картины, различные приборы для простѣйшихъ химическихъ и физическихъ опытовъ, гипсовые анатомическіе препараты,—все это даетъ возможность вести преподаваніе безъ помощи книгъ, наглядно и живо.

Кромѣ систематическихъ занятій предметами курса, одинъ вечеръ въ недѣлю посвящается общимъ бесѣдамъ учениковъ съ учи-

телями. Бесѣды организуются самими учениками. Для этого всѣ они дѣлятся на 5 группъ, и каждую недѣлю очередная группа выбираетъ нѣсколько вопросовъ для обсужденія и готовится говорить по поводу ихъ. Вопросы поднимаются самые разнообразные; иногда обсуждаютъ практическія стороны и нужды сельской жизни, а попутно затрогиваются также болѣе или менѣе отвлеченныя, нравственныя и общественныя, темы. Цѣль такихъ бесѣдъ—выработать въ учащихся умѣнье свободно и правильно выражать мысли и подыскивать аргументы въ защиту своего мнѣнія.

Въ то время, какъ одна изъ 5-ти группъ учениковъ занята подготовленіемъ бесѣды, другая составляетъ текущій нумеръ еженедѣльной школьной газеты, которая и редактируется, и составляется, и переписывается самими учениками. По виду, это—3-4 листа писчей бумаги большого формата, четко исписанныхъ однимъ почеркомъ. Нумеръ, вышедшій при насъ, былъ цѣликомъ посвященъ предстоящимъ рождественскимъ праздникамъ. Въ немъ было около десятка мелкихъ разсказовъ и статеекъ: размышленія по поводу возвращенія домой на праздникъ, о елкѣ, о подаркахъ, о гаданьи, объ отношеніяхъ учениковъ къ школѣ и чувствахъ, какія она въ нихъ возбуждаетъ, и т. п. Съ содержаніемъ этихъ разсказовъ мы, къ сожалѣнію, не могли познакомиться, такъ какъ весь журналъ, конечно, ведется по фински. Разъ въ недѣлю журналъ читается вслухъ передъ всѣми учениками и учителями, причемъ каждая статья читается ея авторомъ.

Такимъ образомъ, умственныя занятія учениковъ состоятъ не только въ пассивномъ усвоеніи предметовъ школьнаго курса, но и въ самостоятельной, активной работѣ мысли, которую вызываютъ бесѣды и веденіе собственнаго журнала.

На ряду съ теоретическими занятіями идетъ преподаваніе ремеслъ. Мужчины учатся столярному, женщины—ткацкому ремеслу и рукодѣльямъ. Въ отдѣльной, свѣтлой и чистой, комнатѣ школьнаго дома,—чистотой, впрочемъ, одинаково блистало все школьное помѣщеніе,—устроена ткацкая мастерская, гдѣ жена директора учитъ дѣвушекъ ткать полотна, канву для скатертей, вязать и вышивать. Она же учитъ ихъ готовить кушанья, и подъ ея руководствомъ ученицы сами приготовляютъ обѣдъ для всѣхъ учащихся и учащихъ; все школьное населеніе обѣдаетъ вмѣстѣ въ просторной столовой, за длинными деревянными столами, изъ блестящей, бѣлой глиняной посуды. Тѣ два предобѣденныхъ часа, пока дѣвушки учатся рукодѣльямъ и готовятъ обѣдъ, мужчины работаютъ въ двухъ столярныхъ мастерскихъ. Обѣ мастерскія помѣщаются въ отдѣльныхъ небольшихъ домикахъ на школьномъ дворѣ—одна для

болѣе грубыхъ и громоздкихъ работъ, другая для мелкихъ и болѣе тонкихъ.

Такъ проводятъ ученики цѣлый день въ школѣ, занимаясь, подъ руководствомъ учителей, то умственной, то физической работой.

Помѣщенія для ночлега при школѣ нѣтъ, а между тѣмъ, только одинъ ученикъ осмотрѣнной нами школы былъ изъ мѣстныхъ крестьянъ; большая же часть съѣхалась спеціально для занятій изъ окрестныхъ деревень, часто довольно отдаленныхъ,—нѣкоторыя за 200 — 300 верстъ. Поэтому, ученики нанимаютъ помѣщеніе у сосѣднихъ крестьянъ. Квартира и обѣдъ обходятся имъ, приблизительно, отъ 7-ти до 10-ти р. въ мѣсяцъ, за ученье же они платятъ 5 р. въ годъ; не имѣющіе средствъ освобождаются и отъ этой невысокой платы.

Ученье въ школѣ продолжается съ ноября по май и курсъ считается одногодичнымъ. Конечно, въ продолженіе шестимѣсячныхъ занятій школа не можетъ дать ученикамъ солидныхъ спеціальныхъ знаній, да она и не задается такими цѣлями. Цѣль ея—пробудить интересъ къ умственнымъ занятіямъ, развить привычку думать и выражать свои мысли словами и перомъ, отвѣтить на самые общіе, близкіе вопросы и, наконецъ, привить вкусъ къ чтенію. Этой послѣдней цѣли служитъ небольшая, хорошо подобранная, школьная библіотека, состоящая изъ разнообразныхъ книгъ, какъ популярно научныхъ, — историческихъ, географическихъ и пр.—такъ, главнымъ образомъ, беллетристическихъ. По окончаніи 6-тимѣсячнаго курса ученики не получаютъ никакихъ дипломовъ или свидѣтельствъ, такъ какъ они не считаются спеціально подготовленными къ чему-нибудь; они возвращаются домой къ своимъ, на время прерваннымъ земледѣльческимъ работамъ, съ запасомъ новыхъ мыслей, съ широко раздвинутымъ умственнымъ горизонтомъ, унося съ собой свѣтлое воспоминаніе о плодотворно и интересно прожитомъ времени.

Такого рода школы стали устраиваться въ Финляндіи очень недавно—съ 1888 года. Въ настоящее время ихъ насчитывается во всей странѣ 20; въ 15-ти преподаваніе ведется на финскомъ языкѣ, въ 5—на шведскомъ. Учениковъ въ нихъ обыкновенно бываетъ отъ 30-ти до 60-ти, исключительно изъ крестьянъ, съѣзжающихся въ ту деревню, гдѣ находится школа, изъ всѣхъ сосѣднихъ приходовъ. Кромѣ директора, въ каждой школѣ занимаются еще 2—3 учителя или учительницы. Всѣ они, по большей части, люди съ высшимъ образованіемъ,—мужчины, окончившіе университетъ, женщины—какую-нибудь высшую женскую школу. Всѣ эти школы устраиваются частнымъ обществомъ, собирающимъ для этой цѣли

средства съ помощью членскихъ взносовъ, концертовъ, лекцій, баловъ и т. п. Для каждой школы строится домъ со всѣми необходимыми надворными строеніями и квартирой для директора, покупаются всѣ нужныя пособія и книги, и выдается ежемѣсячно жалованье директору и учителямъ. Содержаніе каждой школы обходится обществу около 8.000 марокъ, т. е. менѣе 4.000 р. на наши деньги.

Когда мы осмотрѣли школьное помѣщеніе и разспросили директора обо всемъ, что насъ интересовало, онъ сказалъ намъ, что занятія у нихъ теперь кончились до 7-го января, на другой день всѣ ученики разъѣдутся по своимъ деревнямъ, а сегодня, вечеромъ, будетъ по этому случаю «ёлка». Онъ любезно предложилъ намъ остаться посмотрѣть на ёлку. Мы съ удовольствіемъ согласились и такъ какъ до начала праздника оставалась еще часа 2—3, то и пошли пока посмотрѣть деревню.

Первое, что остановило наше вниманіе среди маленькой, разбросанной деревушки, — былъ громадный новый домъ начальной школы. Къ сожалѣнію, занятія и въ ней уже кончились, но мы все-таки зашли въ домъ, чтобы осмотрѣть его внутри. Тутъ, какъ и въ высшей школѣ, больше всего поразила насъ идеальная чистота, масса свѣта и воздуха. Помѣщеніе состоитъ изъ двухъ большихъ, высокихъ классныхъ комнатъ, съ громадными окнами, большими географическими картами и картинами по стѣнамъ. Столы и скамьи устроены по послѣдней системѣ, позволяющей дѣтямъ сидѣть свободно и прямо, не упираясь грудью въ столъ. Рядомъ съ каѳедрой стоитъ небольшая фисгармонія, подъ аккомпаниментъ которой дѣти поютъ молитвы. Всѣхъ учениковъ въ школѣ оказалось 58, но помѣщеніе настолько велико, что смѣло могло бы вмѣстить и больше сотни. Занимается съ ними одна учительница, которая живетъ въ томъ же домѣ и имѣетъ 2 комнаты и кухню. Полюбовавшись такъ прекрасно обставленной школой, мы отправились гулять по деревнѣ, которая мало чѣмъ отличается отъ нашихъ селъ,—такіе же маленькіе, сѣрые домишки, да изрѣдка домикъ получше, принадлежащій какому-нибудь мѣстному богачу.

Пошатавшись по деревнѣ, мы зашли на постоялый дворъ, напиться чаю. Хозяина не было, и мы съ нѣкоторымъ трудомъ объяснились съ хозяйкой, пожилой женщиной, въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, но съ оригинальнымъ финскимъ уборомъ на головѣ. Понявъ, что намъ нужно, она очень любезна пригласила насъ пройти въ чистую половину избы, гдѣ, вѣроятно, принимаются гости, и которая въ то же время служитъ и спальной, и столовой для всего семейства. Въ первой же очень просторной кухнѣ обѣдаютъ и пьютъ чай обычные посѣтители постоялаго двора—заѣзжіе изъ сосѣднихъ деревень крестьяне и извозчики.

Пока мы пили чай, подошелъ и хозяинъ. Толстый, съ самодовольнымъ, краснымъ лицомъ и массивной серебряной цѣпочкой во весь жилетъ, онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе типичнаго зажиточнаго крестьянина. Онъ немедленно разсказалъ намъ (онъ почти свободно говоритъ по-русски), что у него здѣсь и постоялый дворъ, и мелочная лавка, и молочное хозяйство, и дровяной складъ. Сообщивъ всѣ свѣдѣнія о себѣ, онъ сталъ разспрашивать и насъ, откуда и зачѣмъ забрались мы сюда. Узнавъ, что мы пріѣхали съ спеціальной цѣлью—осмотрѣть ихъ высшую школу, онъ былъ очень польщенъ и заявилъ, что имъ это очень пріятно, что школа—предметъ гордости всего села, и имъ въ высшей степени лестно, что о ней слышатъ и ею интересуются даже въ Петербургѣ. Уходя, мы хотѣли расплатиться за чай, но онъ и слушать не сталъ.

— Это намъ обидно,—говорилъ онъ.—Школа не этого стоитъ... Вы пріѣхали на нашу школу посмотрѣть, а мы съ васъ за чай будемъ брать!.. Нѣтъ! мы готовы васъ и не такъ принять, если вы такъ интересуетесь нами...

Вмѣстѣ съ нимъ и его семьей мы отправились на ёлку. Жена его надѣла болѣе нарядное платье, хотя осталась въ томъ же оригинальномъ головномъ уборѣ—родъ маленькой круглой фески, отъ которой, на затылокъ, на лобъ и виски спускается длинная и густая черная бахрома. Дочь ея, молоденькая дѣвушка, окончившая въ прошломъ году курсъ той же школы, выглядѣла настоящей городской барышней, скромно, но нарядно одѣтой.

Когда мы пришли, все уже было готово. Въ переднемъ углу класса стояла большая ёлка, убранная дешевыми бумажными украшеніями и простыми лакомствами, а въ противоположномъ концѣ рядами стояли стулья. Гости начали уже собираться. Ученики и ученицы имѣли теперь болѣе праздничный видъ, чѣмъ утромъ, — молодые люди — въ пиджакахъ, большинство въ крахмальныхъ рубашкахъ и галстукахъ; дѣвушки въ темныхъ шерстяныхъ платьяхъ, съ модными буфами на рукавахъ, хотя многія были въ передникахъ. Вслѣдъ за нами стали сходиться и другіе гости — пожилыя женщины въ шерстяныхъ платьяхъ и описанныхъ выше головныхъ уборахъ, мужчины — нѣкоторые въ пиджакахъ, а нѣкоторые въ полушубкахъ и валенкахъ. Среди женщинъ были и побѣднѣе одѣтыя, въ ситцевыхъ платьяхъ и домотканыхъ передникахъ, но такихъ было меньшинство. Наконецъ, забралось и съ десятокъ ребятъ. Среди учениковъ, совершенно не выдѣляясь изъ ихъ среды ни по костюму, ни по манерѣ обращенія, находились два учителя и двѣ учительницы.

Въ половинѣ шестого всѣ усѣлись, гдѣ кто нашелъ себѣ мѣсто, ёлку зажгли и праздникъ начался. Прежде всего ученики, подъ

управленіемъ одного изъ учителей, пропѣли хоромъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, въ промежуткахъ авторы читали свои разсказы изъ школьной газеты, и мы могли убѣдиться, что цѣль, которую должны имѣть въ виду такія чтенія, уже въ значительной степени достигнута. И молодые люди, и дѣвушки выходили совершенно спокойно на средину класса и читали свои разсказы, безъ признаковъ смущенья или неловкости, хотя аудиторія, къ которой они обращались, была все-таки довольно разнообразна и велика— всѣхъ собравшихся, вѣроятно, было не менѣе ста.

Между тѣмъ, директоръ принесъ только-что полученные имъ физическіе приборы, которыхъ ученики еще не видѣли. Составивъ цѣпь изъ всѣхъ дѣвушекъ, онъ далъ имъ въ руки концы приводовъ электрической баттареи и замкнулъ токъ. Дѣвицы, конечно, подняли крикъ, хохотъ, отдернули руки и, наконецъ, разбѣжались; тоже повторилось и съ молодыми людьми. Посторонняя публика, въ свою очередь, заинтересовалась, въ цѣпь стали протискиваться и гости, почтенные сѣдовласые старцы, и также весело хохотали, потирали руки и съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга. Потомъ директоръ зажегъ на ёлкѣ электрическую лампочку, показалъ вогнутое и выпуклое зеркала и страбоскопъ съ разными потѣшными картинками, которыя возбуждали общую неудержимую веселость. Директоръ разъяснилъ намъ, что послѣ Рождества онъ будетъ объяснять въ классѣ причины всѣхъ этихъ физическихъ явленій, теперь же пользуется случаемъ одновременно и позабавить публику, и возбудить ея любознательность.

Общее оживленіе все росло и достигло апогея, когда изъ комнатъ директора появилась дѣвушка, наряженная рождественскимъ дѣдомъ. Она несла въ мѣшкѣ кипу нумеровъ одного иллюстрированнаго журнала, который даромъ разсылаетъ въ большомъ количествѣ свои рождественскіе нумера по школамъ. Каждому ученику дѣдушка давалъ по книжкѣ, сопровождая подарокъ, очевидно, какими-то непонятными для насъ остротами, такъ какъ каждое его слово покрывалось общимъ дружнымъ хохотомъ.

Снова началось пѣніе, но время отхода послѣдняго поѣзда было уже близко, и намъ пришлось съ сожалѣніемъ оставить оживленный и веселый праздникъ, не дождавшись конца. Простившись съ директоромъ и горячо поблагодаривъ его за любезность, мы уѣхали подъ прекраснымъ впечатлѣніемъ живого и полезнаго дѣла, созданнаго общественной иниціативой и руководимаго съ энергіей и любовью, какія можетъ вдохнуть только сознаніе живой общественной дѣятельности.

Т. К.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ характеристикѣ современныхъ настроеній въ литературѣ, иностранной и у насъ. — Минувшій годъ въ литературѣ. — Сборникъ статей «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.».—Сущность армянскаго вопроса и странное положеніе, занятое въ немъ частью нашей печати.— Изъ «Отчетовъ» Московскаго и С.-Петербургскаго Комитетовъ грамотности.

Одно изъ лучшихъ произведеній Ибсена, «Привидѣнія», заканчивается потрясающей сценой, написанной съ поразительной силой. Герой драмы, надломленный потомокъ цѣлаго поколѣнія много грѣшившихъ отцовъ, гибнетъ жертвой наслѣдственности. Подавленный медленно охватывавшей его болѣзнью, онъ сходитъ съ ума и монотонно повторяетъ одни и тѣ же слова, обращенныя къ матери:

«—Мама, дай мнѣ солнце... солнце... солнце...»

Этотъ несчастный больной намъ представляется символомъ души современнаго человѣка, какъ она отразилась въ литературѣ. Такое сравненіе невольно навертывается при чтеніи «Обзора иностранныхъ литературъ», помѣщеннаго въ декабрьской книгѣ нашего журнала. Тамъ есть одна черта, останавливающая вниманіе читателя,—черта, красной нитью проходящая черезъ весь «Обзоръ», не смотря на разнообразіе лицъ, въ немъ участвовавшихъ, различныхъ по національностямъ, возрастамъ, темпераментамъ и направленіямъ. Но всѣ они, одни больше, другіе меньше, подчеркиваютъ ее, и такое единодушіе—«безъ предварительнаго сговора»—само по себѣ представляется знаменательнымъ явленіемъ.

«Послѣ господства реализма, крайнія проявленія котораго никогда не встрѣчали симпатіи въ Швеціи, явилось въ видѣ реакціи стремленіе къ романтизму и символизму», пишетъ шведъ, перечисляя рядъ авторовъ, «по складу своего ума несклонныхъ къ этому направленію», но «слѣпо подчиняющихся господствующей модѣ». Бринхманнъ, обозрѣватель норвежской литературы, отличавшейся прежде простотой и реализмомъ, граничившимъ нерѣдко съ натурализмомъ довольно подозрительнаго свойства, отмѣчаетъ рѣзкую перемѣну въ направленіи Арне Гарборга, замѣчательнаго писателя, автора нѣсколькихъ натуралистическихъ романовъ, сдѣ-

лавшагося внезапно пессимистомъ, затѣмъ піетистомъ и кончившаго «мрачнымъ мистицизмомъ». «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,— продолжаетъ Бринхманнъ, — въ Норвегіи почти никто не писалъ стиховъ, а теперь она насчитываетъ десятки поэтовъ самыхъ разнообразныхъ направленій», среди которыхъ онъ указываетъ нѣсколькихъ, «проникнутыхъ страннымъ романтизмомъ», силящихся передать читателю «свое мистическое настроеніе». Ибсенъ, обозрѣвая литературу Даніи, почти буквально повторяетъ Бринхманна: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стихи считались въ Даніи болѣе низкой формой, чѣмъ проза, и неудобнымъ способомъ выраженія чувствъ; теперь это мнѣніе оставлено, и многіе молодые писатели съ успѣхомъ занимаются стихотворствомъ. Въ романѣ господствовалъ чистый реализмъ, идеи и все сколько - нибудь абстрактное строго отрицалось, — теперь мы замѣчаемъ въ немъ тенденцію къ символизму и неопредѣленному мистицизму».

Могутъ замѣтить, что Швеція, Норвегія и Данія—родственныя страны, чѣмъ отчасти и объясняется тожественность настроеній. Но вотъ обозрѣватель Италіи подчеркиваетъ «меланхоличное настроеніе у всѣхъ современныхъ поэтовъ», темноту и вычурность формы у двухъ наиболѣе прославленныхъ изъ нихъ—Пасколи и Кардучи—и болѣзненную манерность у самаго моднаго современнаго романиста, д'Аннунціо. Про Францію мы не говоримъ: шумъ, поднимаемый тамъ символистами, отдается даже у насъ на подмосткахъ столичной сцены, какъ было, напр., во время представленія «Тайны души» Метерлинка. Какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, авторъ французскаго обзора отмѣчаетъ «Les Pleureuses» (Плакальщицы) Генри Барбусса,—«рядъ стихотвореній, составляющихъ одну длинную поэму, воспѣвающую сладость траура и тѣни, уединенія и печали». Въ Германіи Робертъ Цимерманнъ приводитъ «образчики поэзіи въ новѣйшемъ вкусѣ», произведеніе «Садъ познанія» Леопольда Адріана, «несомнѣннаго импрессіониста», и жалуется на необузданность фантазіи нѣмецкихъ декадентовъ.

Если къ этому обзору прибавимъ кучу нелѣпостей нашего доморощеннаго декадентства, рѣзко проявившагося въ русской литературѣ за истекшій годъ, то картина получится довольно полная и внушительная. Получается яркая черта въ настроеніи современнаго общества, какъ западнаго, такъ и нашего, хотя у насъ она слабѣе,—быть можетъ, потому, что и литература у насъ меньше отражаетъ въ себѣ настроенія вообще. Во всякомъ случаѣ, говорить о подражательности и позаимствованіи и только этимъ объяснять общность этого явленія—значило бы закрывать

глаза, отказываясь отъ пониманія его. Какъ бы то ни было, его приходится признать, а тамъ ужъ дѣло личнаго настроенія—видѣть въ немъ шагъ впередъ или назадъ, радоваться или плакать.

Стремленіе къ символизму и мистицизму—вотъ то общее, что выдѣляется на сѣроватомъ фонѣ современныхъ литературъ, гдѣ истекшій годъ не выдвинулъ ни одного сильнаго таланта, ни одного произведенія, которому было бы суждено «прейти вѣковъ завистливую даль». Какъ въ биржевыхъ бюллетеняхъ мы читаемъ: «биржа прошла въ угнетенномъ настроеніи», такъ литературный годъ начался и закончился въ угнетеніи. Сильно понизились фонды натурализма, что составляетъ, повидимому, фактъ неоспоримый. Но въ этомъ пониженіи искать причинъ «возрожденія кикиморы»,—какъ ѣдко охарактеризовалъ одинъ глубокоуважаемый философъ усиленіе тенденцій къ мистикѣ и символизму,—едва ли возможно. Такое объясненіе одностороннe и потому не совсѣмъ вѣрно.

На долю современнаго поколѣнія выпала тяжелая расплата за увлеченія, ошибки и несчастья отцовъ, и, что удивительнаго, если души мечтательныя и слабыя, неспособныя къ анализу и несклонныя къ борьбѣ, отвращаются отъ прежнихъ идеаловъ и ищутъ спасенія въ убаюкивающей тиши мистицизма? Тегнеръ лучше всего опредѣляетъ это настроеніе. «Сложить руки на груди, закрыть глаза на все окружающее и предать себя во власть высшей силѣ—вотъ что значитъ быть мистикомъ», говоритъ онъ. Такое «дремотное состояніе души» очень соблазнительно въ извѣстныя эпохи жизни какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлыхъ обществъ, что и выразилъ Пушкинъ въ своемъ шутливо-скорбномъ восклицаніи: «зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель я не лежу въ параличѣ?» Даже самыя сильныя натуры, меньше всего склонные къ апатичному прозябанію, могутъ въ порывѣ отчаянія припасть на минуту къ ногамъ «кикиморы». Потому что жить безъ вѣры нельзя, безъ вѣры во что-либо столь большое, предъ чѣмъ личное, маленькое я умалялось бы до полнаго уничтоженія, что было бы тѣмъ большимъ кораблемъ, къ которому намъ, маленькимъ людямъ, можно было бы привязать и свой челнокъ. Если нѣтъ этого, жизнь представляется тогда темнымъ корридоромъ, въ которомъ бредешь ощупью, рискуя на каждомъ шагу разбить себѣ лобъ.

Но порывъ отчаянья, какъ и всякій порывъ, дѣло минутнаго настроенія, и съ исчезновеніемъ его разсѣевается и мистическій туманъ, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть здороваго зерна, какъ думаютъ иные. Всякій разъ, когда «душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви», замѣчалась та же склонность къ мистическимъ бреднямъ. Мистицизмъ—это душевный заразный ми-

кробъ, который овладѣваетъ ослабленнымъ организмомъ и гибнетъ, разъ силы возстановляются. И какъ есть натуры, отъ рожденія особенно склонныя, напр., къ чахоткѣ (такъ-назыв. status phtisicus), такъ есть другія, заранѣе обреченныя пасть жертвой мистическаго микроба. Мы не можемъ указать ни одного великаго художника или мыслителя съ мистическими наклонностями, и, наоборотъ, можно привести рядъ великихъ именъ, людей, съ поразительной душевной ясностью, почти кристальной чистоты. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, припомнимъ Пушкина или Тургенева.

Мистицизмъ не имѣетъ въ себѣ ничего творческаго, и художественный талантъ съ оттѣнкомъ мистицизма отцвѣтаетъ безъ расцвѣта. Онъ можетъ дать нѣсколько незначительныхъ, хотя болѣе или менѣе яркихъ образовъ, но преходящихъ, почти неуловимыхъ, какъ смутныя тѣни сумерекъ. Все здоровое, сильное, гордое чуждо ему, почти непонятно. Такіе художники выбираютъ сюжеты для своихъ созданій среди слабыхъ и больныхъ, они склонны рисовать жизнь болѣзненныхъ дѣтей, преступниковъ, сбившихся съ пути людей или уродцевъ и несчастныхъ отъ рожденія. Положенія для своихъ героевъ они выбираютъ всегда экстравагантныя, странныя, почти неестественныя. Замѣчательно, между прочимъ, они никогда не описываютъ любви, потому что въ ихъ душѣ, омраченной мистицизмомъ, нѣтъ страсти. А любовь безъ страсти не бываетъ. Страсть—это признакъ силы, которой имъ недостаетъ. Это сказывается въ ихъ слогѣ, нерѣдко звучномъ, красивомъ, округленномъ, но отдающимъ какой-то нездоровой припухлостью, манерной мелочностью, туманностью, почти напыщенностью. Они щеголяютъ эпитетами, у нихъ всегда есть излюбленныя словечки. Вообще, ихъ словарь не богатъ, вслѣдствіе чего имъ постоянно приходится, во избѣжаніе повтореній, прибѣгать къ самымъ удивительнымъ сочетаніямъ словъ, что дѣлаетъ ихъ произведенія монотонными. Еще одна любопытная подробность,—они очень часто описываютъ смерть, силясь безплодно понять эту тайну, потому что мистицизмъ есть, въ сущности, скрытый страхъ смерти. «Они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы»,—въ этомъ весь смыслъ мистицизма.

Но тайна не перестаетъ быть отъ этого тайной, пожалуй, она становится лишь еще глубже и непонятнѣе. Растетъ и страхъ передъ нею и усиливаются мучительныя попытки совладать съ нимъ посредствомъ новыхъ и новыхъ образовъ, въ созерцаніи которыхъ жертвы этого страха думаютъ забыться, подобно тому, какъ евреи передъ мѣднымъ змѣемъ Моисея въ пустынѣ. Въ концѣ концовъ обезсиленныя, онѣ складываютъ руки и отдаются всецѣло во власть торжествующей кикиморы.

Вотъ почему возрожденіе послѣдней знаменуетъ всегда ослабленіе жизненности общества. Когда оно живетъ полной жизнью, наслаждаясь всей полнотой бытія, нѣтъ тогда мѣста мистическимъ влеченіямъ, какъ, напр., въ радостную эпоху Возрожденія, на зарѣ современной цивилизаціи, или у насъ въ шестидесятые годы, въ первые дни гражданской жизни. Напротивъ, мистическія влеченія усиливаются во времена общественной реакціи и душевной смуты, въ тѣ переходныя эпохи, когда старые боги повержены въ прахъ, а новые еще не успѣли занять ихъ опустѣвшіе пьедесталы.

Такое же явленіе мы наблюдаемъ теперь, и, повидимому, оно еще только въ началѣ. На Западѣ это настроеніе проявляется ярче, потому что и жизнь тамъ интенсивнѣе, разнообразнѣе, столкновеніе интересовъ сильнѣе, а, слѣдовательно, больше жертвъ, больше разбитыхъ надеждъ и неудовлетворенныхъ существованій. Что это настроеніе западныхъ литературъ коренится въ общественныхъ условіяхъ, видно изъ того, что тамъ, гдѣ эти условія лучше и жизнь нормальнѣе, замѣчается совершенно иное настроеніе. Мы имѣемъ въ виду литературу англійскую и американскую. Въ первой замѣтно усилился такъ-называемый соціальный романъ, въ которомъ обычная романтическая коллизія любви и любовная психологія отступаютъ на второй планъ и выдвигаются картины общественной жизни, политическихъ кружковъ, промышленной сферы или рабочаго движенія. Очень яркимъ представителемъ этого направленія можетъ служить романъ Гемпфри Уордъ «Марчелла», печатавшійся въ прошломъ году въ «Русской Мысли», къ сожаленію, въ сильно сокращенномъ видѣ. Это исторія богато одаренной отъ природы дѣвушки изъ аристократической семьи. Въ противность героинямъ добраго стараго времени, романовъ Диккенса и Тэккерея, Марчелла не удовлетворяется личной жизнью, не отказывается отъ своего *я* ради любимаго человѣка и ищетъ примѣненія для своихъ недюжинныхъ силъ въ борьбѣ за обездоленныхъ. Чуждая кружковыхъ крайностей и партійной узости, она смягчаетъ неумолимыя доктрины своихъ духовныхъ вождей сердечностью высоко развитой и чуткой женской натуры, которой ничто человѣческое не чуждо, даже пониманіе порока. Марчелла— совершенно новый типъ въ англійской литературѣ, типъ удивительной красоты и духовнаго совершенства, для созданія и развитія котораго необходима и высокая культура Англіи. Такое же новое направленіе замѣчается и въ англійской драмѣ, гдѣ драматическія положенія вытекаютъ не изъ столкновенія личныхъ страстей, а политическихъ и общественныхъ интересовъ. Въ литературѣ Америки (Соединенныхъ Штатовъ, конечно), какъ можно судить по

очеркамъ г. Тверского и разсказамъ Бойейзена, печатавшимся въ «Вѣст. Европы», пробивается не менѣе живая струя, которую мы назвали бы «народническою», если бы этотъ эпитетъ не получилъ у насъ значеніе, далеко не всегда выражающее истину. Эту струю лучше охарактеризовать демократическою, тѣмъ болѣе, что она непосредственно вытекаетъ изъ того широкаго народнаго движенія, которое охватило всѣ слои американской націи, движенія къ просвѣщенію и критическому пересмотру всѣхъ основъ соціальной и политической жизни.

Когда отъ этой картины здороваго, мощнаго, полной грудью дышащаго общественнаго организма, вернемся на континентъ Европы, первое, что привлекаетъ вниманіе, это французская «Камчатка»—зрѣлище, даже и не у олимпійцевъ способное вызвать лишь «смѣхъ несказанный». А на фонѣ ея вырисовывается печально-запуганный Метерлинкъ, этотъ выразитель «тайнъ души» современнаго французскаго буржуа, который живетъ въ постоянномъ трепетѣ смерти. Въ дни своей молодости этотъ буржуа отличался скептицизмомъ, жилъ шутя и умиралъ шутя, при случаѣ, даже съ большимъ достоинствомъ. Въ періодъ зрѣлости онъ ударился въ натурализмъ и пожилъ, что называется, въ полное свое удовольствіе. Теперь же старый грѣшникъ блѣднѣетъ при мысли о смерти, сталъ ханжей, проповѣдуетъ возвратъ къ католицизму и папскому престолу, у подножія котораго онъ не прочь пройтись слегка по части разныхъ liaisons dangereuses. Въ литературѣ современной Франціи, какъ въ зеркалѣ, отразилось все ничтожество буржуазной, мѣщанской жизни, съ ея низменными стремленіями, ограниченнымъ самодовольствомъ и непрестаннымъ страхомъ за свое драгоцѣнное существованіе, которое въ глазахъ буржуа есть центръ міра. Можно сказать, что это—индивидуализмъ, дошедшій до своего отрицанія.

Въ Германіи струя мистицизма и символизма сталкивается съ яркимъ и свѣжимъ талантомъ Гергардта Гауптманна, самаго молодого и самаго талантливаго изъ писателей молодой Германіи. Онъ какъ бы является представителемъ новаго поколѣнія объединенной Германіи,—поколѣнія, выросшаго въ суровыхъ условіяхъ политики крови и желѣза, въ тискахъ милитаризма и усилившагося, послѣ войны, капитализма. Это поколѣніе прошло суровую школу, изъ которой вынесло сильную, закаленную душу борца, что отражается въ каждомъ произведеніи Гауптманна. Что такое его «Ганеле»,—съ которой наши читатели знакомы,—какъ не открытый вызовъ, брошенный современному общественному строю? Или его «Одинокіе люди» (см. іюль «Сѣв. Вѣст.»), предпочитающіе смерть

гнету семейнаго лицемѣрія? Наконецъ, въ «Ткачахъ» онъ ставитъ ребромъ рабочій вопросъ, такъ обострившійся въ Германіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Гауптманнъ ставитъ вопросы въ самой простой, до осязательности конкретной формѣ, какъ того и требуетъ современная жизнь. Въ сущности, мы меньше всего нуждаемся въ построеніи новыхъ идеологическихъ формъ, въ новыхъ общественныхъ и личныхъ идеалахъ. Ихъ болѣе, чѣмъ достаточно, и изслѣдованы они до послѣднихъ логическихъ выводовъ. Быть можетъ наше время—скорѣе время осуществленія идей и мечтаній, вдохновлявшихъ великія сердца нашихъ отцовъ? И та смутная тревога, которая овладѣваетъ даже наиболѣе сильными умами и стойкими душами, а слабыхъ толкаетъ къ мистицизму и символизму.—не есть-ли она одно изъ тѣхъ знаменій, которыя предшествуютъ великимъ событіямъ, какъ говоритъ Ламмене? И, быть можетъ, наступающій годъ несетъ намъ, въ складкахъ своего таинственнаго покрывала, разгадку не одного изъ жгучихъ вопросовъ, завѣщанныхъ ему печально сходящимъ со сцены предшественникомъ?..

Переходя къ родной литературѣ, мы бы затруднились назвать особенно выдающіяся творенія. Истекшій годъ отличался большой плодовитостью, и книжный и журнальный рынокъ не оскудѣвалъ товаромъ. Разнаго качества былъ послѣдній, но есть одно, подавлявшее всѣ остальныя,—посредственность, шаблонъ, какъ у фабричныхъ издѣлій, вышедшихъ изъ-подъ одной и той же штампы. И если литература, какъ можно думать, служитъ выразительницей извѣстныхъ настроеній, то главная, характернѣйшая черта ихъ — неопредѣленность. Въ нѣкоторыхъ моряхъ довольно часто наблюдается явленіе, когда при полномъ безвѣтріи начинается странное волненіе, въ видѣ мелкихъ, короткихъ волнъ, бѣгущихъ безъ опредѣленнаго направленія, сталкивающихся и расходящихся въ суетливомъ безпорядкѣ. У моряковъ для этого явленія есть особое названіе—мертвая зыбь. Плохо кораблю, который, не обладая сильной машиной, попадетъ въ эту толчею, не дающую ему двигаться впередъ и въ то же время сильно расшатывающую его корпусъ. Такую же мертвую зыбь напоминаютъ литературныя теченія минувшаго года, своей безпорядочностью, неопредѣленностью, минорностью тона и мелочностью интересовъ. «Смѣшиця по Русѣ пошла», — говоритъ одно изъ дѣйствующухъ лицъ въ разсказѣ г. Короленко «Рѣка играетъ». «Давно ужъ это, не со вчерашняго дня», успокоительно отвѣчаетъ ему другой. Эти немудрыя замѣчанія вполнѣ примѣнимы и къ нашей литературѣ, въ которой «смѣшиця» составляетъ наиболѣе характерное явленіе за прошлый годъ.

Добромъ помянуть его не за что, а лихомъ—не стоитъ того. «Vorbei und reines Nichts, volkommnes Einerlei» *), говоритъ Мефистофель, и такъ какъ живемъ мы не ради прошлаго, а во имя будущаго, то хотя бы «трудъ и горе» сулило намъ «грядущаго волнуемое море»,—будемъ продолжать нашу работу, утѣшаясь французской поговоркой: «дѣлай каждый свое дѣло, а что изъ єего воспослѣдуетъ—предоставимъ Богу».

Плохое утѣшеніе, могутъ замѣтить. Кто знаетъ лучшее—пусть скажетъ.

Въ числѣ жгучихъ вопросовъ, выпавшихъ на долю наступающаго года, не послѣднее мѣсто занимаетъ армянскій, которому посвященъ обстоятельный сборникъ, только что вышедшій въ свѣтъ, «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.» **). Сборникъ открывается рѣчью «великаго старца», Гладстона, предъ которымъ само время, какъ-бы въ безсильи, сложило свои «необорныя руки». Такою мощью дышетъ эта рѣчь, простая и ясная, идущая отъ сердца и потому глубоко волнующая сердца. Уже не первый разъ поднимаетъ онъ голосъ въ защиту униженныхъ и оскорбленныхъ и политикѣ силы противопоставляетъ политику справедливости. Такъ выступилъ онъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда съ добросовѣстностью англійскаго ученаго, съ негодованіемъ, на какое способенъ только истый джентельменъ, и съ свойственною ему, какъ величайшему оратору вѣка, силою—обрушился на неаполитанское правительство и раскрылъ предъ пораженною ужасомъ Европою невѣроятныя тайны политическихъ тюремъ Неаполя и замка Сентъ-Эльма. Его книга, написанная о звѣрствахъ неаполитанскаго правительства, послужила дѣлу освобожденія Италіи не менѣе, чѣмъ политика Кавура и шпага Гарибальди. Вторично онъ возсталъ восемнадцать лѣтъ назадъ по поводу болгарскихъ вакханалій турецкаго правительства, доказывая невѣрность политики д'Израели, отстаивавшаго ненарушимость турецкой имперіи. И событія послѣдняго времени вполнѣ подтвердили справедливость его взглядовъ, къ которымъ склонился теперь и непосредственный преемникъ д'Израели, графъ Салисбери.

«Престарѣлый ораторъ, отказавшійся по болѣзни отъ публичной дѣятельности и выступающій съ рискомъ для здоровья, чтобы

---

*) «Что прошло—все равно, какъ будто и не было».

**) «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.». Рѣчь Гладстона, статьи: Роленъ-Жакемна, Макъ-Коля, Грина, Диллона, Діев" и др. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. Стр. XXIII + 443.

сказать во имя человѣчности и права слово въ защиту угнетенныхъ армянъ, которые въ глуши своей даже и не узнаютъ имени своего благороднаго защитника—рѣдкая, по своей возвышенности и красотѣ, картина!» — замѣчаетъ редакція Сборника. Дѣйствительно, это одна изъ тѣхъ картинъ, въ созерцаніи которыхъ вниманіе, утомленное завываніемъ разныхъ писакъ, отдыхаетъ съ отрадой и умиленіемъ. Можно еще жить на свѣтѣ, есть еще «порохъ въ пороховницахъ», — пока на эстрадѣ передъ взволнованной толпой слышится такой голосъ и раздаются такія рѣчи:

«Пусть мнѣ не говорятъ, что одинъ народъ не имѣетъ власти надъ другимъ. Каждый народъ, а если нужно, то каждый человѣкъ, имѣетъ власть *во имя гуманности и справедливости.* Эти принципы присущи человѣчеству, и нарушеніе ихъ можетъ открыть, въ подобающій моментъ, уста самому малому изъ насъ. Но, въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій, мы должны опасаться, чтобы не совершить какой-либо несправедливости, и чѣмъ ужаснѣе слухи, тѣмъ строже мы обязаны воздерживаться отъ поспѣшнаго признанія ихъ достовѣрности; нашъ долгъ ожидать разслѣдованія дѣла и слѣдить за тѣмъ, чтобы все, что мы говоримъ, основывалось на провѣренныхъ фактахъ.

«Да, мм. гг., 18 лѣтъ тому назадъ, на мою долю, я полагаю — на мое счастье, выпало принять на себя активную роль по поводу другихъ насилій, о которыхъ сначала распространились только слухи, но которыя затѣмъ также были ужаснымъ образомъ подтверждены: это насилія, совершенныя въ Болгаріи. Я, однако, не выступилъ по этому поводу до тѣхъ поръ, пока, во-первыхъ, достовѣрность и характеръ упомянутыхъ слуховъ не были установлены безспорнымъ изслѣдованіемъ; во-вторыхъ, пока я самъ не утратилъ надежды на то, что правительство, находившееся тогда у власти, явится вѣрнымъ выразителемъ британскаго общественнаго мнѣнія. Вы видите, что мой образъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ не противорѣчитъ моимъ поступкамъ по поводу болгарскихъ событій, и, не смотря на мою старость, не можетъ служить доказательствомъ того, что чувства мои зачерствѣли въ отношеніи къ столь ужаснымъ фактамъ, какъ тѣ, о которыхъ говорятъ теперь.

«Я хранилъ до сихъ поръ молчаніе потому, что имѣлъ полную увѣренность, что правительство королевы исполнитъ свой долгъ, и сохраняю эту увѣренность и теперь. Власть и вліяніе правительства значительны и въ тоже время ограничены. Эта страна, дѣйствуя одиноко, не можетъ выступить представительницей всего человѣчества и подвергать достойному наказанію даже самыхъ грубыхъ злодѣевъ; но существуетъ совѣсть человѣчества, какъ единаго цѣлаго,—совѣсть, которая не ограничена даже предѣлами христіанства. И великая сила въ соединенномъ голосѣ оскорбленнаго человѣчества! Что произошло въ Болгаріи? Султанъ и его правительство безусловно отрицали, чтобы совершено было что-либо дурное. Да, но ихъ отрицаніе было поколеблено фактами. Истина обнаружилась на глазахъ всего міра. Я сказалъ тогда: «наступило время, чтобы турки и всѣ ихъ приверженцы ушли разъ навсегда изъ Болгаріи». Слова эти были сочтены за сумасбродство, но въ концѣ концовъ турки удалились не только изъ Болгаріи, но и изъ цѣлаго ряда другихъ мѣстъ».

На ту же силу совѣсти «соединеннаго человѣчества», Гладстонъ возлагаетъ надежду и теперь, и, сдѣлавъ блестящую характеристику турецкаго правительства, которое онъ называетъ «поруганіемъ цивилизаціи во всемъ ея цѣломъ и проклятіемъ человѣчества», онъ заканчиваетъ свою рѣчь: «Это сильныя выраженія; но такія выраженія должны быть употребляемы, когда сильны факты, и они не должны употребляться безъ этого условія. Я совѣтовалъ

всѣмъ пока воздерживаться отъ сужденій и хранить ихъ про себя, но по мѣрѣ того, какъ доказательства усиливаются и положеніе дѣлъ представляется мрачнѣе, мои надежды меркнутъ и угасаютъ; и до тѣхъ поръ, пока я буду имѣть голосъ, я надѣюсь, — этотъ голосъ, въ случаѣ необходимости, будетъ раздаваться во имя человѣколюбія и истины».

Эта рѣчь была имъ сказана въ день 85-ти-лѣтней годовщины рожденія, 29-го декабря 1894 г., а въ іюлѣ 1895 г. онъ, убѣдившись въ справедливости всѣхъ свѣдѣній о систематическомъ избіеніи армянъ, «совершающемся изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день»,—снова выступилъ съ рѣчью, въ которой именемъ всей британской націи требуетъ вмѣшательства Европы въ дѣла турецкой имперіи. «Мы достигли дѣйствительно критическаго положенія, — говорилъ онъ на публичномъ митингѣ въ Честерѣ.—Три великихъ европейскихъ правительства, управляющія населеніемъ въ 209 милліоновъ человѣкъ, превосходящимъ въ восемь или девять разъ населеніе Турціи, — правительства, средства которыхъ двадцать разъ больше средствъ Турецкой имперіи, вліяніе и сила которыхъ въ пятьдесятъ разъ превосходятъ могущество Турціи, взяли на себя по этому вопросу извѣстныя обязательства; если онѣ отступятъ въ виду противодѣйствія султана и отоманскаго правительства, онѣ будутъ опозорены въ глазахъ всего свѣта. Всѣ мотивы долга совпадаютъ въ этомъ случаѣ со всѣми мотивами самоуваженія».

Факты, убѣдившіе Гладстона, что моментъ для вмѣшательства назрѣлъ, составляютъ содержаніе настоящаго сборника, состоящаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, выясняющихъ положеніе армянъ въ Турціи со всѣхъ сторонъ. Вопросъ этотъ простъ и ясенъ, и если бы не путаница интересовъ, въ которой тонетъ здравый смыслъ современной политики, онъ былъ бы разрѣшенъ давнымъ - давно. Почти 3.000.000 людей подвергаются уже нѣсколько десятилѣтій подъ рядъ систематическому истребленію, которое за послѣдніе три года приняло характеръ массовыхъ избіеній. Турецкое правительство, обязанное европейскими державами, по берлинскому трактату, упорядочить положеніе дѣлъ въ Арменіи, пришло къ мудрому заключенію, что лучшее средство для этого— уничтожить армянъ совсѣмъ. «Теперь доказано, — говоритъ Диллонъ,—что сасунская рѣзня была *сознательнымъ* дѣломъ представителей Блистательной Порты, дѣломъ, которое было заботливо подготовлено и безпощадно выполнено, не смотря на то, что эти ужасы вызывали содроганія даже въ курдскихъ разбойникахъ и чувства состраданія даже въ сердцахъ турецкихъ солдатъ». Масса

свидѣтельствъ, собранныхъ Гриномъ, Макъ-Колемъ и Диллономъ, рисуютъ это истребленіе въ такихъ чудовищныхъ краскахъ, что сравниться съ ними могутъ развѣ древнія преданія объ истребленіи городовъ Чингисъ-Ханомъ или Тимуромъ. Американскій миссіонеръ Гринъ, мало, лучше сказать, вовсе не заинтересованный въ восточномъ вопросѣ, заявляетъ, что, «повидимому, можно безъ опасеній сказать, что 40 деревень совершено разрушены, и представляется вѣроятнымъ, что убито, по меньшей мѣрѣ, 16.000 человѣкъ. *Самая низкая цифра 10.000*, но многіе считаютъ гораздо больше». «Нужно замѣтить,—добавляетъ онъ,—что избіеніе совершалось регулярными солдатами, находившимися большею частью подъ командой офицеровъ высокаго ранга. Это придаетъ дѣлу въ высшей степени серьезное значеніе». Маршалъ Зекки-паша, спеціально присланный изъ Эрзинкіана, объявилъ фирманъ султана, повелѣвающій истребленіе, и затѣмъ, «держа указъ на груди, увѣщевалъ солдатъ» не уклоняться отъ исполненія долга. «Въ послѣдній день августа, въ годовщину восшествія султана на престолъ, солдатъ особенно увѣщевали отличиться, и они произвели въ этотъ день самую звѣрскую рѣзню», а вся расправа тянулась 23 дня, или въ общемъ—«съ середины августа до середины сентября» (стр. 237).

Подробности слишкомъ возмутительны, чтобы передавать ихъ здѣсь, и мы отсылаемъ читателей къ самой книгѣ. Приведемъ лишь выдержку изъ описанія Лейярда, знаменитаго изслѣдователя Ниневіи, которому пришлось побывать на мѣстѣ другой турецкой расправы въ Арменіи, относящейся къ пятидесятымъ годамъ. Оно лучше всякихъ «передовицъ» нашихъ «патріотовъ» характеризуетъ попечительное управленіе турецкаго правительства.

«Скоро мы увидѣли слѣды избіенія. Сначала черепъ, одиноко катившійся вмѣстѣ съ щебнемъ, потомъ груды бѣлѣвшихъ костей; дальше обрывки гнилого тряпья. При движеніи впередъ чаще начали встрѣчаться подобные остатки; скелеты, почти совершенно цѣлые, еще висѣли на низкихъ кустахъ. Мнѣ скоро пришлось отказаться отъ попытки сосчитать ихъ. Когда мы приблизились къ отвѣсу скалы, покатость вся оказалась покрытой костями, въ перемежку съ длинными, заплетенными въ косы женскими волосами, съ потерявшимъ свой первоначальный видъ бѣльемъ, съ изношенными башмаками. Здѣсь были черепа всевозможныхъ возрастовъ, начиная отъ народившагося на свѣтъ ребенка до беззубаго старика. Подвигаясь впередъ, мы невольно наступали на нихъ и скатывали ихъ въ долину вмѣстѣ съ костями. «Это еще ничего», воскликнулъ мой проводникъ, замѣтивъ, что я съ изумленіемъ смотрю на эти несчастныя груды: — это только останки, тѣхъ, которые бросились внизъ или пытались спастись отъ убійства, прыгая со скалы. Слѣдуйте за мной» (стр. 180—181).

Но мы за нимъ не послѣдуемъ, полагая, что и этого достаточно.

Странное, чтобы не сказать больше, впечатлѣніе производятъ послѣ этого смѣлыя завѣренія нашихъ «патріотическихъ туркофиловъ», что «*всѣ крики* о турецкихъ преслѣдованіяхъ армянъ—*вымы-*

вель»... Редакція сборника дѣлаетъ по этому поводу справедливое примѣчаніе: «Любопытно сопоставить съ этими явно пристрастными туркофильскими потугами фальсификаціи исторіи прошлой и современной — свѣдѣнія, напечатанныя въ августѣ 1895 г. въ фельетонѣ «*Правительственнаго Вѣстника*». Въ статьѣ «Арменія и отношенія къ ней русскаго народа» приводится множество данныхъ о звѣрствахъ турокъ за послѣдніе три вѣка. Передавъ со словъ *турецкаго* историка данныя о звѣрствахъ, совершенныхъ въ XVI в. во время осады Эрзерума турками надъ мирнымъ армянскимъ сельскимъ населеніемъ, статья продолжаетъ: «*Эти звѣрства съ небольшими промежутками* длились въ теченіе *трехъ столѣтій* и, *какъ извѣстно*, повторяются еще и въ *наши дни* («*Прав. Вѣстн.*» 1895 г. № 189).

При видѣ этихъ туркофильскихъ симпатій, такъ внезапно проявившихся въ нашей quasi-патріотической прессѣ, само собой напрашивается сравненіе съ поведеніемъ ея восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Она словно обмѣнялась ролями съ извѣстной частью тогдашней англійской печати. Произошло, словомъ, политическое chasser-croiser. «Коварный Альбіонъ»,—лучшіе представители котораго и тогда, какъ и теперь, были на сторонѣ права и справедливости,— изображался ею то въ видѣ укрывателя баши-бузуковъ, то въ видѣ совѣтника, нашептывавшаго Портѣ мудрыя мѣры для укрощенія болгаръ. Теперь наши патріоты сами выступаютъ открыто въ неблагодарной роли укрывателей и попустителей курдовъ, которые въ ихъ изображеніи представляются кроткими овечками, терпящими напраслину, а армяне—злодѣями, бунтовщиками и агитаторами, задавшимися цѣлью, во что бы то ни стало, втянуть насъ въ войну. А каковы эти «овечки», показываетъ разговоръ Диллона съ однимъ изъ ихъ вождей, нѣкіимъ Мостиго, совершившимъ, по его словамъ, «большія дѣла, такія, которыя удивили бы 12 державъ», не то что «6 державъ».

«Выслушавъ рядъ исторій объ ихъ набѣгахъ, убійствахъ, грабежахъ, и т. п., я опять спросилъ его:

«— Можете ли вы, Мостиго, сообщить мнѣ еще что-нибудь о вашихъ смѣлыхъ дѣяніяхъ для того, чтобы я довелъ о нихъ до свѣдѣнія 12-ти державъ?»—на что онъ далъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

«Однажды волку сказали, разскажи намъ что-нибудь объ овцѣ, которую ты съѣлъ, а онъ отвѣтилъ: я съѣлъ тысячи овецъ, о какой изъ нихъ вы говорите? То же самое можно сказать о моихъ дѣлахъ. Еслибъ я говорилъ, а вы писали два дня подрядъ, всетаки многое еще оставалось бы недосказаннымъ» (стр. 348—349).

«Овечки» оказываются наивнѣе своихъ добровольныхъ адвокатовъ. Впрочемъ, въ одномъ они вполнѣ сходятся: какъ для овечекъ ихъ «великія дѣла» составляютъ обычное занятіе, такъ для ихъ защитниковъ — лганье вошло давно уже въ профессію. Мы очень рады, что появленіе этого сборника поможетъ русскому обществу уяснить себѣ истинное положеніе дѣла, нарочно запутываемаго, хотя и безъ видимой цѣли. Дѣло въ томъ, что если правительство Англіи времени освобожденія Болгаріи отстаивало Турцію, то оно имѣло нѣкоторыя основанія, въ виду весьма недвусмысленныхъ посягательствъ патріотовъ того времени на Константинополь. Теперь же никто и ни на что не посягаетъ, и всѣ державы, въ томъ числѣ и Россія, желаютъ одного—мирнаго разрѣшенія давно назрѣвшаго вопроса.

Оглядываясь на прошлый годъ, нельзя не отмѣтить одного выдающагося явленія въ нашей общественной жизни. Мы имѣемъ въ виду несомнѣнное оживленіе вопроса о народномъ просвѣщеніи. Нельзя при этомъ не помянуть добрымъ словомъ дѣятельности С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности, выдающаяся роль которыхъ въ этомъ дѣлѣ можетъ служить еще разъ доказательствомъ того положенія, какъ важна и необходима свободная иниціатива общества въ дѣлѣ, требующемъ прежде всего живого къ себѣ отношенія, готовности не только поддерживать то, что уже существуетъ, но и идти на встрѣчу все возрастающимъ въ народѣ стремленіямъ къ знанію.

Нѣсколько данныхъ, заимствуемыхъ изъ отчетовъ упомянутыхъ Комитетовъ, покажутъ намъ, какъ постепенно расширялась ихъ дѣятельность, сообразно росту просвѣтительныхъ задачъ общества и требованій народа. Кстати, изъ отчета Московскаго Комитета мы узнаемъ, что въ минувшемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе его существованія, почему, какъ старѣйшему, мы и отведемъ ему первое мѣсто въ этихъ краткихъ замѣткахъ, заранѣе оговариваясь, что лишь характеръ послѣднихъ вынуждаетъ насъ остановиться на самомъ существенномъ. Въ дѣйствительности трудно сдѣлать такое разграниченіе, такъ какъ въ дѣятельности обоихъ Комитетовъ—все существенно.

Первое, что привлекаетъ къ себѣ вниманіе, это—замѣтный за послѣдніе годы ростъ личнаго состава Московскаго Комитета, въ число членовъ котораго въ 1891 г. вступило 62 новыхъ члена, въ 1892 г.—26, 1893 г.—69, 1894 г.—183, и 1895 г.—190. Въ этомъ отношеніи ему не уступаетъ С.-Петербургскій, ростъ котораго, пожалуй, еще болѣе поразителенъ, какъ видно изъ слѣдую-

щихъ данныхъ: къ 1-му января 1891 г. число членовъ было 251 къ 1892 г.—289, 1893 г.—388, 1894 г.—644, 1895 г.—883. Въ настоящее время число членовъ Московскаго Комитета почти сравнялось съ Петербургскимъ, достигая 800. Мы потому съ такою подробностью отмѣчаемъ возрастаніе числа членовъ обоихъ Комитетовъ, что въ нашихъ свободныхъ общественныхъ учрежденіяхъ всегда замѣчается обратное явленіе: въ началѣ ихъ возникновенія приливъ силъ, затѣмъ постепенный отливъ, вызываемый разочарованіемъ. Тогда какъ необычный въ нашей жизни ростъ столичныхъ Комитетовъ грамотности ясно говоритъ намъ, насколько дѣятельность ихъ удовлетворяла настоятельной общественной потребности идти на встрѣчу просвѣтительнымъ стремленіямъ народа.

Дѣйствительно, краткій перечень вопросовъ, разработанныхъ этими Комитетами, показываетъ, съ какою чуткостью относились они къ запросамъ и нуждамъ народной среды. «Наиболѣе важнымъ изъ предметовъ, обсуждавшихся Комитетомъ»,—читаемъ въ московскомъ отчетѣ,—«была разработка вопроса о возможности введенія въ нашей странѣ всеобщаго начальнаго образованія, вопроса, привлекавшаго въ истекшемъ году серьезное вниманіе общественныхъ дѣятелей и органовъ печати. Въ цѣломъ рядѣ земствъ вопросъ о всеобщемъ обученіи поставленъ въ настоящее время на первый планъ и успѣла создаться цѣлая литература, посвященная обсужденію его. Въ этомъ общественномъ движеніи, охватившемъ всю страну и сплотившемъ лучшіе элементы общества, принималъ не малое участіе и Московскій Комитетъ грамотности, которому принадлежитъ заслуга возбужденія этого вопроса и посильной разработки его... Этотъ вопросъ нашелъ себѣ подробную разработку въ рефератѣ В. П. Вахтерова «о всеобщемъ обученіи», разосланномъ впослѣдствіи Комитетомъ по всѣмъ земствамъ, городскимъ думамъ и другимъ учрежденіямъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія». Для болѣе полной его разработки была затѣмъ избрана особая коммиссія, собравшая посредствомъ многочисленныхъ опросовъ и сношеній съ различными мѣстными дѣятелями богатый фактическій матеріалъ, отчасти уже опубликованный, именно—объ отношеніи самого населенія къ этому вопросу. Нашимъ читателямъ мы уже сообщали въ свое время объ этихъ интересныхъ результатахъ дѣятельности Комитета (см. «На Родинѣ», іюль и августъ 1895 г.).

Другимъ, не менѣе важнымъ предметомъ обсужденія Комитета былъ вопросъ о нормальномъ типѣ народной школы, причемъ Комитетъ категорически высказался противъ всякаго пониженія образовательнаго уровня школы и распространенія образовательныхъ

начальныхъ учрежденій, стоящихъ внѣ связи съ правильно поставленной школой и внѣ общественнаго контроля. Затѣмъ, Комитетъ возбудилъ вопросъ о крайне тяжеломъ положеніи сельскихъ учителей, вопросъ объ учрежденіи народныхъ библіотекъ, цѣлый рядъ ходатайствъ предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и т. д.

Такова была теоретическая часть его дѣятельности. Практическая выразилась въ изданіи «Ежегодника» отзывовъ о народныхъ книгахъ (738 отзывовъ о книгахъ и 784 — о народныхъ картинкахъ), въ разсылкѣ 185 библіотекъ на сумму 4.000 руб., въ изданіи ряда народныхъ книжекъ и цѣннаго сборника «Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія».

Дѣятельность Петербургскаго Комитета не только не уступала Московскому, но отличалась еще большей интенсивностью и размѣрами обхватываемой ею области. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ рядъ коммиссій, работавшихъ надъ спеціальными вопросами, какъ-то: коммиссіи издательская, библіотечная, по изданію сочиненій Кольцова, по оказанію помощи школамъ и другимъ учрежденіямъ, по сбору пожертвованій на школу имени А. Н. Энгельгарда, по собиранію и разработкѣ свѣдѣній о состояніи народнаго образованія въ Россіи, по составленію систематическаго обзора народно-учебной литературы, по участію Комитета на Всероссійской выставкѣ 1896 г., коммиссія помощи ученикамъ народныхъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, по изысканію средствъ, по разсмотрѣнію вопроса о внѣшкольномъ образованіи народа и возбужденію ходатанствъ,—всего *одиннадцать* коммиссій въ составѣ членовъ свыше *ста*. Такимъ образомъ, каждый изъ 8 членовъ Комитета такъ или иначе былъ привлеченъ къ работѣ. Пусть намъ укажутъ другое общество, въ которомъ было-бы больше *дѣятельныхъ* членовъ! И работали бы они такъ, какъ эти, которымъ пришлось возбуждать вопросы, писать доклады, обсуждать ихъ, перечитывать массу книгъ на всевозможныхъ языкахъ, дѣлать изъ нихъ выборъ, переводы, извлеченія, вести переписку съ массою учрежденій и частныхъ лицъ, заниматься изданіями, т. е. входить въ сношенія съ типографіями, фабриками бумаги, авторами, вести корректуру, устраивать и наблюдать за складами, завѣдывать продажей и разсылкой книгъ, и проч. Все это безвозмездно, урывая время отъ своихъ занятій, а слѣдовательно, жертвуя, кромѣ работы, и заработкомъ. Только искреннее желаніе принести пользу просвѣщенію, послужить народу можетъ вдохнуть въ людей ту энергію, которую проявилъ Комитетъ за послѣдніе годы своего существованія.

Результаты этой дѣятельности слишкомъ извѣстны, почему

не будемъ останавливаться на ея деталяхъ. Комитетомъ собрано до 30.000 р. на учрежденіе народныхъ библіотекъ, которыя и открыты по соглашенію съ земствами. Издано до *полумилліона* экземпляровъ книгъ, изъ которыхъ продано въ 1894 году до 150 т. экз., Число изданій сильно возрасло, составляя нынѣ 54 названія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Въ то же время цѣна ихъ понижена до крайности, такъ что изданія Комитета, выдѣляясь своимъ содержаніемъ и своей образцовой внѣшностью, являются на книжномъ рынкѣ самыми дешевыми. Чтобы дать приблизительное представленіе о трудѣ, посвященномъ на эти изданія, приведемъ небольшую выдержку изъ отчета. «Издательскою коммиссіею было разсмотрѣно около 600 литературныхъ произведеній русскихъ писателей и изъ нихъ выбрано для изданія 47 произведеній». Это показываетъ также, съ какой тщательностью и осмотрительностью дѣлался выборъ, причемъ коммиссія «руководствовалась *исключительно* соображеніями художественной правды и гуманности и была чужда какихъ бы то ни было тенденціозныхъ цѣлей». Чтобы оцѣнить значеніе издательской дѣятельности Комитета, надо принять во вниманіе не только эти голыя цифры, а и то несомнѣнное вліяніе, какое она оказала на изданіе книгъ для народа вообще. Какъ ни слабо развитъ вкусъ послѣдняго, но онъ не могъ не обратить вниманіе на рѣзкую разницу между изданіями Комитета и Никольскаго рынка, разницу хотя бы внѣшнюю и въ цѣнѣ, что повлекло за собою повышеніе требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее улучшеніе въ народной литературѣ, замѣчаемое всѣми. Оцѣнить конкретно это вліяніе невозможно но его слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ въ ряду заслугъ Комитета передъ обществомъ.

Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность столичныхъ Комитетовъ грамотности при Вольноэкономическомъ Обществѣ, которымъ и злѣйшіе ихъ критики не могли отказать въ энергіи, преданности дѣлу и умѣньи вести его.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ вопросу о земской и церковно-приходской школѣ. На одномъ изъ засѣданій обще-педагогическаго отдѣла въ Педагогическомъ Музеѣ (въ Соляномъ Городкѣ) П. Ѳ. Каптеревъ сдѣлалъ интересный докладъ «о народной школѣ по воззрѣніямъ проф. Рачинскаго».

Изложивъ взгляды послѣдняго, г-нъ Каптеревъ предложилъ членамъ Педагогическаго Общества высказаться по вопросу о томъ, какой типъ школы наиболѣе желателенъ для русской деревни — школа земслая или церковно-приходская. Среди высказанныхъ мнѣній особенно заслуживаетъ вниманіе авторитетное указаніе М. Н. Капустина, попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, который высказался противъ пріуроченія школъ къ приходу, на томъ основаніи, что приходовъ (и священниковъ) въ Россіи считается до 40.000, а школъ уже теперь до 60.000 разныхъ типовъ, такъ что число приходовъ оказывается значительно меньше даже нынѣшняго, еще далеко недостаточнаго числа школъ.

Въ общомъ собраніе педагоговъ пришло къ выводу, что не слѣдуетъ отдавать предпочтенія ни одному изъ существующихъ типовъ школъ, а содѣйствовать ихъ равномѣрному совмѣстному развитію.

Вопросъ о преимуществахъ того или иного типа школъ имѣетъ огромное практическое значеніе. Въ дѣйствительности церковно-приходская школа чрезвычайно далека отъ того идеала, который рисовался воображенію пр. Рачинскаго. Въ большинствѣ случаевъ, церковно-приходскія школы обставлены несравненно хуже болѣе богатыхъ и благоустроенныхъ земскихъ школъ и вслѣдствіе этого населеніе относится къ нимъ безъ особаго сочувствія.

Интересныя пренія о народной школѣ велись также на послѣднемъ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Коммиссія по народному образованію внесла въ земское собраніе слѣдующія предложенія: 1) поручить губернской управѣ, при участіи свѣдущихъ лицъ, пополнить существующій нынѣ каталогъ книгъ для обращенія въ народныхъ библіотекахъ составленіемъ добавочнаго каталога и представить его на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія. Предложеніе коммиссіи принято и управѣ открытъ кредитъ на работу по пополненію каталога въ суммѣ 100 рублей 2) Признавая существующее количество инспекторовъ народныхъ училищъ крайне недостаточнымъ для губерніи, коммиссія предложила ходатайствовать предъ правительствомъ объ увеличеніи ихъ числа на два, при чемъ, въ случаѣ отказа правительства, содержаніе двухъ инспекторовъ принять на счетъ губернскаго

земства. Предложеніе принято единогласно, только земскій начальникъ г. Д. В. Хотяинцевъ хотѣлъ-было говорить о незаконномъ стремленіи земства создать себѣ право по инспекціи дѣла народнаго образованіи, но ему замѣтили, что не объ этомъ идетъ рѣчь· 3) Коммиссія предложила увеличить представительство отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ еще однимъ членомъ отъ земства (до сихъ поръ было два представителя) по выбору земскаго собранія.

Единогласно принято предложеніе объ устройствѣ центральнаго склада при губернской земской управѣ письменныхъ принадлежностей и пособій для отпуска ихъ уѣзднымъ земствамъ и училищамъ. По пятому пункту были продолжительныя пренія. Коммиссія признала необходимымъ участіе губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія въ губерніи и предложила придти на помощь крестьянскимъ обществамъ при устройствѣ ими школьныхъ зданій. Для этого и для другихъ цѣлей коммиссія нашла, что долженъ быть образованъ особый «училищный» фондъ губернскаго земства въ размѣрѣ 50 тыс. р. Ссуды должны выдаваться въ размѣрѣ не свыше 1.000 р. на каждое училище и должны быть безпроцентныя. Противъ этого возставалъ особенно помянутый земскій начальникъ Хотяинцевъ. Собраніе постановило образовать фондъ и необходимую сумму позаимствовать изъ страхового капитала съ возвратомъ въ теченіе 20 лѣтъ изъ 4%.

Противъ этого послѣдняго предложенія особенно энергично возсталъ тотъ же гласный, земскій начальникъ Хотяинцевъ, заявившій, что онъ считаетъ совершенно излишнимъ ассигнованіе такой крупной суммы изъ средствъ губернскаго земства на народное образованіе. Ссылаясь на недавнее Высочайшее пожертвованіе 3.000.000 р. на церковно-приходскія школы, гл. Хотяинцевъ заявилъ, что, по его мнѣнію, нужды народнаго образованія уже получили полное удовлетвороніе и земству незачѣмъ больше дѣлать затраты въ этомъ направленіи. Взгляды, высказанныя гл. Хотяинцевымъ, вызвали возраженія со стороны другихъ гласныхъ. Приведемъ нѣкоторыя извлеченія изъ возникшихъ по этому поводу преній, обстоятельно изложенныхъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ». Первымъ возражалъ гласный Щегловъ, который сказалъ слѣдующее: «Гл. Хотяинцевъ, приходя къ своему выводу, предпосылаетъ ему очеркъ того, что сдѣлано обществомъ и правительствомъ. Онъ говоритъ, что съ нѣкоторыхъ поръ,—я говорю: со времени открытія земскихъ учрежденій — народное образованіе сильно подвинулось впередъ. Правительство пришло ему на помощь. Мнѣ кажется, это должно, наоборотъ, заставить насъ расширить это дѣло и дать средства сдѣлать народное образованіе всеобщимъ. Выводъ-же гласнаго иной: текъ какъ правительство сознало, что помощь нужна, то съ нашей стороны ничего дѣлать не слѣдуетъ. Я съ этимъ не согласенъ, и думаю, что собраніе согласится со мной. Незначительный заемъ, который понадобится, легко можетъ быть покрытъ». Гл. Савельевъ: «Я думаю, что вопросъ объ ассигнованіи 50.000 р. поставленъ не широко, а скромно. Это помощь уѣзднымъ земствамъ—и больше ничего; такая же помощь, какъ складъ, какъ увеличеніе инспекціи, которое должно облегчить дирекціи надзоръ. Само губернское земство вѣдь ничего еще не устраиваетъ само, ни одной школы. Нѣкоторыя уѣздныя земства при всемъ желаніи не могутъ всего сдѣлать, и губернское поможетъ имъ, отчисляя суммы съ возвратомъ. Неужели это такая громадная затрата, такой чрезвычайный шагъ? Неужели мы дѣлаемъ какой-то необыкновенный скачокъ? Я не могу съ этимъ согласиться, въ

коммиссіи директоръ народныхъ училищъ разъяснилъ, что вопросъ о постройкѣ школьныхъ зданій—вопросъ существенный. Скопленіе 50—60 ребятъ въ курной избенкѣ, въ духотѣ—можетъ вредно отразиться на ихъ здоровьѣ».

Но всѣ эти убѣжденія не подѣйствовали на гл. Хотяинцева, который продолжалъ стоять на своемъ. «Обращаю вниманіе собранія,—говорилъ онъ,—на то, что нужда въ дѣлѣ народнаго образованія и такъ получила значительное удовлетвореніе. У насъ есть столько нуждъ, самыхъ вопіющихъ—это видно изъ докладовъ. Мы стоимъ передъ вопросами, вызывающими сострадание къ человѣку, и мы безсильны помочь. Есть нужды, для которыхъ каждая наша копѣйка была бы въ пользу, а тамъ, гдѣ средства обезпечены и безъ того для дальнѣйшаго роста дѣла—мы будемъ тратить наши средства»...—В. В. Хвощинскій. «Дѣйствительно, правительство въ своей заботливости о нуждахъ крестьянъ, ассигновало огромныя средства на школы въ распоряженіе духовенства. Дмитрій Васильевичъ хочетъ, повидимому, указать, что разъ есть такое направленіе въ этомъ дѣлѣ, намъ не нужно тратить наши скудныя средства на участіе въ немъ. Но, кто читалъ Высочайшія отмѣтки о дѣятельности земствъ, согласится, что онѣ налагаютъ на насъ обязанность не останавливаться передъ грошами, а идти еще впередъ, и то, что мы просили, вовсе не такъ уже много: въ среднемъ это составитъ 3—4.000 р. въ годъ. Это совсѣмъ не тяжело».

Вопросъ объ ассигнованіи 50.000 р. на помощь школамъ былъ рѣшенъ утвердительно и гласный Хотяинцевъ имѣлъ за себя только 4 голоса.

Въ заключеніе собраніе единогласно постановило выразить г-жѣ А. А. Штевенъ благодарность нижегородскаго губерн. земства за ея благотворную дѣятельность на поприщѣ народнаго просвѣщенія.

Къ характеристикѣ земскаго начальника Хотяинцева, этого ревностнаго гонителя просвѣщенія, въ «Недѣлѣ» сообщаются слѣдующіе любопытные факты. Корреспондентъ «Недѣли» сообщаетъ, что г. Хотяинцевъ «всѣми силами старается мѣшать крестьянамъ своего участка открывать школы и вообще обучать дѣтей. Но иногда потребность просвѣщенія у крестьянъ бываетъ настолько сильна, желаніе открыть школу настолько единодушно, что даже г. Хотяинцевъ не находитъ удобнымъ идти прямо противъ свѣта, а старается допустить «зло» въ возможно безвредной формѣ, т.-е. позволяетъ крестьянамъ обзавестись самой убогой, несовершенной, маленькой и неудовлетворительной церковно-приходской школой. Нижегородскій вице-губернаторъ г. Родіоновъ, посланный въ Арзамасскій уѣздъ для разслѣдованія обвиненій, взводимыхъ на г-жу Штевенъ, выяснилъ, что именно такой «пріемъ» былъ примѣненъ г. Хотяинцевымъ къ крестьянамъ с. Лопатина, Арзамасскаго уѣзда. 19-го марта этого года лопатинскіе крестьяне единодушно составили приговоръ о своемъ желаніи открыть у себя въ селѣ земскую школу. Живущая въ с. Лопатинѣ г-жа Кохманская заявила, что на постройку этой школы даетъ 500 р. Крестьяне были очень обрадованы. Но ликованіе продолжалось недолго: пріѣхалъ въ село г. Хотяинцевъ и объявилъ крестьянамъ, что школа имъ совсѣмъ не нужна, что и безъ школы они достаточно бѣдны, что школа—роскошь и т. д., и т. д. Крестьяне стояли на своемъ, говорили, что только ученье и можетъ вывести ихъ изъ нищеты, и упрашивали г. Хотяинцева не тормозить дѣла. Разсерженный упорствомъ крестьянъ, г. Хотяинцевъ объявилъ имъ наконецъ, что въ крайнемъ случаѣ раз-

рѣшаетъ имъ открыть лишь самую маленькую и дешевую церковно-приходскую школу, и что если не составятъ немедленно контръ-приговора согласно его указаніямъ, онъ сочтетъ ихъ за очень состоятельныхъ людей и немедленно прикажетъ старшинѣ неукоснительно взыскать съ нихъ всѣ недоимки и текущіе платежи. Крестьяне испугались, уступили и составили новый приговоръ въ отмѣну прежняго, желая получить хотя самую маленькую и низшую школку. Копія новаго приговора была послана, по приказанію г. Хотяинцева, въ назиданіе г-жѣ Кохманской, уѣхавшей въ это время въ Москву. Г-жа Кохманская, въ отвѣтъ на любезное извѣщеніе, объявила, что отъ пожертвованія 500 руб. на школу отказывается, и крестьянское ликованіе смѣнилось теперь весьма понятнымъ унынiемъ. Г. Родіоновъ находитъ, что новый приговоръ былъ г. Хотяинцевымъ «вымученъ» и что такими пріемами легко вызвать крестьянъ на грубыя выходки, за которыми неизбѣжно послѣдуютъ самыя печальныя взысканія».

Оказывается, что г. Хотяинцевъ неоднократно проявлялъ подобное же рвеніе въ дѣлѣ попеченія о народномъ образованіи. Корреспондентъ «Недѣли» разсказываетъ, что «такой же случай имѣлъ мѣсто и въ с. Салалеяхъ. Это большое, въ 1.000 душъ, село Арзамасскаго уѣзда. Салалейскіе крестьяне составили приговоръ о своемъ желаніи открыть и содержать земскую школу. Приговоръ этотъ былъ неосторожно написанъ на листѣ бумаги, а не въ книгѣ приговоровъ. Когда г. Хотяинцевъ узналъ о замыслахъ салалейскаго общества, онъ потребовалъ приговоръ и помимо всякихъ съѣздовъ и присутствій самъ краткимъ способомъ отмѣнилъ приговоръ, изорвавши его въ клочки. Узналъ объ этомъ арзамасскій уѣздный предводитель дворянства М. И. Степановъ, и несмотря на то, что всю жизнь провелъ въ деревнѣ и присмотрѣлся ко всякимъ провинціальнымъ нравамъ, онъ все же удивился упрощенному способу г. Хотяинцева отмѣнять приговоры. Г. Степановъ посовѣтовалъ крестьянамъ еще разъ написать приговоръ и непосредственно подать ему, предводителю. Однако, ни писарь, ни крестьяне не рѣшились вызвать гнѣва г. Хотяинцева, доказавшаго не одинъ разъ свою памятливость. Но лишить громадное село всякой школы не рѣшился даже г. Хотяинцевъ, и поэтому чрезъ нѣкоторое время въ с. Салалеяхъ была открыта небольшая, низшая церковно-приходская школа».

Г. Хотяинцева спросили какъ-то, почему онъ помѣшалъ крестьянамъ открыть хорошую земскую школу, чего такъ крестьяне желали? Отвѣтъ земскаго начальника на этотъ вопросъ заслуживаетъ быть увѣковѣченнымъ. Г. Хотяинцевъ отвѣтилъ коротко:

«Они желали... а я не желаю, чтобы они желали». Справедливость заставляетъ насъ добавить, что за всѣ свои подвиги г. Хотяинцевъ уже удостоился получить оффиціальный выговоръ, съ занесеніемъ въ формуляръ.

Новѣйшіе земскіе проекты по рабочему вопросу. Въ то время, какъ по народному образованію, народной медицинѣ и даже поднятію экономическаго быта населенія земствомъ сдѣлано такъ много, оно почти ничего не сдѣлало для урегулированія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

По словамъ земской хроники «Хозяина», относительно земскихъ проектовъ по рабочему вопросу можно замѣтить слѣдующее: Во-первыхъ, не только проекты различныхъ земствъ, но даже возникшіе въ разные періоды времени проекты одного и того же земства нерѣдко радикально противоположны другъ другу. Во-вторыхъ, громадное большинство проектовъ не

получило накакого практическаго осуществленія.

По мнѣнію «Хозяина», эти явленія во многомъ объясняются, разумѣется, крайней сложностью и трудностью самой задачи, но, кромѣ того, есть одна коренная причина, которую необходимо имѣть въ виду при сужденіи о земскихъ работахъ по рабочему вопросу. Дѣло въ томъ, что послѣдній непосредственно затрогиваетъ очень серьезные и въ то же время совершенно противоположные интересы землевладѣльцевъ съ одной стороны, крестьянъ — съ другой. Слѣдовательно, чтобы эти интересы могли получить безпристрастную оцѣнку и сколько-нибудь справедливое удовлетвореніе, безусловно необходимо равномѣрное представительство въ земствѣ обоихъ этихъ классовъ, т. е. какъ разъ то условіе, которое отсутствовало даже и въ первоначальной земской организаціи, не говоря уже объ организаціи, существующей теперь. Ожидать отъ массы земскихъ гласныхъ способности навсегда отрѣшиться отъ своихъ узкихъ эгоистическихъ интересовъ во имя справедливыхъ общественныхъ идеаловъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ основаній и вполнѣ понятно потому, что въ очень многихъ земскихъ проектахъ и ходатайствахъ по рабочему вопросу ясно проглядываетъ односторонняя тенденція къ рѣшенію задачи въ пользу землевладѣльцевъ.

Разсмотримъ теперь самыя мѣропріятія. Херсонское губернское земство организовало лѣчебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ. Пункты эти представляютъ чрезвычайно цѣлесообразныя и полезныя учрежденія. Съ одной стороны, они доставляютъ рабочимъ серьезную помощь, съ другой — позволяютъ вести правильную массовую регистрацію рабочаго движенія. Въ 1894 году въ Херсонской губерніи функціонировало 18 такихъ пунктовъ, на которые было издержано всего 5.940 р. (въ томъ числѣ на наемъ квартиръ и первоначальное обзаведеніе 1.244 р., содержаніе дешевыхъ столовыхъ 1.716 руб., медицинскій персоналъ 2.695 р., на медикаменты 198 р.). Въ возвратъ по содержанію столовыхъ за проданные обѣды поступило 1.215 руб. Зарегистровано было всего 55 тысячъ рабочихъ, медицинская помощь оказана 5.138 больнымъ, обѣдовъ выдано 30.556. Въ текущемъ году было устроено всего 15 пунктовъ. Казалось бы, что можно возразить противъ такого рода помощи, кромѣ того, что она слишкомъ ничтожна для облегченія участи многихъ тысячъ рабочихъ, стекающихся ежегодно въ Херсонскую губернію? А между тѣмъ, оказывается, что среди уѣздныхъ гласныхъ были высказаны совсѣмъ другого рода возраженія. Такъ, земскія собранія елисаветградское, ананьевское и таврическое, не отрицая цѣлесообразности врачебносанитарнаго надзора за рабочими, высказались, однако, противъ устройства для нихъ дешевыхъ столовыхъ, которыя, будто бы, способствовали повышенію наемной платы.

Многіе изъ гласныхъ землевладѣльцевъ возстаютъ противъ столовыхъ, утверждая, что жалкіе 5-тикопѣечные обѣды, получаемые въ нихъ рабочими, способствуютъ повышенію цѣнъ на рабочія руки. Эти господа не обращаютъ вниманія на факты, показывающіе, что около 10% изъ общаго числа рабочихъ оказываются нездоровыми или истощенными, а гораздо большая ихъ часть является на рынокъ буквально безъ всякихъ средствъ. На многихъ пунктахъ были замѣчены случаи, когда рабочіе не имѣли средствъ даже на покупку обѣда или же принуждены были брать по одному обѣду на 2—3 человѣка. По поводу этихъ жалобъ губернская управа справедливо замѣчаетъ, что дешевыя столовыя существовали не

вездѣ, а жалобы на дороговизну рабочихъ рукъ раздаются повсюду, гдѣ только есть на нихъ спросъ. Точно такія же жалобы, даже въ аналогичныхъ выраженіяхъ, раздаются не только у насъ, но и на Западѣ. Между тѣмъ въ 1894 году цѣны на рабочихъ были не только ниже прошлогоднихъ, но ниже среднихъ при такихъ же урожаяхъ за прежніе годы. Завѣдующій пунктомъ въ м. Казанкѣ, врачъ М. Désинъ, замѣчаетъ, что вражда землевладѣльцевъ къ столовымъ начинаетъ уже проходить, а зажиточные крестьяне-наниматели нерѣдко жертвовали въ пользу его столовой продукты, сознавая, что дешевыя столовыя—явленіе вполнѣ желательное и если приносятъ ущербъ, то лишь интересамъ кабаковъ, харчевень и базарныхъ торговокъ.

Въ настоящую сессію земскаго собранія херсонская губернская земская управа вноситъ слѣдующія предложенія: 1) временно лѣчебно-продовольственные пункты съ дешевыми столовыми и безплатными амбулаторіями должны быть сдѣланы постоянными земскими учрежденіями; 2) въ этихъ пунктахъ должны группироваться свѣдѣнія о видахъ на урожай, количествѣ пришлыхъ рабочихъ и о цѣнахъ на рабочія руки; 3) обѣды въ дешевыхъ столовыхъ должны отпускаться за плату, опредѣляемую стоимостью продуктовъ, топлива и содержанія прислуги; выдача безплатныхъ обѣдовъ должна быть допускаема лишь въ исключительныхъ случаяхъ — больнымъ и истощеннымъ; 4) на пунктахъ должны быть устроены навѣсы для пріюта рабочихъ отъ непогоды; 5) безплатныя амбулаторіи при пунктахъ должны снабжаться лѣкарствами на средства уѣздныхъ земствъ, а рабочіе, больные заразными болѣзнями, должны пользоваться въ земскихъ больницахъ безплатнымъ лѣченіемъ. Кромѣ того, управа предлагаетъ собранію издать обязательное постановленіе, чтобы всѣ вообще базарныя площади, служащія мѣстомъ сбора рабочихъ, были снабжены крытыми навѣсами для пріюта рабочихъ. На приглашеніе медицинскаго персонала для работы при лѣчебно - продовольственныхъ пунктахъ управа предлагаетъ ввести въ смѣту 1.500 руб., предполагая по прежнему покрывать всѣ остальные расходы изъ спеціально отпущенныхъ для этого губернскому земству суммъ.

Въ Екатеринославской губ. вопросъ объ упорядоченіи передвиженія сельскихъ рабочихъ былъ возбужденъ еще въ 1888 г. александровскимъ уѣзднымъ земствомъ, и затѣмъ былъ переданъ на обсужденіе другихъ уѣздныхъ земствъ, но большинство отнеслось къ нему отрицательно. Обсужденіе этого вопроса закончилось возбужденіемъ ходатайства о разрѣшеніи съѣзда представителей земствъ всѣхъ заинтересованныхъ губерній, какъ поставляющихъ рабочихъ, такъ и нуждающихся въ нихъ. На необходимость подобнаго съѣзда указывали неоднократно многія земства (напр., курское губернское въ 1892 году, уѣздныя земства Полтавской губ. и т. д.), но всѣ эти ходатайства до сихъ поръ остаются безрезультатными.

Въ истекшемъ году на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній Таврической губ. былъ представленъ проектъ евпаторійскаго уѣзднаго земства для урегулированія найма сельскихъ рабочихъ. Проектъ этотъ имѣетъ характеръ какихъ-то драконовскихъ мѣропріятій. Земство считаетъ необходимымъ, чтобы договорный листъ служилъ въ то же время паспортомъ, чтобы былъ безусловно воспрещенъ наемъ на срочныя полевыя работы по словеснымъ договорамъ и, наконецъ, чтобы лица, нанимающія рабочихъ безъ договорныхъ книжекъ, были подвергаемы административнымъ порядкомъ взысканію штрафа согласно 51 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ

миров. судьями. Къ счастью, далеко не всѣ уѣздныя земства Таврической губерніи смотрятъ на вопросъ съ той односторонней точки зрѣнія, на которую стало евпаторійское земство. Такъ, напримѣръ, мелитопольское земское собраніе рѣшительно высказалось въ томъ смыслѣ, что воспрещеніе словесныхъ договоровъ было бы въ высшей степени несправедливо въ отношеніи рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ неграмотныхъ людей, и до крайности стѣснительно какъ для нихъ, такъ и для нанимателей, особенно во время спѣшныхъ полевыхъ работъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ писать договоры невозможно.

Народное образованіе въ г. Томскѣ. Отчетъ о состояніи томскихъ народныхъ училищъ за 1894—1895 г. сообщаетъ чрезвычайно отрадные факты о положеніи народнаго образованія въ этомъ городѣ.

«Можно смѣло сказать, что г. Томскъ въ послѣднія 25 лѣтъ сдѣлалъ огромные шаги впередъ на поприщѣ начальнаго образованія своего населенія; четверть вѣка тому назадъ существовало въ городѣ только одно приходское училище съ однимъ учителемъ и сотней учащихся, а нынѣ Томскъ покрылся сѣтью начальныхъ школъ, съ 46 преподавателями и 2.000 учащихся. Къ 1 января 1895 г. въ Томскѣ всѣхъ начальныхъ училищъ разныхъ вѣдомствъ состояло: приходскихъ городскихъ: 10 мужскихъ и 8 женскихъ, 2 воскресныя школы, 1 земская, 7 церковно-приходскихъ (3 мужскихъ, 3 женскихъ и 1 смѣшанная), 4 частныхъ школъ и 3 при пріютахъ, всего 33 училища. Всѣхъ учащихся въ начальныхъ училищахъ (безъ школъ пріюта) 2.222 ч. обоего пола—1.143 мальчика и 1.079 дѣвочекъ».

Любопытно при этомъ отмѣтить, что число учащихся дѣвочекъ почти равняется числу учащихся мальчиковъ: въ настоящее время, напр., дѣвочекъ 96 на 100 мальчиковъ. Это обстоятельство еще болѣе бросается въ глаза, когда мы обратимъ вниманіе на процентное отношеніе числа дѣвочекъ къ мальчикамъ въ округахъ, гдѣ оно является въ такомъ видѣ: 35 дѣв. на 100 мал.

Во что же обходится городу содержаніе школъ? Составитель вышеупомянутаго отчета, г-нъ Буткѣевъ, замѣчаетъ по этому поводу:

«Справедливость требуетъ сказать, что ростъ школьнаго дѣла всецѣло обязанъ заботливости о немъ томской городской думы, которая не жалѣла средствъ на развитіе въ городѣ народнаго образованія и въ этой сферѣ дѣлала все отъ нея возможное». Замѣтно, какъ съ каждымъ годомъ городъ увеличиваетъ расходы на школьное дѣло: въ 1872 г., при бюджетѣ 78.757 р., на народное образованіе расходовано только 1.990 р. 2 к.; чрезъ 10 лѣтъ—1882 г. 11.483 р. 24 к., при бюджетѣ 179.226 р. 71 коп.; въ 1894 г. на содержаніе 15 приходскихъ училищъ городской управой издержано 18.673 р. По городской смѣтѣ на настоящій годъ расходы вычислены въ количествѣ 268.846 р., изъ коихъ 30.690 руб. ассигнованы думой на учебное дѣло, что составляетъ *девятую* часть всего городского бюджета. Собственно, на начальныя школы назначено 20.000 р.

Расходъ въ 20.000 р. оказывается чрезвычайно большимъ, особенно если сравнить его съ тѣмъ, что тратятъ на народное образованіе многія городскія думы въ Европейской Россіи, но онъ все-таки еще недостаточенъ. Вслѣдствіе этого, въ постановкѣ народнаго образованія въ Томскѣ встрѣчаются еще многіе недочеты. Однимъ изъ главнѣйшихъ является недостаточное число учителей: такъ, на одного преподавателя приходится 82 ч. учащихся.

Второе больное мѣсто томскихъ учи-

лицъ—неудобство ихъ помѣщеній, по большей части наемныхъ а не приспособленныхъ къ школьнымъ занятіямъ.

Конечно, училищныя помѣщенія выбираются, на сколько возможно, болѣе удобныя; но наплывъ въ нихъ учащихся скоро дѣлаетъ ихъ переполненными, тѣсными. Въ школѣ, могущей вмѣстить только 80 чел., обучается 100 чел. Съ этимъ приходится мириться, такъ какъ отказывать въ пріемѣ, оставлять за стѣнами учебнаго заведенія массу дѣтей является крайне нежелательнымъ. При всемъ томъ, въ началѣ текущаго года, за недостаткомъ мѣста, отказано въ пріемѣ 102 дѣтямъ (52 мал. и 50 дѣв.), принято 730 чел. (372 м. и 358 дѣв.). Видя это, городъ принесъ новую жертву: онъ пошелъ на встрѣчу потребности городского населенія въ грамотности и открылъ въ ноябрѣ еще двѣ школы — 1 мужскую и 1 женскую. Въ этихъ двухъ училищахъ нашелъ себѣ мѣсто тотъ излишекъ дѣтей, который до того оставался за порогомъ школы, такъ что «въ настоящее время,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Буткѣевъ,—рѣдкій ребенокъ въ городѣ уже не учится грамотѣ, особенно изъ дѣтей старожиловъ».

Кромѣ начальныхъ училищъ въ Томскѣ существуютъ еще двѣ воскресныя школы.

Томскія воскресныя школы основаны въ 1881 году нѣкоторыми учителями и учительницами въ память закладки университетскихъ зданій. Теперь они вступили въ 15-й годъ своего существованія; за все это время онѣ, какъ замѣчаетъ выше цитированный отчетъ, «выпустили массу грамотныхъ людей».

Окончившіе начальныя училища въ Томскѣ имѣютъ возможность идти дальше и получать внѣ-школьное образованіе. Здѣсь имѣется народная безплатная библіотека, открытая и содержимая обществомъ попеченія о начальномъ образованія въ г. Томскѣ. Общество это возникло въ 1882 г. Учрежденіе его было вызвано настоятельной необходимостью—придти на помощь городскому самоуправленію въ дѣлѣ развитія народнаго образованія, расходы на которое ложились слишкомъ большимъ бременемъ на сравнительно невысокій бюджетъ города. Въ этихъ видахъ общество въ 1883 г. открыло начальную школу; открывая каждый годъ по училищу, оно имѣло въ 1887 г. 4 школы съ 139 учащ., расходуя въ среднемъ по 745 р. Съ 1888 года 2 школы переданы обществомъ городу, двѣ же оно содержитъ и по настоящее время; число учащихся въ нихъ достигаетъ 118 челов., израсходовано на содержаніе ихъ 1.822 руб. 42 коп.; общество не ограничиваетъ свою дѣятельность однѣми школами: оно, какъ выше уже сказано, открыло библіотеку, задача которой — дать возможность лицамъ, получившимъ начальное образованіе въ городскихъ школахъ, поддерживать пріобрѣтенныя въ школѣ знанія и продолжать свое образованіе путемъ чтенія книгъ. Библіотека помѣщается въ красивомъ двухъэтажномъ каменномъ домѣ; здѣсь имѣется прекрасный въ два свѣта залъ, могущій вмѣстить до 400 чел. Открытіе библіотеки состоялось 30 сентября 1884 г.; черезъ годъ она имѣла до 100 названій книгъ и 400 подписчиковъ; къ 1 января 1894 г. въ библіотекѣ было до 300 названій книгъ и болѣе 900 подписчиковъ. Въ настоящее время число и тѣхъ и другихъ еще болѣе возрасло.

Въ залѣ библіотеки общество устраиваетъ воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ.

Въ послѣднее время къ чтеніямъ присоединились объясненія по свящ. исторіи, физической географіи, естественной исторіи при помощи наглядныхъ пособій и коллекцій педагогическаго музея.

Чествованіе проф. А. И. Чупрова. 3 декабря, въ Москвѣ, происходило чествованіе 25-лѣтней дѣятельности извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, профессора политической экономіи въ московскомъ университетѣ Александра Ивановича Чупрова. Чествованіе это еще разъ доказало, какой огромной популярностью пользуется А. И. Чупровъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ: со всѣхъ концовъ Россіи были присланы привѣтствія и поздравленія, въ юбилейномъ обѣдѣ участвовало болѣе 300 человѣкъ, причемъ множеству лицъ было отказано за тѣснотою помѣщенія; самое чествованіе имѣло праздничный и задушевный характеръ. Подписка на стипендію имени Чупрова въ нѣсколько дней дала капиталъ въ 12.000 р., такъ что его хватило не только на стипендію, но и на «чупровскую школу». Корреспондентъ «Нов. Врем.» отмѣчаетъ въ числѣ прочихъ слѣдующіе адреса, полученные А. И. Чупровымъ въ день его юбилея: 1) отъ бывшихъ слушательницъ женскихъ курсовъ, 2) московскаго Комитета грамотности, 3) слушателей сельско-хозяйственнаго института (бывш. Петровской Академіи). Адресъ курсистокъ свидѣтельствовалъ А. И. Чупрову — «дорогому другу и учителю»—«горячую благодарность за гуманное, благородное и чуткое отношеніе къ женской душѣ и ея духовнымъ стремленіямъ». Отмѣтивъ заслуги А. И. Чупрова на пользу женскаго образованія, адресъ выражаетъ надежду, «что въ настоящую пору, когда русскія женщины полны особенно обострившейся жажды къ наукамъ и служенію общественнымъ нуждамъ, профессоръ пойдетъ на встрѣчу этимъ благороднымъ порывамъ и, какъ всегда, радъ радъ будетъ постоять за права женскаго образованія, съ завѣтною конечною точкою послѣдняго — женскимъ университетомъ—въ идеалѣ». Адресъ отъ кіевскихъ почитателей юбиляра, за 90 подписями, желаетъ А. И. Чупрову «долго продолжать свѣтлую дѣятельность и поддерживать въ русскомъ обществѣ вѣру, что свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьмѣ его не объять». Приблизительно, въ томъ же духѣ высказались саратовскіе статистики. Комитетъ грамотности, поднося А. И. Чупрову званіе почетнаго члена, указалъ, что научная и публицистическая дѣятельность юбиляра шла всегда въ нераздѣльной связи съ интересами просвѣщенія народнаго, — «какъ глубоко свѣдущій экономистъ, вы постоянно выдвигали эти нужды на первое мѣсто». И въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ А. И. Чупрова успѣшно работаетъ коммиссія, которая изучаетъ пути и средства для введенія у насъ всеобщаго начальнаго образованія. Адресъ Комитета грамотности, равно какъ и поднесенный ему дипломъ почетнаго члена были вотированы Комитетомъ единогласно, закрытою баллотировкою.

Изъ телеграммъ и писемъ, прочитанныхъ на юбилейномъ обѣдѣ, были встрѣчены громомъ рукоплесканій привѣтствіе М. М. Ковалевскаго — изъ Beaulieu, профессора П. Г. Виноградова — изъ Христіаніи и профессора Столѣтова. Рядъ коллективныхъ телеграммъ, подписанныхъ представителями научнаго, литературнаго и артистическаго міра, изъ Петербурга, изъ Одессы, Юрьева, Харькова, Кіева, Нижняго-Новгорода, Новгорода, Казани. Прислали телеграмму русскіе студенты въ Парижѣ. Юристы—слушатели А. И. Чупрова — также. Въ маленькомъ Зарайскѣ нашлось нѣсколько питомцевъ московской alma mater, разныхъ выпусковъ, которые, словно въ Татьянинъ день, не полѣнились сойтись вмѣстѣ, чтобы привѣтствовать бывшаго своего профессора дружнымъ товарищескимъ кружкомъ.

Изъ литературнаго міра юбиляра

привѣтствовали редакціи: «Русскихъ Вѣдомостей» (рѣчи гг. Постникова и Бларамберга), «Русской Мысли», «Міра Божьяго» (рѣчь В. А. Гольцева), «Новаго Слова», «Волжскаго Вѣстника», «Нижегородской Газеты», гг. Эртель, Засодимскій, Нефедовъ, Ремезовъ Рубакинъ, Короленко, Лучицкій, Вейнбергъ, Карѣевъ, Боборыкинъ; изъ юридическихъ извѣстностей—Кони, Плевако, Урусовъ и Дерюжинскій.

Изъ подарковъ, поднесенныхъ А. И. Чупрову, слѣдуетъ отмѣтить большой портретъ Грановскаго отъ редакціи «Русской Мысли».

Мултанское жертвоприношеніе. Въ ноябрьскомъ нумерѣ «Рус. Бог.» помѣщена интересная статья Вл. Гал. Короленко о Мултанскомъ жертвоприношеніи. «Во второй уже разъ, — говоритъ онъ, — судебнымъ приговоромъ устанавливается, что въ Европейской Россіи, среди чисто-земледѣльческаго, вятскаго населенія, живущаго бокъ-о-бокъ съ русскими, одною и тою же жизнью, въ одинаковыхъ избахъ, на одинаковыхъ началахъ владѣющаго землею и исповѣдующаго ту же христіанскую религію,—существуетъ до настоящаго времени живой, вполнѣ сохранившійся, дѣйствующій культъ каннибальскихъ жертвоприношеній!» Вл. Г. Короленко находитъ, что этотъ приговоръ является безпощаднымъ приговоромъ всей русской культурѣ; «это обвиненіе,—говоритъ онъ,—противъ самаго культурнаго типа не однихъ вотяковъ, но и ихъ сосѣдей, неспособныхъ вѣковымъ общеніемъ облагородить сосѣда-инородца хотя бы до степени невозможности каннибализма въ культурной атмосферѣ, которой они дышатъ сообща!»

В. Короленко предвидитъ возраженіе, которое, вѣроятно, зародится у многихъ читателей; возраженіе это заключается въ томъ, что культурный уровень русской деревни такъ невысокъ, что явленіе, подобное вятскому жертвоприношенію, не является совершенно невѣроятнымъ, «у насъ есть лѣшіе и вѣдьмы, въ наши глухія деревушки залетаютъ огненныя змѣи, у насъ приколачиваютъ мертвыхъ колдуновъ къ землѣ, у насъ убиваютъ вѣдьмъ, въ Сибири еще недавно убили мимо идущую «холеру»... «Что же мудренаго,—спрашиваетъ Вл. Короленко одинъ анонимный корреспондентъ,— что вотяки, полуязычники, которые, вдобавокъ, несомнѣнно сохранили обычай кровной мести,—могли принести и человѣческую жертву, и что новаго открыло намъ въ этомъ отношеніи Мултанское дѣло?»

В. Короленко, возражая на это, доказываетъ, тѣмъ не менѣе, что мултанское убійство нельзя сравнивать со случайными вспышками дикости и суевѣрія, которыя ведутъ къ убійству вѣдьмъ и пр. Онъ говоритъ: «Бываютъ вспышки паники, страсти, когда въ толпѣ сразу просыпаются, оживаютъ инстинкты пещерныхъ предковъ, даже звѣрей. Тогда-то и убиваютъ проходящую мимо холеру. Но здѣсь не то. Здѣсь необходимо допустить существованіе культа, при которомъ молитвенное настроеніе души въ цѣломъ сельскомъ обществѣ, нѣтъ, въ цѣломъ краѣ — спокойно и сознательно, постоянно, или, по крайней мѣрѣ, періодически, направляется въ сторону человѣческихъ жертвоприношеній. Каннибализмъ здѣсь является постоянно дѣйствующимъ, живымъ культомъ, охватывающимъ еще въ наше время огромную площадь, живущимъ въ сотняхъ тысячъ умовъ, исповѣдующихъ, по наружности, христіанскую вѣру!» Самое дѣло о мултанскомъ убійствѣ уже извѣстно читателямъ «Міра Божьяго» *); поэтому не будемъ здѣсь останавливаться на изложеніи его. Подробно разсматривая всѣ обстоятельства дѣла и заключенія ученой экспертизы, В. Короленко приходитъ къ

---

*) См. февраль 1895 г.

выводу, что въ вятской миѳологіи нѣтъ такого бога, которому могла бы быть принесена человѣческая жертва. На предварительномъ слѣдствіи свидѣтель Кобылинъ показалъ, что жертва эта была принесена злому богу Курбану, который, будто-бы, черезъ каждыя 40 лѣтъ требуетъ человѣческой жертвы. Но на судѣ выяснилось, что никакого бога Курбана въ вятской миѳологіи не существуетъ, а слово «курбанъ» означаетъ просто «моленіе» или жертву.

Разсмотрѣвъ съ большой подробностью данныя вятской миѳологіи и обрядности, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ опроверженію мнѣнія о возможности человѣческаго жертвоприношенія, Вл. Короленко останавливается надъ вопросомъ: «кто же былъ убійцей Матюнина? Кѣмъ у него отнята голова—мултанцами, или тѣми, кто съ неизвѣстной цѣлью надѣвалъ и снималъ съ него одежду уже въ то время, когда убитый лежалъ на тропѣ? И не могла ли та же рука, которая все это сдѣлала неизвѣстно зачѣмъ — вынуть также и внутренности изъ убитаго, въ первые дни, или даже въ длинный промежутокъ времени между нахожденіемъ трупа (когда еще никто не зналъ, что у него нѣтъ сердца и легкихъ) и вскрытіемъ, которое сдѣлано черезъ мѣсяцъ?»

Авторъ намѣревается въ слѣдующей статьѣ доказать, что все это могло быть сдѣлано съ цѣлью симуляціи жертвоприношенія, чтобы все дознаніе, слѣдствіе и самый судъ направить по ложному слѣду.

Картинки нравовъ. Удивительныя вещи дѣлаются на Руси. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» разсказывается о судѣ надъ крестьянами Сердобскаго уѣзда, убившими одного старика по подозрѣнію его въ колдовствѣ. Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» описываетъ слѣдующую сцену, происходившую на судѣ:

— Признаете ли вы себя виновнымъ? — былъ спрошенъ Орѣшкинъ, внукъ убитаго.

— Убилъ, это точно,— совершенно спокойно и съ видимымъ сознаніемъ своей правоты отвѣтилъ Орѣшкинъ.

— За что же? Почему?

— Потому, значитъ, какъ дѣдушка былъ злой колдунъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ колдунъ. Ну, и убилъ я его.

— Что же онъ, зло какое сдѣлалъ?

— А какъ же: одно слово, злой колдунъ. Матка моя, значитъ, изъ-за него померла, а потомъ у бабы моей ноги испортилъ... Кого хотите спросите, всѣ про его колдовство скажутъ...

И судъ спрашиваетъ, двадцать человѣкъ спрашиваетъ.

— Колдунъ былъ, злой колдунъ былъ, — совершенно согласно отвѣчаютъ всѣ. — Какъ, бывало, кому пригрозитъ, у того непремѣнно бѣда будетъ.

— У меня жену испортилъ,—раздается заявленіе одного.

— У меня лошадей своимъ колдовствомъ переморилъ, — заявляетъ другой.

— У меня парня испортилъ...

— У меня коровъ погубилъ...

И всѣ не только не осуждаютъ учиненное Орѣшкинымъ и Ермоловымъ убійство, но совершенно напротивъ: явно имъ сочувствуютъ.

— Слава Богу, избавились отъ лихого человѣка,—слышится въ каждомъ изъ ихъ показаній.

Передъ судомъ были, такимъ образомъ, и злодѣи, не только не сознающіе всей тяжести совершеннаго ими, но еще, напротивъ, увѣренные, что они сдѣлали хорошее дѣло, избавивъ «міръ» отъ лиходѣя,—и самый этотъ «міръ», явно раздѣляющій эту увѣренность.

Судъ вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ, усмотрѣвъ въ нихъ, по справедливому замѣчанію «Биржевыхъ Вѣдомостей», не зло-

дѣевъ, а жертвъ... той страшной силы, имя которой—«власть тьмы». Они, эти судьи, рѣшительно не могли усмотрѣть никакой нравственной разницы между «злодѣями», сидѣвшими на скамьѣ подсудимыхъ и допрошенными по ихъ дѣлу многочисленными свидѣтелями... Всѣ они одинаково крѣпко вѣрили и вѣрятъ въ колдуна и всѣ они считали и считаютъ убійство злого колдуна не грѣхомъ, а спасеніемъ.

Въ Люблинской губ. крестьяне ополчились не противъ колдуна, а противъ самого дьявола.

На этотъ разъ «дьяволъ» объявился въ Любартовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Закржовъ, гмины Мелгевъ, Люблинской губерніи.

«Дьяволъ, съ огненной головой», началъ показываться на мельницѣ, арендуемой нѣкіимъ Гринбергомъ, которымъ и былъ съ ужасомъ усмотрѣнъ.

Страшная вѣсть не замедлила облетѣть всю деревню; паническій страхъ овладѣлъ ею. Цѣлый мѣсяцъ наблюдали «дьявола», три раза въ недѣлю «по получасу», и никто не отважился приблизиться къ нему.

Наконецъ, выискалось пятеро «отчаянныхъ» головъ, которые вооружившись чѣмъ попало и прихвативъ пять злѣйшихъ собакъ, рѣшились подойти къ «дьяволу» поближе.

Ихъ провожали какъ на смерть.

— Вотъ отчаянные-то! На самого дьявола пошли!

Однако, «отчаянные» все же не рѣшились приблизиться къ мѣсту появленія дьявола, а остановились и издали начали звать его къ себѣ. И къ ихъ ужасу, «злой духъ» сталъ приближаться, бомбардируя смѣльчаковъ то грязью, то каменьями. Смѣльчаки, позабывъ о своей миссіи, ударили, съ арендаторомъ Гринбергомъ во главѣ, на утекъ, и ну прятаться—кто куда успѣлъ. Арендаторъ забился подъ постель и не вылѣзалъ оттуда до утра, а мельникъ (христіанинъ) и прочіе — за печь. «Дьяволъ» подошелъ къ окну и продержалъ бѣдняковъ въ осадѣ, въ предсмертномъ поту, до часу ночи затѣмъ пошелъ на свое обычное мѣсто и—пропалъ.

Послѣ этого населеніе деревни обратилось къ властямъ съ просьбой «отогнать дьявола». Былъ ли онъ изгнанъ и какъ, объ этомъ пока неизвѣстно. Но, не рискуя впасть въ ошибку, можно заранѣе предположить, что борьба съ нимъ предстоитъ долгая и упорная. Если Достоевскій пресерьезно проповѣдовалъ вѣру въ «чорта съ хвостомъ», если одна московская (университетская!) газета посвятила еще недавно рядъ фельетоновъ вопросу о томъ, есть ли у «чорта хвостъ», и если есть, то каковъ вообще видъ его, и, послѣ многочисленныхъ изысканій и глубокомысленныхъ умозаключеній, пришла къ выводу, что хвостъ у чорта есть, во всякомъ случаѣ долженъ быть,—то можно ли удивляться, если въ глухой деревушкѣ «чортъ» воочью бродитъ и пугаетъ обывателей, и что борьба съ нимъ предстоитъ долгая и многотрудная?

За границей.

Турція и султанъ. Одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Франціи сказалъ однажды по поводу Турціи: «Это государство напоминаетъ мнѣ старинныя повозки, встрѣчающіяся гдѣ-нибудь въ деревенской глуши. Повозки эти скрипятъ, трещатъ и грозятъ развалиться каждую минуту, а между тѣмъ все-таки везутъ. Такъ и Турція!»

Переживаемый Турціей кризисъ въ данную минуту, однако, настолько серьезенъ, что, дѣйствительно, можетъ явиться опасеніе «какъ бы по-

возка не развалилась въ самомъ дѣлѣ». Кризисъ тѣмъ болѣе серьезенъ, что онъ подготовлялся давно и причины его довольно многосложны.

Когда, осенью 1894 года, въ Европѣ пронесся слухъ о кровавыхъ происшествіяхъ въ битлисскомъ вилайетѣ (Малая Азія), то никто не могъ предвидѣть серьезности этихъ событій и того, что они повліяютъ на судьбы цѣлаго оттоманскаго государства. Провинція, въ которой совершались эти событія, такъ удалена и такъ мало извѣстна, что, казалось, европейскія государства не могутъ быть слишкомъ заинтересованы тѣмъ, что тамъ творится. Такъ и было въ началѣ, но дѣла, однако, скоро приняли такой оборотъ, что привлекли вниманіе Европы и первыми вмѣшались три державы (Франція, Англія и Россія), а за ними уже и остальныя европейскія государства. Въ нашей предшествовавшей статьѣ о турецкихъ армянахъ мы уже познакомили читателей съ тѣми ужасными фактами, которые совершились въ Сассунѣ, горномъ округѣ битлисскаго вилайета. Между армянскимъ населеніемъ этого округа и сосѣднимъ курдскимъ племенемъ, производившимъ постоянные набѣги на это населеніе, произошло столкновеніе, вызвавшее вмѣшательство турецкихъ войскъ, принявшихъ сторону своихъ единовѣрцевъ курдовъ, и въ результатѣ возникла страшная рѣзня; мужчины, женщины, старики, дѣти безпощадно были перебить чуть ли не на глазахъ турецкихъ властей, и можно было подумать, что отдано было приказаніе истребить всѣхъ армянъ этой области. Несчастные армяне, куда бы ни обращали свои взгляды, вездѣ видѣли только безжалостныхъ палачей, но нигдѣ не находили ни покровителей, ни судей. Такой внезапный взрывъ свирѣпаго фанатизма у турокъ, преобладающія черты характера которыхъ составляютъ: пассивность, фанатизмъ и терпимость, можетъ показаться нѣсколько страннымъ съ перваго взгляда. Вѣроятно, тутъ дѣйствовали гнѣвъ и изумленіе—изумленіе, по поводу того, что армяне, которыхъ курды считали своими данниками и къ которымъ турки относились всегда съ снисходительнымъ презрѣніемъ, вдругъ подняли голову, выказали сопротивленіе и заговорили о какихъ-то своихъ правахъ.

Между тѣмъ, армяне, находившіеся подъ властью турокъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, сохранили все-таки свою самобытность и рабство не наложило на нихъ своего отпечатка, быть можетъ, именно потому, что турки выражали свое господство надъ ними только поборами; во всемъ же остальномъ турецкія власти предоставляли имъ относительную свободу. Пробужденіе національнаго чувства у всѣхъ народностей Турціи, заявившее о себѣ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, не могло не отразиться и на армянахъ. Въ нихъ также заговорило національное чувство, и они возмутились противъ тиранніи, какъ курдовъ, такъ и турецкихъ властей. Вначалѣ движеніе имѣло только мѣстный характеръ, но вскорѣ волненіе распространилось и на провинціи Европейской Турціи и, наконецъ, произошли безпорядки въ самой столицѣ, заставившіе султана уступить настояніямъ европейскихъ державъ и обнародовать проектъ реформъ для Арменіи. Безпорядки въ Константинополѣ были вызваны манифестаціей армянъ, собравшихся толпою, чтобы подать великому визирю петицію о реформахъ. Турки набросились на нихъ и въ теченіе трехъ дней на улицахъ Константинополя происходили самыя дикія сцены, совершались убійства и т. п. Армяне искали убѣжища въ соборѣ и другихъ церквахъ. Паника охватила все населеніе и даже иностранцы начали тревожиться за свою безопасность, такъ что англійскій посолъ телеграфировалъ адмиралу, ко-

мандующему англійской эскадрой, стоящей въ Митиленѣ, что онъ долженъ немедленно форсировать Дарданельскій проходъ, если только перестанетъ получать каждые три часа телеграмму со словомъ «Safe» (внѣ опасности).

Но обнародованіе проекта реформъ и рѣшительное вмѣшательство европейскихъ державъ произвело спасительное отвлеченіе. Мало-по-малу спокойствіе возстановилось въ турецкой столицѣ, но за то въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ Малой Азіи, возникли новые безпорядки. Мусульмане, сильно раздраженные вмѣшательствомъ иностранцевъ, возмутились еще болѣе, когда увидѣли, что христіанскіе подданные Турціи, которыхъ они привыкли считать ниже себя, добились, благодаря покровительству державъ, обѣщанія такихъ реформъ, которыя должны облегчить ихъ положеніе, тогда какъ положеніе турецкаго населенія, также страдающаго отъ поборовъ и произвола властей, остается, повидимому, безъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ, произошло чуть ли не повальное возстаніе мусульманъ во всѣхъ малоазіатскихъ провинціяхъ, и Турція оказалась безсильной подавить его.

Такимъ образомъ, изъ армянскаго вопроса возродился грозный турецкій вопросъ. Европа всполошилась, такъ какъ распаденіе Турціи могло вызвать страшную европейскую войну за турецкое наслѣдство. Надо было спасти во что бы то ни стало, находящееся въ агоніи оттоманское государство, и вотъ на сцену выступилъ европейскій концертъ, т. е. совмѣстное дѣйствіе державъ. Благодаря ему, кризисъ потерялъ нѣсколько свой острый характеръ, но все же онъ еще очень далекъ отъ своего разрѣшенія, такъ какъ въ немъ дѣйствуютъ еще и другіе элементы, кромѣ турецко-армянской вражды. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этихъ элементовъ, расшатывающихъ самыя основы турецкой имперіи, мы должны вернуться нѣсколько назадъ, въ 1876 году, когда дворцовая революція возвела на турецкій престолъ нынѣ царствующаго султана Абдулъ-Гамида. Абдулъ-Гамидъ, племянникъ Абдулъ-Азиса, такъ трагически кончившаго свое существованіе, вовсе не помышлялъ о престолѣ. Воспитанный въ уединеніи сераля, онъ ничего не зналъ объ общественныхъ дѣлахъ, въ которыхъ ему было запрещено принимать какое бы то ни было участіе. За то ему была предоставлена полная свобода вести самую разгульную жизнь, чѣмъ онъ не замедлилъ воспользоваться, но скоро съ нимъ произошла какая-то перемѣна. Онъ внезапно измѣнился и ударился въ противоположную крайность, сдѣлавшись аскетомъ. Самое любопытное то, что эта внезапная перемѣна произошла именно тогда, когда вокругъ него, въ Константинополѣ, царили необузданная роскошь и разгулье, благодаря займамъ, заключеннымъ его несчастнымъ дядюшкой, Абдулъ-Азисомъ, такъ что Константинополь въ послѣдніе годы царствованія этого султана напоминалъ Парижъ въ послѣдніе годы второй имперіи.

Но Абдулъ-Гамидъ не принималъ участія ни въ этомъ весельѣ, ни въ дѣлахъ. Онъ жилъ въ полномъ уединеніи, строго соблюдая всѣ предписанія корана, и держался въ сторонѣ отъ нарушителей законовъ, окруживъ себя только муллами да имамами. Можно себѣ представить, какое должны были произвести на него впечатлѣніе трагическія событія, разыгравшіяся во дворцѣ! Сверженіе Абдулъ-Азиса, его смерть, воцареніе его брата Мурада, волненія въ Босніи и Герцеговинѣ, убійства въ Болгаріи, война съ Сербіей и Черногоріей, появленіе русскихъ добровольцевъ въ Сербіи—все это необыкновенно быстро слѣдовало одно за другимъ,—и не успѣлъ узнать Абдулъ-Гамидъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, какъ его внезапно сразило извѣстіе, что его братъ Мурадъ со-

шелъ съ ума, слѣдовательно, турецкій престолъ долженъ перейти къ нему, и притомъ въ такую трудную минуту, когда со всѣхъ сторонъ надвигались грозныя тучи и самое существованіе Турціи подвергалось опасности.

Говорятъ, что отшельнику Абдулъ-Гамиду вовсе не улыбалась мысль возсѣдать на турецкомъ престолѣ и особенно при такихъ условіяхъ. Онъ долго противился объявленію Мурада съумасшедшимъ и, только убѣдившись, что его могутъ убрать съ дороги, какъ законнаго наслѣдника, и на мѣсто Мурада посадить кого-нибудь другого, онъ согласился надѣть на себя терновый султанскій вѣнецъ и сѣсть на колеблющійся турецкій престолъ. Вырванный внезапно изъ своего добровольнаго уединенія, безъ всякой подготовки, безъ единаго друга, на совѣты котораго онъ могъ бы положиться, Абдулъ-Гамидъ очутился лицомъ къ лицу съ необыкновенно трудною задачей--управлять государствомъ, раздираемымъ междоусобными войнами, всевозможными неурядицами, лишеннымъ всякаго кредита и имѣющимъ въ перспективѣ войну съ Россіей. Быть можетъ, еслибъ Абдулъ-Гамидъ былъ болѣе европеецъ по своему воспитанію и былъ бы зараженъ западными идеями, то его постигла бы та же участь, которая постигла Мурада, т.-е. онъ бы лишился разсудка. Но его спасъ отъ этого мусульманскій фанатизмъ и преданность ученію пророка. Такова, значитъ, воля Аллаха, чтобы онъ царствовалъ, и онъ будетъ царствовать, не смотря ни на что. Съ этой минуты онъ уже смотрѣлъ на себя, какъ на избранника Аллаха, на котораго возложена священная миссія,—и этимъ взглядомъ онъ руководствуется и до сихъ поръ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

Великій визирь Мидхатъ-паша, возведшій на престолъ застѣнчиваго и аскетическаго Абдулъ-Гамида, ошибся въ своихъ разсчетахъ, полагая, что этотъ султанъ будетъ орудіемъ въ его рукахъ и согласится на всѣ его проекты. Мидхатъ мечталъ о томъ, чтобы поставить Турцію наравнѣ со всѣми прочими европейскими государствами, и ему какъ будто удалось вначалѣ склонить Абдулъ-Гамида въ пользу своихъ плановъ, такъ что первымъ актомъ царствованія новаго султана было объявленіе равноправности всѣхъ турецкихъ подданныхъ. Европа, дѣйствительно, была поражена: въ Турціи была объявлена конституція, организованъ парламентъ. Но все это продолжалось недолго. Абдулъ-Гамидъ согласился исполнить желаніе Мидхата, но лишь потому, что самъ еще не совсѣмъ твердо стоялъ на ногахъ, не могъ придти въ себя отъ внезапной перемѣны своей участи и не вполнѣ оріентировался въ своемъ новомъ положеніи. Однако, султанъ воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы закрыть парламентъ и положить конституцію подъ сукно. Мидхатъ былъ отправленъ въ ссылку въ Аравію, гдѣ и умеръ. Съ этого момента Абдулъ-Гамидъ расправилъ крылья и сталъ управлять страной согласно своимъ истиннымъ воззрѣніямъ. А воззрѣнія эти были слѣдующія: править страной, руководствуясь традиціями предковъ, идти по прежнему пути и во всемъ подчиняться ученію пророка. Аллахъ возложилъ на него миссію управленія государствомъ и сдѣлалъ его повелителемъ правовѣрныхъ, намѣстникомъ пророка на землѣ, и, слѣдовательно, султанъ не могъ ни съ кѣмъ раздѣлить данной власти. Исходя изъ этого убѣжденія, Абдулъ-Гамидъ постарался сосредоточить все въ своихъ рукахъ. Прежде великій визирь былъ единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ султаномъ и единственнымъ посредникомъ между нимъ и его подданными. Порта, т. е. собраніе высшихъ и болѣе или менѣе опыт-

ныхъ государственныхъ дѣятелей, пользовалась почти полною автономіей и управляла государствомъ. Но со вступленіемъ Абдулъ-Гамида все это измѣнилось. Онъ захотѣлъ изъ своего дворца Илдызъ-Кіоска—всѣмъ управлять и всѣмъ руководить самъ, до малѣйшихъ административныхъ подробностей. И въ самомъ дѣлѣ, ни одна бумага, ни одно назначеніе, хотя бы дѣло шло о простомъ полицейскомъ агентѣ, не миновало рукъ султана. Онъ самъ подписывалъ всякую бумагу, чего бы она ни касалась, государственной ли реформы, или открытія театра въ Стамбулѣ и правилъ для кофеень. Результатомъ такой чрезмѣрной централизаціи власти было то, что во всѣхъ отдѣлахъ государственной администраціи воцари лись произволъ и неурядица. Ничто не дѣлалось во-время, чиновники смѣнялись безпрестанно, даже не успѣвая хорошенько ознакомиться со своими обязанностями. Абдулъ-Гамидъ, стараясь совершить невозможное, всюду поспѣть и все знать, не замѣчалъ, что онъ становится игрушкою въ рукахъ искуссныхъ и ловкихъ придворныхъ, опутывающихъ его цѣлою сѣтью интригъ, и думая, что у него въ рукахъ сосредоточиваются всѣ нити власти, на самомъ дѣлѣ большею частью дѣлалъ лишь то, что хотѣли его приближенные. Все это породило страшный безпорядокъ въ администраціи; взяточничество, лихоимство и произволъ возведены были въ принципъ, и турецкіе подданные страдали отъ такого порядка вещей ничуть не меньше христіанскихъ подданныхъ султана.

А между тѣмъ, султанъ одержимъ былъ всегда самыми благими намѣреніями; онъ желалъ водворить законность и справедливость въ своемъ государствѣ и упрочить счастье своихъ подданныхъ. Вся его ошибка заключалась только въ томъ, что онъ думалъ, что онъ не только можетъ быть всемогущимъ, но и всевѣдущимъ. Такъ, нѣсколько времени тому назадъ онъ жаловался одному американцу, мэру города Нью-Іорка, которому давалъ аудіенцію, что онъ не можетъ видѣть и знать все, что творится въ разныхъ углахъ его имперіи. Американецъ былъ тронутъ искренностью султана и горячностью, съ которою султанъ просилъ его писать лично ему обо всемъ тотчасъ же, какъ только онъ замѣтитъ что-нибудь такое, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы знать султану.

Заваливая себя непосильною работой, султанъ въ то же время не имѣетъ ни минуты покоя. Онъ боится измѣны и не вѣритъ никому изъ окружающихъ. Онъ каждую недѣлю мѣняетъ стражу во дворцѣ, и ни одинъ министръ не смѣетъ выйти изъ дворца безъ письменнаго разрѣшенія султана. Подозрительность его доходитъ до того, что онъ въ каждомъ министрѣ готовъ видѣть измѣнника, особенно если этотъ министръ возвышается надъ уровнемъ прочихъ и обнаруживаетъ хоть какую-нибудь самостоятельность. Поэтому, султана окружаютъ только посредственности, да люди, преслѣдующія свои личныя цѣли, и только они и имѣютъ успѣхъ; все же выдающееся безпощадно вытѣсняется и даже изгоняется изъ предѣловъ государства. Общественнаго мнѣнія не существуетъ въ Турціи, и печать не имѣетъ никакой самостоятельности, такъ какъ можетъ говорить лишь то, что пріятно и желательно тѣмъ или другимъ лицамъ, окружающимъ султана, или занимающимъ административныя должности.

Но опытъ Мидхата-паши пріобщить Турцію къ сонму европейскихъ государствъ не остался все-таки безъ послѣдствій. Въ Турціи образовалась цѣлая партія, именующая себя «Молодой Турціей», которая сдѣлалась послѣдовательницей идей Мидхата-паши, и возникшій внезапно армянскій вопросъ

далъ поводъ этой партіи перейти отъ теоретическихъ разсужденій къ практической дѣятельности. Вѣдь, дѣйствительно, отъ неурядицы въ государственномъ управленіи страдаютъ не одни только христіанскіе подданные султана! Минута казалась подходящей, чтобы возбудить протестъ въ турецкомъ населеніи и заставить его, въ свою очередь, требовать реформъ.

Вмѣстѣ съ «Молодой Турціей», стремящейся эксплуатировать неудовольствіе турецкаго народа въ пользу своихъ идей, дѣйствуетъ еще старо-турецкая консервативная партія, очень могущественная и вліятельная, врагъ всякихъ реформъ и въ особенности врагъ иностраннаго вліянія. Эта партія проникнута старомусульманскими воззрѣніями и уже поэтому болѣе симпатична султану. Но, кромѣ того, онъ боится ея, зная ея силу, и по этой-то причинѣ онъ съ такимъ трудомъ согласился на уступки европейцамъ и на какія бы то ни было измѣненія въ существующемъ режимѣ. Все это порождаетъ крайне сложное и опасное положеніе вещей и вызываетъ разнаго рода неудовольствія: на почвѣ національныхъ идей, на почвѣ политической и, наконецъ, на почвѣ религіозной. Эти три рода неудовольствій выражаются, впрочемъ, одинаковыми волненіями, расшатывающими самыя основы государства. Турція трещитъ по всѣмъ швамъ, и если европейскій концертъ въ своихъ собственныхъ интересахъ не поторопится «скрѣпить опять повозку», то она неминуемо должна будетъ развалиться.

Сицилія и ея порядки. Всякій, кому случалось проѣзжать мимо Сициліи или побывать въ ней, непремѣнно приходилъ въ восторгъ отъ этого чуднаго острова, который издали можетъ показаться какимъ-то земнымъ раемъ. Дѣйствительно, природа щедро наградила всѣмъ этотъ благословенный уголокъ: чуднымъ климатомъ, плодородною почвой, роскошною растительностью, минеральными богатствами и т. д. Но стоило только путешественнику углубиться внутрь страны, какъ передъ нимъ развертывалась совершенно другая картина, и онъ долженъ былъ убѣдиться, что этотъ земной рай — на самомъ дѣлѣ мѣсто плача и ужасныхъ человѣческихъ бѣдствій.

Сицилія можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ люди своими порядками могутъ испортить всѣ дары природы. Когда, въ прошломъ году, въ Сициліи произошли безпорядки, потребовавшіе даже вмѣшательства войскъ, то рабочіе на сѣрныхъ копяхъ кричали солдатамъ: «Стрѣляйте, убейте насъ! Мы предпочитаемъ погибнуть сразу, нежели постепенно умирать съ голоду!» Это восклицаніе странно звучитъ среди окружающей роскошной природы, виноградниковъ и цвѣтущихъ полей. А между тѣмъ, тутъ нѣтъ никакого преувеличенія: рабочіе крестьяне въ Сициліи буквально умираютъ съ голоду. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, одинъ извѣстный итальянскій журналистъ, сотрудникъ правительственной газеты «Tribuna»: «Въ прошломъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, мнѣ случайно пришлось присутствовать, какъ на гумнѣ дѣлили зерно, привозимое крестьянами. Крестьянинъ ссыпалъ зерно и управляющій отдѣлялъ ту часть, которая, по условію, должна была отойти землевладѣльцу, и отдавалъ остальное крестьянину. Я видѣлъ, что на долю крестьянина пришлось не болѣе одной мѣры зерна, вмѣщающей всего лишь около 17 литровъ. Все остальное было взято себѣ хозяиномъ. Крестьянинъ, облокотившись на заступъ, какъ-то смущенно смотрѣлъ на эту единственную мѣру, составлявшую все его достояніе. Его взглядъ невольно перенесся на жену и дѣтей и въ немъ выразился какой-то ужасъ. Вѣроятно, онъ подумалъ въ эту минуту, что въ

результатѣ цѣлаго года труда, у него остается только небольшая мѣра зерна для прокормленія семьи. Двѣ крупныя слезы скатились по его щекѣ, но онъ молчалъ. Эта сцена глубоко врѣзалась въ моей памяти, и она, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ положеніе сицилійскихъ крестьянъ. И, притомъ, надо замѣтить, что послѣ дѣлежа, нѣкоторыя изъ крестьянъ не только не получаютъ ничего назадъ, но даже остаются должны своему хозяину». Итальянскому журналисту, во время путешествія по Сициліи, не разъ приходилось слышать жалобы крестьянъ на то, что у нихъ въ домѣ нѣтъ ни кусочка хлѣба. Одинъ нотаріусъ ему сказалъ: «Здѣсь народъ буквально умираетъ съ голоду. Этому трудно повѣрить, но это такъ!» Худоба и истощенный видъ крестьянъ, дѣйствительно, поражаютъ свѣжаго человѣка. Особенно жалкій видъ имѣютъ дѣти, настоящіе маленькіе скелеты, обтянутые кожей.

Но чѣмъ же обусловливается такое положеніе вещей? Отчего такъ бѣдствуетъ населеніе среди такой роскошной природы? Дѣло въ томъ, что Сицилія представляетъ настоящій анахронизмъ и въ ней еще продолжаютъ господствовать нравы феодальныхъ временъ, когда благосостояніе крестьянина всецѣло зависѣло отъ каприза его господина. Сицилійскій крестьянинъ находится въ полной зависимости отъ землевладѣльца, и право сильнаго составляетъ единственное право въ Сициліи. Промышленности на этомъ островѣ почти нѣтъ никакой и единственными его рессурсами являются сѣрныя копи и земледѣліе. Три четверти земли находится въ рукахъ нѣскольких крупныхъ землевладѣльцевъ, большая часть которыхъ не живетъ въ своихъ помѣстьяхъ и не интересуется ничѣмъ, кромѣ полученія арендной платы. Вслѣдствіе этого, земледѣліе находится въ самомъ первобытномъ состояніи, и крестьянинъ употребляетъ и теперь еще плугъ временъ Виргилія. Земля такъ плохо обрабатывается, что самъ земледѣлецъ часто не въ состояніи сразу отличить вспаханной земли отъ находящейся подъ паромъ.

Незначительное число крестьянъ-землевладѣльцевъ, на долю которыхъ приходится всего лишь одна четверть Сицилійской земли, уменьшается съ каждымъ годомъ. Земля отнимается у крестьянъ и продается съ публичнаго торга за долгъ казнѣ. Такъ, въ теченіе десяти лѣтъ (1883—1893 г.) произведено было 11.662 такихъ лишеній собственности. Въ Сиракузской провинціи въ одинъ день была продана съ публичнаго торга земля, принадлежащая 129 владѣльцамъ. Семеро этихъ несчастныхъ поплатились своей собственностью за долгъ казнѣ въ 5 лиръ (около 2-хъ рублей), который они не могли уплатить. Долги остального большинства не превышали 10 лиръ. Такимъ образомъ, мелкое землевладѣніе мало-по-малу совсѣмъ исчезаетъ и растворяется въ крупномъ, увеличивая его силу. Земледѣльцу въ Сициліи приходится работать уже не для себя, а для другого, и онъ, конечно, эксплуатируется разнаго рода людьми, которые служатъ посредниками между отсутствующимъ помѣщикомъ и его рабочими-земледѣльцами.

Эти піявки въ образѣ людей высасываютъ послѣдніе соки изъ крестьянина. Они арендуютъ у помѣщика землю и, затѣмъ, раздѣляя ее на мелкіе участки, отдаютъ ихъ въ аренду крестьянамъ. Въ большинствѣ случаевъ, у крестьянина нѣтъ денегъ, чтобы платить аренду, и онъ уплачиваетъ ее половиной сбора; но вотъ тутъ-то и обнаруживается вся сила эксплуатаціи, опутывающей его своими сѣтями. Когда наступаетъ время расплаты, при дѣлежѣ зерна, крестьянинъ оказывается кругомъ долженъ арендатору и казнѣ, за сѣмена, за полевыя орудія, за то, за другое, такъ

что, въ концѣ концовъ, онъ еще долженъ почитать себя счастливымъ, если ему останется все-таки маленькая мѣрка зерна, и онъ не уйдетъ изъ гумна съ совершенно пустыми руками, да еще съ новымъ долгомъ въ придачу. Если случится послѣднее, то несчастный крестьянинъ окажется совершенно во власти своего хозяина, который можетъ отнять отъ него за долгъ его послѣднее достояніе—рабочую скотину. Тогда крестьянинъ превращается уже въ простого поденщика и нанимается въ артели, которыя, обыкновенно, отправляются на полевыя работы въ удаленныя отъ городовъ и селъ мѣста. Прежде такой рабочій зарабатывалъ отъ двухъ до трехъ съ половиною лиръ въ день и, кромѣ того, имѣлъ помѣщеніе и столъ. Теперь же, благодаря конкурренціи, созданной тѣмъ, что масса крестьянъ лишилась своей собственности и вынуждена была искать работъ на сторонѣ, можно найти рабочаго за 40 сантимовъ (меньше 20 коп.) въ день. Земледѣлецъ, работающій около 16 часовъ въ день подъ знойными лучами почти африканскаго солнца, получаетъ самое большее одну лиру (около 40 коп.). Работа продолжается только четыре мѣсяца, а остальные восемь онъ остается безъ всякаго дѣла. И такъ какъ ему, конечно, не хватаетъ заработанной имъ лѣтомъ суммы на то, чтобы прожить всю зиму самому и прокормить семью, то онъ и его семья буквально умираютъ съ голоду.

Къ такой системѣ землевладѣнія, доводящей крестьянъ до послѣдней степени нищенства, слѣдуетъ присоединить еще систему налоговъ, всею тяжестью ложащуюся на крестьянъ. Благодаря тому, что Сицилія отстала на нѣсколько вѣковъ и въ ней господствуетъ право сильнаго, всякія злоупотребленія, нарушенія законовъ, произволъ и несправедливости составляютъ въ ней самое обычное явленіе. Сицилійскіе богачи и вліятельные люди не признаютъ равенства передъ законами и находятъ вполнѣ естественнымъ не платить налоговъ, пользуясь своею силою, родствомъ и вліяніемъ, между тѣмъ какъ съ крестьянина эти налоги взыскиваются съ большою строгостью. Крестьянинъ платитъ, тогда какъ помѣщикъ знать не хочетъ никакихъ взысканій, и эти порядки такъ вошли въ нравы страны, что никого не удивляютъ и почти не вызываютъ протеста.

Но въ Сициліи есть еще болѣе несчастные, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы, это — рабочіе въ сѣрныхъ копяхъ. Прежде они зарабатывали порядочно, теперь же, вслѣдствіе паденія цѣнъ на продуктъ, заработная плата упала до небывалыхъ размѣровъ. Рабочій, получающій до 2-хъ лиръ (около 80 коп.), работая добавочные часы, считается однимъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ. Впрочемъ, онъ никогда не получаетъ на руки цѣликомъ весь свой скудный заработокъ; большая часть этого заработка переходитъ въ карманъ эксплуататоровъ, опутывающихъ рабочаго своими сѣтями съ головы до ногъ.

Самый ужасный анахронизмъ Сициліи, однако, заключается въ существованіи тамъ рабовъ. Да, рабовъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но только малолѣтнихъ. Эти несчастные называются «карузи» и обязанность ихъ заключается въ томъ, чтобы доставлять на поверхность земли добытый въ нѣдрахъ ея минералъ. Родители этихъ бѣдныхъ созданій, превращенныхъ во вьючный скотъ, побуждаемые къ тому нищетой и голодомъ, запродаютъ ихъ въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ рудокопу за сумму въ 50—300 лиръ, смотря по возрасту, физической силѣ и развитію ребенка. Съ этого момента они уже безусловно принадлежатъ своему хозяину, до того дня, пока не выплатятъ ему всей уплаченной за нихъ суммы. Но этотъ день никогда почти не наступаетъ.

Маленькій 8 или 9-ти-лѣтній ребенокъ, за плату въ 50 сантимовъ (около 20 коп.), которая, впрочемъ, не попадаетъ ему въ карманъ, работаетъ двѣнадцать часовъ въ сутки; двѣнадцать часовъ онъ таскаетъ груды добытаго минерала на своей слабой спинѣ! Росси разсказываетъ, что онъ посѣтилъ сѣрныя копи вмѣстѣ съ депутатомъ Дефеличе и оба не могли удержаться отъ слезъ при видѣ несчастныхъ дѣтей. «Въ теченіе моей карьеры журналиста,—восклицаетъ Росси,—мнѣ приходилось не разъ присутствовать при самыхъ ужасныхъ сценахъ, но ничто никогда не производило на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ видъ этихъ несчастныхъ дѣтей, изнемогающихъ подъ тяжестью своей ноши. Я видѣлъ, какъ слезы катились по худымъ изможденнымъ щекамъ и глухой стонъ вырывался изъ исхудалой груди. Они напрягали всѣ свои силы, и не смотря на то, что ноги ихъ дрожали отъ усталости, они все-таки тащили свою ношу, изъ опасенія, что хозяинъ начнетъ подгонять ихъ палкой. Я видѣлъ, какъ одинъ карузи, доведенный до послѣдней степени утомленія, присѣлъ со своей ношей на ступени лѣстницы и тихо плакалъ... Это такое зрѣлище, забыть которое невозможно!»

Но какже могутъ твориться такія дѣла въ европейскомъ государствѣ, въ концѣ XIX вѣка? Неужели же итальянское общество и печать не протестуютъ противъ такого порядка вещей? Къ чести того и другой слѣдуетъ сказать, что они не только протестуютъ, но постоянно заявляютъ требованія итальянскому правительству, чтобы оно приняло, наконецъ, мѣры для улучшенія положенія Сициліи. Лучшіе итальянскіе публицисты ратуютъ въ пользу Сициліи и въ парламентѣ постоянно раздаются рѣчи, требующія, чтобы было обращено вниманіе на бѣдственное положеніе населенія этого острова. Но для того, чтобы измѣнить положеніе дѣлъ въ Сициліи, надо произвести въ ней очень крупныя реформы; надо спасти мелкую земельную собственность, уничтожить крупное землевладѣніе, преобразовать систему налоговъ и администрацію острова и ввести новые законы относительно работы въ рудникахъ. Трудно, конечно, произвести сразу всѣ эти реформы и особенно трудно это сдѣлать въ Сициліи, гдѣ господствуютъ такіе феодальные нравы и всѣ отношенія очень осложнились. Но, тѣмъ не менѣе, многіе изъ выдающихся итальянскихъ политиковъ и публицистовъ находятъ, что откладывать не слѣдуетъ, и надо какъ можно скорѣе заняться сицилійскими дѣлами, такъ какъ усиленіе разбойничества въ странѣ и серьезные безпорядки, происходившіе въ прошломъ году, указываютъ, что народъ усталъ страдать. Къ сожалѣнію, современный недугъ, отъ котораго страдаетъ чуть-ли не вся Европа, до такой степени овладѣлъ Италіей, что лишаетъ ее свободы дѣйствій. Она тратитъ свои послѣднія средства на поддержаніе дорого стоющихъ экспедицій въ Африкѣ, на содержаніе огромной арміи въ Европѣ, для того, чтобы занимать подобающее мѣсто въ тройственномъ союзѣ, и поэтому не можетъ ни уменьшить налоговъ, тяготѣющихъ надъ населеніемъ, ни заняться полезными реформами. Но надо надѣяться, что общество, громко протестующее противъ такой самоубійственной политики, заставитъ, наконецъ, Италію понять, что благосостояніе ея народа должно быть гораздо важнѣе для нея, нежели военная слава и честь занимать мѣсто рядомъ съ очагомъ милитаризма — Германіей.

Англійскій романистъ - портной Даніель Оуэнъ. Въ Англіи умеръ недавно одинъ, въ своемъ родѣ знаменитый, писатель и человѣкъ Даніель Оуэнъ, о которомъ вся англійская пе-

чать отозвалась съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Въ Европѣ этотъ писатель былъ очень мало извѣстенъ,но это потому, что всѣ его произведенія были написаны на валлійскомъ нарѣчіи. Маленькое валлійское княжество, «Wild Wales» (дикій Валлисъ) какъ его называютъ англичане, отличается многими особенностями. Преобладающею чертою валлійца является его способность къ самой смѣлой инициативѣ. Даже сами англичане, изъ тѣхъ, конечно, которые не ослѣплены предразсудками, признаютъ, что ни одна реформа не была введена въ Англіи безъ того, чтобы валлійцы не подали первые примѣръ, введя ее у себя, по собственному побужденію и собственными средствами. Валлійскій народъ обладаетъ въ высшей степени самобытностью и чувствомъ собственнаго достоинства, не смотря на свою немногочисленность; валліецъ очень смѣлъ и отличается стойкими убѣжденіями; культура въ Валлисѣ распространена даже среди народныхъ массъ.

И вотъ, этотъ маленькій народъ, какъ оказывается, обладаетъ собственною литературой, лучшимъ представителемъ которой былъ Даніель Оуэнъ, сдѣлавшійся выразителемъ всѣхъ народныхъ чувствъ и стремленій. Нельзя сказать, чтобы литературный багажъ этого писателя былъ очень великъ, но, по словамъ компетентныхъ знатоковъ валлійской литературы, всѣ его произведенія отличаются глубиною мысли и многими литературными достоинствами, обнаруживающими въ немъ весьма проницательнаго наблюдателя и психолога. Онъ написалъ не болѣе четырехъ томовъ повѣстей, хотя подвизался на литературномъ поприщѣ около 20 лѣтъ. Лучшими его произведеніями считаются, по мнѣнію знатоковъ: «Деревня», «Приключеніи Еноха Гью» и очеркъ нравовъ валлійскаго духовенства: «Райсъ Льюсъ—пасторъ въ Бемелѣ». По словамъ валлійцевъ, въ произведеніяхъ Даніеля Оуэна отражается, какъ въ зеркалѣ, душа валлійскаго народа. «Прочтите повѣсть Оуэна,—говорятъ они,—и вы узнаете, что такое валліецъ».

Къ Оуэну, ни въ какомъ случаѣ, нельзя примѣнить пословицы: «Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Даніель Оуэнъ былъ именно пророкомъ въ своей странѣ. Онъ былъ окруженъ такимъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ, какой, вообще, выпадаетъ на долю лишь очень немногихъ людей. Появленіе въ печати какой-нибудь его повѣсти было настоящимъ національнымъ событіемъ. Врядъ ли кто-нибудь изъ современныхъ авторовъ можетъ похвастаться такою популярностью, какою пользовался Даніэль Оуэнъ среди валлійцевъ. Не было такой хижины во всемъ Валлисѣ, гдѣ нельзя было бы встрѣтить томика повѣсти Оуэна или нумера журнала, гдѣ они печатаются; не было такой семьи, гдѣ бы эти повѣсти не читались и не перечитывались десятки разъ, особенно валлійскою молодежью, преклонявшеюся передъ Оуэномъ, какъ человѣкомъ и писателемъ. Одинъ изъ путешественниковъ разсказываетъ, что какъ только онъ попалъ въ княжество Валлійское, то въ каждомъ домѣ, гдѣ ему случалось бывать, ему непремѣнно говорили: «Смотрите, не уѣзжайте отсюда, не посѣтивъ Даніеля Оуэна, нашего великаго романиста».

Конечно, каждый изъ посѣтителей княжества Валлійскаго считалъ своимъ долгомъ послѣдовать этому совѣту и, разумѣется, не могъ раскаяваться въ этомъ, такъ какъ Даніель Оуэнъ несомнѣнно представлялъ самую крупную достопримѣчательность Валлиса. Путешественнику, пріѣхавшему въ маленькій чистенькій городокъ «Wyddgrug»(по англійски: Mold), въ графствѣ Флинтъ, стоило только спросить объ Оуэнѣ перваго встрѣч-

наго, и ему немедленно указывали маленькую, скромную лавочку, надъ которой виднѣлась вывѣска: «Портной и закройщикъ». Въ этомъ укромномъ уголкѣ Даніель Оуэнъ провелъ всю свою жизнь, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ ученія въ Бала, главномъ интеллектуальномъ центрѣ княжества Валлійскаго.

Даніель Оуэнъ встрѣчалъ каждаго посѣтителя у дверей своей лавочки и, вѣжливо освѣдомившись, что ему угодно, вводилъ его въ заднюю комнату, родъ салона и вмѣстѣ рабочого кабинета. Гораздо раньше появленія проповѣди графа Толстого о возрожденіи человѣчества путемъ ручнаго труда, Даніель Оуэнъ проводилъ этотъ принципъ въ своей жизни, не дѣлая, впрочемъ, изъ него никакой доктрины, а потому, что ручной трудъ обозпечивалъ ему независимость, а на литературу онъ смотрѣлъ, не какъ на доходную статью или путь къ славѣ, а какъ на средство общенія съ народомъ, дающее ему возможность высказывать свои мысли и идеи и свое дешевное настроеніе. Исполнивъ свою обязанность, какъ портной и суконщикъ, Даніель Оуэнъ бросалъ иглу и ножницы и становился писателемъ. Литературный трудъ доставлялъ ему высокое наслажденіе; и въ немъ онъ находилъ отраду и успокоеніе въ трудныя минуты жизни. Насколько онъ не заботился о литературномъ заработкѣ, настолько же не думалъ и о литературной славѣ. Несомнѣнно, онъ могъ бы достигнуть весьма большой извѣстности, обладая, по словамъ компетентныхъ людей, недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, если бы писалъ свои произведенія по англійски. Но онъ предпочелъ оставаться вѣрнымъ своему національному нарѣчію и воздвигнулъ литературѣ своей страны вѣчный памятникъ. Честолюбіе его дальше этого не шло.

Но валлійскій народъ цѣнилъ и высоко ставилъ своего «портного-писателя»: на его похоронахъ собрались представители всего княжества Валлійскаго, даже главные города Англіи пожелали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы заявить свою солидарность маленькому княжеству. Скромному портному были устроены пышныя національныя похороны, огромная толпа народа провожала его въ его послѣднее жилище, на маленькомъ кладбищѣ его родного городка. Память о немъ, конечно, будетъ долго жить среди валлійскаго народа.

Письменная корпорація молодыхъ дѣвушекъ въ Бирмингамѣ (Girl's Letter Guild). Въ числѣ множества обществъ, союзовъ и корпорацій, организованныхъ въ Англіи съ разными политическими, общественными и благотворительными цѣлями, нельзя не упомянуть объ одной очень скромной, но весьма симпатичной ассоціаціи молодыхъ дѣвушекъ въ Бирмингамѣ, основанной миссъ Изабеллой Кеньуордъ, въ 1889 году. Идея этого общества—вступить въ возможно близкое общеніе съ женскими рабочими классами, познакомиться съ ихъ нуждами и стремленіями и стараться о поднятіи ихъ нравственнаго уровня и улучшеніи ихъ положенія.

Бирмингамъ — огромный промышленный центръ, и работницы въ немъ насчитываются тысячами. Но какъ войти съ ними въ сношенія, какъ пріобрѣсти ихъ довѣріе? Миссъ Кеньуордъ понимала всю трудность задачи, которую хотѣла выполнить. Посѣщеніе кварталовъ, гдѣ живутъ работницы, дѣвушками изъ лучшаго общества не привело бы ни къ чему. Обыкновенно, работницы относятся къ этимъ посѣщеніямъ не только скептически, но даже враждебно: чаще всего онѣ видятъ въ этомъ лишь проявленіе барской фантазіи и празднаго любопытства, оскорбительнаго для нихъ. Надо обладать большимъ тактомъ и искусствомъ, чтобы побѣдить

это недовѣріе, вызвать на откровенность, расположить къ себѣ. Въ матеріальной помощи, оказываемой имъ, онѣ всегда подозрѣваютъ презрительное сожалѣніе и сostраданіе, какое только можно чувствовать къ существамъ низшаго разряда, и не вѣрятъ въ дѣйствительно гуманныя чувства людей, приходящихъ къ нимъ на помощь, бóльшею частью въ этой помощи видятъ посягательство на свою свободу. Обдумывая различные способы, какъ побѣдить это недовѣріе и вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ работницами, миссъ Кеньуордъ пришла къ мысли попробовать добиться этого путемъ писемъ. Подѣлившись своей идеей съ нѣсколькими друзьями, миссъ Кеньуордъ очень быстро перешла отъ слова къ дѣлу и организовала «письменную корпорацію молодыхъ дѣвушекъ», въ составъ которой вошли вначалѣ только нѣсколько ея пріятельницъ. Но плодотворная идея быстро пустила ростки, и теперь уже корпорація, существующая всего лишь около семи лѣтъ, насчитываетъ нѣсколько тысячъ членовъ и имѣетъ свой собственный органъ «The Letter Guild Journal».

Принципъ корпораціи — равенство отношеній. Члены ея, въ своей перепискѣ съ работницами, больше всего заботятся о томъ, чтобы не дать имъ почувствовать свое превосходство надъ ними. Тонъ писемъ всегда дружескій, простой и искренній; этимъ только и объясняется успѣхъ идеи миссъ Кеньуордъ. Въ своихъ инструкціяхъ членамъ она говоритъ: «Пишите, поддерживайте правильную переписку и требуйте, чтобы вамъ отвѣчали, но требуйте этого такъ, какъ вы бы требовали отъ своей подруги. Разсказывайте о себѣ, и такимъ путемъ заставляйте ихъ говорить вамъ о себѣ, дѣлиться съ вами своими мыслями, впечатлѣніями, въ особенности горестями. Умѣйте незамѣтнымъ образомъ вставить въ свое письмо добрый совѣтъ, наставленіе, какую-нибудь хорошую нравственную идею. Но, главное, избѣгайте покровительственнаго тона; пусть никогда принципъ равенства не нарушается въ вашей перепискѣ. Не забывайте ставить на конвертѣ: «госпожѣ такой-то», а въ письмѣ обращатесь такъ, какъ вы бы обратились къ своей подругѣ».

Переписка ведется очень правильно и никогда не бываетъ въ застоѣ. Замѣчательно, что работницы очень любятъ письма, и если только корреспондентка съумѣла взять настоящій тонъ, она можетъ быть увѣрена, что никогда не останется безъ отвѣта. Работница быстро привязывается къ своей неизвѣстной подругѣ и, чувствуя потребность любви и довѣрія, раскрываетъ передъ нею свою душу. Въ свою очередь, дѣвушка, членъ корпораціи, вступая въ переписку съ работницей и пріобрѣтя ея довѣріе, чувствуетъ потребность оправдать это довѣріе и оказаться на высотѣ своей задачи. Между переписывающимися возникаетъ духовная связь и обѣ охраняютъ ее какъ самое драгоцѣнное сокровище. «Я часто думаю о вашихъ словахъ, что нѣтъ низкаго труда и всякій трудъ благороденъ,—пишетъ одна работница.—Мнѣ пріятно думать объ этомъ, когда я нахожусь въ мастерской, и о томъ, что вы меня уважаете, хотя насъ раздѣляетъ очень многое. Вы разсказали мнѣ вашу жизнь, описали ваши занятія; я разскажу вамъ свою и опишу свою работу, если съумѣю. Я не могу такъ хорошо говорить, какъ вы, но это не важно. Я люблю получать ваши письма и поэтому сама пишу вамъ, чтобы получать ихъ...» Далѣе работница подробно описываетъ, сколько она получаетъ денегъ, какіе у нея расходы, разсказываетъ про свою мать, братьевъ, иногда жалуется на свою судьбу, но такъ, какъ бы пожаловалась близкому человѣку, безъ тѣни униженія и никогда не выра-

*

жаетъ въ своихъ письмахъ никакихъ просьбъ о помощи или покровительствѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно многознаменательно, такъ какъ указываетъ, какъ велика потребность у работницъ къ такому общенію, которое не даетъ имъ чувствовать ихъ униженнаго положенія. Въ нѣкоторыхъ письмахъ, между прочимъ, можно найти указанія и на потребности въ умственной пищѣ. Одна изъ работницъ описываетъ впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ чтенія Шекспира, при этомъ прибавляетъ: «На праздники я непремѣнно съѣзжу въ Стратфордъ, чтобы посмотрѣть домъ, гдѣ родился Шекспиръ, я могу себѣ позволить эту роскошь».

Но корпорація не ограничиваетъ свою дѣятельность только письменными сношеніями. Благодаря великодушію одного жертвователя, она устроила домъ для отдыха на морскомъ берегу, гдѣ могутъ пріютиться работницы, нуждающіяся въ такомъ отдыхѣ. Разъ въ годъ корпорація устраиваетъ чаепитіе и концертъ для работницъ и каждые три-четыре мѣсяца — общее собраніе. Кромѣ того, корпорація устроила воскресныя и вечернія школы и фондъ помощи для заболѣвшихъ работницъ.

Что касается маленькаго журнала «The Lettres Guild Journal», то и онъ имѣетъ свои достоинства и пользуется популярностью среди работницъ. Кромѣ обычныхъ цитатъ изъ Библіи, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ благомыслящій органъ англійской печати, предназначаемый для распространенія среди рабочихъ классовъ, въ немъ заключаются живо и популярно написанныя статейки, трактующія о разныхъ общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ, и затѣмъ разные совѣты, касающіеся домашняго хозяйства и мастерства, рецепты кушаній, врачебные и гигіеническіе совѣты и т. п. Работницы въ Бирмингамѣ называютъ его «нашъ журналъ», и охотно его читаютъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«North American Review». — «Westminster Review».

«North American Review» задумалъ печатать рядъ очерковъ о женщинахъ разныхъ націй (Study of wifes) и съ этою цѣлью обратился къ писателямъ четырехъ націй: англійской, французской, нѣмецкой и скандинавской. Редакція выбрала изъ современныхъ англійскихъ писателей Грэнтъ Аллена, который воспользовался этимъ, чтобы высказать не мало горькихъ истинъ своимъ соотечественницамъ.

Грэнтъ Алленъ раздѣляетъ всѣхъ англійскихъ женщинъ на три класса: женщину рабочихъ классовъ, женщину среднихъ классовъ и аристократку. Идеальная женщина и жена въ рабочихъ классахъ—это хозяйка и мать па старинный тевтонскій образецъ. Она царствуетъ надъ кухней. Она проводитъ жизнь въ самой тяжелой и грязной работѣ, она исполняетъ все, что надлежитъ ей исполнять, чтобы былъ доволенъ ея мужъ и чтобы кое-какъ поддерживался порядокъ въ ея хозяйствѣ. Она успѣваетъ и накормить мужа, сдѣлать ему постель и вымыть ему бѣлье, и обшить, и обмыть свое многочисленное потомство, причиняющее ей не мало хлопотъ. Она вѣритъ въ Бога, но никогда ни о чемъ не задумывается, и больше всего значенія придаетъ внѣшнимъ обрядамъ и религіознымъ церемоніямъ. У нея нѣтъ души, да у нея нѣтъ и времени, чтобы создать себѣ душу!

Женщина и жена въ среднихъ классахъ, по словамъ Грэнтъ Аллена, также ни въ чемъ не проявляетъ своей собственной души и не живетъ своею собственною жизнью. Она служитъ лишь дополненіемъ къ своему мужу, заботясь о представительности его дома. Она не интересуется дѣлами своего мужа и не распрашиваетъ его о нихъ, но разумно ведетъ свое хозяйство и содержитъ домъ въ порядкѣ, хорошо одѣвается сама и одѣваетъ своихъ дѣтей и больше всего заботится о томъ, чтобы респектабельность дома не была нарушена. Она представляетъ самый несложный и непривлекательный, но въ высшей степени добродѣтельный типъ жены, соотвѣтствующій идеалу солидныхъ, но ограниченныхъ буржуа, лишенныхъ всякаго воображенія и фантазіи.

Что касается аристократическихъ классовъ въ Англіи, то тамъ, по словамъ Грэнтъ Аллена, не существуетъ идеальной жены. Мужъ и жена идутъ каждый своей дорогой, не заботясь другъ о другѣ и не интересуясь другъ другомъ. Оба живутъ въ обществѣ и для общества и большая часть браковъ кончается разводомъ.

Конечно, такое мнѣніе англійскаго писателя о своихъ соотечественницахъ можетъ поразить своею неожиданностью, тѣмъ болѣе, что въ его странѣ, пожалуй, даже больше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, женщины проявляютъ свою индивидуальность и выражаютъ стремленія выйти за предѣлы узкой домашней сферы и дѣятельности. Это замѣчается, какъ у женщинъ высшихъ классовъ и буржуазіи, такъ и у женщинъ рабочихъ классовъ, у которыхъ Грэнтъ Алленъ совершенно отрицаетъ душу. Максъ о'Релль, описывающій французскую идеальную жену, въ противоположность Грэнтъ Аллену, говоритъ много любезностей по адресу своихъ соотечественницъ. По его словамъ, француженка больше всего заботится о томъ, чтобы нравиться своему мужу, поэтому она обращаетъ огромное вниманіе на свою наружность и даже прическу мѣняетъ каждыя двѣ недѣли. Но, кромѣ этого, она старается быть его другомъ, его повѣренной, его помощницей въ дѣлахъ и т. д. Французскій писатель особенно много распространяется о томъ, какъ француженка старается сохранить поэзію въ бракѣ.

Германскій писатель Карлъ Блиндъ отнесся серьезно къ своей задачѣ изобразить идеальную нѣмецкую жену, поэтому написалъ цѣлый историческій очеркъ, въ которомъ можно прослѣдить постепенную эволюцію германской женщины. Восхваляя современную нѣмку, онъ съ негодованіемъ возстаетъ противъ того распространеннаго мнѣнія, что идеалъ нѣмецкой жены—это «Hausfrau»,—хозяйка дома, интересы которой не выходятъ за порогъ ея жилища и кухни. Нѣмецкая женщина способна и ко всякой умственной и общественной дѣятельности, говоритъ онъ, но сдѣлавшись женой и матерью, больше всего, конечно, заботится о томъ, чтобы создать домашнее счастье и воспитать своихъ дѣтей. Но это не мѣшаетъ ей, — насколько это допускается ея поломъ,—интересоваться и принимать участіе во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ интеллектуальному, нравственному и соціальному прогрессу человѣчества.

Самый вѣрный взглядъ на вопросъ, поставленный американскимъ журналомъ, высказалъ скандинавскій писатель Бойейсенъ, написавшій о скандинавской женщинѣ. Онъ говоритъ, что надо различать между идеальнымъ типомъ женщины и идеальнымъ типомъ жены. Идеалъ жены устанавливается мужчинами, которые требуютъ отъ женщины извѣстныхъ качествъ и добродѣтелей, нужныхъ имъ для семейнаго счастья. А эти качества и добродѣтели болѣе или менѣе одинаковы

во всѣхъ странахъ, поэтому, и идеалъ скандинавской жены будетъ такой же, какъ и въ другихъ странахъ, хотя сама по себѣ скандинавская женщина представляетъ много особенностей и также добивается своей самостоятельности и независимости, какъ и женщины во многихъ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Не знаемъ, къ какимъ выводамъ пришелъ американскій журналъ относительно воззрѣній четырехъ вышеназванныхъ писателей на идеалъ жены, но намъ кажется, что всего типичнѣе въ данномъ случаѣ изображеніе идеальной жены, сдѣланное французскимъ писателемъ. Оно, во всякомъ случаѣ, характерно для французскаго общества и его воззрѣній на женщину, главная цѣль которой должна быть—нравиться мужчинѣ, и въ этомъ нельзя не видѣть новой черты нравственнаго вырожденія французскаго буржуазнаго общества.

«Въ то время, какъ я пишу эти строки, длинныя перчатки и вѣеръ нашей служанки лежатъ на кухонномъ шкафу. Она прекрасная служанка и содержитъ кухню очень опрятно, но сегодня вечеромъ она идетъ на балъ въ яхтъ-клубъ. Клубъ этотъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ рабочихъ. Но тамъ она встрѣтится съ дочерьми нашего перваго министра и многими почетными новозеландскими гражданами».

Эти нѣсколько строкъ взяты нами изъ статьи Эдварда Ривса, напечатанной въ «Westminster Review», и описивающей положеніе рабочихъ классовъ въ Новой Зеландіи. По словамъ Эдварда Ривса, Новая Зеландія можетъ быть названа раемъ рабочихъ, и законы ея не имѣютъ себѣ равныхъ нигдѣ въ мірѣ. Цѣль ихъ — облегчить какъ можно болѣе положеніе рабочихъ, покровительствовать мелкой собственности и помѣшать сосредоточенію обширныхъ помѣстій въ однѣхъ рукахъ, будь то отдѣльныя личности или промышленныя общества. Бѣднякъ, рабочій, мелкій фермеръ и ремесленникъ освобождены отъ платежа налоговъ, насколько это возможно. Число рабочихъ часовъ сокращено и, кромѣ того, постоянный рабочій имѣетъ право на полдня свободы и отдыха каждую недѣлю, безъ сокращенія его заработной платы. Правительство заботится о томъ, чтобы въ мастерскихъ и фабрикахъ работа совершалась, по возможности, въ самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ и для этой цѣли учрежденъ за всѣми фабриками и заводами самый строгій надзоръ. Приняты мѣры также къ тому, чтобы рабочіе могли употреблять свое свободное время на расширеніе своихъ познаній и на свое умственное развитіе и, вслѣдствіе этого, интеллектуальный уровень новозеландскихъ рабочихъ гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Часто, слушая ихъ разговоры, можно забыть, что находишься въ средѣ рабочихъ.

Благодаря такому мудрому законодательству, Ново-Зеландія до нѣкоторой степени приблизилась къ соціальному идеалу. Въ ней незамѣтно такого рѣзкаго соціальнаго неравенства; правда, нѣтъ ни одного милліонера, но нѣтъ и страшной бѣдности, которая существуетъ вездѣ. Ривсъ очень подробно излагаетъ сущность рабочаго законодательства Ново-Зеландіи, объясняя въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ этого законодательства тѣ благіе результаты, которые достигнуты Ново-Зеландіей въ сравнительно короткое время. Вслѣдствіе благоразумной предусмотрительности, пониженіе заработной платы, вызванное экономическими условіями, не отразилось дурно на положеніи рабочихъ классовъ, такъ какъ, сообразно съ этимъ, понизились и цѣны на предметы первой необходимости и пищевые припасы. «Жилище рабочаго Новой Зеландіи поражаетъ своею опрят-

ностью,—говоритъ Ривсъ. Вы видите, что онъ заботится о своемъ домѣ и не тратитъ своего заработка въ увеселительныхъ заведеніяхъ. Дѣти его должны быть одѣты не хуже, чѣмъ дѣти другихъ, такъ какъ въ школѣ, куда они ходятъ, они будутъ сидѣть рядомъ съ дѣтьми высшихъ чиновниковъ страны. Воспитаніе, получаемое въ школахъ, также какъ и все ново-зеландское законодательство, основано, главнымъ образомъ, на здравомъ смыслѣ и преслѣдуетъ практическія цѣли. Оно не имѣетъ книжнаго характера, и ученики, главнымъ образомъ, получаютъ въ школѣ такія свѣдѣнія, которыя не только имъ нужны для дальнѣйшаго умственнаго развитія, но могутъ быть полезны и въ практической жизни. Дѣтей стараются практически ознакомить съ полевыми работами, съ лѣсомъ и фермой. Для этого устраиваются постоянныя школьныя экскурсіи за городъ, въ разныя мѣста. Ученики же деревенскихъ школъ привозятся въ городъ, гдѣ имъ показываютъ музеи, библіотеки, типографіи, разныя мастерскія, газовую фабрику, электрическія машины, водопроводъ, и т. п. Все это объясняется имъ свѣдущими людьми. Учениковъ возятъ также на океанскіе пароходы и показываютъ ихъ устройство. Тысячи городскихъ дѣтей видятъ полевыя работы и учатся отличать пшеницу отъ другихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній и во всю жизнь не забываютъ того, чему обучились въ школѣ. Всѣ карьеры одинаково открыты какъ для сына бѣднѣйшаго рабочаго, такъ и для сына богача. Если онъ выказываетъ наклонность къ умственному труду, то можетъ избрать ученую карьеру. Для небогатыхъ имѣются вездѣ стипендіи; въ государственныхъ же техническихъ мастерскихъ и фермахъ онъ можетъ обучиться мастерствамъ и сельскому хозяйству, если питаетъ къ этому склонность. Выйдя изъ школы, юноша, получившій правильное, здоровое воспитаніе, вполнѣ готовъ къ практической дѣятельности и смѣло вступаетъ въ жизнь, не растративъ раньше времени своихъ физическихъ силъ въ борьбѣ со всевозможными лишеніями. Въ школѣ онъ привыкъ къ порядку, къ чистотѣ и опрятности, къ хорошей одеждѣ и столу, къ чистому воздуху и гигіенической обстановкѣ, и будетъ стараться осуществить все это у себя дома. Онъ не разрываетъ общенія со своими бывшими товарищами и встрѣчается съ ними въ различныхъ обществахъ, членомъ которыхъ становится по выходѣ изъ школы. Обществъ такихъ очень много; прежде всего—это рабочіе союзы и изъ нихъ самое вліятельное—«рыцари труда». Затѣмъ идутъ разныя другія ассоціаціи или клубы. Клубъ крикетистовъ, шахматистовъ, яхтъ-клубъ, рѣчной клубъ и т. д. Въ этихъ клубахъ устраиваются вечера, на которыхъ присутствуютъ жены и дочери высшихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ служанками и работницами. Равенство здѣсь возведено въ принципъ, который проводится во всемъ и способствуетъ тому, что рабочій всегда стремится удержаться на должной высотѣ и не ударить лицомъ въ грязь передъ какимъ-нибудь его бывшимъ товарищемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ адвокатомъ или занимающимъ высшую правительственную должность. Той страшной нужды, которая составляетъ постоянную спутницу рабочихъ классовъ во всѣхъ странахъ свѣта, новозеландскій рабочій совсѣмъ не знаетъ, также какъ не знаетъ благотворительной помощи, которой не существуетъ въ Ново-Зеландіи, потому что она не нужна. Здѣсь дамы-благотворительницы совершенно неизвѣстны. Если рабочій случайно останется безъ работы, онъ обращается въ бюро труда, которое и пріискиваетъ ему занятіе. Если же онъ не можетъ пристроиться ни въ

какомъ промышленномъ учрежденіи или мастерской, ему предоставляется возможность найти занятіе на фермахъ, плантаціяхъ, внутри страны и т. д. Наконецъ, онъ можетъ заняться лѣсными роботами или на государственномъ лѣсопильномъ заводѣ. Однимъ словомъ, онъ не можетъ умереть съ голоду и всегда найдетъ способъ прокормить свою семью».

Такова привлекательная картина новозеландскихъ порядковъ, которую рисуетъ Ривсъ. Онъ подкрѣпляетъ ее множествомъ документальныхъ данныхъ и обнаруживаетъ такое основательное знакомство съ страной, что къ его словамъ приходится относиться съ полнымъ довѣріемъ и радоваться, что существуетъ на земномъ шарѣ такое благословенное мѣстечко, гдѣ борьба за существованіе далеко не такъ тяжела.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Поправка. Въ декабрьской книгѣ вкралось нѣсколько существенныхъ опечатокъ, искажающихъ смыслъ. Въ статьѣ г. Ив. Иванова, «Новая французская литература», на стр. 165, восьмая строка снизу — напечатано *измѣнниками*, надо — *изгнанниками* — Въ статьѣ г. А. Б. годъ основанія «Вѣстника Европы» напечатанъ 1807, надо—1802.

ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ

ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ

съ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА.

(LA PHILOSOPHIE ZOOLOGIQUE).

ЭДМОНА ПЕРЬЕ.

Переводъ съ франц. доктора зоологіи **А. М. НИКОЛЬСКАГО** и **К. П. ПЯТНИЦКАГО.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Развитіе идей очень сходно съ развитіемъ живыхъ существъ. Онѣ являются на свѣтъ скромными, еле замѣтными среди идей древнѣйшаго происхожденія, растутъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи со своими предшественницами, порой совершенно стушевываясь, мало - по - малу дифференцируются, достигаютъ извѣстной степени могущества, преобразовываются и умираютъ, породивъ другія идеи, которыя будутъ имѣть такую же участь.

Не одинаковая судьба ожидаетъ, однако, членовъ одной семьи идей; нѣкоторыя угасаютъ, не съигравъ никакой роли, не оказавъ никакого вліянія, не вызвавъ никакого движенія; другія, всецѣло походившія на нихъ сначала, становятся на время властителями человѣческой мысли. Всѣмъ онѣ кажутся тогда знакомыми, каждый воображаетъ, что видѣлъ ихъ въ періодъ младенчества, каждый охотно назвалъ бы себя ихъ отцомъ. Вотъ почему невозможно написать исторію происхожденія идей, которую всѣ признали бы безпристрастной; вотъ почему каждаго человѣка, который думаетъ принести новую идею въ сокровищницу человѣческаго ума, встрѣчаетъ съ протестами толпа, такъ сказать, предшественниковъ, которымъ не доставало только таланта, чтобы вдохнуть въ идею жизнь и этимъ обезпечить ея владычество.

Вотъ почему, работая надъ этой книгой, мы никогда не имѣли намѣренія представить полный обзоръ тѣхъ воззрѣній, къ которымъ привело зоологовъ изученіе животныхъ. Историкъ оставляетъ хроникерамъ мелкіе факты, біографамъ подробныя свѣдѣнія о жизни великихъ людей. Мы также не упомянули о туманныхъ воззрѣніяхъ, неудачныхъ, слабыхъ идеяхъ, не оставившихъ по себѣ никакого потомства, и обратили все наше вниманіе на другія идеи, сильныя и могучія, которыя болѣе или менѣе способствовали основанію современной философіи зоологіи. Мы взяли эти идеи въ тотъ періодъ, когда онѣ уже были прочно установлены, въ моментъ, когда онѣ дали толчокъ человѣческой мысли и вызвали ее къ плодотворной дѣятельности.

*

Мы думаемъ что это единственный способъ написать книгу ясную, точную, полезную и короткую.

Франція, принимала очень дѣятельное участіе въ созданіи зоологической философіи. Немногія страны дали столько ученыхъ, стремившихся къ обобщеніямъ, дѣлавшихъ эти обобщенія съ такою ясностью и такимъ чувствомъ мѣры. Мы взяли на себя пріятную обязанность констатировать это и, смѣемъ надѣяться, выполнили ее съ величайшимъ безпристрастіемъ, какъ по отношенію къ иностраннымъ ученымъ, такъ и по отношенію къ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, доктрины которыхъ намъ пришлось оспаривать.

Говоря о философіи зоологіи до Дарвина, мы должны были, между прочимъ, опредѣлить, въ чемъ воззрѣнія настоящаго времени имѣютъ преимущество надъ предшествующими, изъ которыхъ они большею частью произошли. Мы должны были придерживаться направленія новѣйшей біологіи, равно какъ и цѣли, которую она преслѣдуетъ и метода, которымъ она должна пользоваться, чтобы достигнуть этой цѣли. Надо замѣтить, что едва только теперь наука начинаетъ обладать этимъ методомъ.

Если побѣда ученія о трансформизмѣ готова произвести глубокій переворотъ въ направленіи работъ натуралистовъ, въ ихъ образѣ мыслей, способѣ излагать факты и связывать ихъ между собой, то, во всякомъ случаѣ, переворотъ этотъ далеко еще не совершился. Слишкомъ часто еще обращаются къ старому методу, который нѣкогда физики презрительно называли *методомъ натуралистовъ* и который вызываетъ несоотвѣтствіе основной мысли съ второстепенными, изъ нея вытекающими. При изученіи твореній извѣстнѣйшихъ натуралистовъ невольно поражаетъ рѣзкое отличіе ихъ метода отъ *метода физиковъ*. Различіе это состоитъ не столько въ противоположности между наблюденіемъ и опытомъ, сколько въ постоянномъ стремленіи физиковъ переходить отъ простого къ сложному, отъ слѣдствій къ причинѣ.

Долгое время натуралисты только *сравнивали* наблюдаемыя явленія, между тѣмъ, какъ физики старались *объяснить* ихъ. Объяснить совокупность явленій значитъ найти простѣйшій элементъ общій для нихъ, точно опредѣлить его свойства и показать, что различныя разсматриваемыя явленія представляютъ результатъ различныхъ измѣненій, которымъ подвергается этотъ элементъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ причинъ. Достаточно сказать, что въ зоологіи всякій методъ, принимающій человѣка и позвоночныхъ за исходную точку, отъ которой надо переходить уже къ другимъ организмамъ, не можетъ дать надлежащихъ объясненій. Достаточно

сказать, что попытка понять низшія группы животнаго царства съ помощью выводовъ, полученныхъ при изученіи однихъ позвоночныхъ, равносильна избранію пути, совершенно противоположнаго тому, которому слѣдуютъ въ *экспериментальныхъ наукахъ*. Затрудненія, связанныя съ опредѣленіемъ понятія объ *индивидуумѣ* и *видѣ*, до нѣкоторой степени искусственны въ томъ смыслѣ, что мы ихъ создали сами. Они являются результатомъ воззрѣній, обусловленныхъ исключительнымъ изученіемъ высшихъ животныхъ, воззрѣній, отъ которыхъ мы до сихъ поръ не можемъ отрѣшиться!

Въ настоящее время благодаря усовершенствованію методовъ изслѣдованія, явилась возможность отыскать для живыхъ существъ общіе имъ элементы, состоящіе, въ свою очередь, изъ *протоплазмы*, имѣющей всюду одинаковыя основныя свойства. Явилась возможность установить непрерывную связь между тѣми организмами, которые, состоятъ изъ одного простого элемента и тѣми, которые заключаютъ ихъ милліарды. Теперь эмбріологія указала намъ, что сложнѣйшіе организмы представляютъ результатъ размноженія одного элемента — яйца, и только теперь мы можемъ сказать, что время истинныхъ объясненій въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ физики и химики, уже близко. Въ настоящее время смѣло можно надѣяться, что исторія живыхъ существъ будетъ излагаться въ дидактической формѣ, присущей всѣмъ экспериментальнымъ наукамъ! Мы сдѣлали первый опытъ подобнаго изложенія въ нашей книгѣ «*Les colonies animales et la formation des organismes*». Но для того, чтобы достигнуть такихъ результатовъ, надо твердо помнить и быть всегда увѣреннымъ, что организмы, какъ существа естественныя, должны найти свое объясненіе въ реальной природѣ.

Надо всѣми силами стремиться найти и выяснить причинную связь, существующую между явленіями большей и меньшей сложности и, такимъ образомъ, переходить къ болѣе и менѣе широкимъ обобщеніямъ, при этомъ не слѣдуетъ обращать вниманія на старанія распространенной въ наше время критики показать тщетность всякихъ объясненій,—старанія, опирающіяся на удачно выбранный необъясненный или мало понятный фактъ, который можно противопоставить совокупности фактовъ, точно истолкованныхъ.

Глава I.

Введеніе.

Первоначальныя представленія о мѣстѣ животныхъ въ природѣ.—Миѳологическія и философскія воззрѣнія въ древности.

Во всѣ времена человѣкъ пытался проникнуть въ тайну происхожденія окружающихъ его живыхъ существъ и составить хотя бы самое смутное понятіе объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ нему самому. Съ пробужденіемъ умственной дѣятельности онъ особенно внимательно сталъ присматриваться къ животнымъ, которыя дерзко врывались въ его существованіе. Онъ не могъ объяснить себѣ, откуда взялись эти нѣмыя для него, загадочныя созданія, то поражавшія его чудесными инстинктами, то приводившія въ ужасъ страшной силой, то восхищавшія яркостью красокъ, граціей движеній, изяществомъ формъ. Въ силу этого, мало-по-малу человѣкъ сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на вѣстниковъ невидимыхъ силъ, управляющихъ міромъ и даже, какъ на боговъ. Въ первобытной миѳологіи всѣхъ народовъ животныя играютъ значительную роль. Съ нѣкоторыми изъ нихъ человѣкъ принужденъ былъ вести неустанную борьбу за существованіе и, прежде чѣмъ занять почетное мѣсто въ мірѣ, скромно предложилъ его своимъ соперникамъ. Индусы и многіе дикіе народы до сихъ поръ сохранили къ нимъ эти отношенія.

Въ древніе и средніе вѣка точно также господствуетъ убѣжденіе въ томъ, что животныя находятся въ общеніи со сверхъестественными силами. Воображеніе язычниковъ создаетъ еще болѣе страшныхъ чудовищъ, чѣмъ всѣ, существовавшія въ дѣйствительности. Слава Сфинксовъ, Тритоновъ и Центавровъ надолго сохранилась въ сказкахъ и басняхъ христіанскихъ народовъ. Средніе вѣка, впрочемъ, вообще унаслѣдовали древнее вѣрованіе въ особую тайную силу животныхъ, подобную силѣ волшебницъ. Роджеръ Бэконъ вѣритъ еще тому, что взглядъ василиска смертеленъ, что волкъ можетъ сдѣлать хриплымъ голосъ человѣка, на

котораго посмотритъ раньше, чѣмъ тотъ это замѣтитъ, что тѣнь гіены мѣшаетъ собакамъ лаять. Впрочемъ, тому, кто легко допускаетъ возможность рожденія гуся-казарки изъ желудей одной породы дуба, ничто не должно казаться невѣроятнымъ. Еще болѣе удивительный примѣръ легковѣрія представляютъ росказни Пьера Роммеля, утверждавшаго въ 1680 году, всего двѣсти лѣтъ тому назадъ, что онъ видѣлъ во Фрейбургѣ кошку, находившуюся въ животѣ женщины, и что онъ зналъ женщину, которая произвела на свѣтъ живого гуся.

Чѣмъ смѣшнѣе кажутся намъ теперь подобныя увѣренія, тѣмъ интереснѣе ихъ припомнить, потому что они показываютъ, насколько смутно было еще недавно понятіе о *видѣ* животныхъ, сдѣлавшееся теперь общимъ достояніемъ.

Въ измышленіяхъ подобнаго рода не рѣдко шли еще дальше. Такъ, не только допускали, что животное подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ можетъ дать жизнь другимъ существамъ, совершенно на него не похожимъ, или что оно способно принимать различные образы, подобно оборотню, но полагали еще, что изъ безжизненной матеріи могутъ самопроизвольно формироваться организмы. Лягушки, напримѣръ, могутъ родиться изъ тины пруда; старыя тряпки, запертыя въ сундукѣ съ небольшимъ количествомъ хлѣбныхъ зеренъ, могутъ превращаться въ мышей; глисты— ничто иное, какъ метаморфоза соковъ нашего собственнаго тѣла. Надо замѣтить, что подобное воззрѣніе имѣетъ сторонниковъ даже и въ наше время.

Впрочемъ, самое понятіе о жизни выяснилось не безъ труда, не безъ труда была установлена граница между живымъ и неживымъ. Для древнихъ философовъ жизнь прежде всего движеніе, сила. Все, что движется, разсматривается болѣе или менѣе, какъ живущее.

Ѳалесъ Милетскій называетъ душой всякую причину движенія. Магнитъ имѣетъ душу, какъ человѣкъ; вселенная имѣетъ душу, которая есть Богъ; могутъ существовать души и безъ тѣлъ—демоны. Богъ сотворилъ все, употребляя для творенія единую первичную матерію—воду.

Кромѣ Бога-творца, Анаксимандръ предполагалъ еще существованіе смертныхъ боговъ—это звѣзды.

Анаксименъ считаетъ воздухъ, еще болѣе подвижный, чѣмъ вода, родоначальникомъ всего существующаго. Воздухъ душа міра, онъ—Богъ, онъ сообщаетъ жизнь міру такъ же, какъ душа оживляетъ наше тѣло.

Анаксагоръ признаетъ только одного управляющаго всѣмъ

міромъ Бога, идея котораго у него очень возвышенна. По воззрѣніямъ этого философа, растенія одарены всѣми способностями животныхъ; всѣ живыя существа—дѣти земли и солнца, небесныхъ тѣлъ, которыя Анаксагоръ, слѣдовательно, считаетъ также живыми, но не принимаетъ ихъ за боговъ. Души людей послѣ смерти переходятъ въ тѣла животныхъ.

Такимъ образомъ, большинство философовъ древности имѣетъ очень смутное представленіе объ организованномъ существѣ. Въ природѣ есть причина движенія — это Богъ; все, что движется, имѣетъ жизнь въ себѣ и способно давать ее другимъ. Животныя и растенія, между которыми сходство было уже замѣчено, произошли, по мнѣнію однихъ, изъ воздуха, по мнѣнію другихъ—изъ воды, по мнѣнію третьихъ, наконецъ, являются дѣтьми небесныхъ свѣтилъ.

Въ то же время философы стараются отыскать *общую причину* всего существующаго или совокупность общихъ причинъ. Левкиппъ и Демокритъ предполагаютъ существованіе особой первичной субстанціи—эфира, въ которомъ Анаксагоръ уже видѣлъ причину грома. Различныя превращенія эфира произвели все существующее. По Гераклиту, начало всѣхъ твореній—огонь. Такимъ образомъ, постепенно создается гипотеза четырехъ элементовъ: земли, воды, воздуха и огня, та гипотеза, которая до новѣйшихъ временъ лежитъ въ основѣ всѣхъ научныхъ воззрѣній.

Во всѣхъ этихъ философскихъ ученіяхъ *наблюденію* отводится второстепенное мѣсто. Животныя и растенія разсматриваются нераздѣльно другъ отъ друга. Воображеніе играетъ главную роль во всѣхъ системахъ. Науки, строго говоря, не существуетъ. Вѣрныя наблюденія очень малочисленны и перемѣшаны съ множествомъ басенъ, такъ что на этихъ наблюденіяхъ очень трудно основать какое-либо ученіе. Нѣтъ самой зоологіи и, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о философіи зоологіи.

Однако, нѣкоторыя попытки болѣе точныхъ объясненій заслуживаютъ быть отмѣченными. Такова, напримѣръ, идея Анаксагора, заключающаяся въ томъ, что всѣ тѣла состоятъ изъ частей, подобныхъ одна другой, частей, которыя существовали вѣчно и которыя Богъ только распредѣлилъ извѣстнымъ образомъ. Смѣсь этихъ частей есть то, что называется хаосомъ. Въ этомъ хаосѣ существуютъ частицы костей, внутренностей, мускуловъ, но онѣ такъ малы, что могутъ быть видимы только въ соединеніи съ другими подобными имъ частицами. Въ послѣднемъ случаѣ изъ нихъ образуются кости, внутренности, мускулы животныхъ. По смерти животнаго всѣ составныя части его разрушаются и разлагаются на ихъ невиди-

Θалесъ.

Демокритъ.

Сократъ.

Гераклитъ.

Гиппокритъ.

мые элементы. Эти различные элементы смѣшиваются и становятся впослѣдствіи составными частями какого-нибудь новаго Организма. Такимъ образомъ, животныя и растенія состоятъ изъ постоянныхъ и вѣчныхъ элементовъ, которые временно сгруппировываются для того, чтобы образовать организмы, потомъ распадаются, чтобы войти въ составъ новыхъ организмовъ. Существуетъ нѣкоторое постоянное количество такихъ элементовъ, но они циркулируютъ во вселенной, такъ сказать, вѣчно, переходя изъ одного живого существа въ другое и вступаютъ между собою въ самыя разнообразныя соединенія.

Элементы живыхъ существъ такъ же, какъ элементы всѣхъ другихъ тѣлъ, вѣчны и неразрушимы. Живая матерія, по мнѣнію Анаксагора, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ матеріи мертвой. Это воззрѣніе для насъ тѣмъ болѣе интересно, что оно во многихъ чертахъ сходно съ знаменитымъ ученіемъ предсуществованія зародыша, которое нѣсколько позже было развито Бюффономъ, Жоффруа Сентъ-Илеромъ и наконецъ Дарвиномъ.

Подобную аналогію между ученіями древнихъ философовъ и новѣйшими, появившимися только въ нѣсколько другой формѣ, мы встрѣчаемъ не разъ. Пиѳагоръ, напримѣръ, и пиѳагорейцы на ряду съ числами, управляющими міромъ, допускали существованіе различныхъ противоположныхъ другъ другу началъ, изъ которыхъ произошло все; таковы: конечное и безконечное, нечистое и чистое, единство, двойственность и множество, правая и лѣвая сторона, мужское и женское, покой и движеніе, прямая и кривая линія, свѣтъ и мракъ, добро и зло, Богъ и демонъ, духъ и матерія etc. Въ этомъ своемъ ученіи пиѳагорейцы были предшественниками Шеллинга и натурфилософовъ, которые разсматривали міръ точно также съ точки зрѣнія противоположностей и объясняли, сообразно съ познаніями того времени, конечную причину, связь и слѣдствія этихъ противоположностей. Идея противоположностей заставила Пиѳагора допустить существованіе антиподовъ. Гераклитъ думалъ такъ же, какъ и натурфилософы, что наша душа истекаетъ изъ души вселенной, которая есть Богъ. Демокритъ полагаетъ, что у насъ есть два средства для пріобрѣтенія познанія: «чувства и мысль». Чувства могутъ насъ обманывать, но мысль даетъ намъ только точныя познанія. Гераклитъ и Демокритъ въ наше время были бы причислены къ школѣ идеалистовъ. Между тѣмъ для нихъ, какъ и для новѣйшихъ матеріалистовъ, не существуетъ ничего кромѣ атомовъ и пространства. Наружныя формы, въ которыхъ проявляется внѣшній міръ—результатъ движенія: мы постигаемъ только измѣненія и противоположности, но не реальные предметы.

Хотя всѣ ученія того времени, всѣ попытки объяснить природу вещей совершенно лишены фактической подкладки и представляютъ только продуктъ работы воображенія, но мало-по-малу является сознаніе о необходимости метода наблюденій. Алкмеонъ Кротонскій (въ 520 г. до Р. Х.) разсѣкалъ животныхъ; онъ сравниваетъ бѣлокъ птичьяго яйца съ молокомъ млекопитающихъ, но думаетъ, что козы дышатъ ушами. Анаксагоръ разсматриваетъ мозгъ, какъ вмѣстилище человѣческой мысли, онъ имѣетъ также нѣкоторое представленіе о томъ, какъ питается зародышъ, но предполагаетъ, что куницы родятъ дѣтей черезъ ротъ, и что ибисы и ворóны спариваются посредствомъ клюва. Оба названные философа, и нѣсколько позже ихъ Полибій, занимались изученіемъ развитія зародыша. Достовѣрность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, однако, въ высшей степени сомнительна.

Демокритъ въ познаніи органовъ животныхъ и ихъ функцій сдѣлалъ бóльшіе успѣхи, чѣмъ его предшественники. Гиппократъ занимался преимущественно анатоміей человѣка. Ему удалось опредѣлить симптомы нѣкоторыхъ болѣзней и узнать ихъ теченіе. Тѣмъ не менѣе, искусство наблюдать и искусство разсуждать были еще въ младенческомъ состояніи. Ближайшее знакомство съ философскими ученіями древности вполнѣ подтверждаетъ это. Грубѣйшія заблужденія стоятъ рядомъ съ точными наблюденіями и тормозятъ благороднѣйшія стремленія человѣческаго ума проложить путь въ неизвѣданныя области науки. Такъ какъ наука и философія нераздѣльно связаны между собою, то всякій прогрессъ въ искусствѣ мышленія влечетъ за собою прогрессъ въ искусствѣ пріобрѣтенія познаній. Мало-по-малу во всякаго рода философскихъ умозаключеніяхъ воображеніе играетъ все менѣе значительную роль, все болѣе развивается способность критически относиться къ идеямъ, устанавливать между ними болѣе строгое различіе. Сократъ первый устанавливаетъ точную логическую связь между идеями и совершенствуетъ индуктивный методъ до такой степени, что этому философу можно приписать честь его созданія. Платонъ указываетъ всѣ преимущества метода, ведущаго отъ частнаго къ общему и обнимающаго послѣдовательно цѣлый рядъ все болѣе и болѣе общихъ идей, но онъ прилагаетъ свой методъ исключительно къ отвлеченнымъ идеямъ. Этимъ самымъ Платонъ неизбѣжно вызываетъ реакцію, благодаря которой установилось болѣе строгое согласованіе выводовъ съ фактами. Постепенно приходятъ къ сознанію, что только точно установленные факты порождаютъ идеи, но все же необходимо было вмѣшательство могучаго генія, чтобы заставить философовъ вернуться къ методамъ, основаннымъ на

здравомъ смыслѣ. Такимъ геніемъ, положившимъ основаніе наукамъ и научному методу, былъ Аристотель.

Нѣкоторые критики утверждали, что познанія Аристотеля унаслѣдованы имъ большею частью отъ его предшественниковъ и преимущественно отъ Демокрита; говорили, что знаменитый стагиритъ многое позаимствовалъ у нихъ и помѣстилъ въ своихъ произведеніяхъ, не указавъ даже источниковъ. Всякому, кто пытался сказать что-нибудь новое, постоянно приходилось слышать упреки въ томъ, что все это позаимствовано у Аристотеля или у кого-нибудь другого изъ философовъ. Поэтому обвиненіе въ плагіатѣ того, кого обыкновенно принято называть отцомъ философіи, является довольно интереснымъ. Пользовался ли Аристотель трудами предшественниковъ? Очень возможно и даже вѣроятно; безспорно, онъ обладалъ значительной эрудиціей и извлекалъ изъ этого пользу. Количество фактовъ, сообщаемыхъ имъ въ его книгѣ, замѣтно превышаетъ то, что онъ могъ пріобрѣсть личнымъ опытомъ. Слѣдуетъ ли, благодаря этому, обвинять его въ присвоеніи чужихъ идей? Подобныя инсинуаціи выставляютъ въ очень невыгодномъ свѣтѣ только тѣхъ, кто ихъ высказываетъ. Идея—самое дорогое достояніе человѣка вообще и въ особенности человѣка науки. Вотъ почему такъ восхищаются геніемъ, вотъ почему всякое усиліе ума, приближающееся къ геніальному, возбуждаетъ такую зависть въ средѣ посредственностей; вотъ почему, наконецъ, всякій человѣкъ, обладающій извѣстной идеей и развивающій ее, всегда долженъ быть готовъ на ряду со всевозможными препятствіями встрѣтить обвиненіе въ томъ, что онъ не высказалъ ничего новаго. Въ сущности, для человѣчества имѣетъ очень мало значенія большая или меньшая новизна фактовъ или идей. Все равно, человѣчество не воспользуется ими до тѣхъ поръ,

Платонъ.

пока чей-нибудь великій умъ, постигнувъ ихъ смыслъ и значеніе, не объяснитъ ихъ и не укажетъ: вотъ пріобрѣтенія, которыя сдѣланы, и вотъ польза, которую изъ нихъ можно извлечь! Въ этомъ, по меньшей мѣрѣ, и состоитъ заслуга Аристотеля, который резюмировалъ въ своей книгѣ всѣ познанія древности, во всѣхъ случаяхъ съумѣлъ установить вѣрное различіе между добромъ и зломъ, истиннымъ и ложнымъ, значительно расширилъ границы человѣческихъ знаній, указалъ путь, по которому надо слѣдовать, чтобы съ большей вѣроятностью овладѣть истиной, и завѣщалъ среднимъ вѣкамъ такое богатое научное наслѣдство, что потомству безъ него въ области науки пришлось бы начинать все сначала.

Глава II.

Аристотель.

Первыя понятія объ аналогіи и гомологіи органовъ.—Соотношеніе формъ.—Подраздѣленіе животныхъ.—Идея вида.—Принципъ непрерывности.—Ступени совершенства организаціи.—Возможность превращенія животныхъ формъ.

Такъ много писали объ Аристотелѣ, такъ часто цитировали, комментировали и переводили произведенія этого великаго человѣка, что многіе изъ читателей упрекнутъ насъ, быть можетъ, въ томъ, что мы возвращаемся къ вопросу, совершенно исчерпанному. Между тѣмъ, мы не можемъ уклониться отъ этого вопроса, такъ какъ начало философіи зоологіи относится именно къ временамъ знаменитаго воспитателя Александра Великаго. Онъ одинъ въ древности съумѣлъ соединить постоянное строго-послѣдовательное наблюденіе фактовъ съ умѣніемъ группировать ихъ и дѣлать изъ нихъ общіе выводы. Многія изъ страницъ его «Исторіи животныхъ» могли бы быть подписаны Кювье или Жоффруа Сентъ-Илеромъ. Аристотель развиваетъ даже принципы сравнительной анатоміи въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ эту науку въ настоящее время, что видно изъ первыхъ же страницъ его замѣчательнаго произведенія, откуда мы цитируемъ слѣдующія строки:

«Существуютъ животныя, у которыхъ части тѣла сходны съ соотвѣтствующими частями другихъ, но есть и такія, у которыхъ это сходство отсутствуетъ. Части тѣла могутъ походить другъ на друга по формѣ. Напримѣръ, носъ, глазъ, мясо, кости одного человѣка похожи на носъ, глазъ, мясо, кости другого. То же можно сказать относительно лошадей и другихъ животныхъ, которыя, какъ мы говоримъ, принадлежатъ къ одному виду. Другого сорта сходство

между животными одного рода, которыя отличаются относительнымъ развитіемъ различныхъ частей тѣла: птицы и рыбы представляютъ роды, заключающіе каждый большое количество видовъ».

«Части тѣла животныхъ одного рода вообще отличаются только различными качествами, какъ, напримѣръ, цвѣтомъ и формой».

«Есть другія животныя, о которыхъ нельзя сказать, что части ихъ тѣла одной формы или что онѣ отличаются болѣе или менѣе другъ отъ друга; можно только установить между ними нѣкоторую аналогію: такъ, напримѣръ, перья представляютъ для птицъ то же, что чешуя для рыбъ, и, слѣдовательно, можно сравнивать перья съ чешуей. Такая же аналогія существуетъ между костями рыбъ и костями другихъ животныхъ, между ногтемъ и копытомъ, рукой человѣка и клешней рака. Такимъ образомъ, части, составляющія индивидуумъ разныхъ животныхъ, подобны другъ другу и вмѣстѣ съ тѣмъ различны. Кромѣ того, надо обращать вниманіе на ихъ расположеніе. Случается, что одни и тѣ же органы у разныхъ животныхъ расположены различнымъ образомъ. Напримѣръ, сосцы могутъ находиться на груди или въ паховой области».

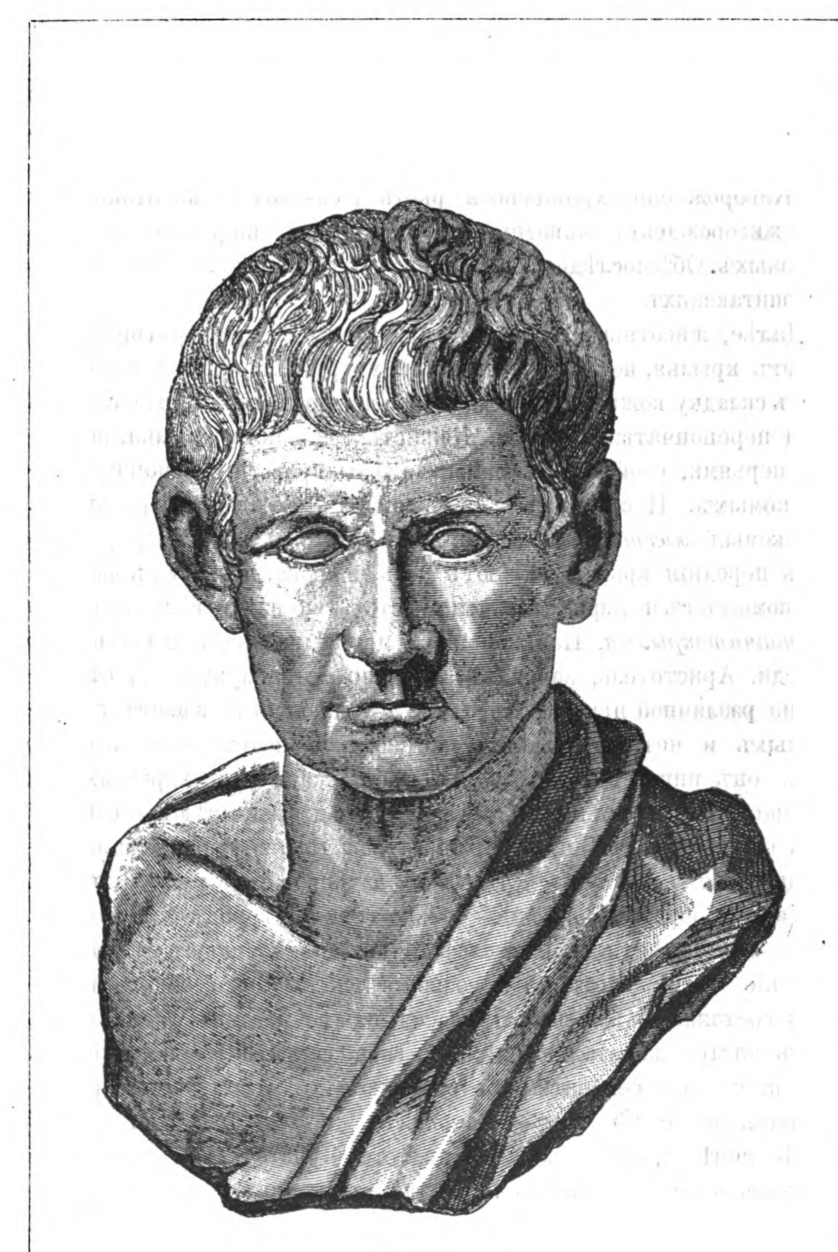
Дальше слѣдуетъ:

«Вообще у животныхъ различныхъ родовъ большинство органовъ имѣетъ неодинаковую форму: одни органы можно сравнивать только по соотвѣтствію и отправленіямъ, по существу же природа ихъ различна; другіе — одного происхожденія, но отличаются формой. Многіе органы имѣются у однихъ животныхъ и отсутствуютъ у другихъ».

Такимъ образомъ, разнаго рода сходство между органами различныхъ животныхъ,—сходство, которому Жоффруа Сентъ-Илеръ и его послѣдователи дали названіе *аналогіи* и *гомологіи*, до нѣкоторой степени было указано и опредѣлено Аристотелемъ. Кромѣ того, знаменитый стагиритъ имѣетъ довольно ясное представленіе о томъ, что впослѣдстіи Кювье назвалъ *соотношеніемъ формъ*. Аристотель установилъ значительное число такихъ соотношеній, которыя съ тѣхъ поръ заняли прочное положеніе въ наукѣ и которыми до настоящаго времени пользуются при опредѣленіи зоологическихъ группъ. Вотъ наиболѣе важныя изъ нихъ.

«Всѣ животныя имѣютъ кровь или жидкость, которая ее замѣняетъ—лимфу. Животныя безъ ногъ, съ двумя или четырьмя ногами имѣютъ кровь *). Всѣ животныя, у которыхъ болѣе четырехъ ногъ, имѣютъ лимфу. Животныя, имѣющія кровь, крупнѣе

*) Это наши позвоночныя. (Необходимой принадлежностью крови Аристотель считалъ красный цвѣтъ. *Перев.*).

Аристотель.

животныхъ, имѣющихъ лимфу, потому что эти послѣднія болѣе подвержены вреднымъ вліяніямъ климата».

«Животныя, покрытыя волосами, китообразныя, хрящевыя рыбы—всѣ живородящія. Только послѣднія изъ числа ихъ имѣютъ жабры; они производятъ яицо сначала внутри себя».

Живорожденіе хрящевыхъ рыбъ (селяхій) рѣзко отличается отъ живорожденія животныхъ, «покрытыхъ шерстью», и китообразныхъ. Обѣ послѣднія группы вмѣстѣ составляютъ нашъ классъ млекопитающихъ.

Далѣе, животныя летающія раздѣлены на три категоріи; одни имѣютъ крылья, покрытыя перьями; у другихъ крылья представляютъ складку кожи—кожистыя крылья и, наконецъ, третьи имѣютъ сухія перепончатыя крылья. Кожистыя крылья и крылья, покрытыя перьями, свойственны животнымъ съ кровью, перепончатыя—насѣкомымъ. Насѣкомыя могутъ имѣть два или четыре крыла. Насѣкомыя *жесткокрылыя* (слово это есть у Аристотеля), у которыхъ переднія крылья играютъ роль покрова, не имѣютъ жала. У насѣкомыхъ съ четырьмя крыльями есть жало сзади тѣла: это наши *перепончатокрылыя*. Насѣкомыя съ двумя крыльями имѣютъ жало спереди. Аристотель, впрочемъ, ни мало не заблуждается относительно различной природы того, что онъ называетъ жаломъ у двухкрылыхъ и четырехкрылыхъ насѣкомыхъ, потому что, говоря о нихъ, онъ пишетъ: «Языкъ замѣняетъ жало у двухкрылыхъ» и замѣчаетъ, что насѣкомыя, имѣющія языкъ, не имѣютъ челюстей какъ бы предугадывая, что языкъ, или то, что мы зовемъ въ настоящее время *хоботомъ*, есть результатъ преобразованія челюстей.

Такимъ образомъ, въ одной только группѣ, группѣ насѣкомыхъ, уже указана цѣлая серія вполнѣ точно опредѣленныхъ отношеній. Строеніе этихъ животныхъ довольно вѣрно схвачено; они представлены состоящими изъ частей, колецъ или сегментовъ. Каждая изъ этихъ частей живетъ, повидимому, своей самостоятельной жизнью. Эти части, или сегменты, представляютъ то, что съ тѣхъ поръ называютъ областями тѣла—*зоонитами*.

Не менѣе проницательнымъ является Аристотель и тогда, когда говоритъ о млекопитающихъ. Поставивъ въ ряду живородящихъ—всѣхъ животныхъ, «покрытыхъ шерстью», онъ, кажется, опасается, чтобы ихъ не смѣшивали съ ящерицами, которыя также имѣютъ четыре ноги, и обращаетъ вниманіе на то, что только животныя, покрытыя шерстью, живородящи. Такимъ образомъ, совершенно ясно отмѣчено различіе между млекопитающими и ящерицами. Кромѣ того, Аристотель поставилъ на видъ сходство этихъ послѣднихъ съ лишенными ногъ змѣями. Еще одно слово и была бы установлена группа рептилій.

Между живородящими четвероногими были указаны другія не менѣе замѣчательныя отношенія. Эти четвероногія могутъ быть снабжены рогами или не имѣютъ ихъ. Всѣ тѣ, у которыхъ зубы представляютъ родъ пилы, не имѣютъ рогъ; не имѣютъ ихъ также и четвероногія, обладающія *бивнями*; у всѣхъ рогатыхъ четвероногихъ нѣтъ рѣзцовъ на верхней челюсти. Всѣ живородящія четвероногія, у которыхъ есть рога, имѣютъ четыре желудка и способны отрыгать жвачку. Эта характеристика отрыгающихъ жвачку животныхъ вполнѣ удовлетворительна. Замѣчательное соотношеніе между присутствіемъ у этихъ животныхъ рогъ и отсутствіемъ клыковъ выражено у Аристотеля довольно точно. Это соотношеніе было объяснено только въ наше время.

Хотя Аристотель зналъ довольно большое количество видовъ, ему, кажется, не приходило на умъ группировать ихъ въ опредѣленномъ порядкѣ, позволяющемъ выразить большую или меньшую степень сходства между ними. Слѣдовательно онъ не сдѣлалъ попытки того, что мы называемъ *классификаціей*. Онъ сравниваетъ всевозможными способами животныхъ между собою и старается свести къ общимъ предположеніямъ результаты этихъ сравненій. Ему удается такимъ образомъ указать методъ естественной группировки, который можетъ быть примѣненъ и въ современной классификаціи, но на ряду съ этимъ сравненія другого порядка приводятъ Аристотеля къ другой, менѣе важной группировкѣ, которая, однако для него имѣетъ, какъ кажется, не меньшее значеніе.

Онъ группируетъ животныхъ на основаніи второстепенныхъ признаковъ, которые могли бы быть также полезными при группировкахъ, если бы Аристотелемъ руководила какая-либо опредѣленная идея систематической іерархіи, если бы сравненія не распространялись на всѣхъ животныхъ, а были сдѣланы только между организмами, представляющими одинаковое анатомическое строеніе, между организмами «одного рода», какъ сказалъ бы самъ философъ.

Дальше Аристотель, покончивъ съ изученіемъ чертъ сходства, занимается исключительно отысканіемъ различій, существующихъ между животными. Этимъ различіямъ, «касающимся ихъ образа жизни, ихъ дѣйствій, характера и частей тѣла», онъ придаетъ при группировкахъ такое же значеніе, какъ и чертамъ сходства.

Такимъ образомъ, Аристотель различаетъ животныхъ водныхъ и наземныхъ, общественныхъ и одиночныхъ, мигрирующихъ и осѣдлыхъ, дневныхъ и ночныхъ, прирученныхъ и дикихъ. Одни и тѣ же животныя могутъ находиться, конечно въ различныхъ категоріяхъ.

И такъ, здѣсь дѣло идетъ вовсе не о естественныхъ группахъ, основанныхъ на чертахъ сходства, которыя можно было бы принять за основаніе. Аристотель не ставитъ себѣ цѣлью научить читателей узнавать различныя породы животныхъ. Его книга скорѣе *сравнительная анатомія и физіологія*, чѣмъ зоологія; онъ отмѣчаетъ только подраздѣленія, неизбѣжныя при его сравненіяхъ. Онъ говоритъ отдѣльно о животныхъ, имѣющихъ кровь, и тѣхъ, которыя ея не имѣютъ, и разбиваетъ эти двѣ главныя группы на второстепенныя, замѣчательно естественныя, изъ которыхъ многія уже имѣли названія въ обыденномъ языкѣ. Эти второстепенныя группы онъ называетъ «большими родами» (γένη μέγιστα τῶν ζώων), сюда принадлежатъ птицы, рыбы, раковины, моллюски (наши головоногія), а также насѣкомыя. Для этихъ послѣднихъ Аристотель изобрѣлъ даже новое слово ἔντομα, что онъ вообще дѣлаетъ очень рѣдко. Обыкновенно, онъ употребляетъ выраженія обыденной рѣчи и, когда не находится соотвѣтствующаго для опредѣляемой группы слова, онъ только ограничивается сожалѣніемъ по этому поводу. Такимъ образомъ онъ отмѣчаетъ отсутствіе общаго названія для моллюсковъ, имѣющихъ раковину, которыхъ онъ обозначаетъ составнымъ словомъ *черепокожія* и для лангустъ, крабовъ и раковъ, соединенныхъ имъ въ одну группу, которой онъ даетъ также составное названіе *мягкораковинныя*. Впрочемъ, эта недостаточность обыкновеннаго языка, видимо, его затрудняетъ. Онъ совершенно ясно представляетъ себѣ и выдѣляетъ «большой родъ» млекопитающихъ, но современники отстаютъ отъ него въ зоологическихъ познаніяхъ и смѣшиваютъ млекопитающихъ съ другими четвероногими, напримѣръ, ящерицами. Слово «четвероногія» не можетъ быть названіемъ естественной группы, потому что есть четвероногія живородящія и яйцеродящія; указавъ такую неточность, Аристотель все же оставляетъ это названіе, не замѣнивъ его другимъ. Онъ замѣчаетъ также, что живородящія четвероногія дѣлятся на естественныя группы, но констатируетъ, что ни одна изъ нихъ не получила названія, за исключеніемъ группы «λοφουροι», соотвѣтствующей нашимъ однокопытнымъ, характеризующимся пучкомъ волосъ на концѣ хвоста,

Какъ кажется, недостатокъ словъ послужилъ Аристотелю главнымъ препятствіемъ къ ясному опредѣленію *вида* въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь, и къ установленію правильной системы зоологическихъ подраздѣленій. Дѣйствительно, въ обыкновенномъ языкѣ есть только два слова для обозначенія различныхъ степеней сходства: εἶδος, что значитъ форма, видъ и γένος,

которое переводятъ словомъ родъ. Роды заключаютъ вообще довольно большое количество видовъ, есть роды *большіе* и *очень большіе*, но виды, заключающіеся въ этихъ родахъ, будучи подраздѣлены на виды низшаго порядка, становятся, въ свою очередь, родами. Впрочемъ, въ томъ случаѣ, когда Аристотель разсматриваетъ *видъ* абсолютно безъ отношенія къ другой, болѣе обширной группѣ, онъ всегда обозначаетъ его словомъ «γένος». Можно себѣ представить, какую путаницу въ нѣсколько сложномъ нагроможденіи подраздѣленій, по существу различныхъ, должно было произвести постоянное употребленіе двухъ словъ, смыслъ которыхъ мѣнялся, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія разсматривалась каждая группа. Несмотря, однако, на то, что Аристотель не могъ ясно опредѣлить понятіе о *видѣ* и обозначить его постояннымъ именемъ, онъ отмѣтилъ существенный признакъ вида, признакъ, который и въ настоящее время можетъ служить критеріемъ и заключается въ способности къ размноженію. Опредѣливъ родъ *однокопытныхъ* (λοφουροι), онъ относитъ туда лошадь, осла, мула и лошака, и прибавляетъ: «Присоедините къ нимъ сирійскихъ полуословъ, которые носятъ это названіе только на основаніи нѣкотораго сходства съ ослами, на самомъ же дѣлѣ представляютъ отдѣльный видъ, такъ какъ могутъ размножаться *). Съ другой стороны, извѣстно также, что Аристотель считалъ животными одного вида только тѣхъ, которые произошли отъ однихъ родителей. И такъ, видъ былъ опредѣленъ на основаніи способности животныхъ размножаться такъ же, какъ мы опредѣляемъ его въ наше время. Къ несчастью, Аристотель не извлекъ всей пользы, которую могъ бы извлечь изъ такого, очевидно, вѣрнаго воззрѣнія. По всей вѣроятности, его смутили ложные разсказы о нравахъ экзотическихъ животныхъ. Онъ допускаетъ, напр., что въ Ливіи виды животныхъ способны болѣе варіировать, чѣмъ въ Греціи, и прибавляетъ: «Въ Ливіи, гдѣ никогда не идетъ дождь, животныя встрѣчаются небольшими группами въ мѣстахъ, гдѣ есть вода. Тамъ самцы спариваются съ самками другихъ видовъ, и эти новыя семейства становятся родоначальниками новыхъ видовъ, если разница въ ростѣ не была слишкомъ значительна у этихъ двухъ индивидуумовъ, и время беременности не слишкомъ отличается по продолжительности у этихъ двухъ видовъ». Дальше онъ вѣритъ преданію, производящему индѣйскую собаку отъ собаки и тигра. Когда дѣло идетъ о животныхъ отдаленыхъ странъ, склонность

*) Полуослы въ смыслѣ помѣси осла съ лошадью не способны размножаться. *Перев.*

*

вѣритъ чудесному, очевидно, затемняетъ въ умѣ Аристотеля идею *вида*, явившуюся результатомъ ежедневныхъ наблюденій. Что же удивительнаго въ томъ, что жизнь идетъ не такъ, какъ въ Греціи, въ этой Ливіи, имѣющей репутацію страны, «которая постоянно производитъ новыхъ чудовищъ». Когда въ Греціи происходитъ нѣчто подобное чудесамъ, совершающимся въ другихъ частяхъ земного шара, Аристотель просто говоритъ, что ихъ принято считать предсказаніями какихъ-либо выдающихся событій.

Познанія Аристотеля о способахъ размноженія животныхъ слишкомъ неполны, чтобы позволить ему какое-либо обобщеніе по отношенію къ виду. Несмотря на точныя наблюденія, во всемъ, что касается низшихъ животныхъ, ему не удается встать выше воззрѣній своего времени. Такъ, напримѣръ, онъ знаетъ о существованіи яицъ у бабочекъ, вшей, мухъ, о яйцевыхъ капсюляхъ багрянокъ и между тѣмъ признаетъ эти яйца не способными превращаться въ животныхъ. Черепокожія, анемоны, губки родятся изъ полусгнившихъ веществъ, образующихъ дно моря, и бываютъ различны, смотря по свойству этого дна; бабочки родятся отъ гусеницъ, а эти послѣднія происходятъ изъ зеленыхъ листьевъ въ лѣсу. Въ экскрементахъ животныхъ и въ другой средѣ зарождаются черви, которые превращаются въ насѣкомыхъ. Не удивительно ли, что, несмотря на правильныя наблюденія надъ превращеніемъ насѣкомыхъ, ихъ спариваніемъ и кладкой яицъ, Аристотель не сдѣлалъ вѣрныхъ выводовъ и что такой терпѣливый наблюдатель могъ еще сомнѣваться относительно истиннаго происхожденія гусеницъ, которыя представляютъ только молодыхъ особей или личинокъ такъ хорошо извѣстныхъ ему животныхъ? Аристотель предполагалъ также, что животныя, обыкновенно, происходящія изъ яицъ, могутъ самопроизвольно зарождаться въ тинѣ нѣкоторыхъ болотъ.

Эти идеи находятся въ полномъ согласіи съ ученіемъ о *непрерывности* творчества природы, непрерывности, которую болѣе или менѣе признавали философы всѣхъ временъ и которую Аристостотель разсматриваетъ, какъ основной законъ.

«Въ природѣ,—говоритъ онъ (кн. VIII)—переходъ отъ предметовъ неодушевленныхъ къ животнымъ совершается мало-по-малу такимъ незамѣтнымъ образомъ, что невозможно провести границы между этими двумя классами. За предметами неодушевленными слѣдуютъ растенія, которыя отличаются другъ отъ друга неравнымъ количествомъ жизни. Въ сравненіи съ неорганическими тѣлами растенія кажутся одаренными жизнью, но они кажутся безжизненными въ сравненіи съ животными. Переходъ отъ растеній къ животнымъ нельзя назвать внезапнымъ и рѣзкимъ; въ

морѣ находятся существа, относительно которыхъ можно сомнѣваться, животныя это или растенія. Они прикрѣплены къ другимъ тѣламъ и многія изъ нихъ, будучи оторваны, погибаютъ. Пинны *), черенки и многія другія черепокожія, асцидіи, анемоны и особенно губки упомянуты въ числѣ этихъ существъ съ двойственной природой—животныхъ по нѣкоторымъ признакамъ, растеній по неподвижности.

Изученіе животныхъ, представляющихъ нѣчто среднее между водными и наземными, приводитъ Аристотеля къ вопросу: чѣмъ, въ сущности, эти животныя отличаются другъ отъ друга? Это даетъ ему поводъ къ философскимъ разсужденіямъ, которыя возбуждаютъ удивленіе и у современныхъ зоологовъ. Животныя водныя ищутъ своей стихіи по разнымъ причинамъ; существуютъ такія, которыя могутъ дышать только въ этой средѣ, такія, которыя дышатъ свободнымъ воздухомъ, но находятъ пищу только въ водѣ и, наконецъ, такія, которымъ нужна вода для того, чтобы дышать, но которыя выходятъ на землю искать пищи.

Аристотель думаетъ, что наземныя животныя могли сдѣлаться водными или обратно, и онъ приписываетъ эти измѣненія въ образѣ жизни какимъ-нибудь случайностямъ, происшедшимъ во время зародышеваго развитія этихъ существъ. Извѣстные натуралисты нашего времени также допускали, что случайныя уродства могутъ обусловить новообразованіе видовъ. Судя по этимъ воззрѣніямъ, Аристотеля можно было-бы считать трансформистомъ, но вопросъ о трансформизмѣ, очевидно, не могъ возникнуть въ ту эпоху, когда еще и не думали о томъ, существуютъ ли виды.

Разсматривая животныхъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, которыя указалъ ему его въ высшей степени философскій умъ, Аристотель попутно высказываетъ еще нѣсколько важныхъ идей, однако, онъ не дѣлаетъ всѣхъ своихъ выводовъ, которыя возможно было сдѣлать, когда наши познанія о животныхъ стали обширнѣе. Жюль Жоффруа находитъ въ идеяхъ Аристотеля какъ бы предвидѣніе закона *раздѣленія физіологическаго труда*, разработаннаго только въ 1827 году Мильнъ-Эдвардсомъ. Въ IV книгѣ «*Части тѣла животныхъ*» Аристотель говоритъ: «Если ничто не мѣшаетъ этому, природа употребляетъ два особыхъ органа для двухъ различныхъ функцій; но, когда это невозможно, она употребляетъ одно и то же орудіе для нѣсколькихъ цѣлей; все же лучше, чтобы одинъ и тотъ же органъ не выполнялъ нѣ-

---

*) Пинны—двустворчатые или пластинчатожаберные моллюски, принадлежащіе къ семейству ракушниковыхъ—(Mytilidae). *Перев.*

скольких функцій». Съ другой стороны, *борьба за существованіе*, которую ведутъ многія животныя, не осталась незамѣченной Аристотелемъ. «Животныя,—говоритъ онъ въ книгѣ IX,—ведутъ войну другъ съ другомъ, когда живутъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и питаются одинаковой пищей. Если пищи нѣтъ въ достаточномъ количествѣ, они дерутся изъ за нея между собою, хотя бы принадлежали къ одному виду». Тѣмъ не менѣе, Аристотель не допускалъ, что результатомъ этой борьбы можетъ явиться истребленіе одной или нѣсколькихъ живущихъ формъ. Наоборотъ, какъ всѣ философы древности, онъ былъ проникнутъ идеей, что міръ неизмѣняемъ и что природа обладаетъ богатствами, дѣлающими невозможнымъ истребленіе одного изъ ея твореній. Впрочемъ, не всѣ животныя ведутъ борьбу между собою, существуютъ и такія, которыя живутъ дружно. Та книга, гдѣ великій философъ описываетъ нравы существъ, которыхъ онъ изучалъ, одна изъ самыхъ блестящихъ книгъ его «Исторіи животныхъ». Онъ является здѣсь терпѣливымъ наблюдателемъ такъ же, какъ раньше, былъ искуснымъ анатомомъ.

Резюмируя обширный трудъ, о которомъ мы сейчасъ говорили въ общихъ чертахъ, мы могли бы съ полной справедливостью назвать его философіей зоологіи. Аристотель собралъ въ немъ факты только для того, чтобы на основаніи ихъ вывести законы, и его проницательный умъ въ высшей степени удачно распознаетъ общія отношенія. Нѣкоторыя изъ этихъ обобщеній окончательно вошли въ науку въ той формулировкѣ, какую далъ имъ Аристотель, другія указаны только вскользь; но что, быть можетъ, всего удивительнѣе, это то, что Аристотель сразу понялъ различныя точки зрѣнія, съ которыхъ можно и должно изучать царство животныхъ. Сравнительная анатомія, физіологія, эмбріологія, нравы животныхъ, ихъ географическое распространеніе, отношенія, существующія между ними — все это составляетъ для него предметъ изученія и его изслѣдованія представляютъ богатѣйшій вкладъ, какой когда-либо былъ сдѣланъ въ сокровищницу человѣческихъ знаній!

Глава III.

Римскій періодъ.

Лукрецій: образованіе первыхъ организмовъ, борьба за существованіе.—Плиній: чудесныя свойства животныхъ; природа и способъ образованія морскихъ чудовищъ; анатомическія понятія.—Эліенъ.—Оппіанъ.—Галенъ: прогрессъ въ области анатоміи; соотношеніе между внѣшней формою животныхъ, ихъ организаціею и ихъ нравами.

Казалось бы, что послѣ Аристотеля наука, поставленная имъ на правильный путь, должна была быстро пойти впередъ. Желательно было бы видѣть, что появленіе великаго человѣка вызвало дивный расцвѣтъ въ ея области. Къ несчастью, политическія смуты, войны и непріятельскія вторженія помѣшали продолжать на востокѣ начатое имъ дѣло. Аристотеля забыли и, по странной ироніи судьбы, когда снова обратились къ его произведеніямъ, это не послужило поводомъ къ возрожденію наукъ, какъ можно было бы ожидать, а наоборотъ, создало препятствіе къ прогрессу. Гигантскій трудъ Аристотеля внушаетъ такое уваженіе, что предъ нимъ преклонялись, часто не стараясь даже понять его. Мнѣнія великаго учителя становятся для потомства догматами, спорятъ о буквальномъ смыслѣ каждой изъ его фразъ, но когда возникаетъ затрудненіе, забываютъ великій примѣръ, преподанный имъ самимъ, и не обращаются за разрѣшеніемъ спорнаго вопроса къ природѣ. Она одна могла бы положить предѣлъ безконечнымъ спорамъ, вызываемымъ различными неясными пунктами, дававшими въ средніе вѣка обильную пищу схоластическимъ разсужденіямъ. Въ эту пору Аристотель является чѣмъ-то въ родѣ языческаго Моисея, слова котораго непреложны, подобно словамъ Священнаго писанія. Нужно было энергичное усиліе, чтобы наука снова пошла своимъ путемъ свободно и независимо.

Римъ могъ бы въ концѣ древняго періода играть роль Греціи и передать Западу отголосокъ блестящихъ филисофскихъ изысканій, произведенныхъ въ этой исключительной странѣ; но Римъ слишкомъ жилъ жизнью форума, былъ слишкомъ занятъ своими завоеваніями и расширеніемъ своихъ границъ, чтобы его философы могли найти свободное время для наблюденій природы. Между тѣмъ, среди нихъ было нѣсколько личностей, обладавшихъ удивительно проницательнымъ умомъ. Таковъ, напримѣръ, Лукрецій. Его дивная поэма полна пророчествъ, неожиданно подтвержденныхъ современной наукой. Для Лукреція земля—мать всѣхъ живыхъ существъ. Какъ всѣ организмы, она имѣла періодъ плодородія, когда произвела бо́льшую часть животныхъ и растеній.

Теперь она мало-по-малу приближается къ періоду относительнаго безплодія. «Сначала земля одѣла холмы свѣжимъ нарядомъ, состоявшимъ только изъ травъ, а поля и зеленѣющіе луга запестрѣли цвѣтами. Потомъ между различными породами деревьевъ началось состязаніе. Каждое дерево стремилось поднять выше въ воздухъ свои вѣтви. Такъ же, какъ члены тѣла четвероногихъ и птицъ вначалѣ покрываются пушкомъ и мягкой шерстью, такъ и молодая земля сначала покрылась травами и кустарниками; позже она создала различными процессами безчисленное множество смертныхъ существъ, потому что животныя не могли упасть съ неба и растенія выйти изъ бездны морской. Оставимъ же землѣ имя матери, котораго она вполнѣ заслуживаетъ, такъ какъ все произошло изъ нѣдръ ея. И теперь еще много живыхъ существъ образуются въ землѣ при содѣйствіи дождей и солнечной теплоты!.. Въ первые вѣка многія породы животныхъ непремѣнно должны были исчезнуть, такъ какъ не были въ состояніи размножаться и занять прочное мѣсто въ природѣ. Поэтому все, что мы видимъ вокругъ себя, уцѣлѣло отъ разрушенія только благодаря хитрости, силѣ или ловкости, полученнымъ отъ рожденія. Многія полезныя намъ животныя продолжаютъ существовать только подъ нашей охраной; свирѣпая порода львовъ и другіе виды дикихъ животныхъ защищены силой, лисица—хитростью, олень—быстротой бѣга. Наши вѣрные стражи—собаки, всѣ породы вьючныхъ животныхъ, доставляющія намъ шерсть стада и рогатый скотъ были поручены покровительству людей! Но зачѣмъ было бы намъ оказывать покровительство безполезнымъ животнымъ, которыхъ природа не одарила качествами, необходимыми для того, чтобы вести независимое существованіе. По волѣ рока, существа эти представляли добычу своихъ враговъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не исчезли съ лица земли. Не представляетъ ли этотъ отрывокъ блестяще изложенное ученіе о *борьбѣ за существованіе*, о вымираніи видовъ, недостаточно одаренныхъ, и объ *естественномъ подборѣ*, который является слѣдствіемъ всего этого. Лукрецій вѣрилъ въ естественное твореніе живыхъ существъ; онъ думалъ, что простѣйшія явились первыми, что всѣ несовершенныя должны были исчезнуть, что новыя существа появлялись безпрерывно. Не удивительно ли, что онъ остановился на этомъ пути и не подумалъ произвести изъ простѣйшихъ видовъ первыхъ временъ болѣе сложные, послѣдовавшіе за ними? Но поэтъ не зналъ истинной природы ископаемыхъ; онъ не представлялъ себѣ ясно дѣятельности этого фактора разрушенія—борьбы за существованіе; онъ думалъ, что результаты этой дѣятельности должны были обна-

ружиться быстро и выразиться, главнымъ образомъ, въ истребленіи чудовищъ, произведенныхъ землею при чрезмѣрномъ плодородіи во времена ея юности,—чудовищъ, почти тотчасъ же исчезнувшихъ, чудовищъ, которыхъ земля не могла уже произвести въ наши дни.

Хотя онъ и употребляетъ для обозначенія серіи видовъ термины, выражающіе непрерывный рядъ существъ, каковы, напримѣръ, слова *corda* и *saecla*, но ему совсѣмъ не кажется необходимымъ существованіе какого бы то ни было промежуточнаго звена между общей матерью и ея первыми дѣтьми. Вообще, нынѣ существующія формы онъ считаетъ постоянными и, въ противуположность Аристотелю, не предвидитъ ихъ способности варіировать. Лукрецій не вдается, впрочемъ, въ фактическія подробности. Совершенно иначе поступаетъ Плиній, котораго обыкновенно считаютъ величайшимъ натуралистомъ древности послѣ Аристотеля. Первые философы всѣми силами старались создать систему, объясняющую все живущее. Пользуясь выраженіемъ, которое Бюффонъ примѣнялъ къ самому себѣ, мы можемъ сказать, что Аристотель собиралъ факты для того, чтобы дѣлать изъ нихъ выводы, а Плиній ограничивался только собираніемъ ихъ. Онъ беретъ факты изъ всевозможныхъ источниковъ, за исключеніемъ развѣ самой природы, и даетъ, такимъ образомъ, обширную компиляцію, гдѣ всѣ басни миѳологическаго періода и его времени почти безъ всякой критики перемѣшаны съ вѣрными наблюденіями его предшественниковъ. Мысль, что животныя состоятъ въ самой тѣсной связи съ тайными силами природы, встрѣчается на каждой страницѣ его «*Естественной Исторіи*». Животныя знаютъ, по мнѣнію Плинія, массу медикаментовъ, умѣютъ наблюдать небо, предсказываютъ вѣтры, дожди, бури и всевозможныя обстоятельства; когда дому угрожаетъ разрушеніе, крысы уходятъ изъ него, и пауки падаютъ на полъ со своей паутиною. Птицы предвѣщаютъ мельчайшія событія человѣческой жизни, лисица для фракійцевъ превосходный совѣтникъ, гіена—истинный волшебникъ, мясо медвѣдя продолжаетъ расти и послѣ варки; существуютъ лошади, которыя могутъ быть оплодотворены вѣтромъ. Послѣднее обстоятельство ни-

Плиній Старшій.

сколько не удивительно для Плинія, такъ какъ онъ предполагаетъ, что всевозможные зародыши падаютъ съ неба; въ этомъ онъ видитъ объясненіе и того, что въ морѣ находится пища для исполинскихъ морскихъ животныхъ и удивительныхъ чудовищъ. Зародыши накопляются въ его безднахъ и даютъ обильную пищу обитателямъ его водъ; перемѣшиваясь между собою различными способами, безъ всякаго порядка, эти зародыши производятъ существа, которыя имѣютъ сходство съ животными или съ неодушевленными предметами, находящимися на землѣ, или представляютъ самыя странныя сочетанія, такъ, наприм., ничтожные по размѣрамъ морскіе коньки обладаютъ головой, похожей на лошадиную. На ряду съ этимъ страннымъ ученіемъ высказываются очень вѣрныя замѣчанія. Многіе авторы не признавали у рыбъ способности дышать, такъ какъ у нихъ нѣтъ легкихъ. «Не скрываю,—говоритъ, между тѣмъ, Плиній,—что я не могу раздѣлять этого мнѣнія, потому что нѣкоторыя животныя по волѣ природы могутъ имѣть, вмѣсто легкихъ, другіе органы дыханія, подобно тому, какъ у многихъ животныхъ особая жидкость замѣняетъ кровь. Для кого же, впрочемъ, покажется удивительнымъ, что вдыхаемый воздухъ проникаетъ въ воду, когда часто приходится видѣть, что онъ выходитъ изъ воды». Не однѣ рыбы изъ числа морскихъ животныхъ останавливаютъ вниманіе Плинія; онъ описываетъ также спрутовъ и различныхъ моллюсокъ, подтверждаетъ комменсализмъ ракушекъ и крабовъ, уже отмѣченный Аристотелемъ, и ставитъ себѣ вопросъ, не обладаютъ ли морскія крапивы или медузы и губки свойствами растеній и животныхъ вмѣстѣ. Менѣе проницательный, чѣмъ Аристотель, Плиній относитъ кита къ рыбамъ и летучихъ мышей къ птицамъ, обнаруживая такимъ образомъ, что его поражаетъ не столько сходство и различіе въ строеніи тѣла животныхъ, сколько аналогія и различіе въ ихъ образѣ жизни.

Насѣкомыя, описанныя Плиніемъ, довольно многочисленны, причемъ пчеламъ отводится почетное мѣсто. Дальше слѣдуютъ осы, шмели, пауки, скорпіоны, жуки, или жесткокрылыя Аристотеля, саранча, муравьи и среди всѣхъ этихъ суставчатыхъ животныхъ гекконы, принадлежащія къ рептиліямъ. Конечно, Плиній допускаетъ самопроизвольное зарожденіе многихъ изъ этихъ животныхъ: капли росы, сгущаясь на капустныхъ листахъ въ капельку, величиною съ просяное зерно, производятъ гусеницу, которая дѣлается куколкой и затѣмъ бабочкой; моль родится изъ пыли, мухи, пиралисы *) рождаются изъ огня.

*) Мелкія бабочки.

Обычай приносить жертвы съ тѣмъ, чтобы по внутренностямъ животныхъ дѣлать предсказанія, далъ римлянамъ довольно точныя познанія объ организаціи животныхъ. Плиній посвящаетъ значительную часть своей «*Исторіи животныхъ*», описанію главнѣйшихъ внутренностей и указываетъ въ то же время на ихъ отправленія. О нѣкоторыхъ вещахъ въ области физіологіи онъ даетъ довольно точныя понятія, но они перемѣшаны съ множествомъ басенъ. По поводу предсказаній по внутренностямъ онъ говоритъ, что существуютъ птицы съ двумя сердцами и совершенно безъ сердца, что у крысъ число долей печени варіируетъ, но всегда равно числу лунныхъ дней. Во всемъ, что не касается внутренностей, анатомическія познанія его крайне скудны; вены, артеріи, нервы, сухожилія хотя въ общемъ и различаются, но ихъ постоянно смѣшиваютъ, и Плиній ничего не знаетъ объ ихъ функціяхъ: птицы, по его мнѣнію, не имѣютъ ни венъ, ни артерій, ногти представляютъ окончанія нервовъ etc.

Несмотря на всѣ эти неточности, встрѣчающіяся въ его трудахъ, Плиній—единственный римскій писатель, которому можно до нѣкоторой степени дать названіе натуралиста. Эліенъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ, является простымъ компиляторомъ. Если въ произведеніяхъ Оппіана и можно найти указанія на то, что римляне обладали нѣкоторыми интересными свѣдѣніями о нравахъ животныхъ, то названіе этихъ трудовъ: «*Kynegetika*» и «*Halieutika*» *), достаточно говорятъ о цѣли, съ которой они были написаны.

Въ періодъ, предшествовавшій окончательному паденію римской имперіи, выдѣляется единственная крупная личность—Галенъ (131—200 по Р. Х.). Галенъ по преимуществу врачъ, но онъ обнаруживаетъ замѣчательный философскій умъ; онъ даетъ настоящую программу научнаго образованія и осуществляетъ ее, написавъ цѣлую серію трактатовъ, которые ведутъ постепенно отъ искусства говорить къ искусству разсуждать и, наконецъ, врачевать. Онъ усиленно рекомендуетъ тѣсно связывать наблюденія съ разсужденіемъ, давая самъ примѣръ неустаннаго, добросовѣстнаго наблюденія. Не имѣя возможности вскрывать трупы людей, онъ занимается изученіемъ обезьянъ, а именно, безхвостой мартышки. Онъ указываетъ своимъ ученикамъ средство, не подвергаясь преслѣдованіямъ закона, изучать скелетъ, которому онъ первый даетъ это названіе. Онъ совѣтуетъ дѣлать розыски въ старыхъ, разрушенныхъ гробницахъ, въ долинахъ, гдѣ можно найти засохшіе трупы разбойниковъ и, наконецъ, ѣхать въ Александрію, гдѣ дозволено пользо-

---

*) Kynegetika—трактатъ объ охотѣ, Halieutika—о рыбной ловлѣ. *Перев.*

ваться скелетами для научныхъ цѣлей. Онъ предлагаетъ послѣдовательно изучать кости, мускулы, артеріи, вены, нервы и, наконецъ, внутренности. Ему первому мы обязаны установленіемъ различія между сухожиліями и нервами, указаніемъ на то, что всѣ нервы исходятъ изъ головного или спинного мозга; онъ первый опредѣлилъ ихъ функціи непосредственнымъ опытомъ. Въ существованіи нервовъ онъ видитъ характерное отличіе животныхъ отъ растеній; онъ знаетъ, что артеріи и вены заключаютъ кровь, даетъ объ отправленіи органовъ такія свѣдѣнія, которыя составляютъ несомнѣнный прогрессъ въ области анатоміи. Необходимость изучать различныхъ животныхъ въ силу того, что методическое разсѣченіе человѣческихъ труповъ было невозможно, приводитъ его къ интереснымъ сравненіямъ, онъ констатируетъ даже у всѣхъ изучаемыхъ имъ существъ замѣчательное однообразіе въ строеніи. «То, что мы скажемъ здѣсь,—говоритъ онъ по поводу органовъ питанія,—покажется невѣроятнымъ, но когда вы изучите предметъ, вы не будете больше сомнѣваться въ справедливости моихъ словъ. Вы будете удивлены тѣмъ, какъ ясно доказываетъ строеніе этихъ частей, что единый художникъ сотворилъ всѣхъ животныхъ, что, кромѣ того, онъ желалъ, чтобы всѣ органы соотвѣтствовали ихъ назначенію». Такимъ образомъ, и Галенъ видитъ единство въ разнообразіи. Вполнѣ естественно, что Галенъ—сторонникъ ученія о конечныхъ причинахъ, но изъ подмѣченнаго отношенія между органомъ и его функціею онъ сдѣлалъ выводъ, что существуетъ также отношеніе между внѣшней формой и внутренней организаціей, между нравами животныхъ и ихъ строеніемъ. «Части тѣла, выполняющія сходную функцію и имѣющія одинаковую внѣшнюю форму, должны представлять одинаковое внутреннее строеніе; равнымъ образомъ, животныя, совершающія одинаковые поступки и имѣющія одинаковую внѣшность, должны обладать одинаковою организаціею. Въ самомъ дѣлѣ, природа дала каждому животному тѣло, соотвѣтствующее его душевнымъ способностямъ; поэтому каждое животное съ самаго рожденія пользуется своими органами такъ хорошо, точно оно было научено этому раньше. Я никогда не вскрывалъ мелкихъ животныхъ: муравьевъ, комаровъ, блохъ, но мнѣ приходилось работать надъ ласками и крысами, которыя влачатъ брюхо по землѣ, надъ змѣями, которыя ползаютъ, и, кромѣ того, надъ большимъ количествомъ видовъ птицъ и рыбъ. Такимъ образомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что ихъ создалъ одинъ высшій умъ и что тѣла ихъ находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ нравами. Путемъ подобнаго изученія достигается возможность угадать внутреннее строеніе наблюдаемаго въ

ПОДЪ ИГОМЪ.

РОМАНЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ БОЛГАРЪ НАКАНУНѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

ИВАНА ВАЗОВА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ БОЛГАРСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Иванъ Вазовъ, популярнѣйшій современный болгарскій поэтъ и беллетристъ, родился въ 1850 г., въ с. Сопотѣ, въ Тракіи, у подножья Старой-Планины (Старой-Горы). Первоначальное свое образованіе Вазовъ получилъ въ мѣстномъ училищѣ, а затѣмъ въ Колоферѣ, у учителя Ботя, отца Христо Ботева—другого любимаго болгарскаго поэта, погибшаго въ Балканахъ, при столкновеніи съ турками. По окончаніи Колоферскаго училища, Вазовъ перешелъ въ Филиппопольскую гимназію, которой и закончилась формальная сторона его образованія. Въ то время болгарская литература состояла изъ нѣсколькихъ учебниковъ и политическихъ брошюръ, не имѣвшихъ никакого литературнаго достоинства. Какъ всѣ остальные болгары, выдвинувшіеся въ новой Болгаріи, Вазовъ былъ принужденъ черпать свои познанія и вырабатывать міросозерцаніе по чужимъ источникамъ. Онъ засѣлъ за изученіе русскаго и французскаго языковъ. Ознакомившись съ европейской литературой, въ особенности съ русской, Вазовъ печатаетъ свои первые поэтическіе опыты сначала въ журналѣ «Читалище», затѣмъ въ «Періодическомъ Списаніи». До 24-хъ-лѣтняго возраста Вазовъ скитается съ мѣста на мѣсто, тщетно ища себѣ работы по душѣ. Въ 1875 г. онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ возстанію 1876 г., и, послѣ несчастнаго исхода этого возстанія (которое и составляетъ сюжетъ предлагаемаго читателямъ романа «Подъ игомъ»), Вазовъ долженъ былъ эмигрировать въ Румынію, чтобы спастись отъ преслѣдованій турецкихъ властей. Въ Бухарестѣ онъ сталъ однимъ изъ членовъ тамошняго революціоннаго комитета. Три послѣдующихъ бурныхъ въ Болгаріи года видѣли полное развитіе таланта Вазова: тогда были обнародованы его первые три сборника стихотвореній—«Знамя и гусли», «Тоска Болгаріи» и «Избавленіе», вдохновенные страстнымъ патріотизмомъ. Въ «Избавленіи» Вазовъ воспѣваетъ Царя-Освободителя и подвиги русскаго войска.

Онъ вернулся въ Болгарію въ 1878 г., но нашелъ Сопотъ раззореннымъ и отца погибшимъ отъ руки башибузуковъ. Впечатлѣніе ужаса, произведенное на него видомъ окровавленной родины, отразилось въ послѣднихъ главахъ «Подъ Игомъ». Въ этомъ же году Вазовъ поступилъ на государственную службу, а въ 1880 г. его избираютъ въ депутаты въ восточно-румелійское народное собраніе. Поселившись въ Филиппополѣ, Вазовъ ревностно при-

*

нимается за литературную дѣятельность. Онъ печатаетъ цѣлый рядъ повѣстей, разсказовъ, поэмъ, и редактируетъ журналъ.

Послѣ переворота 9 августа (изгнанія Александра Баттенбергскаго), Вазовъ снова вынужденъ былъ эмигрировать, сначала въ Константинополь, затѣмъ въ Одессу. Здѣсь онъ и написалъ свой романъ «Подъ игомъ». Черезъ два года онъ вернулся въ Болгарію и теперь состоитъ редакторомъ чисто-литературнаго журнала «Денница». Романъ «Подъ игомъ» переведенъ на англійскій языкъ, и, какъ намъ извѣстно, въ настоящее время подготовляется изданіе его на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Относительно романа «Подъ игомъ», изображающаго эпоху кануна освобожденія Болгаріи, мы замѣтимъ только, что это первый и единственный опытъ оригинальнаго изображенія болгарской жизни.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о дьяконѣ Левскомъ, имя котораго такъ часто упоминается въ романѣ.

Левскій является личностью, имѣвшей наибольшее вліяніе на ходъ болгарской революціи. До 1870 г., когда Левскій бѣжалъ изъ монастыря, революціонныя силы и энергія Болгаріи затрачивались совершенно безплодно. Наиболѣе отважныя и мятежныя болгары, хайдутины (гайдуки), собирались въ дружины («четы»), уходили въ горы и оттуда нападали на турокъ, грабили ихъ и убивали, пока, въ свою очередь, не были избиваемы турецкими войсками и жителями. Дьяконъ Левскій понялъ, что такая безсистемная борьба ничего, кромѣ постояннаго истребленія лучшихъ болгарскихъ силъ, дать не можетъ: онъ понялъ, что только возстаніе всего народа можетъ уничтожить ненавистное иго, и принялся съ необыкновенной энергіей подготовлять это возстаніе. Болгарія была раздѣлена на нѣсколько округовъ, и въ каждый округъ поѣхало по одному и по нѣсколько революціонеровъ, носившихъ названіе «апостоловъ». Поселившись въ своемъ округѣ, апостолъ агитировалъ возстаніе, устраивалъ въ каждомъ селѣ и городѣ революціонные комитеты, заготовлялось оружіе, молодежь обучалась стрѣльбѣ, формировались революціонныя войска. Левскій былъ пойманъ турецкими властями и казненъ въ 1873 г. Но послѣ него апостолы еще ревностнѣе подготовляли возстаніе. Ихъ центральный комитетъ находился въ Румыніи, въ Бухарестѣ. Между апостолами того времени выдавался Стамбуловъ, ставшій впослѣдствіи фактическимъ властелиномъ Болгаріи.

Отдѣльныя возстанія, вспыхивавшія до 1876 г., кончались неудачно; но героическая борьба «апостоловъ» и безчеловѣчная репрессія турокъ, слѣдовавшая за каждой попыткой возстанія, привлекли вниманіе Европы и вызвали вмѣшательство Россіи, освободившее Болгарію.

I.

Гость.

Въ прохладный майскій вечеръ чорбаджи *) Марко, съ непокрытой головой, въ халатѣ, сидѣлъ со своими домочадцами за ужиномъ во дворѣ.

Хозяйскій ужинъ, по обыкновенію, былъ накрытъ подъ большой вьющейся виноградною лозою, между быстрымъ холоднымъ ручейкомъ, который, какъ ласточка, и днемъ и ночью напѣвалъ свою веселую пѣсенку, и высокимъ, вѣтвистымъ, вѣчно зеленымъ буковымъ деревомъ, темнѣющимъ подлѣ каменнаго забора. На одной изъ вѣтокъ сирени, привѣтливо наклонявшей кисти своихъ душистыхъ цвѣтовъ надъ головами членовъ семейства хаджи **) Марка, былъ подвѣшенъ фонарь, освѣщавшій всѣхъ домочадцевъ.

Цѣлый рой дѣтей, большихъ и малыхъ, кишѣлъ за столомъ по обѣ стороны Марка, его старой матери и жены; вооруженныя ножами и вилками, дѣти мгновенно опустошали всѣ подаваемыя блюда.

Отецъ время отъ времени бросалъ добродушные взгляды на запыхавшихся, острозубыхъ тружениковъ, съ несокрушимыми жерновами, улыбался и весело приговаривалъ: «Ѣшьте, дѣтки, да повыростайте! Пена, налей-ка еще чашу». И служанка шла къ ручейку, въ которомъ стыло доброе «руйно вино», наливала и опять приносила глубокую фарфоровую чашу, полную до краевъ. Бай *) Марко подносилъ ее дѣтямъ, благодушно приговаривая:

— Пейте же, шельмецы!

И чаша обходила кругомъ стола. Глаза у дѣтей послѣ этого разгорались, щеки рдѣли, они съ наслажденіемъ облизывали губы. Тутъ Марко обращался къ женѣ, которая хмурила неодобрительно брови, и строго говорилъ ей:

— Пусть пьютъ при мнѣ, чтобъ не привыкли набрасываться на вино; я не хочу, чтобъ изъ нихъ, когда выростутъ, вышли пьяницы!

Марко имѣлъ свой практическій взглядъ на воспитаніе. Человѣкъ старозавѣтный, малообразованный, онъ природнымъ здравымъ смысломъ отлично понималъ человѣческую натуру и зналъ, что запретный плодъ всегда болѣе сладокъ и обаятеленъ. Поэтому, чтобъ удержать дѣтей отъ наклонности къ воровству, онъ часто довѣрялъ имъ ключи отъ своего сундука съ деньгами.

— Гочо! сходи, отомкни пихтовый сундукъ и принеси мнѣ оттуда кошелекъ съ мелочью, — приказывалъ онъ сыну; или:—возьми-ка, сынокъ, ключь, отсчитай мнѣ 20 червонцевъ

---

*) «Чорбаджи» — состоятельный, богатый человѣкъ.

**) Всѣхъ, побывавшихъ на поклоненіи гробу Господню или Аѳонскимъ святынямъ, зовутъ на Востокѣ «хаджей», «хаджійка» (женщина).

*) «Бай», «бате», «бае», «баго»—старшій братъ, всегда употребляется въ обращеніи младшаго къ старшимъ.

и не забудь дать мнѣ, когда я вернусь.—И уходилъ самъ на цѣлый день изъ дому.

Вопреки обычаю большинства отцовъ того времени, заставлявшихъ своихъ дѣтей стоять, пока взрослые обѣдаютъ, чтобы пріучить ихъ такимъ образомъ къ почтительности къ старшимъ, Марко своихъ дѣтей всегда сажалъ съ собою за столъ. Отъ этого правила онъ не отступалъ и при гостяхъ.

— Пусть учатся приличному обхожденію, — объяснялъ онъ, — чтобы не были такими дикарями, какъ Анко Распопче.

Анко Распопче сгоралъ со стыда, какъ только сталкивался съ человѣкомъ въ черныхъ, суконныхъ брюкахъ.

Марко, вѣчно занятый торговыми дѣлами, только за столомъ и видѣлъ своихъ домочадцевъ, собранныхъ воедино, а потому только тутъ и занимался воспитаніемъ на свой, довольно оригинальный, манеръ.

— Димитрій, не наваливайся передъ бабушкой на столъ, не будь такимъ фармазономъ.

— Илья, не держи ножъ, какъ мясникъ, не коли, а рѣжь хлѣбъ по человѣчески.

— Гочо! Опять разстегнулся, какъ ахіевскій турокъ *). Да не забывай снимать фесъ, когда садишься за столъ. У тебя волосы отросли, какъ у тутраканца, сходи къ Гинкѣ, остригись, да по казачьи!

— Аврамъ! Ты встаешь изъ-за стола, не перекрестившись. Протестантъ!—Но это только, когда Марко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, за столомъ велись подобнаго рода бесѣды; если же онъ былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ,—обѣдъ проходилъ въ глубокомъ молчаніи.

Глубоко набожный и благочестивый, Марко употреблялъ много стараній, чтобъ вдохнуть и дѣтямъ религіозное чувство. Всякій вечеръ старшіе члены семьи были обязаны присутствовать при чтеніи вечернихъ молитвъ передъ домашнимъ кіотомъ. Настанетъ воскресенье, праздникъ,—всѣ до единаго должны были идти въ церковь. Это былъ законъ непреложный, его нарушеніе вызывало бурныя сцены. Какъ-то, въ одинъ изъ великихъ постовъ, онъ велѣлъ Киру идти исповѣдываться, такъ какъ на другой день онъ долженъ былъ пріобщиться. Киръ вернулся изъ церкви подозрительно скоро: онъ даже и не понюхалъ священника.

— Исповѣдывался? — недовѣрчиво спросилъ отецъ.

— Исповѣдывался, — отвѣтилъ сынъ.

— У какого попа?

Киръ смутился, однако, самоувѣренно отвѣтилъ:

— У попа Ени,—и совралъ, потому что попъ Еня былъ еще молодой попъ и не исповѣдывалъ (въ Болгаріи молодые священники не исповѣдуютъ).

Марко сразу догадался, что тотъ вретъ, съ гнѣвомъ вскочилъ, схватилъ сына за ухо и выволокъ его такимъ образомъ на улицу. Потомъ дошелъ съ нимъ до самой церкви, гдѣ и передалъ его исповѣднику, попу Ставри, со словами: «Отче духовниче, исповѣдуйте этого осла!» И, сѣвъ въ сторонѣ на скамейку, ждалъ до самаго конца исповѣди.

Еще строже относился Марко къ тѣмъ, которые бросали учиться. Самъ ничему не учившись, онъ любилъ ученыхъ и ученіе. Онъ былъ одинъ изъ того множества народолюбцевъ, страстныхъ ревнителей новаго умственнаго движенія, стараніями которыхъ въ самое короткое время вся Болгарія была усѣяна училищами. Марко имѣлъ смутное понятіе о благахъ, которыя могли бы принести знанія народу, состоящему изъ земле-

*) Ахіево—деревня возлѣ города Карлово.

дѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Онъ съ грустью замѣчалъ, какъ мало жизнь заботилась о тѣхъ, которые кончали училища, какъ не давала имъ ни занятій, ни хлѣба. Но онъ чувствовалъ, понималъ сердцемъ, что въ ученіи сокрыта какая-то невѣдомая таинственная сила, которая рано или поздно перевернетъ весь міръ. Онъ вѣрилъ въ науку, какъ вѣрилъ въ Бога, безъ разсужденій. Поэтому и старался всегда быть ей полезнымъ, насколько позволяли ему силы. У него было одно честолюбіе: быть избраннымъ въ училищные попечители. И его всегда избирали, такъ какъ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и почетомъ. На этой скромной общественной должности Марко не щадилъ ни трудовъ, ни времени и всегда избѣгалъ всякихъ другихъ, часто сопряженныхъ съ властью и выгодами, должностей, въ особенности, въ конакѣ *).

Когда убрали столъ, Марко всталъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго, даже исполинскаго роста, немного согнувшійся, но все еще стройный. Румяное его лицо, загорѣлое и загрубѣлое отъ солнца и вѣтровъ въ частыхъ путешествіяхъ по полямъ и ярмаркамъ, было серьезно, почти холодно, даже когда онъ улыбался. Густыя, нависшія надъ сѣрыми глазами, брови еще болѣе усиливали строгость выраженія лица. Но неуловимое добродушіе, искренность и честность, разлитыя во всѣхъ его чертахъ, дѣлали ихъ крайне симпатичными, и вызывали къ нему невольное уваженіе.

Марко присѣлъ на покрытый краснымъ мохнатымъ коврикомъ диванчикъ, прятавшійся между кудрявыхъ буксовъ, и закурилъ трубку. Домочадцы свободно расположились на другомъ коврѣ, подлѣ шумящаго ручейка. Служанка принесла кофе.

Въ описываемый вечеръ Марко былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за играми своихъ наѣвшихся краснощекихъ ребятъ, оглашавшихъ воздухъ звонкимъ смѣхомъ. Всякую минуту дѣти образовывали живописную группу, откуда съ шумомъ вырывались громкіе крики, сердитые возгласы, сдавленное хихиканье: они походили на стаю птичекъ, разыгравшихся въ вѣткахъ дерева. Но эта невинно-веселая игра постепенно приняла болѣе воинственный характеръ: руки заработали живѣе, кое-кто пустилъ въ ходъ кулаки, послышались угрожающіе крики... и вокругъ поднялся невообразимый шумъ и гамъ: концертъ птичекъ превратился въ сраженіе. Побѣдители и побѣжденные, — всѣ бросились къ отцу, кто съ жалобой, кто съ оправданіемъ. Одинъ выставлялъ защитникомъ бабушку; другой указывалъ на мать, какъ на прокурора. Теперь Марко изъ безпристрастнаго зрителя долженъ превратиться въ судью. Судья, по праву и по обязанности, является вершителемъ судебъ. Но онъ, вопреки судебнымъ обычаямъ, не хочетъ слушать ни обвиненій, ни оправданій, а прямо объявляетъ приговоръ: одного погладилъ по головѣ, другого потянулъ за ухо, а самыхъ маленькихъ, т. е. обиженныхъ, расцѣловалъ, и все успокоилось.

Но теперь самый маленькій изъ всѣхъ, все время спокойно спавшій на рукахъ бабушки Иваницы, разбуженный всеобщимъ гамомъ, расплакался.

— Спи, бабино дитятко, спи, а то прійдутъ турки и тебя унесутъ,—говорила бабушка, укачивая ребенка на своихъ колѣняхъ.

Марко поморщился.

— Будетъ тебѣ, мать, пугать его турками,—сказалъ онъ,—еще съ дѣтства страхъ заполнитъ всю его душу.

*) Конакъ—полиція и вмѣстѣ съ тѣмъ общинное управленіе, въ которомъ состояли на жалованьи выборные изъ болгаръ совѣтники.

— Эхъ, я знаю!—отвѣчала старая Иваница. — И насъ все турками пугали... Страшилище и есть, порази ихъ Богъ. Мнѣ уже подъ восемьдесятъ лѣтъ, а умру съ открытыми на то же глазами: не дождаться избавленія.

— Бабушка, когда я выросту, и братъ Василь, и братъ Георгій, мы возьмемъ нашу саблю и переколемъ всѣхъ турокъ!—воскликнулъ Петарго.

— Оставьте хоть одного въ живыхъ, бабины!

— Что Асѣнь?—спросилъ Марко у выходившей изъ комнаты жены.

— Жаръ прошелъ, спитъ теперь,—отвѣтила она.

— И зачѣмъ ему было глядѣть на такія дѣла?—безпокойно проговорила бабушка;—теперь вотъ и захворалъ.

Марко опять поморщился, но ничего не возразилъ. Нужно замѣтить, что сегодня Асѣнь захворалъ, неожиданно увидавъ изъ оконъ училища, въ церковномъ дворѣ, обезглавленнаго ребенка Генча Бокдулева, найденнаго въ полѣ, недалеко отъ города.

Марко поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и весело обратился къ дѣтямъ:

— Смирно теперь, послушайте-ка, что разскажетъ вамъ старшій братъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ споете пѣсенку. Василь! А ну-ка растолкуй намъ, что вамъ сегодня преподавалъ учитель?

— Урокъ по всеобщей исторіи.

— Хорошо,—разскажи намъ изъ исторіи. О чемъ же?

— О войнѣ за наслѣдство на испанскій престолъ.

— О шпаньолахъ?—оставь ихъ, они не касаются нашего дѣла; скажи что-нибудь о Россіи.

— О чемъ же?—спросилъ Василь.

— Ну, напримѣръ, объ Иванѣ Грозномъ, о Бонапартѣ, какъ онъ сжегъ Москву и...

Марко не кончилъ своей фразы. Что-то ввалилось во дворъ, съ навѣса забора съ шумомъ скатились черепицы. Вспугнутыя куры и цыплята раскудахтались и разлетѣлись по всему двору. Служанка, сбиравшая у забора вывѣшенное бѣлье, закричала отчаяннымъ голосомъ:

— Разбойники! разбойники!

На дворѣ поднялась страшная суматоха. Въ одинъ мигъ дѣтей какъ не бывало; женщины также спрятались, а Марко, отличавшійся храбростью и рѣшимостью, бросивъ быстрый, пытливый взглядъ во мракъ, откуда донесся шумъ, исчезъ въ ближайшую дверь и чрезъ мгновеніе выскочилъ изъ другой, съ пистолетами въ рукахъ. Его поступокъ, въ равной мѣрѣ и рѣшительный, и неблагоразумный, свершился такъ быстро, что Марковицѣ не осталось даже времени, догадаться задержать мужа. Когда онъ былъ уже на дворѣ, послышался прерывающійся отчаянный вопль, сливавшійся съ грознымъ рычаніемъ собаки, которая отъ страху уперлась въ стѣну и не двигалась съ мѣста

Дѣйствительно, кто-то притаился въ темнотѣ между курятникомъ и конюшней, но мракъ былъ до того непроницаемъ, что ничего нельзя было разобрать. Для Марка же, быстро перешедшаго изъ свѣта въ ночную темень, мракъ былъ еще непроницаемѣе.

Безъ шуму, на цыпочкахъ вошелъ онъ въ конюшню, погладилъ коня, чтобы успокоить его, и выглянулъ сквозь рѣшетку конюшеннаго окна. Глазъ его нѣсколько свыкся съ темнотой и ему померещилось, будто въ углу, возлѣ самаго окошка, было что-то длинное, какъ человѣческая фигура, и совершенно неподвижное.

Марко поднялъ пистолетъ, прицѣлился и страшно крикнулъ:

— Давранма! *)

---

*) По турецки: не сопротивляйся.

Онъ ждалъ одну секенду, съ пальцемъ у собачки.

— Бай Марко—прошепталъ голосъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ Марко по болгарски.

— Бай Марко... не бойтесь... я вашъ! — И неизвѣстный сталъ у окошка.

Марко ясно различилъ его тѣнь.

— Кто ты?—спросилъ онъ недовѣрчиво, медленно опуская пистолетъ.

— Иванъ, дѣда Манала Кралича сынъ, изъ Видина.

— Я не могу тебя здѣсь распознать... Какъ ты попалъ сюда?

— Я вамъ все разскажу послѣ, бай Марко,—отвѣтилъ гость, понижая голосъ.

— Я тебя не вижу... Откуда идешь?

— Я разскажу, бай Марко... Издалека!..

— Откуда издалека?

— Изъ большого далека, бай Марко,—еще тише проговорилъ гость.

— Откуда?

— Изъ Діарбекира *),—прошепталъ онъ.

Это слово какъ молнія освѣтило все въ памяти Марка. Онъ вспомнилъ, что у дѣда Манала былъ сынъ въ тюрьмѣ, въ Діарбекирѣ. Дѣдъ Маналъ былъ его старинный пріятель, оказавшій ему не мало услугъ по торговлѣ.

Быстро выйдя изъ конюшни, Марко подошелъ въ темнотѣ къ своему ночному гостю, схватилъ его за руку и повёлъ черезъ конюшню на сѣновалъ.

— Иванъ, ты-ли это? — взволнованно шепталъ Марко,—я тебя помню вотъ какимъ маленькимъ... ты переночуешь сегодня тутъ, а завтра посмотримъ.

— Спасибо, бай Марко... кромѣ васъ никого здѣсь не знаю,—говорилъ Краличъ.

*) Городокъ въ Малой Азіи, мѣсто ссылки и заточенія турецкихъ государственныхъ преступниковъ изъ болгаръ.

— Есть тутъ о чемъ толковать! У твоего отца нѣтъ большаго пріятеля, чѣмъ я. Ты здѣсь въ своемъ домѣ. Видѣлъ тебя кто-нибудь?

— Нѣтъ, кажется, никого не было на улицѣ, когда я входилъ.

— Входилъ? Развѣ такъ, сынокъ, входятъ? Черезъ крышу, на ура! Ну, не бѣда! Сынъ дѣда Манала мой дорогой гость всегда, а тѣмъ болѣе, когда онъ идетъ изъ такого далекаго мѣста. Не голоденъ-ли, Иванчо?

— Благодарю васъ, бай Марко, нѣтъ.

— Не говори, ты долженъ перекусить. Я пойду, успокою домашнихъ, и потомъ вернусь... тогда поговоримъ. А, сохрани тебя Богъ, какихъ бѣдъ я чуть не надѣлалъ!—и Марко осторожно спустилъ курокъ пистолета.

— Прости, бай Марко, я учинилъ порядочную глупость.

— Подожди, сейчасъ вернусь. И Марко вышелъ, заперевъ за собою дверь конюшни.

Онъ засталъ жену и старуху мать полумертвыми отъ страха; какъ только онѣ увидѣли его здоровымъ и невредимымъ, обѣ вскрикнули, схватили его за руки, какъ будто боясь, что онъ опять уйдетъ, опять оставитъ ихъ однѣхъ.

Марко притворился спокойнымъ и успѣлъ провести ихъ: онъ ихъ увѣрилъ, что во дворѣ нѣтъ ничего подозрительнаго, что, вѣроятно, какая-нибудь кошка или собака толкнула черепицу, а глупая Пена подняла суматоху.

— Только растревожили всю улицу,—сказалъ онъ, пряча пистолетъ, въ кабуры, висѣвшія на стѣнѣ.

Домашніе успокоились. Бабушка крикнула служанкѣ:

— Ей, Пена, чтобъ тебѣ пусто было, перепугала всѣхъ на смерть! Скорѣе выводи дѣтей и поставь ихъ на камень *). Знаешь?

*) Народная примѣта, — лѣкарство отъ перепугу.

Но тутъ послышался громкій стукъ въ ворота. Марко вышелъ во дворъ.

— Кто стучитъ?—спросилъ онъ.

— Чорбаджи, отвори! — крикнули ему по турецки.

— Онбаши!.. [2])— безпокойно прошепталъ Марко.—Надо его спрятать въ другое мѣсто!—И не обращая болѣе вниманія на новый, усиленный стукъ, побѣжалъ въ конюшню.

— Иванъ!—крикнулъ онъ въ сѣноваль.

[2]) Старшій полицейскій.

Никто не отвѣтилъ.

— Заснулъ. Иванчо—позвалъ онъ громче. Никто не отозвался.—Ахъ, должно быть, убѣжалъ, сердечный!—Марко только сейчасъ замѣтилъ, что дверь въ конюшню была отворена.

— Что станется теперь съ парнемъ?

На всякій случай онъ окликнулъ его еще нѣсколько разъ; не получивъ никакого отвѣта, Марко вернулся къ воротамъ, въ которыя ломились съ такою силою, что, казалось, они готовы были разлетѣться.

II.

Буря.

При первыхъ же ударахъ въ ворота, не помня и не зная какъ, Иванъ Краличъ выбѣжалъ изъ сарая, съ силой перебросился черезъ заборъ и свалился на улицу. Нѣсколько мгновеній онъ лежалъ оглушенный.

Придя въ себя, онъ внимательно осмотрѣлся, но кромѣ непроницаемой тьмы, ничего не увидѣлъ.

Черныя грозовыя тучи застлали все небо; вечернюю прохладу смѣнилъ холодный вѣтеръ, жалобно завывавшій въ пустынной улицѣ. Краличъ двинулся по первому же переулку, бывшему на его пути, держась заборовъ и спотыкаясь въ лужахъ. Всѣ ворота, калитки и окна были наглухо затворены. Ни малѣйшаго свѣта въ щелкахъ, ни признака жизни. Городокъ замеръ еще далеко до полуночи, какъ и всѣ провинціальные городки. Краличъ, думая выйти куда-нибудь на окраину, шелъ все по одному направленію довольно долго. Вдругъ онъ вздрогнулъ, и, неподвижно, какъ вкопанный, вытянулся подъ навѣсомъ далеко выступившей крыши. Невдалекѣ отъ себя онъ замѣтилъ нѣсколько темныхъ фигуръ. Онъ прижался къ стѣнѣ и притаилъ дыханіе. Рычаніе, потомъ бѣшеный лай заставили его отскочить отъ стѣны: онъ разбудилъ дворовую собаку, спавшую по ту сторону забора. Это движеніе и лай собаки выдали Кралича: ночной дозоръ двинулся впередъ, послышался звонъ оружія, и турецкое «стой» огласило спящую улицу. Въ минуты неизбѣжныхъ опасностей разсудокъ коварно оставляетъ человѣка, и только одинъ слѣпой инстинктъ самосохраненія замѣщаетъ всѣ его духовныя силы. Тогда у него, такъ сказать, нѣтъ головы; остаются только руки для сопротивленія и ноги для бѣга. Достаточно было Краличу повернуть обратно, чтобъ мракъ тотчасъ же воздвигъ между нимъ и стражей непроницаемую стѣну. Но Краличъ махнулъ прямо на нихъ, вихремъ пронесся между полицейскими и очутился впереди. Всѣ стражники пустились за нимъ, и улица застонала отъ топота и рева. Между другими криками слышался рѣзкій голосъ пандурина *) болгарина:

*) Полицейскій изъ болгаръ.

— Стой, молодецъ, стрѣлять будемъ!

Краличъ бѣжалъ, не оборачиваясь. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но темнота спасла Кралича,—они его не задѣли. Но, видно, нашлись болѣе быстроногіе, чѣмъ онъ; Краличъ почувствовалъ, что его схватили за рукава. Онъ рванулся и, сбросивъ съ себя одежду, оставилъ ее въ рукахъ своихъ гонителей. Ему вслѣдъ были пущены еще два выстрѣла... Не думая куда, Краличъ все бѣжалъ; у него захватывало духъ; отъ усталости ноги заплетались и подкашивались; на каждомъ шагу ему казалось, что онъ готовъ упасть. Вдругъ сверкнула ослѣпительная молнія и тутъ только Краличъ увидалъ, что онъ уже въ полѣ, никѣмъ не преслѣдуемый. Онъ, какъ снопъ, повалился подъ ближайшее орѣховое дерево, едва дыша.

Между тѣмъ, горный вѣтеръ все крѣпчалъ и свѣжѣлъ; шумъ деревьевъ сливался съ ударами и глухими раскатами далекаго грома, который все приближался, и, вдругъ, разразившись страшнымъ ударомъ надъ самою головою бѣглеца, глухо раскатился по безпредѣльному пространству.

Короткій отдыхъ и свѣжій воздухъ вернули силы Краличу; онъ увидѣлъ, что будетъ дождь, и сильный, поэтому быстро тронулся въ путь, высматривая какую-нибудь защиту отъ надвигающейся бури. Кругомъ плачевно шумѣли деревья; высокіе вязы гнулись подъ напоромъ бурнаго вѣтра; травы и бурьяны глухо шуршали, вся природа, какъ бы встревоженная, пугливо перекликалась. Крупныя капли дождя забарабанили о сухую землю, какъ дробь. Время отъ времени ослѣпительная молнія ярко освѣщала гребни Балкановъ, и каждый разъ по небу раскатывался ужасающій ударъ грома, точно собиравшійся растерзать всю вселенную. Разразился ливень; взбѣсившаяся вьюга крутила имъ по всѣмъ направленіямъ; молнія все чаще и чаще бороздила ночной мракъ и нависшія черныя облака; ея блѣдно-синеватый свѣтъ придавалъ фантастическія очертанія деревьямъ и громадамъ горъ. Мгновенныя волшебныя картины, тотчасъ же смѣнявшіяся глубокимъ мракомъ, походили на чудную фантастически страшную феерію; была какая-то дивная прелесть въ этой борьбѣ стихій, въ этомъ разговорѣ безконечныхъ пространствъ, въ поразительной иллюминаціи безднъ и горизонтовъ!

Мокрый до нитки, ослѣпляемый молніей, оглушаемый раскатами грома, Краличъ шелъ впередъ по полямъ и рощамъ, не находя никакой защиты отъ разыгравшихся стихій.

Но вотъ ухо Кралича уловило посреди всеобщаго шума звуки падающей съ высоты воды. Невдалекѣ была мельница; вновь блеснувшая молнія освѣтила ея крышу, притаившуюся среди вѣтвистыхъ вербъ. Краличъ пустился къ ней бѣгомъ; наконецъ, онъ могъ укрыться подъ навѣсомъ ея крыши. Очутившись возлѣ стѣны и нащупавъ дверь, онъ попробовалъ ее отворить; дверь подалась, и Краличъ вошелъ въ мельницу. Внутри было глухо и темно.

На дворѣ буря утихала; дождь и вѣтеръ сразу прекратились, и края плывущихъ разодранныхъ облаковъ уже серебрились луннымъ свѣтомъ. Ночь прояснялась. Такія быстрыя атмосферическія перемѣны свойственны лишь маю мѣсяцу.

Не успѣлъ еще Краличъ порядкомъ осмотрѣться, какъ снаружи послышались шаги. Краличъ быстро спрятался въ тѣсномъ пространствѣ между амбаромъ и стѣной, за кучей мѣшковъ съ пшеницей.

— Гляди, вѣтеръ отворилъ двери,—послышался въ темнотѣ чей-то грубый голосъ, и мельница тотчасъ же освѣтилась маленькой лампочкой.

Краличъ, спрятанный въ своей но-

рѣ, приподнялся и увидѣлъ мельника—стараго, сухощаваго селянина, и рядомъ съ нимъ дѣвочку въ короткомъ домотканномъ сукманѣ *), босую,—вѣроятно, дочку мельника. Она запирала дверь, стараясь задвинуть засовъ. Ей было 13—14 лѣтъ, и одѣта она была еще по-дѣтски, но ея стройный станъ, темно-каріе съ длинными рѣсницами глаза, мило и наивно смотрѣвшіе вокругъ, говорили, что въ недалекомъ будущемъ она сформируется въ деревенскую красавицу. Какъ видно, они пришли съ какой-нибудь ближней мельницы, потому что платье на обоихъ было сухо.

Мельникъ продолжалъ:

— Хорошо сдѣлали, что подняли жернова, а то эта буря непремѣнно перепортила бы ихъ. Разсказы дѣда Станча безконечны; добро еще, что никто не забрался къ намъ и не обобралъ.—Онъ оглянулся кругомъ.—Ты, Марійка, иди, ложись. И къ чему только мать послала тебя сюда? Чтобъ натерпѣться изъ-за тебя страху, — закончилъ мельникъ, принимаясь заколачивать отодранную отъ коша доску, и затягивая какую-то пѣсенку. Марійка, не ожидая новыхъ приглашеній, отошла въ глубь мельницы, постелила себѣ и отцу, и, сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ, юркнула подъ одѣяло и тотчасъ же заснула, какъ всякая молодая,беззаботная душа.

Краличъ смотрѣлъ на эту простую сцену съ трепетнымъ любопытствомъ. Загрубѣлое, но добродушное лицо мельника внушало ему довѣріе; немыслимо было, чтобы такіе честные глаза скрывали предательскую душу. Онъ уже было рѣшилъ выйти къ нему и искать у него совѣта и помощи, но въ это время мельникъ неожиданно прервалъ свою пѣсню, выпрямился и сталъ къ чему-то прислушиваться. Въ дверь сильно постучались.

*) Родъ накидки съ рукавами.

— Мельникъ! Отворяй!—крикнули снаружи по-турецки.

Мельникъ быстро подошелъ къ двери, старательно задвинулъ засовъ и обернулся весь блѣдный.

Въ дверь опять застучали, вновь послышались крики и собачій лай.

— Охотники,—пробормоталъ мельникъ, узнавшій по лаю, что собака гончая.—Что они здѣсь, проклятые, будутъ дѣлать? Тутъ и Емекситъ-Пехливанъ! *).

Емекситъ-Пехливанъ, лютый злодѣй дня и ночи, въ послѣднее время навелъ ужасъ на весь округъ. За двѣ недѣли до этого онъ зарѣзалъ цѣлое семейство Ганча Даалія въ селѣ Ивановомъ. Не безъ основанія ему же приписывали обезглавленіе ребенка, привезеннаго вчера съ поля въ городъ.

Дверь трещала подъ ударами.

Мельникъ схватилъ себя за голову, очевидно не зная, какое принять рѣшеніе и что дѣлать. На его лбу выступилъ крупный потъ. Вдругъ, нагнувшись подъ пыльную лавочку, онъ быстро схватилъ оттуда топоръ и сталъ съ нимъ у двери, которая, казалось, готова уже была поддаться все усиливавшемуся напору. Но мгновенная рѣшимость сразу оставила мельника, какъ только онъ взглянулъ на спящую дочь. Страшное отчаяніе, безнадежность и мука изобразились на его старомъ лицѣ... Отцовское чувство взяло верхъ надъ возмущенною совѣстью. Онъ вспомнилъ болгарскую пословицу: «преклоненную голову и мечъ не сѣчетъ», и рѣшилъ, вмѣсто сопротивленія, просить у немилостивыхъ милости. Бросивъ топоръ за амбаръ, гдѣ прятался Краличъ, старательно закутавъ Марійку, мельникъ пошелъ и отворилъ дверь.

На порогѣ показалось двое вооруженныхъ турокъ съ охотничьими сумками за плечами. Одинъ изъ нихъ

*) Богатырь, силачъ.

держалъ на цѣпочкѣ гончую собаку. Стоявшій впереди, который дѣйствительно былъ кровожадный Емекситъ-Пехливанъ, испытующе оглядѣлъ внутренность мельницы и потомъ вошелъ. Онъ былъ высокаго роста, сутулый, сухощавый и безъ признаковъ растительности на лицѣ. Его физіономія не была такъ страшна, какъ были страшны его имя и дѣла. Одни только сѣрые, маленькіе, безцвѣтные глаза вращались злобно и лукаво, какъ у обезьяны. Его товарищъ,—совсѣмъ въ иномъ родѣ,—мускулистый, хромой, съ скотоподобнымъ лицомъ, на которомъ были написаны жестокость и грубые животные инстинкты, — вошелъ за Пехливаномъ, ведя собаку, и притворилъ за собою дверь.

Емекситъ сердито посмотрѣлъ на мельника. Оба турка сбросили съ себя свои мокрыя бурки.

— Отчего не отворялъ, мельникъ?—спросилъ Емекситъ-Пехливанъ.

Мельникъ пробормоталъ какое то невнятное извиненіе, покорно кланяясь до земли и бросая безпокойные взгляды вглубь мельницы, гдѣ спала Марійка.

— Ты одинъ здѣсь?—И Емекситъ обернулся.

— Одинъ,—быстро отвѣчалъ мельникъ, но тутъ же вспомнивъ, что ложь безполезна, прибавилъ: «и ребенокъ, спитъ тамъ».

Въ это мгновеніе Марійка́ раскрылась и повернулась личикомъ къ свѣту. Слабый отблескъ лампы заигралъ на ея бѣлой, полной шейкѣ. Турки жадными глазами впились въ спящую дѣвочку. Мельника облилъ холодный потъ. Емекситъ повернулся къ нему съ притворно-равнодушнымъ видомъ.

— Чорбаджи, потрудись, сходи купить бутылку водки.

— Пехливанъ-ага *), теперь полночь и въ городѣ всѣ кабаки заперты,—отвѣчалъ мельникъ, дрожа при одной мысли оставить Марійку одну съ этими людьми.

Хромой вмѣшался.

— Иди, иди, авось для нашей милости найдется гдѣ-нибудь открытая лавочка. Мы хотимъ, чтобы ты насъ потчивалъ тутъ—такъ завязывается дружба.

Хромой сказалъ все это въ насмѣшку, напередъ увѣренный въ несомнѣнной побѣдѣ. Замѣтивъ, что мельникъ не идетъ, онъ нахмурился, но тотчасъ же снова притворился кроткимъ и добродушно произнесъ:

— Чорбаджи, у тебя прехорошенькая дѣвочка, не сглазить бы! Пусть угоститъ гостей... Ну, отправляйся за водкой, айда, а мы посторожимъ мельницу,—и угрожающе добавилъ:—ты знаешь, кто Емекситъ-Пехливанъ?

Простая честная душа мельника была полна негодованія. Но въ ихъ когтяхъ, одинъ противъ двухъ вооруженныхъ злодѣевъ, — вступать въ борьбу было и безумно, и безполезно. Онъ опять попробовалъ умилостивить душегубовъ мольбою.

— Агаляръ! *) сжальтесь надъ больнымъ старикомъ. Я страшно усталъ отъ сегодняшней работы... Позвольте мнѣ лечь спать... не срамите моихъ сѣдинъ!..

Но онъ говорилъ глухимъ.

— Ну, ну, челяби **),—грозно прикрикнулъ хромой, — намъ пить хочется... уже больно ты много языкомъ мелешь! Не даромъ живешь на мельницѣ... Отправляйся за водкой!—И онъ толкнулъ его къ двери.

— Я въ такое время никуда не выхожу изъ мельницы, оставьте меня!—глухо сказалъ мельникъ.

Турки разомъ сбросили маску, и ихъ дикіе глаза впились въ него, какъ стрѣлы.

— А, невѣрная собака! Ты еще оскаливаешь зубы? Видишь?—крик-

*) Ага, ефенди—господинъ, баринъ.

*) Баре.
**) Сударь, господинъ.

нулъ Емекситъ, вынимая ятаганъ. Глаза его налились кровью.

— Убейте меня, но я не оставлю ребенка одного!—покорно, но рѣшительно произнесъ мельникъ.

— Топалъ *) Хасанъ, вытолкай эту собаку вонъ, чтобы не поганить мнѣ ножа.

Хромой кинулся къ мельнику, повалилъ на земь у самой двери, и сталъ толкать его ногами, чтобы выбросить такимъ образомъ вонъ. Но мельникъ вскочилъ на ноги и стремительно побѣжалъ вглубь мельницы, крича, что есть силы.

— Милости, милости!

Шумъ разбудилъ Марійку; она, перепуганная, приподнялась. Увидавъ ножъ въ рукахъ Емексита, она пронзительно вскрикнула и бросилась къ отцу.

— О, смилуйтесь, агаляръ!—кричалъ несчастный отецъ, обнимая голову дочери.

По знаку Емексита сильный Топалъ Хасанъ набросился сзади на мельника, схватилъ его за обѣ руки и скрутилъ ихъ.

— Такъ, такъ, Топалъ Хасанъ, вяжи старую мельничную крысу. Если ему нравится, пусть остается здѣсь и смотритъ; такому болвану, такъ и слѣдуетъ. Онъ постоитъ у насъ связанный, а когда мы подожжемъ мельницу, полюбуемся и мы.

Оба разбойника, не обращая никакого вниманія на крики несчастнаго мельника, подтолкнули его къ одному изъ столбовъ и стали прикручивать къ нему веревками.

Мельникъ, обезумѣвшій отъ ужаса, ревѣлъ о помощи, какъ раненый звѣрь; но помощи неоткуда было ждать въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Марійка бросилась къ двери, отворила ее, и, рыдая, стала вопить, но только звонкое эхо откликалось ей.

— Не выходи, мельничиха,—сказалъ Пехливанъ Емекситъ, отводя ее къ Топалъ Хасану въ глубь мельницы.

— Помогите, люди, помогите! Нѣтъ-ли кого? Марійка, помоги, сюда!—раздавался отчаянный голосъ стараго мельника, безсознательно просящаго помощи у слабаго ребенка.

Краличъ до сихъ поръ неподвижно смотрѣлъ на разыгрывавшуюся передъ нимъ драму; ноги его дрожали, волосы встали дыбомъ и крупныя капли пота покрыли все тѣло. Все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ этотъ вечеръ, было такъ неожиданно, необычайно и страшно, и казалось ему тяжелымъ сномъ. Визгъ пуль, раскаты грома—все еще отдавались въ его ушахъ. Мысли его путались. Сначала онъ думалъ, что турки пришли слѣдомъ за нимъ, и что судьба его рѣшена. Убѣжденіе въ полной своей безпомощности убило въ немъ всю энергію,—у него ея оставалось лишь настолько, чтобъ добровольно предаться въ руки турокъ и избавить, такимъ образомъ, мельника отъ отвѣтственности. Но когда онъ разобралъ, наконецъ, что ему придется быть зрителемъ чего-то гораздо болѣе ужаснаго, когда онъ услышалъ, что мельникъ зоветъ на помощь Марійку, бѣшеный гнѣвъ и отчаяніе зажгли его кровь. Усталости, слабости, колебанія какъ не бывало. Рука машинально протянулась за топоромъ; машинально же выползъ онъ изъ своей норы, такъ же машинально пригнулся, чтобы проползти за мѣшкомъ съ пшеницей... Выпрямившись, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ шагнулъ къ Емекситу, стоявшему къ нему спиной, и глубоко всадилъ ему топоръ въ затылокъ...

Все это онъ продѣлалъ, какъ во снѣ. Турокъ грохнулся о-земь, не издавъ ни звука, ни вздоха.

Топалъ Хасанъ, увидя неожиданнаго и опаснаго врага, выпустилъ веревку, которою скручивалъ мельника,

*) Хромой.

быстро выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и разрядилъ его въ Кралича. Мельница наполнилась дымомъ, лампочка погасла, и всѣ очутились въ темнотѣ. Тогда, среди полнаго мрака, началась бѣшеная схватка. Борцы, сначала двое, потомъ трое, катались въ темнотѣ съ дикими криками, рычаніемъ, тяжелыми подавленными вздохами. Отчаянный вой собаки примѣшивался ко всѣмъ этимъ звукамъ. Хромой Хасанъ, сильный, какъ быкъ, отчаянно сопротивлялся двумъ противникамъ; убить или быть убитымъ,—другого исхода не было для обѣихъ сторонъ.

Когда вновь зажгли лампу, Топалъ Хасанъ судорожно бился на полу въ предсмертной агоніи. Въ борьбѣ Краличъ случайно нащупалъ его ножъ и всадилъ его турку въ горло по самую рукоять.

Мельникъ поднялся, выпрямился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на незнакомца, свалившагося къ нему на помощь, какъ съ неба.

Передъ нимъ стоялъ высокій парень, смертельно блѣдный, съ черными, глубокими, пронизывающими глазами и длинными кудрявыми, покрытыми пылью, волосами. Рваный пиджакъ, покрытый грязью; разстегнутый жилетъ безъ пуговицъ, обнаруживавшій голое тѣло, истерзанные брюки, стоптанные сапоги — все въ немъ показывало человѣка, или бѣжавшаго только-что изъ тюрьмы, или имѣющаго въ нее попасть. За такого счелъ его и мельникъ; но онъ посмотрѣлъ на него съ благодарностью и сказалъ растроганнымъ голосомъ.

— Господинъ! Не знаю, кто ты, и какъ ты здѣсь... По пока живъ— не буду въ силахъ отплатить тебѣ! Ты спасъ меня отъ смерти и еще чего-то, гораздо худшаго... Благослови и награди тебя Богъ. И весь народъ скажетъ тебѣ «сполай» *). Знаешь ли ты, кто онъ? (онъ указалъ на Емексита). Это тотъ, который закалывалъ дѣтей. Теперь свѣтъ избавился отъ этого звѣря. Здравствуй же, сынъ мой!

Краличъ выслушалъ эти простодушныя искреннія слова съ полными слезъ глазами и проговорилъ, съ трудомъ переводя дыханіе:

— Не многое я сдѣлалъ, дѣдъ! мы убили двоихъ, а подобныхъ звѣрей тысячи и тысячи... Ты скажи, дѣдушка, гдѣ бы намъ закопать эти тѣла,—не нужно оставлять уликъ.

— Есть у меня готовая могила для этой погани, помоги только вытащить ихъ,—сказалъ старикъ.

И эти два человѣка, навѣки связанные теперь кровавою ночью, выволокли трупы за мельницу къ старой ямѣ въ бузинникѣ, бросили ихъ туда и старательно засыпали землей, чтобы не оставлять никакихъ слѣдовъ.

Когда они съ кайлой и лопатой въ рукахъ подходили къ дверямъ мельницы, что-то бѣлое метнулось передъ ними.

— Ахъ, гончая, — воскликнулъ Краличъ,—она будетъ рыскать тутъ и выдастъ насъ. И онъ, прицѣлившись, треснулъ ее кайлой по головѣ; собака, жалобно завывъ, поползла на брюхѣ, подлѣ самой воды. Краличъ толкнулъ ее въ животъ и она исчезла подъ водою.

— Нужно было закопать и эту собаку съ другими,—озабоченно замѣтилъ мельникъ.

Вернувшись, они смыли съ своего платья кровь и старательно засыпали пескомъ всѣ лужи.

— О, что это у тебя течетъ?— вскрикнулъ мельникъ, увидавъ, что изъ руки Кралича капала кровь.

— Ничего, укусилъ меня, проклятый, когда я схватилъ его за горло.

— Дай, я перевяжу скорѣе,—говорилъ мельникъ, перевязывая рану грязнымъ платкомъ. Окончивъ перевязку, онъ спросилъ, глядя ему въ

*) Греч. слово исполай—хвалите.

глаза:—Прости, сынъ мой, откуда ты идешь?

— Потомъ скажу, дѣдъ; пока скажу только, что я болгаринъ и добрый болгаринъ. Не сомнѣвайся во мнѣ.

— Упаси Боже! Развѣ я не вижу? Ты народный человѣкъ, господинъ, а за такихъ я отдамъ свою жизнь.

— Гдѣ мнѣ теперь, дѣдъ, найти платье, переодѣться и переночевать?

— Пойдемъ въ монастырь, къ дьякону Викентію, онъ мнѣ родня. Сколько добра онъ сдѣлалъ такимъ людямъ... И въ немъ течетъ старинная болгарская кровь, господинъ... Пойдемъ, тамъ переночуемъ всѣ. Хорошо, что никто ничего не видѣлъ.

Но мельникъ, дѣдъ Стоянъ, ошибался: въ сторонѣ, у ствола стараго орѣха, мѣсяцъ освѣтилъ высокую, человѣческую фигуру, бывшую все время неподвижнымъ зрителемъ погребенія двухъ турокъ. Его никто не замѣтилъ.

Полчаса спустя мельникъ, Краличъ и Марійка, которая во время борьбы убѣжала и притаилась подъ ближайшимъ вязомъ, испуганно всхлипывая, приближались къ старому монастырю, высокія стѣны котораго, освѣщенныя блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, бѣлѣли среди темныхъ тополей и орѣховъ.

Слѣдомъ за нашими спутниками шелъ и неизвѣстный.

III.

Монастырь.

Они переѣзали полянку, усѣянную большими каменьями и покрытую вѣтвистыми столѣтними орѣхами, и очутились передъ высокой каменной монастырской оградой. Монастырь, при таинственномъ лунномъ свѣтѣ, походилъ на готическій замокъ съ фантастически очерченными верхушками.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, монастырская ограда гордилась своей исполинской сосной, которая заслоняла мохнатой вершиной, гдѣ гнѣздились и пѣли тысячи птичекъ, древнюю, стараго стиля. церковь. Но буря повалила и вырвала сосну съ корнемъ, а новый игуменъ построилъ новую церковь. Теперь новая церковь, съ своимъ высокимъ, воздвигнутымъ по новому стилю куполомъ, странно противорѣчила остальнымъ строеніямъ, памятникамъ прошлаго, и портила общее впечатлѣніе, какъ лоскутъ новой бумаги на старомъ пергаментѣ.

Трое нашихъ знакомцевъ завернули за монастырь и очутились подлѣ адней его стѣны, легчайшей для входа и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшей къ кельѣ дьякона Викентія.

Нужно было кому-нибудь изъ трехъ перескочить черезъ заборъ, чтобы передать изнутри другимъ лѣстницу. Это продѣлалъ Краличъ, начавшій ночь штурмомъ. Скоро перебрались всѣ трое, подвергаясь опасности быть подстрѣленными воинственнымъ игуменомъ, если бы только онъ замѣтилъ ихъ изъ окна. Они очутились на маленькомъ заднемъ дворикѣ, сообщающемся съ большимъ дворомъ черезъ запертыя на ключъ ворота. Келья дьякона, находившаяся въ нижнемъ этажѣ, глядѣла своими окнами на этотъ дворикъ. Мельникъ подошелъ къ окошку, въ которомъ еще былъ видѣнъ свѣтъ.

— Викентій читаетъ, — сказалъ онъ, приподымаясь на цыпочки и заглядывая въ келью.

Онъ постучалъ. Окно отворилось и кто-то спросилъ:

— Это ты, дядя Стоянъ, тебѣ нужно что-нибудь?

— Дай-ка, дьяконе, ключъ отъ воротъ, потомъ разскажу. Ты одинъ?

— Одинъ, всѣ спятъ. На, возьми.

Мельникъ вернулся къ Краличу и Марійкѣ и повелъ ихъ во внутренній дворъ, заперевъ за собою ворота.

На большомъ дворѣ было тихо; вода изъ фонтанчиковъ лилась монотонно и усыпляюще, и шумъ ея походилъ на отпѣваніе покойниковъ; черные кипарисы, будто исполинскія привидѣнія, таинственно кивали своими верхушками; мрачный рядъ длинныхъ балконовъ, глухихъ и безжизненныхъ, виднѣлся кругомъ всего двора. Келья дьякона отворилась, и ночные гости вошли.

Дьяконъ, еще юноша, съ выразительнымъ лицомъ, черными умными глазами и пушистой дѣвственной бородкой, дружески встрѣтилъ Кралича. Дѣдъ Стоянъ наскоро и взволнованно передалъ исторію, разыгравшуюся на мельницѣ, благословляя своего избавителя на каждомъ словѣ.

Викентій, наконецъ, замѣтилъ страшную блѣдность и усталость на лицѣ гостя и предложилъ проводить его въ другую комнату, гдѣ бы онъ переночевалъ и отдохнулъ. Гость съ радостью согласился.

Пройдя цѣлый рядъ коридоровъ и лѣстницъ, они, наконецъ, добрались до противоположнаго трехъ-этажнаго зданія, гдѣ была келья, предназначенная Краличу. Шаги ихъ гулко раздавались кругомъ по дражавшимъ половицамъ, хотя они и старались ступать тихо. Келья, куда они вошли, была печальна и пуста; всю ея мебель составляли лавка съ соломеннымъ тюфякомъ да кувшинъ съ водою; это убѣжище походило болѣе на темницу, но Краличу теперь и не нужно {было лучшаго. Поговоривъ, немного о приключеніи на мельницѣ, Викентій собрался уходить.

— Вы разбиты и должны скорѣе отдохнуть,—сказалъ онъ,—не стану мучить васъ всякими разспросами, да они совершенно лишни: геройство, которое показали вы въ эту ночь, сказало мнѣ все... Завтра встрѣтимся еще, а пока не безпокойтесь ни о чемъ: дьяконъ Викентій весь въ вашемъ распоряженіи. Спокойной ночи!—и онъ подалъ руку. Краличъ схватилъ ее и, не выпуская, сказалъ:

— Нѣтъ, вы оказали мнѣ гостепріимство, ничего не зная и подвергаясь изъ за меня опасности. Надо же вамъ хоть знать, кто я! Меня зовутъ Иванъ Краличъ.

— Иванъ Краличъ, ссыльный? когда же васъ выпустили?—удивленно спросилъ дьяконъ.

— Выпустили?! Я бѣжалъ изъ Діарбекирской крѣпости...

Викентій крѣпко стиснулъ ему руку:

— Добро пожаловать, бай Краличъ, вы теперь мнѣ еще болѣе дорогой гость и братъ. Болгарія нуждается въ своихъ лучшихъ сынахъ. У насъ теперь много, очень много работы: тиранія турокъ нестерпима, народное негодованіе должно же когда-нибудь прорваться. Надо готовиться... Останьтесь у насъ, господинъ Краличъ, здѣсь васъ никто не знаетъ; будемте работать вмѣстѣ, хотите?—Живо болталъ восторженный дьяконокъ.

— И у меня то же намѣреніе, отче Викентій.

— Завтра поговоримъ подробнѣе. Вы здѣсь въ полной безопасности. Въ этой же кельѣ я пряталъ и Левскаго. Здѣсь скорѣе можно встрѣтить привидѣніе, чѣмъ людей. Спокойной ночи!—шутливо закончилъ дьяконъ, уходя.

— Спокойной ночи, отче,—сказалъ Краличъ, запирая за нимъ дверь и принимаясь переодѣваться въ принесенное дьякономъ бѣлье.

Наскоро поужинавъ, онъ легъ и задулъ свѣчу, но долго еще вертѣлся на своей кровати... Тревожныя

воспоминанія ночи волновали его воображеніе; въ умѣ съ отвратительной и жестокой подробностью проходили всѣ потрясающія сцены и кровавые образы. Это мучительное состояніе тянулось безконечно долгое время. Наконецъ, природа взяла свое: до крайности исчерпанныя физическія и духовныя силы поддались непреодолимой потребности сна, и онъ заснулъ. Но вдругъ онъ вздрогнулъ и опять открылъ глаза: ему почудилось, что кто-то тяжело и медленно ходитъ по балкону его кельи; послышалось будто пѣніе, скорѣе впрочемъ, похожее на вой. Шаги приближались и странное пѣніе становилось все слышнѣе и слышнѣе. Оно походило то на заупокойныя молитвы, то на стенанія и плачъ.

Краличъ подумалъ, что, должно быть, звуки идутъ издали, и пустота зданія передаетъ ихъ искаженными. Но, нѣтъ! Шаги на его балконѣ слышались замѣчательно явственно. Вдругъ у его окна выпрямилась темная фигура и стала смотрѣть внутрь комнаты. Краличъ, задрожавъ, вперилъ взоры въ тѣнь и съ ужасомъ замѣтилъ, что она дѣлаетъ ему какіе-то странные знаки рукой, какъ будто зоветъ его. Краличъ не сводилъ глазъ съ окошка. Ему начало уже казаться, что таинственная фигура имѣетъ очертанія убитаго Емексиз Пехливана... «Мнѣ снится», подумалъ онъ, протирая глаза, и опять поглядѣлъ: тѣнь все стояла и глядѣла въ келью.

Краличъ не былъ суевѣренъ, но незнакомое мѣсто, это пустое, глухое зданіе и могильная тишина приводили его въ невольный трепетъ, съ которымъ онъ не могъ совладать. Ему пришло на умъ шутливое замѣчаніе дьякона о привидѣніяхъ, и ему стало необъяснимо страшно. Но тотчасъ же онъ устыдился. Найдя ощупью револьверъ, онъ всталъ, тихонько отворилъ дверь и вышелъ на балконъ. Таинственная высокая фигура ходила и пѣла. Краличъ смѣло приблизился къ ней. Поющій призракъ, вмѣсто того, чтобы стать невидимымъ, какъ это бываетъ въ сказкахъ, вдругъ испуганно завопилъ, потому что Краличъ въ своемъ новомъ чистомъ бѣльѣ не менѣе походилъ на призракъ.

— Кто ты?—спросилъ новый призракъ у стараго, схвативъ его за воротъ. Но страхъ сковалъ уста несчастнаго: онъ только крестился, безсмысленно пучилъ глаза и крутилъ во всѣ стороны головой, какъ помѣшанный. Краличъ понялъ, что онъ имѣетъ дѣло съ подобнымъ субъектомъ, и оставилъ его въ покоѣ.

Викентій забылъ предупредить гостя о ночныхъ привычкахъ кроткаго идіота Мунча, уже нѣсколько лѣтъ жившаго въ этомъ монастырѣ. Онъ-то и былъ тотъ неизвѣстный, который видѣлъ закапываніе труповъ двухъ турокъ.

IV.

Снова въ домѣ Марко.

Когда, наконецъ, Марко, убѣдившись въ исчезновеніи Кралича, отомкнулъ калитку, онъ столкнулся у порога съ онбашіемъ и жандармами, которые осторожно одинъ за другимъ вошли во дворъ.

— Что у васъ случилось, Марко чорбаджи?—спросилъ, озираясь, онбаши. Марко спокойно объяснилъ, что ничего не случилось, а только померещилось пугливой служанкѣ, которая и подняла крикъ. Онбаши удовлетворился подобнымъ объясненіемъ и ушелъ, радуясь въ душѣ, что не на-

толкнулся на какую-нибудь непріятную исторію. Не успѣлъ еще хозяинъ запереть за полицейскимъ ворота, какъ съ улицы послышался чей-то голосъ.

— Добраго вечера, бай Марко! Лучше ли Асѣню?—и у воротъ показался какой-то высокій молодецъ.

— А, докторъ! Заходи, заходи выпить кофе.

Марко ввелъ гостя въ гостиную, которая сейчасъ же освѣтилась двумя стеариновыми свѣчами, вставленными въ ярко вычищенные бронзовые подсвѣчники. Это была небольшая, но веселая и уютная комната; стѣны, полъ и два находящіеся въ ней дивана были сплошь покрыты коврами, согласно тогдашнему нехитрому и оригинальному вкусу, и до днесь царящему въ нѣкоторыхъ далекихъ провинціальныхъ городахъ. У одной стѣны стояла желѣзная печка. Противъ печки помѣщался кіотъ съ горѣвшею передъ нимъ лампадкой, подлѣ кіота еще иконы и аѳонскія лубочныя изображенія, благочестивый подарокъ паломниковъ. Надъ кіотомъ были воткнуты букетъ изъ васильковъ и вѣтка вербы, приносившіе дому, по завѣренію стариковъ, здоровье и Божье благословеніе. Стѣна противъ оконъ играла роль картинной галлереи. На ней висѣли шесть литографированныхъ, въ золоченыхъ рамкахъ картинъ, привезенныхъ изъ Румыніи. На одной былъ изображенъ домашній бытъ нѣмцевъ; другой—султанъ Абдулъ-Меджидъ со всей своей свитой. Всѣ остальныя представляли эпизоды изъ крымской войны: бой при Альмѣ, бой при Евпаторіи, снятіе осады съ Силистріи въ 1852 г. Эта картина носила румынскую подпись «Rasboial Silistrice» (бой при Силистріи), а какая-то мудрая голова перевела и подписала внизу по-болгарски: «разбой при Силистріи». Самая крайняя картина представляла русскихъ полководцевъ этой войны, изображенныхъ только до колѣнъ. Такъ какъ попъ Ставри объяснялъ это тѣмъ, что бомбы англичанъ оторвали имъ ноги, то баба Иваница звала ихъ мучениками.—«Кто трогалъ опять мучениковъ?» — сердито обращалась она къ дѣтямъ. Надъ самой картиной мучениковъ висѣли большіе стѣнные часы съ маятникомъ, цѣпи и гири которыхъ доставали до самыхъ подушекъ дивана. Эти часы уже давнымъ-давно отслужили свою службу, и походили на живую развалину, но Марко поддерживалъ ихъ жизнь съ большимъ стараніемъ и искусствомъ: онъ ихъ самъ разнималъ, чистилъ перышкомъ, обмакнутымъ въ деревянное масло, сохранялъ ось колесиковъ, обматывая ихъ нитками; и такими усиліями вдыхалъ въ нихъ душу еще на нѣкоторое время, пока часы опять не станутъ. Марко въ насмѣшку звалъ ихъ: «мой чахоточный», но и онъ, и домашніе до того привыкли къ этому больному, что какъ только его пульсъ, сирѣчь маятникъ, останавливался, въ домѣ становилось пусто и глухо. Когда Марко брался за цѣпи, чтобы поднять гири, этотъ умирающій испускалъ изъ своей больной груди такое громкое и сердитое хрипѣніе, что перепуганная на смерть кошка стремглавъ мчалась изъ комнаты. Двѣ семейныхъ фотографіи на этой же стѣнѣ дополняли сокровищницу картинной галлереи, которую древніе часы дѣлали еще и музеемъ. Вокругъ стѣнъ шли еще полки съ фарфоровыми блюдами — обязательное украшеніе всякаго дома, считающагося почетнымъ, а въ углахъ стояли трехъ-угольныя полочки съ горшками цвѣтовъ. Такъ была украшена гостиная чорбаджія Марко.

Гость, докторъ Соколовъ, статный молодой человѣкъ, лѣтъ 28, съ блестящими русыми волосами, синеглазый, съ открытымъ и простодушнымъ лицомъ, былъ нрава легкомысленнаго и буйнаго и большой руки чудакъ.

Онъ когда то служилъ фельдшеромъ въ одномъ изъ турецкихъ таборовъ на Черногорской границѣ, хорошо усвоилъ турецкій языкъ и турецкія привычки, братался съ онбашіемъ за стаканомъ водки, ночью же стрѣлялъ въ трубу камина, чтобъ напугать его, и для своего удовольствія дрессировалъ молодую медвѣдицу. Чорбаджіи, довѣрявшіе больше лѣкарю греку, косились на Соколова, но молодежь его очень любила за открытый, веселый характеръ и восторженный патріотизмъ: онъ всегда бывалъ первый на пріятельскихъ попойкахъ и въ революціонныхъ конспираціяхъ, — этимъ двумъ вещамъ докторъ посвящалъ все свое время. Соколовъ не окончилъ никакого медицинскаго факультета, но молодежь, желая вознести его выше лѣкаря грека, величала его докторомъ, а онъ не считалъ нужнымъ протестовать противъ такой клеветы. Что же касается собственно лѣченія больныхъ, Соколовъ предоставлялъ его больше двумъ своимъ вѣрнымъ помощникамъ: здоровому климату Балканъ и натурѣ паціента. По этой причинѣ онъ рѣдко прибѣгалъ къ фармакопеѣ, въ латинскихъ терминахъ которой онъ плохо оріентировался, и вся его аптека помѣщалась на маленькой полочкѣ. Не мудрено, что онъ очень скоро въ конецъ подрѣзалъ своего соперника грека.

Соколовъ былъ домашнимъ врачемъ Марко и теперь пришелъ навѣстить больного Асѣня.

— Скажи, бай Марко,—проговорилъ докторъ, спокойно усаживаясь на одинъ изъ диванчиковъ,—нашелъ ли тебя давеча какой-то молодой парень?

— Какой?

— Странный какой-то, очень плохо одѣтый, но съ интеллигентнымъ лицомъ, насколько я могъ замѣтить. Спрашивалъ, гдѣ вашъ домъ?

— Гдѣ ты его видѣлъ? Никто ко мнѣ не приходилъ, — отвѣтилъ бай Марко съ видимымъ смущеніемъ, которое, однако, осталось для гостя незамѣченнымъ. Докторъ спокойно продолжалъ:

— Въ самые сумерки, около розоваго садика хаджи Павлова догоняетъ меня какой-то молодой человѣкъ и вѣжливо спрашиваетъ: «не можете ли мнѣ, господинъ, указать, гдѣ домъ Марка Иванова? Мнѣ его нужно, а я, говоритъ, здѣсь впервые». Я случайно шелъ въ ту же сторону и предложилъ ему идти со мной. Дорогой поглядѣлъ я на него... онъ, бѣдняга, былъ почти голый! Тонкій оборваный пиджачекъ, а самъ отощавшій, слабый, еле на ногахъ держится... а время было студеное. Я не смѣлъ спросить, откуда онъ и почему въ такомъ видѣ, но мнѣ стало тяжело и жаль несчастнаго... Посмотрѣлъ я на свое старое пальто,—куда ни шло, думаю себѣ.—Не будете на меня сердиться, сударь. если я вамъ дамъ свое платье?—«Благодарю», говоритъ и взялъ. Такъ мы дошли до вашего дома и тутъ я его оставилъ. Вотъ я и хотѣлъ спросить васъ, кто это былъ?

— Я же вамъ сказалъ, что ко мнѣ никто не приходилъ.

— Странно, право, странно,—задумчиво протянулъ докторъ. — Не этотъ ли человѣкъ, бай Марко, разбойникъ, карабкавшійся на вашу крышу?—пошутилъ онъ.—Впрочемъ, нѣтъ! Такихъ людей можно узнать по физіономіи, — немыслимо, чтобы этотъ юноша былъ разбойникъ.

Разговоръ принималъ непріятный оборотъ, и Марко, чтобъ перемѣнить его, обратился къ Соколову:

— Читали, докторъ, газеты? Какъ идетъ Герцеговинское возстаніе?

— На ладонъ дышетъ, бай Марко. Этотъ геройскій народъ надѣлалъ чудесъ, но что онъ можетъ противъ такой силы?

— Господи! Горсть людей, а сколь-

ко времени держится. Гдѣ же думать намъ о чемъ-либо подобномъ?

— А развѣ мы пытались? Насъ впятеро больше герцеговинцевъ, а мы еще и не пробовали показать свои силы.

— О такихъ вещахъ, докторъ, даже не заикайся: герцеговинцы одно, а мы—другое; мы находимся въ самомъ чревѣ адовомъ—только шевельнись, и насъ переколютъ, какъ овецъ. Ни откуда не жди помощи.

— А я спрашиваю: пытались мы?—повторилъ свое докторъ. — Чѣмъ болѣе мы смиренствуемъ и покоряемся безмолвно, тѣмъ болѣе насъ бьютъ. Что имъ сдѣлало бѣдное Ганчово дитя, которое вчера нашли обезглавленнымъ? Насъ заковываютъ, когда мы подумаемъ только о протестѣ, а Емекситъ-Пехливанамъ дозволено злодѣйствовать безнаказанно среди бѣла дня. Это ли правда? Можетъ ли эту муку вытерпѣть и бездушный? И у рѣшета есть сердце, говорятъ люди.

Вошла баба Иваница.

— Знаете ли вы,—сказала она,— Пена передъ дождемъ слышала выстрѣлы, стрѣляли въ кого-то... Что это такое, Пресвятая Богородица! Опять, должно быть, погубили какую-нибудь христіанскую душу.

Марко вздрогнулъ и весь поблѣднѣлъ; какое-то предчувствіе говорило ему, что случилось что-нибудь съ Краличемъ. Сердце у него заныло отъ скорби, которую онъ не могъ скрыть.

— Что съ вами, бай Марко?—участливо спросилъ докторъ, щупая его пульсъ и глядя въ его искаженное лицо.

— Ничего, отъ бури, должно быть. Теперь пройдетъ.

Когда дождь пересталъ, гость сталъ прощаться. Послѣдняя новость о выстрѣлахъ смутила его.

— Ба! Это должно быть гдѣ-нибудь хлопали непривязанные ставни, а служанка опять обманулась. Спокойной ночи!

V.

Арестъ.

Дойдя до своего дома, докторъ постучалъ у воротъ. Ему отворила старая женщина, которую онъ быстро спросилъ:

— Что дѣлаетъ Клеопатра?

— Спрашивала о тебѣ,—отвѣтила старуха, усмѣхнувшись.

Пройдя длиннымъ дворомъ, докторъ вошелъ въ свою комнату. Это была большая, безъ обивки, со шкафами въ стѣнахъ и съ большимъ глубокимъ каминомъ комната. Она служила ему и гостиной, и кабинетомъ, и аптекой, и спальней. Маленькая дверь вела изъ нея въ чуланчикъ. У одной изъ стѣнъ, на маленькой полочкѣ помѣщались всѣ докторскія лѣкарства, а на столѣ—ступка, нѣсколько истерзанныхъ медицинскихъ книгъ и револьверъ. Надъ кроватью виднѣлась двухстволка со всѣми къ ней принадлежностями. Только двѣ картины украшали комнату доктора—портретъ черногорскаго князя и фотографія какой-то не въ мѣру декольтированной артистки. Все говорило, что это квартира безшабашнаго холостяка: неубрано, неуютно, за то свободно.

Небрежно скинувъ верхнее платье и фесъ, докторъ подошелъ къ двери чулана и крикнулъ:

— Клеопатра, Клеопатра!

Никто не отозвался.

— Клеопатра, выйди же, голубушка!

Изъ чуланчика послышалось чье-то

ворчаніе. Докторъ помѣстился на стулѣ посреди комнаты и позвалъ еще громче.

— Сюда, Клеопатра!

Изъ чуланчика выползъ медвѣдь, вѣрнѣе, медвѣженокъ-самка. Она приблизилась къ доктору, волоча свои широкія лапы по полу и радостно рыча. Приподнявшись, она положила ему переднія лапы на колѣни, широко раскрывъ пасть и показывая свои бѣлые и острые зубы. Она ласкалась, какъ собаченка. Докторъ съ нѣжностью гладилъ ее по пушистой шерсти и давалъ ей лизать руку, которую она брала въ пасть.

Этотъ звѣрь, пойманный на Средней Горѣ еще щенкомъ, былъ подаркомъ одного охотника, у котораго докторъ вылѣчилъ сына отъ опасной болѣзни. Докторъ сильно привязался къ животному и воспитывалъ его съ необычайной заботливостью. Подъ его нѣжной опекой Клеопатра преблагополучно выросла, легко усваивала уроки гимнастики и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ своему господину. Она уже умѣла танцовать медвѣжью польку, подавала доктору фесъ, служила ему и сторожила его комнату, какъ собака. Это были настоящія медвѣжьи услуги, потому что ея присутствіе въ домѣ отбивало отъ Соколова многихъ больныхъ, но онъ обращалъ на это мало вниманія. Въ разгарѣ своей польки Клеопатра подымала обыкновенно ужасный ревъ, и вся улица тогда знала, что Клеопатра танцуетъ. Вмѣстѣ съ нею танцовалъ и веселый докторъ.

Въ этотъ вечеръ Соколовъ былъ особенно расположенъ къ деликатной Клеопатрѣ. Вынувъ изъ шкафа кусокъ мяса, онъ покормилъ ее съ руки.

— Ѣшь, моя голубушка, голодному медвѣдю не до танцевъ, говорятъ старые люди, а я хочу, чтобы ты танцовала мнѣ сегодня, какъ настоящая принцесса.

Медвѣдица поняла его слова и заревѣла: готова, молъ!

Докторъ схватилъ тазъ, забарабанилъ по немъ и весело запѣлъ:

Димитрова, русокудрая дѣвица,
Димитрова, скажи матери своей...

Клеопатра стала на заднія лапы и съ воодушевленіемъ принялась танцовать и ревѣть. Но вдругъ она подбѣжала къ окну и яростно зарычала. Докторъ догадался, что на дворѣ, должно быть, чужіе. Онъ схватился за револьверъ.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ, толкнувъ Клеопатру въ сторону.

— Докторъ, пожалуйте въ конакъ!—послышалось со двора.

— Это ты, Шерифъ-ага? За кимъ дьволомъ зовете вы меня теперь въ конакъ? Кто у васъ боленъ?

— Запри раньше медвѣдицу!

Докторъ сдѣлалъ Клеопатрѣ знакъ рукой и она ушла въ чуланъ, недовольно ворча.

— У насъ есть приказаніе отвести тебя въ конакъ, ты арестованъ!— строго произнесъ онбаши, войдя въ комнату.

— За что арестованъ? Кто меня арестуетъ?

— Тамъ все узнаешь. Ай-да, идемъ!—и доктора повели. Вслѣдъ послышался душу раздирающій, похожій на настоящій вопль, ревъ Клеопатры...

Въ конакѣ была замѣтна необычайная суета. Доктора привели прямо къ бею. Бей возсѣдалъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, въ углу. Рядомъ съ нимъ Киріякъ Стефчовъ и членъ совѣта конака Нечо Пиреинковъ разсматривали какіе-то листки. Бей, шестидесятилѣтній старикъ, имѣлъ весьма суровое лицо, но принялъ доктора вѣжливо и пригласилъ его сѣсть. Докторъ былъ его домашнимъ врачемъ и бей его любилъ; но у турокъ вообще была подобная тактика въ обращеніи съ обвиняемыми, съ цѣлью расположить ихъ къ чистосердечному сознанію.

Докторъ смущенно озирался кругомъ и съ удивленіемъ увидѣлъ на диванчикѣ свое пальто, подаренное имъ Краличу. Это открытіе объяснило ему причину приключенія.

— Докторъ! Это твоя одежда?— спросилъ бей.

Докторъ не могъ, да и не думалъ отказываться отъ такой очевидной вещи. Онъ отвѣтилъ утвердительно.

— А почему же она не у тебя?

— Я ее подарилъ вечеромъ какому-то бѣдняку.

— Гдѣ это?

— Въ Хадши Шадовской улицѣ.

— Въ которомъ часу?

— Около 8 ч. вечера.

— Ты знакомъ съ этимъ бѣднякомъ?

— Нѣтъ, но мнѣ стало жаль его: онъ былъ босъ и голъ.

— Какъ вретъ, несчастный!—презрительно сказалъ Нечо.

— Что-жъ, Нечо... кто тонетъ въ морѣ, хватается и за соломенку,— шепнулъ ему сосѣдъ.

И бей усмѣхнулся лукаво, какъ бы поймавъ доктора на очевидной лжи. Онъ былъ теперь твердо убѣжденъ, что пальто было снято съ плечъ самого доктора. Въ этомъ же увѣряла его и ночная стража.

— Киріакъ-ефенди, дай-ка книжки. А эти книжки ты узнаешь?

Докторъ увидѣлъ номеръ газеты «Независимость» и одну революціонную печатную прокламацію. Онъ отъ нихъ отказался.

— Тогда кто-же тебѣ ихъ сунулъ въ карманъ?

— Я вамъ говорилъ уже, что пальто я подарилъ; можетъ быть, это листки того.

Бей опять усмѣхнулся. Соколовъ увидѣлъ, что дѣло принимаетъ для него дурной оборотъ: въ лучшемъ случаѣ его обвинятъ въ сношеніи съ бунтовщиками.

— Такъ вотъ кто былъ вчерашній незнакомецъ! Кабы зналъ, спасъ бы отъ бѣды и его, и себя!—съ сожалѣніемъ думалъ докторъ.

— Приведите раненаго Османа,— приказалъ бей.

Въ комнату вошелъ раненый полицейскій съ перевязанной выше локтя рукой.

Это былъ тотъ самый, который снялъ съ Кралича пальто, причемъ былъ раненъ пулей одного изъ своихъ товарищей. Османъ подошелъ прямо къ доктору.

— Этотъ самый, ефендимъ!—увѣренно сказалъ онъ.

— Съ него ты снялъ платье, узнаешь его?

— Онъ самый, ефендимъ, онъ меня и ранилъ пулей въ Петкончевой улицѣ.

Соколовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Османа.

— Этотъ жандармъ безсовѣстно лжетъ! — крикнулъ онъ, вспыхнувъ отъ негодованія при этой неожиданной тяжкой клеветѣ.

— Османъ-ага, выйди-ка... Челеби,—опять началъ бей съ серьезнымъ видомъ,—ты отрицаешь все это?

— Все это клевета и ложь! Я никогда не ношу съ собой револьвера и въ этотъ вечеръ я вовсе не проходилъ по Петканчевой улицѣ.

Онбаши приблизился къ свѣчкѣ и сталъ осматривать докторскій револьверъ, взятый при арестѣ.

— Четыре пули есть, пятая выпущена,—многозначительно проговорикъ онбаши. Бей кивнулъ головой.

— Опять повторяю, вы ошибаетесь,—въ этотъ вечеръ я не носилъ револьвера.

— Гдѣ-же ты былъ, челеби, часовъ въ 9, когда разыгралась вся эта исторія?

Этотъ вопросъ, какъ громомъ поразилъ Соколова. Онъ сильно покраснѣлъ, но самоувѣренно отвѣтилъ:

— Въ 9 часовъ я былъ у Марко Иванова, у котораго боленъ ребенокъ.

— Когда ты входилъ къ чорбаджію Марко, было уже безъ малаго 10 часовъ, мы тогда выходили отъ него, — сказалъ онбаши, который встрѣтилъ доктора, идущаго къ Марко.

Докторъ молчалъ, совершенно растерявшись; обстоятельства сложились противъ него и опутали его кругомъ.

— Или лучше скажи намъ вотъ какъ: гдѣ ты былъ съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ свое пальто, до того, какъ заходилъ къ Марко Чорбаджи?— хитро повернулъ бей свой вопросъ. На такъ ясно поставленный вопросъ, нужно было дать такой же ясный отвѣтъ.

Но докторъ Соколовъ не далъ его. На открытомъ его лицѣ можно было прочесть сильную внутреннюю борьбу и нравственное страданіе. Его смущеніе и молчаніе были яснѣе всякаго сознанія. Бей видѣлъ передъ собой виноватаго и въ послѣдній разъ спросилъ его:

— Скажи, гдѣ ты былъ все то время, челеби?

— Не могу сказать!—тихо и рѣшительно сказалъ докторъ.

Такой отвѣтъ поразилъ всѣхъ. Совѣтникъ Нечо иронически подмигнулъ Стефчову, какъ-бы говоря: «попался, бѣдняга, въ ловушку!»

— Говори же челеби, гдѣ ты былъ въ это время?

— Не могу этого сказать никоимъ образомъ... это тайна, которую моя докторская и человѣческая честь не позволяетъ мнѣ открыть .. Но сегодня вечеромъ въ Петканчевой улицѣ я не былъ! — твердо и настойчиво проговорилъ докторъ.

Бей еще долго настаивалъ, чтобы Соколовъ открылъ все, рисуя ему всѣ грозныя послѣдствія такого упорнаго молчанія. Но докторъ уже смотрѣлъ спокойно, какъ человѣкъ, сказавшій все, что имѣлъ сказать.

— И такъ, не скажешь ли еще чего-нибудь?—закончилъ бей.

— Я все сказалъ, ефендимъ.

— Тогда, челеби, ты эту ночь будешь нашимъ гостемъ... Отведите челеби въ тюрьму!—строго приказалъ онъ.

Подавленный такимъ количествомъ уликъ, которыхъ онъ былъ не въ силахъ опровергнуть, какъ онъ заявилъ,—онъ никоимъ образомъ не могъ открыть, гдѣ былъ въ 9 часовъ,— докторъ Соколовъ понуро вышелъ отъ бея, сопровождаемый жандармами.

VI.

Письмо.

Марко плохо спалъ. Ночныя происшествія лишили его душевнаго покоя. Утромъ онъ вышелъ изъ дому раньше обыкновеннаго, чтобы выпить свое кофе въ кофейнѣ у Ганка. Кафеджій только-что открылъ свое заведеніе и развелъ огонь. Марко былъ его первымъ посѣтителемъ.

Всѣ кафеджіи словоохотливый народъ, и Ганко послѣ нѣсколькихъ обязательныхъ шуточекъ, которыя онъ отпускалъ всѣмъ, подавая кофе, поторопился сообщить бай Марко о докторскомъ приключеніи въ Петканчевой улицѣ, со всѣми его послѣдствіями, приправивъ свой разсказъ массой безсмысленныхъ и дикихъ басенъ. Все это Ганко разсказывалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ.

Марко не могъ придти въ себя отъ удивленія; съ вечера онъ такъ долго говорилъ съ докторомъ и ни по его лицу, ни по разговору, не замѣтилъ ничего особеннаго, необыкновеннаго. Да, наконецъ, едва ли докторъ сталъ бы скрывать отъ него подобныя вещи.

Г. ДЮКУДРЭ.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. ПОЗЕНЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

СРЕДНІЕ ВѢКА.

ГЛАВА I.

ВТОРЖЕНІЯ ВАРВАРОВЪ. ГЕРМАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Средніе вѣка.—Новыя расы.—Германцы; жизнь земледѣльцевъ и воиновъ.—Германская семья.—Германская дружина.—Королевское достоинство у германцевъ; народныя собранія.—Правосудіе.—Свобода личности.—Рабство у германцевъ.—Религія и миѳологія германцевъ.—Варварскія государства, вестготы, вандалы и др.; разрушеніе Западной имперіи (476).—Остготы; Теодерихъ.—Варварскіе законы; салическій законъ.—Упадокъ варварскихъ государствъ.—Военное главенство франковъ.—Франкское и римское общество; королевская власть.—Классы.—Финансы; правосудіе.—Церковь и варварское общество; епископы.—Право убѣжища; тонзура; клирики.—Соборы; отлученіе отъ церкви.—Церковныя богатства.—Монастыри.—Папство.—Союзъ франкскихъ королей съ церковью; каролингская династія; свѣтская власть папъ.—Европа въ VIII вѣкѣ.

Средніе вѣка—промежуточное время между древней и новой цивилизаціей. Человѣку не суждено было идти безъ отступленій къ прогрессу матеріальному и нравственному. Въ V вѣкѣ христіанской эры глубокая ночь смѣняетъ яркій свѣтъ, исходившій изъ Аѳинъ и Рима. Народы, долгое время державшіеся въ сторонѣ отъ цивилизованнаго міра, вторгаются въ него, разрушаютъ города и памятники, грабятъ церкви, раззоряютъ и порабощаютъ жителей и, вмѣстѣ съ нищетой, распространяютъ глубокое невѣжество. Вторженіе, начавшееся небольшими отрядами съ 240 года, продолжается цѣлыми массами въ теченіе всего V и части VI вѣка. Когда нашествіе съ сѣвера, повидимому, окончилось, началось вторженіе другого характера, вторженіе народовъ юга. Греческая имперія, въ свою очередь, была раздроблена. Весь міръ оказался раздѣленнымъ между новыми народами и даже новыми религіями. Тогда началась преобразовательная работа, продолжавшаяся, съ затрудненіями, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, до XV вѣка, когда она пошла несравненно быстрѣе.

Эта тяжелая работа слiянія расъ и преданій, это усиліе подавленной цивилизаціи подчинить себѣ своихъ побѣдителей, наполняютъ средніе вѣка или трудолюбивое дѣтство новаго общества. Безчисленныя вторженія, безконечныя войны, неслыханныя бѣдствія—вотъ что представляетъ исторія въ теченіе болѣе чѣмъ пяти вѣковъ (съ V до XI). Казалось, распавшееся человѣческое

*

общество не въ состояніи будетъ сплотиться вновь, и міръ возвратится къ эпохѣ пелазговъ. Однако, всѣ разрозненные и смѣшанные элементы приходятъ въ порядокъ, націи намѣчаются, умы пробуждаются, наука оживаетъ; послѣ долгаго усыпленія, человѣчество возрождается въ XV вѣкѣ, и начинаетъ разцвѣтать новая цивилизація.

Было бы несправедливо не принимать во вниманіе продолжительную работу среднихъ вѣковъ, періода, столь долго подвергавшагося порицанію. Не слѣдуетъ, конечно, подъ вліяніемъ предразсудковъ и политическихъ страстей, отдаваться излишнему восторгу передъ нѣкоторымъ внѣшнимъ блескомъ общества, которое энергично поднялось изъ варварства и кажется намъ привлекательнымъ наивной граціей своей молодости. Въ средніе вѣка, какъ и во всякое переходное время, мы видимъ насилія и несправедливости на ряду съ высшими доблестями, наружный порядокъ, прикрывающій глубочайшую смуту, страшное столкновеніе идей и народовъ, волнующихся точно въ громадномъ горнилѣ, гдѣ сплавляются вмѣстѣ различные металлы и гдѣ золото смѣшивается съ мѣдью. Нѣтъ ничего труднѣе. какъ прослѣдить исторію общества, составленнаго изъ различныхъ элементовъ во время ихъ полнаго кипѣнія.

Прежде всего надо сказать, какія расы явились обновить древнее населеніе Европы. Ихъ было три: расы *германская* и *славянская*, вышедшія, впрочемъ, изъ того же арійскаго корня, какъ и населенія Греціи и Рима, затѣмъ, раса *татарская*. Эта раса почти не поддается цивилизаціи (мы говоримъ почти, такъ какъ въ настоящее время не отчаяваются болѣе ни за одну расу). Она играла лишь разрушающую роль, давъ, однако, начало, благодаря болѣе или менѣе частому смѣшенію съ бѣлой расой, болгарамъ, туркамъ и финнамъ.

Двѣ первыя расы населили и измѣнили Европу. Долгое время *славяне* (сарматы, квады, венеды, летты и поляки, словаки, чехи или богемцы, сербы, моравы, русскіе, босняки, кроаты) оставались на заднемъ планѣ. Но высокіе, сильные, замѣчательные правильностью чертъ и живостью характера, подвижностью и умомъ, они должны были возвыситься и впослѣдствіи образовать собою народы *Восточной* и даже *Центральной Европы*. *Германцы*, жившіе ближе къ Римской имперіи, съ давнихъ временъ поселившіеся между Рейномъ и Эльбой, а своею *готской* вѣтвью простиравшіеся до Урала, были наиболѣе дѣятельными разрушителями имперіи и основателями народовъ *Западной Европы*. Весьма важно изучить именно ихъ, такъ какъ, вопреки мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ, желавшихъ связать современное общество почти исключительно съ обществомъ римскимъ, физическій типъ, языки, законы и идеи западныхъ европейцевъ не позволяютъ отрицать ихъ германскаго происхожденія.

Восхваляемыя или принижаемыя выше мѣры, прославляемыя Тацитомъ, противупоставлявшимъ ихъ простые нравы римской испорченности, превозносимые нѣмцами, гордящимися происхожденіемъ отъ нихъ, унижаемые сторонниками латинскихъ расъ, гер-

манцы не заслуживаютъ ни этихъ преувеличенныхъ похвалъ, ни этого крайняго презрѣнія. Происходя отъ арійской расы, почти сходные съ галлами, предшествовавшими имъ по дорогѣ на Западъ, высокіе, бѣлокурые, сильные, германцы находились на первой ступени развитія общественной жизни. Будучи охотниками и воинами, переходя съ мѣста на мѣсто небольшими отрядами, они кочевали по всему пространству страны, которую занимали. Они обработывали почву, но мѣняли мѣста обитанія послѣ жатвы и, какъ предполагаютъ, не имѣли личной собственности, потому что считали землю принадлежащею божеству. Ихъ хижины были разбросаны, но это не удивитъ никого, кто, путешествуя по Франціи, встрѣчалъ деревни, растянутыя на протяженіи мили, съ рѣдкими домами. Германцы занимались земледѣліемъ ради необходимости и предпочитали ему войны и грабежи.

Надо-ли прибавлять, что эти народы не имѣли никакой общественной и политической организаціи? Тѣмъ не менѣе, у нихъ было чувство уваженія къ семьѣ. «Германцы,—говоритъ Тацитъ,—почти единственные изо всѣхъ варваровъ, довольствующіеся лишь одной супругой». Жена не приносила приданаго мужу, а, напротивъ, мужъ давалъ приданое своей женѣ (morgengab). Тацитъ отмѣчаетъ и уваженіе, какимъ германцы окружали женщину. «Они признавали въ ней, — говоритъ онъ, — нѣкоторую праведность и прозорливость и не пренебрегали ни ея совѣтами, ни предчувствіями». Тѣсно связанная съ мужемъ, жена раздѣляла его труды и опасности. Во время битвы, она оставалась при повозкахъ, но, если воины отступали, женщины бросались къ нимъ на помощь, вели ихъ обратно въ сраженіе или погибали вмѣстѣ съ ними.

Супружеская и отеческая власть была лишь *опекой*. Французское гражданское законодательство приняло принципъ охраны (mundium), исходившій изъ германскихъ нравовъ, державшійся на обычномъ правѣ и устанавливавшій семейныя отношенія на необходимости защиты слабаго и обезпеченіи, доставляемомъ родительской привязанностью и нѣжностью [1]. Юноша считался совершеннолѣтнимъ въ пятнадцать лѣтъ: тогда его причисляли къ воинамъ; онъ уже былъ свободенъ. Дѣти наслѣдовали имущество послѣ отца и дѣлили его поровну. Завѣщаній не существовало вовсе. Дочь также, какъ и сыновья, допускалась къ раздѣлу всякаго движимаго имущества. Она исключалась только изъ наслѣдованія *салической земли*,—выраженіе неопредѣленное, относительно котораго еще не пришли къ соглашенію, но которое, повидимому, обозначало дворянскую землю, пріобрѣтенную завоеваніемъ.

Хотя, повидимому, у этихъ народовъ было развито чувство

---

[1]) «Кодексъ Гондебальда (501 г. послѣ Р. Х.)—первый письменный памятникъ Европы, устанавливающій, на основаніи закона, кровныя узы родства; онъ выражаетъ, въ видѣ положительнаго закона, начало освобожденія человѣка, провозглашая его полноправнымъ (*sui juris*) при совершеннолѣтіи; признаетъ жену подругой мужа и обезпечиваетъ за нею въ наслѣдованіи послѣ мужа права вдовы. Этотъ кодексъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ первый призналъ законную опеку вдовы надъ своими дѣтьми, допуская, такимъ образомъ, женщину во всѣ права гражданской жизни, дополняющія ея материнскія права». Valentin Smith (*De la famille chez les Bourgondes*).

равенства, письменные памятники указываютъ на существованіе наслѣдственной знати [1]), но знатныя семьи значительно уменьшились во время вторженій [2]). Тѣмъ не менѣе, мы видимъ германцевъ, какъ нѣкогда галловъ, собирающихся около начальника дружины, за которымъ они идутъ въ битву и пережить котораго, если онъ падетъ на полѣ битвы, считается стыдомъ. Эта преданность извѣстному лицу образуетъ у германцевъ горделивыхъ военныхъ кліентовъ, столь отличающихся отъ мирныхъ и подобострастныхъ кліентовъ римлянъ. Военачальники облечены властью только во время битвы: на другой день они равноправны со своими воинами и раздѣляютъ съ ними добычу; они не получаютъ ничего, кромѣ своей доли.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы германцы никому не подчинялись. У нихъ были короли, которыхъ они выбирали, по свидѣтельству Тацита, изъ самыхъ знатныхъ семей. Эти короли ничего не предпринимали безъ согласія общаго народнаго *собранія* (mallum), шумнаго сборища, гдѣ начальники и воины, построенные рядами, какъ во время сраженія, слушали предложенія главы и одобряли ихъ, ударяя копьями въ щиты; эта бурная и шумная свобода возбуждала своимъ могучимъ дыханіемъ древній міръ, усыпленный восточнымъ рабствомъ.

Совѣтъ или собраніе вождей судитъ также наиболѣе тяжкія преступленія. Въ случаѣ менѣе важныхъ преступленій или проступковъ, начальники небольшихъ участковъ (pagi) обходили область, разбирали дѣла и судили виновнаго передъ *равными* или *подобными* ему. Впрочемъ, такое правосудіе совершалось рѣдко, такъ какъ преслѣдовались лишь преступленія противъ общества, и только одно преступленіе — трусость — влекло за собою смертную казнь.

Что же касается покушеній противъ лицъ, частныхъ проступковъ или преступленій, то потерпѣвшая семья пользовалась правомъ мести не только относительно самого убійцы, но и всей его семьи, признававшейся участницей въ преступленіи. Послѣдствій этой мести избѣгали путемъ *вознагражденія*, возмѣщая деньгами нанесенный ущербъ: убійство для варваровъ считалось только ущербомъ, и они не видѣли въ немъ нарушенія нравственнаго закона. Цѣна измѣнялась, смотря по положенію и богатству жертвы: это называлось *вергельдомъ*,—wergeld (цѣна человѣка) или wehrgeld (цѣна войны).

Личность и независимость семьи, личность и независимость отдѣльныхъ членовъ общества,—таковы были чувства, глубоко проникавшія германцевъ; повсюду, гдѣ они появляются, они сохраняютъ свои законы и поддерживаютъ личное право мести за причиненныя оскорбленія. Отдѣльная личность вмѣщаетъ въ себѣ все: она все можетъ сдѣлать и служитъ своему начальнику, потому что тотъ ему нравится, но завтра можетъ перейти къ другому. Это—воинъ, совершенно чуждый идеѣ гражданина.

---

[1]) Кодексы баварцевъ, тюрингенцевъ, фризовъ, англо-саксовъ.

[2]) Въ VI в. ихъ оставалось лишь четыре среди баварцевъ, двѣ у готовъ и одна у франковъ.

Германецъ, столь гордившійся своей свободой, могъ ее утратить (благодаря плѣну, долгамъ, игрѣ), но у этого народа рабство не имѣетъ того характера, какой имѣло у римлянъ. Простые, грубоватые германцы, на первыхъ порахъ, не нуждались въ толпѣ рабовъ; поэтому послѣднихъ отправляли въ деревни и на нихъ возлагалась обработка земли, жатва и всѣ тяжелыя работы, тогда какъ свободные люди охотились или воевали. Эти рабы во многомъ походили на колоновъ и даже почти смѣшивались съ колонами или *рабочими*, которыхъ побѣдители заставляли обрабатывать для себя землю. «Ударить раба,—говоритъ Тацитъ,—заковать его въ цѣпи, у нихъ—рѣдкій случай; иногда они убиваютъ рабовъ, но не вслѣдствіе строгости и дисциплины, а въ гнѣвѣ и по первому побужденію, какъ убили бы врага».

Религія у германцевъ, столь же первобытная, какъ и ихъ общественное и политическое состояніе, имѣла, тѣмъ не менѣе, значительное вліяніе на нихъ: она служила главнымъ источникомъ ихъ мужества. Трудно опредѣлить характеръ боговъ, которыми они населяли небо и землю: *Одинъ*—верховный богъ, былъ богомъ битвъ; *Донаръ*—богомъ грома; *Тиръ*—богомъ меча; *Фрейръ* — богомъ мира и жатвъ; кромѣ того, у нихъ была богиня *Фрига* или *Фрея*. У нихъ встрѣчаются и многочисленныя доказательства обожанія природы, — божества *Солнца*, *Луны (Сунна*, *Мани*), *Земли*, богиня *Эрта*. Имена боговъ повторяются въ германскомъ календарѣ — воскресенье, *Зонтагъ* (день солнца); понедѣльникъ, *Монтагъ* (день луны); *Доннерстагъ*, день *Донара*, или четвергъ; *Фрейтагъ*, пятница (день Фреи). По шведски среда называется *Оденстагъ;* по англійски—*Уэднесдей;* вторникъ по англійски *Тьюсдей*, день Ціо или Тира, олицетворявшагося мечомъ. Германцы вѣрили въ будущую жизнь, по крайней мѣрѣ, для храбрыхъ, на небѣ, съ богами и богинями, которыми управлялъ Вотанъ или Одинъ, въ прекрасномъ дворцѣ *Валгаллѣ*, построенномъ среди облаковъ. Храбрые, по ихъ преданіямъ, тамъ встрѣчались *Валькиріями* («дѣвами битвъ»), приводившими ихъ въ Валгаллу, гдѣ вѣчныя пиршества служили наградой за ихъ подвиги.

«Германская миѳологія въ своемъ позднѣйшемъ развитіи пришла въ *Эддахъ* къ мрачной и фантастической космогоніи, носящей на себѣ отпечатокъ дикаго варварства Сѣвера.

«...Дѣтское воображеніе людей переживаетъ всегда одинаковые процессы въ тѣ же періоды развитія; только климатъ придаетъ ихъ созданіямъ различныя краски. Здѣсь встрѣчаются громадные, ужасные призраки, которые страшная природа Сѣвера, ураганы и туманы, обманчивый свѣтъ сѣверныхъ сіяній, небо, часто покрытое тяжелыми, черными или кроваво-красными тучами, противуполагаетъ яснымъ, прозрачнымъ, отчетливымъ образамъ, порождаемымъ солнцемъ Юга, съ вѣчно голубымъ, яркимъ и всегда одинаковымъ небомъ.

«...Воинственный, кровавый пылъ, запечатлѣнный религіозностью, проявлялся у германцевъ уже въ ихъ первыхъ столкновеніяхъ съ Римомъ. Ихъ три божества, свойства которыхъ съ трудомъ поддаются опредѣленію, имѣютъ тотъ общій характеръ,

что всѣ они—боги войны и насилія. Это—кровавое, тройственное божество. Имъ объясняется вѣрованіе въ загробную жизнь, предназначенную для воиновъ и убійцъ въ дикомъ замкѣ Валгаллы, гдѣ вѣчныя битвы смѣняются вѣчными пирами. Эти неистовые борцы, о которыхъ говоритъ Посидоній, въ отрывкѣ, сохраненномъ Страбономъ, эти воины Тацита, опоясанные желѣзнымъ кольцомъ въ теченіе всей своей жизни и образующіе всегда первый рядъ въ битвѣ, съ лицами никогда не смягчающимися, даже въ мирное время, встрѣчаются намъ еще разъ въ скандинавскихъ берзеркерахъ (berserkers), одержимыхъ неистовой страстью убійства и разрушенія. Умереть, для нихъ значитъ — возвратиться къ Одину, въ Валгаллу на войну!

«Въ Германіи можно встрѣтить и до сихъ поръ остатки суевѣрій, связанныхъ съ древнимъ культомъ германцевъ и съ легендами Эдды. До настоящаго времени, въ началѣ и въ концѣ лѣта зажигаются огни отъ хребтовъ Норвегіи до холмовъ Швабіи и Австріи. Бѣлые эльфы, опустошавшіе луга, чтобы плести свѣжіе вѣнки для умершихъ, великаны, разбрасывавшіе въ разныхъ мѣстахъ гранитныя глыбы, карлики, истощавшіе серебряные и золотые рудники по скатамъ горъ, Муспилій, духъ озеръ, идизы, кобольды, населявшіе всю природу, духи дома, лѣсовъ, водъ, магическія средства для добраго и злого, сохранявшіяся колдуньями, скакавшими ночью по воздуху, и долго справлявшими на Брокенѣ свои шабаши (Вальпургіева ночь),—во всемъ этомъ столько воспоминаній о суевѣріяхъ древней Германіи, что знаменитый Яковъ Гриммъ находилъ особенное удовольствіе отыскивать и толковать ихъ, выказывая при этомъ эрудицію болѣе широкую и глубокую, чѣмъ трезвую и положительную» [1]).

Вторженіе германскихъ народовъ скорѣе разрушило, чѣмъ обновило Римскую имперію. Первымъ было племя западныхъ готовъ (вестготы), бѣжавшее передъ ордами татарской расы; оно вторглось въ 376 г. въ Восточную имперію и было отброшено на западъ политикой министровъ константинопольскаго императора; послѣ долгихъ передвиженій (по Ѳракіи, Македоніи, Греціи, Иллиріи, Италіи), ему удалось основать государство въ южной Галліи и въ Испаніи (419). Столицей этого государства была Тулуза. *Бургунды*, отдѣлившись отъ главной массы великаго вторженія, которое въ 406—407 гг. пронеслось черезъ Галлію, основали въ горахъ Юры, въ долинахъ Соны и Роны, государство подъ властью короля Гандикара (413). *Свевы* и *вандалы*, составлявшіе главную часть четырехъ сотъ тысячъ варваровъ, вторгшихся въ 406 г., остались въ Испаніи. Тѣснимые вестготами, они были отброшены—свевы къ сѣверо-западу, а вандалы къ югу, гдѣ они утвердились въ долинѣ Бетиса, сохранившей ихъ имя, *Андалузія*. Оттуда вандалы перешли въ Африку (430) и создали изъ римской провинціи Африки и южной Испаніи континентальное и морское государство, столицу котораго свирѣпый Гензерихъ помѣстилъ въ *Карѳагенъ*. На сѣверѣ Галліи, небольшой народъ,

[1]) J. Zeller, *Histoire d'Allemagne*.

часто служившій римлянамъ въ качествѣ союзника, *франки*, подвинулся до Соммы (428).

За этимъ первымъ отрядомъ варваровъ надвинулся страшный народъ *гунны*, который, казалось, долженъ былъ покорить всю Европу. Но народы, уже утвердившіеся въ римской имперіи, не желали лишиться своихъ владѣній. Сидя за обильнымъ пиромъ, они не соглашались его покинуть: франки, бургунды и вестготы присоединились къ остаткамъ римскихъ войскъ въ Галліи и отразили на Каталонскихъ поляхъ (451) натискъ свирѣпыхъ ордъ гунновъ, варварство которыхъ пугало самихъ варваровъ. Татарская раса, вытѣсненная изъ Галліи и выброшенная изъ Италіи, утвердилась на равнинахъ Тиссы, гдѣ она должна была измѣниться, смѣшавшись со славянскими и германскими племенами.

Такимъ образомъ, въ половинѣ V вѣка Западная имперія перестала уже существовать. Римъ, опустошенный вандалами Гензериха, невѣжественная грубость которыхъ навсегда была заклеймлена словомъ *вандализмъ* (455), не могъ уже подняться, и имперія просуществовала лишь нѣсколько лѣтъ, чтобы пасть подъ ударами незначительнаго вождя *геруловъ*, *Одоакра* (476).

Это было еще не все. Второе племя готовъ, восточное *(остготы)*, долгое время подчиненное гуннамъ, возвратило себѣ свободу и спустилось, въ свою очередь, къ югу. *Теодерихъ* обманулъ и убилъ Одоакра и утвердилъ (493) своихъ остготовъ въ Италіи, по сосѣдству съ вестготами южной Галліи. По странному совпаденію, обѣ вѣтви племени готовъ оказались снова вблизи другъ отъ друга, въ томъ же точно порядкѣ, какъ они находились сто лѣтъ тому назадъ, въ обширныхъ равнинахъ Волги, Дона и Днѣпра.

Племя готовъ было наиболѣе многочисленнымъ, лучше организованнымъ и болѣе мягкимъ; оно съ раннихъ временъ было обращено въ христіанство или, по крайней мѣрѣ, въ аріанство и, повидимому, распространило его и на другія родственныя племена. Вестготскіе короли окружили себя блестящимъ дворомъ въ Тулузѣ. Теодерихъ, соединивъ своихъ остготовъ съ итальянскими римлянами, старался возстановлять развалины и воздвигать новыя зданія. Болѣе всѣхъ другихъ варварскихъ вождей, онъ подвергся вліянію древней цивилизаціи и желалъ обновить ее. Своею славой онъ затмѣвалъ *Хлодовика*, грубаго короля франковъ. Онъ занялъ и оживилъ Римъ.

Обаяніе древняго властелина міра ослѣпляло всѣхъ варварскихъ вождей, и они постоянно мечтали возобновить для себя имперію. Теодерихъ приравнивалъ остготовъ къ римлянамъ. Хлодовикъ украшалъ себя знаками достоинства консула и патриція, присланными Анастасіемъ, императоромъ Востока. Бургундцы, прославившіеся своими рѣзными работами, продолжали заниматься ими, не покидая оружія. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать, подобно многимъ современнымъ историкамъ, склонности варваровъ къ сліянію съ римскимъ населеніемъ. Уже доказано, что первые варварскіе короли не имѣли никакого общаго понятія объ организаціи и вовсе не заботились о замѣнѣ одной національности другою. Даже Теодерихъ жертвовалъ своею въ пользу національности римской.

Кромѣ того, варвары, утвердившіеся въ мѣстообитаніяхъ послѣдней, не были достаточно многочисленны, чтобы быстро обновить населеніе. Численность вестготовъ достигала двухсотъ тысячъ. остготовъ же—была нѣсколько выше; бургундовъ насчитывалось до шестидесяти или восьмидесяти тысячъ, а первые отряды Хлодовика не превышали 5—6 тысячъ человѣкъ. Главной массой, все собою потопившей, были гунны, но они были оттѣснены назадъ.

О характерѣ этихъ варварскихъ царствъ можно составить понятіе, всего болѣе, по ихъ законамъ. Когда разсѣялся первоначальный безпорядокъ, короли вестготовъ, бургундовъ и франковъ почувствовали необходимость обнародовать *уставы* (кодексы), которые отражали бы собою болѣе или менѣе понятія германцевъ и идеи римлянъ, смотря по степени смѣшенія народовъ, побѣдителей съ побѣжденными. *Салическій законъ* или законъ франковъ, составленный при Хлодовикѣ и исправленный при Дагобертѣ, сохранилъ болѣе всѣхъ другихъ германскій отпечатокъ. Какъ говоритъ Гизо, «текстъ, со множествомъ германскихъ словъ, заключаетъ въ себѣ 80 главъ и 420 статей или параграфовъ; чисто латинскій текстъ имѣетъ лишь 70, 71, 72 главы, согласно различнымъ рукописямъ, и 406, 407 или 408 статей. На первый взглядъ нельзя не поразиться безпорядочностью этого законодательства. Оно касается всего: права государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, сельской полиціи и всевозможныхъ самыхъ предметовъ, безъ всякаго различія или классификаціи. Если бы статьи всѣхъ нашихъ судебныхъ уставовъ написать каждую отдѣльно, затѣмъ смѣшать ихъ въ одной урнѣ и вынимать одну за другою, то случайный порядокъ, который явился бы при этомъ расположеніи не отличался бы отъ распредѣленія ихъ въ салическомъ законѣ.

«Если присмотрѣться ближе къ содержанію этого законодательства, то можно замѣтить, что это, главнымъ образомъ, законодательство уголовное, что уголовное право занимаетъ въ немъ первое, почти исключительное мѣсто. Государственное право тамъ проявляется лишь косвенно, въ видѣ намековъ на учрежденія, на факты, разсматриваемые, какъ уже существующіе, которыхъ законъ вовсе не намѣренъ ни устанавливать, ни излагать. По гражданскому праву оно заключаетъ нѣсколько болѣе опредѣленныхъ постановленій, дѣйствительно внушительныхъ, включенныхъ намѣренно. Уголовное право преобладаетъ; очевидно, законъ имѣлъ цѣлью подавлять преступленія и налагать наказанія. Это—уголовный кодексъ. Въ немъ насчитывается до 343 уголовныхъ статей и лишь 65 по всѣмъ другимъ предметамъ. Таковъ характеръ всѣхъ зарождающихся законодательствъ; именно при помощи уголовныхъ законовъ народы дѣлаютъ первый видимый или записанный шагъ, если можно такъ сказать, къ выходу изъ состоянія варварства [1])».

Законъ рипуаріевъ составленный по повелѣнію Тьерри I, короля Австразіи, и также исправленный при Дагобертѣ, уже

[1]) Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, I, 9-e leçon.

проникнутъ римскимъ правомъ. Законъ *бургундовъ*, оставаясь германскимъ, точно также обнаруживаетъ склонность къ заимствованію римскихъ законовъ. Наконецъ, законъ *вестготовъ* (или Forum judicum)—значительный трудъ, плодъ работы нѣсколькихъ вѣковъ, уставъ, гдѣ почти всюду чувствуется римское и христіанское вліяніе.

Кромѣ того, продолжало существовать *римское право*, примѣнявшееся къ римскому населенію. Это римское право заключалось въ особыхъ сборникахъ, подобно тому, которое неправильно обозначалось названіемъ *Бревіарія* (сокращенія) Алариха II, и было, напротивъ, составлено по законамъ послѣднихъ императоровъ и по юридическимъ трактатамъ, между прочимъ, и Гайя. Произошелъ фактъ, противоположный тому, какой былъ вызванъ римскимъ завоеваніемъ, и являющійся всегда, когда цивилизованная страна подпадаетъ подъ власть низшей расы. Римскія преданія поддерживались среди германскихъ обычаевъ, и ихъ вліяніе мало-по-малу измѣнило эти послѣдніе.

Эта великая работа продолжалась отъ VI до X вѣка и настолько выдвинула римскія понятія, что царства вестготовъ и остготовъ казались почти римскими государствами, что даже послужило причиной ихъ быстраго упадка.

Племя готовъ, всецѣло перемѣщенное въ имперію, не имѣя возможности обновляться германской кровью, было поглощено прежнимъ населеніемъ. Оно освободилось отъ жестокости, изнѣжилось въ наслажденіяхъ римской цивилизаціи, а южный климатъ окончательно разслабилъ эту крѣпкую народность сѣвера. Вестготы Галліи отступили передъ франками Хлодовика и укрѣпились въ Испаніи (507). Остготы не могли противиться греческимъ войскамъ, правда, подъ предводительствомъ Велизарія, уже покончившаго съ царствомъ вандаловъ въ Африкѣ въ 533 г. Югъ Галліи, хотя и завоеванный франками, и Италія, покоренная варварами, остались римскими, и именно тамъ еще сохранился живымъ, подъ толстымъ слоемъ пепла, очагъ римскихъ идей.

Франки преобразовались въ римлянъ не такъ скоро, какъ другіе народы, и въ этомъ заключалась главная причина ихъ успѣховъ.

Гораздо менѣе многочисленные, чѣмъ готы, они могли бы быть поглощены быстрѣе, если бы не поддерживали себя военной организаціей. Они вели лагерную жизнь въ поляхъ, сохраняли духъ свободы, принуждали населеніе обрабатывать для нихъ почву и долгое время жили только грабежомъ. Подвигаясь шагъ за шагомъ отъ Шельды до Соммы, Сены и Луары, они переходили эту рѣку только для прибыльныхъ набѣговъ. До эпохи Каролинговъ, югъ Галліи оставался почти независимымъ. Бургундія долгое время составляла особое королевство, управляемое, впрочемъ, франкскими принцами. Кромѣ того, франки поддерживались германцами: ихъ постоянно подкрѣплялъ непрерывный наплывъ переселенцевъ. Когда западные или *нейстрійскіе* франки видимо слишкомъ поддавались римской изнѣженности, франки восточные или *австразійскіе* брали надъ ними верхъ и возобновляли поступа-

тельное движеніе. Отсюда исходитъ эта, повидимому, необъяснимая судьба, возвысившая франковъ надъ всѣми другими варварскими народами и создавшая изъ нихъ истинныхъ возстановителей Римской имперіи, хотя они долгое время казались самыми слабыми и самыми свирѣпыми изъ ея враговъ.

Для королевства франковъ, сначала столь непокорнаго римскимъ идеямъ, вскорѣ стало яснымъ, какую пользу оно могло извлечь изъ послѣднихъ. Его собственный авторитетъ былъ не проченъ, но когда оно увидѣло, что подчиненные народы выказываютъ ему такое же уваженіе, какъ древнимъ императорамъ, честолюбіе принудило его приравнять свою власть къ императорскому достоинству. Продолжительная борьба Брунегильды съ вассалами, австразійцами, и жестокая ненависть, какую послѣдніе высказывали къ ней, вызвали попытки этой королевы вынудить ихъ къ повиновенію, къ которому пріучены были вассалы Рима. Дагобертъ подражаетъ уже не только пышности, но и тираніи императоровъ. Гордые вассалы, судить которыхъ могли только ихъ *пэры* (равные), подвергаются смертной казни по простому приговору короля. Монарха, сидящаго на тронѣ, окружаютъ *галло-римскіе* совѣтники, умѣло пользующіеся законами и, между прочимъ, древнимъ закономъ объ оскорбленіи *величества.* Нейстрійское королевство сдѣлалось почти римскимъ, и это послужило лишней причиной для упадка Нейстріи. Притѣсненные вассалы ея нашли себѣ пріютъ у австразійцевъ, гдѣ германскій духъ былъ еще настолько живымъ, что уничтожилъ даже королевскую власть. *Пепинъ Геристальскій* былъ только военнымъ вождемъ.

Короли франковъ велѣли записать старинные правовые обычаи, какъ мы уже говорили, и хотя салическій законъ значительно отдалялся отъ духа римскаго права, тѣмъ не менѣе, это былъ писанный законъ. Вассалы, столь яростно противившіеся преобразованію королевства, незамѣтно для самихъ себя также подчинились римскимъ понятіямъ о величіи: они украсили себя титулами *графовъ* и *герцоговъ* и находили справедливымъ присвоить себѣ привилегіи римской знати. Общественный строй остался такимъ же, какъ онъ былъ установленъ при имперіи, и размѣры *пени* (wergeld'a) показываютъ намъ тѣ же общественныя ступени, но, кромѣ того, является еще франкское дворянство. Городскіе жители продолжали заниматься ремеслами. Галло-римляне, которые не были лишены своего имущества на первыхъ порахъ, пріобрѣли значеніе сообразно своему состоянію; они даже считаются равными вождямъ франковъ и раздѣляютъ съ ними почести и *бенефиціи*, или земли, пожалованныя королями [1]).

По размѣрамъ пени (wergeld'a) можно вывести слѣдующія ступени классовъ:

Спутники короля, цѣна которымъ была назначена въ.	1.800 су зол.
Герцоги, епископы отъ.	900 до 960 » »

---

[1]) См. у Григорія Турскаго многочисленные разсказы, въ которыхъ богатые галло-римляне, благороднаго происхожденія, играютъ извѣстную роль.

Лица королевской свиты, вассалы короля, священники, судьи	600	су	зол.
Свободный франкъ.	200	»	»
Свободный варваръ	160	»	»
Рабъ, искусный золотыхъ дѣлъ мастеръ .	»	»	»
Римлянинъ-землевладѣлецъ (т.-е. отпущенникъ по римскому обычаю).	100	»	»
Германскій литъ.	100	»	»
Рабъ-варваръ	55	»	»
Рабъ-кузнецъ	50	»	»
Рабъ придворной королевской церкви и римлянинъ, платящій подать.	45	»	»
Рабъ (у баварцевъ)	20	»	»

Вторженіе окончилось, но рабство осталось такъ же, какъ и дворянство. Классъ *колоновъ* увеличился вслѣдствіе бѣдствій того времени, и рабъ все болѣе и болѣе перемѣщается въ деревню, связывается съ плугомъ.

Всего менѣе подверглись измѣненію *налоги*. Короли франковъ находили удобнымъ поддерживать всегда открытыми эти источники богатства, впрочемъ, достаточно истощенные бѣдствіями вторженій. Фредегонда и Хильперикъ ввели регистрацію налоговъ. Тѣмъ не менѣе, финансовая неопытность королей и министровъ, возрастающее невѣжество, результатъ безконечныхъ войнъ, привели къ разстройству этой части римской администраціи, такъ же, какъ и всѣхъ другихъ частей. Надо только представить себѣ, какою могла оказаться громадная римская административная машина, столь ученая и сложная, когда она приводилась въ движеніе варварами, среди невѣроятнаго безпорядка, происходившаго отъ продолжительнаго столкновенія Нейстріи съ Австразіей. Безъ сомнѣнія, она продолжала дѣйствовать нѣкоторое время, но мало-помалу портилась, какъ остроумно придуманная игрушка, предоставленная прихотямъ ребенка. Въ теченіе періода Меровинговъ, римскія традиціи еще поддерживались, но понемногу уступили мѣсто традиціямъ германскимъ.

Судъ посредствомъ *испытанія огнемъ* или *поединка*, замѣнилъ римскіе процессы; клятвы *присягателей*, шумно появлявшихся, чтобы свидѣтельствовать о невинности обвиняемаго, заступили мѣсто судебныхъ преній; выкупъ за деньги замѣнилъ наказанія. Тѣлесныя наказанія все болѣе и болѣе примѣнялись къ низшимъ классамъ, уничиженіе которыхъ увеличивалось надменностью благородныхъ франковъ. Появившаяся военная аристократія, не перестававшая обогащаться завоеваніями, принимала характеръ, совершенно отличный отъ императорской знати, даже и тогда, когда пополнялась изъ рядовъ послѣдней. Въ началѣ, римская цивилизація могла оказывать вліяніе на франковъ, но эти послѣдніе, дѣлаясь все болѣе и болѣе многочисленными и гордыми, отдавали перевѣсъ собственнымъ обычаямъ, часто несправедливымъ, и своимъ нравамъ, часто грубымъ и жестокимъ. Въ дѣйствительности, вторженіе продолжалось въ Галліи въ теченіе всего Меровингскаго періода, и мракъ сгущался все болѣе и болѣе.

Западъ, раздѣленный на варварскія царства, которыя, такъ сказать, обрушивались другъ на друга, былъ жертвой смуты, вслѣдствіе завоеванія и столкновенія германскихъ и римскихъ нравовъ. Впрочемъ, хотя имперія рушилась, церковь продолжала существовать.

Среди развалинъ, накапливавшихся со всѣхъ сторонъ, поддерживалось религіозное общество, *единое*, не смотря на волновавшіяся среди него многочисленныя секты, *дисциплинированное*, вопреки потрясавшимъ его раздорамъ, съ *іерархическимъ* строемъ, не замкнутымъ, а открытымъ для новыхъ народовъ, казавшихся ему тѣмъ болѣе пригодными для его цѣли, что они были свободны отъ старыхъ предразсудковъ и легче подчинялись власти. Во время безпорядковъ, происходившихъ отъ вторженій, церковь оставалась единственной властью, оберегавшей города, покинутые представителями власти гражданской. Со времени царствованія Валентиніана II, для городовъ было назначено особое должностное лицо, *защитникъ*; если епископы, какъ это утверждали безъ всякихъ положительныхъ доказательствъ, и не получали этой законной власти, они, тѣмъ не менѣе, вынуждены были оказывать принадлежавшее имъ нравственное вліяніе. Они ободряли испуганное населеніе, кормили бѣдныхъ, сносились съ вождями варваровъ. Если было нужно, они умирали на своемъ посту, выказывая твердость и величіе души, доставлявшія имъ благодарность населенія и удивлявшія даже враговъ.

Церковь имѣла особую армію ученыхъ, которые не достигали краснорѣчія св. отцовъ, но, тѣмъ не менѣе, заняли почетное мѣсто среди писателей, каковы, напр,, *Сальвіанъ* [1]), который въ своемъ трудѣ *о Царствіи Божіемъ* съ одушевленіемъ доказывалъ, что варвары призваны къ возрожденію общества, или *Сидоній Аполлинарій* [2]), *Письма* котораго представляютъ живую картину безпорядка временъ вторженій, и который оказалъ въ Клермонѣ, гдѣ онъ управлялъ церковью, энергичное сопротивленіе вестготамъ, стоившее ему изгнанія. Благочестивый епископъ Турскій Григорій [3]) смѣло говорилъ съ Хильперикомъ и Фредегондой и оставилъ намъ исторію своего времени, напоминающую своимъ прекраснымъ изложеніемъ Геродота — одинъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ объ этомъ смѣшанномъ обществѣ, гдѣ право и нравственность съ такимъ трудомъ боролись противъ грубой силы. Епископъ *Фортунатъ*, въ своихъ латинскихъ стихотвореніяхъ, также оставилъ намъ изображеніе этого страннаго общества, въ которомъ варварскіе нравы смѣшивались съ римскимъ изяществомъ.

Будучи посредницей между варварами и римлянами, церковь подготовляла пути для новой цивилизаціи. Ея храмы, прежде всего, являлись *убѣжищами*. Каждый, кто могъ въ нихъ укрыться,

---

[1]) Сальвіанъ род. въ Кёльнѣ или Трирѣ (390—484).

[2]) Сидоній Аполлинарій род. въ Ліонѣ (430—488).

[3]) Григорій Турскій род. въ Овернѣ (544—595). Онъ написалъ церковную исторію франковъ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ французской національной исторіи.

становился неприкосновеннымъ, и сами варвары, разрушившіе сначала столько храмовъ, останавливались теперь передъ ихъ стѣнами, пораженные благоговѣйнымъ страхомъ. *Право убѣжища*, вызвавшее впослѣдствіи столько злоупотребленій и помогавшее преступникамъ, въ основѣ своей, было правомъ безопасности и дѣйствительною защитой.

Санъ, какимъ были облечены епископы и священники, вообще защищалъ ихъ отъ насилій. Поэтому, многіе добивались *тонзуры*, этого признака духовнаго званія, а церковь, для того, чтобы увеличить число лицъ, которымъ она покровительствовала, раздавала тонзуры лицамъ, не имѣвшимъ священства. Она раздавала то, что называется низшими церковными должностями (свѣценосцевъ, привратниковъ, чтецовъ, заклинателей), увеличивая, такимъ образомъ, число *клириковъ*, принадлежащихъ къ церкви, не подчиненныхъ строгимъ правиламъ, обязательнымъ для священниковъ но, тѣмъ не менѣе, пользовавшихся ихъ привилегіями. Множество свѣтскихъ лицъ, въ особенности больные, отпущенники и рабы, испрашивали для себя тонзуру и причислялись къ клирикамъ. Такъ образовался цѣлый классъ духовныхъ лицъ, изъ котораго выбирались священники и епископы, тѣмъ болѣе расположенные покровительствовать низшимъ классамъ, что сами происходили изъ нихъ.

Хотя церковь по прежнему была подчинена гражданской власти, находившейся въ рукахъ варваровъ, и иногда грубо заставлявшей чувствовать себя, она все болѣе и болѣе стремилась стать самостоятельнымъ обществомъ. У нея были свои особыя правила, свои уставы или *каноны*, свое духовное вѣдомство, но она не замедлила также изъять церковниковъ изъ вѣдѣнія гражданскаго суда. Это послужило источникомъ столкновеній въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Церковь установила свои собранія, или соборы [1]), которые были часты въ первые вѣка и оказывали значительное вліяніе. Они помогали церкви не только поддерживать ея ученіе и дисциплину, но и смягчать законодательство и постоянно требовать новыхъ привилегій. У испанскихъ вестготовъ, принявшихъ католицизмъ въ VII вѣкѣ, соборы почти отождествлялись съ народными собраніями, и законъ Forum judicum былъ дѣломъ толедскихъ соборовъ. У франковъ тѣ и другіе не смѣшивались между собою, но епископы засѣдали и на народныхъ собраніяхъ, уставъ этихъ собраній при Клотарѣ II (615 г.) былъ обязанъ своимъ появленіемъ преобладанію епископовъ на одномъ изъ такихъ собраній.

Отлученіе было орудіемъ, посредствомъ котораго церковь добивалась своихъ требованій. Лишенные матеріальной силы, епископы могли оказывать вліяніе на варваровъ лишь посредствомъ наказаній нравственнаго характера. Отлученный устранялся отъ церкви; а такъ какъ церковью было все общество, онъ оказы-

---

[1]) Въ IV и V вв. частные соборы были многочисленны. Въ Галліи ихъ было 15 въ IV и 25 въ V вѣкѣ. См. списокъ соборовъ въ *Исторіи французской цивилизаціи* Гизо, т. I.

вался отлученнымъ отъ всего міра. Отлученіе объявлялось при устрашающей обстановкѣ и казалось прообразомъ смерти, даже вѣчной, если виновный не вымаливалъ себѣ прощенія. Церковь, убѣдившись въ силѣ этого духовнаго орудія, пользовалась имъ впослѣдствіи до злоупотребленія и слишкомъ часто обращалась къ нему для достиженія своихъ земныхъ выгодъ.

Кромѣ того, короли и вожди варваровъ, въ пылу своего усердія или въ промежутки между своими насиліями, переполняютъ церкви богатыми дарами, находя болѣе удобнымъ искупать свои грѣхи щедростью, чѣмъ раскаяніемъ, къ которому они мало были склонны. Бѣдствія того времени усиливали благочестіе, и епископы видѣли, какъ прибываютъ дары въ видѣ земель и людей. Множество несчастныхъ, въ качествѣ *крѣпостныхъ*, отдавались церкви: они искали въ ней облегченія въ своихъ настоящихъ бѣдствіяхъ и увѣренности въ будущемъ спасеніи. Богатство церкви было послѣдствіемъ и вѣнцомъ ея могущества.

Вскорѣ церковь нашла дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ монаховъ. Эти пустынники, уединившіеся отъ міра, оказали ей, тѣмъ не менѣе, наиболѣе важныя услуги. Отдававшіеся сперва исключительно *молитвѣ*, они стали принуждать себя къ *труду* и приняли знаменитыя правила, установленныя *св. Бенедиктомъ Нурсійскимъ* въ 528 г. при монастырѣ въ Монте-Кассино. Знаменитый уставъ св. Бенедикта былъ распространенъ его учениками, изъ которыхъ самымъ дѣятельнымъ былъ *св. Мавръ*, и примѣнялся ко всѣмъ монастырямъ Запада.

«Первой половинѣ пятаго вѣка,—говоритъ Гизо [1]),—принадлежитъ основаніе почти всѣхъ большихъ монастырей въ южныхъ провинціяхъ. Св. Кастору, епископу въ Аптѣ, около 422 г., приписываютъ основаніе монастыря св. Фаустина въ Нимѣ и еще другого, въ его же діоцезѣ. Около того же времени, Кассіанъ учредилъ въ Марселѣ монастырь св. Виктора; св. Гоноратъ основалъ самый знаменитый, того времени, монастырь Лереновъ, на одномъ изъ Гіерскихъ острововъ; немного позднѣе возникли монастыри Кондатскій или св. Клода во Франшъ Контэ, Гриньи въ віэнскомъ діоцезѣ и многіе другіе, менѣе значительные. Первоначальный характеръ этихъ галльскихъ монастырей вполнѣ отличался отъ монастырей восточныхъ. На Востокѣ монастыри имѣли цѣлью, главнымъ образомъ, уединеніе и созерцаніе; люди, удалявшіеся въ Ѳиваиду, хотѣли скрыться отъ удовольствій, соблазновъ, отъ испорченности гражданскаго общества; они хотѣли отдаться, внѣ всякаго общенія съ обществомъ, порывамъ своего воображенія и строгимъ требованіямъ своей совѣсти. На Западѣ, не смотря на подражаніе Востоку, монастыри имѣли иное происхожденіе: начало ихъ было положено общностью жизни, необходимостью не въ уединеніи, а въ союзѣ съ подобными себѣ. Гражданское общество подвергалось всевозможнымъ бѣдствіямъ; народное провинціальное или городское общество распадалось во всѣхъ частяхъ; люди, желавшіе разсуждать, дѣйствовать, жить

---

[1]) Guizot, *Histoire de la civilisation*, t. I, 4-e leçon.

вмѣстѣ, не имѣли ни центра, ни пріюта. Все это они находили только въ монастыряхъ, и монастырская жизнь, при своемъ зарожденіи, не имѣла характера ни созерцательнаго, ни уединеннаго; напротивъ, это была жизнь вполнѣ общественная и дѣятельная; она зажгла очагъ умственнаго развитія, она послужила орудіемъ для броженія и распространенія идей. Монастыри на югѣ Галліи были философскими школами христіанства: тамъ размышляли, спорили, учили; оттуда исходили новыя идеи, смѣлыя мысли, ереси. Въ аббатствахъ св. Виктора и Лереновъ возникали и вызывали оживленные споры вопросы о свободѣ воли, предопредѣленіи, благодати, первородномъ грѣхѣ, а мнѣнія пелагіанцевъ находили тамъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, наибольшую поддержку и опору».

Монахи углублялись въ страны наиболѣе дикія или одичавшія послѣ вторженій. Они распахивали и обрабатывали новыя земли, засѣвали ихъ, возстанавливая почетъ ручному труду, обучая способамъ обработки земли и преображая пустыни въ богатыя и плодородныя страны. Цѣлыя области, какъ, напримѣръ, Бри, земли по сосѣдству съ Вогезами, были разработаны такимъ образомъ. Аббатства въ часто опустошавшейся Галліи въ то время походили на оазисы. Священный характеръ монастырей защищалъ всѣ принадлежащія ему земли и, вслѣдствіе этого, не допускалъ распространенія продолжительнаго запустѣнія. Къ земледѣльческому труду монахи присоединяли и умственную работу. Они переписывали рукописи, открывали школы и поддерживали среди общества, вернувшагося къ невѣжеству, слабый свѣтъ науки, котораго было достаточно, чтобы оживить впослѣдствіи всю область знанія.

Монастыри Галліи и, въ особенности, Ирландіи и Шотландіи выслали множество миссіонеровъ, которые проникали въ Германію и въ страны Сѣвера, проповѣдуя христіанскую вѣру, стараясь остановить вторженія, всегда готовыя начаться снова, и принося варварскимъ народамъ вѣру и цивилизацію.

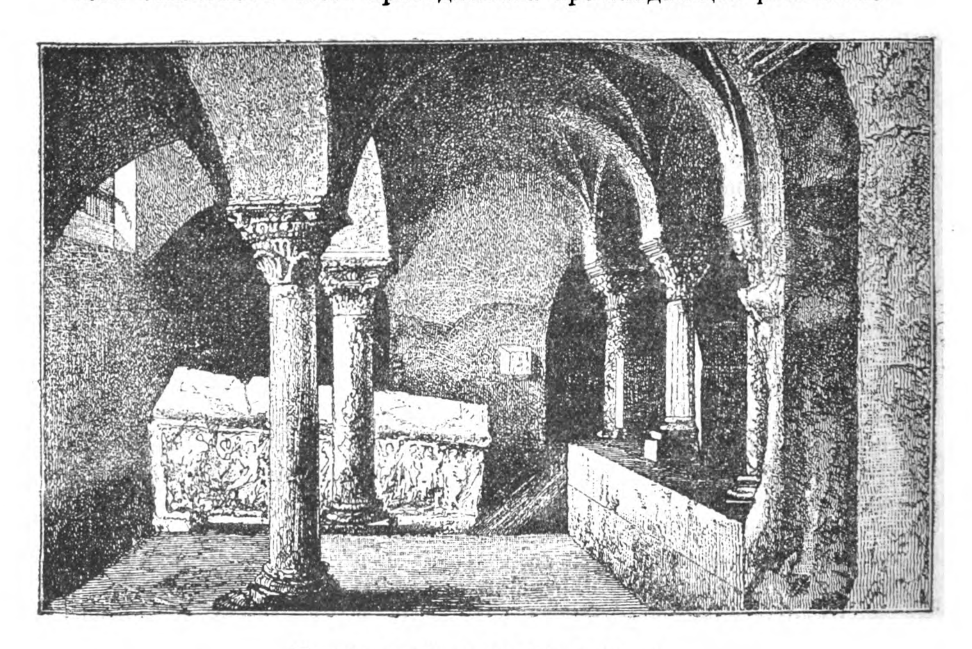
Римскіе епископы, благодаря самому факту нашествія, освободились отъ непосредственнаго подчиненія гражданской власти, и хотя и были какъ будто подчинены константинопольскимъ императорамъ, но мало-по-малу привыкли считать себя владыками Рима и принадлежавшихъ ему земель. Ихъ главенство, долго оспариваемое другими епископами, прочно установилось на Западѣ.

Кромѣ того, они сами отправляли миссіонеровъ, на обязанности которыхъ лежала проповѣдь Евангелія въ языческихъ странахъ. *Св. Григорій Великій* въ концѣ VI вѣка послалъ монаха *Августина* для обращенія англо-саксонскихъ королей (597). *Англосаксонская* церковь сразу, съ самаго начала своего существованія, была непосредствено подчинена римскому архіепископу. Св. Григорій удачно воспользовался и вторженіемъ ломбардовъ въ Италію, и паденіемъ греческаго владычества на полуостровѣ, чтобы еще болѣе ослабить связи, соединявшія его съ императоромъ въ Константинополѣ. Народная любовь, пріобрѣтенная имъ въ Римѣ во время защиты послѣдняго, провозгласила его истиннымъ главою

римской территоріи, называемой *наслѣдіемъ святаго Петра*, и именно ему слѣдуетъ приписать происхожденіе *свѣтской власти* папъ, основанной около того же времени, когда на Западѣ развивалось ихъ духовное могущество.

Папы, признанные верховными начальниками церкви, обративъ въ христіанство ломбардовъ, благодаря вліянію *Теодолинды*, и испанскихъ вестготовъ, при содѣйствіи *Рекареды*, вскорѣ пріобрѣли новыя силы, вслѣдствіе союза съ вождями австразійскихъ франковъ.

Безъ сомнѣнія, церковь получила большія выгоды отъ союза съ Меровингами: она пріобрѣла власть и богатства. Во всякомъ случаѣ, хотя епископамъ часто принадлежала преобладающая роль въ ис-

Погребальный склепъ Меровинговъ.

торіи Меровинговъ, эти послѣдніе, будучи грубыми и дикими, развращенными и свирѣпыми, дурно обращались съ епископами и миссіонерами, смѣло упрекавшими ихъ за преступленія [1]).

Хотя Меровинги надѣялись иногда загладить свои преступленія пожертвованіями въ пользу церквей, они не стѣснялись грабить эти самыя церкви въ пользу своихъ вассаловъ. Они отнимали дарованныя земли и вознаграждали ими своихъ воиновъ, вводя. такимъ образомъ, въ ряды церкви людей крови и грабежа. Въ VII и VIII вѣкахъ церковь въ Галліи была совершенно искажена

[1]) Фредегонда обвиняла передъ соборомъ *Григорія Турскаго*, не желавшаго принимать участія въ ея интригахъ. Она велѣла убить *Претекстата*, епископа Руанскаго. Брунегильда нѣсколько разъ изгоняла *св. Коломбана* изъ его монастыря въ Люксейлѣ. Она велѣла побить камнями *св. Дидье*, епископа въ Вьеннѣ и т. п.

этимъ вторженіемъ особаго рода. Епископы, прежде выбиравшіеся духовенствомъ и народомъ, стали назначаться королемъ. Поэтому, тѣ изъ епископовъ, которые сохранили чистоту вѣры и нравовъ, сокрушались обо всѣхъ этихъ безпорядкахъ, послѣдствія которыхъ могли быть пагубны для религіи. Они съ радостью привѣтствовали фамилію *Пепиновъ*, явившуюся на смѣну выродившейся семьѣ Меровинговъ.

Извѣстная своимъ благочестіемъ, такъ же, какъ и храбростью, эта австразійская фамилія покровительствовала миссіонерамъ въ Германіи. Рукою *Карла Мартела* она остановила вторженіе мусульманъ въ знаменитомъ сраженіи при Пуатье (732). Папство поспѣшило воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ столь важный вопросъ, какъ перемѣна династіи. Папа Захарій, спрошенный Пепиномъ Короткимъ въ 752 г. о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать съ меровингскимъ королемъ, отвѣчалъ: «Титулъ долженъ принадлежать тому, кто имѣетъ власть». Пепинъ объявилъ себя королемъ и затѣмъ былъ коронованъ архіепископомъ Майнскимъ, а во второй разъ папою Стефаномъ II.

Въ благодарность за то, Пепинъ разбилъ ломбардцевъ и предоставилъ папѣ *Равенскій экзархатъ* и Пентаполь (756), создавъ для него государство, сдѣлавъ его королемъ, на подобіе другихъ королей, и обезпечивъ ему независимость въ тотъ вѣкъ, когда не признавалось власти безъ земли и права безъ силы. Между королемъ франковъ и папою тогда произошелъ своеобразный обмѣнъ. Папа, въ силу священнаго помазанія, заимствованнаго у евреевъ, придалъ франкскому королевскому достоинству священный характеръ. Пепинъ превратилъ чисто духовнаго вождя въ военачальника. Такъ, въ 752 и 756 гг. образовались двѣ новыя власти— духовное королевство и королевское папство. Послѣдствія этой важной перемѣны должны были наполнить собою исторію среднихъ вѣковъ и позднѣйшаго времени.

Этотъ простой фактъ указываетъ весь путь, пройденный церковью въ теченіе четырехсотъ лѣтъ. Въ IV вѣкѣ она едва могла противустоять гоненіямъ, а нашествіе варваровъ, повидимому, должно было увлечь ее къ паденію вмѣстѣ съ имперіей. Въ VIII вѣкѣ глава ея становится властителемъ Рима и значительной провинціи въ Италіи. Въ IV вѣкѣ она едва только организовалась и отбивалась отъ множества ересей, которыя опровергались ея знаменитѣйшими учителями и осуждались ея соборами. Она была подчинена императору Константину, предсѣдательствовавшему на духовныхъ собраніяхъ и ставившему свои законы выше догмата. Въ VIII вѣкѣ она была уже независима и господствовала надъ королями. Ея власть увеличивалась какъ въ распространеніи, такъ и въ обаяніи. Она проникаетъ уже по ту сторону границъ древней Римской имперіи, до дикихъ горъ Шотландіи и до лѣсовъ Германіи. Ея церкви и монастыри походятъ на богатые города. Варвары поклоняются тому, что они сжигали, и обогащаютъ храмы, которые расхищали. Потрясенное и разстроенное гражданское общество, повидимому, предназначенное къ уничтоженію, было спасено церковью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, до

извѣстной степени, подпало подъ ея опеку. Всѣ боровшіяся съ нею варварскія царства исчезли. Вестготы-аріанцы были разбиты Хлодовикомъ въ такой мѣрѣ, что впослѣдствіи не въ силахъ уже были защищать Испанію отъ арабовъ. Остготы-аріанцы были истреблены греками. Бургундцы-аріанцы были поглощены франками. Враждебные ломбардцы, хотя и католики, должны были также исчезнуть, подавленные франками.

Франки побѣждали для церкви и торжествовали, благодаря ей. Они воспользовались выгодами религіознаго единства, возстанавливая въ свою пользу единство политическое. Это составляетъ результатъ, къ которому пришла долгая смута періода вторженій. На короткое время эта смута пріостановилась; сильно потрясенное общество начинаетъ успокоиваться, цивилизація, почти уничтоженная, начинаетъ пробуждаться. Столь затруднительное соглашеніе между принципами Германіи и геніемъ Рима наступаетъ, на нѣкоторое время, подъ вліяніемъ католицизма. Впродолженіи вѣковъ церковь трудилась надъ смягченіемъ варваровъ и поднятіемъ римлянъ и считала свое дѣло столь удачно выполненнымъ, что считала возможнымъ возстановленіе титула римскаго императора для одного изъ вождей франковъ, наиболѣе прославленнаго потомка Пепиновъ, для Карла Великаго.

ГЛАВА II.

ВОСТОЧНАЯ ИМПЕРІЯ.—ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРІИ.

Восточная имперія; Юстиніанъ.—Законодательные труды Юстиніана; памятники римскаго права.—Роскошь императоровъ Востока; игры въ циркѣ; партіи Голубыхъ и Зеленыхъ.—Византійское искусство.—Живопись, мозаика.—Секта иконоборцевъ.—Раздѣленіе церквей (857—1054).—Слабость и долговѣчность Византійской имперіи.—Западъ; Карлъ Великій и его войны; преобразованіе Саксоніи.—Возобновленіе Западной имперіи; коронованіе Карла Великаго (800).—Правленіе Карла Великаго; римскія традиціи.—Организація духовенства.—Умственное возрожденіе.—Германскія традиціи.—Характеръ созданія Карла Великаго; его результаты.

Въ то время, какъ Западъ, среди царствовавшаго мрака, дѣлалъ усилія соединить свои распавшіяся части, Востокъ оставался объединеннымъ. Несмотря на слабость Аркадія и Θеодосія II, варвары не тревожили его. Маркіанъ даже произнесъ гордую рѣчь посланнымъ Аттилы. *Анастасій*, льстившій королю франковъ Хлодвику, надѣляя его римскими титулами, построилъ между Понтомъ Эвксинскимъ и Пропонтидой укрѣпленную стѣну, длиною около 70 верстъ. Θракіецъ *Юстинъ I* былъ воиномъ. Племянникъ его *Юстиніанъ* (527—565), будучи искуснымъ правителемъ, воспользовался ослабленіемъ варварскихъ племенъ, овладѣвшихъ южной Европой, и почти достигъ объединенія обѣихъ

половинъ римской имперіи [1]). Его полководецъ Велизарій однимъ сильнымъ ударомъ опрокинулъ царства вандаловъ (533) и готовъ въ Италіи (540—553). Бассейнъ Средиземнаго моря, кромѣ побережій части Испаніи и Галліи, подчинился законамъ Константинополя. Юстиніанъ, какъ законодатель, пріобрѣлъ выдающееся мѣсто въ исторіи.

Греческій императоръ Анастасій.

Установленное вѣками, но пришедшее въ безпорядокъ, римское право представляло собою множество запутанныхъ опредѣ-

[1]) *Повелители Восточной имперіи.* Первый *Өракійскій* домъ: Аркадій, Өеодосій II, Маркіанъ, Левъ I, Зенонъ, Анастасій (395—518).

Второй *Өракійскій* домъ: Юстинъ I, (518—527) Юстиніанъ (527—565), Юстинъ II, Тиверій II, Маврикій, Өока (565—610), Гераклій (610—641).

Домъ *Гераклидовъ* (641—715), анархія, домъ *Исаврійскій* (717—813), домъ *Фригійскій* (820—842), домъ *Македонскій* (867—1081), домъ *Комненовъ* (1081—1204), Латинская имперія, домъ *французскій* (1204—1261), Греческая имперія, домъ *Палеологовъ* (1261—1453).

левій. Для разъясненія этого хаоса, уже были сдѣланы попытки (кодексы Григоріанскій и Гермогіанскій и кодексъ Өеодосія II). Юстиніанъ образовалъ коммиссію изъ девяти ученыхъ подъ руководствомъ знаменитаго *Трибоніана*, пересмотрѣвшую всѣ памятники юридической литературы и обнародовавшую, во-1-хъ, *Кодексъ*, собраніе всѣхъ декретовъ и указовъ, относящихся къ *общественному праву*, къ организаціи государства и администраціи; 2) *Пандекты* (по гречески, всеобщій сборникъ), родъ энциклопедіи права, въ которомъ были собраны постановленія, заимствованныя болѣе чѣмъ изъ двухъ тысячъ юридическихъ трактатовъ, эдиктовъ, приговоровъ и т. д., громадный сводъ, называемый по латыни *Дигестомъ* (приведенный въ порядокъ) [1]; 3) сокращеніе предыдущаго, *Институты*, гдѣ главныя начала права были изложены въ систематическомъ порядкѣ, яснымъ и точнымъ языкомъ, заимствованнымъ, впрочемъ, изъ трудовъ Гайя и Ульпіана; 4) *Новеллы* или законы, обнародованные послѣ всѣхъ этихъ работъ. Всѣмъ, желающимъ углубиться въ изученіе римскаго права, необходимо отдать много времени Пандектамъ. Институты— классическая книга, чтеніемъ и объясненіемъ которой должны заниматься студенты юридическихъ факультетовъ, такъ какъ для пониманія новѣйшаго права, въ особенности западнаго, необходимо точное знаніе римскаго права.

Изъ этихъ сводовъ и изложеній, относящихся къ VI вѣку, когда христіанство вполнѣ уже восторжествовало надъ язычествомъ, могли быть устранены всѣ грубые и узкіе элементы древняго права. Новое римское право, поддерживавшееся на Востокѣ до XV вѣка, не чуждое и Западу, въ особенности Италіи, оставалось сокровищемъ, завѣщаннымъ древнимъ міромъ на пользу новѣйшаго. Эти законы, справедливые въ частныхъ примѣненіяхъ, поддерживали абсолютную власть, какъ единственный источникъ «живого права», по выраженію юрисконсультовъ, у которыхъ законовѣды среднихъ вѣковъ заимствовали понятія о необходимости усилить королевскую власть для возстановленія нарушеннаго общественнаго порядка.

Восточная имперія сіяла яркимъ блескомъ, скрывавшимъ ея недостатки. Ея правители поддерживали роскошь Діоклеціана и Константина, усиливая ее всѣми восточными прихотями. Аркадій и его преемники выходили всегда окруженные стражей въ великолѣпныхъ одеждахъ, съ золочеными щитами и золочеными копьями. Они ѣздили въ колесницахъ, украшенныхъ листами золота и драгоцѣнными камнями и запряженныхъ бѣлыми мулами. Они имѣли на себѣ браслеты и серьги, діадемы, унизанныя алмазами, верхнія одежды, покрытыя тѣми же камнями, туники съ богатымъ шитьемъ и такую же обувь. Дворцовыя залы, лѣстницы и дворы посыпаны были золотымъ пескомъ. Константинополь сдѣлался великолѣпнымъ городомъ, украшеннымъ всевозможными зданіями. Гипподромъ, огромный портикъ, обрамлялъ обширное пространство, въ которомъ происходилъ бѣгъ колесницъ и исполня-

1) *Digerere*—приводить въ порядокъ.

лись торжественно мирныя игры, замѣнившія бои гладіаторовъ, не допущенные христіанской религіей. Окружимъ мысленно огромнымъ зданіемъ мѣста нынѣшнихъ скачекъ или бѣговъ, и мы будемъ имѣть возможность представить себѣ великолѣпіе этого гипподрома, въ которомъ тѣснилась константинопольская толпа, относившаяся болѣе страстно къ играмъ цирка, чѣмъ современные намъ англичане и французы относятся къ конскому спорту.

«Юстиніанъ выбралъ въ театрѣ императрицу Θеодору; она управляла имъ съ властностью, не имѣющей примѣра въ исторіи; внося безпрестанно въ государственныя дѣла страсти и прихоти своего пола, она уничтожала плоды самыхъ счастливыхъ побѣдъ и успѣховъ...

«Населеніе Константинополя во всѣ времена раздѣлялось на двѣ партіи—*голубыхъ* и *зеленыхъ*; началомъ ихъ послужило предпочтеніе, отдаваемое въ театрахъ однимъ актерамъ передъ другими. Въ играхъ цирка колесницы съ возницами, одѣтыми въ зеленый цвѣтъ, оспаривали призъ у колесницъ съ голубыми возницами; каждый съ величайшей страстностью принималъ участіе въ этой борьбѣ. Обѣ партіи, распространенныя во всѣхъ городахъ имперіи, доходили до бо̀льшаго или меньшаго неистовства, смотря по величинѣ города, т.-е. по числу праздныхъ людей. Эти раздѣленія могли быть только роковыми для Восточной имперіи, потому что они могли вести лишь къ смѣнѣ правителей, а не къ возстановленію законовъ и прекращенію злоупотребленій.

«Юстиніанъ, покровительствовавшій Голубымъ и отказывавшій во всякой справедливости Зеленымъ, обострилъ вражду обѣихъ партій и, слѣдовательно, усилилъ ихъ. Дѣло дошло до того, что власть должностныхъ лицъ утратила всякую силу. Голубые не боялись законовъ, потому что находили въ императорѣ защиту противъ нихъ; Зеленые перестали уважать законы, потому что не видѣли въ нихъ охраны для себя.

«Связи дружбы, родства, долга, признательности не чувствовались болѣе; одна семья уничтожала другую; каждый злодѣй, желавшій совершить преступленіе, примыкалъ къ партіи Голубыхъ; каждый, терпѣвшій отъ варваровъ или убійцъ, принадлежалъ къ партіи Зеленыхъ» (Монтескье).

Въ Византійской имперіи было свое искусство, отличавшееся стремленіемъ къ обилію украшеній. На Востокѣ церкви строились въ видѣ четвероугольника, круга или многоугольника. Храмы увѣнчивались сводомъ въ видѣ купола, что̀ отличало ихъ отъ латинскихъ церквей, имѣвшихъ призматическую или остроугольную крышу, даже въ томъ случаѣ, когда форма ихъ была круглою. Этимъ началомъ управлялись Исидоръ Милетскій и Артемій Тральскій, которымъ Юстиніанъ поручилъ построеніе церкви св. Софіи въ Константинополѣ [1]).

[1]) Средняя часть церкви св. Софіи имѣетъ форму греческаго креста: четыре придѣла, неровной длины, занимаютъ углы зданія; обширный средній куполъ кажется тѣмъ болѣе широкимъ, что онъ, сравнительно, не высокъ. Эта церковь, превращенная теперь въ мечеть, имѣетъ 41 сажень въ одномъ направленіи, и 37—въ другомъ. При входѣ въ нее, зрителя поражаютъ

Кромѣ куполовъ, византійскій стиль характеризуется горизонтальными и вертикальными линіями кирпичей и круглыми или слегка изогнутыми черепицами.

Куполы стали съ тѣхъ поръ типами византійскаго стиля, соединявшаго благородство прямыхъ линій съ изяществомъ кривыхъ, но стремившагося скорѣе къ пышности, чѣмъ къ величественности. Юстиніанъ вывезъ часть украшеній изъ древнихъ храмовъ Азіи и украсилъ новое зданіе колоннами порфира и гранита; онъ расположилъ ихъ внутри зданія и съ восхищеніемъ восклицалъ: «Соломонъ, я побѣдилъ тебя!»

Торжество христіанства было роковымъ для ваянія и живописи древнихъ. Въ своемъ рвеніи къ новой религіи, христіане принялись уничтожать языческія статуи и картины. Но христіанская живопись не могла тотчасъ же замѣстить языческую, и искусство, такъ сказать, было утрачено. Отсутствіе изящнаго вкуса, кромѣ того, заставляло всего болѣе цѣнить богатство украшеній, и *мозаика* вытѣснила живопись. Къ такому результату пришло искусство византійскихъ грековъ.

Страсть къ религіознымъ спорамъ, безпрерывно волновавшая Восточную имперію, также принесла величайшій вредъ искусству. Секта иконоборцевъ преслѣдовала церковное ваяніе и живопись, утверждая, что почитаніе иконъ было лишь возвращеніемъ къ идолопоклонству. Такіе императоры, какъ Левъ Изаврянинъ (726 г.), Левъ Армянинъ и Михаилъ Заика, покровительствовали этой фанатической сектѣ и не только велѣли истребить значительное число произведеній искусства, но не допускали никакой живописи въ церквахъ. Лишь въ IX в. (въ 867 г.) возстановленіе почитанія иконъ вновь возродило живопись.

Богословскіе споры, превращавшіеся иногда въ настоящія междоусобныя войны, привели греческую церковь къ отдѣленію отъ латинской. Греки возставали противъ прибавленія слова *Filioque*, не допуская въ Символѣ Никейскаго собора этихъ словъ, которыми утверждалось, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына. Они держались также особаго мнѣнія по вопросу объ иконахъ; въ таинствѣ причащенія употребляли кислый хлѣбъ, а не прѣсный; допускали бракъ священниковъ, погруженіе при крещеніи, и въ богослуженіи пользовались исключительно греческимъ языкомъ.

Истинной причиной раздѣленія былъ духъ независимости греческаго міра, становившагося все болѣе и болѣе чуждымъ западному, который казался ему варварскимъ. Греческая церковь не хотѣла подчиняться латинской, и Константинополь считалъ унизительнымъ получать приказанія изъ Рима. Утвержденіе Фотія на патріаршемъ престолѣ въ Константинополѣ въ 857 г., совершившееся не смотря на противодѣйствіе папы Николая I, вызвало

величіе замысла и удачное сочетаніе изящной округлости съ прямолинейностью. Вокругъ церкви обширныя каѳедры поддерживаются богатыми круглыми галлереями. Къ несчастью, мусульмане уничтожили украшенія св. Софіи. Уцѣлѣлъ только драгоцѣнный полъ, всегда покрытый циновками и коврами. Храмъ былъ посвященъ *Божественной Мудрости*.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія культуры и цивилизаціи. — Соціологія. — Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. М. Станюковичъ. «Морскіе силуэты». — *Аполлонъ Коринфскій*. «Черныя розы».—*Альфредъ Мюссе*. «Ночи».

К. М. Станюковичъ. Морскіе силуэты. Изъ далекаго прошлаго. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1896 г. Ц. 1 р. Въ «Морскихъ силуэтахъ» авторъ выводитъ съ обычнымъ талантомъ нѣсколько типовъ изъ далекаго прошлаго, грустные образы которыхъ выступаютъ на фонѣ того времени, когда сознаніе человѣческаго достоинства только еще зарождалось въ русскомъ обществѣ. Поражаютъ теперь и кажутся невозможными и этотъ матросъ-«нянька», и его барыня, и «генералъ-арестантъ», и весь ихъ ужасающій антуражъ. Знакомясь съ такими «силуэтами», которые еще такъ недавно были обычными представителями своего времени, никого не удивлявшими, казавшимися всѣмъ такими простыми, естественными явленіями, — начинаешь больше и больше вѣрить въ человѣчество и человѣчность. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ «барыня», знаменитый типъ «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», посылаетъ «няньку»-матроса, служащаго въ деньщикахъ, къ знакомому адъютанту съ изящной записочкой, въ которой проситъ предъявителя оной—выпороть, «примѣрно наказать» за дерзость. И барыня ни мало не смущается, и адъютантъ, какъ говорится, ничего, да и «нянька»—матросъ тоже. Словомъ, всѣ эти милые люди даже и не чувствуютъ, что тутъ что-то—«не того». А теперь мы переживаемъ настроеніе, которое заставляетъ насъ краснѣть отъ стыда при мысли о позорномъ наказаніи, сохранившемся какъ остатокъ этого «добраго» времени, присутствуемъ при цѣломъ движеніи, когда и земства, и ученыя и неученыя общества, и вся печать ходатайствуютъ объ его уничтоженіи. Довольно было одного-двухъ поколѣній, чтобы такъ радикально измѣнились нравы и взгляды. И если въ недалекомъ прошломъ человѣкъ намъ является жалкимъ, почти презрѣннымъ существомъ, то такая быстрая перемѣна не служитъ-ли въ то же время залогомъ, что и въ недалекомъ будущемъ онъ можетъ подняться на головокружительную высоту нравственнаго совершенства?

Этимъ-то и поучительны такія художественныя картинки прошлаго, какія даетъ новая книга г. Станюковича. Не ненависть и злобу, а жалость къ прошлому и радостное упованіе на будущее возбуждаютъ онѣ въ читателѣ, вызывая невольныя сравненія того, что прошло и *никогда* уже не можетъ вернуться, и того, что можетъ быть достигнуто безъ особыхъ усилій, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ, когда наступитъ «полнота временъ», по евангельскому выраженію.

Изъ трехъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ «Морскихъ силуэтовъ», лучшій—«Нянька». Разсказъ «Генералъ-арестантъ» рисуетъ типъ безпримѣрной жестокости, вызывавшей удивленіе даже и въ то время. Выведенные изъ терпѣнія матросы пристрѣлили «генералъ-арестанта» во время севастопольской осады, «какъ бѣшеную собаку». Третій разсказъ «Матроска» не имѣетъ особаго отношенія къ прошлому. Это—обычная исторія «солдатской жены», обольщенной ловкимъ писарькомъ во время отсутствія мужа. Необыченъ только ея трагическій конецъ, скорѣе присочиненный авторомъ, чѣмъ логически вытекающій изъ даннаго положенія,

Аполлонъ Коринфскій. Черныя розы. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Стихотворенія г. Коринфскаго могутъ служить образчикомъ той «цвѣточной литературы», которая напоминаетъ этикетики парфюмерныхъ произведеній Брокара и К°. Для довершенія сходства, г. Коринфскій снабдилъ обложку бюстомъ дѣвицы, съ черными кудрями и весьма аляповатымъ носомъ, и посвятилъ книжку г-жѣ Еленѣ съ тремя звѣздочками. Все это очень галантно и навѣрное понравится не одной мѣщанской «Еленѣ», обожающей «подношенья», въ видѣ куска розоваго мыла или баночки одеколона,—но къ поэзіи не имѣетъ никакого отношенія, какъ, впрочемъ, и большая часть содержанія книги.

Послѣдняя распадается на три части: «Дневникъ», «Бывальщины», «Отголоски». Въ первомъ авторъ, не стѣсняясь, разсказываетъ міру о своихъ мучительныхъ чувствахъ къ «Еленѣ съ тремя звѣздочками». «Яду мнѣ, яду скорѣй!..» — вопіетъ г. Коринфскій—

Жизнь! Гдѣ палачъ твой, гдѣ твой чародѣй-отравитель?
Смерть! Гдѣ отъ жизненной лжи твой мудрецъ-избавитель?!
Въ сердце отраву свою, прямо—въ сердце, мнѣ лей!..

Но жестокая Елена не внемлетъ, и г. Коринфскій подступаетъ къ ней «на другой манеръ».

Память!.. Казни меня, мучай
Ревностью къ прошлому жгучей,
Сердце и душу мнѣ болью
Рви—давъ просторъ своеволью!
. . . .
Каждое дѣло и слово
Вызови ты изъ былого,
Знахарь—палачъ мой могучій!
Память!.. Казни жъ меня, мучай...

Какой «пронзительный мужчина» этотъ г. Коринфскій,—только и можемъ мы сказать вмѣстѣ съ г-жей Еленой и—закрыть «Дневникъ».

Въ «Бывальщинахъ» авторъ разсказываетъ не то легенды, не то сочиняетъ какія-то сказанья. Если въ «Дневникѣ» можно догадываться, что какая-то Елена уязвила сердце бѣднаго г. Коринфскаго, то въ «Бывальщинахъ» ничего не поймешь. Это—просто наборъ словъ, въ родѣ, напр., слѣдующаго. Озаглавлено «Красная весна»:

То не бѣлая купавица
Расцвѣла надъ синью водъ,—
Съ Красной Горки раскрасавица,
Ярью-зеленью, идетъ.
Пава-павой, поступь ходкая,
На ланитахъ—маковъ-цвѣтъ,
На устахъ—улыбка кроткая,
Свѣтелъ-радошенъ привѣтъ,—

и такъ на протяженіи четырехъ страницъ. Различаются «Бывальщины» только тѣмъ, что однѣ написаны коротенькими строчками, другія—длинными-предлинными, какъ, напр., «Русалочья заводь»:

Подъ суглинистымъ обрывомъ, надъ зеленымъ крутояромъ
День и ночь на темный берегъ плещутъ волны въ гнѣвѣ яромъ...
Не пройти и не проѣхать къ той пещерѣ, что подъ кручей
Обозначилась изъ груды мелкой осыпи ползучей, и т. д.

Въ «Отголоскахъ» есть многое разное, но «сердца, нѣтъ, ничто не шевелитъ», хотя авторъ и не жалѣетъ себя. Это-то отсутствіе сердечности, простоты, неподдѣльнаго, искренняго чувства и составляетъ главный недостатокъ стихотвореній г. Коринфскаго. Назоветъ-ли онъ ихъ «черными», или «бѣлыми розами», сущность его поэзіи не измѣнится, разъ нѣтъ въ немъ божественнаго дара «глаголомъ жечь сердца людей».

Альфредъ де-Мюссе. Ночи. Переводъ А. Д. Облеухова. Москва 1895 г. Новый переводъ лучшихъ поэмъ А. де-Мюссе, его знаменитыхъ четырехъ «Ночей», представляется интереснымъ литературнымъ явленіемъ. Мюссе не принадлежитъ къ разряду первоклассныхъ, всеобъемлющихъ геніевъ, каждая строчка которыхъ сохраняетъ вѣчное значеніе. Не упоминая уже о великихъ именахъ другихъ странъ, въ самой Франціи Мюссе не занимаетъ мѣста на ряду съ геніальными поэтами XVII вѣка или съ величайшимъ поэтомъ нашего вѣка, В. Гюго. По отношенію къ этимъ вѣчнымъ свѣточамъ національной литературы, французская критика никогда не отступаетъ отъ признанія ихъ одинаковаго значенія для всѣхъ временъ. Не то съ А. де-Мюссе. Среди поэтовъ XIX-го вѣка ему принадлежитъ видное мѣсто; изъ французскихъ романтиковъ школы Шатобріана и Гюго онъ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ, но его творчество подвергалось самой разнообразной оцѣнкѣ со времени жизни поэта и до нашихъ дней. «Молодая Франція», какъ называло себя поколѣніе тридцатыхъ годовъ, преклонялась предъ Мюссе, этимъ изящнымъ и въ то же время бурнымъ дэнди, выражавшимъ съ заразительной искренностью неспокойную душу своихъ современниковъ, ихъ жажду любви и страданій, возвышающихъ душу, ихъ молодую жизнерадостность, сказывавшуюся въ умѣньи сильно чувствовать какъ горе, такъ и

радость, какъ наслажденіе, такъ и отчаяніе. Но уже слѣдующее поколѣніе, увлеченное интересами болѣе общаго характера, отошло отъ настроеній Мюссе и находило его поэзію слишкомъ ограниченной узко-личными интересами. Возникла поэзія болѣе отвлеченная, ставившая созерцаніе вѣчныхъ истинъ и культъ вѣчной красоты выше сѣтованій о предходящихъ жизненныхъ скорбяхъ; эта поэзія такъ наз. парнасской школы вытѣснила эпигоновъ романтизма, однимъ изъ которыхъ былъ Мюссе. Съ тѣхъ поръ пѣвецъ «Ночей» и «Ролла» встрѣчалъ въ критикѣ не разъ и безпощадное осужденіе за свой чрезмѣрный индивидуализмъ, и горячую защиту за непосредственную поэтичность творчества. Въ послѣднее время, когда французскіе поэты преисполнены заботами о формѣ, о томъ, чтобы изгнать изъ поэзіи все условное, создать идеальную музыкальность стиха, способнаго отразить всѣ нюансы настроеній, поэзія Мюссе подвергается большимъ нападкамъ. Эта неустойчивость мнѣній о Мюссе во французской критикѣ дѣлаетъ крайне любопытнымъ пересмотръ его поэзіи съ объективной точки зрѣнія. Русскій переводъ его «Ночей» даетъ намъ поводъ подойти нѣсколько ближе къ этому поэту сердечныхъ изліяній и попытаться опредѣлить его литературную физіономію, производившую столь разнородныя впечатлѣнія на критиковъ нѣсколькихъ поколѣній, смѣнившихся со времени жизни поэта.

Одно изъ главныхъ прозаическихъ произведеній Мюссе носитъ названіе «Confessions d'un enfant du siècle» и въ героѣ его поэтъ изобразилъ самого себя, свою жизнь со всѣми ея душевными драмами. И таковымъ, какъ въ этомъ романѣ, такъ и въ своей жизни и въ своемъ творчествѣ, Мюссе былъ «сыномъ вѣка», человѣкомъ своего времени, отразившимъ всѣ особенности современныхъ ему чувствованій и стремленій и воплотившимъ ихъ съ вдохновеніемъ и страстностью истиннаго поэта. Мюссе родился въ 1810 году въ Парижѣ, въ достаточной буржуазной семьѣ, и всю жизнь, за исключеніемъ нѣсколькихъ путешествій, провелъ въ Парижѣ, оставаясь и по сущности своей природы парижаниномъ— и отчасти человѣкомъ съ буржуазными наклонностями. Воспитанный на легкомысленныхъ романахъ и игривой поэзіи XVIII вѣка, зараженный скептицизмомъ Вольтера, Мюссе съ первыхъ своихъ поэтическихъ опытовъ обнаружилъ качества чисто французскаго или, вѣрнѣе, парижскаго ума, того, что теперь принято называть esprit boulevardier, и что въ эпоху Мюссе составляло сущность такъ наз. дэндизма. Въ первую пору своего творчества Мюссе былъ всецѣло скептикомъ, съ тонкой ироніей говорилъ о чувствахъ, съ одинаковой легкостью относясь какъ къ трагическому, такъ и къ мелкому въ жизни, граціозно вышучивалъ людей и жизнь и былъ изящнымъ, легкомысленнымъ дэнди, цѣнителемъ мимолетныхъ ощущеній, вышучивающимъ романтизмъ во имя легкаго, беззаботнаго отношенія къ жизни. Въ этомъ настроеніи написаны его полусерьезныя, полушуточныя поэмы: «Namouna», «Mardoche», «Ballade à la Lune» и др. Вся прелесть ихъ въ непринужденности, непосредственности стиха, въ изяществѣ скептическаго настроенія, въ особой дерзновенной и въ то же время

грустно скептической манерѣ говорить о тайнахъ души. Однако, всѣ эти особенности таланта Мюссе дѣлали его въ юности только болѣе яркимъ представителемъ холодной искусственной поэзіи XVIII вѣка, лишенной глубокихъ настроеній. Но въ поэзіи Мюссе произошла глубокая перемѣна, когда среди беззаботнаго прожиганія жизни и погони за минутными удовольствіями, Мюссе испыталъ глубокое чувство, переродившее его жизнь и сдѣлавшее его однимъ изъ самыхъ искреннихъ поэтовъ вѣка. Любовь Мюссе къ геніальной Жоржъ Зандъ послужила темой для безконечныхъ толкованій и обвиненій то той, то другой стороны. Не входя въ подробности этой грустной исторіи двухъ людей, стремившихся къ вершинамъ идеальныхъ чувствъ и ежеминутно оскорбляемыхъ жизнью, отмѣтимъ только вліяніе пережитой любви на поэзію Мюссе. Разбивъ его жизнь, заставивъ послѣ цѣлыхъ лѣтъ душевныхъ мукъ искать забвенія въ низменныхъ удовольствіяхъ, она разбудила въ немъ спавшую до того душу, замѣнила его иронію и скептицизмъ искренними настроеніями, научила его глубоко чувствовать и отражать всѣ переходы чувствъ. Съ этой поры поэзія Мюссе пріобрѣла совершенно иной характеръ. Отъ шуточнаго тона первыхъ поэмъ Мюссе переходитъ къ серьезному анализу чувствъ въ «La Coupe et les lèvres», «A quoi rêvent les jeunes filles» и, наконецъ, переходитъ къ своей третьей настоящей манерѣ, къ изображенію любви, какъ основы жизни, любви во всѣхъ ея видахъ, но преимущественно съ точки зрѣнія Донъ-Жуана, гонящагося за идеальной любовью и ищущаго забвенія въ низкихъ удовольствіяхъ. Обаяніе Мюссе въ эту лучшую пору его творчества заключается въ его искренности и непосредственности. Это поэзія ощущеній и настроеній, самыхъ разнообразныхъ, но всегда пережитыхъ, правдивыхъ и потому трогательныхъ. Даже тамъ, гдѣ Мюссе пускается въ философствованіе, какъ, напр., въ неудачномъ началѣ «Rolla», видно, что эта риторика не напускная, а въ самомъ дѣлѣ отражающая настроеніе того времени. Въ этой искренности—секретъ неувядаемой прелести «Lucie», одного изъ самыхъ вдохновенныхъ описаній музыки; ею проникнуто «Письмо къ Ламартину», «Souvenir» и др. Непосредственность въ передачѣ ощущеній обусловливаетъ другое свойство поэзіи Мюссе: онъ рисуетъ всегда себя, и та двойственность, которая проникала все его существо, отразилась и въ его поэзіи. Способный на высочайшіе экстазы чистаго чувства, онъ переживалъ и моменты нравственнаго паденія, и, поднимаясь все выше мечтами, предавался въ жизни искушеніямъ. Таковы же всѣ его герои: власть порока надъ душой человѣка — постоянная тема всѣхъ его драматическихъ произведеній («La Coupe et les lèvres», «Lorenzaccio» и пр.); раздвоеніе въ человѣкѣ между духомъ и чувствами, и отчаяніе, сопровождающее его, изображены съ такой силой въ «Rolla», потому что Rolla — это Мюссе, потому что въ его душѣ жили два человѣка, которыхъ онъ изображаетъ или двумя (какъ въ Caprices de Marianne), или въ одномъ лицѣ циника-самоубійцы, полнаго презрѣнія къ себѣ, или, наконецъ, рисуетъ эту двойственность своего я въ «Nuits du Decembre».

Мюссе отразилъ сложность и противорѣчивость душевной жизни современнаго человѣка; отразилъ онъ ее глубоко и правдиво, будучи самъ настоящимъ enfant du siècle, и потому такъ близокъ и понятенъ онъ намъ съ своими переходами отъ высшаго идеализма къ воспѣванію мимолетныхъ удовольствій, съ своей смѣсью пессимизма, цинизма и безграничной нѣжности души. Эта близость къ своему вѣку, къ душевной жизни своего поколѣнія сдѣлала изъ Мюссе одного изъ тѣхъ любимыхъ поэтовъ, которыхъ не изучаютъ, а лишь читаютъ безъ конца и знаютъ наизусть. Самая форма его поэзіи не всегда соотвѣтствуетъ поэтичности настроеній. Мюссе слишкомъ занятъ своей сердечной жизнью, чтобы отдѣлывать стихъ, онъ стремится лишь высказать до конца все, чѣмъ полна была его душа, и дѣлаетъ это часто безъ художественныхъ образовъ, не заботясь о музыкальности выраженія. Эта внѣшняя прозаичность, бѣдность вдохновенія въ отраженіи самыхъ патетическихъ моментовъ души и отталкиваетъ отъ Мюссе французскихъ лириковъ позднѣйшей формаціи. Преобладаніе содержанія надъ формой выраженія и чрезмѣрный лиризмъ поэта, превратившаго свои поэмы въ дневники личной жизни, кажутся антихудожественными—пѣвцамъ «едва уловимыхъ нюансовъ несуществующихъ чувствъ». Вотъ почему такъ сильны нападки на Мюссе въ послѣднее время. Онѣ касаются недостатковъ его формы и не протестуютъ противъ обаянія его искренней, глубоко прочувствованной поэзіи. Къ тому же, нѣсколько поэмъ, какъ «Lucie», «Souvenirs» и отдѣльныя страницы въ «Nuits», являются истинными перлами поэзіи; форма и внутреннее настроеніе сливаются въ нихъ въ неразрывную гармонію, и онѣ являются такимъ же воплощеніемъ красоты, какъ самые совершенные образцы невозмутимой парнасской поэзіи.

Все сказанное нами о Мюссе болѣе всего примѣнимо къ лучшему его произведенію, къ его «Ночамъ». Всѣ страданія, пережитыя поэтомъ, вылились въ этихъ четырехъ поэмахъ съ необычайной силой, отражая цѣлую гамму чувствъ отъ самыхъ нѣжныхъ поэтическихъ настроеній до бурныхъ аккордовъ злобы и отчаянія. Много риторики встрѣчается среди этихъ воспоминаній о прошломъ счастьи, обращеній ко всѣмъ стихіямъ, среди проклятій и криковъ, чередующихся съ примирительными пѣснями всепрощающей музы поэта, музы любви и красоты; но въ описаніяхъ пережитаго есть безконечно прекрасные эпизоды, какъ, напр., конецъ «Майской ночи», гдѣ поэтъ сравнивается съ пеликаномъ, кормящимъ голодныхъ птенцовъ кровью собственнаго тѣла, или въ «Октябрьской ночи» описаніе безсонной ночи на балконѣ и др.

Передать все это въ переводѣ, конечно, крайне трудная задача. именно потому, что Мюссе часто впадаетъ въ риторичность и вульгарность тона, и лишь мѣстами возвышается до паѳоса истинной поэзіи. Не обладающій крайней чуткостью къ поэтическимъ нюансамъ, переводчикъ непремѣнно усугубитъ прозаичность Мюссе, злоупотребляющаго отвлеченными словами и риторическими перифразами; то же, что есть истинно поэтическаго въ Мюссе, его нѣжность и искренность, легко можетъ потонуть въ передачѣ на

другой языкъ. Это именно и случилось въ переводѣ «Ночей» г. Облеуховымъ. Это переводчикъ необыкновеннаго типа. Въ предисловіи онъ излагаетъ цѣлую теорію поэтическаго перевода, говоритъ, что нужно передавать не буквально произведенія поэтовъ, а воспроизводить духъ ихъ творчества. Это было извѣстно, конечно, и до появленія переводовъ г. Облеухова, но мы не знали, что передачей внутренняго смысла стихотворенія называется полное измѣненіе текста и замѣна образовъ, рисующихъ то или другое настроеніе, общими словами, ничего вообще не рисующими. Для сужденія о новомъ переводѣ «Ночей» совершенно достаточно сравнить хотя бы начало «Майской ночи» въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Мюссе начинаетъ поэму слѣдующимъ воззваніемъ музы къ поэту: «Поэтъ, возьми свою лютню и поцѣлуй меня. На кустахъ шиповника распустятся сейчасъ почки. Весна рождается въ эту ночь, вѣтры набираются силъ, и птички, въ ожиданіи зари, садятся на первые зеленѣющіе кусты. Поэтъ, возьми лютню и поцѣлуй меня».

Вотъ какъ передана эта строфа г. Облеуховымъ:

Возьми, о поэтъ, сладкозвучную лиру
Рукою могучей ударь по струнамъ
И звуки польются, подобно волнамъ,
Про муки поэта разсказывать міру...
Востокъ превращается въ царственный храмъ
Отъ ясной зари, разостлавшей порфиру.

Это не только не переводъ, но и не поддѣлка, а просто неудачная импровизація на тему Мюссе. И никакими теоріями подобнаго обращенія съ поэтическимъ произведеніемъ оправдать нельзя. «Ночи» Мюссе одинъ изъ перловъ французской поэзіи,— въ переводѣ г. Облеухова это рядъ скучныхъ декламацій, пересыпанныхъ самыми банальными оборотами.

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. А. Гольцевъ «Литературные очерки».—«Сборникъ для содѣйствія самообразованію».—*Д. П.* «Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ».—*А. И. Свирскій.* «По тюрьмамъ и вертепамъ».

В. А. Гольцевъ. Литературные очерки. Изд. ред. жур. «Русская Мысль». Москва. 1895 г. Ц. 1 руб.—«Очерки» г. Гольцева составились изъ ряда статей, помѣщенныхъ имъ за послѣдніе годы въ журналѣ «Русская Мысль». По содержанію статьи эти крайне разнообразны, касаясь то животрепещущихъ вопросовъ дня, то литературныхъ темъ, какъ можно судить и по ихъ оглавленіямъ: «Разночинецъ и дворянская культура», «А. П. Чеховъ» (опытъ литературной характеристики), «Д. И. Писаревъ», «Памяти Некрасова» (по поводу пятнадцатилѣтія его кончины), «Въ поискахъ идеала», «О пессимизмѣ въ современной литературѣ», «Объ идеяхъ и поколѣніяхъ», «Объ основныхъ идеяхъ нашего вѣка» и др. Оставаясь всегда вѣрнымъ идеалу свободы и общественности, авторъ

старается передать вѣру въ этотъ идеалъ и своимъ читателямъ, возбуждая въ нихъ «духъ бодръ» въ минуты скорбнаго пониженія общественныхъ настроеній. Особенно характерной въ этомъ отношеніи кажется намъ статья «Въ поискахъ идеала», гдѣ г. Гольцевъ отмѣчаетъ современныя тенденціи къ мистицизму и декадентскія попытки къ символистикѣ и туманному, расплывчатому идеализму, лишенному общественной почвы. «Въ исторіи нерѣдко случалось,—говоритъ авторъ,—что цѣлое поколѣніе людей утрачивало вѣру въ лучшія преданія, отрекалось отъ цѣлей, ради которыхъ боролись и страдали прежнія поколѣнія. Наступалъ періодъ отчаянія или, по крайней мѣрѣ, унынія для однихъ, страстнаго исканія правды для другихъ. Подобное время переживаемъ и мы, и не только русскіе, но отчасти и западноевропейское общество. Великія идеи, при имени которыхъ сильно билось сердце юноши еще въ недавніе годы, не возбуждаютъ теперь энтузіазма во многихъ, а въ другихъ не только не встрѣчаютъ сочувствія, но вызываютъ неразумный и несимпатичный гнѣвъ». Нѣкоторымъ изслѣдователямъ такое настроеніе общественной мысли представляется *идеалистической реакціей*, явившейся какъ естественный результатъ крайностей матеріализма и натурализма. Но,—замѣчаетъ авторъ въ концѣ, сдѣлавъ общій очеркъ того, что понимается теперь подъ упомянутой «реакціей»,—«новѣйшимъ вздыхателямъ о погибшемъ будто бы идеалѣ не только французское, но уже и русское общество можетъ указать на свѣтлыя національныя и общечеловѣческія преданія, которыя связываютъ людей разныхъ и многихъ поколѣній въ общей работѣ общественныхъ улучшеній и личнаго совершенствованія. И намъ есть кого помянуть, есть на чьи идеалы сослаться, начиная съ Новикова и Радищева и до нашихъ дней... Не достаетъ не политическихъ и личныхъ идеаловъ, а ихъ разумнаго пониманія, искренней и дѣятельной преданности имъ». И эта мысль о необходимости «дѣятельной преданности» идеалу проходитъ красной нитью черезъ всѣ «Очерки» г. Гольцева, объединяя ихъ въ нѣчто цѣлое, при всемъ разнообразіи содержанія.

Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія. Съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И. Семевскаго, М. С. Корелина и И. М. Сѣченова. Спб. 1895 г. Ц. 40 к. Въ нашемъ журналѣ уже было отмѣчено появленіе «Программъ для самообразованія», изданныхъ «Отдѣломъ Комитета Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній», когда онѣ были напечатаны предварительно въ «Историческомъ Обозрѣніи». Поэтому, останавливаться надъ подробностями не станемъ. Въ отдѣльномъ изданіи «Программы» приведены въ болѣе стройный порядокъ, нѣкоторыя погрѣшности исправлены, другія устранены. «Программы» снабжены предисловіемъ, въ которомъ «Отдѣлъ» полемизируетъ съ рецензентами, высказавшими нѣсколько замѣчаній о программахъ, а г. Карѣевъ полемизируетъ съ г. Михайловскимъ. Нельзя сказать, чтобы эта полемика была особенно поучительна для лицъ, ищущихъ образованія, хотя авторы предисловія и заявляютъ, что ими руководитъ желаніе «объяснить лицамъ, которыя нуждаются въ программахъ, какими принципами руководствовался «Отдѣлъ»

при составленіи своихъ программъ». Не желая давать поводъ «Отдѣлу» къ новому выясненію этихъ принциповъ, мы лучше обойдемъ ихъ молчаніемъ. Далѣе, къ программамъ приложены четыре статьи: г. Карѣева «Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія» *), г. Семевскаго «Крестьяне въ Россіи во второй половинѣ XVIII в.», г. Корелина «Гуманизмъ» (очеркъ, перепечатанный изъ словаря Брокгауза и Ефрона), и г. Сѣченова «Физіологическіе критеріи для установки длины рабочаго дня» (читано въ Обществѣ любителей естествознанія въ концѣ 1893 г.).

Д. П. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. С.-Петербургъ. 1895 г. 1 р. 25 коп. Дѣло народнаго образованія, начиная съ сельской школы и кончая университетомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ находится въ исключительномъ вѣдѣніи властей каждаго отдѣльнаго штата,—здѣсь нѣтъ федеральнаго, національнаго министерства народнаго просвѣщенія: каждый штатъ Союза имѣетъ свои собственные законы относительно народнаго образованія, которые отличаются большимъ разнообразіемъ. Школьный участокъ, или община, стоитъ всего ближе къ школѣ. Всѣ полноправные жители участка заботятся о школѣ, рѣшая на своихъ собраніяхъ вопросы, касающіеся ея, избирая комитеты попечителей (или директора) для ближайшаго и постояннаго завѣдыванія школой или школами. Участокъ и община заботятся объ установленіи и сборѣ мѣстныхъ налоговъ въ пользу школы, о покупкѣ земли и постройкѣ школьныхъ зданій, ихъ внутреннемъ устройствѣ, нанимаютъ учителей, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы школьный годъ длился не менѣе 6 мѣсяцевъ, чтобы учили лишь лица, снабженныя установленными дипломами и т. п. Всѣми этими дѣлами обыкновенно завѣдуетъ бюро образованія или комитетъ, состоящій изъ выборныхъ общиной членовъ, числомъ отъ 6 до 50 человѣкъ. При нѣкоторыхъ городскихъ бюро существуетъ множество особыхъ коммиссій, напримѣръ, учительская, коммиссія по составленію отчетовъ и проч. Но первую роль играютъ суперинтенденты народнаго образованія, въ родѣ нашихъ директоровъ народныхъ училищъ, съ тою лишь разницею, что компетенція суперинтендента гораздо шире и дѣятельность несравненно плодотворнѣе. Суперинтенденты постоянно надзираютъ за правильнымъ ходомъ преподаванія во ввѣренномъ районѣ, за состояніемъ школъ, за учителями. Они же подаютъ совѣты, рѣшаютъ спорные вопросы, распредѣляютъ субсидіи штатовъ и доходы со школьныхъ фондовъ. «Они слѣдятъ за успѣхами въ области народнаго образованія и являются проводниками нововведеній. Спеціалисты (всегда почти изъ учителей) по профессіи, они въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ были главными двигателями прогресса народнаго образованія». При содѣйствіи своихъ помощниковъ они производятъ экзамены, созываютъ

*) «См. двѣ статьи мои «Объ общемъ значеніи историческаго образованія», помѣщенныя въ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ», а также главу VI «Писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи» и главу VII «Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія» Прим. г. Карѣева, стр. 49.

учительскіе съѣзды, иногда руководятъ ими; занимаются съ тѣми изъ учителей, которые не получили спеціальной подготовки; иногда предсѣдательствуютъ на собраніяхъ учительскихъ ассоціацій; они же читаютъ имъ лекціи по исторіи и теоріи преподаванія.

Американская народная школа, прежде всего, не есть школа народная въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употребляется у насъ въ Россіи; обучаются въ ней дѣти всѣхъ слоевъ общества— и богатый и бѣдный, и чистокровный янки и негръ, и католикъ и язычникъ. Далѣе, кончившій курсъ американской народной школы можетъ прямо поступить въ среднее учебное заведеніе, тогда какъ у насъ, напримѣръ, мальчикъ, окончившій народное училище и достигшій возраста 14 лѣтъ, не можетъ быть принятъ ни въ одно среднее учебное заведеніе.

Такъ какъ низшее образованіе въ Америкѣ безусловно безплатное, то почти всѣ дѣти школьнаго возраста тамъ посѣщаютъ школу. Такъ, въ 1891 году число лицъ школьнаго возраста (отъ 5 до 18 лѣтъ) опредѣлялось цыфрою 18.799.864; изъ нихъ въ общественныя школы поступило 12.966.061 дѣтей, въ частныя школы— 1.392.200; къ этому нужно присоединить лицъ, посѣщавшихъ вечерніе классы, учениковъ ремесленныхъ и коммерческихъ школъ, школъ для бѣдныхъ, для индѣйцевъ, такъ что всѣхъ учащихся въ Соединенныхъ Штатахъ получится 15 милліоновъ, что составитъ 25% населенія, или придется одинъ учащійся на четыре человѣка *).

На народное образованіе въ 1891 г. Соединенные Штаты израсходовали до 280 мил. рублей, на армію и флотъ было затрачено 146 мил. руб. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ Гиппо, который говоритъ: «Въ Новомъ Свѣтѣ народное образованіе отнимаетъ у военнаго бюджета все то, что въ Старомъ Свѣтѣ военный бюджетъ отнимаетъ у народнаго образованія».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться другихъ сторонъ интересной книжки г. Д. П., а потому приведемъ лишь оглавленія, чтобы дать понятіе объ ея содержаніи: «Цѣли, преслѣдуемыя народной школой», «Безплатность и обязательность обученія», «Свѣтскій характеръ народной школы», «Внѣшкольное образованіе», «Вечернія школы», «Библіотеки», «Распространеніе университетскаго образованія».

А. И. Свирскій. По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки. Изданіе Д. А, Александрова. Москва, 1895 г. 1 руб. Г Свирскій задался цѣлью возможно тщательнѣе изучить «всѣ проявленія зоологическаго, трущобнаго прозябанія». «Побѣдивъ въ себѣ чувство гадливости и махнувъ на все рукой, я нарядился въ соотвѣтствующій костюмъ

*) Такого высокаго процента учащихся нѣтъ ни въ одномъ государствѣ. Въ другихъ цивилизованныхъ странахъ этотъ процентъ равняется:

Въ Баваріи	21,2	Въ Англіи	16,6	Въ Даніи	11,0
» Баденѣ	20,6	» Норвегіи и Швеціи	15,4	» Испаніи	10,6
» Саксоніи	20,2			» Италіи	9,6
» Пруссіи	19,6	» Франціи	15,1	» Греціи	6,4
» Швейцар.	19,5	» Нидерланд.	14,2	» Португаліи	5,9
» Германіи	18,8	» Бельгіи	13,5	» Болгаріи	5,5
» Финляндіи	17,6	» Австріи	13,1	» Россіи	3,1

и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, переѣзжая изъ города въ городъ, скитался по разнымъ трущобамъ. И теперь, ознакомившись воочію съ жизнью отверженныхъ созданій, я хочу познакомить съ нею также читателей, намѣреваясь дать рядъ образовъ, типовъ и картинъ, которые проходили предъ моими глазами въ продолженіе многихъ томительныхъ дней...»

Изъ кого же состоитъ этотъ трущобный контингентъ, кто эти «отверженныя созданія»? Мы были бы вполнѣ неправы, предположивъ, что завсегдатаями вертеповъ и притоновъ являются люди, отъ природы порочные, глупые, слабовольные. Оказывается, что громадное большинство этихъ несчастныхъ питали когда-то надежду на лучшее и когда-то боролись всѣми силами съ невзгодами жизни. Каждый изъ нихъ былъ въ свое время борцомъ, и борцомъ отчаяннымъ. Не одинъ разъ онъ тонулъ и всплывалъ на поверхность, не одинъ разъ падалъ, спотыкался и снова вставалъ, но, въ концѣ концовъ, прибитый, униженный и окончательно побѣжденный, онъ невольно склонилъ навсегда голову, подставляя себя подъ неотвратимые удары. Возбудить сожалѣніе къ падшимъ, желаніе придти имъ на помощь, а также и намѣтить отчасти путь этой помощи—такова цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ, описывая свои скитанія.

Въ книгѣ г. Свирскаго много интересныхъ данныхъ о пересыльныхъ тюрьмахъ и ихъ обитателяхъ, выработавшихъ свою, такъ сказать, арестантскую культуру. Такъ, напримѣръ, у арестантовъ есть своя литература, свои писатели, стихотворцы и прозаики. Въ ихъ произведеніяхъ оплакивается арестантское житье-бытье, горькая доля, лишеніе свободы и прочія невзгоды тюремной жизни, развязно и остроумно осмѣиваются оплошности воровъ, грабителей; или излагается «исповѣдь» и «похожденія» какого-нибудь неудачника «маровихера» (карманнаго вора).

Въ тюрьмѣ есть и свое дѣленіе заключенныхъ на классы,—есть арестантская аристократія и плебсъ, причемъ къ первой категоріи относятся опытные, закоренѣлые преступники, прошедшіе сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, побывавшіе въ Сибири, бѣжавшіе съ каторги и т. п.; плебсъ же составляютъ всѣ «новички», всѣ, попавшіе въ тюрьму «зря», за пустяки—за мелкую кражу, за безпаспортность и т. п. Аристократія свысока смотритъ на плебсъ, обращается съ нимъ деспотически, требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія, уваженія, а главное, собираетъ съ плебса огромную контрибуцію. Словомъ, все comme chez nous...

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Ю. Липпертъ. «Исторія культуры».—*Фридрихъ Штрайслеръ.* «Исторія культуры».—*Густавъ Ле-Бонъ,* «Эволюція цивилизацій».—*Дж. В. Дрэпэръ.* «Исторія умственнаго развитія Европы».

Ю. Липпертъ. Исторія культуры въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рисунками. Перев. съ нѣмецкаго А. Острогорскаго и П. Струве. 2-ое изд.

Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к. Исторія культуры—уже не новая отрасль знаній о человѣкѣ. Она побѣдоносно вступила въ рядъ этихъ знаній и заняла среди нихъ видное мѣсто еще въ шестидесятыхъ годахъ, ознаменовавшихся сильнѣйшимъ научнымъ подъемомъ, благодаря широкому распространенію ученія Дарвина. Теорія послѣдовательнаго развитія, заключавшаяся въ основѣ этого ученія, оказалась болѣе плодотворной для умственной, чѣмъ для физической исторіи человѣка. Между тѣмъ, какъ въ послѣдней до сихъ поръ не удалось еще установить ясной, непрерывной постепенности формъ, — преемственность, послѣдовательный переходъ различныхъ стадій духовной жизни человѣчества гораздо легче удалось опредѣлить ученымъ, какъ только они приложили къ изученію этой жизни методъ постепеннаго развитія. Труды Тэйлора, Лёббока, Гейгера и др. раскрыли факты первостепенной важности—усовершенствованіе орудій, предметовъ матеріальной и формъ духовной культуры, начиная отъ зачаточныхъ до самыхъ сложныхъ, существованіе первичныхъ культурныхъ формъ въ жизни современныхъ намъ дикарей и полную аналогію послѣднихъ съ нашими отдаленными некультурными предками. Какъ скоро путь въ эту новую, заманчивую область изученія былъ указанъ, по немъ пошли многіе, и частныя изслѣдованія, дополнявшія общія схемы творцовъ этой науки, стали накопляться съ поразительнымъ обиліемъ и быстротой. Въ свѣтѣ этихъ изслѣдованій въ настоящее время уже выступили изъ мрака многіе самые отдаленные участки прошлаго человѣчества; въ общемъ видѣ, намъ уже извѣстны и матеріальная сторона жизни, и общественно-правовыя отношенія, и вѣрованія самыхъ древнихъ и самыхъ дикихъ людей.

Накопленіе знаній по этому предмету вызывало отъ времени до времени попытки объединенія и систематическаго изложенія. Среди попытокъ краткой, общедоступной обработки этого обширнаго предмета, сочиненіе Липперта занимаетъ довольно видное мѣсто, какъ добросовѣстный сводъ этнографическихъ и другихъ данныхъ исторіи матеріальнаго, общественнаго и духовнаго развитія человѣчества.

Своему предмету Липпертъ даетъ весьма широкое опредѣленіе. По мнѣнію его, исторія культуры есть исторія усилій, какія дѣлалъ человѣкъ съ самаго начала своего существованія для поддержанія своей жизни, какъ индивидуума и какъ члена общества какъ на землѣ, такъ и въ другомъ мірѣ. Первой заботой его было, безъ сомнѣнія, поддержаніе и продленіе личной жизни, всегда вопросъ о пропитаніи стоялъ у него на первомъ планѣ. Ради него онъ придумывалъ способы добыванія и приготовленія пищи, изобрѣталъ орудія и оружіе, вступалъ въ союзъ съ себѣ подобными, прибѣгалъ къ различнымъ пріемамъ пониманія другъ друга, что привело его къ членораздѣльной рѣчи и пріучило ясно и опредѣленно мыслить.

Съ этой точки зрѣнія открываются такія стороны существованія человѣчества, которыя остаются незамѣченными, даже вовсе не затрогиваются при изученіи политической исторіи. Между тѣмъ, эти интимныя внутреннія стороны жизни человѣчества настолько

важны, что настоящее пониманіе послѣдней невозможно безъ знанія ихъ. Не обращая на нихъ вниманія, мы упускаемъ изъ виду непрерывную и тяжелую борьбу за существованіе, какую приходилось вести человѣку отъ перваго появленія его на землѣ; не зная, какъ дорого обошлась ему побѣда въ этой борьбѣ, составляющей культурное достояніе нашего времени, мы не можемъ уяснить себѣ и настоящей цѣны этого достоянія. Только въ исторіи культуры видимъ мы, какъ досталось человѣку нынѣшнее торжество; здѣсь онъ передъ нами не только во дворцахъ, на поляхъ битвъ или въ народныхъ собраніяхъ, а въ своей домашней, семейной жизни, за работой, которая обезпечиваетъ ему существованіе. Въ этой обыденной обстановкѣ мы замѣчаемъ многія тайныя пружины человѣческихъ дѣйствій, весьма важныя для пониманія этихъ дѣйствій, но ускользавшія отъ нашего глаза, когда люди проходили передъ нами лишь въ видѣ царедворцевъ, воиновъ, жрецовъ, правителей и т. п. Людьми въ настоящемъ смыслѣ слова, отстаивающими свое физическое существованіе, борющимися съ внѣшнимъ міромъ, то торжествующими надъ нимъ, то изнемогающими въ борьбѣ, люди являются намъ только въ исторіи своей культуры. Только она показываетъ намъ, какъ беззащитный и безоружный человѣкъ одерживалъ верхъ и надъ суровыми условіями природы, и надъ страшными врагами. Это торжество было достигнуто совокупными усиліями людей, усиліями массы. Въ политической исторіи эта масса чувствуется только гдѣ-то за кулисами совершающихся на исторической сценѣ событій. Здѣсь, въ исторіи культуры, она на первомъ планѣ, она занимаетъ все полотно картины. И картина эта развертывается передъ нами въ величайшемъ разнообразіи и во времени, и въ пространствѣ. Безконечно длинной лентой тянется она изъ глубины вѣковъ, когда зарождалось только человѣческое сознаніе; необозримой поверхностью простирается она по всему земному шару въ томъ видѣ, въ какомъ обитателей его мы знаемъ теперь. Передъ нашими глазами какъ будто вѣчно возобновляющаяся панорама человѣчества, отстаивающаго свое существованіе и стремящагося облегчить и повысить его условія: пещерный человѣкъ, сражавшійся въ Европѣ съ мамонтами, еще продолжаетъ жить въ видѣ дикаго обитателя Австраліи или Огненной земли. И то же мы замѣчаемъ на всѣхъ промежуточныхъ ступеняхъ отъ низшей до высшей культуры. Культура растетъ и измѣняется только въ верхней части, а нижнія стадіи ея до сихъ поръ еще имѣютъ своихъ живыхъ представителей.

Во многомъ эта наличность первобытныхъ культурныхъ формъ облегчаетъ задачу историка культуры и даетъ ему преимущество надъ историкомъ въ господствующемъ смыслѣ этого слова, позволяя первому провѣрять свою работу и пополнять ея пробѣлы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обширность и разнообразіе матеріала дѣлаютъ эту задачу невыполнимой во всемъ ея цѣломъ. Изображеніе борьбы за жизнь, какую выносило человѣчество съ самаго начала своего появленія на землѣ и какую оно упорно ведетъ и до сихъ поръ въ различныхъ отдаленныхъ или забытыхъ уголкахъ міра, изображеніе этой борьбы хотя бы въ самыхъ характерныхъ

ея чертахъ можетъ быть дѣломъ только соединенныхъ, непрерывныхъ усилій ученыхъ. Единичныя силы могутъ намъ раскрывать лишь отдѣльныя стороны громадной картины, оживлять передъ нашими глазами только отдѣльныя сцены, отдѣльныя подробности этой величайшей драмы.

Исторія путей и средствъ, какими человѣкъ дошелъ до своего нынѣшняго высоко-культурнаго положенія, такъ интересна, заключаетъ такъ много фактовъ, знаніе которыхъ необходимо для пониманія различныхъ сторонъ нашей современности, что всякое связанное и обдуманное изложеніе ея является чрезвычайно полезнымъ и своевременнымъ для нашей литературы. Много такихъ популярныхъ свѣдѣній изъ исторіи матеріальнаго и духовнаго развитія человѣчества читатель найдетъ въ названной книгѣ Липперта. Онъ узнаетъ, какъ питался человѣкъ въ самыя древнія и трудныя времена своего существованія, какъ болѣе доступная ему растительная пища не уничтожила потребности въ пищѣ—животной, потребности, доводившей его до людоѣдства, какъ онъ разыскивалъ годныя ему въ пищу растенія и животныхъ, какъ добываніе и сохраненіе пищи съ самыхъ раннихъ временъ разграничало области дѣятельности мужчинъ и женщинъ, какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, женщина первая замѣтила, что зерно, упавшее въ землю, на слѣдующій годъ даетъ то же растеніе съ многочисленными сѣменами, что положило начало земледѣлію. Между тѣмъ какъ мужчина отдается войнѣ, охотѣ и рыбной ловлѣ, развивая въ себѣ физическую энергію и смѣлость, изобрѣтая и совершенствуя оружіе, женщина является хранительницей домашняго очага и жилища, изобрѣтательницей домашней утвари и сберегательницей запасовъ. Она усовершенствовала способы приготовленія пищи, придумала плетеніе корзинъ, и, затѣмъ, вѣроятно, выдѣлку глиняной посуды, шитье одежды изъ шкуръ и тканье. Въ борьбѣ за существованіе мужчинѣ принадлежала болѣе активная, болѣе опасная роль; послѣ убійства дикихъ животныхъ онъ положилъ начало ихъ разведенію и прирученію, но не менѣе важнымъ было и значеніе женщины, которая положила основаніе осѣдлости, домовитости и земледѣлію. Это раздѣленіе труда оказалось въ ущербъ женщинѣ: у нея не было времени для отдыха, тогда какъ мужчина, послѣ удачной охоты, и въ особенности при развитіи скотоводства, могъ уже располагать досугомъ, дававшимъ волю его умственной работѣ. Съ теченіемъ времени онъ взялъ верхъ надъ женщиной, подчинивъ ее своей власти, но это покореніе могло совершиться только тогда, когда онъ уже обезпечилъ себя отъ постоянной угрозы голода.

Пока забота о пропитаніи составляла неотступную заботу человѣка, на женщинѣ лежало не только исключительное попеченіе о домѣ, но и попеченіе о дѣтяхъ. Трудность добыванія пищи, которая въ первыя времена могла быть только случайной и грубой, препятствовала заключенію прочныхъ союзовъ между мужчиной и женщиной. Именно отсутствіе пищи, пригодной для ребенка послѣ перваго года его жизни, когда его отнимаютъ отъ груди, заставляло мать въ первобытномъ состояніи, чтобы сохра-

нить жизнь ребенка, кормить его своимъ молокомъ въ теченіе двухъ, трехъ и даже болѣе лѣтъ. Ради сохраненія этой жизни, она должна была въ то время избѣгать возможности имѣть другого ребенка, который своимъ появленіемъ на свѣтъ отнималъ у перваго пищу, принадлежащую ему. Въ этомъ періодѣ недостаточнаго и грубаго питанія, союзъ между мужчиной и женщиной не укрѣплялся, а разрывался рожденіемъ ребенка. Послѣдній, оставаясь исключительно на попеченіи матери, зналъ только ее одну и не зналъ или могъ не знать своего отца. Это положеніе вещей и привело къ семейно-общественному порядку, который ученые называютъ «матріархатомъ», т.-е. семьей съ исключительнымъ главенствомъ матери, порядку, трудно объяснимому безъ знанія тѣхъ сторонъ первобытной жизни, которыя раскрываются намъ исторіей культуры. При матріархатѣ женщина признавалась не только матерью своихъ дѣтей, но и родоначальницей, т.-е. нисходящее потомство вело свой родъ отъ нея. Эта генеалогія по матери, это видимое подчиненіе мужчины женщинѣ также находитъ свое объясненіе въ зависимости перваго отъ послѣдней по отношенію къ продовольствію; и какъ сынъ, и какъ мужъ, первобытный человѣкъ, пока онъ жилъ охотой, былъ застрахованъ отъ голодной смерти, только благодаря трудолюбію и запасливости женщины. Въ охотничьемъ обществѣ, на ряду съ военной организаціей, подчинявшейся мужчинѣ, существовала и мирная организація, которой управляла женщина; впослѣдствіи, какъ мы видимъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, эта функція перешла къ мужчинѣ, но за нею остался мирный, хозяйственный характеръ. Мужчина сталъ главою семьи лишь тогда, когда скотоводство отдало въ его руки обезпеченіе пропитанія послѣдней.

Забота о поддержаніи жизни даже за предѣлами земного существованія отражается и въ духовныхъ проявленіяхъ человѣка. Когда онъ додумывается до различенія смертной части своего существа, тѣла, отъ неумирающей души, онъ, съ одной стороны, начинаетъ бояться душъ умершихъ раньше его, а съ другой, принимаетъ мѣры къ благосостоянію собственной души, послѣ смерти. Онъ соображаетъ, что при жизни питалась именно душа, потому что тѣло, лишившись ея, уже не нуждается въ питаніи; поэтому, стараясь задобрить чужія души, онъ предлагаетъ имъ угощеніе кушаньемъ и строго устанавливаетъ, чтобы и его душа всегда могла пользоваться необходимой ей пищей. Отсюда вытекаетъ значительная часть обрядовой стороны первобытныхъ вѣрованій и, между прочимъ, такой важный культъ для исторіи общественнаго развитія, какъ культъ предковъ.

Помимо интереса содержанія, заключающагося въ самомъ предметѣ, книга Липперта представляетъ и многія достоинства исполненія. Читателя, еще не посвященнаго, она познакомитъ съ цѣлою важною областью знанія и подготовитъ его къ дальнѣйшему знакомству съ нею путемъ изученія отдѣльныхъ сторонъ ея. Читателю, уже имѣвшему случай изучать эти отдѣльныя стороны, изъ которыхъ, въ особенности, развитіе брака и семьи въ послѣднее время служило предметомъ многихъ монографій и журналь-

ныхъ статей, книга Липперта даетъ много новыхъ или интересныхъ подробностей. Книга эта не открываетъ новыхъ горизонтовъ, какъ сочиненія Бокля, Тэйлора, Лёббока и др.; она только собираетъ накопившіеся разрозненные факты и приводитъ ихъ въ систему. Но и это—большой и полезный трудъ, составляющій немаловажную заслугу автора.

Фридрихъ Штрайслеръ. Исторія культуры. «Библіотека для всѣхъ» №№ 2 — 5. Переводъ съ нѣмецкаго и изд. д-ра Н. Лейненберга. Одесса. 1896. Ц. 40 к. Потребность читающей публики въ извѣстнаго рода знаніяхъ опредѣляется не только успѣхомъ книгъ дѣльныхъ и полезныхъ, вродѣ только-что разобранной книги Липперта, но и появленіемъ различнаго рода подражаній и поддѣлокъ, спекулирующихъ на запросы читателей. Очевидно, важность такихъ областей науки, какъ исторія культуры, сознается широкимъ кругомъ публики, если вслѣдъ за сочиненіемъ Липперта появляется книжка, названіе которой выписано выше. Если бы она была переведена какимъ-нибудь неизвѣстнымъ переводчикомъ или издана анонимнымъ издателемъ, можно было бы предположить, что переводчикъ или издатель соблазнились интереснымъ названіемъ, небольшимъ объемомъ и сочли выгоднымъ внести эту книжку въ обиходъ текущей литературы. Но книжка Штрайслера переведена и издана г. Лейненбергомъ, докторомъ медицины, издателемъ трехъ «серій»: «Врачъ въ домѣ», «Гигіеническая библіотека» и «Библіотека для всѣхъ» и нѣсколькихъ сочиненій медицинскаго характера, не входящихъ въ «серіи». Такой издатель не можетъ быть оправданъ невѣдѣніемъ, когда онъ даетъ публикѣ плохую компиляцію, какова книжка Штрайслера, и притомъ въ дурномъ переводѣ, съ небрежной корректурой, во многихъ мѣстахъ искажающей смыслъ. Книга Штрайслера почти вся состоитъ изъ выписокъ, заимствованій изъ руководствъ по исторіи культуры, всего болѣе Липперта, у котораго списываются подъ рядъ по нѣсколько страницъ, и изъ монографій въ родѣ «Происхожденіе семьи» проф. Фр. Энгельса, причемъ переводчикъ выписывалъ соотвѣтственныя мѣста изъ русскихъ переводовъ названныхъ книгъ. Тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ своего лица, онъ говоритъ непослѣдовательно, неясно и неточно. Для доказательства укажемъ вторую главу «Орудія и оружіе». Въ этой главѣ, посвященной исключительно каменному оружію, ни одного слова не говорится объ изготовленіи этого оружія посредствомъ оббиванія или обтесыванія камня и приводятся только подробности о прикрѣпленіи камня къ рукояткѣ, что читателю неопытному можетъ внушить мысль, будто каменное оружіе — ничто иное, какъ голышъ, привязанный къ палкѣ. Не касаясь ни обтесыванія, ни шлифованія орудій, авторъ весь каменный вѣкъ отождествляетъ съ неолитическимъ періодомъ (стр. 17), не зная про періодъ палеолитическій. Уже этого достаточно, чтобы оцѣнить научное достоинство этой книги.

Густавъ Ле-Бонъ. Эволюція цивилизацій. Сокращенный переводъ съ французскаго И. Гальперштейна. Изданіе «Международной Библіотеки». Одесса. 1895. Ц. 50 к. Подъ общимъ названіемъ «Международной Библіотеки» въ той же Одессѣ выходитъ «серія» «ход-

кихъ» и «интересныхъ» брошюръ на тѣ же «современныя» темы о продленіи жизни, о геніальности и помѣшательствѣ и о многихъ другихъ предметахъ, на которые есть «спросъ» въ читающей публикѣ. Мы ничего, конечно, не имѣемъ противъ изданія книгъ на темы, занимающія публику, но, въ интересахъ послѣдней, считаемъ себя въ правѣ предъявлять къ этимъ книгамъ требованіе, чтобы заглавія ихъ не обманывали читателя. Такой обманъ или разочарованіе ожидаетъ каждаго, покупающаго названную книжку Г. Ле-Бона. Ле-Бонъ принадлежитъ къ числу довольно поверхностныхъ ученыхъ, но у него есть эрудиція и талантливость изложенія; среди его многочисленныхъ сочиненій не трудно было бы выбрать работы небольшого объема, которыя, съ нѣкоторыми оговорками, могли бы представить интересное и полезное чтеніе. Но если бы Ле-Бонъ не имѣлъ никакой извѣстности, все же съ его книгой нельзя обращаться такъ безцеремонно, какъ это дѣлаетъ г. Гальперштейнъ. Онъ сдѣлалъ произвольныя исключенія въ первой половинѣ книги, не объясняя ни мотива, ни характера этихъ исключеній, а вторую половину онъ даже переработалъ по своему, упомянувъ объ этомъ только въ выноскѣ, заставляя покупателя пріобрѣтать подъ именемъ Ле-Бона «изложеніе» неизвѣстнаго ему писателя. Если г. Гальперштейнъ думалъ улучшить книгу, пополнивъ ее мнѣніями такихъ авторитетовъ, какъ Тэйлоръ и Лёббокъ, то, по общепринятому обыкновенію, онъ долженъ былъ сдѣлать дополненіе въ примѣчаніяхъ, оставивъ текстъ Ле-Бона, какъ скоро его имя выставлено въ заглавіи на оберткѣ книги. На самомъ же дѣлѣ, онъ даже не излагаетъ Ле-Бона, а замѣняетъ его выписками изъ другихъ авторовъ. Такъ, главы «развитіе культа» и «развитіе нравственности» изложены почти сплошь по Лёббоку, съ небольшими ссылками на Тэйлора, Спенсера и Липперта, причемъ Ле-Бонъ цитируется меньше другихъ ученыхъ; въ «развитіи права» г. Гальперштейну Іерингъ и Коркуновъ помогаютъ болѣе, чѣмъ Ле-Бонъ. Въ результатѣ этой обработки получилась небольшая книжка, напоминающая компилятивныя журнальныя статьи, вовсе не оправдывающая громкаго заглавія. Прибавимъ, что мы не совсѣмъ понимаемъ, для какой публики она предназначается. По изложенію она можетъ быть доступна только читателямъ интеллигентнымъ, но для нихъ едва-ли могутъ быть новы общія мѣста о развитіи цивилизаціи и извлеченія изъ Лёббока и Спенсера. По содержанію она можетъ расчитывать только на читателей, незнакомыхъ съ предметомъ, но для такихъ читателей она не понятна. Нельзя не замѣтить, что она и слишкомъ дорога— 50 коп. за $5^1/_2$ листовъ небольшого формата довольно крупной печати.

Дж. В. Дрэперъ. Исторія умственнато развитія Европы. Пер. съ послѣдняго англійскаго изданія М. В. Лучицкой подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Въ двухъ томахъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Южно-русское книгоиздательство Іогансона. Кіевъ—Харьковъ. Новое изданіе Дрэпера выходитъ почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ перваго. Время для его повторенія выбрано, по нашему мнѣнію, чрезвычайно, удачно. Книга Дрэпера не только интересна, какъ одна

изъ книгъ, имѣвшихъ большое образовательное значеніе въ эпоху просвѣтительныхъ стремленій нашего общества: она появляется весьма кстати и въ наши дни, когда даже въ извѣстной части интеллигентнаго общества слышатся голоса, будто наше время «извѣрилось въ науку», когда намъ опять угрожаютъ сумерки мистицизма, подъ видомъ теософіи, символизма и т. п. Въ такую пору трезвый голосъ, убѣжденное слово талантливаго и яснаго ума должно дѣйствовать освѣжающимъ образомъ, должно укрѣплять колеблющихся и давать опору сомнѣвающимся въ непреложности научной истины. Глубокая вѣра въ эту непреложность проникаетъ все сочиненіе Дрэпера, и это единство мысли и убѣжденія дѣйствуетъ особенно отрадно въ наше двойственное время.

Настоящее русское изданіе переведено съ послѣдняго англійскаго, которое пересмотрѣно авторомъ въ 1875 г. Промежутокъ двадцать лѣтъ можетъ показаться большимъ, и у читателя можетъ возникнуть сомнѣніе—не устарѣла-ли книга Дрэпера, не отстала-ли отъ однородныхъ съ нею сочиненій по исторіи цивилизаціи. Это сомнѣніе легко устраняется. Главное значеніе подобной книги заключается въ ея руководящей идеѣ, которая не можетъ состарѣться, потому что она есть логическій выводъ изъ всей умственной исторіи западно-европейскихъ народовъ. Идея эта заключается въ томъ, что историческое движеніе человѣчества повинуется строгому закону, въ силу котораго оно походитъ, по выраженію Паскаля, на человѣка, «всегда живущаго и непрестанно учащагося». При этомъ отдѣльные народы проходятъ стадіи развитія индивидуальнаго человѣка—молодость, зрѣлость и старость, и каждому изъ этихъ состояній свойственны извѣстные образы мысли.

Дрэперъ доказываетъ это основное положеніе своей книги на умственной исторіи грековъ, которую онъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Оглядываясь назадъ, на путь, пройденный греческимъ умомъ, мы видимъ, что послѣ легендарнаго доисторическаго періода,—вѣка легковѣрія,—наступаютъ преемственно вѣкъ умозрительнаго изслѣдованія, вѣкъ вѣры, вѣкъ разума, вѣкъ дряхлости; первый вѣкъ, легковѣрія, заканчивается географическими открытіями; второй, вѣкъ вѣры, критикою софистовъ; третій, вѣкъ разума, сомнѣніями скептиковъ; четвертый, отличающійся отъ предыдущихъ грандіозностью своихъ результатовъ, постепенно переходитъ въ пятый, вѣкъ дряхлости, прекратившійся, благодаря вмѣшательству римлянъ» (стр. 174). Въ виду такого хода развитія греческой мысли, онъ приходитъ къ заключенію, что «въ умственномъ прогрессѣ греческаго народа можно прослѣдить пять переходныхъ ступеней человѣческаго развитія: дѣтство, отрочество, юность, зрѣлый возрастъ и старость».

Тѣ же явленія, но въ гораздо большемъ масштабѣ, Дрэперъ видитъ и въ умственной исторіи Европы. Повидимому, исторія человѣческой жизни есть исторія мнѣній противурѣчивыхъ, несогласныхъ между собою, похожихъ на лабиринтъ путей, по которымъ умъ можетъ только безнадежно блуждать. Каждое изъ мнѣній считаетъ себя истиннымъ, и наша жизнь проходитъ въ

безплодномъ исканіи критеріума истины. Дрэперъ не считаетъ, однако, положенія мыслящаго человѣка безъисходнымъ: выходъ изъ безотраднаго блужданія указываетъ намъ наука. «Достовѣрность,—говоритъ онъ,—усиливается вмѣстѣ съ числомъ пришедшихъ къ соглашенію умовъ,—отсюда я прихожу къ заключенію, что въ единодушномъ согласіи всего человѣческаго рода заключается человѣческій критеріумъ истины,—критеріумъ, который, въ свою очередь, дѣлается все болѣе и болѣе точнымъ, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и знанія» (стр. 185).

Заблужденія человѣческаго ума, въ родѣ вѣры въ колдовство, омрачающее исторію среднихъ вѣковъ, разсѣеваются силою научнаго изслѣдованія. Римско-католическая церковь, присвоивъ себѣ монополію знанія, долго держала общество подъ вліяніемъ этихъ заблужденій. Отрицая силу науки, насильственно поддерживая мракъ, римская церковь только ослабляла себя. Повидимому, ею все было сдѣлано для упроченія своего торжества, но неожиданно наступило время испытаній, и она очутилась безоружной. Это—одинъ изъ самыхъ поучительныхъ фактовъ исторіи. Онъ показываетъ намъ, что даже «заблужденія подчиняются закону постояннаго измѣненія и воплощаются въ разныя формы, сообразно съ данными условіями, въ какія поставленъ человѣческій умъ въ ту или иную эпоху. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ вѣру въ нихъ раздѣляли всѣ классы общества, затѣмъ немногіе, но число ихъ постоянно возростало,—стали считать ихъ плодами фантазіи. Наконецъ, человѣчество пробудилось вполнѣ отъ своего вѣкового заблужденія, отъ своего сна. Окончательное отрицаніе всего, вопреки удивительному числу свидѣтельствъ, накопившихся въ теченіе столькихъ столѣтій, происходитъ самопроизвольно, внезапно, какъ только психическое развитіе достигло извѣстнаго пункта. Трудно представить болѣе поразительный примѣръ развитія человѣческаго ума» (стр. 416). Костры инквизиціи, на которыхъ погибали несогласные со взглядами церкви, не могли задержать распространенія научной истины. «Напрасно Бруно былъ сожженъ, а Галилей заключенъ въ тюрьму: истина пробила себѣ дорогу, не смотря на все сопротивленіе. Борьба закончилась полнымъ отрицаніемъ авторитета и преданія съ признаніемъ научной истины» (стр. 552).

Главная ошибка римской системы заключалась въ томъ, что она людей считала дѣтьми, нуждающимися въ вѣчной опекѣ. Эта система заботилась объ ихъ нравственности, не придавая никакого значенія ихъ умственному развитію, которое она задерживала или старалась направить исключительно по желательному для нея пути. Она не хотѣла принимать во вниманіе умственный ростъ общества, полагая, что люди могутъ оставаться въ одномъ и томъ же психологическомъ состояніи, что дѣти могутъ ничѣмъ не отличаться отъ своихъ отцовъ. Такая система могла существовать только при умственной неразвитости современнаго ей общества, при дѣтскомъ состояніи его ума. Какъ скоро дѣтство ума смѣнилось юностью, мышленіе заявило свои права и добилось признанія ихъ, несмотря на всѣ противодѣйствія. Говоря словами Дрэ-

*

пера, «въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій народы могутъ жить при формахъ жизни, удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ и подходящихъ къ ихъ неразвитому уму; но ошибочно было бы предположить, что такого рода состояніе можетъ продолжаться до безконечности» (стр. 604).

По мнѣнію Дрэпера, Европа вступаетъ теперь въ зрѣлый періодъ своей жизни. Усиленіе научнаго міросозерцанія, замѣчаемое въ настоящее время, есть признакъ этой зрѣлости. Въ особенности, потребность этого міросозарцанія обозначилась въ нынѣшнемъ столѣтіи, отличающемся необычайно быстрыми умственными успѣхами и общимъ стремленіемъ къ просвѣщенію. И то, и другое обезпечиваетъ дальнѣйшее непрерывное движеніе по тому же пути, естественному и неизбѣжному въ силу закона роста человѣчества. Но свѣтлое будущее Европы обезпечивается, въ глазахъ Дрэпера, не однимъ лишь быстрымъ, успѣшнымъ ходомъ ея умственнаго развитія. Христіанская нравственность для европейскихъ народовъ представляетъ не меньшій залогъ преуспѣянія. «Всемірная любовь,—говоритъ Дрэперъ,—должна принести лучшіе плоды, чѣмъ эгоистичная гордость. Болѣе блестящее будущее, полное надеждъ, открывается для народовъ, воодушевленныхъ религіознымъ чувствомъ, для народовъ, которые, какова бы ни была ихъ политика, всегда сходились въ одномъ, въ томъ, что они набожны,—чѣмъ у народа, который предается преслѣдованію себялюбивыхъ цѣлей и матеріальныхъ выгодъ, который потерялъ всякую вѣру въ будущее и живетъ безъ Бога» (стр. 634).

Таковъ утѣшительный выводъ этой прекрасной книги, которая, надѣемся, и нынѣшнему молодому поколѣнію и всѣмъ стремящимся къ свѣту, сослужитъ такую же добрую службу, какую предыдущее изданіе сослужило ихъ предшественникамъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Фюстель-де-Куланжъ. «Древняя гражданская община».—*Ш. Летурно.* «Соціологія, основанная на этнографіи».

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. (La cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М. 1895 г. Ц. 2 руб. Изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа, являющееся вторымъ изданіемъ въ русскомъ переводѣ, пользуется заслуженной извѣстностью и авторитетомъ. Рѣдкое обиліе фактическаго матеріала, искусно сгруппированнаго и подчиненнаго одной общей идеѣ, художественная ясность изложенія и подавляющая убѣдительность аргументаціи дѣлаютъ это сочиненіе классическимъ въ научной литературѣ. Даже не раздѣляя точки зрѣнія Фюстель-де-Куланжа на основныя причины, опредѣлившія развитіе древнихъ учрежденій Греціи и Рима, считая ее односторонней и исключительной, нельзя отрицать ни глубины его анализа древнихъ вѣрованій и вліянія ихъ на складъ домашней и общественной жизни, ни основательности многихъ зависимостей, раскрытыхъ имъ съ рѣд-

кимъ остроуміемъ. Но, съ другой стороны, изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа о происхожденіи древней общины можетъ служить яркимъ примѣромъ той легкости, съ которою обширная масса фактовъ можетъ складываться подъ умѣлою рукою талантливаго систематика въ стройные ряды обобщеній и выводовъ, подавляющихъ и несокрушимыхъ вплоть до перваго столкновенія съ не менѣе обильными фактами иного порядка, которые съ такимъ же удобствомъ могутъ послужить въ другихъ рукахъ матеріаломъ для совершенно иныхъ построеній. Естественное стремленіе къ логическому единству мысли переходитъ въ данномъ случаѣ тѣ предѣлы, въ которыхъ факты господствуютъ надъ выводами, и приводитъ къ обратному подчиненію фактовъ заранѣе принятымъ обобщеніямъ. Множественность причинъ и факторовъ, управляющихъ въ мірѣ общественныхъ явленій, ускользаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ускользаетъ нерѣдко и почва дѣйствительности, и научное безпристрастіе уступаетъ мѣсто художественному творчеству.

Фюстель-де-Куланжъ безусловно примыкаетъ къ основной соціологической аксіомѣ, твердо установленной цѣлымъ рядомъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей во второй половинѣ настоящаго столѣтія,—аксіомѣ, утверждающей, что «важныя перемѣны, время отъ времени возникающія въ строѣ общества, не могутъ быть дѣломъ ни случайности, ни одного только произвола», но что въ этой смѣнѣ общественныхъ явленій господствуетъ порядокъ и закономѣрность, которую и надлежитъ уловить. Въ этомъ стремленіи Фюстель-де-Куланжъ останавливается на томъ, что, по мнѣнію его, одно измѣняется въ самомъ человѣкѣ въ послѣдовательности эпохъ: это—наше познаніе, наши вѣрованія. Вѣрованія человѣчества не таковы теперь, какъ 25 вѣковъ тому назадъ, и именно отъ этого учрежденія, среди которыхъ мы живемъ, и законы, которыми мы теперь управляемся, иные, чѣмъ въ старину. Доказательству этой мысли о тѣсной связи между строемъ вѣрованій и соціальнымъ бытомъ народа, въ примѣненіи къ учрежденіямъ Греціи и Рима, и посвящено изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа.

Сравненіемъ вѣрованій и учрежденій онъ доказываетъ, что первоначальная религія грековъ и римлянъ, унаслѣдованная ими отъ общаго арійскаго міровоззрѣнія,—культъ усопшихъ предковъ и домашняго очага, который являлся символомъ единенія между живыми и мертвыми членами семьи—этотъ первобытный культъ опредѣлилъ организацію и характеръ греческой и римской семьи, установилъ бракъ и его обряды, власть отца, обозначилъ степени родства, освятилъ право собственности и условія наслѣдованія. Эта же религія, по мѣрѣ расширенія семьи, являлась организаторомъ и опредѣляющимъ началомъ для болѣе широкихъ соединеній: родовъ, фратрій, трибъ и, наконецъ, гражданскаго общества. Изъ нея вышли всѣ учрежденія, какъ и все частное право древнихъ. Подобно тому, какъ домашній очагъ собиралъ вокругъ себя членовъ одной семьи, точно также и гражданская община была собраніемъ всѣхъ, у кого были общіе боги-покровители, кто совершалъ религіозные обряды у общаго алтаря, имѣлъ общія религіозныя торжества и праздники. И Фюстель-де-Куланжъ шагъ

за шагомъ показываетъ намъ, какъ уже въ эпоху высокаго развитія политическаго строя Греціи и Рима религія проникала всю жизнь гражданъ, ихъ нравы, формы управленія, международныя отношенія и пр. Но съ теченіемъ времени древнія вѣрованія измѣнялись и забывались. Понятіе божества теряетъ свой исключительно домашній или мѣстный характеръ и пріобрѣтаетъ значеніе болѣе общее, рядомъ съ тѣмъ измѣняются частное право и политическія учрежденія. Усилія угнетенныхъ и низшихъ классовъ, исключенныхъ изъ религіознаго союза привилегированныхъ гражданъ, низверженіе греческаго сословія—аристократіи, труды философовъ поколебали древніе устои какъ религіознаго, такъ и гражданскаго строя. Христіанство, съ его полной противоположностью тому догмату древней религіи, который гласилъ, что каждый богъ покровительствуетъ исключительно одной семьѣ или одной гражданской общинѣ и для нея только одной существуетъ, и римское завоеваніе, съ его нивеллирующими правовыми принципами,—окончательно разрушили древній строй. Исторія одного вѣрованія и соотвѣтствующихъ ему учрежденій закончилась.

Какъ ни исключительно принимаетъ Фюстель-де-Куланжъ то положеніе, что началомъ, опредѣлившимъ большинство домашнихъ и соціальныхъ учрежденій древнихъ, были вѣрованія, религія, какъ ни односторонне освѣщаетъ онъ, благодаря этому, картину жизни древнихъ, однако, мы не можемъ упрекнуть его, по крайней мѣрѣ, въ той ошибкѣ, въ которой повинны нѣкоторые сторонники экономическаго направленія въ исторіи,—чтобы обобщенія, вынесенныя изъ наблюденія и анализа общественныхъ явленій одной эпохи, распространять на весь ходъ историческаго процесса. Показавъ, на какихъ основахъ, по его мнѣнію, зиждились древнія общества, онъ дѣлаетъ выводъ, что «эти основы болѣе не въ состояніи управлять человѣчествомъ». Какъ только вѣрованія, на какихъ основывался этотъ общественный строй, ослабли, онъ былъ опрокинутъ, опрокинутъ большинствомъ, «заинтересованнымъ въ разрушеніи такой соціальной организаціи, которая не доставляла имъ ни малѣйшаго благополучія» (225 стр.). Переворотъ, уничтожившій въ Римѣ господство жреческаго сословія и возвысившій низшій классъ до уровня древнихъ родовыхъ вождей, послужилъ началомъ новому періоду въ исторіи гражданскихъ общинъ. «Отнынѣ единственнымъ руководящимъ принципомъ, дающимъ силу и жизненность всѣмъ учрежденіямъ, стоящимъ выше единичныхъ желаній и властнымъ принудить ихъ къ повиновенію, является общественный интересъ» (303 стр.). Авторъ не считаетъ нужнымъ выяснить точнѣе, что̀ же лежало въ основѣ этого общаго интереса. но можно понять, что онъ имѣлъ въ виду интересы демократіи, ея политическаго преобладанія и соціальнаго «благополучія». Однако, развѣ интересы эти отсутствовали раньше и не проявляли всегда своего вліянія на строй учрежденій? Фюстель-де-Куланжъ остается столь же исключительнымъ и одностороннимъ мыслителемъ въ концѣ книги, признавъ значеніе другого интереса, кромѣ религіознаго, какъ онъ былъ исключительнымъ въ своемъ отношеніи къ послѣднему ранѣе. Теперь для него въ періодѣ, куда

онъ вступаетъ, «преданію нѣтъ болѣе мѣста, а религіи—власти», какъ не было мѣста въ ранніе періоды развитія гражданскаго общества—общественному интересу. «Гражданскія общины,—говоритъ онъ,—не задавались вопросомъ, полезны ли созданныя ими учрежденія: эти учрежденія появились потому, что религія этого требовала. Ни интересъ, ни выгода не принимали участія въ ихъ установленіи; если жреческое сословіе боролось за ихъ защиту, то отнюдь не во имя общественнаго интереса, а во имя религіознаго преданія» (стр. 302). Жреческое сословіе, поддерживая древнія религіозныя установленія, выступало, конечно, не столько во имя общественнаго интереса, широко понимаемаго, сколько въ интересахъ своего класса, благополучіе и существованіе котораго ими обусловливалось, и утверждать, что оно исходило въ своей дѣятельности исключительно изъ безкорыстнаго преклоненія передъ религіознымъ преданіемъ, является столь же очевидной ошибкой, какъ и обратное. Жреческое сословіе всегда входило, какъ часть, въ составъ землевладѣльческой аристократіи и, защищая древнія установленія, оно боролось и за свои соціальныя привилегіи. Эта тѣсная связь между интересами религіи и соціальными привилегіями духовенства проявлялась и въ позднѣйшее время, и, отрицая по отношенію къ нему власть религіи, Фюстель-де-Куланжъ повинуется скорѣе голосу логики, чѣмъ объективнаго изслѣдованія фактовъ. Подобный пріемъ отношенія къ явленіямъ исторіи ярко характеризуетъ Гизо словами: «Ничто такъ не искажаетъ исторіи, какъ логика: когда умъ человѣческій останавливается на какой-либо идеѣ, онъ извлекаетъ изъ нея всѣ возможныя послѣдствія, заставляетъ ее произвести все то, что въ дѣйствительности она могла бы произвести, и потомъ представляетъ ее себѣ въ исторіи въ сопровожденіи всего этого».

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Выпускъ I. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. Ц. 60 коп. Настоящій выпускъ представляетъ переводъ не болѣе третьей или четвертой части обширнаго труда Ш. Летурно, обнимающаго всѣ проявленія существованія человѣка и человѣческаго общества у разныхъ расъ и подъ разными градусами широты и долготы. Переведенныя главы (кн. I) заключаютъ этнографическій матеріалъ по вопросу о роли потребностей питанія въ человѣческой жизни, о характерѣ пищи въ разныхъ частяхъ свѣта, о пріемахъ ея приготовленіе, опьяняющихъ и одурманивающихъ веществахъ и пр. Вторая половина выпуска (книга II франц. изданія) посвящена роли чувства въ жизни человѣка, вопросу объ отношеніяхъ между полами, о роли искусствъ, удовлетворяющихъ тѣмъ или инымъ потребностямъ чувства. Здѣсь собранъ обильный матеріалъ о характерѣ украшеній, къ которымъ прибѣгаютъ и прибѣгали разныя племена земного шара, о первоначальныхъ ступеняхъ искусства, музыки, танцевъ, скульптуры, живописи и пр. Дальнѣйшія книги сочиненія Летурно, долженствующія войти въ послѣдующіе выпуски, даютъ факты изъ области нравовъ, культуры и религіи, общественныхъ формъ, семьи, собственности, политическихъ учрежденій и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ были развиты Летурно въ отдѣльныя сочиненія, вы-

шедшія подъ особыми заглавіями, какъ-то: «Эволюція собственности», «Эволюція морали». Русскій переводъ «Соціологіи» снабженъ рисунками въ текстѣ, чего нѣтъ во французскомъ изданіи и что не совсѣмъ идетъ къ такому строго научному сочиненію, какъ трудъ Ш. Летурно, тѣмъ болѣе, что рисунки эти, взятые изъ разныхъ этнографическихъ и географическихъ изданій, не всегда отличаются хорошимъ исполненіемъ. Кромѣ того, присутствіе рисунковъ можетъ повести къ недоразумѣніямъ, внушая представленіе о книгѣ, какъ о сочиненіи популярномъ, между тѣмъ какъ въ томъ же первомъ выпускѣ есть главы, которыя не всегда могутъ быть съ удобствомъ предложены вниманію неопытныхъ читателей.

Переходя къ вопросу о значеніи трудовъ Летурно въ соціологической литературѣ, мы должны отмѣтить, что въ «соціологіи» онъ является по преимуществу только коллекторомъ и классификаторомъ обширнаго матеріала фактовъ и наблюденій, собранныхъ многочисленными этнографами, путешественниками, антропологами и историками, и касающихся тѣхъ или другихъ сторонъ человѣческой жизни. Авторъ проситъ не искать въ его книгѣ изложенія «соціологическихъ законовъ», претендующихъ на строгую научность. По мнѣнію его, соціальная наука находится еще въ періодѣ дѣтства, собиранія матеріала и выдѣленія наиболѣе важныхъ фактовъ изъ безпорядочной массы мелкихъ наблюденій. Соціологи-систематики сдѣлали большую ошибку, когда, располагая очень малымъ количествомъ фактовъ, стали основывать на нихъ свои теоріи, нерѣдко искажая и подтасовывая факты съ цѣлью подтвердить всевозможными способами свои предвзятые взгляды. Къ такимъ соціологамъ Ш. Летурно относитъ не только Вико, Кондорсэ, С. Симона, Ог. Конта, но и Спенсера, Лёббока, Тайлора и многихъ другихъ. Онъ, конечно, признаетъ, что все въ природѣ подчинено законамъ; слѣдовательно, должны существовать и соціологическіе законы. Но «общій законъ открыть тѣмъ труднѣе, чѣмъ большимъ числомъ явленій онъ управляетъ и чѣмъ больше ихъ разнообразіе и сложность; явленія же соціальной жизни безчисленны и подвергаются самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ». При изученіи области соціологіи необходимо принять во вниманіе не только разнообразныя проявленія человѣческой дѣятельности, но и внѣшнія условія, въ зависимости отъ которыхъ она находится. Соціологія основывается на данныхъ, заимствованныхъ изъ многихъ наукъ: естественной исторіи, антропологіи, этнографіи, демографіи, политической экономіи, исторіи и пр. Все, что въ большей или меньшей степени вліяетъ на жизнь человѣка, имѣетъ значеніе и для соціолога. Въ виду этой-то обширности, сложности и трудности задачи, «всякая надежда на строго научную соціологію должна быть пока оставлена». Передъ нами огромный предварительный трудъ собиранія матеріала, группировки фактовъ, ихъ классификаціи и сопоставленія. Этотъ трудъ, или, точнѣе говоря, часть этого труда и беретъ на себя Ш. Летурно въ своей «Соціологіи по даннымъ этнографіи», послѣдовательно описывая въ ней главныя проявленія человѣческой дѣятельности у важнѣйшихъ расъ и сопоставляя ихъ

гдѣ возможно, съ аналогичными явленіями, наблюдаемыми у животныхъ.

Однако, какъ бы ни воздерживался ученый, избравшій предметомъ своего изученія область явленій соціологіи, отъ поспѣшныхъ обобщеній и произвольныхъ выводовъ, но для самаго «выдѣленія наиболѣе важныхъ фактовъ изъ безпорядочной массы мелкихъ наблюденій» —нужно имѣть какой-либо заранѣе принятый критерій для отличенія болѣе важныхъ и менѣе важныхъ фактовъ. Элементъ общей идеи предшествуетъ всякой индукціи, тѣмъ болѣе той, которая имѣетъ дѣло съ матеріаломъ такой сложности и обширности, какъ область явленій соціальныхъ. И Ш. Летурно доказываетъ справедливость этой мысли, не оставляя въ теченіи всего своего труда почвы нѣсколько неопредѣленнаго, но неизмѣннаго понятія объ общемъ законѣ соціальнаго развитія, *прогресса, усовершенствованія личности и соціальныхъ формъ.* Эта идея красной нитью проходитъ въ его сочиненіи, составляя единственную дань систематизирующимъ стремленіямъ современной соціологіи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. В. «Артельныя начинанія русскаго общества».—«Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ».

Артельныя начинанія русскаго общества. В. В. С.-Петербургъ. 1895 г. 1 руб. Существуютъ два вида артелей: однѣ изъ нихъ, выросшія какъ бы сами собой, безъ всякаго посторонняго вліянія, можно назвать бытовыми; артели второй категоріи, напротивъ, возникаютъ по иниціативѣ учрежденій или лицъ изъ образованнаго общества Здѣсь мы не будемъ долго останавливаться на характеристикѣ бытовыхъ артелей, — читатели нашего журнала уже имѣли случай ознакомиться съ ними (см. библіографію «Міръ Божій» за іюль 1895 г.); скажемъ лишь кратко, что бытовыя артели, прежде всего, останавливаются на отрасляхъ промышленности, не требующихъ прочно-установленнаго раздѣленія труда; далѣе, сбытъ вырабатываемыхъ этими артелями издѣлій производится въ ближайшихъ районахъ, почему артельщиками-кустарями не принимается какихъ-либо спеціальныхъ мѣръ. Затѣмъ, въ бытовой артели всегда можно подмѣтить фактъ незначительныхъ капитальныхъ затратъ на предпріятіе, и, наконецъ, она характеризуется простотой организаціи и непостоянствомъ личнаго состава участниковъ.

Теперь познакомимся съ важнѣйшими отличительными особенностями артелей, иниціатива которыхъ исходитъ не изъ простого народа, а изъ образованнаго класса.

Въ исторіи этой категоріи артелей слѣдуетъ различать три періода — время съ половины 60-хъ до начала 70-хъ годовъ, съ 70-хъ до половины 80-хъ годовъ и, наконецъ, третій періодъ обнимаетъ собою время отъ второй половины 80-хъ годовъ до

нашихъ дней. Первый періодъ можетъ быть названъ періодомъ сильнаго увлеченія интеллигентнаго общества идеей артели. Но для всякаго практическаго дѣла не достаточно одного желанія приносить пользу ближнему, а требуется прежде всего наличность иныхъ условій; и разъ такихъ условій нѣтъ, никогда нельзя разсчитывать на успѣхъ предпріятія.

Однимъ изъ первыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при какихъ стали возникать у насъ артели по инициативѣ интеллигентныхъ людей, была непрактичность самихъ инициаторовъ, недостаточное знакомство ихъ съ различными условіями народной жизни. Но это еще далеко не все, и мы были бы вполнѣ неправы, если бы всю вину неудачи, напр., сыроваренія возложили на однихъ инициаторовъ: дѣло въ томъ, что, кромѣ непрактичности, были иныя, весьма неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ возникло и начало развиваться артельное дѣло.

Только-что освобожденный отъ тяжелыхъ оковъ крѣпостничества, не имѣвшій возможности научиться даже простой грамотѣ, народъ, естественно, не могъ успѣшно повести такое сложное дѣло, какъ артельныя предпріятія.

Другимъ важнымъ препятствіемъ широкому распространенію артелей служитъ бѣдность народа. По нашему мнѣнію, артели нужно распространять и прививать не тамъ, гдѣ хозяйство крестьянъ пришло въ окончательный упадокъ и нищета успѣла себѣ свить гнѣздо, а тамъ, гдѣ есть хотя необходимый minimum матеріальнаго благостоянія. Нельзя сказать, чтобы и этотъ пунктъ житейской азбуки былъ принятъ во вниманіе при учрежденіи первыхъ артелей на Руси.

Послѣ всего сказаннаго сейчасъ, понятно, почему идеализмъ самоотверженныхъ инициаторовъ потерпѣлъ фіаско, и мысль объ артеляхъ заглохла на цѣлый десятокъ лѣтъ.

И только со второй половины 80-хъ годовъ она снова выплыла на свѣтъ Божій, но уже нѣсколько при иныхъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Г-нъ В. В. приводитъ въ своей книжкѣ массу примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ сочувствіи, какое встрѣчаетъ среди населенія идея о кооперативномъ началѣ въ различныхъ предпріятіяхъ (см. стран. 71 и далѣе). Пользуясь этимъ настроеніемъ крестьянъ, многія земства и отдѣльныя лица снова стали организовать артели, преимущественно въ кустарныхъ промыслахъ. Оказалось, что опытъ прежнихъ лѣтъ не пропалъ даромъ: теперь артели организуются уже на болѣе раціональныхъ началахъ и, во многихъ случаяхъ, приносятъ мѣстному населенію несомнѣнную пользу. Эта часть труда г. В. В., т. е. та, гдѣ описываются «новѣйшія артели», заключаетъ много интереснаго и весьма поучительнаго матеріала.

Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи. (1865—1892 гг.). Изданіе полтавской губернской земской управы. Полтава. 1894 г. 1 руб. Обзоръ экономическихъ мѣропріятій земствъ представляетъ огромный интересъ, не только съ точки зрѣнія фактическаго ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлало земство въ сравнительно непродолжительный періодъ

своего существованія, но и въ видахъ практическихъ, въ особенности въ настоящее время, когда всюду поднимаются требованія энергическаго и организованнаго воздѣйствія общественныхъ силъ на экономическую жизнь страны. Вотъ почему разсматриваемая нами книга: «Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи», составленная по порученію полтавской губернской земской управы, заслуживаетъ вниманія.

Изъ обширнаго круга мѣропріятій земствъ по поднятію экономическаго положенія населенія на первомъ планѣ стоятъ *мѣры по увеличенію крестьянскаго землевладѣнія.*

Роль земства въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что оно разъясняетъ правительству, при какихъ условіяхъ крестьянскій банкъ можетъ принести пользу населенію, ходатайствуетъ о пониженіи процентовъ по ссудамъ, объ упрощеніи выдачи такихъ ссудъ, о расширеніи операцій банка, наконецъ, выдаетъ крестьянамъ денежныя ссуды, необходимыя для приплаты къ полученнымъ изъ банка. Нѣкоторыя изъ южныхъ земствъ—таврическое, херсонское и черниговское — обратили вниманіе на вопросъ объ *арендѣ земель крестьянскими обществами.* Таврическое губернское земство, по иниціативѣ мелитопольскаго уѣзднаго, въ 1878 г. ходатайствовало передъ правительствомъ о разрѣшеніи сельскимъ обществамъ арендовать казенныя земли по мірскимъ приговорамъ, безъ залоговъ и безъ ограниченія величиною и отдаленностью участка, а также и продолжительностью аренднаго срока. Такое же ходатайство повторено было затѣмъ въ 1880 г., съ тѣмъ мотивомъ, что предлагаемая мѣра обезпеченія землею крестьянъ представляетъ значительныя выгоды и для казны, такъ какъ крестьяне могутъ платить болѣе высокую арендную плату, чѣмъ посредники, снимающіе казенныя земли для раздачи крестьянамъ по мелочамъ.

Въ такомъ же смыслѣ ходатайствовало и херсонское губернское земство въ 1879 г.

Гораздо обширнѣе, разнообразнѣе и плодотворнѣе оказалась *дѣятельность земствъ, направленная къ улучшенію сельскаго хозяйства.* Сюда относятся мѣры, имѣющія цѣлью улучшеніе скотоводства, мѣры по поднятію полевой, огородной и древесной культуры, и организація особыхъ учрежденій, предназначенныхъ заботиться о процвѣтаніи сельскаго хозяйства.

Земледѣліе, какъ главный фундаментъ, на которомъ зиждется жизнь нашего народа, всегда обращало на себя большое вниманіе земствъ и вызывало съ ихъ стороны различныя мѣропріятія, которыя выразились, между прочимъ, въ содѣйствіи распространенію земледѣльческихъ орудій, въ распространеніи лучшихъ сортовъ сѣмянъ, а также въ попыткахъ ввести удобреніе и травосѣяніе.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, частичныхъ мѣропріятій, земства старались создать еще такія *учрежденія, которыя бы заботились объ улучшеніи всѣхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства.* Сюда относятся низшія и среднія сельскохозяйственныя училища, открытыя земствами, сельскохозяйственные курсы, опытныя станціи и поля, сельскохозяйственные и естественно-историческіе му-

зеи и коллекціи и особенно институтъ агрономическихъ смотрителей.

На ряду съ вопросомъ о крестьянскомъ земледѣліи вниманіе земства всегда привлекалъ вопросъ о *содѣйствіи кустарнымъ промысламъ и ремесламъ.* Мѣропріятія земствъ въ дѣлѣ развитія кустарныхъ промысловъ выразились прежде всего въ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, и, кромѣ того, въ содѣйствіи развитію среди населенія ремеслъ, въ устройствѣ учебныхъ мастерскихъ, техническихъ школъ, курсовъ ручного труда и классовъ техническаго рисованія, въ принятіи мѣръ по улучшенію кустарныхъ издѣлій, въ организаціи кредита для кустарей, въ учрежденіи кустарныхъ комитетовъ, музеевъ, складовъ, выставокъ, въ содѣйствіи развитію кустарныхъ артелей и, наконецъ, въ доставленіи кустарямъ подрядовъ по поставкѣ ихъ издѣлій для казны.

Но даже и этимъ не исчерпываются заботы земствъ въ дѣлѣ поднятія экономическаго положенія населенія: экономическія изслѣдованія (земская статистика), осушеніе земель и болотъ, обводненіе и орошеніе земель, борьба съ песками, добываніе ископаемыхъ богатствъ, фабричная и заводская промышленность, переселеніе, торговля, кредитъ и т. п.,—все это обращало на себя вниманіе земствъ и вызывало тѣ или другія мѣропріятія.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Рихардъ Гертвигъ «Учебникъ зоологіи».

Рихардъ Гертвигъ. Учебникъ зоологіи. Перевелъ съ измѣненіями и дополненіями проф. Заленскій. XV+724. Рис. 613. Одесса. 1895 г. Изд. Шлейхеръ. Ц. 5 р. 40 к. При бѣдности нашей литературы оригинальными произведеніями по зоологіи, должно съ удовольствіемъ привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ руководства Гертвига.

Зоологія, какъ наука описательная, естественно распадается на два отдѣла: морфологію и систематику. Слѣдя за историческимъ ходомъ развитія описательныхъ наукъ, мы видимъ, что сперва старались узнать и описать возможно большее число формъ, не входя въ детальное анатомическое изслѣдованіе ихъ; исключеніи въ этомъ отношеніи очень немного, самымъ замѣчательнымъ былъ безспорно Аристотель. Такого направленія держалась зоологія почти до Линнея включительно; были, правда, въ XVII с., морфологи, какъ Мальпигій, Свамердамъ, Левенгукъ, но имъ не удалось еще направить зоологію на истинный путь. Настоящимъ своимъ развитіемъ обязана морфологія ученымъ конца XVIII и начала XIX ст.: Ламарку, Жофруа Сентъ-Илеру и Кювье, въ особенности послѣднему. Съ тѣхъ поръ изученіе морфологіи подвигается гигантскими шагами. Установленіе фонъ-Бэромъ эмбріологіи какъ науки и эволюціонная теорія окончательно доказали первостепенную важность морфологическаго изученія формъ для истиннаго пониманія живот-

наго царства. Поэтому, отъ каждой общей книги по зоологіи нужно требовать прежде всего, чтобы она излагала предметъ съ морфологической точки зрѣнія; систематика нужна какъ нѣкоторая иллюстрація къ предмету изложенія.

Такимъ именно и является учебникъ Гертвига, въ которомъ систематикѣ отведено ограниченное, иногда даже слишкомъ ограниченное, мѣсто. Но это не вредитъ дѣлу: чтобы изучать систематику, нужно сперва изучить морфологію.

Книга распадается на общую и спеціальную часть. По примѣру многихъ авторовъ, Гертвигъ начинаетъ краткимъ историческимъ очеркомъ развитія зоологіи; изложенію эволюціонной теоріи, какъ для общаго сочиненія, посвящено достаточно вниманія. Послѣ историческаго введенія слѣдуетъ общая зоологія. Этою своею частью, заключающею общую анатомію и эмбріологію, книга ничѣмъ не отличается отъ другихъ существующихъ руководствъ, о которыхъ мы скажемъ въ концѣ нѣсколько словъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, какъ и дальше во всей книгѣ, особенность, состоящую въ томъ, что послѣ каждой главы, посвященной изученію извѣстнаго типа организмовъ, слѣдуетъ сводъ главныхъ пунктовъ изъ морфологіи изучаемаго типа. Такіе краткіе, схематическіе конспекты имѣютъ несомнѣнную пользу, напр., при повтореніи.

Спеціальная часть уже значительно отличается отъ другихъ руководствъ. Въ классѣ Hydrozoa авторъ даетъ нѣсколько отличное подраздѣленіе отъ существующаго; сильно разнится у него дѣленіе типа моллюсковъ, и изъ нихъ преимущественно пластинчато-жаберныхъ. Проф. Заленскій, въ свою очередь, нѣкоторыми измѣненіями, на основаніи новѣйшихъ морфологическихъ, въ особенности эмбріологическихъ данныхъ, внесъ бо̀льшую цѣльность и схематичность въ систему. Онъ присоединилъ классы Bryozoa (мшанокъ) и Brachiopoda (плеченогихъ), соединивъ ихъ въ подтипъ Brachiostomata, къ типу червей; прежде оба эти класса соединяли въ особый типъ моллюскообразныхъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ даннымъ эмбріологіи; такой типъ мы встрѣчаемъ еще въ главнѣйшихъ на русскомъ языкѣ руководствахъ Бобрецкаго и Клауса. Кромѣ того, онъ соединилъ Tunicata (оболочниковыхъ), Acrania (безчерепныхъ) и Chordata (позвоночныхъ) въ одинъ типъ, что также требуется современными успѣхами эмбріологіи.

Теперь нѣсколько словъ о формальной сторонѣ. Изложеніе весьма ясно и иллюстрируется значительнымъ количествомъ анатомическихъ и эмбріологическихъ рисунковъ. Важное и существенное отдѣлено отъ второстепеннаго матеріала, для чего въ книгѣ два шрифта: крупнымъ напечатаны главнѣйшія морфологическія данныя, мелкимъ — нѣкоторыя біологическія и систематическія. Болѣе подробно авторъ останавливается на нѣкоторыхъ практически важныхъ біологическихъ данныхъ: имъ подробно описаны паразитическіе черви, нѣкоторыя паразитическія и вредныя для культуры растеній формы среди насѣкомыхъ и т. п. Подробнѣе другихъ отдѣловъ изложенъ отдѣлъ позвоночныхъ животныхъ, иллюстрируемый значительнымъ количествомъ, отчасти даже раскрашенныхъ (при кровеобращеніи) рисунковъ.

Укажемъ теперь, для полноты, нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, отрицательныя черты. Недостаточно изложены филогенетическія отношенія между различными типами; такъ, почти не описаны нѣкоторыя интересныя переходныя формы отъ Protozoa къ Metazoa, каковы группы Orthonectidae и Dyciemidae и нѣкоторые еще другіе организмы, о которыхъ только упомянуто; кратко также описана интересная переходная группа Enteropneusta, которая совмѣщаетъ въ себѣ признаки организаціи червей, иглокожихъ и хордатъ, и имѣетъ несомнѣнно большое филогенетическое значеніе; не упомянуто о недавно открытой Семперомъ на Филиппинскихъ островахъ свободноживущей и взрослой формы Trochophora, въ высшей степени похожей на личиночную стадію червей и отчасти моллюсковъ и являющейся, весьма вѣроятно, родоначальной формой для типа червей.

Но все это мелочи, нисколько не умаляющія достоинства книги, которую настоятельно можно рекомендовать, какъ руководство для первоначальнаго ознакомленія съ основами науки.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ учебникахъ по зоологіи на русскомъ языкѣ,

Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить книгу *Бобрецкаго* «Учебникъ зоологіи» въ 2 частяхъ 1887. Серьезный трудъ, но имѣющій большой недостатокъ для учащихся: въ немъ нѣтъ ни одного рисунка; пользоваться же рисунками по другимъ книгамъ представляетъ большія неудобства; имѣющему же представленіе объ элементахъ зоологіи онъ можетъ принести несомнѣнную пользу. Другое популярное среди учащихся руководство *Клауса* «Учебникъ зоологіи» 1888. Этотъ учебникъ, въ виду нѣкоторой его краткости и недостаточнаго количества анатомическихъ рисунковъ, уступаетъ двумъ предъидущимъ.

Изъ учебниковъ по позвоночнымъ животнымъ можно указать на руководство *Шимкевича* и *Полежаева* «Учебникъ зоологіи позвоночныхъ» 1891. Строго морфологическій учебникъ; написанъ вполнѣ согласно съ современными воззрѣніями на позвоночныхъ; къ его довольно крупнымъ недостаткамъ слѣдуетъ отнести тяжелое изложеніе и пристрастіе авторовъ къ латинской терминологіи, что представляетъ значительныя затрудненія для начинающихъ. Онъ снабженъ многочисленными схематическими и анатомическими рисунками.

Книга *Видерсгейма* «Основанія сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ» 1887 г. не нуждается, конечно, ни въ какихъ комментаріяхъ, въ виду громаднаго авторитета, какимъ пользуется ея авторъ. Къ сожалѣнію, переводъ оставляетъ желать многаго; нѣтъ также части рисунковъ, имѣющихся въ нѣмецкомъ подлинникѣ.

Можно указать еще на одно общее сочиненіе по зоологіи—*Богданова* «Медицинская зоологія» 1883—1888 г. Но, въ виду того, что учебникъ этотъ написанъ не съ морфологической точки зрѣнія, онъ не можетъ быть рекомендованъ для ознакомленія съ основами науки.

По эмбріологіи имѣются два заслуживающихъ вниманія руко-

водства, причемъ оба по эмбрiологiи позвоночныхъ: *Келликера* «Основанiя исторiи развитiя человѣка и высшихъ животныхъ» 1882 г. и *Оск. Гертвига* «Учебникъ эмбрiологiи позвоночныхъ животныхъ и человѣка» 1894 г.; оба представляютъ классическiе труды въ области учебной литературы по эмбрiологiи, но послѣднiй, какъ болѣе новый, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманiя.

Слѣдуетъ упомянуть еще о соч. *Н. П. Вагнера* «Исторiя развитiя царства животныхъ» 1885 г., законченная только на типѣ червей. Книга могла бы быть полезной, если бы авторъ не пытался вводить свою собственную классификацiю, что вноситъ, конечно, только путаницу и мѣшаетъ орiентироваться, и не проводилъ нѣкоторыхъ ему одному доступныхъ тенденцiй; книга можетъ, впрочемъ, имѣть нѣкоторое значенiе, благодаря обилью рисунковъ.

Изъ общихъ сочиненiй систематически-бiологическаго направленiя можно указать на общеизвѣстную «Жизнь животныхъ» *Брема*, выходящую вторымъ изданiемъ съ 1895 г.; «Птицы Россiи» *Мензбира* 1895 г., «Рыбы Россiи» *Сабанѣева* 1892 г.

О другихъ учебникахъ зоологiи, какъ, напр., Герда, Бранда, Сентъ-Илера, Поля Бера и Вагнера, мы здѣсь не упоминаемъ, въ виду того, что всѣ они представляютъ краткое, не систематическое изложенiе предмета, принаровленное къ занятiямъ въ средне - учебныхъ заведенiяхъ, и для изученiя зоологiи непригодны.

Для полноты этого обзора учебной литературы не лишне упомянуть объ учебникѣ зоологiи какого-то г. Кащенко, изданномъ въ Томскѣ. Это—не учебникъ, а жалкая пародiя на него, полная ошибокъ, безъ всякой системы и, вмѣсто рисунковъ, съ литографированными таблицами, приложенными въ концѣ книги. Нѣкоторымъ оправданiемъ для этого «учебника» можетъ служить то, что онъ предназначенъ для медиковъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Litterary Anecdotes of the Nineteenth Century». Contributions Towards the Literary History of the Period. Edited by W. Robertson Nicoll. M. A. and Thomas J. Wise. Hodder and Stoughton. (*Литературные анекдоты XIX вѣка*). Этотъ томъ является продолженіемъ хорошо извѣстнаго англійской читающей публикѣ сборника разныхъ фактовъ, разсказовъ и анекдотовъ, касающихся писателей, издателей и типографщиковъ XVIII вѣка. Въ новомъ сборникѣ заключаются уже только факты, относящіеся къ литературѣ XIX вѣка. Безъ сомнѣнія, далеко не все въ этомъ собраніи разныхъ литературныхъ курьезовъ представляетъ одинаковый интересъ; многое является ненужнымъ хламомъ, но тѣмъ не менѣе сборникъ все-таки заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ немъ можно найти много данныхъ, прекрасно освѣщающихъ литературное движеніе нашего вѣка и характеризующихъ многихъ изъ его дѣятелей.

(Daily News).

«Vom Baume der Erkenntniss» Dr. Paul V. Gizycki (Dümmlers Verlags Buchchandlung) Berlin. 1896. (*Древо познанія*). Читающая публика обыкновенно относится съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ собраніямъ изреченій, мыслей и афоризмовъ различныхъ великихъ мыслителей и писателей. Это недовѣріе справедливо, такъ какъ составители такихъ сборниковъ, большею частью, не имѣютъ никакой руководящей идеи и выхватываютъ цитаты на удачу. Сборникъ г. Гижицкаго, въ данномъ случаѣ, представляетъ исключеніе; это не простой сборникъ цитатъ, а въ немъ есть руководящая идея. Читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе объ отношеніяхъ великихъ поэтовъ, философовъ, основателей религій и государственныхъ людей къ различнымъ вопросамъ этическаго и религіознаго характера. Особенно полезенъ этотъ сборникъ для читателей, въ первый разъ приступающихъ къ философскимъ вопросамъ, такъ какъ онъ знакомитъ ихъ съ главнѣйшими воззрѣніями величайшихъ мыслителей на вопросы, наиболѣе волнующіе душу человѣка, какъ напримѣръ: религія, знаніе, законы природы, пессимизмъ и оптимизмъ, теологія и атеизмъ, свобода воли и т. п. Намъ остается только прибавить, что авторъ выказываетъ въ своемъ сборникѣ замѣчательную эрудицію. (Berliner Tageblatt).

«La Géologie comparée» par Stanislas Meunier (Alcan) Paris (*Сравнительная геологія*). Авторъ находитъ, что сравнительный методъ въ геологіи можетъ дать ключъ къ разрѣшенію самыхъ трудныхъ геологическихъ проблемъ. Въ сравнительной геологіи земля занимаетъ, конечно, такое же мѣсто, какъ и всѣ прочія планеты, такъ какъ эта геологія имѣетъ цѣлью распространить на всю видимую вселенную методы, примѣняемые ею къ изученію земли. Благодаря такому методу, авторъ даетъ намъ живую и яркую картину развитія солнечной системы.

(Revue des Revues).

«Journalistes et Polémistes» par J. Barbey d'Aurevlly (A. Lemerre). Paris. (*Журналисты и полемисты*). Эта книга представляетъ настоящую исторію журнализма, его прогресса и превращеній, которымъ онъ подвергался подъ вліяніемъ среды, а также различныхъ политическихъ условій. Авторъ этого чрезвычайно интереснаго труда знакомитъ читателя съ различными типами журналистовъ. Онъ говоритъ о Камиллѣ Демуленѣ, Арманъ Каррелѣ, Эмиль де-Жирарденѣ, Эдмонѣ Абу, Пелльетанѣ и мн. другихъ, и старается опредѣлить психологическія основы журнализма, обусловливающія его различныя направленія и формы. Очень талантливо обрисовываетъ авторъ могущество и значеніе великой современной силы, именуемой журналистикой, и говоритъ о той

роли, которая ей принадлежитъ въ настоящемъ и будущемъ.

(Journal des Débats).

«Evolution en Art» par le professeur Alfred C. Haddon. (Walter Scott). Londres. (Эволюція въ искусствѣ). Книга эта входитъ въ составъ библіотеки «The contemporary Science Series» и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, посвященныхъ изученію декоративнаго искусства и его роли въ исторіи человѣчества. Авторъ указываетъ, какъ надо изучать декоративное искусство въ различныхъ сферахъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ, чтобы выяснить его значеніе въ исторіи. Въ отдѣльныхъ главахъ, подъ рубриками: искусство, богатство, религія, авторъ говоритъ о различныхъ причинахъ, дѣйствовавшихъ на развитіе декоративнаго искусства. Книга снабжена превосходными иллюстраціями.

(Journal des Débats).

«Album historique» par M. A. Parmentier, sous la direction de M. Ernest Lavisse de l'Académie française (Armand Colin) Paris. (Историческій альбомъ). Этотъ роскошно изданный томъ переноситъ читателя въ средніе вѣка и знакомитъ его съ частною и общественною жизнью Европы, начиная съ конца четвертаго до конца тринадцатаго вѣка. Въ альбомѣ заключается не менѣе двухъ тысячъ гравюръ. Къ каждой гравюрѣ приложено описаніе, по возможности сжатое, но ясное и содержательное и заключающее въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для полнаго уразумѣнія исторіи прошлаго. (Temps).

«Notes de voyage. Les americaines chez elles» par Th. Bentzon (Callmann Levy) Paris (Путевыя замѣтки. Американки у себя дома). Г-жа Бентцонъ провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Америкѣ со спеціальною цѣлью изучить американскую женщину на мѣстѣ въ различной обстановкѣ, въ различныхъ сферахъ и изслѣдовать вліяніе на нее воспитанія, соціальныхъ условій, особенностей американской жизни и т. п. Задачу свою г-жа Бентцонъ выполнила и въ своихъ очеркахъ даетъ намъ наивозможно болѣе полное представленіе объ американской женщинѣ, ея характера и дѣятельности *).

(Revues des Deux Mondes).

«La Guerre dans les diverses races humaines» par. Ch. Letourneau Paris (Battaille) 1895. (Война у различныхъ человѣческихъ расъ). Этотъ новый трудъ Летурно составляетъ продолженіе его изслѣдованій различныхъ формъ эволюціи человѣческихъ расъ. Онъ уже представилъ намъ, въ своихъ предшествующихъ сочиненіяхъ, эволюцію права, семьи, собственности и нравственности у различныхъ человѣческихъ расъ, въ различныя эпохи и въ разныхъ странахъ. Теперь онъ приступаетъ къ изученію одной изъ самыхъ трудныхъ и необыкновенныхъ проблемъ, существовавшихъ во всѣ времена и всегда угрожавшихъ человѣчеству. Это: грозный призракъ войны, вѣчно тяготѣющій надъ людьми. Летурно говоритъ въ своемъ предисловіи, что къ войнѣ нельзя примѣнить слова: эволюція, такъ какъ, въ ряду непрестанно измѣняющихся факторовъ и явленій соціальной жизни, она одна остается почти неизмѣнной, и съ этой точки зрѣнія современный человѣкъ мало отличается отъ своихъ дикихъ и варварскихъ предковъ. Летурно, излагая исторію войны, указываетъ, что въ самомъ началѣ она имѣла цѣлью добычу пищи, такъ что первымъ принципомъ войны былъ каннибализмъ. Съ теченіемъ времени этотъ принципъ исчезъ и замѣнился другими, но, во всякомъ случаѣ, главною и первоначальною причиною войны, какъ прежде, такъ и теперь, остается грабежъ, имѣетъ ли онъ своимъ объектомъ, какъ въ прежнія времена, похищеніе женщинъ, рабовъ, имущества, или какъ теперь—отнятіе территорій. Летурно беретъ эпиграфомъ своей книги: «Le vol pour but; le meurtre pour moyen» **), опредѣляя этими словами весь смыслъ и сущность войны. Появленіе такого сочиненія о войнѣ нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ вся Европа страдаетъ отъ постоянной угрозы войны, и общество выражаетъ свой протестъ организаціей союзовъ мира и пропаганды противъ войны.

(Revue Scientifique).

«Les Causes de la folie» prophylaxie et assistance, par Edouard Toulouse. Paris, Sociéte d'Editions Scientifiques, 1896. (Причины помѣшательства. Профилактика и помощь). Книга эта проникнута не только широкими медицинскими, но и философскими взглядами и затрогиваетъ всѣ вопросы, интересующіе общество и касающіеся природы помѣша-

---

*) Съ этой книгой наши читатели отчасти знакомы по очерку г-жи Э. Пименовой «Дѣятельность женщинъ въ Соединен. Штатахъ», см. февраль 1895 г., а также по многимъ выдержкамъ въ отдѣлѣ «Заграницей».

**) «Грабежъ какъ цѣль; убійство какъ средство».

тельства, отвѣтственности помѣшанныхъ и обращенія съ ними. Авторъ изучаетъ роль различныхъ факторовъ въ генезисѣ помѣшательства и послѣдовательно изслѣдуетъ вліяніе соціальныхъ, біологическихъ, физіологическихъ, нравственныхъ и физическихъ условій. Глава объ отвѣтственности помѣшанныхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ заключеніе авторъ указываетъ на ту роль, которую играетъ бракъ, нужда, отравленія и инфекціонныя болѣзни въ происхожденіи и распространеніи помѣшательства, книга интересна не только для однихъ спеціалистовъ и изъ нея можно извлечь чрезвычайно много полезныхъ и практическихъ указаній.

(Revue Scientifique).

«Constantinople» by F. Marion Crawford. Illustrated by Edward L. Weeks (Macmillian and C°). (Константинополь). Нельзя не признать своевременнымъ появленіе этого очерка въ данную минуту, когда глаза всей Европы обращены на востокъ. Авторъ, очевидно, прекрасно изучилъ столицу Турціи и ея обитателей и хорошо знакомъ съ Востокомъ и исторіей страны. Прочтя эту книгу, написанную прекраснымъ литературнымъ, и мѣстами даже поэтическимъ, языкомъ, читатель получитъ очень полное понятіе объ этомъ интересномъ городѣ, представляющемъ удивительную смѣсь Востока и Запада, современной цивилизаціи и сѣдой восточной старины. Авторъ не касается турецкой правительственной системы, но очень хвалитъ турокъ въ частной жизни, ихъ честность, воздержность и чистоплотность. Турецкое основное населеніе города представляетъ, по его словамъ, пріятный контрастъ въ этомъ отношеніи съ пришлымъ христіанскимъ населеніемъ, большинство котораго составляютъ поддонки европейскаго общества. Иллюстраціи, дополняющія текстъ, исполнены превосходно и еще увеличиваютъ интересъ книги.

(Athaeneum).

«Almanach de la paix, pour 1896» publié par l'Association de la Paix par le Droit, avec la collaboration de M. M. Albert Sorel, Ferdinand Dreyfus, Fréderic Passy, Elie Ducommun, Charles Gide, Evans, Darby, Patiens. (Plon et Nourit). (Альманахъ мира). Подъ скромнымъ названіемъ Альманаха европейской читающей публикѣ преподносится въ данномъ случаѣ очень интересный сборникъ, проникнутый самыми высокими стремленіями человѣчества. Къ сборнику приложено предисловіе Жюля Симона и Барду и въ немъ заключаются, между прочимъ, заслуживающія вниманія статьи: баронессы Зуттнеръ, Шарля Рише и Альберта Сореля. Альманахъ издается группою молодыхъ людей, принадлежащихъ къ обществу мира, и по цѣнѣ (20 сантимовъ) доступенъ всѣмъ.

(Revue des Revues).

«Emotions» étude psycho-physiologique, par Lange. Traduit de l'allemand par Georges Dumas. (Bibliothèque de Philosophie Contemporaine). Paris. Alcan, 1895. (Эмоціи). Что такое эмоціи съ физіологической точки зрѣнія? Что такое радость, печаль, страхъ? Вотъ вопросы, которые ставитъ себѣ авторъ въ своемъ изслѣдованіи физіологическихъ явленій, сопровождающихъ различныя эмоціи. Онъ стремится указать тѣсную связь, существующую между психическими состояніями и физіологическими явленіями и процессами и подтвердить ихъ взаимное вліяніе, особенно подчеркивая значеніе и роль сосудодвигательныхъ центровъ въ произведеніи эмоціи. Очень интересны заключенія автора, касающіяся проявленія эмоцій у различныхъ расъ и индивидовъ различнаго пола. Возбудимость нервной системы весьма различна у людей; то же самое наблюдается и относительно сосудодвигательныхъ центровъ, которые у однихъ реагируютъ на всякое возбужденіе гораздо сильнѣе, чѣмъ у другихъ. Въ этомъ отношеніи разница между полами и расами особенно замѣтна. По словамъ Ланге, народы, какъ и отдѣльные индивиды, тѣмъ менѣе доступны эмоціямъ, чѣмъ они болѣе цивилизованы. Та же самая разница замѣчается и въ различныхъ классахъ одного и того же поколѣнія: способность самообладанія служитъ самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ воспитанія и является въ значительной степени результатомъ развитія интеллектуальной жизни. Вмѣстѣ съ повышеніемъ цивилизаціи увеличивается и власть человѣка надъ своими рефлексами даже до степени господства надъ рефлексами сосудодвигательной системы, мало поддающейся дѣйствію воли человѣка.

(Revue Scientifique).

«Le Congrès des religions à Chicago en 1893» par M. Bonet Maury (Hachette). (Конгрессъ религій въ Чикаго). Читателямъ извѣстно, что на всемірной выставкѣ въ Чикаго, въ числѣ всевозможныхъ болѣе или менѣе интересныхъ конгрессовъ, былъ организованъ всемірный конгрессъ религій. Идею устройства такого конгресса нельзя не признать въ высшей степени оригинальной, хотя,

быть можетъ, она и не имѣетъ непосредственнаго практическаго значенія. Во всякомъ случаѣ, въ вышеназванной книгѣ, посвященной описанію этого конгресса, читатель найдетъ, конечно, много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній о религіяхъ всего земного шара и, быть можетъ, прочтя ее, придетъ къ весьма любопытнымъ философскимъ выводамъ.

(Journal des Débats).

«*The Old Missionary*» *by sir W. W. Hunter (Henry Frowde).* (*Старый миссіонеръ*). Этотъ небольшой очеркъ, напечатанный раньше въ «Contemporary Review», представляетъ въ высшей степени реальное изображеніе индійской жизни. Главное достоинство этого очерка—живость описанія, такъ что читатель невольно переносится воображеніемъ въ индійскую деревню, гдѣ старый миссіонеръ—лицо, прямо выхваченное изъ жизни, творитъ судъ и разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія, возникающія между ея жителями. Личность миссіонера очерчена превосходно.

(Bookseller).

«*Torch bearers of History*». *By Amelia Hutchinson Stirling. M. A. (Nelson and Sons). (Свѣточи исторіи).* Въ этой книгѣ заключаются очень живо и интересно написанные очерки жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ величайшихъ людей въ исторіи, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до Лютера. Юные читатели могутъ позаимствоваться очень многимъ изъ этой книги, такъ какъ въ ней прекрасно очерчены нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ историческихъ событій. Нѣсколько рисунковъ служатъ хорошимъ дополненіемъ къ тексту.

(Bookseller).

«*Notes in Japan*». *By Alfred Parsons. (Osgood Mactillaine and C°) 1896.* (*Очерки Японіи*). Интересъ къ Японіи еще не остылъ въ Европѣ и на это указываетъ появленіе все новыхъ и новыхъ описаній этой страны. Впрочемъ, несмотря на массу появившихся въ послѣднее время сочиненій о Японіи, страна эта все-таки настолько еще мало извѣстна европейцамъ, что каждый новый путешественникъ по Японіи всегда можетъ найти интересный матеріалъ для сообщенія читателямъ. Авторъ вышеназванной книги доказываетъ это. Его очерки Японіи, написанные очень живо и литературно, вполнѣ заслуживаютъ вниманія читателей. (Daily News).

«*Histoire de la philosophie atomistique*» *par Leopold Mabilleau, ancien membre de l'Ecole française de Rome, professeur de Philosophie à la Facultè des Lettres de Caen; ouvrage couronné par l'Institut (Felix Alcan) Paris.* (*Исторія атомистической философіи*). Это сочиненіе, удостоенное главной преміи Виктора Кузена, заключаетъ въ сжатомъ видѣ, полную исторію эволюціи понятія о матеріи, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Мы всѣ говоримъ теперь объ атомахъ и молекулахъ и никогда намъ не приходитъ въ голову, что понятіе объ атомѣ такъ же старо, какъ міръ. Атомистическая теорія родилась на востокѣ и изъ индусской атомистической философіи родилась греческая и затѣмъ уже арабская. Читатели, интересующіеся исторіей философіи, и ученые найдутъ въ этой книгѣ огромный матеріалъ.

(Journal des Débats).

«*Popular Readings in Science*» *by John Gall and David Robertson (2-nd edition, Constable and C°).* (*Научныя популярныя чтенія*). Появленіе второго изданія этого труда указываетъ, конечно, что онъ отвѣчаетъ своей цѣли. Авторы его, профессора Галль и Робертсонъ, въ цѣломъ рядѣ лекцій, написаннныхъ очень популярно, знакомятъ читателей со всѣми новѣйшими открытіями и успѣхами науки въ разныхъ направленіяхъ.

(Daily News).

«*Pictorial New Zealand*» (*Casxell and C°*). (*Живописная Новая Зеландія*). Въ составленіи этой книги участвовали очень многіе, такъ какъ цѣль ея—дать возможно болѣе полное описаніе не только жизни на этомъ островѣ, его государственнаго устройства, туземнаго и пришлаго населенія и т. д., но и красотъ природы. Поэтому къ книгѣ приложено множество оригинальныхъ рисунковъ, снятыхъ на мѣстѣ, а также историческій очеркъ открытія этого острова и первыхъ попытокъ колонизаціи.

(Daily News).

«*The Growth of the Brain; the Study of the Nervous system in Relation to Education*» *by H. H. Donaldson. Contemporary Science Series* (*Walter Scott*). (*Ростъ мозга; изслѣдованіе отношеній нервной системы къ воспитанію*). Профессоръ Дональдсонъ очень удачно соединилъ въ своей книгѣ популярное изложеніе съ строго научнымъ характеромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о вліяніи воспитанія на развитіе мозга и нервной системы—вопросъ первостепенной важности; поэтому, книга профессора Дональдсона должна обратить на себя особенное вниманіе родителей и воспитателей, такъ какъ она знакомитъ ихъ съ тѣмъ отдѣ-

*

ломъ физіологіи, на который, до сихъ поръ, обращено было слишкомъ мало вниманія въ педагогикѣ. (Bookseller).

«*Stories of North Pole Adventure*» *by Frank Mundell* (*Sunday School Union*). *(Исторія экспедицій къ сѣверному полюсу)*. Арктическія страны обладаютъ особенною привлекательностью для смѣлыхъ путешественниковъ, всегда стремившихся проникнуть какъ можно далѣе къ сѣверу. Описаніе путешествій къ сѣверному полюсу, конечно, должно изобиловать драматическими эпизодами, но авторъ останавливается не только на нихъ, а кромѣ того, старается познакомить читателей съ исторіей арктическихъ экспедицій, въ главныхъ ея чертахъ, начиная отъ самыхъ первыхъ попытокъ проникнуть къ сѣверному полюсу до послѣднихъ полярныхъ путешествій лейтенанта Пири и Джексона. Книга написана очень живо и поэтому должна составить превосходное пріобрѣтеніе для сельскихъ и школьныхъ библіотекъ.

(Bookseller.

«*Hidden Beauties of Nature*» *by Richard Kerr (The Religions Tract Society) London. (Скрытыя красоты природы)*. Авторъ совершенно правъ, говоря, что изученіе природы игнорируется нашимъ воспитаніемъ. Мы проходимъ мимо многихъ красотъ природы, совершенно не замѣчая и не понимая ихъ и точно также не умѣемъ внушить своимъ дѣтямъ любовь и пониманіе природы. Это авторъ считаетъ большимъ пробѣломъ современнаго воспитанія и его книга именно и направлена къ тому, чтобы пополнить, насколько возможно, этотъ пробѣлъ. Просто, но въ то же время увлекательно, авторъ развертываетъ передъ читателемъ картину скрытыхъ красотъ природы и заставляетъ его заинтересоваться тѣмъ, мимо чего онъ проходилъ до сихъ поръ, не останавливая своего вниманія. Къ книгѣ приложены очень недурныя иллюстраціи, дополняющія текстъ.

(Literary World).

«*Les Merveilles de la Flore primitive*». *Par A. Froment* (*Georg and C⁰*). *Genève. (Чудеса первобытной флоры)*. Чрезвычайно интересная книга, авторъ которой доказываетъ метеоритное происхожденіе Австраліи. Очень живописно изображена авторомъ жизнь земли въ отдаленнѣйшія эпохи, когда вся растительность земного шара состояла, главнымъ образомъ, лишь изъ пальмъ и папоротниковъ. (Literary World).

«*Sir John Franklin and the Romance of the North West Passage*». *By G. Barnett Smith* (*S. W. Partridge and C⁰*). *(Сэръ Джонъ Франклинъ и исторія сѣверозападнаго прохода)*. Въ этой маленькой, прекрасно изданной книгѣ авторъ разсказываетъ исторію героя, имя котораго дорого сердцу каждаго англійскаго читателя. Прекрасныя иллюстраціи увеличиваютъ интересъ книги, представляющей очень занимательное чтеніе, особенно для юныхъ читателей.

(Literary World).

«*Arnold Toynbu: A Reminiscense*» *by Alfred Milner. (Edward Arnold). (Арнольдъ Тойнби; воспоминаніе)*. Маленькая брошюрка, прекрасно обрисовывающая жизнь и характеръ извѣстнаго англійскаго общественнаго дѣятеля. Авторъ брошюры лично зналъ Тойнби и находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ въ Оксфордѣ.

(Literary World).

«*The World's Great Explorers and Explorations*» *editid by H. J. Mackinder, M. A. and E. G. Ravenstein. (Великіе изслѣдователи и путешественники)*. Эта серія изданій, выходящихъ отдѣльными небольшими книжками, заключаетъ въ себѣ исторію великихъ открытій и путешествій. Въ вышедшихъ уже книжкахъ помѣщены, между прочимъ: исторія Палестины; жизнь и путешествія Джона Дэвиса, изслѣдователя арктическихъ странъ и мореплавателя; исторія Магеллана и перваго кругосвѣтнаго путешествія; жизнь и путешествія Ливингстона и т. д. Книги эти можно рекомендовать какъ въ высшей степени полезное и занимательное чтеніе для юношества, (Literary World).

«*Natural History in anecdote*» *Illustrating the Nature, Habits, Manners and Customs of animals, Birds, Fishes etc. by Alfred Miles. New-York. (Естественная исторія въ анекдотахъ)*. Превосходное изданіе со множествомъ иллюстрацій, знакомящее читателей съ жизнью, нравами и особенностями различныхъ представителей царства животныхъ. Читатель, мало знакомый съ естественными науками, незамѣтно для себя пріобрѣтаетъ много полезныхъ свѣдѣній изъ зоологіи и заинтересовывается міромъ животныхъ. (Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го ноября по 15-е декабря.

А. Марковъ. *Сборникъ стихотвореній и оригинальныхъ рисунковъ.* Спб. 1895 г. Ц. 5 р.

Ф. Нефедовъ. *Святочные разсказы.* Изданіе тов. С. И. Д. Сытина. Москва. 1896 г. Ц. 75 к.

Капитанъ Майнъ-Ридъ. *Дочери Скваттера.* Приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

— *Пропавшая сестра.* Приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

А. Заринъ. *Повѣсти и разсказы.* Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

В. Свѣтловъ. *Семья или сцена.* Ром. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ медицины В. А. Молчановъ. *Краткій курсъ гигіены.* Пособіе для учащихся. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

А. Л. Волынскій. *Русскіе критико-литературные очерки.* Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. К. Ланге. *Художественное воспитаніе въ дѣтской.*

Ф. Кейръ. *Воображеніе и память.* Изданіе редакція журнала «Образованіе». Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

А. Лаландъ. *Этюды по философіи наукъ.* Перев. съ франц. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Ц. 75 к.

М. Базилевскій. *Іосифъ-Соломонъ Дельмедиго изъ Кандьи. Наша старина.* Изданіе Я. Х. Шермана. Одесса. 1895 г. Ц. 15 к.

А. И. Волкова. *Призрѣніе покинутыхъ дѣтей.* Москва. 1894 г. Ц. 30 к.

А. Верещагинъ. *У болгаръ и заграницей.* Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

А. Мюллеръ. *Исторія ислама* съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣм. подъ редакц. прив.-доц. Н. А. Мѣдникова. Тома III и IV. Изданіе Пантелеева. Спб. 1896 г.

Т. Хиггинсонъ. *Здравый смыслъ и женскій вопросъ.* Перев. и изданіе Р. Л. Муратова. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.

Е. Страннолюбскій. *Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ.* Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

В. Ладыженскій. *Объ училищахъ Пензенскаго уѣзднаго земства.* Докладъ XXXI очередн. земскому собранію. Пенза. 1895 г.

Л. Фигье. *Исторія чудеснаго въ новѣйшее время.* Перев. съ третьяго изданія М. Гогуяцова. Приложеніе къ журналу «Природа и Люди». Спб. 1895 г.

Н. Бѣлозерскій. *Василій Трофимовичъ Нарѣжный.* Историко-литературный очеркъ. 2-е изданіе Л. Ф. Пантелеева. Спб. 1896 г.

П. Кампфмейеръ. *Кустарная промышленность въ Германіи.* Перев. съ нѣм. Г. Гербера подъ редакціей Л. С. Зака. Приложеніе: *Кустарная промышленность въ Россіи. С. Сергѣева.* Изд. А. С. Павловскаго. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.

М. Шиппель. *Техническій прогрессъ въ современной промышленности.* Изданіе А. С. Павловскаго. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. *Языкъ и искусство.* Изданіе І. Юрковскаго. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

В. Рудневъ и Р. Мюльманъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для средне-учебныхъ заведеній. Изданіе И. С. Трескина. Рига. 1895 г. Ц. 25 к.

Рудольфъ фонъ-Іерингъ. *Борьба за право.* Изданіе Юровскаго. Спб. 1895 года. Ц. 25 к.

Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году. Съ предисловіемъ проф. Л. А. Камаровскаго. Рѣчь Гладстона, статьи Ролленъ-Жакмена, Мак-Коля, Грина. Диллона, Діева и др. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія. Изданіе Комитета педагогич. музея военно-учебн. заведеній. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ. Рѣчь, произнесенная проф. Демме. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Русскій хирургическій архивъ. Подъ ред. И. А. Веліаминова, вып. III. 1895 г. Спб.

В. А. Богородицкій. *Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ.* Варшава. 1895 г. Выпуски I и II.

Очерки по языновѣдѣнію. *Важнѣйшія данныя грамматики романскихъ языковъ. Н. В. Крушевскаго.* Казань. 1894 г.

Антропофоника. *Н. В. Крушевскаго.* Ц. 75 коп.

Е. С. Филимоновъ. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Вып. I. Пермь. 1895 г. — Выпускъ II. Краткій историческій очеркъ малорусскаго землевладѣнія. Замѣтка о византійскомъ землевладѣніи X—XIII столѣтія. Пермь. 1895 г.

Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1894—1895 г.

Открыта подписка на 1896 годъ на

ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

(Годъ изданія XI).

Въ 1895 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: «Хозяинъ и работникъ». Пов. гр. Л. Н. Толстого.—«Избирательная реформа въ Бельгіи». В. Спасовича.—«Съ убійцей». Пов. П. Боборыкина.—«Переписка Мопассана съ Башкирцевой».—«Отверженный». Ром. Д. Мережковскаго.—«Николай Николаевичъ Ге», біограф. очеркъ В. Стасова.—«Женская жизнь». Пов. М. Крестовской.—«О значеніи войны для современнаго общества». Проф. Л. Камаровскаго.—«Холера». Разск. Кота-Мурлыки.—«О синдикатахъ». Проф. А. Исаева.—«Законныя жены». Пов. О. Шапиръ.—«Нѣтъ бѣдности въ Россіи». П. Кузнецова.—«Не по правдѣ». Пов. В. Дмитріевой.—«Судъ присяжныхъ», «Объединеніе суда и судебный языкъ». М. Стиваля.—«Тургеневъ и Толстой». Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго.—«Старый и новый ламаркизмъ». Проф. Н. Холодковскаго.—«Исповѣдь». Анни Безантъ.—«Обыватель, рубль и блаженство» П. Кузнецова.—«На родинѣ Христа». Б. Корженевскаго.—«Разлука». Разск. Л. Гуревичъ.—«Судьба Ислама». Проф. А. Трачевскаго.—«Рѣпинъ и Ге». А. Волынскаго —«Миссъ Май». Разск. З. Гиппіусъ.—«По поводу выставки объ искусствѣ». М. Антокольскаго.—«Сельско-хозяйственный совѣтъ». М. Стиваля.—«Гергардъ Гауптманъ». Проф. Л. Шепелевича.—«Замѣтки нервнаго человѣка». Л. Полонскаго.—«Наши земельныя дѣла». П. Кузнецова.—«Эволюціонная идея въ ея естественно-историческомъ развитіи». Проф. В. Шимкевича.—«Переселенческое дѣло съ 80-хъ годовъ». Проф. А. Исаева.—«Тяжелые сны». Ром. Ѳ. Сологуба.—«Земскія дѣла». М. Петрова.—«Наяда». Разск. А. Чермнаго.—«Положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ».—«Памяти Ядринцева». Проф. А. Исаева.—«За границей». Воспоминанія А. Верещагина.—«По поводу модныхъ разговоровъ». П. Кузнецова.—«Основныя начала судебныхъ уставовъ». В. Устинова.—«Quo Vadis». Истор. ром. Генриха Сенкевича.—«Англійское вліяніе въ Россіи». П. Боборыкина.—«Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ». Н. Арефьева.—«Расколъ въ радикальной журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ и Д И. Писаревъ». А. Волынскаго.—«Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества». М. Урсина.—«Пересмотръ городового положенія». П. Кузнецова.—Вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи». Проф. Л. Камаровскаго.—«Кистяковскій, какъ криминалистъ». Проф. И. Фойницкаго.—«Прозрѣла». Пов. П. Боборыкина.—«Романистъ-моралистъ». Проф. Л. Шепелевича.—«Записки А. О. Смирновой». (Смерть Пушкина.—Лермонтовъ.—Листъ.—Глинка.—Живописецъ Ивановъ и пр.).—«Стихи»: Н. Минскаго, К. Фофанова, Д. Мережковскаго, О. Чюминой и др

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЕ ОТДѢЛЫ ВЪ ЖУРНАЛѢ:

1) «Областной и земскій отдѣлъ» (статьи и замѣтки разныхъ лицъ по вопросамъ областной, земской и городской жизни). 2) «Провинціальная печать». Л. Прозорова. 3) «Внутреннее обозрѣніе». 4) «Корреспонденціи изъ заграницы». 5) «Театръ». 6) «Изъ жизни и литературы». 7) «Критика и библіографія» 8) На западѣ». *** 9) «Литературныя замѣтки». А. Волынскаго.

ЦѢНА:	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою. . . .	13 » 50 »	7 » — »	3 » 50 »
За границей	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны. Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

Новые годовые подписчики «Сѣвернаго Вѣстника» на 1896 г. получатъ вмѣстѣ съ № 1 журнала за 1896 г. первый томъ ром. Генриха Сенкевича «Quo vadis» (все напечатанное въ журналѣ въ №№ 5—12 за 1895 г). въ видѣ безплатнаго приложенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ: Спб., Троицкая, 9; въ Московскомъ Отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; въ Спб., въ книжн. маг. Фену; въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской; во всѣхъ книжн. маг. Карбасникова, «Новаго Времени» и др. 3—3.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

Мордовцевъ, В. П. Острогорскій, Н. И. Позняковъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Сергѣй Пронскій, М. И. Пыляевъ, Н. А. Рубакинъ, В. Я. Свѣтловъ, А. М. Скабичевскій, С. А. Сафоновъ, В. А. Тихоновъ, Ѳ. Ѳ. Фидлеръ, Д. В. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, г. Чермный, О. Н. Чюмина, Д. И. Эварницкій, І. І. Ясинскій и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала «ЗВѢЗДА» намъ обѣщали свое сотрудничество извѣстные наши художники: А. А. Аѳанасьевъ, М. А. Беркосъ, М. М. Далькевичъ, В. Л. Казановскій, А. А. Писемскій, Н. С. Матвѣевъ, Н. Н. Каразинъ, проф. А. О. Шарлемань, И. С. Галкинъ, А. А. Карелинъ, С. С. Соломко, Э. К. Соколовскій, А. С. Егорновъ, Е. П. Самокишъ-Судковская, А. А. Чикинъ, В. И. Навозовъ, проф. А. Н. Бенуа, А. Н. Бенуа 2-й, К. К. Первухинъ, С. А. Степановъ, В. П. Овсяниковъ и др.

Въ другихъ отдѣлахъ журнала «ЗВѢЗДА», гдѣ обозрѣніе текущихъ политическихъ и общественныхъ событій въ описаніяхъ, иллюстраціяхъ, рисункахъ, портретахъ займетъ выдающееся мѣсто, примутъ участіе наиболѣе талантливые и извѣстные спеціалисты.

Предстоящія важнѣйшія событія русской жизни:

1) СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ,

2) ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ

будутъ предметомъ особыхъ заботъ новой редакціи журнала «ЗВѢЗДА», съ какою цѣлью уже теперь ею начаты нѣкоторыя подготовительныя работы. Въ Москву и Нижній-Новгородъ ко времени предстоящихъ событій будутъ командированы редакціей спеціальные корреспонденты и художники. Художественнымъ отдѣломъ журнала «ЗВѢЗДА» завѣдываетъ художникъ *В. П. Овсяниковъ.*

Въ 1896 году редакція журнала «ЗВѢЗДА» дастъ своимъ читателямъ:

52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№**, каждый номеръ въ 24 страницы журнальнаго формата **съ роскошными иллюстраціями.**

12 **КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО литературнаго журнала.** Каждая книга не менѣе **десяти** печатныхъ листовъ.

12 **№№ МОДНАГО ЖУРНАЛА.** Въ годъ до 500 рисунковъ съ приложеніемъ **двѣнадцати** листовъ выкроекъ, узоровъ и календаря на 1896 г.

Въ двѣнадцати книгахъ ежемѣсячнаго литературнаго журнала будутъ помѣщены: 1) **пять новѣйшихъ**, еще непоявляющихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, произведеній лучшихъ современныхъ русскихъ беллетристовъ, съ ихъ портретами и факсимиле: *К. С. Баранцевича, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Я. Свѣтлова, И. Н. Потапенка* и *В. О. Михневича*; 2) **пять произведеній знаменитѣйшихъ** европейскихъ писателей: *Виктора Гюго, Георга Эберса, Вернера, Киплинга* и *Бульверъ-Литтона*; 3) собраніе новѣйшихъ произведеній скандинавскихъ писателей: *А. Стриндберга, Э. Альгрена, Л. Диллинга, Эдгарда Лефлера, Бьернстгернъ-Бьерксона, А. Килланда* и *Сигурда*; 4) собраніе **послѣднихъ произведеній гр. Льва Толстого.** Каждая книга журнала будетъ заключать въ себѣ одно вполнѣ законченное произведеніе какого-либо изъ названныхъ авторовъ, за исключеніемъ двухъ книгъ, въ которыхъ будутъ напечатаны: въ одной—собраніе произведеній скандинавскихъ писателей, а въ другой—послѣднія произведенія гр. Толстого

Подписная цѣна на журналъ со всѣми приложеніями: **5** руб. без доставки и **6** руб. съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи. Заграницу **10** руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля—2 руб. и къ 1-му іюля остальные. Для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ казначеевъ и управляющихъ.

Редакція и контора журнала «ЗВѢЗДА» помѣщаются: Караванная ул., д. № 18.

Издатель *А. И. Павловъ.* Редакторъ *П. В. Голяховскій.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

СПРАВОКЪ И ОБЪЯВЛЕНІЙ

въ 1896 году.

Съ переходомъ во второй половинѣ 1895 года къ новому издателю и перемѣной состава редакціи «Нижегородскій Листокъ» выходитъ въ значительно измѣненномъ и преобразованномъ видѣ, въ большомъ форматѣ, ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Новая редакція ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Во время предстоящей въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году всероссійской выставки редакціею будетъ обращено особенное вниманіе на описаніе выставки и на хронику выставочной жизни.

Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» принимаютъ участіе: **Н. П. Ашешовъ, Н. Волжинъ** (псевдонимъ), **Е. Ф. Волкова, С. Ф. Волковъ, В. И. Вѣринъ** (псевдонимъ), **Н. Гаринъ** (**Н. Г. Михайловскій**), **А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, Николинъ** (псевдонимъ), **М. А. Плотниковъ, О. Д. Протопоповъ, В. А. Фидлеръ** и мн. др.

Подписная цѣна на 1896 г. ПОВЫШЕНА.

	12 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ. . .	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 70 к
» иногородныхъ » . . .	7 »	3 » 50 »	2 » — »	1 » — ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) **Въ Нижнемъ-Новгородѣ**, въ главной конторѣ «Нижегородскаго Листка», Большая Покровка, домъ Приспѣшникова.

2) **Въ Москвѣ и Петербургѣ**—въ конторахъ объявленій Тор. Дома Л. и Э. Метцль и Ко

Редакторъ **Г. Н. Казачковъ.** 2—3 Издатель **С. Н. Казачковъ.**

1896. XII годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1896. XII годъ.**

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

годъ 9 р., 1/2 года 4 р. 50 к., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.

Подписка принимается въ Томскѣ. въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и заграницы для «Сибирскаго Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метцль и Ко въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова и въ Петербургѣ: Б. Морская, № 11.

3—3

все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла.—Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. Судебная хроника.—Библіографія.—Театръ и музыка, отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.—Ежедневное обозрѣніе текущей и международной жизни.—Наука, литература и искусство.—Сельское хозяйство.—Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе.—Фельетоны и беллетристика. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и общедоступныя статьи научнаго содержанія, составленныя спеціалистами. Тиражи выигрышей, спр. отдѣлъ. объявленія и проч.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, И. И. Бабушкинъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. И. Бородинъ, проф. Буддэ. проф. А. В. Васильевъ. С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави. В. А, Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Б. В. Добрышинъ, П. Добротворскій. С. Я Елпатьевскій, П. В. Засодимскій. А. П. Ивановъ, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Караскевичъ, Корнгольдъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, проф. Н. А. Миславскій, А. Д. Мысовская. В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. И. Онгирскій (Б. Ленскій), Островская, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. С. Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, Н. Г. Шебуевъ, проф А. Е. Штукенбергъ, Е. К. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ, и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой:	Для городскихъ подписчиковъ: безъ доставки:	Для иногородныхъ подпис.:
На годъ. . . . 7 р.	На годъ. . . . 6 р. 25 к.	На годъ . . . 9 р.
— полгода. . . 4 р.	— полгода . . 3 р. 25 к.	— полгода . . 5 р.
— 3 мѣсяца. . 2 р. 25 к.	— 3 мѣсяца. . 1 р. 75 к.	— 3 мѣсяца. . 2 р. 75 к.
— 1 мѣсяцъ. . — р. 75 к.	— 1 сѣсяцъ. . — р. 60 к.	— 1 мѣсяцъ. . 1 р.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 руб., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля р., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1896 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1896 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ **ВОЛЖ. ВѢСТНИКА** на Покровской ул., д. Пермяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ) и К. П. Алексѣева (Гостинный дворъ), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція **Волжскаго Вѣстника.**

Редакторъ **Н. В. Рейнгардтъ.** Издательница **Л. П. Рейнгардтъ.**

2—3

